

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2024 – № 2 (37)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2024

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhskii philological bulletin : научный журнал.
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. № 2 (37). 271 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2024-2-37. EDN AJHOYS
2024, № 2 (37). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **А. А. Федотова**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Т. А. Александрова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Деметьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, ректор, Ярославский государственный театральный институт имени Фирса Шишигина; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафранджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривонос**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леднев**, доктор филологических наук, декан филологического факультета совместного университета МГУ-ИПИ в Шэньчжэне (КНР); **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленикова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский язык, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2024

© Авторы статей, 2024

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2024. № 2 (37). 271 pages.
ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2024-2-37. EDN AJHOYS
2024, № 2 (37). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **A. A. Fedotova**, doctor of philological sciences, associate professor of the department of russian literature of the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova**, Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, rector of Firs Shishigin Yaroslavl state theater institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zazorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, dean of the faculty of philology of the Joint university of Moscow state university-PPI in Shenzhen (China); **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglicistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu**, doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration number:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2024

© Authors of the articles, 2024

*«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»*

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

- Шаврыгин С. М.** Структура сюжетного сценария «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина
в аспекте художественной картины мира _____ 8
- Марков А. В.** Киноэкфрасис С. Стратановского в свете поэтики монолога _____ 16
- Иванов Н. Н.** Голгофские мотивы в русском неореализме _____ 25
- Кихней Л. Г., Сысоева О. А.** Жанр святочного рассказа в малой прозе
А. Варламова и О. Павлова _____ 34
- Федотова А. А.** Преодоление советского: диалог Ветхого и Нового Заветов в поэме
И. А. Бродского «Исаак и Авраам» _____ 42

Медиакоммуникации и журналистика

- Колобова С. В., Малыгина Л. Е.** Трансформация жанра устного рассказа военного
корреспондента в современном медиадискурсе _____ 50
- Прохорова С. Н.** Методика комплексного анализа поликодового текста аудиовизуальной
рекламы на основе мультимодальной транскрипции _____ 60
- Ухова Л. В., Аниськина Н. В.** Исследование современного информационного пространства:
поиск эффективных моделей взаимодействия ученых и практиков _____ 68

Русский язык

- Беглова Е. И.** Лексические средства создания образа коня как символа детства и крестьянского
труда в повести В. П. Астафьева «Последний поклон» _____ 75
- Герасименко Н. А., Федорова Ю. А.** Прилагательное в составе сказуемого
инфинитивно-субстантивных предложений в печатных СМИ _____ 85
- Разумов Р. В.** Названия торговых центров: между урбанонимами и рекламными именами _____ 94
- Фархутдинова Ф. Ф., Киеу Ань Ву** Наименования оружия в цикле рассказов И. А. Бунина
«Тёмные аллеи»: состав, семантика, функции _____ 103
- Юссеф Шорук** Типология поэтических фразеологизмов в повести И. С. Тургенева
«Первая любовь» _____ 115
- Дун Хаомин** Типы и функции глаголов жестовой семантики в русской фразеологии _____ 123
-

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Гогичев Ч. Г.** Соотношение констант и переменных в ходе когнитивной обработки информации _____ 131
- Крюкова И. В.** Прецедентные имена с определителями-местоимениями как средство эмоциональной оценки _____ 149
- Золотухин Д. С.** Эпистемологические и филологические особенности рукописи Ф. де Соссюра «О двойственной сущности языкового феномена» _____ 157
- Купцов А. Е.** Прагматическая специфика дискурсивных маркеров со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе _____ 169
- Пугачевская И. А.** Динамика развития наименований представителей из других государств (на материале юридических документов XI–XXI вв.) _____ 176

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

- Томберг О. В., Ананьина М. А.** Когнитивно-стилистические аспекты изучения аллюзивных антропонимов (на материале романа Д. Тартт «Тайная история») _____ 185
- Кандрашкина О. О., Писарева А. Г.** Лингвостилистические особенности англоязычного спортивного интернет-дискурса (на материале репортажей по регби) _____ 199
- Шляхтина Е. В.** Политкорректная цензура в детской художественной литературе на английском языке _____ 213

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

- Скуратов И. В., Епифанцева Н. Г.** Французские неологизмы-феминитивы как результат переосмысления в современном французском языке в сопоставлении с русским языком _____ 220
- Шулятева Э. В.** Языковая политика современной Испании в фокусе общественного мнения _____ 228

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

- Злотникова Т. С.** Пушкинское начало в актуальном культурологическом дискурсе _____ 236
- Хлыщева Е. В., Соколюк Л. С.** Наследие классического музыкального театра в парадигме современной культуры _____ 245
- Хренов Н. А.** Критик как наставник: из опыта отечественной кинокритики _____ 253
- Ефанов А. А., Фукс Д. А.** Основания значимости традиционной литературной нормы в детерминантах цифровой трансформации современной речевой культуры _____ 263
- Правила приёма редакцией научного журнала рукописи статьи к рассмотрению о публикации_ 270

«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

- Shavrygin S. M.* The structure of the plot in A. S. Pushkin's The Tale of the Fisherman and the Fish in terms of the artistic picture of the world _____ 8
- Markov A. V. S.* Stratanovsky's fim ekphrasis in terms of the monologue poetics _____ 16
- Ivanov N. N.* Golgotha motifs in russian neorealism _____ 25
- Kikhnei L. G., Sysoeva O. A.* The Christmas story genre in A. Varlamov's and O. Pavlov's short prose ____ 34
- Fedotova A. A.* Overcoming the soviet: the dialog between the Old and New Testaments in J. Brodsky's poem Isaac and Abraham _____ 42

Media communications and journalism

- Kolobova S. V., Malygina L. E.* Transformation of the oral narrative genre in modern media discourse of war correspondents _____ 50
- Prokhorova S. N.* The methodology of polycode text complex analysis in audiovisual advertising on the basis of multimodal transcription _____ 60
- Ukhova L. V., Aniskina N. V.* Research of modern information space: search for effective models of interaction between scientists and practitioners _____ 68

Russian language

- Beglova E. I.* Lexical means of creating the image of the horse as a symbol of childhood and peasant labor in V. P. Astafiev's story The Last Bow _____ 75
- Gerasimenko N. A., Fedorova Y. A.* Adjective as part of the predicate in infinitive-substantive sentences in printed media _____ 85
- Razumov R. V.* Names of shopping centers: between urbanonyms and advertising names _____ 94
- Farhutdinova F. F., Kieu An Vu* Names of weapons in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues: structure, semantics, functions _____ 103
- Yussef Shoruk* Typology of poetic phraseology in I. S. Turgenev's story First Love _____ 115
- Dong Haoming* Types and functions of gesture semantics verbs in russian phraseology _____ 123

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

- Gogichev Ch. G.** Correlation between constants and variables in the course of cognitive information processing _____ 131
- Kryukova I. V.** Precedent names with pronoun determiners as a means of emotional evaluation _____ 149
- Zolotukhin D. S.** Epistemological and philological aspects of F. de Saussure's manuscript The Double Essence of Language _____ 157
- Kuptsov A. E.** Pragmatic specificity of discursive markers with the meaning of a surprised question in english and spanish literary discourse _____ 169
- Pugachevskaya I. A.** Dynamics of foreign representatives' names evolution (based on the XI–XXI centuries legal documents) _____ 176

Languages of foreign countries (germanic languages)

- Tomberg O. V., Ananyina M. A.** Cognitive and stylistic aspects of studying allusive anthroponyms (the case of D. Tartt's novel The Secret History) _____ 185
- Kandrashkina O. O., Pisareva A. G.** Linguistic and stylistic specificity of sports Internet discourse in english (based on rugby reports) _____ 199
- Shlyakhtina E. V.** Politically correct censorship of children's fiction in the english language _____ 213

Languages of foreign countries (romance languages)

- Skuratov I. V., Epifantseva N. G.** French neologisms-feminitives as a result of reinterpretation in modern french in comparison with the russian language _____ 220
- Shulyateva E. V.** Modern spanish language policy in the focus of public opinion _____ 228

**THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS
(CULTUROLOGY, ART HISTORY)**

- Zlotnikova T. S.** Pushkin's influence on the contemporary culturological discourse _____ 236
- Khlyshcheva E. V., Sokolyuk L. S.** The legacy of classical musical theater in the modern culture paradigm _____ 245
- Khrenov N. A.** Critic as a mentor: from the russian film criticism experience _____ 253
- Efanov A. A., Fuks D. A.** Reasons for the significance of traditional literary norms in determinants of modern speech culture digital transformation _____ 263

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82.3: 82.93: 82.0

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-8

EDN: DEEDNG

Структура сюжетного сценария «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина в аспекте художественной картины мира

Сергей Михайлович Шаврыгин

Доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Московский финансово-промышленный университет «Синергия». 129090, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14
svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Аннотация. В статье рассматриваются источники и структура сюжета «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, его функция в формировании художественной картины мира произведения. Структура сюжета анализируется с точки зрения лингвокогнитивного и семиозстетического подхода, выявляются основные фреймы и сцены, архитектура текстового когнитивного сценария и предлагается его интерпретация в плане выявления концептологических смыслов. В. Г. Белинский первым придал значение качествам сюжетного построения сказки. Эти качества явились свидетельством новаторства поэта, переосмысления принципов фольклорной нарративности, поиска совершенно новых законов повествовательной структуры, нового понимания референтного события, осмысленного как сюжетно-фабульное развертывание художественной концепции произведения. Сюжетная матрица связана с семантикой «выкупа», в рамках которой формируются взаимоотношения трех основных персонажей сказки. В рамках этой семантики формируется структура сюжетного сценария, начиная с исходной ситуации (зачина), и далее в сюжетных сценах, логика чередования которых создается по законам рекурсивного (кумулятивного) скрипта, раскрываются взаимоотношения актантов и семантическое развертывание основного концепта. Простой и универсальный рекурсивный принцип построения фабулы позволяет в психологическом и этическом ключе наглядно показать коренные и вечные проблемы человеческого поведения и отношения к окружающему. Пушкину важно абсолютно разделить персонажей, выявить их противоположный нравственный статус, благодаря чему нарастающий драматизм приводит к финальной «катастрофе». Троекратное повторение основного события репрезентирует переход онтологических границ, за последним из них должно последовать inferнальное событие полной перестройки мироздания, целостность которого оберегают сверхъестественные силы, что превращает сказку в нравственно-философскую притчу.

Ключевые слова: жанр; сюжет; фабула; фрейм; скрипт; когнитивный сценарий; рекурсивность; нарратив; А. С. Пушкин; литературная сказка

Для цитирования: Шаврыгин С. М. Структура сюжетного сценария «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина в аспекте художественной картины мира // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 8–15. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-8>. <https://elibrary.ru/DEEDNG>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

The structure of the plot in A. S. Pushkin's The Tale of the Fisherman and the Fish in terms of the artistic picture of the world

Sergey M. Shavrygin

Doctor of philological sciences, professor at the department of philology, Moscow financial and industrial university Synergy. 129090, Moscow, Meshchanskaya str, 9/14
svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

© Шаврыгин С. М., 2024

Abstract. The article investigates the sources and structure of the plot in A. S. Pushkin's *The Tale of the Fisherman and the Fish*, its function in shaping the poetic world of the work. The structure of the story is analyzed from the point of view of the linguistic-cognitive and semiotic-aesthetic approach. The author identifies the main frames and scenes, the architectonics of the textual cognitive scenario and interprets it in order to reveal its conceptual meanings. It was V. G. Belinsky who first emphasized the qualities of the plot structure in the fairy tale. These qualities were evidence of the poet's innovation, reinterpretation of the folklore narrative principles, the search for completely new laws of constructing a narrative, a new understanding of the referential event as developing the literary concept. The plot matrix is connected with the semantics of «ransom», which forms the relationships of the three main characters in the fairy tale. The structure of the narrative is formed within the framework of this semantics, starting from the initial situation (the introduction), and further in the narrative scenes, the sequence of which is created according to the laws of recursive (cumulative) script; the interrelations of actants and the semantic development of the main concept are described. The simple and universal recursive principle of constructing the plot helps to illustrate the fundamental and eternal problems of human behavior and attitude to the world around in terms of psychology and ethics. It is important for Pushkin to separate the characters completely, to reveal their opposing moral status, thanks to which the increasingly growing drama leads to the final «catastrophe». The threefold repetition of the main event represents the transition of ontological boundaries, the last of which must be followed by the infernal event of completely restructuring the universe, whose integrity is protected by supernatural forces, which turns the fairy tale into a moral and philosophical parable.

Key words: genre; plot; story; frame; script; cognitive scenario; recursiveness; narrative; A. S. Pushkin; literary fairy tale

For citation: Shavrygin S. M. The structure of the plot in A. S. Pushkin's *The Tale of the Fisherman and the Fish* in terms of the artistic picture of the world. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):8–15. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-8>. <https://elibrary.ru/DEEDNG>

Введение

Сказки Пушкина построены на основе двух устойчивых, повторяющихся архетипических ситуаций: изгнание истинного героя, его поиски и возвращение (характерна для волшебных сказок с чудесными мотивами) и использование другого человека либо волшебного существа в корыстных целях для эксплуатации его физических и духовных сил (характерна для новеллистических и некоторых волшебных сказок из группы «Чудесный помощник»). Вторая ситуация определяет «Сказку о попе и работнике его Балде» (1830) и «Сказку о рыбаке и рыбке» (1833). Последняя примыкает к предыдущей по характеру своих источников. Если литературный сюжет о попе и работнике Балде близок к народным сказочным новеллистическим историям об одураченном черте, о хозяине и работнике, то в фабуле пушкинской сказки о рыбаке и рыбке используются мотивы как фольклорных волшебных сказок, так и народных анекдотов о супругах, при этом традиция народных новеллистических нарративов является не менее существенной для реализации художественного замысла автора.

Одним из первых «Сказку о рыбаке и рыбке» оценил В. Г. Белинский, придавая особое значение «крайней простоте и естественности рассказа» [Белинский, 1953, т. 2, с. 82], выделяя ее «выражение, рассказ» как воплощение не народного, а индивидуального таланта поэта [Белинский, 1953, т. 2, с. 576]. Критик точно подметил, что

именно Пушкин предложил новаторские «способы введения „чисто” литературных элементов в структуру произведений, обращенных к фольклору» [Березкина, 1995, с. 139]. Белинский выделил едва ли не главное в жанрово-стилистической структуре пушкинского текста – переосмысление принципов фольклорной нарративности, поиски совершенно новых законов повествовательной структуры, новое понимание референтного события, осмысленного как сюжетно-фабульное развертывание художественной концепции произведения. Именно в этом направлении двигалась мысль поэта, о чем свидетельствует история создания произведения. «Под оболочкой фольклорной традиции в пушкинской сказке обнаруживаются законы иной повествовательной структуры. Эти скрытые „отклонения” от фольклорной нормы, постепенно накапливаясь, в конце сказки приводят к сюжетному ходу, в фольклорном изложении совершенно невозможному» [Медриш, 1987, с. 105].

Как обосновал М. К. Азадовский, основываясь на указаниях Н. Сазонова и Н. Ф. Сумцова, в своей сказке Пушкин следует немецкому тексту «О рыбаке и его жене» № 19 из сборника братьев Гримм [Азадовский, 1936, с. 138–139]. Впоследствии это мнение стало общепризнанным [подробнее об этом см.: Макогоненко, 1982, с. 133], так же как и то, что поэт воспроизводит сюжет не вполне точно, уменьшая количество «желаний» своей старухи, тем самым не только убирая «лишние» эпизоды, но и формируя оригинальные

принципы сюжетной динамики и определяя ее функции в формировании индивидуальной художественной картины мира, ее концептуального сценария [см.: Непомнящий, 1983].

Методы исследования

Художественная картина мира как эстетический феномен, являющийся «сферой постигнутых автором сущностей и запечатленных им (интуитивно или осознанно) смыслов» [Хализев, 2004, с. 183–184], проецируется в текстовый материал как внутреннее содержание. Репрезентирующие его когнитивные структуры (концепт, фрейм, сцена, сценарий и др.) «обобщенно можно определить как организованные структуры представления знаний, возникающие в результате схематизации опыта и предопределяющие наше восприятие окружающей действительности» [Маслова, 2014, с. 39]. Такие структуры, как сцена, сценарий, соотносимые с крупными компонентами художественной организации текста (сюжетом, фабулой, сюжетной ситуацией), «осмысливаются в традиционной филологии нарратологией» [Маслова, 2014, с. 39].

Нарративная стратегия всегда указывает на двоякую функцию синтеза «аспектов наррации: референтного (рассказываемого) и коммуникативного (рассказывания)», обращенного одновременно на риторическую картину мира, в рамках которой мыслятся события, и на адресата, от чего зависит модальность общения [Тюпа, 2010, с. 145].

Референтная (сюжетная) наррация подвергается такому процессу, как «эпизодизация событийности бытия, раздробление цельности происшедшего на систему эпизодов» [Тюпа, 2010, с. 144]. Эти эпизоды и представляют собой концептуальные структуры (фреймы, сцены, сценарии), образный, информационный, интерпретативный потенциал которых предопределяет смысловую наполненность текстового мира произведения. «Пушкинская смысловая парадигма образуется не словами, а образами-моделями, имеющими синкретическое словесно-зрительное бытие, противоречивая природа которого подразумевает возможность не просто разных, а дополнительных (в смысле Н. Бора, то есть одинаково адекватно интерпретирующих и, одновременно, взаимоисключающих) прочтений» [Лотман, 1996, с. 116]. Важно иметь в виду такую особенность скрипта сказки Пушкина, как рекурсивность, направленную на когнитивную способность разбирать, анализировать встроены в центр повествования рекурсии, что влияет на скорость и качество интерпретаций сюжета [Feodor Anna, 2002].

Результаты исследования

В русской традиции находятся новеллистические нарративы, с которыми можно сблизить сюжетное развертывание «Сказки о рыбаке и рыбке», например, «555 Коток золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево): исполняет все желания жены бедного старика (хороший дом, важный чин и т. д.); когда она выражает желание стать богородицей (морской царицей), все пропадает и старик вновь возвращается к старой лачуге». Отчасти «507С* Рыба-Счастье: парень ловит рыбу, которая обещает быть его Счастьем», но дальше состав событий отличается от пушкинской фабулы [Сравнительный указатель сюжетов..., 1979, с. 144, 157]. Все эти фольклорные сюжеты относятся к типу волшебных сказок с чудесным помощником. По структуре текста они близки кумулятивным народным анекдотам о супругах, однако принципиальное отличие заключается в том, что супруги волшебных сюжетов, как отмечает большинство исследователей, либо действуют заодно, либо вместе пользуются дарами чудесного помощника. Превращая народный сюжет в литературный, одновременно Пушкин путем небольших изменений приближал фабулу сказки к русской действительности и народному духу. Поэт упростил сюжет, удалив два желания старухи (быть римскою папою и требование божественной власти), удалил указание на то, что рыба – это заколдованный принц, ввел новый мотив «разбитого корыта», а главное для нас – вместо рыбка-камбалы ввел образ золотой рыбки. Именно она стала основным носителем чуда, понятого чисто по-русски, не просто как волшебное, а необъяснимое, но возможное явление. Именно этот образ, наряду с множеством деталей русской бытовой и социальной жизни делает сказку национальной [подробнее об этом см.: Цыганков, 2020, с. 35–46].

Пушкин не только сократил фабулу немецкой сказки, но, главное, он придал ей национальный колорит и противопоставил героев друг другу. Исследователи склонны считать это находкой самого поэта. Однако то же самое мы обнаруживаем в русских народных сказках о жадной старухе [Народные русские сказки А. Н. Афанасьева..., 1957, № 555] и, кроме того, в анекдотических сказках о супругах; в первую очередь в сюжетах «жена-спорщица» и «жена-доказчица» [Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, 1957, № 438, 441]. Сказка Пушкина близка схеме подобных текстов [ср.: Медриш, 1987, с. 97, 102–105], но и отличается от них. В народных сказках сварливая и упрямая жена не дает житья своему смиренному, спокойному, сметливому супругу, говорит и дела-

ет все ему поперек. Муж соглашается с ней до тех пор, пока ему не надоедает поведение супруги, и он придумывает способы укрощения своей жены. Сказка превращается в анекдот и завершается анекдотической концовкой, характер этой концовки может быть различным: мужик либо подшучивает над супругой, либо остроумным способом избавляется от нее. Персонажи народной сказки противопоставлены друг другу, но не абсолютно, сохраняется их сложность и неоднозначность (мужик терпелив, сметлив, покладист, но легко может утопить, заживо похоронить собственную жену). Тематика подобных сказок могла привлечь Пушкина тем, что народное сознание пытается понять причины противоречивости супружеских взаимоотношений. Жанровая природа анекдота такова, что легко синтезируется как с новеллой, так и с притчей. Пушкин, ослабляя анекдотизм мотивов о супругах, усиливает новеллистическое и особенно притчевое начало.

Своей темой социального неравенства, социального угнетения сказка о рыбаке и рыбке словоно продолжает предыдущую сказку о попе и работнике Балде, однако принципы репрезентации темы в этих сказках различны. Социальное неравенство в сказке о попе и работнике Балде дано сразу, как изначальное состояние мира и отношений. В сказке о рыбаке и рыбке оно вырастает постепенное из архаически гармоничного состояния мира, патриархального семейного равенства, и потому акцент переносится на внутреннее содержание взаимоотношений персонажей, их нравственно-психологический подтекст, приобретающий символический смысл.

Замысел Пушкина приводит к скрытой смысловой преобладности двух сказок. Если в первой поэт показывает бытие человека в мире перевернутых нравственно-философских ценностей, то во второй сказке – о рыбаке и рыбке – он стремится понять сам процесс «переворачивания» и его истоки. Основным средством для этого служит сюжет, а точнее сюжетная матрица, связанная с семантикой «выкупа», в рамках которой формируются взаимоотношения трех персонажей (действующих лиц) – золотой рыбки, старика, старухи, – трех актантов – откупающегося, посредника, требующего выкуп. Однако формирование, развитие и трансформация этих отношений изображается автором в соответствии с законами морфологии сказки, то есть после наступления «беды», нарушения запрета, отлучки героя, а в данном случае появления волшебного персонажа, полностью меняющего сложившийся ход вещей.

В зачине (исходной ситуации) сказки «Жил старик со своею старухой // У самого синего моря...» [Пушкин, 1977, с. 338] создается вневременной экзистенциальный образ земной жизни человека, его непреложной судьбы, предназначения пройти природный путь от рождения, супружества до смерти. При этом образ моря и имплицитный образ «неба» в данном случае имеет универсальную семантику, символизирует единство и неделимость Вселенной. Вспомним, что в немецком тексте есть и рыбак со своей женой, и море, и время, но все это «обывовлено», дано в масштабах человеческой жизни. У Пушкина мир сказки предстает совсем другим, свободным от земных деталей, мелочей жизни.

Первая сюжетная сцена – «Они жили в ветхой землянке // Ровно тридцать лет и три года. // Старик ловил неводом рыбу. // Старуха пряла свою пряжу» [Пушкин, 1977, с. 338] – лишена динамики, описывает состояние мира, в основе которого неизменность и гармоничность жизненного уклада. Появляется основной мифологический топос – земля, в контексте образов «моря», «неба», «земли», семантика концепта «ветхая землянка» наполняется многозначностью: землянка, жилище старика и старухи не только «старая, обветшалая, убогая», но и «древняя, вековая, извечная». Номинативные обозначения персонажей (старик, старуха) также имеют сложный смысл: это не только люди, достигшие преклонного возраста, старые, но и мудрые, имеющие большой жизненный опыт, знания [см., например: Бойко, 1979, с. 83; Минералова, 2002, с. 83]. Занятия персонажей также не случайны и символичны. «Ловля рыбы» – это еда, пропитание, кормление человека, исконное архаическое мужское занятие. «Прядение, пряжа» – символ долгой жизни, ее прядения, пуповины, судьбы, это исконно женское дело.

Максимально очищенное от бытовых деталей и подробностей повествование своей лаконичностью и мотивами (синее море, невод, ловля рыбы, чудесный улов) сближается с притчевой образностью (Лк. 5:1–11), подготавливая читателя к восприятию вечных вопросов нравственного бытия.

Зачин и первая сцена сюжета – это проекция изначального патриархально-мифологического, но никак не идиллического [см.: Сапожков, 1991] состояния мира и взаимоотношений героев.

Дальше события начинают динамично меняться, начиная с неожиданной «беды»: «Раз он в море закинул невод, – // Пришел невод с одною тинной» [Пушкин, 1977, с. 338]. Неудача при ловле рыбы – один из устойчивых мифологических мотивов (ветер переворачивает лодку с добычей,

рыбаки трудятся всю ночь, но не могут поймать рыбы). За этим мотивом, как правило, следует какое-то чудо: либо языческий владыка призывает рыбака к ответу и решает, даровать ему бессмертие или нет; либо по слову и просьбе Христа сети рыбаков наполняются рыбой. В пушкинской сказке вслед за неудачей старика появляется главное чудо сказки – золотая рыбка, сказочный персонаж, чудесный помощник. Формируется основная сюжетная ситуация и трехперсонажная система отношений.

По структуре сюжета сказка о рыбаке и рыбке относится к рекурсивным сказкам, а точнее к их разновидности – цепочечным сказкам, сюжет которых предполагает наличие звеньев цепи, когда каждое новое звено, сохраняя структуру и тему, включает в себя новую семантику [см.: Кретов, 1994]. В сюжетной матрице сказки повторяется одна и та же ситуация, при этом не меняется ни состав участников, ни фон.

В первой ситуации сюжетного сценария раскрывается реакция персонажей на появление в неводе чудесной рыбки. Старик удивился, сказал рыбке «ласковое слово», отказался от выкупа, отпустил рыбку «в синее море». Старуха старика забрала, назвала «дурачиной» и «простофилей», велела взять выкуп с рыбки. Появление чудесного персонажа проявляет нравственный статус героев, раскрывающийся в их словах, поведении и отношении к чуду. Отношение старика альтруистично, бескорыстно, самоотверженно. В старухе пробуждаются противоположные качества: эгоизм, жадность, стяжательство, высокомерие.

Пушкину важно было абсолютно разделить своих героев. Простой и универсальный рекурсивный (кумулятивный) принцип построения фабулы позволял в психологическом и этическом ключе наглядно показать коренные и вечные проблемы человеческого поведения и отношения к окружающему.

Нравственные позиции старика и старухи оказываются противоположными, и этот контраст углубляется в динамичной смене событий и движения фабулы. Сюжетная матрица сохраняется структурно, но резко меняется ее социальное, психологическое, эмоциональное и этическое наполнение: от спокойствия к напряженному драматизму и «катастрофе».

В основной части сказки Пушкина, в отличие от зачина и первой сцены, события «оживают», приобретают игровой характер, наполняются кипучим, деятельностным содержанием, психологически подлинными человеческими отношениями,

колоритными деталями житейского быта, семейного и общественного уклада.

Обычно в классических сказках события повторяются три раза, как в начале, когда старик три раза забрасывает невод в море, и только в третий раз ловит золотую рыбку. Основное же звено сюжетной цепочечной ситуации повторяется шесть раз, происходит удвоение трехкратного повторения, и это связано с семантической градацией сцен. В первых двух сценах создается образ «домашнего» мира: старуха просит новое корыто, новую избу, но не выходит за границы крестьянского мира и своего ворчливого, вечно недовольного характера. В третьей и четвертой сценах происходит пересечение социальных границ, старуха переходит в другой мир, из крестьянского в дворянский, становясь сначала столбовой дворянкой, а затем царицей, проявляя уже социальные качества (властность, авторитарность, жестокость). Наконец, в последней сцене старуха намерена перейти ту границу, за которой находится недоступный смертному человеку мир, границу человеческого и сверхчеловеческого. Пушкин, как известно, отбросил образы «римской папы», «бога» из сказки братьев Grimm «О рыбаке и его жене», напрямую намекавшие на притязания старухи к обладанию божественной природой. Поэт создал свой концепт-образ «владычица морская», связанный как с языческими мифологическими (нимфа Фетида, Дева Владычица Озера) [см.: Мифы народов мира..., 1988, с. 561–562], так и с христианскими коннотациями (Звезда моря, Богородица средневековых молитв) [см.: Новикова, 2012]. Пушкину важно было подчеркнуть именно универсальную сверхчеловеческую природу того персонажа, в которого хочет преобразиться старуха. Этот мотив характерен для сказок, начиная со сказки Апулея о девушке (женщине), влюбленной в существо божественного происхождения, которая получает право перейти из человеческого в тот запредельный мир, в котором обитают только олимпийские боги; Юпитер дарует эту награду девушке за те страшные испытания, через которые она прошла ради любви. Старуха же ничем не заслужила чести обладать бессмертием, напротив, все ее желания и поступки ведут не к награде, а к наказанию.

В отличие от народных сказок, в которых звенья цепочечного сюжета отличаются только одним из составляющих компонентов, чаще всего предикатом (поступком, действием), в ситуации пушкинской сказки на каждом этапе реализации сценария меняются все компоненты: и персонажи (старик, старуха, золотая рыбка), и их поступки, и

речи, и, главное, их психологическая и этическая реакция на происходящее.

Старуха сначала все «пуще и пуще» бранится, затем старика ругает, бьет слуг, «за чупрун таскает», отправляет старика на конюшню, бьет супруга, грозно смотрит, велит страже выгнать старика, и стража «топорами чуть не изрубила». Наконец, старуха «бунтует» против всего мироустройства и в последнем пожелании хочет его изменить. Поведение старухи все больше напоминает иррациональные действия человека с нарушенными сознанием, «объевшегося белены», обезумевшего от беспредельной алчности и бесконтрольности.

Старик не перечит желаниям старухи, беспрекословно выполняет ее распоряжения, не говоря ей ни слова. Он общается только с золотой рыбкой, именно ей каждый раз высказывает свое отношение к пожеланиям старухи, дает свою оценку происходящему: «разбранила меня моя старуха», «сварливая баба», «старуха вздурилась», «белены объелась», «насмешешь ты целое царство», «старуха бунтует», «проклятая баба». Старик и рыбка – единственные по-настоящему деятельные персонажи, откровенно оценивающие события и не меняющие по ходу сюжета свое отношение к старухе, персонажу пассивному, потребляющему и присваивающему чудеса, которые дарит золотая рыбка. Скорее всего поэтому сказка носит заглавие «О рыбаке и рыбке», а не о старике и старухе. Однако и в старике против неразумия супруги нарастает протест, который робко, единственный раз он выражает в четвертом, центральном и кульминационном, повторении ситуации, когда старуха требует сделать ее «вольною царицей», хозяйкой последней ступени земной власти: «Что ты баба, белены объелась? // Ни ступить, ни молвить не умеешь, // Насмешешь ты целое царство» [Пушкин, 1977, с. 341]. За этим должно последовать inferнальное событие полного передела мира в пользу того нравственного начала, которое олицетворяет старуха. В общении с золотой рыбкой старик остается прежним: добрым, бескорыстным, вежливым и понимающим все происходящее.

Золотая рыбка, как и море, ее стихия, ее владения, также ярко и наглядно реагируют на события: море становится все грознее, налетает «черная буря», золотая рыбка ничего не отвечает на последнюю просьбу старухи. Символизм этих образов с семантикой откупа «чем только пожелаешь» как благодарности за спасение, а также откупа как испытания ради справедливости охранения существующих границ мироздания.

Финальная сцена сказки Пушкина («Глядь: опять перед ним землянка; / На пороге сидит его старуха, / А пред нею разбитое корыто» [Пушкин, 1977, с. 343]) возвращает к началу, точно его повторяя. Так происходили эти события с персонажами на самом деле или им это только пригрезилось в фантазии? Большинство исследователей анализирует сюжет сказки как действительный, предполагая, что все описанное героиней пережили реально. Однако как могла бы тогда героиня, дошедшая до пределов эгоизма и бунта, вновь стать прежней старухой, безропотно сидящей перед разбитым корытом?

Очень часто эту сказку понимают упрощенно, как простое осуждение человеческой жадности и злобы, иногда сложнее – как резкую социальную сатиру. Подобное понимание затрагивает только внешний пласт содержания сказки, оставляя без внимания коренные вопросы человеческого бытия и сознания, поднятые в произведении. Иногда сказка понимается в экзистенциально-философском аспекте, как стремление Пушкина «воплотить важную для него идею должного, истинного взаимоотношения между людьми» [Цыганков, 2020, с. 36].

В спокойную и размеренную жизнь старика и старухи вдруг вторгается чудо, и героиня неожиданно обнаруживает непредсказуемое и противоположное к нему отношение. Его корень – в сложности и противоречивости самой человеческой природы, которая способна продиктовать человеку и бескорыстный, и предельно корыстный, эгоистический подход к окружающему миру, в котором переплетено и доброе и злое начало.

Весь сюжетный сценарий сказки представляет собой последовательное развитие нравственно-философской мысли поэта о силе заложенного в человеке эгоизма, зла и о бессилии перед ним бескорыстного, самоотверженного отношения к окружающему миру.

Проблема соотношения психологического и социального ставится поэтом на более обобщенном уровне, чем в сказке о попе и работнике Балде. Социальное зло производно от комплекса устойчивых психических особенностей человека, из которых первоначальными в формировании характера как раз и являются доброта и эгоизм, эмпатия и безразличие, общительность или замкнутость. Проблема власти также поставлена Пушкиным не в социальном, а в философском аспекте. Власть способствует проявлению в человеке отрицательного начала, ибо она предполагает всегда подчинение одного другому, стремится безгранично расширять свое влияние. Зло способно расти до определенного предела, положенного

самим мироустройством, пока оно не посягнет на овладение вселенной. Тогда в действие вступают силы высшей справедливости, и зло уничтожается [см.: Макогоненко, 1982, с. 136–141; Неклюдов, 2015, с. 210–211].

Заключение

Сюжетно-композиционная структура сказки стремится к максимальным, наивысшим обобщениям. Психологические, социальные и философские вопросы переплетены и образуют сложное и гармоничное смысловое единство. Человеческое и социальное в характере персонажей не противопоставлены друг другу [см.: Сапожков, 1991, с. 26], а между ними устанавливается сложнейшая взаимообусловленность, ищется взаимосвязь. Психологические, природные качества оказываются корнем и истоком всех индивидуальных и общественных коллизий и противоречий. Пушкин обращает наше внимание на неизведанность и бездонность человеческой души.

В то же время сказка утверждает незыблемость нравственного принципа в человеческой жизни, необходимость осознания нравственных границ, обуздания «темных» сил человеческой природы. Оставаясь по форме фольклорно-языческой, ведь персонажи взаимодействуют с природными мифологическими силами и сущностями, сказка приобретает притчевые, проповеднические черты, выражая страстный призыв к служению во имя высшего нравственного идеала, формируя представление о смысле человеческой жизни.

Библиографический список

1. Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 1. С. 134–163.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : [в 13-ти т.] / [ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1953–1959.
3. Березкина С. В. Сказки Пушкина и современная им литературная критика // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Санкт-Петербург : Наука, 1995. Т. 15. С. 134–142.
4. Бойко К. А. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1976 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 113–120.
5. Кретов А. А. Сказки рекурсивной структуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Т. 1 (Новая серия). Тарту : Кафедра русской литературы Тартуского университета, 1994. С. 204–214.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история / [Предисл. В. В. Иванова]; Тартуск. ун-т. Москва : Языки рус. культуры: Кошелев, 1996. 447 с.
7. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Ленинград : Худож. лит. Ленинградское отд-ние, 1974. 463 с.
8. Маслова Ж. Н. Введение в когнитивную поэтику: учебное пособие / М-во обр. и науки РФ, Балашовский ин-т (филиал) ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского». Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 251 с.
9. Медриш Д. Н. Фольклоризм Пушкина: Вопросы поэтики : учебное пособие по спецкурсу / Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. Волгоград : ВГПИ, 1987. 72 с.
10. Минералова И. Г. Детская литература: Учеб. пособие для студентов вузов. Москва : ВЛАДОС, 2002. 174 с.
11. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х томах / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1987–1988. К–Я. 1988. 719 с.
12. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. Москва : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1957. Т. 3. 1957. 572 с.
13. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время / Российский государственный гуманитарный университет, Центр типологии и семиотики фольклора. Москва : Форум, 2015. 214 с.
14. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: Ст. и заметки о Пушкине. Москва : Сов. писатель, 1983. 367 с.
15. Новикова М. А. «Владычица морская» у А. С. Пушкина: векторы интертекстуальности // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladychitsa-morskaya-u-a-s-pushkina-vektory-intertekstualnosti> (дата обращения: 28.01.2024).
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 4. Поэмы. Сказки / прим. Б. В. Томашевский. Ленинград : «Наука» Ленинградское отд. 1977. 449 с.
17. Сапожков С. Сказки Пушкина как поэтический цикл // Детская литература. 1991. № 3. С. 23–27.
18. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославян. сказка / АН СССР, Отд-ние лит. и яз. Науч. совет по фольклору, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.
19. Тюпа В. И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. Москва : Языки славянской культуры, 2010. 320 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
20. Хализев В. Е. Теория литературы : учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Высш. шк., 2004. 405 с.
21. Цыганков А. С. Философские смыслы сказок Александра Сергеевича Пушкина: гений европейского романтизма : учебное пособие / Государственный академический университет гуманитарных наук. Москва : ГАУГН-Пресс: Образование и наука, 2020. 72 с.

22. Fedor Anna. Linguistic recursion. Learning of recursion in artificial grammars by humans and a neural network. 2002. URL: https://www.academia.edu/2675261/Linguistic_recursion (дата обращения: 28.01.2024).

Reference list

1. Azadovskij M. K. Istochniki skazok Pushkina = The sources of Pushkin's fairy tales// Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii / AN SSSR. In-t literary. Moskva; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1936. Vyp. 1. S. 134–163.

2. Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochinenij : [v 13-ti t.] = Complete collection of works: [in 13 vos.] / [red. kolegija: N. F. Bel'chikov (gl. red.) i dr.]; Akad. nauk SSSR. In-t russoj literatury (Pushkinskij dom). Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953–1959.

3. Berezkina S. V. Skazki Pushkina i sovremennaja im literaturnaja kritika = Pushkin's fairy tales and their contemporary literary criticism // Pushkin: Issledovanija i materialy / RAN. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). Sankt-Peterburg : Nauka, 1995. T. 15. S. 134–142.

4. Bojko K. A. Ob arabskom istochnike motiva o zolotom petushke v skazke Pushkina = On the Arabic source of the golden cockerel motif in Pushkin's fairy tale // Vremennik Pushkinskoj komissii, 1976 / AN SSSR. OLJa. Pushkin. komis. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. S. 113–120.

5. Kretov A. A. Skazki rekursivnoj struktury = Fairy tales of recursive structure // Trudy po russoj i slavjanskoj filologii. Literaturovedenie. T. 1 (Novaja serija). Tartu : Kafedra russoj literatury Tartuskogo universiteta, 1994. S. 204–214.

6. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhij mirov: Chelovek-tekst-semiosfera-istorija Inside thinking worlds: Man-text-semiosphere-history / [Predisl. V. V. Ivanova]; Tartus. un-t. Moskva : Jazyki rus. kul'tury: Koshelev, 1996. 447 s.

7. Makogonenko G. P. Tvorcestvo A. S. Pushkina v 1830-e gody. = A. S. Pushkin's work in 1830s. Leningrad : Hudozh. lit. Leningradskoe otd-nie, 1974. 463 s.

8. Maslova Zh. N. Vvedenie v kognitivnuju pojetiku = Introduction to cognitive poetics : uchebnoe posobie / M-vo obr. i nauki RF, Balashovskij in-t (filial) FGBOU VPO «Sarat. gos. un-t im. N. G. Chernyshevskogo». Tambov : Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2014. 251 s.

9. Medrish D. N. Fol'klorizm Pushkina: Voprosy pojetiki = Pushkin's folklore: Poetics issues : uchebnoe posobie po spekursu / Volgogr. gos. ped. in-t im. A. S. Serafimovicha. Volgograd : VGPI, 1987. 72 s.

10. Mineralova I. G. Detskaja literatura = Children's literature : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moskva : VLADOS, 2002. 174 s.

11. Mify narodov mira = Myths of the word : jenciklopedija: v 2-h tomah / gl. red. S. A. Tokarev. 2-e izd.

Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1987–1988. K–Ja. 1988. 719 s.

12. Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva = A. H. Afanasiev. Folk Russian fairy tales : v 3 t. Moskva : Goslitizdat. [Leningr. otd-nie], 1957. T. 3. 1957. 572 s.

13. Nekljudov S. Ju. Pojetika jepicheskogo povestvovanija: prostranstvo i vremja = Poetics of epic narration: space and time / Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, Centr tipologii i semiotiki fol'klora. Moskva : Forum, 2015. 214 s.

14. Nepomnjashhij V. S. Pojezija i sud'ba: St. i zametki o Pushkine. = Poetry and fate: Articles and notes on Pushkin. Moskva : Sov. pisatel', 1983. 367 s.

15. Novikova M. A. «Vladychica morskaja» u A. S. Pushkina: vektory intertekstual'nosti = A. S. Pushkin's The Lady of the Sea: intertextuality vectors // Mirovaja literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladychitsa-morskaya-u-a-s-pushkina-vektory-intertekstualnosti> (data obrashhenija: 28.01.2024).

16. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10-ti tt. = Complete collection of works: in 10 vols. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom); T. 4. Pojemy. Skazki / prim. B. V. Tomashevskij. Leningrad : «Nauka» Leningradskoe otd. 1977. 449 s.

17. Sapozhkov S. Skazki Pushkina kak pojeticheskij cikl = Pushkin's fairy tales as a poetic cycle // Detskaja literatura. 1991. № 3. S. 23–27.

18. Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov: Vostochnoslavjan. skazka = Comparative plots index: East Slavic tales / AN SSSR, Otd-nie lit. i jaz. Nauch. sovet po fol'kloru, In-t jetnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja; sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. 437 s.

19. Tjupa V. I. Diskursnye formacii: Oчерki po komparativnoj ritorike. = Discourse formations: Essays in comparative rhetoric. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. 320 s. (Kommunikativnye strategii kul'tury).

20. Halizev V. E. Teorija literatury = Theory of literature : uchebnik. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva : Vyssh. shk., 2004. 405 s.

21. Cygankov A. S. Filosofskie smysly skazok Aleksandra Sergeevicha Pushkina: genij evropejskogo romantizma = Philosophic meanings of Alexander Pushkin's fairy tales: the genius of European Romanticism : uchebnoe posobie / Gosudarstvennyj akademicheskij universitet gumanitarnyh nauk. Moskva : GAUGN-Press: Obrazovanie i nauka, 2020. 72 s.

22. Fedor Anna. Linguistic recursion. Learning of recursion in artificial grammars by humans and a neural network. 2002. URL: https://www.academia.edu/2675261/Linguistic_recursion (data obrashhenija: 28.01.2024).

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 25.04.2024; approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-16
EDN: CRERPE

Киноэкфрасис С. Стратановского в свете поэтики монолога

Александр Викторович Марков

Доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет. 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Аннотация. Стихи Сергея Стратановского сразу узнаются по меланхолической саркастичности, сочетанию эпически спокойного изложения с парадоксальным изображением современности. Но речевые стратегии, прежде всего, позиция повествователя в отношении к другим голосам, не всегда ясны, стихи Стратановского производят впечатление многоголосья. На примере редкого для поэта киноэкфрасиса, иронического пересказа фильма М. Антониони «Забриски поинт», показано, как устроены такие повествования у Стратановского. Стихотворение, завершающее цикл из книги «Молотком Некрасова», может интерпретироваться с равным основанием как продолжение работы поэта с монологической речью. В стихах цикла многоголосье подчинено двойственности монолога: монолог пластически подражает герою стихотворения, воспроизводит его речевые техники, стремясь передать парадоксальность его намерений, монолог же реализует себя в качестве нормативного речевого жанра, который отличается прямолинейностью свидетельства и признанием необратимости исторических событий. Герой оказывается в области фортуны или фатума, постоянной реинтерпретации себя, тогда как повествователь как свидетель – в области хроники и неотменимых фиксаций уже произошедшего. Ни описываемая позиция героя, ни производимая в стихотворении позиция свидетеля не исчерпывают позиции самого стихотворения, но позволяют упорядочить многоголосье и обогатить стихи новыми стратегиями изображения истории XX века, в том числе, имитацией мгновенных фотоснимков, фотомонтажа, газетного репортажа. Все эти стратегии достигают апофеоза в финальном стихотворении, в котором необычная для Стратановского густая метафоричность шифрует кинематографическую поэтику Антониони. Основным сюжетом оказывается не противостояние героя и системы, но превращение героя в киногероя, в невольного подражателя экранных персонажей. Это и позволяет поэту объяснить мир героя, не сводя содержание фильма к отдельным запоминающимся кадрам.

Ключевые слова: Стратановский; Антониони; поэзия и кинематограф; монолог; экфрасис; свидетельство; современная русская поэзия

Для цитирования: Марков А. В. Киноэкфрасис С. Стратановского в свете поэтики монолога // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 16–24. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-16>. <https://elibrary.ru/CRERPE>

Original article

S. Stratanovsky's film ekphrasis in terms of the monologue poetics

Alexander V. Markov

Doctor of philological sciences, professor at the department of cinema and contemporary art, Russian state university for the humanities. 125047, Moscow, Miuskaya sq., 6
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Abstract. Sergei Stratanovsky's poems are immediately identifiable by their melancholic sarcastic tone, the blend of epically calm narrative with paradoxical portrayal of the present. The speech strategies, though, especially the position of the narrator in respect to other voices, are not always clear; Stratanovsky's poems have the impression of polyphony. The example of a filmic ekphrasis rare for the poet, an ironic retelling of M. Antonioni's film *Zabriskie Point*, shows how such narratives are managed by Stratanovsky. The poem concluding the cycle from the book *Nekrasov's Hammer* can be equally interpreted as an endorsement of the student movements or as their condemnation. However, within the cycle the poem is read as a sequel to the poet's work on monologic speech. In the poems of the cycle, polyphony is subordinated to the duality of the monologue: the monologue imitates the protagonist of the poem plastically,

reproduces their speech techniques in an attempt to convey the paradoxical nature of their intentions; but the monologue also accomplishes itself as a normative speech genre, which is marked by the rectitude of testimony and the acceptance of the irreversibility of historical events. The hero finds him/herself in the realm of fortune or fate, of constant reinterpretation of himself/herself, while the narrator as a witness finds himself/herself in the realm of chronicle and indispensable records of what has occurred. Neither the described position of the protagonist nor the position of the witness produced in the poem exhausts the position of the poem itself, but it enables the poet to organize the polyphony and enrich the poem with new strategies for depicting 20th-century history, including the simulation of snapshots, photomontage, and newspaper reportage. All these strategies reach their climax in the final poem, where a dense metaphoricity unusual for Stratanowski encrypts Antonioni's cinematic poetics. The main plot is not the confrontation between the protagonist and the system, but the transformation of the hero into a film hero, into an unwilling imitator of screen characters. This allows the poet to explain the world of the hero without reducing the content of the movie to separate memorable shots.

Key words: Stratanovsky; Antonioni; poetry and cinematography; monologue; ekphrasis; testimony; contemporary Russian poetry

For citation: Markov A. V. S. Stratanovsky's film ekphrasis in terms of the monologue poetics. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):16–24. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-16>. <https://elibrary.ru/CRERPE>

Введение

Поэзия Сергея Стратановского, одного из ведущих поэтов ленинградской *второй культуры*, отличается «не снимаемой противоречивостью и напряженностью авторского взгляда» [Зверева, 2020а, с. 654], иначе говоря, выявлением глубинной сути явлений при осторожности обращения с ними, чтобы не допустить их поспешного присвоения. Эта поэзия занята «переосмыслением первичных кодов человеческой культуры» [Зверева, 2020а, с. 652], показывая эти коды в действии, в монологическом по сути проявлении, где диалогическое отношение будет частью такого переосмысления, но не будет его исчерпывать. По выводам Т. В. Зверевой, в стихах Стратановского на русском материале присутствует монологическая панхрония: для него «исторические и культурные разрывы неизбежно носят мнимый характер» [Зверева, 2020б, с. 1088], прошлое, настоящее и будущее оказываются просто различными способами культурного производства.

Сложное соотношение в большинстве стихов этого поэта статики и динамики, которое не может быть снято, отмечали все исследователи творчества Стратановского: «фигурки расставлены по своим местам и двигаются в пределах заданного ритма» [Бологова, 2011, с. 271], то есть ценностная пластика места каждого характера не противоречит ритму неотменимых событий. В диалогических поэтических произведениях Стратановского, как показали исследователи, пластикой оказывается воображаемый герой, тогда как автор оказывается прямолинейным завершителем монологов и диалогов, поддерживая ритм рассуждения, но не его фантазийную пластику. Например, в изложении учения Г. Сковороды ха-

рактерная позиция Сковороды оказывается передана придуманному им пародийному герою, обзьяне Пишек, фантазийно варьирующей философские темы, тогда как сам Сковорода претерпевает обличение от своего же вымысла, пытаясь завершить разговор и тем самым придать ему окончательную форму [Суханова, Ципилева, 2019, с. 238].

Такое сложное отношение воображаемого и реального, наложенное на отношение пластической фантазии и прямолинейного сарказма, объединенного особой семантической поэтикой (Е. Э. Фетисова определяет ее как извод неоклассицистической [Фетисова, 2016]), дополняется в стихах Стратановского серьезнейшей ландшафтной интуицией. В поэзии Стратановского часто встречаются воображаемые ландшафты России, позволяющие осмыслить историю русских духовных исканий и русской философии. В стихах 1980-х годов появляется идея компьютерного управления пространством и возмездия пространства, ландшафт становится смешанным. В поэзии 1990-х годов к ним прибавляются виртуальные ландшафты, компьютерных игр и анимации, где действуют те же законы уничтожения и исчезновения, что и в реальных ландшафтах.

Обращение к классическому кинематографу в разбираемом в основной части статьи стихотворении несколько неожиданно для творчества этого поэта: как раз фильм Антониони, которому посвящено стихотворение, показывает всё богатство ландшафтов, начиная с цветной пустыни самого места, давшего имя фильму. Но ландшафты в стихотворении, посвященном фильму М. Антониони, не упоминаются, оно всё монолог, а не описание. Исходя из этого, мы в качестве метода исследования принимаем теорию лирического монолога,

имея в виду не столько классическую теорию Л. Гинзбург о монологе как предельной форме лирического высказывания [Гинзбург, 1974, с. 7], сколько новейшие построения, связанные с критикой понятия лирического субъекта в поэзии после концептуализма, опирающиеся на построения Б. О. Кормана и С. Н. Бройтмана, но учитывающие специфику современной русской поэзии в ее разнообразии [Малкина, 2023а; Малкина 2023б].

Методы исследования

Монолог – не просто фиксируемая речь одного, но речевой жанр (или жанр речевой деятельности) со своими свойствами. После Бахтина мы это знаем, и, хотя чаще вспоминают мысли Бахтина о монологе как реплике в диалоге, с неизбежными диалогическими обертонами, тем не менее, Бахтин прямо специфицирует монолог. Так, он говорит о монологических высказываниях как высказываниях «эмоционального типа» и сразу признает, что в реальных речевых ситуациях монологическое высказывание осуществляет собственное культурное производство. «Кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция и – в особенности – стиль высказывания» [Бахтин, 1986, с. 467]. Хотя такое высказывание, по Бахтину, может представлять и монологическим, и диалогическим, пока мы ограничиваемся композицией и стилем отдельного высказывания, – тем не менее, монолог имеет очевидные свойства. Одно из свойств – возможность отчёта во влияниях: мы не просто видим, как наша речь деформируется при нашем монологическом отклике на обстоятельства внешнего мира или сообщения, но можем сказать, в какой момент она деформировалась. Другое свойство – прямота монолога, который способен организовать композицию независимо от внешнего запроса и пережитых деформаций, тем самым сообщив своим содержанием о необратимости событий.

Пока мы рассматриваем монолог как явление литературы, соотнося его с литературными жанрами, мы можем только прийти к тем выводам, к которым пришла постмодернистская бахтинистика. Когда Юлия Кристева в знаменитой статье 1967 года [Кристева, 2000, с. 430–431] утверждает, что сам монолог или внутренняя речь – продукт ряда литературных жанров или жанровых приемов, таких как «исповедь» или «поток сознания», по сути она утверждает, что некоторые принципы *необратимого высказывания*, которое позволяет при этом

давать *отчет во влияниях* в каждой фразе, в каждый момент, и позволяют состояться монологу как реальному. Если же мы не ограничиваемся литературой, то мы уже можем говорить о более общих правилах жанров речи. Благодаря исследованиям В. М. Алпатов мы прекрасно знаем, что монолог, по Бахтину, – открытое поле монологического высказывания, которое при этом само облечено и как бы свернуто в форму трактата или любого другого связного жанра [Алпатов, 2002]. Таким образом, тематическая гибкость рассуждения в монологе, отражающая и изгибы переживаний говорящего, компенсируется самой неотменимостью монологичности, которую невозможно прервать – перебивать монолог не допускается. Монолог как завершенность высказывания, видимая с позиции говорящего, пластически подражающая говорящему и его ценностным и аргументативным приоритетам, вполне при этом оформляется как завершенная речь вообще, в соответствии с монологичностью как принципом.

Соответственно, монолог как речевой жанр не может быть просто высказыванием свидетельства: как раз для свидетельства необходим диалог, другая сторона, которая и подтверждает свидетельство и позволяет ему прозвучать. Монолог не столько фиксирует факт, сколько трансформирует наше отношение к фактам и наши порядки участия в этих фактах. Мы должны принять решение, исходя из того, что зафиксированные в монологе факты уже принадлежат некоторому необходимому порядку высказывания и делают необходимой (неизбежной) хотя бы какую-то нашу реакцию; исходя из наших предрасположенностей к решению вопросов.

Таким монологическим высказыванием может выступать не текст, а какая-либо форма искусства, стоящая ближе к непосредственному свидетельству, например, искусство фотографии. Так, в понимании Сюзен Сонтаг, «[ф]отграфии исторических событий не только свидетели или документы, они суть авторы» [Штайн, 2024]. То же самое можно сказать и об авторском кинематографе, и об инсталляциях или интервенциях современного искусства, где тоже это авторство становится монологом, трансформирующим реальность и наше отношение к реальности, тогда как *медиум* (как экран в кино или материал в инсталляции) управляет качествами высказывания: насколько они представляются и предстают полными, быстрыми, своевременными.

Исходя из этого можно предположить, что киноэкран, описание фильма, может быть не

просто предоставлением речи фильму, которая после оказывается монологической или диалогической, свободно себя развертывая, – но работой с монологом. В этой работе с монологом, как мы покажем, по типологии В. Я. Малкиной, соединяются *трансгрессивный* и *номадический* субъекты [Малкина, 2023б, с. 27]. Фильм оказывается монологом (о близости киноэкфрасиса и фотоэкфрасиса [см.: Самаркина, 2017]), ведущим к некоторой необратимой морали, тогда как стихотворение – монологом, ведущим к столь же необратимому принятию современности как таковой, принятием того, что современность сейчас именно такая. По отдельности эти необратимости могли бы быть описаны как моральное суждение или катастрофическое мировосприятие, но соединенные вместе, как в разбираемом в основной части статьи примере, они создают особую форму монологического жанра. Тогда то, что Кристева рассматривает как жанровую форму, вызывающую к жизни монолог, можно рассматривать как медиум искусства – сопоставив поток сознания, например, со сменой кинокадров, а исповедь – с непосредственной представленностью документальной фотографии нам.

Основная часть

К кинематографической теме Стратановский обращался редко. Н. А. Николина, создавшая наиболее полный свод «слов-бумажников» в новейшей русской поэзии, справедливо указывает на такое изобретение Стратановского как «Аллюзион» [Николина, 2011, с. 118]. Стратановский изображает в одном из стихотворений просмотр интеллигенцией фильма о декабристах, причем действие не имеет примет времени и места, и завершается явным упреком интеллигенции, которая умеет считывать аллюзии на современность, но не переживает гражданской солидарности. Тогда слово «Аллюзион» из первой строки указывает и на свойство кинематографа включать в себя аллюзии, и служит знаком иллюзорности надежд на перемены. Таким образом, кинематограф оказывается как бы дважды монологичен: монолог состоит из аллюзий, в соответствии с ожиданиями публики, к которой он обращён с целью вызывать чувства игрой аллюзий, но экранный медиум с его иллюзионизмом превращает сочувственный монолог в обличительный. В науке уже описано это действие речи Стратановского как «сложный экфрасис» [Марков, 2019; Марков, 2020; Марков, 2021а; Марков 2021б], но в указанных рассмотрены столкновения с мнимыми «экранами» музей-

ных стен, парков, воображаемых исторических панорам, всегда имеющих в виду хотя бы скрытый, но диалог с культурой – но не реальный экран фильма, который усиливает как раз монологизм.

Стихотворение «Забриски поинт» посвящено одноименному фильму Антониони, который как раз имеет вполне определенную пространственную и временную привязку. Этот фильм 1970 года стал в СССР фестивальным, он был включен в программу Московского международного фестиваля 1973 года, и хотя в широком прокате не появился (в отличие от ряда социалистических стран Восточной Европы, где фильм шёл в кинотеатрах), как один из образцов фестивального кино он стал легендой. В перестройку он стал доступен в видеосалонах как фильм дерзкий по содержанию и отражающий развитие культуры хиппи и рок-культуры, что было востребовано в том числе и широким посетителем видеосалонов. Критика порицала Стратановского за культуртрегерский пересказ сюжета фильма [Ратке, 2015, с. 124], что несправедливо: даже на уровне простого пересказываемого содержания в стихотворении Стратановского дается вовсе не синопсис фильма, а скорее его видение сначала героем, а потом – современным зрителем, сначала по ту, а после – по другую сторону экрана.

ЗАБРИСКИ ПОЙНТ (Фильм Антониони)

Как бамбуковой палкой по голове,
Как ворвавшийся ветер
по вешней листве и траве –
Такова Революция,
в чёрную кожу одетая.^[SEP]
(На груди у неё – цветок огненный)

И бунтуют студенты,^[SEP]
сжигают повестки армейские.
(Аргументы их веские –
право на жизнь и любовь)
И должны полицейские
усмирить их, но не огнём – водомётами.

А потом – похищенье
Самолёта учебного
и полёт в голый край, чёрствый рай.
Из стерильного мира
в пустыню ближнюю,
В мир, затерянный вроде бы,
главный сбегает герой.

Встреча с женщиной там,
обретение радости там,
А потом – возвращенье
В повседневность и гибель героя экранного,
Смерть от пули
и женщины дикая месть:
Взрыв на ранчо
в горах, где когда-то апачи,
А теперь бизнес-клерки...
Но не в реальности месть,
А в желании ярком...
Серия взрывов как весть
Из грядущего времени
о небоскрёбах в Нью-Йорке,
Погибающих в пламени
после атаки Аль-Каиды.
[Стратановский, 2014, с. 25–26]

Приведенное стихотворение завершает первый раздел книги (разделы в книге не именуется), по сути посвященный войнам XX века: двум мировым, гражданской войне в России и гражданской войне в Испании. Этот раздел, при всем разбросе тем, образов и многоголосьи, вполне циклизован. Циклизацию образует как общность основной темы (частное и слабое лицо в канун больших событий, перед которыми он не успевает сделать нравственный выбор), так и сходство сюжетных решений. В отличие от стихов Стратановского из предыдущих книг, где саркастический голос повествователя преобладает, а сюжет стихотворения принадлежит взрывам сарказма, но и меланхолии исторического сознания, стихи этого цикла устроены сложнее: они состоят из нескольких частей, эпизодов, и речь может очень сильно меняться от одного эпизода к другому, преобладающим может делаться неожиданный голос.

В центре этих сюжетных стихов – призраки этих войн: изобретатели оружия, как Хайрем Максим, духовные образы народа, как Дон Кихот для Испании, философы, как Ницше, а также политики, как Плеханов, государственные деятели, писатели. Все они предстают скептиками, нерешительными людьми, от которых мало что зависит – они следуют своей собственной нерешительности, но поэтому за ними идет смерть, длительные боевые действия, отличающие XX век. Некоторые из этих протагонистов успокаивают свою совесть, как Хайрем Максим, убежденный, что мир на земле никогда не наступит, некоторые утешают себя материалистическим мировоззрением, как Плеханов. В любом случае, у каждого такого человека наступает момент личного нрав-

ственного выбора, но роковая цепочка событий уже запущена, и поэтому такой выбор – часть личной, а не общей истории.

Субъекты речи в этой первой части различны: это может быть сам герой, могут быть эксперты (например, философы, обсуждающие смысл высказываний Ницше), наконец, это может быть безучастный свидетель. При этом свидетель может попадать в поле обаяния героя и воспроизводить его внутренний монолог – так, в стихотворении о Плеханове явно есть сочувствующий взгляд [Стратановский, 2014, с. 14]. Либо же наоборот, свидетель скорее не принимает своего героя – таково стихотворение о поэте Павле Когане [Стратановский, 2014, с. 19], где сама история арестов его друзей представлена как ряд отдельных кадров, разрозненные мгновенные снимки.

То есть интересным образом монолог в этом цикле Стратановского зависит не от говорящего, а от предмета речи. Например, стихотворение «Возражение Достоевскому» [Стратановский, 2014, с. 8] представляет собой реплику, что «чудо, тайна и авторитет» были ценностями не только Великого Инквизитора, но и всех христианских держав на каком-то этапе, перед реформацией и модернизацией. В Москве тоже «[ч]уда ждали, обманщикам верили», вероятно, до Петровских реформ. Но тогда субъектом монолога оказывается человек, способный судить о допетровской России, но еще неспособный судить о послепетровской, развитие которой во времена Достоевского не завершено; поэтому он и называет Достоевского «сочинитель известный», как не назовут его наши современники. То есть это свидетель, разделяющий с Достоевским принадлежность к одному миру литературного производства, экспертизы и вкуса, но при этом способный мгновенно переключиться и определить свойства «веры массовой», особого типа домодернизационной массовизации представлений. Здесь уже эти свойства массового сознания определяет сам монолог как жанр, как речь о массовом вкусе и вызванных этим вкусом решениях. Тем самым монолог пластичен, имеющий в виду постоянное переживание домодернизационной России с ее пластичностью и некоторым лукавством, но он же прям, потому что имеет в виду нравственное суждение свидетеля, которое происходит в конкретный момент и утверждается этим моментом.

В стихотворении о предреволюционной ситуации, незаметной для Николая II, посещающего Русский городок в Царском селе [Стратановский, 2014, с. 12–13], Стратановский также создает ме-

ланхоличный монолог, заканчивающийся: «Осталось всего две недели / до революции русской». Понятно, что этот монолог принадлежит человеку, знающему об отречении Николая II от престола, но это вызвано самими свойствами монолога как жанра, создавать хронику происходящего, указывать на неизбежность исторических событий – только тогда монолог как жанр будет убедителен [Малкина, 2023]. Тогда как меланхолия этого монолога, кого Император встретил и кого он увидел – это уже свидетельство, разделяющее печальный взгляд с героем монолога, который глядит на всё доверчиво и тяжело. Так опять монолог, попадая в поле единых ценностей и единых способов проживания жизни с героем, как бы искривляясь, выпрямляется благодаря жанровым константам монолога: *публичной обращенности, обличению и указанию на необратимость исторических событий*.

Сходным образом построено стихотворение «Шахтинское дело»: журналистское расследование показывает, что ни партийная верхушка, в которой еще продолжалась фракционная борьба, ни журналисты, ни рабочие не только не поддерживали фигурантов дела, но были склонны согласиться с обвинениями – их позиция как бы пластически приспособляется к поэтике доноса. Но завершается стихотворение моральным суждением об утверждении единоличной власти Сталина в партии, которое дано как считывание его внутренней речи: «глядящий вперед далеко» [Стратановский, 2014, с. 18]. Вождь, образ которого в лирическом высказывании конструируется так, как он изображался на советских плакатах и огромных соцреалистических полотнах, сознает, «что отныне крепка его власть». Эта прямота внутренней речи встроена в другую прямоту, плакатных образов, и это выпрямление монолога в качестве исторического высказывания о необратимо произошедшем и вводит свидетеля, который понимает намерения Сталина, но не знает, что будут в следующие эпохи существования нашей страны.

Еще один выразительный пример такой пластической пружины монолога – стихотворение о Лёньке Пантелееве, чекисте, а после – налётчике, отличавшемся бравадой и ставшем одной из самых громких городских легенд Петрограда/Ленинграда. В этом стихотворении реальный и одновременно воображаемый петербургский ландшафт объединяет квартиру, в которой Лёнька Пантелеев был убит, и часовню святого Александра Свирского, другого известного вепса. Упомянув культурологический доклад на между-

народной конференции, что Лёнька был «изнанкой души, скверным зеркалом / Того самого схимника», повествователь подводит итог: «Может и так, но не хочется, / Чтобы так оно было» [Стратановский, 2014, с. 16]. Здесь дело в устройстве монолога: изложение биографии Лёньки Пантелеева представляет собой ряд версий: например, стал ли он бандитом по доброй воле или был внедрен в банду, но «вышел из под контроля / кожаных курток / и питерской цепкой милиции». Как раз монолог искривляется, имитируя мистификаторский талант самого героя, который «в кожу налётчика влез». Но монолог и выпрямляется благодаря жестокой полуцитате из «Двенадцати» Блока, создающей обобщенный образ революционного бандитизма. Иначе говоря, реконструируемая исследователями характерология Лёньки как бы попадает под обаяние личности Лёньки, включая культурологическую параллель с Александром Свирским, и пластически меняется; не случайно поэт оксюморонно ставит рядом «изнанка» и «зеркало», изнанка выражает утаенное, а не отражает прямое. Но сам монолог как обличение должен показать, что до, условно, действия поэмы Блока такой герой не был возможен. Это не есть окончательная позиция стихотворения: ни искривленный, ни выпрямленный монолог не совпадает с общей идеей стихотворения. Но такая сложная композиция – единственный способ сохранить монолог как речевой жанр.

Соответственно, при анализе стихотворения о фильме Антониони нужно понять, кто автор монолога. Во многом монолог оказывается подвластен пластике протагониста, вполне скучающего и неохотно действующего, но с развитым воображением героя: это не отчет вроде синопсиса, а изображение решений героя. Система образов подчиняется не экранному порядку, но внутренней речи героя. Так, «бамбуковая палка» указывает на полицейскую дубинку, универсальный символ порабощения и насилия, но вместе с тем соседство с образом «ворвавшегося ветра» сразу заставляет вспомнить диалог Марка и Дарьи в пустыне, что в конце концов мысли могут вживляться в голову наподобие растений. Упоминание травы напоминает и о психоделическом опыте Дарьи, и о ворвавшемся в ее жизнь парне, который не разделял ценностей хиппи. Вся эта образность постоянно имеет в виду внутренние переживания героя, который смущается, что он не вполне революционер и не вполне хиппи, но при этом стремится пережить все образы как пластически его меняющие, как возвращающие ему

смысл жизни. Порядки образов говорят о том, что только позиция героя, Марка, а не позиция считывания с экрана судеб героев, позволяет объяснить, что именно произошло. Внутренние переживания, как и в других стихах, разрешаются в жестоких сценах, вроде памятную всем зрителям фильма сцены в пустыне с апофеозом убийств, которые и позволяют уже ввести фигуру свидетеля – и этот свидетель и подтверждает, что события уже произошли необратимо. Свидетель превращает образы и сравнения как манифесты самосознания или общения героев в образы неотменимых событий. Это не прочитывание экранных символов, но сама работа экрана и с пластическим воображением и смущением героя, и со свидетельством, которое не сводится к сценарной хронике событий, но показывает переломные события, определяющие и моменты жестокости, и моменты решительности героя.

Исходя из этого, образность стихотворения легко расшифровывается: понятно, что черная кожа революции – афроамериканское ядро революционного кружка в начале фильма, огненный цветок – выстрел, что отвечает реплике одного из афроамериканских студентов в начале фильма, что нужно говорить с полицейскими на их языке – языке оружия. Так метафора, напоминающая и о яркости афроамериканской поэзии, и о «детях цветов» хиппи, говорит и о том, что для героя язык революции был чужим, и он только пластическим воображением его осваивал, и что его роман с Дарьей был не развитием его личности, но обретением монологической прямоты в стерильном мире, откуда студентов-революционеров буквально «выкурили» в фильме. Упоминание водометов как средства против толпы тоже делает героя человеком толпы, пластичного, который только в романе с Дарьей обретает возможность прямо говорить, но тем самым и быть медиумом необратимых событий – их любовная встреча на песке вполне нормативна для хиппи, это не событие их личной самореализации, но необратимое событие исторической логики развития движения хиппи. Это прямота свидетельства самих хиппи друг о друге как переживших необратимость истории.

Ключевое выражение стихотворения, это «гибель героя экранного». То есть протагонист гибнет как на экране, как типичный герой массового кинематографа. Этот герой в фильме имел один признак – что он белый, на которого и падает подозрение в убийстве полицейского. Противоречие между пластикой героя, колеблющегося и много о себе воображающего, и прямотой его же монолога

как пытающегося разрешить себе быть хиппи и быть всегда с любимой женщиной, не может быть разрешено самим монологом, герой сам себе тогда свидетель. Если на экране все поступки героя, в том числе попытка выстрелить в полицейского или незаметно вернуть самолет – это его бравада перед Дарьей, попытка выстроить свою субъективность на основе чистой бравады, то в стихотворении Стратановского герой остаётся собой, нет возможности создать такую саморисовку, самовозвеличивание, поддержанное экранным драматизмом, если герой ведет диалог. Поэтому экранный драматизм – это в стихотворении только гибель героя, но не его поступки.

Заключение

Таким образом, мы можем говорить, что в этом стихотворении Сергея Стратановского показан не сюжет фильма и не размышления о фильме, но устройство внутреннего мира героя и его внутреннего монолога. Поэта не интересует драматизм или трагизм личности Марка, но только его функциональность в качестве голоса эпохи и одновременно свидетеля эпохи. Его голос оказывается предельно пластичным, отзывающимся другим героям больше, чем себе. Если на экране это выглядит как неуверенность, непоследовательность или незрелость и вызывает сочувствие к герою, то у Стратановского никакого сочувствия нет. Просто пластичность авантюриста, не ставшего до конца революционером, противостоит прямоте хиппи, в том числе прямому употреблению слов, в отличие от метафор и намеков в революционном кружке. Но эта уже тиражируемая прямота как раз вскрывает банальность прежних мыслей героя, его прежних переживаний, и парадоксальным образом он не банален только тогда, когда совершает банальные для хиппи поступки в романе с Дарьей. Угон самолета в стихотворении тоже дан как банальность: учебный самолет не так уж трудно похитить.

Дальнейшие же его нетривиальные поступки уже не принадлежат порядку свидетельства, выпрямляющему монолог и превращающему его в доказательство необратимости исторических событий, в том числе, необратимости появления хиппи. Они нетривиальны на экране, но тривиальны как экран, экранность, поза героя. Поэтому гибель героя – это просто реализация опять же его банальности, а вовсе не часть какой-то драматичной истории, и тем более, не повод соотносить личную историю с историей США или человечества.

Тогда и террористический акт 11 сентября – не продолжение молодежного экстремизма, просто уже в эпоху глобализации и появления новых мировых политических сил, но вариант банальности зла. Дарья собирается отомстить банальному миру, но при этом может это выполнять лишь в воображении. Тогда как террористы XXI века, люди сбывшейся антиутопии, мстят миру в реальности, они стерли границу между воображением и реальностью. Здесь можно вспомнить, что воображаемый взрыв из финала фильма Антониони был воспринят советским кинематографом: Леонид Гайдай хотел завершить кадром взрыва фильм «Бриллиантовая рука», а Эльдар Рязанов изобразил на рапиде взрыв бензоколонки в фильме «Необыкновенные приключения итальянцев в России» – в обоих случаях сложный конфликт различных социальных миров должен был решаться не только комедийным поведением протагониста, восстанавливающего норму, но и символической гибелью прежнего воображения, прежнего хвастовства антигероя или антигероев.

Таким образом, в стихотворении Стратановского показываются условия монолога героя, а вовсе не его речевое поведение, поддержанное экранном воображением. Стратановский производит своеобразную феноменологическую редукцию кинематографа и получает чистое устройство монолога. Финальное стихотворение цикла окончательно подтверждает, что монологическая речевая форма продуктивна для сюжетных стихотворений в современной поэзии, позволяя не смешивать внутреннюю речь героя сюжетного стихотворения с возможным или ожидаемым отношением к нему, которое не может быть до конца чистым от влияния кинематографа и других социальных медиа. Стратановский выносит за феноменологические скобки это влияние и оставляет нас с миром необратимого развития не только истории, но и отдельных ее героев, даже самых незаметных в большом историческом времени.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. Проблема речевых жанров в работах М. М. Бахтина // *Жанры речи*. 2002. № 3. С. 92–104.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. Москва : Художественная литература, 1986. 544 с.
3. Бологова М. А. Стихотворные «Притчи» 1990–2000-х годов сюжеты и жанровая модификация // *Культура и текст*. 2011. № 12. С. 268–275.
4. Гинзбург Л. Я. О лирике. Ленинград : Советский писатель, 1974. 408 с.
5. Зверева Т. В. Сумерки богов в поэтической книге Сергея Стратановского «Оживление бубна» // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2020а. № 4. С. 651–658.
6. Зверева Т. В. Об одном случае рецепции болдинского мифа: Сергей Стратановский // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2020б. Т. 30. № 6. С. 1085–1092.
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова*. Москва : ИГ Прогресс, 2000. С. 427–457.
8. Малкина В. Я. Лирическая ситуация в лирическом сюжете // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2023а. № 3 (3). С. 313–324.
9. Малкина В. Я. Типология лирического субъекта // *Новый филологический вестник*. 2023б. Т. 67. С. 20–30.
10. Марков А. В. Советская живопись большого стиля в неофициальной русской поэзии // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2019. № 4 (19). С. 123–137.
11. Марков А. В. Платонизм барокко и аристотелизм рококо в независимой русской культуре // *Верхневолжский филологический вестник*. 2020. № 3 (22). С. 232–239.
12. Марков А. В. Влияние результатов Галицийской операции 1914 г. на специфику развития неорусского стиля на примере археологии и иконографии Фёдоровского городка // *Русин*. 2021а. №. 66. С. 14–33.
13. Марков А. В. Сложный экфрасис перемещения по Эрмитажу в новейшей русской поэзии // *Нижевартовский филологический вестник*. 2021б. № 2. С. 34–45.
14. Николина Н. А. Контаминация в современной художественной речи // *Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 1000-летию г. Ярославля: в 2-х частях, Ярославль, 21–23 мая 2010 года. Часть 1. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 115–122.*
15. Ратке И. Гвозди Стратановского // *Prosōdia*. 2015. № 2. С. 123–125.
16. Самаркина М. Д. Фотографическое в стихотворении А. Скидана «Фотоувеличение» // *Артикульт*. 2017. № 4 (28). С. 125–130.
17. Стратановский С. Г. Молотком Некрасова. Книга новых стихов. Санкт-Петербург : «Пушкинский фонд», 2014. 68 с.
18. Суханова С. Ю., Цыпилёва П. А. Рецепция наследия Григория Сковороды в поэзии С. Стратановского // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 59. С. 233–242.
19. Фетисова Е. Э. Неоакмеизм как система программных и латентных течений XX века : монография. Москва : ИНИОН, 2016. 339 с.
20. Штайн О. А. Сьюзен Сонгаг // Штайн О. А. Архетип Гипатии: женщина в истории философии. Москва : АСТ, 2024.

Reference list

1. Alpatov V. M. Problema rechevyh zhanrov v rabotah M. M. Bahtina = Speech genres in M. M. Bakhtin's works // Zhanry rechi. 2002. № 3. S. 92–104.
2. Bahtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. = Literary criticism articles. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986. 544 s.
3. Bologova M. A. Stihotvornye «Pritchi» 1990–2000-h godov sjuzhety i zhanrovaja modifikacija = Poetic «Parables» of the 1990s-2000s plots and genre modification // Kul'tura i tekst. 2011. № 12. S. 268–275.
4. Ginzburg L. Ja. O lirike = On poetry. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1974. 408 s.
5. Zvereva T. V. Sumerki bogov v pojeticheskoj knige Sergeja Stratanovskogo «Ozhivlenie bubna» = Twilight of the gods in Sergei Stratanovsky's book of poetry, The Revival of the Tambourine // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2020a. № 4. S. 651–658.
6. Zvereva T. V. Ob odnom sluchae recepcii boldinskogo mifa: Sergej Stratanovskij = On a case of the Boldino myth reception : Sergei Stratanovsky // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i filologija». 2020b. T. 30. № 6. S. 1085–1092.
7. Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman = Bakhtin, word, dialogue and novel // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / per. s franc., sost., vstup. st. G. K. Kosikova. Moskva : IG Progress, 2000. S. 427–457.
8. Malkina V. Ja. Liricheskaja situacija v liricheskom sjuzhete = A lyrical situation in a lyrical plot // Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija». 2023a. № 3 (3). S. 313–324.
9. Malkina V. Ja. Tipologija liricheskogo sub#ekta = Typology of the lyrical hero // Novyj filologicheskij vestnik. 2023b. T. 67. S. 20–30.
10. Markov A. V. Sovetskaja zhivopis' bol'shogo stilja v neoficial'noj russkoj poezii = Soviet painting of the big style in unofficial Russian poetry // Vestnik RGGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Iskuststvedenie». 2019. № 4 (19). S. 123–137.
11. Markov A. V. Platonizm barokko i aristotelizm rokoko v nezavisimoj russkoj kul'ture = Baroque Platonism and Rococo Aristotelism in independent Russian culture // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 3 (22). S. 232–239.
12. Markov A. V. Vlijanie rezul'tatov Galicijskoj operacii 1914 g. na specifiku razvitija neorusskogo stilja na primere arheologii i ikonografii Fjodorovskogo gorodka = The effect of the Galicia operation of 1914 on the specific development of the Neo-Russian style reflected in archaeology and iconography of Fedorovsky town // Rusin. 2021a. №. 66. S. 14–33.
13. Markov A. V. Slozhnyj jekfrasis peremeshhenija po Jermitazhu v novejshej russkoj poezii = A complex ekphrasis of moving around the Hermitage in modern Russian poetry // Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik. 2021b. № 2. S. 34–45.
14. Nikolina N. A. Kontaminacija v sovremennoj hudozhestvennoj rechi = Contamination in modern literary speech // Semantika i funkcionirovanie jazykovyh edinic v raznyh tipah rechi : sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 1000-letiju g. Jaroslavlja: v 2-h chastjah, Jaroslavl', 21–23 maja 2010 goda. Chast' 1. Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo, 2011. S. 115–122.
15. Ratke I. Gvozdi Stratanovskogo = Stratanovsky's nails // Prosodia. 2015. № 2. S. 123–125.
16. Samarkina M. D. Fotograficheskoe v stihotvoreanii A. Skidana «Fotouvelichenie» = The photographic in A. Skidan's poem Photographic Enlargement // Artikul't. 2017. № 4 (28). S. 125–130.
17. Stratanovskij S. G. Molotkom Nekrasova. Kniga novyh stihov. = Nekrasov's Hammer. A book of new poems. Sankt-Peterburg : «Pushkinskij fond», 2014. 68 s.
18. Suhanova S. Ju., Cypiljova P. A. Recepcija nasledija Grigorija Skovorody v poezii S. Stratanovskogo = Grigory Skovoroda's heritage in S. Stratanovsky's poetry // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2019. № 59. S. 233–242.
19. Fetisova E. Je. Neoakmeizm kak sistema programnyh i latentnyh techenij HH veka = Neoacmeism as a system of program and latent currents of the XX century : monografija. Moskva : INION, 2016. 339 s.
20. Shtajn O. A. S'juzen Sontag = Susan Sontag // Shtajn O. A. Arhetip Gipatii: zhenshhina v istorii filosofii. Moskva : AST, 2024.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 05.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 27.04.2024; approved after reviewing 05.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-25
EDN: CSKNVA

Голгофские мотивы в русском неореализме

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. В работе проведён анализ мотивов прозы русского неореализма (рубеж конца XIX – начала XX столетий). Акценты сделаны на мотивах голгофских, что бывает нечасто; они рассмотрены как существенная, но неизученная составляющая русской литературы, культуры означенного периода, характеризующегося стойким тяготением писателей, поэтов, художников к разным сферам мудрости и знания, к числу которых принадлежат библейские канонические и апокрифические тексты. Творческий поиск, художественные типологические переключки в русской прозе анализируются, прежде всего, со стороны мотивов, архетипов, предметного мира и его функций в тексте. Художественные детали мифопоэтического происхождения, будучи смысло- и сюжетообразующими, могут иметь аллегорическое, символическое значение, бытовые детали получать бытийные коннотации. Материал статьи интерпретируется в событийно-биографическом, историко-литературном аспектах; представлены результаты исследования.

В центре внимания автора статьи находятся произведения М. Горького, М. Пришвина, Л. Н. Андреева, а из голгофских мотивов выделены мотивы подъёма-восхождения, приближения к смерти и преодоления её с возможным последующим возрождением. Детализация этих мотивов в произведениях литературы дополняет, корректирует сложившиеся научные представления о концепциях личности, человека и мира в неореализме. Поставленная проблема – изучение художественной типологии в неореализме – объясняет охват общей темой указанных творческих индивидуальностей. В работе решались задачи: дополнить представления о функциональной стороне мотивов, архетипов, детально-предметного мира в текстах словесного искусства, определить их биографические, историко-литературные, теоретико-литературные истоки, установить художественную типологию в творческом поиске разных авторов.

Решение задач осуществлялось через изучение творческих связей, переключек, параллелей. Приведены оригинальные находки и сделан ряд заключений. Особый интерес имеют сопоставления творческих индивидуальностей, анализ символики, поэтики.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Получено новое знание о мотивах, архетипах, элементах предметного мира в структуре художественных текстов, установлена художественная типология между ними. Обновлена методика исследования и намечены перспективы.

Использованные подходы к материалу обусловили новизну трактовок наследия писателей, интерпретаций произведений литературы; даны новые оценки известным произведениям, уточнены авторские позиции писателей. Сделаны наблюдения в области изучения эстетики и поэтики прозы. Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы, культуры XIX–XX веков.

Ключевые слова: русский неореализм; апокрифические, новозаветные аллюзии в искусстве слова; Голгофа, библейские мотивы, архетипы в литературе; М. Горький, М. Пришвин, Л. Н. Андреев; художественная деталь и её функции; осмысление произведения литературы

Для цитирования: Иванов Н. Н. Голгофские мотивы в русском неореализме // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 25–33. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-25>. <https://elibrary.ru/CSKNVA>

Original article

Golgotha motifs in russian neorealism

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor at the department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The paper analyzes the motifs of the Russian neorealistic prose (late XIX – early XX centuries). The emphasis is placed on the motifs of Golgotha, which does not often happen; they are considered as an essential yet little-studied part of Russian literature and culture of the period characterized by the strong tendency of writers, poets, and artists towards various spheres of wisdom and knowledge, which include biblical canonical and apocryphal texts. Creative search and artistic typological parallels in Russian prose are analyzed, primarily, from the point of view of motifs, archetypes, the material world and its functions in the text. Artistic details of mythopoetic origin, being semantic and plot-forming, can have allegorical, symbolic meaning; everyday details receive existential connotations. The article interprets the material in eventive-biographical, historical and literary aspects and presents the results of the research.

The author of the article focuses on the works of M. Gorky, M. Prishvin, L. N. Andreev, and the Golgotha motifs of rising and ascending, approaching death and overcoming it followed by subsequent rebirth. The detailing of these motifs in literary works complements, and corrects the established scientific ideas about the concepts of personality, man and the world in neorealism. The study of artistic typology in neorealism explains the general theme of the above mentioned artists. The paper has solved the following tasks: to complete the ideas about the functional side of motifs, archetypes, the material world in literary texts; to determine their biographical, historical and theoretical literary origins; to establish artistic typology in different writers' creative work. The tasks have been solved through studying creative connections, cross-references and parallels. The author presents his original findings and draws a number of conclusions, paying particular attention to comparisons of creative personalities and the analysis of symbolism and poetics.

The most significant results of the work are as follows: the new knowledge of motifs, archetypes, and elements of the material world in the literary text structure, and the typology between them; the updated research methodology and the outlined prospects for further research.

The author's approaches to the material determine the novel interpretations of the writers' heritage. The article presents new assessments of the well-known works, clarifies the writers' authorial positions, and makes observations in the field of studying the aesthetics and poetics of prose. The work is aimed at philologists, literary critics and researchers of Russian literature and culture of the XIX–XX centuries.

Key words: Russian neorealism; apocryphal, New Testament allusions in literature; Golgotha, biblical motifs, archetypes in literature; M. Gorky, M. Prishvin, L. N. Andreev; artistic detail and its functions; comprehension of a literary work

For citation: Ivanov N. N. Golgotha motifs in Russian neorealism. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):25–33. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-25>. <https://elibrary.ru/CSKNVA>

Введение

Постановка вопроса. Актуальность. Русскую художественную литературу конца XIX – начала XX столетий принято характеризовать как неореализм; однако данное определение распространяется не только на искусство слова, но и шире – искусство, культуру в целом. Неореализм не повторяет реализм классический XIX века и его в целом понятной, читаемой эстетики, но, скорее, обогащает творческие поиски разного рода тенденциями: новый тип героя, усложнение повествования, расширение диапазона средств выразительности, приёмов. Поэтому представители литературы, культуры актуализировали многие сферы мудрости, знания, в числе которых были мифология, библейские канонические и апокрифические тексты. Означенная тенденция основывалась, прежде всего, на стремлении по-новому представить концепцию личности, человека и мира. А. М. Ремизов, М. Горький, М. М. Пришвин, Л. Н. Андреев, С. Н. Сергеев-Ценский обращались, каждый по-своему, к неисчерпаемому потенциалу апокрифов, Библии, других священных текстов, проецируя их архетипы, мотивы и смыс-

лы на современные им реалии, нравственные, философские проблемы. Увидеть общее в отдалённых произведениях разных авторов, эпох, стилей, направлений позволяют мотивный анализ произведений искусства, контекстный подход к ним – сложные, но и продуктивные методы работы. Голгофа – один из центральных концептов Нового Завета, земного подвига Христа, и он, конечно, интересовал названных здесь писателей. Потому представляется актуальным обозначить, наметить пути изучения возможных переключек, связей, проекций. С другой стороны, избранное направление анализа, интерпретации должно прояснить художественную типологию неореализма, что уже само по себе становится существенным научным результатом такого жанра, как научная статья.

Научная литература по теме. Исследование построено на материале, преимущественно, произведений М. Горького, М. Пришвина Л. Н. Андреева. Место голгофских апокрифических мотивов в художественном мире этих писателей не было темой специального исследования ни в отечественном литературоведении, ни в зарубежном [Lauer Reinhard; Иванов, 2022]. Имеются отдельные историко-литературные, теоретико-

литературные публикации как методологическое, так и частного характера о каждом из авторов [Иванов, 2019; 2022], но на протяжении идеологизированных десятилетий тема для литературоведения была закрыта. Параллели между сочинениями писателей XIX и XX столетий, как это предполагает контекст поставленной здесь проблемы, не установлены [История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1, 2014; История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1, 2012; Lauer Reinhard]. Издательства «ГИХЛ» и Наука ИМЛИ выпустили четырнадцать томов Архива А. М. Горького, куда включены курс лекций по литературе, прочитанный писателем на Капри в 1903 году. Составлялись, публиковались словари автобиографической трилогии М. Горького [Словарь автобиографической трилогии..., 1975; Словарь автобиографической трилогии..., 1990]. Имеются издания томов Литературного наследства, один из которых посвящён отношениям Максима Горького и Леонида Андреева [Литературное наследство..., 1965]. Предметом нашего научного изучения были материалы из фондов Архива М. Горького в ИМЛИ им. А. М. Горького, Литературного музея ИМЛИ, Музея-квартиры писателя в Москве, Литературного музея в Нижнем Новгороде, нижегородского Дома-музея М. Горького.

Для формирования объективных научных представлений о творчестве М. Пришвина его письма, дневники, записные книжки важны не менее, чем художественные произведения. Они опубликованы в 70-м томе Литературного наследства [Литературное наследство..., 1963], журналах Книжное обозрение [Книжное обозрение..., 1973], «Русская литература» [Русская литература..., 1973], «Новый мир» [Новый мир..., 1964], Ученых записках МОПИ им. Н. К. Крупской, в книге «Мастерская» [Мастерская..., 1976], журнале «Смена», газетах «Литературная Россия», «Неделя», альманахе «Енисей» (Красноярск), газете «Красное знамя» (Елец), других изданиях. Наследие Л. Н. Андреева изучено подробно [Мирский, 1992].

Цель работы – характеристика, изучение художественной типологии неореализма через описание системы апокрифических, библейских мотивов, архетипов, прежде всего тех, которые обозначены здесь как голгофские.

Задачи работы: в произведениях указанных писателей выявить, описать голгофские мотивы, архетипы и соотнесённые с ними компоненты детально-предметного мира; дополнить представле-

ния о их функциональной стороне; определить их биографические, историко-литературные, теоретико-литературные истоки; установить художественную типологию в творческом поиске разных авторов.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стало наследие писателей в разных его ипостасях: художественные произведения, варианты, дневники, публицистика, переписка писателей и воспоминания о них, биографические данные; научные, справочные труды по теме.

Основные методы исследования: метатекстуальный, мотивного анализа, структурно-семантический, семиотический; культурологический подход к тексту; были востребованы также историко-литературный, сравнительно-исторический, биографический.

Описание проведённого анализа.

В работе говорится, как выявлялись голгофские мотивы, архетипы в прозе русского неореализма и как по этой линии устанавливалась художественная типология. Сама по себе нерасторжимая связь человека, Неба и Земли давала возможность рассмотреть её со стороны высших духовных устремлений, религиозных воззрений народа, соотнести их во времени. Так возникла разная трактовка ценностей язычества и христианства. Это позволило, как кажется, обнаружить ведущую черту художественного творчества начала века. Апелляция к духовным процессам прошлого обогатила философско-эстетические искания в литературе. Детализация голгофских мотивов в неореализме существенно раздвинула, дополняла художественные версии, концепций личности, человека и бытия. В неореализме апокрифическая традиция голгофских мотивов стала более востребованной и не менее продуктивной, чем каноническая новозаветная [Иванов, 2022]. Это мотивы-варианты подъёма-восхождения, поднятия креста, приближения к смерти и преодоления её с возможным последующим возрождением и преображением. Уловленное М. Горьким общее состояние «хаоса духовного» и «смятения мысли» подтверждают суждения большинства его современников; оно выражено в стихах и статьях А. Блока, А. Белого, публицистике Р. Иванова-Разумника, ещё ранее – критической прозе Д. Мережковского, многих других.

М. Пришвин. Анзерская Голгофа

Первые книги М. Пришвина «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком» были опубликованы в 1907, 1908 годах. Они стали результатом поездки писателя и его друга этнографа Н. Ончукова в Олонецкую губернию и далее – на Крайний Север России и Норвегии. По сути, эти книги путевых очерков, этнографических наблюдений задумывались в рамках сотрудничества, вплоть до отчёта, с Русским Географическим обществом, куда Пришвин и вступил в 1910 году. В этих книгах движение стало способом духовного самопознания, а в этнографию, путешествия вплетены мотивы лирико-философские и мифопоэтические.

На Севере повествователь, европеец и петербуржец, что он неоднократно подчёркивал, заглянул в глубины национального Бытия. Следуя давнему завету А. Ремизова [Пришвин, Письмо А. М. Ремизову...], Пришвин постигал народную культуру изнутри; культуру, традиционно находившуюся в оппозиции к рафинированной, европейски ориентированной культуре интеллигенции [Иванов, 2020]. Пришвин зримо ощутил противоречие интеллигентского, западного, и русского, идущего от природы, от Земли, национального менталитета. На Севере он открыл мир, о котором «культурный человек стонет и плачет» [Пришвин, 1982–1986, т. 1, с. 257].

Пришвин входил в «далекие пространства жизни» [Пришвин и современность..., 1978], что соответствовало его духовным запросам, мифу о золотом веке. Он давно мечтал посетить легендарный скит на острове Анзерский Соловецкого архипелага и подняться на вершину горы, названной монахами Голгофа. Голгофа – Череп, горная возвышенность на северо-западе от Иерусалима, на которой был распят Господь. Голгофа обстроена священными зданиями в ознаменование священных мест и событий – распятия, крестных страданий, погребения и воскресения Спасителя. Название дано сему священному месту, вероятно, по сходству означенной местности с формой черепа. По преданию церкви, здесь погребён Адам. Ужасные знамения сопровождают смерть Богочеловека: тьма по всей земле, солнце померкло. Земля содрогается, тела многих усопших святых воскресают. На эти величайшие минуты унижения и торжества, позора и славы человечество во все века будет взирать с глубоким трепетом и благоговением и всегда будет видеть в них искупление от греха, поражение сатаны, примирение с Богом и спасение мира [Биб-

лейская энциклопедия, 1990, с. 167]. Это событие является ключевым не только двух первых книг, но и всей ранней прозы Пришвина. Голгофский крест – сакральным центр широкого контекста ранних сочинений писателя, куда вошли параллели с Библией, апокрифами, мотивы сна и прапамяти, бегство в сказку, оппозиции культуры и природы, физического и духовного мира. Мистический подъем на вершину горы сопровождается озарения повествователя: там, у Голгофского креста, он думал о первозданном человеке и его душе. Тема человека дополнена и усилена архетипом Адама. «Адам второй» – Христос. Первый Адам оттенён вторым – Христом. А между ними путь эволюции человека. На такую высоту человек первых книг Пришвина еще не поднялся. «Странники уехали, а я один стал подниматься на Голгофу <...> Я размышлял о примитивной, стихийной душе, какою она выходит из рук Бога» [Пришвин, 1982–1986, т. 1, с. 234]. Только одна Личность, одно Событие, одно воспоминание о Голгофе может быть мерилом человека. Библейский образный ряд, евангельские мотивы Пришвин дополнил идеей Божьего замысла: гармония вечной Матери-природы и человеческой личности [Пришвин, 2012]. «Полуночный огонек глядит на нас с монахом, а мы стоим наверху высокой горы, и от нас вниз сбегают ели, сверкают озёра и море <...> Самим Богом предназначено это место для спасения души, потому что в этой природе, в этой светлости нет греха» [Пришвин, 1982–1986, т. 1, с. 239].

Горьковские типы

Мотивы, архетипы апокрифов, народного православия влияли и на горьковскую концепцию национального характера [Максим Горький – художник, 2002; Мировое значение М. Горького, 2018]. Её концептуальные положения развёрнуты в статьях, письмах, детализированы в художественных произведениях; она воплотила сложные, противоречивые представления Горького о национальности характера русского народа и его истории [Переписка М. Горького..., 1986]. М. Горький полагал, что национальную жизнь определяют деятельная творческая активность человека в трудные минуты и вера в судьбу, пассивизм; арийская славянская и восточная монгольская стороны ментальности русских людей [Максим Горький и мировая культура, 2023].

Голгофский мотив в числе других просматривается во многих сочинениях Горького: рассказы

цикла «По Руси», повести 1900-х – 1910-х годов: Автобиографическая трилогия, Окуровская диалогия, «Жизнь ненужного человека». Голгофские мотивы, архетип развивают авторскую концепцию возможностей так называемого среднего человека, чуда преображения личности: сравнимые с былинными творчество и подвиг, самоотверженность, красота порывов, но и разбросанность, склонность к пустому растрачиванию сил, разрушительные выплески духовной энергии [Спиридонова, Горьковедение...; Спиридонова, 2016].

Сказочного персонажа напоминает Алексею Пешкову Иван Цыганок из первой части автобиографической трилогии повести «Детство»; написана в 1913-м году, опубликована через год. Цыганок в плане частотности встречается нечасто [Словарь автобиографической трилогии, 1975; Словарь автобиографической трилогии, 1990], он действует в главах второй и третьей, а всего их тринадцать, но персонаж – не эпизодический. Образ Цыганка важен принципиально, его можно рассматривать как один из многих вариантов уже называвшейся авторской концепции русского национального характера: сила, удасть, талант, перспективы, но, с другой стороны, удасть – безудержная, сила, талант тратится впустую или на дурные дела; и конечно, игра с судьбой.

Создающие образ Цыганка художественные детали подчёркивают его типичность в контексте горьковских интерпретаций русской судьбы и национального характера. Имя Иван отсылает ко всем русским, прозвище Цыганок не привязывает к какому-либо конкретному роду или дому. Проматривается также и часто встречающийся в сочинениях Горького мотив бродяжества. Бабушка раскрыла Алексею историю появления Цыганка. Он – подкидыш; «раннею весной, в дождливую ночь, его нашли у ворот на лавке» [Горький, 1984, с. 33]. Упоминание весны является аллегорией начала жизни; и если появился Иван весной, то умрёт он в субботу в начале зимы. Василий Каширин, дед Алексея Пешкова, характеризует двенадцатилетнего Ивана: «Золотые руки у Иванка <...> Помяните моё слово: не мал человек растёт!» [Горький, 1984, с. 32]. Горький, развивая концепцию национального характера, русской судьбы, последовательно вписывает образ Ивана в фольклорно-мифопоэтическую традицию. «Я смотрел на его весёлое лицо и вспоминал бабушкины сказки про Ивана-царевича, про Иванушку-дурачка» [Горький, 1984, с. 31].

Цыганок – личность творческая. Он способен создавать и быть в центре «неописуемо забавной жизни» [Горький, 1984, с. 33]; его выдумки неистощимы, импровизация в плясках неповторима, плясал он «неутомимо, самозабвенно» [Горький, 1984, с. 36]. Проявился талант Цыганка и в других направлениях. Бабушка раскрыла Алексею, что Цыганок «не столько покупает на базаре, сколько ворует» [Горький, 1984, с. 41]. А на предупреждения, что за воровство его забьют до смерти, если поймают, отвечает: «Не достигнут, – вывернусь: я ловкий, конь резвый! <...> Ведь я знаю: воровать нехорошо и опасно. Это я так себе, от скуки» [Горький, 1984, с. 42].

Символичное, подробное и предельно реалистичное, с дозированным вкраплением натуралистических деталей, изображение гибели, смерти Цыганка сопрягает голгофские мотивы и те национальные черты, которые этот персонаж воплотил. Алексею памятен лежавший на дворе большой дубовый крест с толстым комлем. Такие акценты в описании креста отсылают читателя к архетипу мифологического мирового древа в двух его ипостасях: познания добра и зла, познания жизни и смерти. Недолгая жизнь Ивана предельно чётко накладывается на означенный символизм. Крест, купленный дядей Яковом, чтобы поставить на могиле жены в годовщину её смерти, «на тесном, грязном дворе» [Горький, 1984, с. 42] был лишним. Под этим крестом и умер Иван, но не сразу. И если появился Иван весной, то умер он в субботу в начале зимы: крест понесли в гору на кладбище сам Иван и дядя Алексея, так они фигурируют в трилогии. Тяжёлый, видно не по силам, комель лежал на плече Ивана. На вопрос мастера Григория: «Не сдюжишь?» [Горький, 1984, с. 43], Цыганок ответил: «Не знаю. Тяжело будто...» [Горький, 1984, с. 43]. По версии дяди Якова, Цыганок споткнулся, упал, его и придавило. По версии мастера Григория, дядя его «задавили» [Горький, 1984, с. 43]. Он лежал на ярко освещённом солнцем полу кухни, а «ручьи крови пересекали полосы света <...> кровь всё текла, под порогом она уже собралась в лужу» [Горький, 1984, с. 44]. Цыганок мычал и таял, «становился всё более плоским, приклеиваясь к полу, уходя в него <...> Цыганка похоронили незаметно, непамятно» [Горький, 1984, с. 45]. В статьях, публицистике Горький настойчиво обращался к фольклору, древнерусской литературе, в частности, былинам с целью иллюстрации, подтверждения русских национальных черт, о которых уже говори-

лось: неразумная трата сил, талантливость и разбросанность, вера в судьбу. Искал соответствующие типы [А. М. Горький нижегородских лет..., 1978; Горький, Неизданная переписка..., 2000; Максим Горький – художник..., 2002]. Иван Цыганок, подобно былинному Василию Буслаеву, играл с судьбой, и, как и Буслаев, переоценил свои силы. Буслаев, обладая огромной силой, бросил вызов смерти: прыгая через намогильный камень, разбил голову. Иван поднял не по его силам крест. И в первом, и во втором случаях отчётливо проступает мифопоэтический мотив нарушения запрета. Сказочный персонаж в процессе восхождения надорвался и умер под крестом, не выдержав его тяжести.

История Цыганка типологически вписывается в систему сюжетов Горького о других несчастных русских людях [Иванов, 2019]. Таковы многие рассказы из цикла «По Руси», например, «В ущелье». Перед глазами повествователя стоят десятки «бесплодно и бессмысленно погибающих русских людей» [Горький, 1987, т. 4, с. 446]. Люди исчезают «по случаю», «народ пропадает» [Горький, 1987, т. 4, с. 478], людей убивает по случаю. «В ущелье» мистическая стихия обнаружилась в незначительном, сюжетно локальном разговоре двух лиц о жизни и смерти. «Всех – не сосчитать, которые вот так – по случаю – пропадают» [Горький, 1987, т. 4, с. 488]. Убитого звали Василий Силантьев; он молод и полон сил для великих дел. Благодаря архетипу имени установлена параллель с былинным Василием Буслаевым. Смерть Цыганка под крестом созвучна смерти Силантьева через портретные детали: искажённое лицо, кровь... В обоих случаях красота живого человека изуродована маской смерти.

Голгофские мотивы в широком контекстуальном поле просматриваются и в Окуровской дилогии М. Горького: повести «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», создававшейся, как и автобиографическая трилогия, как и рассказы «По Руси», в течение 1910-х годов. Матвей Кожемякин подводит итог земного пути. «Он чувствует себя одиноко стоящим в пустоте, у подножия высокой горы; с её вершины, покрытой тёмной тучей, он тихо и безвольно скатился сюда – вот пред ним весь этот путь, – он мысленно прошёл его десятки раз» [Горький, 1987, т. 3, с. 174]. Вершина и подножие горы – мифологический символ земного отрезка личностного бытия. Кожемякин – нисходил; начиная жизнь на вершине, он заканчивает её у подножия горы. Мифологема

Мировой Горы охватывает горы Синай, Фавор, Елеонскую, Голгофу и другие. На вершине мифологическим, библейским, фольклорным персонажам являются высшие силы. В детстве, когда на вершине горы не было тучи, Матвей прикасался к этой высоте и незримой силе, чувствовал её благостное влияние. Начало повести «Городок Окуров»: волнистая равнина, намогильный крест – продолжено в частной судьбе Кожемякина. И подобные связи пронизывают едва ли не все сочинения М. Горького 1900–1910-х годов. Тем не менее, автор концентрирует не одни безрадостные эмоции.

Иуда Искарriot

В 1907 году в шестнадцатом сборнике книгоиздательства «Знание», издание, основанное по инициативе и непосредственном участии М. Горького, была опубликована повесть Леонида Андреева «Иуда Искарriot». Андреев задумывал её как «нечто по психологии, этике и практике предательства» [Андреев, 1988, с. 332]. Это одно из самых талантливых и противоречивых произведений Андреева. Повесть высоко оценили и одобрили М. Горький, А. Блок; так называемая прогрессивная критика, например, А. Луначарский, была «недовольна» [Андреев, 1988, с. 332]. Прежде всего потому, будто бы Андреев пытается возбудить симпатию к Иуде и антипатию к человечеству. В этой повести Андреева Иисус жалуется на усталость. Путь Иисуса и учеников – это движение в одном направлении: в сторону Голгофы. Лейтмотивом повести – грядущее предательство Иисуса Иудой – развивается на фоне внутренних противоречий внутри учеников, между учениками и Иудой, между учениками, Иисусом и человечеством. В аллегорическом состязании Иуды и Петра Иисус отказывается поддерживать кого-то одного, более того, проигравшему состязание в бросании камней и обиженному Петру Иисус тихо отвечает: «А кто поможет Искарriotу?» [Андреев, 1988, с. 224]. Андреев не оправдывает Иуду, не пробуждает к нему симпатии; насколько великодушен Иисус, настолько низок Иуда, но ещё ниже в предшествующей голгофской трагедии народ, предавший Иисуса. «На самом темени земли вздымается крест – и на нём распятый Иисус. Осуществился ужас и мечты Искарriота» [Андреев, 1988, с. 256]. Но что же мешает всей массе людей вырвать из земли «проклятый крест» и освободить Иисуса? Иисус умирает, медленно, постепенно. Горьковский Цыганок

умирал медленно. Приближение к смерти и сама смерть – состоялись, но возрождение – нет.

Выводы

Полученные в работе результаты заключаются в дополнении научных представлений о прозе русского неореализма. Выделены и описаны, пожалуй, впервые голгофские мотивы и архетипы в произведениях М. Горького, М. М. Пришвина, Л. Н. Андреева. На первый взгляд, связи, переключки по означенным линиям научного поиска между произведениями этих авторов, каждый из которых является выдающейся и неповторимой творческой индивидуальностью, покажутся надуманными. Но связи могут быть глубинными и обнаруживаться как проявление индивидуальной авторской психологии, литературной традиции, и такое исследование нами проводилось. Голгофские мотивы были классифицированы как внетекстовые универсалии, ставшие опытом литературной рефлексии и саморефлексии, авторским мифотворчеством.

Горький, Пришвин, Андреев архетип Голгофы и продуцированные ею мотивы подъёма-восхождения, приближения к смерти и преодоления её, возрождения проецировали на концепции личности, человека и мира, национального характера. В произведениях Пришвина акценты сделаны на соотнесённости первоизданной души, «какою она выходит из рук Бога», библейском архетипе Адама и великих первоприродных истоков Бытия, духовного и телесного начал. Горький подъём на Голгофу, не называя, но подразумевая её, соотнёс с духовным богатством, великими возможностями и разбросанностью русского человека. Андреев увидел в голгофском испытании проверку всего человечества на верность идеалам Христа.

Подобная соотнесённость содействовала, во-первых, тому или иному представлению о состоянии и движении современной писателям жизни, то есть прояснению её сущности. Во-вторых, формированию авторского эстетического идеала в сопоставлениях прошлого и настоящего. Наконец, у тех же истоков складывался особый, ассоциативный, открыто или средствами подтекста запечатленный строй авторских раздумий, немало обусловивших поэтику произведений Горького, Пришвина, Андреева.

Библиографический список

1. А. М. Горький нижегородских лет : Воспоминания : сборник / сост. А. И. Елисеев; подгот. текстов и

коммент. Р. Г. Бейслехем и др. Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. 335 с.

2. Андреев Л. Н. Иуда Искариот // Избранное. Москва : Советская Россия, 1988. 336 с.

3. Архив А. М. Горького. Т. III. Повести, воспоминания, публицистика, статьи о литературе. Москва : Гослитиздат, 1951. 297 с.

4. Архив А. М. Горького. Т. XIV. М. Горький. Неизданная переписка. Москва : Наука, 1976. 532 с.

5. Голгофа // Библейская энциклопедия / репринт издания Библейская энциклопедия. Москва : Терра, 1990. 904 с.

6. Горький М. Детство; В людях; Мои университеты : пьесы. Москва : Художественная литература, 1984. 700 с.

7. Горький М. Неизданная переписка. Москва : Наследие, 2000 (ИМЛИ). 342 с.

8. Горький М. Собрание сочинений : [в 12 томах]. Москва : Современник, 1987.

9. Иванов Н. Н. М. Горький – путешественник и философ: мифопоэтическая парадигма художественного мира: монография / Н. Н. Иванов, отв. ред. Н. Н. Иванов. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 107 с.

10. Иванов Н. Н. Типы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма : научная монография / отв. ред. Н. Н. Иванов. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 235 с.

11. Иванов Н. Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина : научная монография / отв. ред. Н. Н. Иванов. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.

12. История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1. Москва : ВЛАДОС, 2014. 496 с.

13. История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1. Москва : Студент, 2012. 423 с.

14. Литературное наследство. Горький и Андреев. Москва : Изд-во АН СССР, 1965. 630 с.

15. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Москва : Изд-во АН СССР, 1963. 736 с.

16. Максим Горький и мировая культура: сборник научных статей / под ред. Л. А. Спиридоновой. Москва : ИМЛИ РАН, 2023. 720 с.

17. Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения: Горьковские чтения – 2000: Материалы международной конференции / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН и др. Нижний Новгород : РИО ННГУ, 2002.

18. Новый мир. 1964, № 10.

19. Русская литература. 1973, № 2.

20. Мастерская. Уроки литературного мастерства. Вып. 2. Москва : Б. и., 1976. 160 с.

21. Мирский Д. С. Леонид Андреев // ФЭБ. 1992.

22. Мировое значение М. Горького / Международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения писателя // Институт мировой литера-

туры им. А. М. Горького РАН. Москва. 28–30 марта 2018 г. Горьковские Чтения, ИМЛИ, 2018.

23. Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986.

24. Пришвин и современность. Москва : Современник, 1978. 354 с.

25. Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 880 с.

26. Пришвин М. М. Письмо А. М. Ремизову. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Ремизова. № 634. оп.1.ед. хр.175. л. 11,12.

27. Пришвин М. М. Собрание сочинений [в 8 томах]. Москва : Художественная литература, 1982–1986.

28. Словарь автобиографической трилогии М. Горького : [в 6 выпусках]. С прил. словаря имен собственных: (Личные имена, геогр. названия и загл. литературных произведений) / сост. проф. А. В. Федоров, доц. О. И. Фоянкова. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 103 с.

29. Словарь автобиографической трилогии М. Горького / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Межкафедр. словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина. Вып. 6, т. 2 : Сборный – Ящик. Ленинград : ЛГУ, 1990. 344 с.

30. Спиридонова Л. А. Горьковедение на рубеже веков. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/533633.html>.

31. Спиридонова Л. А. Горьковедение на современном этапе развития // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 3–4. Научная жизнь. С. 419–433.

32. Lauer Reinhard. Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München : Auflage. C. H. Beck, 2008.

Reference list

1. А. М. Гор'кij nizhegorodskih let : Vospominanija = A. M. Gorky of Nizhny Novgorod years : Memories : sbornik / sost. A. I. Eliseev; podgot. tekstov i komment. R. G. Bejslehem i dr. Gor'kij : Volgo-Vjat. kn. izd-vo, 1978. 335 s.

2. Andreev L. N. Iuda Iskariot = Judas Iscariot // *Izbrannoe*. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1988. 336 s.

3. Arhiv A. M. Gor'kogo. T. III. Povesti, vospominanija, publicistika, stat'i o literature.= A. M. Gorky's archive. V. III. Stories, memoirs, journalism, articles on literature. Moskva : Goslitizdat, 1951. 297 s.

4. Arhiv A. M. Gor'kogo. T. XIV. M. Gor'kij. Neizdannaja perepiska = A. M. Gorky's archive. V. XIV. M. Gorky. Unpublished letters. Moskva : Nauka, 1976. 532 s.

5. Golgofa = Golgotha // *Biblejskaja jenciklopedija* / reprint izdanija Biblejskaja jenciklopedija. Moskva : Terra, 1990. 904 s.

6. Gor'kij M. Detstvo; V ljudjah; Moi universitety = Childhood; In the World; My Universities : p'esy. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1984. 700 s.

7. Gor'kij M. Neizdannaja perepiska = Unpublished letters. Moskva : Nasledie, 2000 (IMLI). 342 s.

8. Gor'kij M. Sbranie sochinenij : [v 12 tomah] = Collection of works: [in 12 volumes]. Moskva : Sovremennik, 1987.

9. Ivanov N. N. M. Gor'kij – puteshestvennik i filosof: mifopojeticheskaja paradigma hudozhestvennogo mira = M. Gorky – a traveler and a philosopher: the mythopoetic paradigm of the artistic world : monografija / N. N. Ivanov, otv. red. N. N. Ivanov. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2019. 107 s.

10. Ivanov N. N. Tipy i obrazy nacional'noj kultury v proze russkogo neorealizma = Types and images of national culture in the Russian neorealism prose : nauchnaja monografija / otv. red. N. N. Ivanov. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 235 s.

11. Ivanov N. N. Filosofija, jestetika i pojetika tvorcestva Mihaila Prishvina = Philosophy, aesthetics and poetics of Mikhail Prishvin's work : nauchnaja monografija / otv. red. N. N. Ivanov. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.

12. Istorija russkoj literatury XX veka: V 4-h kn. Kn. 1 = History of the XX century Russian literature: In 4 books. Book 1. Moskva : VLADOS, 2014. 496 s.

13. Istorija russkoj literatury XX veka: V 4-h kn. Kn. 1 = History of the XX century Russian literature: In 4 books. Book 1. Moskva : Student, 2012. 423 s.

14. Literaturnoe nasledstvo. Gor'kij i Andreev = Literary legacy. Gorky and Andreev. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1965. 630 s.

15. Literaturnoe nasledstvo. T. 70. Gor'kij i sovetskie pisateli = Literary legacy. V. 70. Gorky and Soviet writers. Neizdannaja perepiska. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1963. 736 s.

16. Maksim Gor'kij i mirovaja kul'tura = Maxim Gorky and world culture : sbornik nauchnyh statej / pod red. L. A. Spiridonovoj. Moskva : IMLI RAN, 2023. 720 s.

17. Maksim Gor'kij – hudozhnik: problemy, itogi i perspektivy izuchenija: Gor'kovskie chtenija – 2000 = Maxim Gorky as an artist: problems, results and prospects of studying: Gorky Readings – 2000 : Materialy mezhdunarodnoj konferencii / In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN i dr. Nizhnij Novgorod : RIO NNGU, 2002.

18. Novyj mir = The New World. 1964, №10.

19. Russkaja literatura = Russian literature. 1973, № 2.

20. Masterskaja. Uroki literaturnogo masterstva = Workshop. Lessons in literary skills. Vyp. 2. Moskva : B. i., 1976. 160 s.

21. Mirskij D. S. Leonid Andreev = Leonid Andreev // *FJeB*. 1992.

22. Mirovoe znachenie M. Gor'kogo = The world significance of M. Gorky / Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, priurochennaja k 150-letiju so dnja rozhdenija pisatelja // Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. Moskva. 28–30 marta 2018 g. Gor'kovskie Chtenija, IMLI, 2018.

23. Perepiska M. Gor'kogo = M. Gorky's correspondence : [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986.

24. Prishvin i sovremennost' = Prishvin and the modern time. Moskva : Sovremennik, 1978. 354 s.
25. Prishvin M. M. Dnevnik. 1940–1941 = Diaries. 1940–1941 / podgot. teksta Ja. Z. Grishin, A. V. Kiselev, L. A. Rjazanov; stat'ja, komment. Ja. Z. Grishin. Moskva : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2012. 880 s.
26. Prishvin M. M. Pis'mo A. M. Remizovu = A letter to A.M. Remizov. OR GPB im. M. E. Saltykova-Shhedrina. Fond Remizova. № 634. op.1.ed. hr.175. l. 11,12.
27. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij [v 8 tomah]. = Collected works [in 8 volumes]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982–1986.
28. Slovar' avtobiograficheskoj trilogii M. Gor'kogo = The Dictionary of M. Gorky's Autobiographical Trilogy : [v 6 vypuskah]. S pril. slovarja imen sobstvennyh: (Lichnye imena, geogr. nazvanija i zagl. literaturnyh proizvedenij) / sost. prof. A. V. Fedorov, doc. O. I. Fonjakova. Leningrad : Izd-vo Leningr. un-ta, 1975. 103 s.
29. Slovar' avtobiograficheskoj trilogii M. Gor'kogo = The Dictionary of M. Gorky's Autobiographical Trilogy / Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. Mezhd. slovarnyj kabinet im. prof. B. A. Larina. Vyp. 6, t. 2 : Sobornyj – Jashhik. Leningrad : LGU, 1990. 344 s.
30. Spiridonova L. A. Gor'kovedenie na rubezhe vekov = Gorky studies at the turn of the centuries. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/533633.html>.
31. Spiridonova L. A. Gor'kovedenie na sovremennom jetape razvitija = Gorky studies at the modern stage of development // Studia Litterarum. 2016. T. 1. № 3–4. Nauchnaja zhizn'. S. 419–433.
32. Lauer Reinhard. Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München : Auflage. C. H. Beck, 2008.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 10.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 29.04.2024; approved after reviewing 10.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-34

EDN: EFRPMF

Жанр святочного рассказа в малой прозе А. Варламова и О. Павлова

Любовь Геннадьевна Кихней^{1✉}, Ольга Алексеевна Сысоева²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Московский университет имени А. С. Грибоедова. 111024, г. Москва, ш. Энтузиастов, д. 21

²Кандидат филологических наук, доцент высшей школы русской филологии, Тихоокеанский государственный университет. 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136

¹lgkihney@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>

²helgats@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8512-8462>

Аннотация. В статье исследуются эволюционные возможности и трансформации литературного жанра – на примере святочного рассказа, показывается способность писателя, отталкивающегося от предшествующего жанрового канона, воплощать замысел в новых жанровых вариациях, но при этом использовать накопленный опыт, сохраненный в культурной памяти.

Объект анализа – святочный рассказ 1990-х годов, представленный двумя значимыми художественными текстами – рассказом А. Варламова «Сочельник» и рассказом О. Павлова «Конец века». Художественные миры этих произведений, сконструированные современными прозаиками, рассматриваются сквозь призму миромоделирующих категорий. Выявляется сходство и различие рассказов на разных уровнях художественной семантики: мотивики и проблематики, системы образов, трансформации художественного пространства и времени.

На основании сравнительно-типологического исследования делаются выводы об отражении в рассказах мировоззренческих позиций авторов и об их соотношении. В результате проведенного анализа сделаны выводы об особенностях преломления жанровой традиции святочного рассказа. Установлено, что в рассказе А. Варламова мы видим особую миромодель, построенную по принципу антитезы тьмы и света, холода и тепла, дома и не-дома; в тексте О. Павлова противостояние достигает своего апогея, так как все пространство рассказа показано как однозначно «враждебное», «чужое» по отношению к людям. В рассказе Варламова микромир, обозначенный координатами зима, город, квартира, сочельник, расширяется до охвата России и истории XX века; у О. Павлова миромоделирующие координаты расширяются до онтологических. В текстах двух авторов через святочную тему репрезентируются мотивы мытарства, жизни и смерти. На примере работы писателей с каноном святочного рассказа видно, как жанр выступает в роли «стабилизирующего фактора» литературного творчества, но в обоих рассказах авторы привносят свое философско-художественное наполнение.

Ключевые слова: жанр; святочный рассказ; А. Варламов; О. Павлов; миромоделирование; пространство; канон

Для цитирования: Кихней Л. Г., Сысоева О. А. Жанр святочного рассказа в малой прозе А. Варламова и О. Павлова // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 34–41. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-34>. <https://elibrary.ru/EFRPMF>

Original article

The christmas story genre in A. Varlamov's and O. Pavlov's short prose

Lubov G. Kikhney^{1✉}, Olga A. Sysoeva²

¹Doctor of philological sciences, professor, head of the department of the history of journalism and literature, A. S. Griboyedov Moscow university. 111024, Moscow, shosse Entuziastov, 21

²Candidate of philological sciences, associate professor, Higher school of russian philology, Pacific state university. 680035, Khabarovsk, Tikhookeanskaya str., 136

¹lgkihney@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>

²helgats@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8512-8462>

Abstract. The author of the article studies the possibilities of a literary genre to evolve and transform, and, using the example of the christmas story genre, shows the ability of a writer, to realize the idea in new genre variations, but at the same time to use the previous experience kept in the cultural memory.

The object of the analysis is the christmas story of the 1990s in the two significant literary texts – A. Varlamov's short story Christmas Eve and O. Pavlov's short story The End of the Century. The artistic worlds of these works, constructed by modern prose writers, are viewed through the prism of world-modeling categories. The article shows similarity and difference of the stories at different semantic levels: motives and problematic, image systems and transformations of artistic space and time.

Basing on the comparative-typological study, the author draws some conclusions about the writers' worldview reflected in the stories and about their correlation. The analysis leads to the conclusions about the peculiarities of interpreting the genre tradition of the christmas story. In Varlamov's story there is a special world model built on the principle of antithesis between darkness and light, cold and warmth, home and non-home; whereas in O. Pavlov's text the confrontation reaches its climax, as the entire space of the story is shown as unambiguously «hostile», «alien» to people. In Varlamov's story, the microcosm designated by the winter, city, apartment and Christmas Eve coordinates expands to encompass Russia and the history of the XX century; while in O. Pavlov's story, the world-modeling coordinates expand to be ontological ones. In the texts of the two writers, the motives of ordeal, life and death are represented through the christmas theme. The example of the writers' work with the canon of the Christmas story shows how the genre acts as a «stabilizing factor» of literary creativity, but in both stories the authors introduce their own philosophical and artistic content.

Key words: genre; christmas story; A. Varlamov; O. Pavlov; micro-modeling; space; canon

For citation: Kikhnei L. G., Sysoeva O. A. The christmas story genre in A. Varlamov's and O. Pavlov's short prose. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):34–41. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-34>. <https://elibrary.ru/EFRPMF>

Введение

Жанровый анализ художественного текста предполагает обращение к ряду понятий, которые входят в терминологическое поле жанра. В первую очередь это понятия «первичного» и «вторичного» жанров, их разграничение помогает прояснить саму природу художественного высказывания, выявить взаимоотношения языка и мировоззрения [Бахтин, 1986, с. 252–253]. Следующий аспект жанровой теории – это эволюционные возможности жанра, способность художника, отталкивающегося от некоего жанрового канона, воплощать замысел в новых жанровых вариациях, при этом использовать накопленный опыт предшествующих поколений. На это указывали многие теоретики литературы, например, М. М. Бахтин в этой связи замечает: «Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, «вековечные» тенденции развития литературы»; в нем «всегда сохраняются не умирающие элементы архаики» [Бахтин, 1979, с. 178]. При этом в жанровой структуре возникают и новые составляющие, жанр неизменно трансформируется: «живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало» [Бахтин, 1979, с. 179]. Жанровый канон становится своеобразным знаком литературной традиции [Стенник, 1974, с. 173–175, 189].

Литература XX и XXI века дает возможность говорить о постоянном обновлении жанровой традиции. Таким примером обновления жанро-

вой традиции становится святочный рассказ – устойчивый, канонический жанр, существующий в русской литературе не одно столетие, яркий «представитель творческой памяти в процессе литературного развития» [Бахтин, 1979, с. 179]. Действительно, в литературе конца XX века наблюдаются интересные и напряженные поиски, эксперименты, в том числе и в области жанра, стиля, новых художественных решений. «Девяностые годы – это время практически реализованного многообразия литературного процесса, связанного ... с жанровым, стилевым и направленческим разъединением, то есть с претворением в жизнь своеобразного „культурного многоязычия“» [Абашева, 2001, с. 29].

Н. С. Базылева предлагает выделить следующие этапы развития русской святочной прозы: «начало XIX века... – развитие в русле романтических традиций (В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь), вторая половина XIX века – период становления и оформления литературного жанра (святочная проза Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова), конец XIX – начало XX века – размывание границ жанра, поиск новых путей его развития (рассказы А. И. Куприна, Л. Андреева), 1917–1990-е годы – кризис жанра, утрата христианского мироощущения, преобладание новогодней тематики («Даня» В. Белова, «Чук и Гек» А. Гайдара, «Танина елка» Л. Воронковой), с середины 1990-х годов XX века – возрождение жанра» [Базылева, 2016, с. 1].

Как мы видим, в конце XX века наблюдается возрождение календарной прозы, то есть приуроченной к церковной календарной системе, обладающей содержанием, связанным с праздничной обрядностью. Уже в декабре 1990-го года Рождество стало нерабочим днем. В это же время жанр святочного рассказа возвращает утраченную в советское время популярность. Так, в 1991 году выходит первый после долгого перерыва сборник «Рождественские истории», где в предисловии отмечено, что это издание «возрождает давно забытую традицию... – дает ребенку первые представления об основах христианской морали, о добре и милосердии» [Рождественские истории, 1991, с. 3].

Жанровый канон святочного рассказа получает развитие в творчестве писателей конца XX – начала XXI века. В структурной основе данной жанровой формы находится архетип чуда. Он становится константным сюжетным центром. Важными особенностями, согласно концепции И. А. Есаулова, становятся мотивы «самовольного изменения судьбы», «самоутверждения в земной жизни, которое становится важнее духовного спасения», а также «карнавальная» игры [Есаулов, 2004, с. 69–70].

Святочный рассказ продолжает привлекать внимание исследователей. Встречаются работы обобщающего характера, в которых авторы пытаются установить жанровые границы [Старыгина, 1992] и определить особенности поэтики [Шишкина, 2022], наибольшее количество работ посвящено авторам XIX века и начала XX века: Д. Н. Мамину-Сибиряку [Зырянов, 2023], Н. С. Лескову [Старыгина, 2020; Картузова, 2021], И. А. Бунину [Бердникова, 2020; Богданова, 2023], А. П. Чехову [Кубасов, 2022; Иваньшина, 2021], Л. Андрееву [Лебедева, 2021] и другим. Особенности существования жанра святочного рассказа в современной литературе также привлекают внимание исследователей [Ковтун, Бурылова, 2023; Гаврилина, 2023].

Анализируя художественную специфику святочных рассказов 1990-х годов, следует учитывать эволюцию, связанную с усилением реалистических тенденций, «нового автобиографизма» (положение Т. О. Личмановой). Так, именно под их влиянием композиция текстов трансформируется в показ жизненных реалий. Ряд писателей (А. Варламов, О. Павлов, А. Кабаков, В. Токарева) обращаются к историям, происходящим с обычными людьми, но проблема выбора между

добром и злом сохраняется в качестве основного конфликта.

Для иллюстрации идеи об эволюции жанрового канона святочного рассказа обратимся к произведениям А. Варламова «Сочельник» (1992) и О. Павлова «Конец века» (1996). В центре первого – устойчивый диккенсовский образ богача-мизантропа, представляющего тип «человека меняющегося», под влиянием воздействия определенных внешних или внутренних сил. Второй показывает героя-страдающего, которого можно условно соотнести с традицией Г. Х. Андерсена («Девочка со спичками») и Ф. М. Достоевского («Мальчик у Христа на елке»).

Результаты исследования

Связь с православной традицией и календарем отмечали исследователи прозы Варламова: «В прозе Варламова важные события в жизни героев связаны с церковным календарем и значат необходимость преображения, очищения. Наличие церковных дат помогает героям преодолеть кризисные состояния, помогает осознать и понять цель своего жизненного пути. Во всех произведениях А. Варламов изображает кризисную точку в духовной и физической жизни героя, преодолевая которую, герой либо перерождается, либо погибает» [Аванесян, 2018, с. 106].

А. Варламов в своем рассказе решает вопрос о трагичности судьбы человека, реализуя особую миромодель, построенную по принципу антитезы тьмы и света, холода и тепла, дома и не дома. Но каждая из антитез наполняется в рассказе индивидуальным, неклассическим смыслом. Мир в рассказе поделен на два полюса, которые условно разделены трагическим временем войны, ставшей переломным моментом в судьбе старика, а потом поделив его существование надвое: жизнь без страха и жизнь, наполненную ужасом и мутным ожиданием чуда.

Основополагающей пространственной антитезой в рассказе является «свое – чужое», которая реализуется как «дом – не дом», при этом «свое» (мирное в традиционной картине мира) и «чужое» (как правило враждебное герою) в тексте получают иную реализацию. В начале рассказа пространство «не дома» – это московская мглистая улица: «По темной, еще не дождавшейся рассвета московской улице, по мокрому снегу вперемешку с водой, занимая полтротуара, опираясь на палку и тяжело дыша, двигался, как оползень, громадный старик в древнем кожаном

пальто на меху и изъеденной молью песцовой шапке» [Варламов]. Это пространство герою недружелюбно: тревожное ожидание открытия газетного киоска лишь на мгновение прерывается тенью воспоминания о былом и возможном («он чувствовал себя совсем иначе, чем час назад, с жадностью смотрел по сторонам, отчетливо, как в молодости, слышал звуки и запахи улицы, его обострившееся сознание отмечало все до мелочей, он заглядывался на хорошеньких женщин и ловил себя на почти забытом ощущении, как было бы ему приятно, если бы кто-нибудь из них обратил на него внимание и сел рядом» [Варламов]), но тут же затмевается чувством мутного ожидания, в котором проходит жизнь старика на протяжении последних почти 50 лет (отметим, что биографическое время в рассказе заменено временем историческим, которое отмеряет вехи жизни героя).

Пространство дома еще менее дружелюбно герою: это захлавленная квартира, неудобная, темная, полная тайников, в которых хранятся даже не столько облигации, сколько мечты старика о мести. Отношение старика к облигациям проявляет код рождественского рассказа Диккенса. Так же, как и Эбинизер Скрудж в «Рождественской песне» («Нет справедливости на земле! – молвил Скрудж. – Беспощаднее всего казнит свет бедность ...») [Диккенс], старик ищет некой справедливости, которую могут, по его мнению, восстановить деньги: «Кроме этих облигаций и способа добыть деньги, чтобы обратиться в новые облигации, ничто его не интересовало – он жил одиноко, и вся его жизнь проходила в каком-то странном полусне-полубодствования, хотя когда-то она была совсем иной, но было это так давно и так непохоже на его нынешнее состояние, что казалось ему, будто все то случилось с другим человеком» [Варламов].

С пространством «не дома» связано и пребывание старика и его семьи в эвакуации во время войны: «Чужая изба при сельской школе, дурная пища, холод, тараканы, скука, и даже на улицу выйти было неприятно ... и большую часть времени старик сидел в избе возле печи и вспоминал» [Варламов]. Лишился старик своего «дома», вернувшись из эвакуации, потому что вторая жена «не смогла отстоять квартиру, куда вселилась грозившая доносами еврейская семья, и им пришлось жить вшестером в маленькой комнате: он, две женщины и трое детей». Пространством, реализующим категорию «свое», становится

условное ментальное пространство воспоминаний, связанных с Рождеством и той самой елкой, символом ушедшей юности, которая кажется старику единственно счастливым временем в его жизни: «Он вспоминал Рождество, громадную елку в жарко натопленной сверкающей зале, вальс из „Щелкунчика“, женские платья и туфельки и стыдливую, подарившую ему первые ласки любви гувернантку – белокурую немку с таинственным именем Лотта» [Варламов]. Обращает внимание на «святочный» мотив, отсылающий к новелле Гофмана, связанный с мотивом переодевания / карнавальности: «чистая» любовь Лотты, которая оказывается оплаченной отцом героя, игра музыкантши детям, которые еще не понимают, что эта женщина разрушила брак их родителей и т. д.

Важной смысловой частью рассказа являются сумрак и холод, настигший героя во время войны и сопровождающий его на протяжении последующей жизни, и только свет и тепло дореволюционного дома старика («в жарко натопленной сверкающей зале») резко противопоставляются этому холоду в конце рассказа. Елка, случайно оказавшаяся у старика, становится вестником из прошлого: «трогал иголки и вспоминал». Воспоминания эти показывают читателю любовь, которая была у старика, и произошедший с ним слом, его мгновенное погружение в отчаяние и холод, которые иногда оттесняются мыслью о выигрыше, который поможет то ли наладить жизнь, то ли отомстить стране и тем, кто эту жизнь погубил.

В этой связи важно отметить еще одно наполнение антитезы «свое – чужое»: национальное и государственное. Для старика не существует патриотических чувств к тому государству, в котором он живет: «Как же не похожа была эта война с белокурами немцами на ту, что он помнил юношей, и если тогда ему хотелось пусть уж не прямо на фронт, но хоть какую-то лепту внести в защиту Отечества от нашествия иноплемеников, и в благородном порыве было отказано от дома Лотте, то теперь стало все равно, и лишь одно желание им владело: скорей бы все это кончилось, так или иначе, те победят или другие, но он вернется к прежней жизни» [Варламов]. Для его сознания, сломленного войной и последующими за ней невзгодами, важной становится не сама жизнь в этой стране и обществе, а стремление отомстить «воровской власти». И в момент предсмертного прозрения также подчеркивается внутренняя чуждость конкретно этого

времени в истории страны, которую герой в своем сознании ассоциирует только с властью: «Безбожная, подлая власть, построившая никому не нужные заводы, каналы и электростанции, запустившая в измученный космос десятки улыбающихся гагариных, построившая дачи и особняки там, где стояло его имение, сделала это все на те деньги, что он щедро и безрассудно ей отдал, а ему оставила захламленную квартиру, одиночество и пустоту» [Варламов]. Так, очевидно, что в противопоставлении «свое – чужое» отражена идея об идеальности и правильности дореволюционной жизни, и негативном отношении к Советскому Союзу.

Своего рода символом, связующим в сознании старика прошлое и настоящее, становится елка: «И вдруг мучительно, сильнее даже, чем выиграть, захотелось ему, чтобы все воскресло и повторилось, чтобы снова была наряжена и сверкала огнями елка». Именно она пробуждает потухшее сознание героя, рождая воспоминания. Нарядить ее и отправить в полет голубков, сделанных из облигаций, – вот последнее дело, которое успевает сделать старик перед смертью. Возвращение героя в прошлое – это своеобразная временная и пространственная метаморфоза, свойственная для любого церковного праздника, во время которого повторяющиеся события священной истории переживаются как будто заново: все радуются рождению Христа, зная, что произойдет дальше.

Как видим, канон жанра святочного рассказа успешно реализован в рассказе А. Варламова. Главный герой умирает, хотя перед смертью чувствует себя счастливым, освободившись от груза «облигаций», как будто вернувшись в счастливую юность, символом которой становится немка-гувернантка Лотта, чистая и юная, как и сам герой когда-то. Рассказ завершается погружением героя в сон. Путь героя по маршруту не-дом – дом – сон оказывается движением не в пространстве, а во времени, в этот последний день герой вспоминает свою жизнь, испытывает преображение, и проваливается в сон-смерть.

Важным, обращающим на себя внимание аспектом является безымянность всех героев рассказа: старик, первая жена, музыкантша, вдова генерала, старший сын, дочь. Место эвакуации тоже не названо, хотя имплицитно проявлена Москва. Время, как уже было сказано, лишено биографизма, очевидно только, что старик прожил долгую жизнь, застав на своем веку и рево-

люцию, и войну, и оттепель, и перестройку, когда «люди стали шальные».

Рассмотрим, как представлен второй вариант святочного рассказа в малой прозе О. Павлова. Композиционная структура и образная система рассказа «Конец века» (1996) соответствуют традиционной жанровой форме, но в нем отмечаются концептуальные трансформации на идейном уровне, которые позволяют его классифицировать как модификацию святочного рассказа, инвариант 1990-х годов. Обратим внимание на авторское жанровое определение – «соборный рассказ», которое явно отсылает к категории соборности, понимаемой, вслед за А. С. Хомяковым и И. А. Есауловым, как «единство... органическое, живое начало которого есть божественная благодать взаимной любви», присущее всей русской литературе [Есаулов, 2001, с. 282].

На первый взгляд, в рассказе представлена типичная история, которая вписывается в каноны жанра, в первую очередь, структурным решением и особенностями хронотопа. При этом с мотивом рождения (Рождества) в пространстве рассказа оказывается тесно связан мотив смерти: «Рождество было или не Рождество, но праздник этот признавался как государственный... Стопилось праздников, будто справляли старого года *похороны*» [Павлов, 2020, с. 173]. Именно эти образы (жизни-смерти) открывают рассказ, они же и завершают его: «Когда после праздников заработала и приехала труповозка, то не обнаружили тела неизвестного» [Павлов, 2020, с. 185]. Тем самым создается кольцевая «рождественско-пасхальная» композиция, которая определяется еще в эпиграфе, взятом из Евангелия от Матфея. Именно сюжет незнания Христа в «меньшем» становится центральным в рассказе, а кульминацией – Его распятие («Он лежал ... так глубоко и убито, будто висел, приколотенный к ней гвоздями» [Павлов, 2020, с. 182]), смерть и воскресение. И. И. Плеханова совершенно справедливо указывает основные сюжетные элементы «явления Христа»: «поругание (избиение охранниками), ... предательство врача – Иуды – Пилата, обрекшего на смерть, и крест – и только санитарка Антонина, как евангельский сотник, свидетельствовала, кто же это был в действительности, но свидетельствовала немо – даже не мыслями, но поведением» [Плеханова, 2005, с. 142].

Портрет неизвестного создается в помощью контраста, в его описании доминируют два цвета «черный» и «белый»: «чесотка сделала его кожу одной темнотой, и только лицо да руки были ре-

жущей белизны, красоты» [Павлов, 2020, с. 181], Антонина с помощью «струи белого пара» силится отмыть «тлеющую грязь», но обнаруживает, что «черные пятна были раны». Наконец, в финале рассказа от героя остается только «белая, в темнотах мертвецкого пота, простыня», лежащая на «светлой бетонной лавке» в темной «пещере морга». Подобная монохромность выделяется еще и на фоне подробного рассказа о больницы традиции помечать казенные вещами разными цветами: «на кастрюлях пищеблока малевали номерняки ... кроваво-красной краской; на синих казенных пижамах вытравили учетные номера хлоркой..., а трупы метили зеленкой» [Павлов, 2020, с. 184]. Только после смерти этот «цветной» мир пытается отметить героя, но тот таинственно исчезает.

На уровне композиции героев четко проявляется константная оппозиция социальный / асоциальный и устанавливается хронотоп Рождества в большом городе, разделенном на людей «нормальных» и «ненормальных»: «Людей этих называют бомжами. Живут они воровством, попрошайничая, а то и как зверье на помойках» [Павлов, 2020, с. 173]. Евангельский подтекст четко показывает, что «нормальный» мир – это фикция, обман, духовно-нравственная омертвимость.

Одним из важнейших архетипов святочного рассказа исследователи считают образ праведника / мученика, который, несомненно, связан с архетипом «не дома», мотивом вечного странствования. Все обездоленные герои рождественских историй мечтают о теплом доме, где их ждут родные люди. О. Павлов в рассказе «Конец века» показывает только казенное пространство (больница, морг, улица), которое чуждо по отношению к любому человеку. В центре же повествования люди, которые и вовсе лишены дома как такового: «Все дело в том, что у этих людей нет жилья. А раз нет жилья, то нет и прописки с паспортом... И гонимый голодом, холодом, беспросветной угрозой побоев от милиции да и от всякого загулявшего молодца, ты и выживаешь, как можешь, до самой смерти» [Павлов, 2020, с. 174].

К общей смысловой части произведений данного жанра следует отнести и мотив холода. Холод убивает героев святочных рассказов Андерсена и Достоевского, он же главенствует в рождественской Москве в рассказе О. Павлова: «Было дремотно от жгучих морозов, белым-бело, и долготу дня утопляли болотисто-морозные белые ночи» [Павлов, 2020, с. 173]. Доставленного

в больницу бомжа проверяют на крепость холодом: «Мороз сковал комнатку, и сколько-то прошло времени, даже мешок тот из полиэтилена, чудилось, оледенел. Доктор звонил, проверяя, но обнаружилось, что мешок все еще присутствует в больнице и сам от холода не ушел» [Павлов, 2020, с. 178]. И только с появлением санитарки Антонины в пространстве текста появляется долгожданное тепло: «Вода, которую пустила баба, как на морозе, дышала паром, но Антонина ... переживала, ... что лился кипяток вместо горячей» [Павлов, 2020, с. 179]. Вместе с физическим теплом связывается и душевное: Антонина – единственный персонаж, которому автор дает имя. Остальные герои так и остаются «молоденькой растрепанной врачихой», «растерянным водителем», «усталым дежурным доктором», «пьяными охранниками», «гундосой санитаркой» и прочим «народцем», который так не увидел в бомже человека.

Заключение

Если в рассказе А. Варламова мы видим особую миромодель, построенную по принципу антитезы тьмы и света, холода и тепла, дома и не-дома, то в тексте О. Павлова противостояние достигает своего апогея. Все пространство рассказа показано как однозначно «враждебное», «чужое» по отношению к людям. В рассказе Варламова микромир, обозначенный координатами зима, город, квартира, сочельник, расширяется до охвата России, история, XX век; у О. Павлова миромоделирующие координаты расширяются до бытийных. И в том и в другом рассказе миры соприкасаются через судьбу одного человека, безымянных стариков. Как видим, у Варламова на небольшом пространстве рассказа уместилось описание жизни, которая могла бы быть счастливой, но оказалась сломана ходом истории трагического XX века. Павлов же ставит своей задачей показать общий духовный фон XX века, что делает его рассказ близким к притче. В текстах двух авторов через святочную тему репрезентируются мотивы мытарства, жизни и смерти.

На примере святочного рассказа конца XX века можно увидеть как меняется жанровый канон, соотносясь с культурной ситуацией. Авторская установка реализуется в конкретных приемах работы с жизненным и словесным материалом. При сохранении каноничной формы и содержательных элементов (действие происходит в России 1990-х годов, приурочено к праздникам, с героем происходят чудеса, которые предопреде-

ляют душевную метаморфозу с ним или его окружением) можно наблюдать неполное следование образцу. Поэтому несмотря на причастность жанровой традиции и даже узнаваемость некоторых приемов авторов предшествующих эпох (Диккенса, Андерсена, Достоевского), реализуется установка на реально-жизненное, историческое наполнение жанровой традиции. В рамках одних и тех же жанровых координат авторами создаются произведения, с одной стороны, с ярким притчевым апокрифическим началом (соприкосновение повседневной жизни со священной историей), а с другой – рассказ о жизни человека, заставшего все трагические события истории России в XX веке.

На примере работы писателей с каноническим святочного рассказа видно, как жанр выступает в роли «стабилизирующего фактора» литературного творчества, но в обоих рассказах авторы вносят свое наполнение.

Библиографический список

- Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь : Изд-во Перм. унта, 2001. 320 с.
- Аванесян И. Б. Символика православного календаря в творчестве А. Варламова // Научный диалог. 2018. № 7. С. 104–113.
- Базылева Н. С., Жукова А. А., Цивенко Н. Б. Эволюция жанра «рождественский рассказ» // Юный ученый. 2016. № 6 (9). С. 1–4.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советская Россия, 1979. 318 с.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
- Бердникова О. А. Рождественский сюжет и его модификации в прозе И.А. Бунина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 8–12.
- Богданова О. В., Лю М. Ностальгический подтекст рассказа Ивана Бунина «Святочный вечер» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 1. С. 17–23.
- Варламов А. Сочельник. URL: <https://azbyka.ru/fiction/mariya-i-vera-aleksej-varlamov/> (дата обращения: 10.02.2024).
- Гаврилина О. В. Жанр святочного (Рождественского) рассказа в современной Отечественной прозе // Национальный стиль русской литературной классики: Материалы VIII Межвузовской научно-практической конференции, Москва, 07 апреля 2022 года. Москва : Московский городской педагогический университет, 2023. С. 149–159.
- Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе. URL: <https://azbyka.ru/fiction/rozhdestvenskie-povesti/> (дата обращения: 16.12.2023).
- Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. Москва : Кругъ, 2004. 560 с.
- Зырянов О. В. Футурологический аспект святочного нарратива Д. Н. Мамина-Сибиряка // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 1. С. 29–43.
- Иваньшина Е. А. Колесо фабулы и движение сюжета: как работает мотивный комплекс у А. П. Чехова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31, № 3. С. 543–550.
- Картузова М. В. А. П. Чехов и Н. С. Лесков: к вопросу о творческих связях // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1(86). С. 337–339.
- Ковтун Н. В., Бурьлова А. В. Трансформация женских образов в жанре рождественского рассказа: от традиционалистской прозы к текстам XXI в // Сибирский филологический форум. 2023. № 3(24). С. 25–36.
- Кубасов А. В. Рассказы «В рождественскую ночь» А. П. Чехова и «Ночной трезвон» его брата Александра: проблема творческой полемики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 210–221.
- Лебедева В. Ю. В. Набоков и Л. Андреев: точки пересечения // Филологос. 2021. № 4(51). С. 32–38.
- Павлов О. О. Конец века // Отчет времени обратный: посмертное издание. Москва : Время, 2020. С. 173–185.
- Плеханова И. И. Игра антиномиями в рассказе рубежа веков: судьба жанра в литературном процессе: Сборник научных статей. Иркутск : Ирк.гос.ун-т., 2005. 257 с.
- Полева Е. А. Рассказ А. А. Солоницына «Маленькой ёлочке холодно зимой» в контексте традиции святочной прозы // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. № 2. С. 31–37.
- Рождественские истории: самые разные художники – самым хорошим детям. Минск : Полифакт, 1991. 56 с.
- Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 113–127.
- Старыгина Н. Н. Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 238–259.
- Стенник Ю. В. Системы жанров в историко-литературном процессе // Историко-литературный процесс: Проблемы и методы изучения. Ленинград : Наука, 1974. С. 168–202.
- Шишкина И. Е. О календарно-духовной литературе и ее жанровых разновидностях // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2022. № 14(38). С. 78–87.

Reference list

- Abasheva M. P. Literatura v poiskah lica (russkaja proza v konce XX veka: stanovlenie avtorskoj identichnosti) = Literature in search of a personality (Russian prose at the end of the XX century: forming authorial identity). Perm' : Izd-vo Perm. unta, 2001. 320 s.

2. Avanesjan I. B. Simvolika pravoslavnogo kalendarja v tvorcestve A. Varlamova = Orthodox calendar symbolism in A. Varlamov's work // Nauchnyj dialog. 2018. № 7. S. 104–113.
3. Bazyleva N. S., Zhukova A. A., Civenko N. B. Jev-oljucija zhanra «rozhdstvenskij rasskaz» = The evolution of the Christmas story genre // Junyj uchenyj. 2016. № 6 (9). S. 1–4.
4. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's poetics. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1979. 318 s.
5. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva = Aesthetics of verbal art. Moskva : Iskusstvo, 1986. 445 s.
6. Berdnikova O. A. Rozhdstvenskij sjuzhet i ego modifikacii v proze I. A. Bunina = Christmas plot and its modification in I. A. Bunin's prose // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2020. № 4. S. 8–12.
7. Bogdanova O. V., Lju M. Nostal'gicheskij podtekst rasskaza Ivana Bunina «Svjatochnyj vecher» = The nostalgic subtext of Ivan Bunin's story «Holy Night» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16, № 1. S. 17–23.
8. Varlamov A. Sochel'nik = Christmas Eve. URL: <https://azbyka.ru/fiction/mariya-i-vera-aleksej-varlamov/> (data obrashhenija: 10.02.2024).
9. Gavrilina O. V. Zhanr svjatochnogo (Rozhdstvenskogo) rasskaza v sovremennoj Otechestvennoj proze = The genre of the holly (Christmas) story in contemporary Russian prose // Nacional'nyj stil' russkoj literaturnoj klassiki: Materialy VIII Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 07 aprelja 2022 goda. Moskva : Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet, 2023. S. 149–159.
10. Dikens Ch. Rozhdstvenskaja pesn' v proze = A Christmas Carol in Prose. URL: <https://azbyka.ru/fiction/rozhdstvenskie-povesti/> (data obrashhenija: 16.12.2023).
11. Esaulov I. A. Pashal'nost' russkoj slovesnosti = Easter in Russian literature. Moskva : Krug#, 2004. 560 s.
12. Zyrjanov O. V. Futurologicheskij aspekt svjatochnogo narrativa D. N. Mamina-Sibirjaka = Futurological aspect of D. N. Mamin-Sibiryak's Christmas narrative // Filologicheskij klass. 2023. T. 28, № 1. S. 29–43.
13. Ivan'shina E. A. Koleso fabuly i dvizhenie sjuzheta: kak rabotaet motivnyj kompleks u A. P. Chehova = The wheel of the plot and its development: how A. P. Chekhov's motive complex works // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija. 2021. T. 31, № 3. S. 543–550.
14. Kartuzova M. V. A. P. Chehov i N. S. Leskov: k voprosu o tvorcheskih svjazjah = A. P. Chekhov and N. S. Leskov: towards the creative relationship // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2021. № 1(86). S. 337–339.
15. Kovtun N. V., Burylova A. V. Transformacija zhenskikh obrazov v zhanre rozhdstvenskogo rasskaza: ot tradicionalistskoj prozy k tekstam XXI v. = Female images transformation in the Christmas story genre: from traditionalist prose to XXI century texts // Sibirskij filologicheskij forum. 2023. № 3(24). S. 25–36.
16. Kubasov A. V. Rasskazy «V rozhdstvenskiju noch'» A. P. Chehova i «Nochnoj trezvon» ego brata Aleksandra: problema tvorcheskoj polemiki = A. P. Chekhov's story «On Christmas Night» and his brother Alexander's «Night Ringing»: the problem of creative polemics // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2022. № 77. S. 210–221.
17. Lebedeva V. Ju. V. Nabokov i L. Andreev: točki peresechenija = V. Nabokov and L. Andreev: points of intersection // Filologos. 2021. № 4(51). S. 32–38.
18. Pavlov O. O. Konec veka = The end of the century // Otchet vremeni obratnyj: posmertnoe izdanie. Moskva : Vremja, 2020. S. 173–185.
19. Plehanova I. I. Igra antinomijami v rasskaze rubezha vekov: sud'ba zhanra v literaturnom processe = The play of antinomies in the turn-of-the-century short story: the fate of the genre in the literary process : sbornik nauchnyh statej. Irkutsk : Irk.gos.un-t., 2005. 257 s.
20. Poleva E. A. Rasskaz A. A. Solonicyna «Malen'koj jolochke holodno zimoj» v kontekste tradicii svjatochnoj prozy = A. A. Solonitsyn's story «It's Cold for a Little Christmas Tree in Winter» in the context of the Christmas prose tradition // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2021. № 2. S. 31–37.
21. Rozhdstvenskie istorii: samye raznye hudozhniki – samym horoshim detjam = Christmas stories: very different artists to the best children. Minsk : Polifakt, 1991. 56 s.
22. Starygina N. N. Svjatochnyj rasskaz kak zhanr = Christmas story as a genre // Problemy istoricheskoj pojetiki. 1992. № 2. S. 113–127.
23. Starygina N. N. Hristianskaja semantika rasskaza «Hristos v gostjah u muzhika» N. S. Leskova = Christian semantics of the story Christ Visiting a Man by N. S. Leskov // Problemy istoricheskoj pojetiki. 2020. T. 18, № 2. S. 238–259.
24. Stennik Ju. V. Sistemy zhanrov v istoriko-literaturnom processe = Genre systems in the historical and literary process // Istoriko-literaturnyj process: Problemy i metody izuchenija. Leningrad : Nauka, 1974. S. 168–202.
25. Shishkina I. E. O kalendarno-duhovnoj literature i ee zhanrovyh raznovidnostjah = On calendar-spiritual literature and its genre varieties // Vostochnoslavjanskaja filologija. Literaturovedenie. 2022. № 14(38). S. 78–87.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 25.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-42

EDN: EKFNCS

Преодоление советского: диалог Ветхого и Нового Заветов в поэме И. А. Бродского «Исаак и Авраам»

Анна Александровна Федотова

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современного литературоведения проблема анализа поэтики и проблематики ключевой для духовного формирования И. А. Бродского символической религиозной поэмы «Исаак и Авраам» (1963). Поэма анализируется с точки зрения взаимодействия в ней двух культурных и религиозных традиций, а именно иудаизма, отраженного в первоисточнике – ветхозаветной книге Бытия, и христианства. Обращение молодого поэта к религиозной тематике интерпретируется в статье как форма сопротивления советской системе, в которой господствовало атеистическое мировоззрение. Используя современные методы анализа, в том числе комплексный филологический анализ текста и интертекстуальные методики, автор статьи приходит к выводу о том, что Бродский, переосмысливший ветхозаветный сюжет через призму работ христианского философа-экзистенциалиста Кьеркегора, представил человека, оказавшегося в характернейшей для этого философского направления ситуации одиночества и кризиса веры. Одиночество героя в точном соответствии с оригинальным иудейским сюжетом оказывается не только и не столько экзистенциальной изоляцией, сколько непосредственным предстоянием перед Богом. С другой стороны, осмысляя ветхозаветный сюжет в духе метафизики христианства, Бродский в «Исааке и Аврааме» неоднократно подчеркивает прообразовательный характер событий, произошедших на горе Мориа. Рождение веры героев ветхозаветного повествования в ранней поэме Бродского находится в тесной связи с ключевым событием Евангелия, с готовностью Бога принести в жертву своего единственного сына ради возможности грядущего человеческого воскресения.

Ключевые слова: И. А. Бродский; «Исаак и Авраам»; рецепция; библейский текст; советский дискурс; символика; мотив; интертекстуальность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А. А. Преодоление советского: диалог Ветхого и Нового Заветов в поэме И. А. Бродского «Исаак и Авраам» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 42–49. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-42>. <https://elibrary.ru/EKFNCS>

Original article

Overcoming the soviet: the dialog between the Old and New Testaments in J. Brodsky's poem Isaac and Abraham

Anna A. Fedotova

Doctor of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. The article addresses the problem relevant for modern literary criticism, that of analyzing the poetics and problematic of J. Brodsky's symbolic religious poem Isaac and Abraham (1963) which was key to his spiritual formation. The poem is analyzed in terms of the interaction between two cultural and religious traditions, namely Judaism, as reflected in the Old Testament book of Genesis, and Christianity. The young poet's appeal to religious themes is interpreted in the article as a form of resistance to the Soviet system, dominated by an atheistic worldview. Using complex philological analysis of the text and intertextual techniques, the author of the article concludes that Brodsky reinterpreted the Old Testament story through the prism of the works by Christian existentialist philosopher Kierkegaard, and portrayed a man in a situation of loneliness and crisis of faith characteristic of this philosophical

movement. Interpreting the Old Testament plot in the spirit of the metaphysics of Christianity, Brodsky, in his *Isaac and Abraham*, repeatedly emphasizes the pro-educational nature of the events that took place on Mount Moriah. The sacrifice of Isaac is unambiguously interpreted in the poem as an analogue of the cross sacrifice of Jesus Christ. The rise of the faith in the characters of the Old Testament narrative in Brodsky's early poem is closely related to the key event of the Gospel, with God's willingness to sacrifice his only son for the possibility of the coming human resurrection.

Key words: J. Brodsky; Isaac and Abraham; reception; biblical text; soviet discourse; symbolism; motif; intertextuality

This research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Fedotova A. A. Overcoming the soviet: the dialog between the Old and New Testaments in J. Brodsky's poem *Isaac and Abraham*. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):42–49. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-42>. <https://elibrary.ru/EKFNGS>

Введение

Среди всех поэтов второй половины XX века нет другого автора, чье творчество привлекало бы больший интерес современных литературоведов, чем И. А. Бродский. В последние два десятилетия активно публикуются исследования биографии и поэтики писателя. Широко исследуются проблемы поэтики Бродского, который давно уже признан одним из самых сложных для восприятия и интерпретации поэтов XX века: многочисленны статьи, авторы которых не устают находить у Бродского те или иные интертекстуальные отсылки [Ахапкин, 2018]; [Богданова, Власова, 2021]; [Бурая, Богданова, 2022], [Гудониене, 2000]; [Ранчин, 2001], изучаются формальные особенности лирики Бродского [Шерр, 2002], особенности циклообразования в его творчестве [Богомоллов, 2004]; [Бурая, 2021], коммуникативные стратегии письма [Чаунина, 2019].

К числу тех проблем, к которым вынуждены постоянно обращаться ученые, занимающиеся изучением творчества поэта, относится религиозная направленность его произведений. Наиболее исследованным с точки зрения религиозной традиции выступает рождественский «цикл» стихотворений поэта. Метафизические аспекты лирики Бродского с привлечением многочисленных биографических подробностей рассмотрены в монографии Б. Янгфельдта «Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском» [Янгфельдт, 2011]. В статьях Е. В. Мищенко [Мищенко, 2008] и Р. Измайлова [Измайлов, 2008] проводится систематический обзор и анализ основных произведений поэта, содержащих отсылки к «библейскому тексту».

Активный интерес Бродского к религиозным проблемам, неизменно отражавшийся в его творчестве, не подвергается сегодня сомнению. Особенно ярко он проявился в его работах периода жизни в Советском Союзе, то есть до 1972 года.

В этой связи характерный факт вспоминает Б. Янгфельдт. На вопрос своего будущего биографа о том, почему на фотографии 1972 года на груди поэта надет нательный крестик, Бродский отвечает: «В те времена я относился к этому несколько более, как вам сказать, систематически. Но это прошло. Это опять-таки связано с Пастернаком, если хотите. После его «Стихов из романа» масса русской интеллигенции, особенно еврейские мальчики, очень воодушевились ново-заветными идеями» (Цит. по: [Янгфельдт]). Янгфельдт вспоминал следующие показательные слова Бродского: «Отчасти это была форма сопротивления системе, с другой стороны, за этим стоит совершенно феноменальное культурное наследие, с третьей стороны, – чисто религиозный аспект, с которым у меня отношения всегда были в достаточной степени неблагоприятными» (Цит. по: [Янгфельдт]).

В приведенном Янгфельдтом высказывании привлекают внимание не только слова Бродского о том, что опыт религиозного поиска был для него «формой сопротивления системе», но и кажущееся на первый взгляд парадоксальным (учитывая многочисленность и глубину религиозной лирики поэта) утверждение о том, что с «чисто религиозным аспектом» его отношения «всегда были в достаточной степени неблагоприятными». Судя по биографии писателя, Бродский скорее всего имеет в виду тот факт, что он не принадлежал к определенной христианской общине. По воспоминаниям биографа, в целом на вопросы о характере своей веры и религиозности Бродский отвечал неохотно, считая их чересчур личными, когда же ему все-таки приходилось высказываться на эту тему, он зачастую высказывался неоднозначно: «Я не знаю. Иногда – да, иногда – нет» (Цит. по: [Янгфельдт]), «Я не то чтобы религиозен, вовсе нет. К счастью это или к несчастью, я не знаю» (Цит. по: [Янгфельдт]).

Сложность проблемы, а также отсутствие четкой позиции самого поэта, привели к тому, что вопросов о религиозном начале в творчестве Бродского до сих пор больше, чем ответов. Один из самых принципиальных, но тем не менее мало изученных аспектов религиозности Бродского – проблема диалога иудейской и христианской традиции в его лирике. Поэт вырос в еврейской семье и неизменно на вопрос о своей национальной идентификации отвечал «я – еврей» [(Цит. по: [Янгфельдт, 2011, с. 33]). С другой стороны, поэт подписал вышедший в 1992 году сборник своих рождественских стихотворений, подаренный Александру Сумеркину, определением «христианин-заочник», что также весьма точно отражало его позицию, ведь Бродский неоднократно подчеркивал, что он принадлежит к традиции (имея в виду русскую культурную традицию), в которой «разница между христианством и иудаизмом не столь велика, как на Западе» (Цит. по: [Янгфельдт]).

Основная часть

Произведение, непосредственно связанное с проблемой диалога двух культур в творчестве Бродского, – символическая поэма «Исаак и Авраам» (1963), написанная в разгар хрущевской антирелигиозной кампании. Это – первая попытка Бродского создать стихотворное переложение библейского повествования, саму идею которого, возможно, подсказала поэту Анна Ахматова (позднее Бродский вспоминал: «Помню, мы с Ахматовой обсуждали возможность переложения Библии стихами. Здесь, в Америке, никто из поэтов этим заниматься не стал бы» (Цит. по: [Лосев, 2008, с. 137])). Поэма является одним из наиболее сложных для интерпретации произведений Бродского. Она наполнена многочисленными образами с переносным значением, что вызвало разнообразные трактовки поэмы критиками и литературоведами [Богданова, Баранова, 2023]; [Ранчин, 2001]. Одна из наиболее интересных из них принадлежит израильскому критику и ученому З. Бар-Селле [Бар-Селла, 1985], который, используя традиционные для иудаизма экзегетические методы анализа текста, предлагает интерпретацию «Исаака и Авраама» как исследования о судьбе еврейского народа, включающего в себя размышление о Холокосте. Параллель между изображенными в поэме событиями и Холокостом поддерживает и израильский литературовед и переводчица Зоя Копельман [Копельман, 2015].

В основе «Исаака и Авраама», как явствует из названия поэмы, – известнейший ветхозаветный сюжет о повелении Богом Аврааму принести в жертву своего единственного законного сына Исаака и о готовности Авраама исполнить волю Божию. Это единственное произведение автора, написанное на ветхозаветную тему. Как отмечено в биографии поэта, его создание совпало по времени с первым прочтением Бродским Библии: «Я написал «Исаак и Авраам» буквально через несколько дней после того, как прочитал Бытие» (цит. по: [Лосев, 2008, с. 137]). Интерес, проявленный Бродским к одному из наиболее драматичных сюжетов Бытия, не случаен: в это же время поэт читал раннюю работу основателя экзистенциализма, датского философа Серена Кьеркегора «Страх и трепет» (1843), в которой, рассуждая о возможности веры в современном мире, Кьеркегор также обращается к ветхозаветной истории об Аврааме и Исааке.

Сюжетная канва поэмы проста и лаконична: описывая путь Авраама и Исаака в землю Мориа и последовавшие за ним события, Бродский точно воспроизводит текст двадцать второй главы Бытия (стих 1–14). Кульминационным центром поэмы – как и этой части ветхозаветного повествования – становится наиболее драматичный эпизод, момент жертвоприношения Исаака. В поэме отсутствует какое бы то ни было деление на главы, однако содержательно она четко распадается на три части: первые две части, путь Авраама и Исаака по пустыне и эпизод жертвоприношения, в основе которых библейский текст, более повествовательны, в то время как заключительная часть представляет собой построенный на прихотливой игре ассоциаций и символов авторский лирический монолог.

Принципиальное отличие текста поэмы от библейского в том, что поэт сосредотачивает свое внимание на взаимоотношениях отца и сына и отказывается от такой детали, как спутники Авраама («Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего, наколот дров для всесожжения, и встав пошел на место, о которой сказал ему Бог. И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам» (Быт. 22: 3–5) [Библия]). Бродский подчеркивает:

В пустыне Исаак и Авраам
четвертый день пешком к пустому месту
идут одни по всем пустым холмам
[Бродский, 2001, с. 253].

Троекратный повтор лексем с корнем «пуст» (пустыня, пустой, пустые) подчеркивает экзистенциальное одиночество героев в мире. Вплоть до заключительной части поэмы, когда среди действующих лиц появляется Ревекка, Авраам и Исаак остаются в поэме наедине друг с другом и с Богом (исключение составляет диалог героев с Ангелом Господним, который препятствует жертвоприношению). Идея о прямом предстоянии человека перед Богом, заостренная таким образом поэтом, была в целом очень близка Бродскому. Интересно, что, по мнению Лосева, поэт четко осознал ее именно после прочтения трактата Кьеркегора «Страх и трепет», которое непосредственно предшествовало работе над «Исааком и Авраамом» [Лосев, 2008, с. 138].

Образы пустыни и песка наполняют собой первую часть поэмы: «глаза полны песку» [Бродский, 2001, с. 253], «Но то песок. Один густой песок» [Бродский, 2001], «Кругом песок. Холмы песка. Поля. Холмы песка. Нельзя их счесть, измерить» [Бродский, 2001]. Бродский выстраивает своеобразную вертикаль из пустоты, где не только под песком «внизу, на дне, земля» [Бродский, 2001], но даже «пустынный свод небес кружит над ними» [Бродский, 2001]. В этой пустоте продолжают свой упорный путь герои:

Шагает Авраам. Вослед за ним
ступает Исаак в простор пустыни [Бродский, 2001].

Образ пустыни традиционно ассоциируется с безжизненностью, смертью (см., например, интересную интерпретацию этого образа в рассказе И. А. Бунина «Пыль»). Подобного рода ассоциативный ряд задействует и Бродский («И в нем трава (коснись – обрежешь палец), / чей корень – если б был – давно иссох» [Бродский, 2001]), однако он не выступает в поэме как смысловая доминанта. Более того, вводя в поэму мотив пути по пустыне и образ скитания («травя-скиталец» [Бродский, 2001]) Бродский выстраивает аналогию между странствием Авраама и Исаака и сорокалетним скитанием по безжизненной пустыне еврейского народа под руководством Моисея. Аналогия эта тем более оправдана, что в обоих случаях это скитание связано с проблемой рождения и актуализации в человеке веры.

Помимо смыслового ряда, связанного с образом пустыни, другой важный символический смысловой ряд первой части поэмы формируют образы, связанные с пламенем. Первым таким образом, который появляется уже буквально во

второй строфе поэмы, выступает образ свечи. Образ свечи вводится Бродским в парадоксальную на первый взгляд метафору. Размышление об особенностях произношения имени Исаак как Исак («По-русски Исаак теряет звук» [Бродский, 2001, с. 263]) становится основанием для выстраивания следующего ассоциативного ряда:

Исак вообще огарок той свечи,
что всеми Исааком прежде звалась.
И звук вернуть возможно – лишь крича:
«Исак! Исак!» – и эхо справа, слева:
«Исак! Исак» – и в тот же миг свеча
колеблет ствол, и пламя рвется к небу [Бродский, 2001].

На первый взгляд, перед читателем лишь игра прихотливой фантазии автора, но, если учесть ключевое для поэмы события – жертвоприношение – перед нами, скорее, своеобразный пролепсис (если воспользоваться термином Ж. Женетта), намек на предполагаемую роль Исаака как сжигаемого агнца.

Наконец, центральным символическим образом первой части поэмы выступает образ увиденного Исааком и Авраамом в пустыне куста. На ключевое значение для интерпретации поэмы образа куста указывал сам Бродский. Поэтесса и правозащитница Н. Е. Горбаневская вспоминает: «Он мне подробно – можно сказать, структурно – рассказывал еще лежавшего в черновиках «Исаака и Авраама». Например, про КУСТ – что будет значить каждая буква» (цит. по [Лосев, 2008, с. 137]).

Образ строится как своеобразная загадка, выстроенная в форме шарады:

Кто? Куст. Что? Куст. В нем больше нет корней.

В нем сами буквы больше слова, шире.
«К» с веткой схоже, «У» – еще сильнее.
Лишь «С» и «Т» в другом каком-то мире.
У ветки «К» отростков только два,
а ветка «У» – всего с одним суставом
[Бродский, 2001, с. 256].

Как и в случае с метафорическим соотношением Исаака со свечой, первоначально создается впечатление речевой игры ради самой себя. Между тем, символика Бродского вновь формирует метафизический ряд поэмы. Смысл букв «С» и «Т» слова «куст» волнует засыпающего Исаака, и во сне ему является «отгадка» этой «шарады»:

Кто: Куст. Что: Куст. В нем больше нет кор-ней.

В нем сами буквы больше слова, шире.
«К» с веткой схоже, «У» – еще сильней.
Лишь «С» и «Т» – в другом каком-то мире.
<...>

Что ж «С» и «Т» – а КУст пронзает хмарь.
Что ж «С» и «Т» – все ветви рвутся в танец.

Но вот он понял: «Т» – алтарь, алтарь,
а «С» лежит на нем, как в путях агнец.

Так вот что КУСТ: К, У, и С, и Т.

Порывы ветра резко ветви кренят
во все концы, но встреча им в кресте,
где буква «Т» все пять одна заменит.

Не только «С» придется там уснуть,
не только «У» делиться после снами.

Лишь верхней планке стоит вниз скользнуть,
не буква «Т» – а тотчас КРЕСТ пред нами.

И ветви, видит он, длинней, длинней.

И вот они его в себя прияли.

Земля блестит – и он плывет над ней.

Горит звезда... [Бродский, 2001, с. 259].

В имеющем символическое значение сне героя Бродский объединяет четыре основных мотива поэмы: куст как источник хвороста для жертвоприношения («...ломает Исаак сухие ветки <...> но за руку его отец берет: «Оставь его, нам хворост нужен утром»» [Бродский, 2001, с. 257]), жертвенный агнец, звезда (ср., чуть выше «...он, голову подняв, смотрел туда, / где обнажились корни чаши мрачной, / разросшейся над ним – и там звезда / среди них (корней) зажгла свой свет прозрачный» [Бродский, 2001, с. 255], «...вернее, дым к звезде / сквозь толщу пепла рвется вверх натужно» [Бродский, 2001, с. 258]) и, наконец, крест. Основанием для символического переноса служит визуальная форма букв, из которых складывается лексема «куст», акцент на внешней стороне слова достигается Бродским в том числе и за счет шрифтового выделения шифруемых им букв.

Центральным образом сна, выступающим как смысловая доминанта над всеми остальными образами, служит образ креста, неслучайно поэт подчеркивает: «буква «Т» все пять одна заменит» [Бродский, 2001, с. 259]. Образ креста в контексте религиозной направленности поэмы имеет безусловный христианский смысл и вызывает у читателя ассоциации со смертью на кресте и последующим воскресением Иисуса Христа. Выстраивая подобного рода ассоциативный ряд, Бродский актуализирует традиционное для православной экзегезы толкование эпизода жертво-

приношения Исаака как прообраза искупительной жертвы Христовой.

Характерно, что вопрос о значении букв «С» и «Т», волнующий Исаака, и ответ на него, в котором и появляется образ креста, в тексте поэмы разделяется принципиальным для формирования прообразовательного смыслового пространства сюжета эпизодом. Засыпая, Исаак задается вопросом: «А где же агнец?» <...> услышал он ответ (почти что окрик): / «В пустыне этой ... Бог ягненка сам найдет себе ... Господь, он сам усмотрит...» [Бродский, 2001, с. 258]. Передавая единственный в Библии диалог между Исааком и Авраамом, Бродский весьма бережно относится к оригинальному тексту. Поэт полностью сохраняет структуру и смысл диалогической конструкции: «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе» (Быт. 22: 7–8) [Библия].

Бродский несколько психологизирует образ Авраама, вводя отсутствующие в оригинале детали («окрик»), а также специфические синтаксические конструкции, указывающие на прерывистость речи героя и очевидно демонстрирующие волнение отца Исаака. Впрочем, необходимо заметить, что в целом в пространстве поэмы поэт не увлекается психологизмом, делая акцент на символической. И в данном случае более принципиальны сохранение и точная передача наиболее важных, по мнению толкователей, слов Авраама: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения». Разбивая это предложение на две части («Бог ягненка сам найдет себе... Господь, он сам усмотрит»), Бродский еще больше усиливает его смысл, двукратно подчеркивая и упование Авраама на Господа («Бог», «Господь»), и то, что Авраам оставляет Богу право выбора жертвы для себя. Пророческое значение слов Авраама заключается в содержащейся в них отсылке к новозаветным событиям, когда Господь, действительно, выберет себе великого Агнца, то есть Иисуса Христа, который умрет за грехи мира.

Всеобъемлющее значение жертвы Христа на кресте подчеркивается финалом сна Исаака: «И ветви, видит он, длинней, длинней. / И вот они его в себя прияли. / Земля блестит – и он плывет над ней. / Горит звезда...» [Бродский, 2001, с. 259]. Вновь прибегая к фигуре пролепсиса, Бродский указывает на то, что необходимости в жертве Исаака нет, так как избранный Господом

Агнец принесет искупительную жертву за всех. Поэт предельно расширяет пространство, вплоть до космических пределов, когда остается лишь две точки: земля – и звезда. Образ звезды в данном случае приобретает символическое значение, и, так же, как и практически во всех рождественских стихотворениях Бродского, оказывается знаком непосредственного присутствия в мире Божества. Выстраиваемая поэтом вертикаль говорит о непосредственном взаимодействии человека с Богом, подчеркивает Бродский и путь, благодаря которому возможно это взаимодействие, – путь крестной жертвы Христовой.

Символический сон Исаака предваряет собственно эпизод жертвоприношения, когда руку Авраама останавливает ангел. В поэме Бродского лаконичные в Библии слова ангела («...не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» (Быт. 22:12)) превращаются в развернутый монолог. Жизнеутверждающий пафос этой речи вновь заставляет вспомнить о жертве Христа, ставшей источником радости для всего мира:

Пойдем туда, где все сейчас грустят.
Пускай узрят они, что в мире зла нет.
Пойдем туда, где реки все блестят,
как твой кинжал, но плоть ничью не ранят
<...>

Открой глаза – здесь смерти нет в помине.
Здесь каждый куст – взгляни – стоит, как знак
стремленья вверх среди равнин пустыни.
Открой глаза: небесный куст в цвету
[Бродский, 2001, с. 260–261].

Вновь возвращаясь к символическому образу куста, Бродский теперь изображает его расцветшим, что, естественным образом, отсылает к торжеству и победе жизни над смертью, ознаменованной воскресением Иисуса.

Заключение

Поэма Бродского «Исаак и Авраам» была создана совсем еще юным, двадцатитрехлетним поэтом и является фактически первым примером осмысления автором вопроса веры, который впоследствии станет одной из ключевых тем его творчества. Поэт, в целом отличавшийся протестными настроениями, и здесь обратился к сфере недозванного, противопоставив свои религиозные поиски официально установленной в советском государстве «религии» – атеизму.

Бродский, переосмысливший ветхозаветный сюжет через призму работ христианского философа-экзистенциалиста Кьеркегора, представил человека, оказавшегося в характернейшей для этого философского направления ситуации одиночества и кризиса веры. Между тем одиночество в точном соответствии с оригинальным иудейским сюжетом оказывается не только и не столько экзистенциальной изоляцией, сколько непосредственным предстоянием перед Богом. Кризис веры оборачивается ее обретением, а неотъемлемым условием этого обретения является готовность принести жертву, какой бы значительной она ни была.

Осмысля ветхозаветный сюжет в духе метафизики христианства, непосредственно выраженной в Новом Завете, Бродский в «Исаак и Аврааме» неоднократно подчеркивает прообразовательный характер событий, произошедших на горе Мориа. Несостоявшееся жертвоприношение Исаака недвусмысленно трактуется в поэме как аналог крестной жертвы Иисуса Христа. Рождение и подтверждение веры героев ветхозаветного повествования в ранней поэме Бродского находится в неотъемлемой связи с ключевым событием Евангелия, с готовностью Бога принести в жертву своего единственного сына ради возможности грядущего человеческого воскресения.

Поэма «Исаак и Авраам» является серьезным этапом на пути формирования Бродского как личности. О ее важности для собственного творчества свидетельствовал сам поэт, который в письме другу от 14 мая 1965 года, с пренебрежением отзываясь о других своих ранних произведениях, подчеркивал: «Реален только „Исаак и Авраам“» (цит. по [Лосев, 2008, с. 139]). И хотя жизнеутверждающая пасхальная радость, свойственная последней части поэмы, в творчестве Бродского является скорее исключением, чем правилом, характерная для произведения ситуация поиска Бога и надежды на его обретение навсегда останется с поэтом.

Библиографический список

1. Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.
2. Бар-Селла З. Страх и трепет // Двадцать два. 1985. № 41. С. 202–213.
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. URL: <https://bible-teka.com/> (дата обращения: 13.07. 2023).
4. Богданова О. В., Баранова Т. Н. Потенциальная энергия претекста: структурно-композиционные осо-

бенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского // Научный диалог. 2023. № 3. С. 206–233.

5. Богданова О. В., Власова Е. А. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.

6. Богомолов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва : НЛО, 2004. С. 478–485.

7. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001. 304 с.

8. Бурая М.А., Богданова О.В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.

9. Бурая М.А. Стихотворение «Presepio» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.

10. Гудониене В. «Рождественская звезда» в контексте евангельских стихов И. Бродского // Славянские чтения. Даугавпилс, 2000. № 1. С. 195–201.

11. Измайлов Р. «Библейский текст» в творчестве Бродского: священное время и пространство // Сибирские огни. 2008. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2008/5> (дата обращения: 13.07. 2023).

12. Копельман З. «Запоминать пейзажи за могилами единоверцев»: о возможном прочтении стихотворения Бродского «Исаак и Авраам» // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. Москва : Дом еврейской книги, 2015. С. 234–250.

13. Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва : Молодая гвардия, 2008. 479 с.

14. Мищенко Е. В. Библейская тема в лирике Иосифа Бродского // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 59–63.

15. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.

16. Федотова А. А. От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1. С. 28–35.

17. Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. № 6. С. 232–241.

18. Шерр Б. Строфика Бродского: новый взгляд // Как работает стихотворение Бродского. Москва : НЛО, 2002. С. 269–299.

19. Янгфельдт Б. Пламенный антиязычник. URL: <https://biography.wikireading.ru/43195> (дата обращения: 13.07. 2023).

20. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва : Издательский дом: Астрель, CORPUS, 2011. 367 с.

Reference list

1. Ahapkin D. «Istochniki sveta» Iosifa Brodskogo = «Sources of light» by Joseph Brodsky // Zvezda. 2018. № 5. S. 37–56.

2. Bar-Sella Z. Strah i trepet = Fear and trembling // Dvadcat' dva. 1985. № 41. S. 202–213.

3. Biblija. Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta = Bible. Books of holy scripture of the Old and New Testaments. URL: <https://bible-teka.com/> (data obrashhenija: 13.07. 2023).

4. Bogdanova O. V., Baranova T. N. Potencial'naja jenergija preteksta: strukturno-kompozicionnye osobennosti «Isaaka i Avraama» Iosifa Brodskogo = Potential energy of the pretext: structural and compositional features of «Isaac and Abraham» by Joseph Brodsky // Nauchnyj dialog. 2023. № 3. S. 206–233.

5. Bogdanova O. V., Vlasova E. A. «Inogda chuvstvuyu sebja Shekspirom...» (intertekstual'nye plasty «Pilgrimov» I. Brodskogo) = «Sometimes I feel like Shakespeare...» (intertextual layers of «Pilgrims» by I. Brodsky) // Nauchnyj dialog. 2021. № 8. S. 129–148.

6. Bogomolov N. O dvuh «rozhdestvenskih stihotvorenijah» I. Brodskogo = About two «Christmas poems» by I. Brodsky // Bogomolov N. Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o russkoj poezii. Moskva : NLO, 2004. S. 478–485.

7. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo = Works of Joseph Brodsky : v 7 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001. 304 s.

8. Buraja M. A., Bogdanova O. V. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdestvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, чего» I. Brodskogo = Supertextual unity of christmas, italian and love pretexts in «I was only what» by I. Brodsky // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 17–27.

9. Buraja M. A. Stihotvorenje «Presepio» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo = The poem «Presepio» in the context of I. Brodsky's christmas cycle // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6–16.

10. Gudoniene V. «Rozhdestvenskaja zvezda» v kontekste evangel'skih stihov I. Brodskogo = «Christmas star» in the context of the Gospel verses of I. Brodsky // Slavjanskije chtenija. Daugavpils, 2000. № 1. S. 195–201.

11. Izmajlov R. «Biblejskij tekst» v tvorcestve Brodskogo: svjashhennoe vremja i prostranstvo = «Biblical text» in Brodsky's work: sacred time and space // Sibirskie ogni. 2008. №5. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2008/5> (data obrashhenija: 13.07. 2023).

12. Kopeľman Z. «Zapominat' pejzazhi za mogilami edinovercev»: o vozmozhnom prochtenii stihotvorenija Brodskogo «Isaak i Avraam» = «Remembering the landscapes behind the graves of fellow believers»: about a possible reading of Brodsky's poem «Isaac and Abraham» // Paralleli. Russko-evrejskij istoriko-literaturnyj i

bibliograficheskij al'manah. Moskva : Dom evrejskoj knigi, 2015. S. 234–250.

13. Losev L. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii = Joseph Brodsky: experience of literary biography. Moskva : Molodaja gvardija, 2008. 479 s.

14. Mishhenko E. V. Biblejskaja tema v lirike Iosifa Brodskogo = Biblical theme in the lyrics of Joseph Brodsky // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2008. № 1. S. 59–63.

15. Ranchin A. «Na piru Mnemosiny»: interteksty Brodskogo = «At the feast of Mnemosyne»: Brodsky's intertexts. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 462 s.

16. Fedotova A. A. Ot Lucija Anneja Seneki k Karlu Marksu: sovetskaja jepoha v «Rechi o prolitom moloke» I. Brodskogo = From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: the Soviet era in «Speech on Spilled Milk» by I. Brodsky // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. №1. S. 28–35.

17. Chaunina N. V. Osobennosti voploshhenija kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» = Features of the implementation of communicative strategies in I. Brodsky's poem «Speech about Spilled Milk» // Nauchnyj dialog. 2019. № 6. S. 232–241.

18. Sherr B. Strofika Brodskogo: novyj vzgljad = Brodsky's stanza: a new look // Kak rabotaet stihotvorenie Brodskogo. Moskva : NLO, 2002. S. 269–299.

19. Jangfel'dt B. Plamennyj antijazychnik = Fiery anti-pagan. URL: <https://biography.wikireading.ru/43195> (data obrashhenija: 13.07. 2023).

20. Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zametki ob Iosife Brodskom = Language is God. Notes about Joseph Brodsky. Moskva : Izdatel'skij dom: Astrel', CORPUS, 2011. 367 s.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 05.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 28.04.2024; approved after reviewing 05.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-50

EDN: HCNXNM

Трансформация жанра устного рассказа военного корреспондента в современном медиадискурсе

Светлана Викторовна Колобова^{1✉}, Лидия Евгеньевна Малыгина²

¹Старший преподаватель, Мариупольский государственный университет им. А. И. Куинджи. 87500, г. Мариуполь, пр. Строителей, д. 129А

²Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой медиаобеспечения государственных интересов и национальной безопасности института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

¹prgaga@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-8518-8799>

²admlikbez@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0056-8160>

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности устного рассказа как жанра журналистики, который подвергся трансформации в новых медиа. Горизонтальность, неуправляемость и полифония таких площадок, как Телеграм, влияют на традиционные жанры, придавая им специфические стилистические черты. На примере анализа устных сообщений в журналистской деятельности военных корреспондентов выявляются специфические особенности устной формы коммуникации авторов с массовой аудиторией. Среди задач данной работы – выявление, во-первых, лингвистических особенностей, присущих видеоматериалам Телеграм-каналов военных корреспондентов; во-вторых – определение особенностей мотивации авторов, которая отличает образцы современного медиадискурса от традиционных устных рассказов, в особенности в условиях информационной войны. Кроме сходства, исследуются отличия устных рассказов в новых форматах от традиционных с точки зрения универсальных мотивов дороги, встречи, порога и так далее. В статье приводится классификация наиболее популярных жанров, которые используют военные корреспонденты на Телеграм-каналах. Материалом для статьи послужили каналы А. Коца, А. Сладкова, С. Пегова и других военных корреспондентов. В ходе исследования использованы методы сплошной выборки, стилистического и контент-анализа. В результате исследования удалось выявить ряд лингвистических особенностей, присущих устному рассказу в виде стримов, сторис и других видео- и аудиоформатов, распространённых на платформе Телеграм. Выявлены особенности мотивации военных корреспондентов, которые ведут подобные каналы. Среди специфических черт, присущих описанным Телеграм-каналам, отмечены высокая степень вовлеченности аудитории, направленность на информационное противостояние, разнообразие жанров.

Ключевые слова: медиадискурс; СМИ; контент; устная коммуникация; лексика; стрим; подкаст; репортаж

Для цитирования: Колобова С. В., Малыгина Л. Е. Трансформация жанра устного рассказа военного корреспондента в современном медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 50–59. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-50>. <https://elibrary.ru/HCNXNM>

Media communications and journalism

Original article

Transformation of the oral narrative genre in modern media discourse of war correspondents

Svetlana V. Kolobova^{1✉}, Lidia E. Malygina²

¹Senior lecturer, Mariupol state university named after A. I. Kuindzhi. 87500, Mariupol, Stroiteley ave., 129A

²Doctor of philological sciences, professor, head of the department of media support for state interests and national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of national economy and public administration. 119571, Moscow, Vernadsky prospect, 82, bld. 1

¹prgaga@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-8518-8799>

²admlikbez@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0056-8160>

Abstract. This article examines the features of oral storytelling as a genre of journalism that has undergone transformation in the «new media». The horizontality, unmanageability and polyphony of such platforms as Telegram influence traditional genres, giving them specific stylistic features. Using the example of oral messages analysis in war correspondents' journalism, the authors of the article identify some specific features of oral communication between journalists and mass audiences. The main objectives of this article are, firstly, to identify the linguistic peculiarities inherent in the video materials from the war correspondents' Telegram channels; secondly, to determine the specifics of authorial motivation, which distinguishes modern media discourse from traditional oral narratives, especially in the context of information wars. In addition, the authors examine similarities and differences of oral narratives in new formats and traditional ones in terms of such universal motifs as road, encounter, etc. The article presents a classification of the most popular genres used by the war correspondents A. Kots, A. Sladkov, S. Pegov, and some others on their Telegram channels. The methods of continuous sampling, content analysis, and stylistic analysis have been used for the research. The study shows a number of linguistic and stylistic features inherent in oral narrative in the form of streamers, stories and other video and audio formats common on the Telegram platform. The specific features of the Telegram channels chosen for the research include a high degree of audience involvement, focus on news confrontation, and a diversity of genres.

Key words: media discourse; mass media; content; oral communication; vocabulary; stream; podcast; reportage

For citation: Kolobova S. V. V., Malygina L. E. Transformation of the oral narrative genre in modern media discourse of war correspondents. *Verhnevzhski philological bulletin.* 2024;(2):50–59. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-50>. <https://elibrary.ru/HCNXNM>

Введение. Медиадискурс является довольно новым явлением, которое образует информационное поле СМИ и распространяет влияние на массовую аудиторию. В связи с возрастающей популярностью новых медиадискурсов возникает необходимость изучения различных особенностей интернет-ресурсов. В последние годы появился ряд научных исследований, которые посвящены изучению социальных сетей, Телеграм-каналов, блогов и их роли в российском инфополе.

Среди авторов, которые обращаются к данной теме, можно назвать Ю. В. Шуйскую [Шуйская, 2023], А. А. Малахова [Малахов, 2022], М. В. Дядченко [Дядченко, 2022], О. В. Бондаренко [Бондаренко, 2018] и др. Как показал анализ научных исследований, наибольшее внимание ученые уделяют изучению письменных и визуальных форм медиадискурса. Устная форма коммуникаций профессиональных журналистов и блогеров в интернет-среде является пока мало изученной сферой, а между тем именно устная речь отличается стилистическими и лингвистическими особенностями, которые наглядно отражают процессы трансформации языковой среды.

Описывая специфику трансформации текста в СМИ, Л. А. Коханова указывает на главную особенность этого процесса: функционирование современного русского языка в виртуальной среде осуществляется по совершенно иным правилам, чем до активного внедрения интернет-технологий [Коханова, 2016]. В связи с растущей популярностью новых форм и площадок для сетевой коммуникации изучение приемов, форм создания сетевых текстов, а также наиболее распространенных знаковых систем изучение

трансформации жанров является актуальной проблемой. Традиционные жанры, существующие много тысяч лет, претерпевают закономерную трансформацию, обусловленную новым дискурсом и новыми техническими возможностями.

Цель. Целью данной статьи является выявление особенностей трансформации устных форм коммуникации в медиадискурсе, в частности, жанра устного рассказа. Акцент сделан на анализе специфики устных сообщений военных корреспондентов – авторов Телеграм-каналов. Среди задач данной статьи – выявление общих черт, характерных для этих двух жанров, и специфических черт отобранных видеоматериалов, которые отличают их от устного рассказа в традиционном понимании.

Методы. Методом сплошной выборки были отобраны видеоматериалы на шести Телеграм-каналах военных корреспондентов. Данные материалы представляют собой устные рассказы на свободную тематику. Их объединяет патриотическая направленность и тот факт, что многие из них были записаны из районов, где ведутся боевые действия, при этом не являясь официальными репортажами с четким сюжетом. Реалистичность повествования и свободная форма, лишённая чёткой художественной направленности, роднит подобные материалы с жанром устного рассказа.

Телеграм-канал отличается от других СМИ, прежде всего, адресованностью и большими возможностями для передачи информации. По мнению А. Р. Яшиной, мессенджер Телеграм как платформа для распространения информации

дает редакторам больше преимуществ, чем социальные сети [Яшина, 2018]. В частности, публикации в Телеграм-каналах оперативно доставляются до подписчиков, которые отслеживают новостной поток.

В последние два года (в связи с СВО России на Украине) особый научный интерес представляют устные сообщения военных корреспондентов. Устные рассказы журналистов с места военных событий, прямые включения, репортажи, аудиообращения, подкасты военкоров являются примерами трансформации устного рассказа в современном медиадискурсе.

С помощью метода контент-анализа мы проанализировали связь лингвистических средств с экстралингвистической реальностью с целью предположить интенции корреспондентов и их мотивацию к созданию видеороликов.

Трансформация традиционных жанров устного творчества обусловлена двумя группами причин. К **первой группе** можно отнести технические причины. Как отмечает И. В. Ерофеева, текст в мультимедийных материалах сохраняет свои позиции, но видео- или аудиоматериалы, сопровождающие текст, не просто становятся его иллюстрацией, продолжением, а составляют комплексный мультимедийный продукт [Ерофеева, 2009]. Так, например, в отобранных материалах корреспонденты часто вставляют фотографии, которые тематически соотносятся с предметом повествования, используют фрагменты других видео.

Вторую группу причин можно обозначить как концептуальные. Так, И. А. Стернин отмечает, что современный русскоязычный медиадискурс характеризуется концептуальной, оценочной и языковой свободой [Стернин, 2003]. Это подразумевает, что авторы самостоятельно определяют формат и содержание контента, минуя традиционные промежуточные звенья в виде редакторов и расписания выпусков, характерные для традиционных СМИ. Видеоролики могут не принадлежать ни к одному из устоявшихся в журналистике жанров. Л. И. Каминская отмечает присущую современному медиадискурсу горизонтальность и неуправляемость [Каминская, 2020]. Это обуславливается «многоголосием» таких площадок, как Телеграм: одно и то же событие рассматривается самыми разными людьми, которые преподносят свои впечатления в самых разных формах. Эту особенность нарративного аспекта медиадискурса отмечает и Н. И.

Клушина, называя её полифоничностью, сплетением голосов [Клушина, 2024].

Кроме того, мы предполагаем, что у авторов современных типов устного рассказа – сторис, видеоблогов – присутствует дополнительная мотивация, которая была не столь выражена в традиционных устных рассказах. Во-первых, это стремление к созданию эффекта сопричастности, которое в случае с трансляцией видео, в отличие от рассказа, который может повествовать о весьма удалённых по времени событиях, более выражен. К тому же, как отмечает Е. Г. Елина, жанр устного рассказа – это своего рода «речевое селфи», которое позволяет запечатлеть момент из жизни [Елина, 2019]. Устный рассказ позволяет продемонстрировать свой опыт и получить публичное признание собственных заслуг. Видео из горячих точек может демонстрировать аудитории храбрость автора и оказывать перлокутивный эффект, то есть побуждать аудиторию к действию. В частности, корреспонденты рассказывают о тяжёлой жизни людей в боевых действиях, что может побудить зрителя к тому, чтобы оказать им помощь. В современных стримах зрители также могут влиять на авторов видео, поощряя их пожертвованиями (донейшн), задавая вопросы в чате, участвуя в опросах. Это ещё раз указывает на горизонтальность современных массмедиа, где граница между автором и зрителями очень тонка. Кроме того, в условиях текущей информационной войны между Россией и Украиной корреспонденты прежде всего вносят свой информационный вклад в информирование населения о положении дел в зонах боевых действий. Таким образом, устные рассказы корреспондентов становятся частью информационного противоборства, согласно О. Г. Ламининой [Ламинина, 2018]. Корреспонденты стремятся поддерживать боевой дух армии и информировать мирное население о том, что происходит на фронте.

Для того чтобы проследить трансформацию жанра устного рассказа, необходимо рассмотреть, что собой представляет устный рассказ в своей традиционной форме. Устный рассказ, согласно А. С. Гуйдалаевой, определяется как «бытующие в народе художественные повествования о современных событиях, которые имели место в действительности, преломились и оформились в воображении рассказчика, приобретя элементы художественного вымысла и образное выражение, оказывающее эмоциональное воздействие на слушателя» [Гуйдалаева, 2011]. Устный рас-

сказ отражает реальные события. Для него характерны отсутствие вымысла и отсутствие художественных элементов, а также сжатость изложения и постепенное развитие сюжета. Эти черты роднят устный рассказ с устной публицистической речью военных корреспондентов.

Устная публицистическая речь военных корреспондентов – это особая функциональная разновидность русского языка, представляющая собой устное общение с массовой аудиторией на темы СВО, армии и другие темы, освещаемые военными журналистами. Данный тип устной публицистической речи представлен в современном медиадискурсе в различных формах и жанрах сообщений. Таким образом, как в традиционном устном рассказе, так и в устных сообщениях корреспондентов повествование складывается на основе реальных событий. В случае с корреспондентами, которые снимают видеоблоги на повседневные темы, эта черта может даже усиливаться, то есть в рассказ может попадать большое количество незначительных деталей, которые в традиционной форме могли бы быть опущены. Кроме того, авторы видео могут отклоняться от одной линии повествования, рассказывать на несколько тем попеременно. Количество деталей и стройность сюжета во многом зависит от формата видео.

Проанализируем особенности повествования видеоблогеров с точки зрения хронотопа – условного пространства-времени в образном моделировании действительности. Изначально данная классификация использовалась для исследования сюжетов романов. Как пишет Л. Е. Малыгина, «журналист оперирует пятью типами хронотопа: 1) мотив встречи; 2) мотив дороги, путешествия; 3) мотив порога, который основан на переломных моментах повествования и зачастую представляет собой кульминацию; 4) мотив гостиной (салона) – разновидность встречи, но с превалированием сопутствующих событий; 5) мотив поиска (сочетание «порога» и «дороги»)» [Малыгина, 2015, с. 32]. В качестве примера может послужить видеоблог М. Наумовой «Заметки на полях» № 140. Автор видео сообщает, прежде всего, о встрече с группой «Кинохроника»: «Я сходила на концерт, познакомилась с ребятами лично». Мотив дороги также часто присутствует в повествовании военных корреспондентов: «Мы из Донецка едем в Мариуполь, я понимаю, что может нас ожидать там» [Телеграм-канал «Марьяна ...», 2024]. Мотив порога: «... и, когда Илья меня встречал, чтобы отпра-

виться к ним в гримёрку, я смотрю – и ощущение, что меня реально ждёт Цой. Это так странно...» [Телеграм-канал «Марьяна ...», 2024]. Три указанных мотива в видеоблогах на свободную тематику превалируют, поскольку журналисты рассказывают о встречах с различными людьми и о местах, которые они посещали. Таким образом, в видеоблогах, с одной стороны, присутствуют как традиционные для повествования мотивы, так и множество бытовых деталей и отклонений от основной линии повествования.

Анализируя устные сообщения военных журналистов в Телеграм-канале, можно сделать вывод, что использование военкорами устной коммуникации как формы общения с аудиторией имеет особенности: у каждого журналиста выработался собственный индивидуальный стиль и формат устного рассказа. Это свидетельствует об авторском стиле профессиональных журналистов. Индивидуальность выражается в речевой культуре, степени владения словом. Главное отличие устных сообщений состоит в поставленных целях коммуникации.

Некоторые военные корреспонденты используют устные коммуникации исключительно для профессиональных целей: ведения репортажей, устных комментариев к событиям, прямых включений, проведения стримов. Другие журналисты с целью привлечения широкой аудитории и повышения степени лояльности в формате устного сообщения рассказывают не только о специальных темах, но и о своей жизни, например, во время поездки на автомобиле и др.

Многие военные обозреватели работают с материалами очевидцев в редакции и «ежедневно видят больше ужасов, чем их коллеги, работающие в полевых условиях» [Колобова, 2023, с. 249]. Даже в том случае, если сотрудники СМИ фактически не пребывают в месте военного конфликта, они работают с контентом, полученным на линии фронта.

Жанры использования устных коммуникаций в творчестве военных корреспондентов в Телеграм-канале очень разнообразны. Наиболее популярными у журналистов, освещающих военную тематику, являются следующие жанры:

- краткое информационное сообщение;
- развернутое информационное сообщение;
- дискуссия, интервью, обсуждение специальных вопросов с экспертами.

Краткое информационное сообщение в формате устного рассказа обычно используется военными корреспондентами, если нужно сообщить

какую-либо срочную новость либо дать небольшой комментарий к развернутому материалу.

Для коротких информационных устных сообщений военные корреспонденты используют запись голосового сообщения, которое транслируется в новостной ленте и сохраняется в архиве Телеграм-канала.

В традиционном устном рассказе повествование зачастую более сжато, впрочем, это может зависеть от формата: например, формат *сторис*, напротив, создаёт тесные временные рамки для повествования. Сторис на анализируемой площадке Телеграм представляет собой формат временных постов, которые исчезают через 48 часов после публикации.

Также популярен *стрим* – жанр расширенной устной коммуникации автора с массовой аудиторией, часто предполагающий обратную связь журналиста с пользователями. Стримы обычно проводятся в формате «вопрос-ответ» в режиме прямого видеовключения. Многие журналисты заранее записывают стримы в формате устного расширенного обращения и выкладывают в своих каналах в социальных сетях.

Данный тип коммуникации часто использует военный корреспондент Александр Сладков. Примером стрима как расширенного устного информационного видеосообщения является регулярная рубрика в Телеграм-канале А. Сладкова «Война на ночь». В формате видеобращения военный корреспондент делает краткий обзор важных событий за несколько дней, рассказывает о том, что не вошло в текстовые сообщения, выложенные в новостной ленте авторского Телеграм-канала.

Так, например, 19 марта 2023 года в Телеграм-канале А. Сладкова была опубликована очередная запись стрима «Война на ночь». Длительность видеоролика составила чуть больше 20 минут [Телеграм-канал А. Сладкова, 2024]. В тексте приглашения для участия в стриме Телеграм-канала от 8 октября 2023 года говорится: *«Ребят, сегодня в 22.00 «Война на ночь», с ответами на вопросы, поступающие в „Сладков+чат“. Отвечать буду в режиме стрим, никаких тем не боюсь. Но прошу учесть, что я один из вас, живу в обычном поселке, не в Кремле, и высказываю свое частное мнение»* [Телеграм-канал А. Сладкова ... , 2024].

Текст написан в разговорном стиле с использованием прямого обращения к аудитории. Автор использует лексему «ребят» – довольно фамильярное обращение к подписчикам канала,

которых у популярного журналиста более 900 000. Однако этот прием используется коммуникатором для того, чтобы расположить к себе публику и предстать перед массовой аудиторией как «один из них».

Военкор «Комсомольской правды» Александр Коц также проводит еженедельные стримы, которые транслируются в режиме прямого включения в авторском сообществе журналиста в социальной сети ВКонтакте [Сообщество А. Коца ... , 2023] или на Радио «Комсомольская правда» [Коц: аналитика ... , 2022]. Подключиться к стримам можно по ссылке, указанной в тексте сообщений в социальных сетях. Автор приглашает всех желающих поучаствовать в обсуждении военных событий и ситуации на фронте. В обращении к подписчикам А. Коц также использует разговорный стиль и доверительные обращения, к примеру: *«Друзья, приглашаю сегодня на вечернее чаепитие»; «Айда на стрим в моем сообществе в ВК»* [Телеграм-канал А. Коца ... , 2024].

Военные корреспонденты являются как организаторами стримов, так и приглашенными спикерами. Так, например, журналисты А. Сладков и В. Галимов 23 мая 2023 года были участниками стрима «Военный курьер» в формате прямого включения из Донецка. Темой стрима была ситуация в городе и ход специальной военной операции [Телеграм-канал А. Сладкова ... , 2024]. Трансляция программы велась на канале радиостанции «Говорит Москва» в социальной сети ВКонтакте и в Телеграм-канале.

Приведенные примеры стримов, организованных радиостанциями в социальных сетях, свидетельствуют о том, что в настоящее время количество радиослушателей существенно меньше, чем интернет-пользователей, поскольку многие люди предпочитают интернет-медиа для прослушивания устных рассказов журналистов.

Другим излюбленным жанром военных корреспондентов являются *репортажи*. Военный репортаж считается одним из самых сложных журналистских жанров. Есть ряд требований к репортажам: документальность, объективность в отражении фактов, внимание к деталям. Именно в военных репортажах корреспонденты могут эмоционально передать личные ощущения от происходящих рядом с ними событий.

Репортажи, которые ведутся в формате прямого включения, создают уникальное ощущение авторского присутствия. Устные рассказы военных корреспондентов из «горячих точек», мест

ведения боевых действий, отличаются динамичной изложением, повышенной эмоциональностью.

В репортажах, которые ведут корреспонденты Александр Сладков, Александр Коц, Денис Гулага (газета «Известия»), Евгений Лисицын (ИА «ZOV TV») [Телеграм-канал «Военкор Лисицын ZOV-TV», 2024], Георгий Медведев [Телеграм-канал «Военкор Медведев», 2024] и др., сами журналисты, как правило, одеты в военную форму, так как находятся на линии боевого соприкосновения.

Особенностью репортажа является то, что он позволяет слушателям и зрителям почувствовать себя в роли реальных свидетелей военных событий, ощутить дух войны. Устные рассказы в формате видео и аудиорепортажей военных корреспондентов с мест проведения военных действий, благодаря современным интернет-технологиям и мобильной связи, создают иллюзию присутствия адресата рядом с корреспондентом в тех местах, где разворачиваются военные действия.

Кроме того, корреспонденты записывают подкасты – устный жанр публицистической журналистики, который используют военные корреспонденты. Подкаст представляет собой аудиоконтент, распространяемый в интернете с помощью специальных сервисов хостинга подкастов, где хранятся все аудиозаписи в одном месте. Подкасты предлагают широкий выбор форматов, продолжительности и стилей, они могут быть посвящены различным темам и предметам. Слушатели могут знакомиться с подкастами в любое удобное время, что делает их очень популярными.

Военные корреспонденты используют подкасты как информационный жанр устных сообщений. Как правило, они записывают серии авторских радиопередач. Описание подкаста и краткое содержание обсуждаемых тем сопровождает каждый выпуск и позволяет слушателям выбрать интересующий их контент.

У многих военных журналистов есть циклы подкастов. Например, подкасты Александра Коца «Коц-аналитика с именем» размещены на ресурсе Google Подкасты [Коц: аналитика ... , 2024]. Начиная с января 2023 года, А. Коц записал более 50 подкастов, длительность которых составляет 44–47 минут. Количество создаваемых подкастов – три или более записей в месяц.

Подкасты представляют собой записи авторской радиопрограммы А. Коца на радио «Комсомольская правда», в которых журналист обсуж-

дает военные и политические события с приглашенными участниками. Так, в подкасте от 14 сентября 2023 года журналист А. Коц беседует с экспертом Игорем Измайловым на тему ударов по Крыму, визита Ким Чен Ына и других событий [Коц: аналитика ... , 2024].

В электронной библиотеке MyBook.ru размещен подкаст военного корреспондента, руководителя проекта «Wargonzo», журналиста Семена Пегова. Подкаст «Военкор Семен Пегов: Третья мировая война идет прямо сейчас» является аудиозаписью беседы корреспондента с писателем Владимиром Ториним на радио «Комсомольская правда» [Военкор Семен ... , 2022].

Особый научный интерес представляет изучение лексических особенностей устных сообщений в сетевом дискурсе новых медиа в период проведения специальной военной операции России на Украине. В частности, данная тема поднимается в работе О. А. Глушенко, которая исследует милитарный дискурс в российских медиа начиная с 24 февраля 2022 года [Глушенко, 2024]. Как показал анализ дискурса устных сообщений военных корреспондентов, он насыщен военной лексикой.

Рассмотрим на примере авторского Телеграм-канала военного корреспондента «Комсомольской правды» А. Коца наиболее часто используемые лексемы, имеющие как номинативное, так и коннотативное значение. Например, для обозначения воинов армии Украины автор использует не только лексически нейтральные номинативы, как «противник», «ВСУ-шник», но и коннотативы с ярко выраженной негативной оценочностью: «укры», «фашисты», «нацики» и др.

Военные корреспонденты используют разговорный стиль и формулы устной речи для написания обращений к подписчикам. Приведем пример сообщения А. Коца к подписчикам его Телеграм-канала от 16 февраля 2024 года: *«Друзья, нам по-прежнему нужна ваша помощь, нужно отправить на фронт тысячи и тысячи дронов, в том числе ночных. От Херсона до Белгорода. Птичек от уральских мастеров из команды „Повернутых на Войне“ должно быть много, и они должны нести смерть потерявшим человеческий облик фашистам»* [Телеграм-канал А. Коца ... , 2024].

Речь военных корреспондентов в неофициальных текстах, в устном рассказе отличается от стандартов литературного языка. Использование данного приема, по мнению М. А. Кормилицыной, определено стратегией близости к адресату в

современной прессе [Кормилицына, 2007]. Среди лексических особенностей языка военных корреспондентов следует отметить использование в устной и письменной речи стилистически сниженных лексем, просторечной, жаргонной лексики. Благодаря этому повышается вовлеченность аудитории и уровень доверия к высказываниям. Однако устные рассказы военных корреспондентов в формате репортажа, в отличие от обычных текстовых материалов, позволяют наладить особо доверительные связи между корреспондентом и его адресатами.

Как показал анализ письменного контента Телеграм-каналов военных корреспондентов, ярко выражена тенденция их языка к устнизации (или орализации). Данным термином принято называть использование в письменной речи элементов устного общения. Это вызвано стремлением военных корреспондентов создать не только в своих устных сообщениях, но и в письменных текстах эффект живого устного общения, доверительной беседы. Для достижения данного эффекта авторы используют риторические категории и приемы, в частности, разговорный стиль, внутреннюю диалогичность монологических высказываний. Благодаря этому военным корреспондентам удается достичь основной журналистской задачи – близости к адресату.

Таким образом, можно выделить несколько основных лексических и стилистических особенностей устного рассказа как журналистского жанра современных военных корреспондентов:

- яркость речевых высказываний;
- эмоциональная подача информации;
- использование просторечных и стилистически сниженных лексем и оборотов;
- прямое обращение к аудитории.

Использование разговорной лексики в устном рассказе является основным признаком, выражающим две тенденции в современной интернет-журналистике:

- стремление к созданию особых доверительных отношений с адресатом;
- усиление авторского начала в информационных журналистских продуктах;
- создание достоверности как основного журналистского эффекта;
- поощрение активных действий подписчиков, стремление повлиять на их действия в реальной жизни;
- вовлеченность в информационное противостояние.

Такого мнения придерживаются многие российские авторы, в частности, Г. Я. Солганик, О. Б. Сиротина, В. М. Амиров и др. Эти три тенденции ярко выражаются в устных рассказах военных корреспондентов.

В. М. Амиров отмечает, что использование стилистически сниженной лексики в военном репортаже повышает эффект достоверности журналистского материала [Амиров, 2015]. По мнению А. И. Матяшевской, такие лексемы допустимы в репортажах военных журналистов, более того, именно они способствуют установлению контакта с аудиторией [Матяшевская, 2014]. Кроме того, существует мнение, что использование стилистически сниженной лексики следует считать нормативным, если говорящий стремится создать особую экспрессию, помогающую успешнее воздействовать на массового адресата [Амиров, 2015]. Стилистически сниженные лексемы и обороты обладают большим эмоционально-экспрессивным потенциалом.

Результаты. Подводя итоги вышесказанному, можно выделить несколько признаков трансформации устного рассказа, которые наблюдаются в медиадискурсе военных корреспондентов. Прежде всего, это высокая степень доверительности, которая достигается военкорами посредством использования устных форматов коммуникации с массовой аудиторией. Несмотря на понимание журналистами того, что аудитория слушателей составляет более сотни тысяч человек, они используют доверительный разговорный стиль для того, чтобы создать у слушателей ощущение сопричастности. Независимо от формата устных сообщений военкоры стремятся освещать события неформально, не в официальном стиле, а эмоционально и свободно. Доверительный тон реализуется с помощью ряда лингвистических средств: единиц, несущих семантику дружбы («ребята»), сниженной лексики, которую нельзя использовать в официальных репортажах, прямых обращений к зрителям.

Также следует отметить, что временной разрыв между рассказом в современных реалиях и устным рассказом гораздо меньше, в результате чего у зрителя выше чувство вовлеченности. Он может взаимодействовать с автором напрямую, общаться с ним, в некоторых случаях – получать обратную связь.

В устной коммуникации наиболее ярко проявляется самобытность военных корреспондентов: одни предпочитают придерживаться строгого, сдержанного стиля повествования, другие

часто прибегают к юмору даже при разговоре на серьезные темы. Формат устных рассказов позволяет говорящему раскрыть свою индивидуальность и творческую фантазию.

С точки зрения хронотопа повествования в видеоблогах, с одной стороны, сохраняются мотивы дороги, встречи, порога, что роднит их с устным рассказом в традиционном понимании. С другой стороны, сюжеты изобилуют мелкими бытовыми деталями, отступлениями от основной темы. Это роднит видеоблоги с обычным бытовым диалогом.

Мотивация авторов видеоблогов направлена на демонстрацию своего опыта и получение публичного признания собственных заслуг, на вклад в информационное противостояние с идеологическими противниками, на информирование подписчиков о последних событиях и вовлечение их в активные действия.

Выводы. Перечисленные выше признаки трансформации устного рассказа в современном медиадискурсе позволяют сделать вывод, что в новых медиа данный жанр сохранил многие черты традиционного устного рассказа, но также приобрёл специфические черты за счёт новых креолизованных форматов повествования. В творчестве военных корреспондентов устные сообщения приобрели большую значимость, так как они позволяют достичь эффекта доверительной беседы, живого общения с адресатами.

Библиографический список

1. Амиров В. М. Сниженная лексика и эффект достоверности в современном военном репортаже // Известия Уральского федерального университета. 2015. Т. 2. Вып. 138. С. 14–18.
2. Бондаренко О. В. Телеграм-каналы как новый вид коммуникации с общественностью // Век информации. 2018. Т. 2. Вып. 2. С. 170–172.
3. Военкор Семен Пегов: Третья мировая война идет прямо сейчас. 22 апреля 2022 г. // Telegram: сайт. 2022. URL: <https://mybook.ru/author/tvorcheskij-kollektiv-programmy-tajna-perevala-dya/voenkor-semen-pegov-tretya-mirovaya-vojna-idet-pry/> (дата обращения: 04.03.2024)
4. Глущенко О. А. Коннотативный ресурс военной лексики (на примере наименований война в «новых медиа» в текстах о специальной военной операции России на Украине) // Язык в координатах масс-медиа. Медиалингвистика. 2023. № 10. С. 41–45.
5. Гуйдалаева А. С. Устный рассказ – жанр лакского фольклора // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnyy-rasskaz-zhanr-lakskogo-folklor> (дата обращения: 08.03.2024).
6. Дядченко М. В. Роль Telegram-каналов в российском инфополе / М. В. Дядченко, А. Ю. Холодилина // Язык и коммуникация в контексте культуры : материалы международной научно-практической онлайн-конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 311–316.
7. Елина Е. Г. Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр // Жанры речи. 2019. Т. 3. Вып. 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnyy-rasskaz-studenta-aktivista-kak-rechevoy-zhanr> (дата обращения: 10.03.2024).
8. Ерофеева И. В. Архетип как средство репрезентации национальных ценностей в журналистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2009. № 2. С. 111–115.
9. Каминская Т. Л. Новые тренды в российской политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2020. Т. 6. Вып. 84. С. 12–16.
10. Колобова С. В. Особенности копиинг-стратегий журналистов, освещающих события специальной военной операции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2023. Т. 3. Вып. 64. С. 248–254.
11. Кормилицына М. А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе // В сб. Язык в движении : К 70-летию Л. П. Крысина. Москва : Языки славянской культуры, 2007. С. 268–277.
12. Коханова Л. А. Трансформация текста в СМИ: устно-письменный формат (из практики учебно-исследовательских проектов) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13. Вып. 1. С. 22–27.
13. Клушина Н. И. Медиастилистика и ее место в современной филологической науке // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2019. № 1. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/journalism/article/view/2333> (дата обращения: 10.03.2024)
14. Коц: аналитика с именем. Радио «Комсомольская правда». Подкасты // Радио «Комсомольская правда». 2022. URL: <https://podcasts.google.com/feed/aHR0cHM6Ly9jbG91ZC5tYXZlLmRwZ210YWwvNDMxNDM> (Дата обращения: 04.03.2024)
15. Ламинина О. Г. Информационные войны: миф или реальность? // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. Т. 1. Вып. 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-voyny-mif-ili-realnost> (дата обращения: 23.02.2024).
16. Малахов А. А. Сегментация и фрагментация аудитории на примере телеграм-каналов // Актуальные проблемы медиaprостранства: от теоретических аспектов до практической реализации: сб. науч. статей. Москва : РУДН, 2022. С. 255–263.
17. Малыгина Л. Е. Апелляция к хронотопу как лингвостилистическая черта жанров телевизионного промодискурса (на примере жанра анонса) // МИРС. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apellyatsiya-k-hronotopu-kak-lingvostilisticheskaya-cherta-zhanrov-televizionnogo>

promodiskursa-na-primere-zhanra-anonsa (дата обращения: 10.03.2024).

18. Матяшевская А. И. Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия (на материале российских и британских газет). Саратов, 2014. 213 с.

19. Сообщество А. Коца во ВКонтакте. // ВКонтакте. 2023. URL: https://vk.com/wall-219969902_4544 (дата обращения: 04.03.2024)

20. Стернин И. А. Социальные факторы и публицистический дискурс / И. А. Стернин, Ю. А. Сорокин, М. Р. Желтухина // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. Москва : Азбуковник, 2003. С. 91–108.

21. Телеграм-канал А. Коца «Kotsnews» // Telegram: сайт. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001109403194> (дата обращения: 04.03.2024)

22. Телеграм-канал А. Сладкова // Telegram: сайт. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001164348791> (Дата обращения: 04.03.2024)

23. Телеграм-канал «Военкор Лисицын ZOV-TV» // Telegram: сайт. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001360364343> (дата обращения: 04.03.2024)

24. Телеграм-канал «Говорит Москва». // Telegram: сайт. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001408386294> (дата обращения: 04.03.2024)

25. Телеграм-канал «Военкор Медведев». // Telegram: сайт. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001476769133> (дата обращения: 04.03.2024)

26. Телеграм-канал «Марьяна Батьковна» // Telegram: сайт. 2024. URL: t.me/maryanapaumova (дата обращения: 10.03.2024)

27. Шуйская Ю. В. Лингвистические особенности дискурса Телеграм-каналов как нового типа медиа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. 2023. № 3. С. 45–57.

28. Яшина А. Р. Telegram-журналистика: как мессенджеры изменили СМИ / А. Р. Яшина, А. В. Столяров // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Саранск, 2021. С. 327–334.

Reference list

1. Amirov V. M. Snizhennaja leksika i jeffekt dostovernosti v sovremennom voennom reportazhe = Colloquial vocabulary and the effect of authenticity in contemporary war reporting // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. 2015. T. 2. Vyp. 138. S. 14–18.

2. Bondarenko O. V. Telegram-kanaly kak novyj vid kommunikacii s obshhestvennost'ju = Telegram channels as a new type of communication with the public // Vek informacii. 2018. T. 2. Vyp. 2. S. 170–172.

3. Voekor Semen Pegov: Tret'ja mirovaja vojna idet prjamo sejchas = War correspondent Semyon Pegov:

World War III is going on right now. 22 aprelja 2022 g. // Telegram: sajt. 2022. URL: <https://mybook.ru/author/tvorcheskij-kollektiv-programmy-tajna-perevala-dya/voekor-semen-pegov-tretya-mirovaya-vojna-idet-pry/> (data obrashhenija: 04.03.2024)

4. Glushhenko O. A. Konnotativnyj resurs militarnoj leksiki (na primere naimenovaniy voina v «novyh media» v tekstah o special'noj voennoj operacii Rossii na Ukraine) = Connotative resource of military lexicon (the example of warrior names in the «new media» in texts about Russia's special military operation in Ukraine) // Jazyk v koordinatah mass-media. Medialingvistika. 2023. № 10. S. 41–45.

5. Gujdalaeva A. S. Ustnyj rasskaz – zhanr lakskogo fol'klora = Oral narrative as a genre in Lak folklore // Izvestija DGPU. Obshhestvennye i gumanitarne nauki. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnyj-rasskaz-zhanr-lakskogo-folklor> (data obrashhenija: 08.03.2024).

6. Djadchenko M. V. Rol' Telegram-kanalov v rossijskom infopole / M. V. Djadchenko, A. Ju. Holodilina = The role of Telegram channels in the Russian infosphere / M. V. Dyadchenko, A. Yu. Kholodilina // Jazyk i kommunikacija v kontekste kul'tury : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj onlajn-konferencii. Rostov-na-Donu, 2022. S. 311–316.

7. Elina E. G. Ustnyj rasskaz studenta-aktivista kak rechevoj zhanr = Activist student oral storytelling as a speech genre // Zhanry rechi. 2019. T. 3. Vyp. 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnyj-rasskaz-studenta-aktivista-kak-rechevoj-zhanr> (data obrashhenija: 10.03.2024).

8. Erofeeva I. V. Arhetip kak sredstvo reprezentacii nacional'nyh cennostej v zhurnalistike = Archetype as a means of representing national values in journalism // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie. 2009. № 2. S. 111–115.

9. Kaminskaja T. L. Novye trendy v rossijskoj politicheskoj kommunikacii = New trends in Russian political communication // Politicheskaja lingvistika. 2020. T. 6. Vyp. 84. S. 12–16.

10. Kolobova S. V. Osobennosti koping-strategij zhurnalistov, osveshhajushhih sobytija special'noj voennoj operacii = Specific copying strategies of journalists covering the Special military operation events // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika i psihologija. 2023. T. 3. Vyp. 64. S. 248–254.

11. Kormilicyna M. A. Razgovornost' kak realizacija strategii blizosti k adresatu v sovremennoj presse = Colloquiality as realization of the strategy to be close to the addressee in the modern press // V sb. Jazyk v dvizhenii : K 70-letiju L. P. Krysin. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2007. S. 268–277.

12. Kohanova L. A. Transformacija teksta v SMI: ustno-pis'mennyj format (iz praktiki uchebno-issledovatel'skih proektov) = Text transformation in the media: oral-written format (from the practice of education

and research projects) // Vestnik JuUrGU. Serija «Lingvistika». 2016. T. 13. Vyp. 1. S. 22–27.

13. Klushina N. I. Mediastilistika i ee mesto v sovremennoj filologicheskoj nauke = Mediastylistics and its place in modern philological science // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. 2019. № 1. URL: <https://journals.bs.u.by/index.php/journalism/article/view/2333> (data obrashhenija: 10.03.2024)

14. Koc: analitika s imenem. Radio «Komsomol'skaja pravda». Podkasty. // Radio «Komsomol'skaja pravda». 2022. URL: <https://podcasts.google.com/feed/aHR0cHM6Ly9jbG91ZC5tYXZlLmRpZ2l0YWwvNDMxNDM> (Data obrashhenija: 04.03.2024)

15. Laminina O. G. Informacionnye vojny: mif ili real'nost'? = Information wars: myth or reality? // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2018. T. 1. Vyp. 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-voyny-mif-ili-realnost> (data obrashhenija: 23.02.2024).

16. Malahov A. A. Segmentacija i fragmentacija auditorii na primere telegram-kanalov = Audience segmentation and fragmentation in Telegram channels // Aktual'nye problemy mediaprostranstva: ot teoreticheskikh aspektov do prakticheskoj realizacii: sb. nauch. statej. Moskva : RUDN, 2022. S. 255–263.

17. Malygina L. E. Apelljacija k hronotopu kak lingvostilisticheskaja cherta zhanrov televizionnogo promodiskursa (na primere zhanra anonsa) = Appeal to chronotope as a linguistic and stylistic feature of TV promodiscourse genres (the case of announcement genre) // MIRS. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apellyatsiya-k-hronotopu-kak-lingvostilisticheskaya-cherta-zhanrov-televizionnogo-promodiskursa-na-primere-zhanra-anonsa> (data obrashhenija: 10.03.2024).

18. Matjashevskaja A. I. Snizhennaja leksika v SMI: klassifikacija, upotreblenie, jetnokul'turnye razlichija (na materiale rossijskikh i britanskikh gazet) = Colloquial vocabulary in mass media: classification, use, ethno-cultural differences (based on Russian and British newspapers). Saratov, 2014. 213 s.

19. Soobshhestvo A. Koca vo VKontakte = A. Kots' community in VKontakte // VKontakte. 2023. URL: https://vk.com/wall-219969902_4544 (data obrashhenija: 04.03.2024)

20. Sternin I. A. Social'nye faktory i publicisticheskij diskurs = Social factors and journalistic discourse / I. A. Sternin, Ju. A. Sorokin, M. R. Zheltuhina // Massovaja kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs. Sbornik nauchnyh trudov. Moskva : Azbukovnik, 2003. S. 91–108.

21. Telegram-kanal A. Koca «Kotsnews» = A. Kots' Telegram channel “Kotsnews” // Telegram: sajt. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001109403194> (data obrashhenija: 04.03.2024)

22. Telegram-kanal A. Sladkova = A. Sladkov's Telegram channel // Telegram: sajt. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001164348791> (Data obrashhenija: 04.03.2024)

23. Telegram-kanal «Voenkor Lisicyн ZOV-TV» = Telegram channel «Voyenkor Lisitsyn ZOV-TV» // Telegram: sajt. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001360364343> (data obrashhenija: 04.03.2024)

24. Telegram-kanal «Govorit Moskva» = Telegram channel “Moscow speaks” // Telegram: sajt. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001408386294> (data obrashhenija: 04.03.2024)

25. Telegram-kanal «Voenkor Medvedev» = Telegram channel “War correspondent Medvedev” // Telegram: sajt. 2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001476769133> (data obrashhenija: 04.03.2024)

26. Telegram-kanal «Mar'jana Bat'kovna» = Telegram channel «Mariana Batkovna» // Telegram: sajt. 2024. URL: t.me/maryananaumova (data obrashhenija: 10.03.2024)

27. Shujskaja Ju. V. Lingvisticheskie osobennosti diskursa Telegram-kanalov kak novogo tipa media = Linguistic features of Telegram channels discourse as a new type of media // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 6. Jazykoznanie. 2023. № 3. S. 45–57.

28. Jashina A. R. Telegram-zhurnalistika: kak messendzhery izmenili SMI = Telegram journalism: how messengers have changed the media / A. R. Jashina, A. V. Stoljarov // Materialy XXIV nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov Nacional'nogo issledovatel'skogo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.P. Ogarjova. Saransk, 2021. S. 327–334.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 23.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-60
EDN: HEIJVF

Методика комплексного анализа поликодового текста аудиовизуальной рекламы на основе мультимодальной транскрипции

Светлана Николаевна Прохорова

Кандидат культурологии, доцент кафедры теории и практики коммуникации, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
svnp@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6624-7894>

Аннотация. В статье поднимается проблема сложности анализа процессов формирования образа товара в аудиовизуальной рекламе. Аудиовизуальная реклама, представляя информацию посредством нескольких знаковых систем, воспринимается реципиентом через визуальный и аудиальный каналы восприятия. Сочетание нескольких знаковых систем и каналов восприятия сообщения порождает сложные процессы декодирования сообщения, которые важно направить в единое заданное русло. Коды вступают друг с другом во взаимодействие, в результате которых в сознании реципиента формируется значение. Исследователи ведут поиски универсального метода анализа аудиовизуальных сообщений, который должен помочь создавать эффективные тексты, за короткий срок доставляющие идею послания и формирующие в сознании реципиента заданный образ представляемого продукта. В статье представлена методика комплексного анализа рекламного ролика, совмещающая методы создания мультимодальной транскрипции Э. Болдри и П. Тибалта и комплексный полисемиотический анализ, предложенный И. Гамбье. Информация анализируемого поликодового текста представляется в специальной таблице (матрице), где в ячейки заносится информация по каналам восприятия сообщения и по знаковым системам, разделенным на первом уровне на вербальную и невербальную. Всего на вербальном уровне выделяется три вида элементов, на невербальном – семь. Результаты такого интегративного анализа в настоящем исследовании оцениваются с точки зрения влияния различных знаковых систем на формирование рекламного образа. Взаимодействие сразу нескольких семиотических кодов и каналов восприятия позволяет за максимально короткий срок отобразить смысловой потенциал рекламного сообщения и сложить в сознании реципиента устойчивую положительную реакцию узнавания того или иного продукта, создать целостный образ рекламируемого объекта.

Ключевые слова: методика анализа поликодового текста; поликодовый текст; семиотический код; аудиовизуальная реклама; рекламный ролик; рекламный образ; мультимодальная транскрипция; полисемиотический подход

Для цитирования: Прохорова С. Н. Методика комплексного анализа поликодового текста аудиовизуальной рекламы на основе мультимодальной транскрипции // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 60–67. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-60>. <https://elibrary.ru/HEIJVF>

Original article

The methodology of polycode text complex analysis in audiovisual advertising on the basis of multimodal transcription

Svetlana N. Prokhorova

Candidate of cultural sciences, associate professor at the department of theory and practice of communication, Yaroslavl Demidov state university. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14.
svnp@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6624-7894>

Abstract. The article is devoted to studying the polycode text in audiovisual advertising. The author describes the formation of the product image in an audiovisual commercial, combining E. Baldry and P. Tybalt's methods of creating multimodal transcription and the complex polysemiotic approach proposed by I. Gambier. The combination of several sign systems and channels of message perception generates complex processes of message decoding. The codes interact with each other, resulting in the formation of meaning in the recipient's mind. Researchers are searching for a universal method to analyze audiovisual messages, which should help create effective texts that convey the idea of the message in a short period of time and form a target image of the product in the recipient's mind. The article presents a methodology

for a comprehensive analysis of a commercial, combining the methods proposed by E. Baldry, P. Tybalt and I. Gambier. The information of the polycode text under analysis is presented in a special table (matrix), where the cells contain the data on the channels of message perception and on the sign systems, divided at the first level into verbal and non-verbal. In total, three types of elements are distinguished at the verbal level, and seven at the non-verbal level. The results of such an integrative analysis in this study are assessed from the point of view of the influence of various sign systems on the formation of an advertising image. The interaction of several semiotic codes in audiovisual advertising helps to show the semantic potential of the advertising message in the shortest possible time and create a stable positive reaction of recognizing a particular product in the recipient's mind, creating a holistic image of the advertised object.

Key words: polycode text; semiotic code; audiovisual advertisement; commercial; promotional image; multimodal transcription; polysemiotic approach

For citation: Prokhorova S. N. The methodology of polycode text complex analysis in audiovisual advertising on the basis of multimodal transcription. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):60–67. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-60>. <https://elibrary.ru/HEIJVF>

Введение

Аудиовизуальная реклама сегодня является одной из самых актуальных и быстроразвивающихся разновидностей маркетинговой коммуникации. Меняются носители и каналы передачи сообщения, совершенствуются технические средства и способы передачи рекламного послания, все больше информации передается в видеоформате. Аудиовизуальная реклама включает в себя рекламные ролики и рекламные фильмы.

Объектом настоящего исследования являются рекламные ролики – короткие рекламные фильмы продолжительностью от 15 секунд до нескольких минут, рассчитанные на показ широким слоям населения, рекламирующие, как правило, товары (услуги) народного потребления. Ролики могут быть показаны в кинотеатрах перед сеансами художественных фильмов, по телевидению, в интернете; допускают применение всех жанров кинематографа; строятся, как правило, на динамичных сюжетах, острых ситуациях, неожиданных развязках [Панкратов, 2001, с. 118].

Методы исследования

В процессе восприятия рекламного сообщения важнейшую роль играет способность человека к целостному восприятию сложных объектов как неразложимых. В аудиовизуальной рекламе на адресата осуществляется имплицитное воздействие в нескольких направлениях:

1. Посредством визуального и кинетического компонента, которые являются основным средством привлечения внимания, эмоционального воздействия.

2. Через вербальное сообщение, которое транслирует основное рекламное послание.

3. С помощью музыкального и звукового сопровождения, которые также имеют важное значение для привлечения внимания, эмоционального воздействия, создания целостного смыслового восприятия сообщения.

Термин поликодовость принято рассматривать как применение и взаимодействие различных систем кодов внутри одного текста. Поликодовый текст «как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей. „Материя” текста соткана из многих элементов, существенно влияющих на восприятие текстового целого. Не только особенности соединения языковых знаков в текстовую ткань, но и графическое, шрифтовое, визуальное, цветовое оформление...» [Чернявская, 2014, с. 90]. Поликодовый текст представляет собой функциональное и смысловое единство вербальных, визуальных, звуковых и иных знаковых систем, обеспечивающее целостное эмоциональное воздействие на реципиента.

Заложенная в поликодовом тексте аудиовизуальной рекламы вербальная, звуковая, иконическая и кинетическая информация, воспринимаясь реципиентом, преобразуется в образ рекламного продукта, который оказывает на подсознание человека прямое воздействие. Образ, использованный в конкретном рекламном ролике, определяет то, как именно рекламное сообщение воспринимает представитель целевой аудитории [Седова, 2014, с. 65]. Образ способствует целостному отображению смыслового потенциала рекламного сообщения за максимально короткий срок, а также приводит к созданию в сознании реципиента устойчивой положительной реакции узнавания того или иного продукта. Подобный эффект очень важен и возникает за счет семиотических особенностей коммуникации в условиях большого потока информации и конкуренции [Федорова, 2019, с. 210].

О методике исследования поликодового текста

Особую важность для исследования поликодовых текстов аудиовизуальной рекламы представляет комплексный подход при анализе информации, закодированной с помощью разных семиотических систем. Подобный подход к ана-

лизу поликодовых текстов представил французский исследователь Ролан Барт, рассматривая элементы различных семиотических систем поликодовых текстов печатной рекламы в тесной взаимосвязи. Автор говорит о важности вербальной составляющей, которая направляет в нужное русло восприятие нескольких знаковых систем [Барт, 1989]. В исследованиях А. Г. Сониной и П. Н. Махнина также предложен комплексный анализ компонентов поликодового текста с учётом особенностей воздействия элементов текста на реципиента [Сонин, 2004, с. 78]. Л. В. Ухова, анализируя тексты рекламы, говорит о синергетическом подходе, подчеркивая важность единства нескольких знаковых систем. Именно такое единство, по мнению автора, порождает синергетический эффект, однако «вектор рефлексии при декодировании и интерпретации поликодовой информации задает вербальный компонент» [Ухова, 2012, с. 223].

Мультимодальный подход используется для анализа поликодового текста в различных коммуникативных ситуациях. Так, Е. В. Веснушкина использует мультимодальный подход при анализе фольклорной коммуникации [Веснушкина, 2021].

На основе комплексных подходов к анализу поликодовых текстов был предложен метод мультимодальной транскрипции (англ. multimodal transcription). Этот метод применяется в переводческой практике – при переводе аудиовизуальных текстов. Практике аудиовизуального перевода посвящены работы И. Гамбье, [Gambier, 2013, 2019], Е. Г. Борисовой [Борисова, 2000], Е. Д. Маленовой [Маленова, 2017], Е. В. Морозовой [Морозова, 2019].

Энтони Болдри и Пол Тибалт представили этот метод в работе «Мультимодальная транскрипция и анализ текста» [Baldry, 2006]. Согласно схеме такого анализа, поликодовый аудиовизуальный текст разбивается на кадры (сцены), которые помещаются в виде изображения в отдельные ячейки специальной таблицы и описываются в соответствии с тремя ключевыми параметрами, указанными в соответствующих колонках таблицы: *визуальный образ, кинетические действия, звуковая дорожка*. Подобный подход позволяет, учитывая семиотическую природу сообщения, выяснить, как использование совокупности различных семиотических систем позволяет создавать определённое значение.

Вслед за Е. Д. Маленовой [Маленова, 2018] мы используем в настоящем исследовании сочетание метода создания мультимодальной транскрипции Э. Болдри и П. Тибалта и комплексный полисемиотический анализ Ива Гамбье. Полисемиотический подход был предложен для перевода аудиовизуальных текстов. Комплексный полисемиотический подход состоит в интегративном анализе различных семиотических кодов сообщения сознательно или неосознанно воспринимаемых реципиентом этого текста.

Ив Гамбье говорит о 14 семиотических кодах, которые передаются через две знаковые системы (вербальную и невербальную) и через два канала (аудиальный и визуальный). Формирующееся значение и воздействие, оказываемое поликодовым аудиовизуальным текстом на реципиента, согласно подходу Гамбье, зависит от характера взаимодействия различных кодов (таблица 1) [Гамбье, 2016, с. 65].

Таблица 1

Семиотические коды в порождении смысла

	Аудиальный канал	Визуальный канал
Вербальные элементы (знаки)	Лингвистический код: диалоги, монологи, комментарии, закадровые голоса Паралингвистический код: манера произнесения, интонация, акцент Литературно-театральный код: сюжет, нарратив, драматургия, ритмическое оформление речи	Графический код: Письменные формы, такие как: письма, заголовки, меню, названия улиц, подзаголовки, субтитры, реклама, бренды
Невербальные элементы (знаки)	Код специальных звуковых эффектов / звуковых аранжировок Музыкальный код Паралингвистический код: качество голоса, паузы, тишина, громкость	Иконографический код: Фотографический код: освещение, перспектива, цвет и т.д. Сценографический код: визуальные пространственные знаки Кинокод: съёмка, кадрирование, монтаж, условности жанра

	Аудиальный канал	Визуальный канал
	голоса, голосовые шумы, такие как: плач, крик, кашель и пр.	Кинесический код: жесты, манеры, позы, выражение лица, взгляд Проксематический код: движение, использование пространства, дистанция между персонажами и т. д. Дресс-код: прическа, макияж и т. д.

Вербальные элементы транслируются посредством аудиального канала при помощи трёх кодов:

1. лингвистического (диалоги, монологи, комментарии и т. д.);
2. вербального паралингвистического (манера произнесения, интонация, акцент);
3. литературно-театрального (сюжет, нарратив, драматургия, ритмическое оформление речи).

Вербальные элементы, транслируемые посредством визуального канала, актуализуются при помощи графического кода (письма, заголовки, меню, названия улиц, подзаголовки, субтитры и т. п.).

Невербальные элементы, транслируемые посредством аудиального канала, используют код специальных звуковых эффектов (звуковых аранжировок), а также музыкальный код и паралингвистический код (качество голоса, паузы, тишина, громкость голоса, голосовые шумы, такие как плач, крик, кашель и пр.).

Невербальная информация транслируется посредством визуального канала с использованием семи кодов:

1. Иконографический код.
2. Фотографический код: освещение, перспектива, цвет и т. д.
3. Сценографический код: визуальные пространственные знаки.
4. Кинокод: съемка, кадрирование, монтаж, условности жанра.
5. Кинесический код: жесты, манеры, позы, черты лица, взгляд.
6. Проксематический код: движение, использование пространства, дистанция между персонажами и т. д.
7. Дресс-код: прическа, макияж и т. д.

Все вышеперечисленные коды вступают друг с другом во взаимодействия, в результате которых в сознании реципиента формируется значение.

Е. Д. Некрасова обращает внимание на то, что следует различать термины «поликодовый текст» и «полимодалный текст». Поликодовым справедливо называть тексты, соединяющие в себе разные семиотические коды. Если рассматривать восприятие текстов при помощи различных мо-

дальностей – каналов восприятия, то возможно использование термина «полимодалный текст» [Некрасова, 2004, с. 45]. А. А. Кибрик, рассуждая о подобном подходе, предложил использовать термин не «мультимодалный», а «мультиканальный дискурс» [Кибрик, 2010]. Продолжая тему полимодалности, А. Ю. Калинин предлагает называть подобные тексты «бимодальными», «поскольку они предназначены лишь для зрительно-слухового восприятия» [Калинин, 2023, с. 75]. Автор предлагает свою схему структурно-семиотической организации поликодового текста, которая повторяет предложенные Гамбье семиотические коды, но в которой на первом уровне аудиальная и вербальная модальности; на втором уровне идет разделение по каналам: музыкально-речевой, шумовой, иконографический, видеографический; на третьем уровне в каждой группе выделяются несколько кодов [Калинин, 2023, с. 78].

Анализ аудиовизуальной рекламы с использованием метода мультимодальной транскрипции

При анализе поликодового текста аудиовизуальной рекламы автомобиля LADA Niva Travel [Официальный рекламный ролик LADA Niva Travel] вместо трёх ключевых параметров, предлагаемых Энтони Болдри и Полом Тилботом, в таблицу были внесены и описаны семиотические коды, выделенные Ивом Гамбье. Описание проводилось не по отдельным кадрам, как предлагается в оригинальной методике, а по эпизодам, в которых меняются сюжетные линии, так как высокая скорость монтажа, применяемого авторами, сделала бы покадровое описание слишком громоздким. Результаты такого анализа в настоящем исследовании оцениваются с точки зрения влияния различных знаковых систем на формирование рекламного образа.

В рекламном ролике автомобиля LADA Niva Travel выделяются две части сюжета. Мы составили мультимодальную транскрипцию первой и второй части ролика [см. таблицы 2, 3].

Мультимодальная транскрипция видеоряда первой части сюжета рекламы LADA Niva Travel

	Аудиальный канал (коды)	Визуальный канал (коды)
Вербальная знаковая система	<p>Лингвистический: текст фоновой песни на английском языке («What if I'm a little dirtier? I could be a gentleman. And, and if I'm calling peaceful. You, you just turn me on. I'm tough like a stone» (англ. «Что если я намного грязнее? Я мог бы быть джентльменом. И даже если меня считают спокойным. Ты просто заводишь меня. Я крепкий, словно камень»))</p> <p>Паралингвистический: Мужской голос исполнителя песни, уверенные интонации, некоторая нечеткость произношения.</p> <p>Литературно-театральный: –</p>	<p>Графический: надпись номера и марки LADA на автомобиле.</p>
Невербальная знаковая система	<p>Код звуковых эффектов: в городе звук движения машины практически не слышен на фоне песни; за городом на фоне усиливающейся громкости музыки слышен рев мотора на поворотах и при торможении, звук листвы под колесами, звук камней под колесами, звук воды в реке под колесами.</p> <p>Музыкальный: музыка жанра рок.</p> <p>Слова песни звучат только на фоне сцен автомобиля в городе. Сцены за городом транслируются под фрагменты музыки без слов. Динамика музыки усиливается в сценах движения автомобиля по «дикой» природе. В сценах в городе – динамичная уверенная интонация, в сценах за городом повышается динамичность и громкость звука, появляются агрессивные ноты.</p> <p>Невербальный паралингвистический: приятный тембр голоса исполнителя песни.</p>	<p>Иконографический: сменяемые друг друга кадры, одни – кадры вождения новой модели в городе, другие – в дикой природе.</p> <p>Фотографический: дневной свет, приглушенные глубокие цвета: металлический, свинцовый, оттенки серого, темно-зеленый.</p> <p>Сценографический: рекламируемый товар в центре кадра, машина движется с высокой скоростью вне зависимости от ландшафта; пространство – город и дикая природа.</p> <p>Кинематографический: Сменяющиеся контрастные «декорации»: 1. автомобиль движется с высокой скоростью по гладкой асфальтированной дороге по автостраде, между современными зданиями, по загородной трассе; 2. автомобиль движется по лесу без дороги, по грязной грунтовой дороге, по побережью реки по гравию и песку, заезжает в реку; быстрая сменяемость кадра, смонтированные переходы (машина движется в лесу, затем попадает в город и т. д.).</p> <p>Кинесический: –</p> <p>Проксематический: в отдельных кадрах через лобовое стекло автомобиля просматривается мужчина за рулем автомобиля и женщина на пассажирском сиденье; кадр мужчина за рулем, резкие движения рук на руле автомобиля.</p> <p>Костюмный: повседневная одежда.</p>

Мультимодальная транскрипция первой части позволила выявить главную идею рекламного ролика – новая модель автомобиля хороша как в городе, так и на бездорожье. Видеоряд, составляющий первую часть ролика, представляет собою совокупность сменяемых друг друга кадров: с одной стороны, кадры движения новой модели в

городе, с другой – в дикой природе. Визуальная составляющая здесь дополняется аудиальным компонентом: песня, звучащая в начале ролика, подчеркивает одинаково уверенное, легкое движение автомобиля по любой местности.

Таблица 3

Мультимодальная транскрипция видеоряда второй части сюжета рекламы LADA Niva Travel

	Аудиальный канал (коды)	Визуальный канал (коды)
Вербальная знаковая система	<p>Лингвистический: диалог двух мужчин («Это точно Niva?» – «Точно»); слоган («LADA Niva Travel. Выросла дикой, приучена к городу»); Вербальный паралингвистический: интонация удивления у мужчины, задающего вопрос; интонация уверенности у отвечающего мужчины.</p> <p>Литературно-театральный: семья в салоне автомобиля.</p>	<p>Графический: надпись на здании «КАФЕ».</p> <p>Слоган новой модели: «LADA Niva Travel. Выросла дикой, приучена к городу»</p> <p>Слоган: LADA. Новые горизонты</p> <p>Информация на всплывающем экране: [2021] Полный вариант видео LADA Niva Travel Commercial 2021 by..</p>
Невербальная знаковая система	<p>Код звуковых эффектов: звук парктроников, звук тормозящей машины.</p> <p>Музыкальный: последние аккорды стихающей музыки.</p> <p>Невербальный паралингвистический: 1) негромкие голоса мужчин; 2) громкий, но приятный мужской голос за кадром</p>	<p>Иконографический: кадры остановки машин, кадры счастливой семьи в салоне автомобиля, кадры диалога между мужчинами, кадр, совмещающий движение машины в городе и в дикой местности.</p> <p>Фотографический: дневной свет.</p> <p>Сценографический: герои и автомобиль в центре кадра, остальное пространство – парковка, салон автомобиля, придорожное кафе.</p> <p>Кинематографический: замедление сменяемости кадра.</p> <p>Кинесический: мимика недоумения; «заглядывание» в салон чужой машины, улыбки членов семьи в автомобиле.</p> <p>Проксематический: спокойные позы, комфортное расположение семьи в салоне автомобиля.</p> <p>Костюмный: повседневная одежда.</p>

Вторая часть ролика строится на ломке стереотипа, который сложился вокруг представленной модели автомобиля. Визуальный ряд демонстрирует антитезу: перед глазами героев возникают два контрастных образа одного и того же автомобиля. Включение вербального кода, транслируемого по аудиальному каналу, играет важную роль в формировании рекламного образа. Персонажа, увидевшего подъехавший автомобиль LADA Niva, охватывают сомнения, что выражается в ролике несколькими кодами: вербальный паралингвистический – интонация удивления, невербальный кинесический: выражение недоумения на лице, «заглядывание» с любопытством в салон чужой машины; вербально: «Это точно Niva?» – спрашивает он у другого, не веря то ли в красивый дизайн и чистоту модели, то ли в систему безопасной парковки. В этот момент рядом останавливается точно такая же модель автомобиля, однако выглядит она так, как и подобает внедорожнику: автомобиль запачкан грязью. «Точно» – отвечает другой персонаж, воочию наблюдая подтверждение стереотипа. Этот диалог героев демонстрирует то, как производитель стремится изменить стереотипное

мнение реципиента: новая модель LADA Niva Travel – все еще внедорожник, но теперь она столь же удобна и для городских улиц.

Формирование рекламного образа завершается включением кода вербальной семиотической системы – слогана «LADA Niva Travel. Выросла дикой, приучена к городу». Этот компонент транслируется через аудиальный канал, повторяется через визуальный графический код и подкрепляет верную идентификацию реципиентом визуального компонента рекламного ролика.

Таким образом, главная идея рекламного послания, разворачивающегося в сюжетной линии рекламного ролика постепенно, подключая разные каналы и знаковые системы, закрепляется в конце ролика вербально рекламным слоганом и служит финальным штрихом рекламного сообщения, позволяющим емко представить преимущества новой модели автомобиля. Так происходит развертывание рекламного послания и формирование у реципиента положительной реакции узнавания данного товара.

Заключение

Таким образом, анализ поликодового текста аудиовизуальной рекламы LADA Niva Travel при

помощи методики, совмещающей метод создания мультимодальной транскрипции Э. Болдри и П. Тибалта и комплексный полисемиотический подход, предложенный И. Гамбье, позволяет сделать вывод о том, что в текстах аудиовизуальной рекламы при помощи кодов разных семиотических систем транслируется информация о рекламируемом продукте и происходит формирование рекламного образа. Взаимодействие сразу нескольких семиотических кодов позволяет за максимально короткий срок отобразить весь смысловой потенциал рекламного сообщения и сложить в сознании реципиента устойчивую положительную реакцию узнавания того или иного продукта, создать целостный образ рекламируемого объекта.

Метод мультимодальной транскрипции можно использовать как при переводе, анализе, так и при создании аудиовизуальных рекламных текстов.

Библиографический список

1. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 1989. С. 198–204.
2. Борисова Е.Г. Знаковые уровни в политической рекламе / сост. Ю. К. Пирогова, П. Б. Паршин // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. Москва : ИД Грабельникова, 2000. С. 205–210.
3. Веснушкина Е. В. Мультимодальное исследование фольклорной речи (к постановке проблемы) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 2. С. 12–22.
4. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий. // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 56–74.
5. Калинин А. Ю. К вопросу об онтологических свойствах аудиовизуального текста // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 70–84
6. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов / под ред. Ю. И. Александрова, В. Д. Соловьева. Москва : Институт психологии РАН, 2010. Вып. 4. С. 135–152.
7. Маленова Е. Д. О Методике анализа аудиовизуального текста (на материале аудиовизуальных поликодовых текстов социальной рекламы) // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2018. № 4. С. 166–175.
8. Маленова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования 2017. № 2. С. 32–46.
9. Морозова Е. В. Обучение переводческому анализу аудиовизуальных произведений // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 3. С. 204–213.
10. Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского университета. 2004. № 378. С. 45–48.
11. Официальный рекламный ролик LADA Niva Travel // NIVA-TV URL: https://www.youtube.com/watch?v=aWrE9QilX4s__ (дата обращения: 26.03.2024).
12. Панкратов Ф. Г. и др. Рекламная деятельность : учебник для студентов высших учебных заведений / Ф. Г. Панкратов, Ю. К. Баженов, Т. К. Серегина, В. Г. Шахурин. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001. 364 с.
13. Седова М. И. Рекламный видеоролик / Наука и школа. 2014. № 2. С. 64–67.
14. Сонин А. Г., Махнин П. Н. Экспериментальное исследование восприятия изобразительно-вербальных рекламных текстов // Вопросы психолингвистики. Москва, 2004. № 2. С. 77–91.
15. Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста: синергетический подход // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 218–223.
16. Федорова Л. Л. Семиотика рекламы: функционально-коммуникативный анализ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 6. Журналистика. С. 199–211.
17. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие. Москва : Директ-Медиа, 2014. 267 с.
18. Baldry A., Thibault, P. Multimodal transcription and text analysis. London; Oakville, CT: Equinox Pub., 2006. 270 p.
19. Gambier Y. Audiovisual translation and reception // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10. № 1. С. 52–68.
20. Gambier Y. The position of audiovisual translation studies // The Routledge handbook of translation studies. New York : Routledge, 2013. P. 45–59.

Reference list

1. Bart R. Ritorika obraza = Image rhetoric // Izbranye raboty: Semiotika. Pojetika / sost., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. Moskva : Progress, 1989. S. 198–204.
2. Borisova E. G. Znakovye urovni v politicheskoy reklame = Sign levels in political advertising / sost. Ju. K. Pirogova, P. B. Parshin // Reklamnyj tekst: semiotika i lingvistika. Moskva : ID Grabel'nikova, 2000. S. 205–210.
3. Vesnushkina E. V. Mul'timodal'noe issledovanie fol'klornoj rechi (k postanovke problemy) = Multimodal study of folklore speech (to posing the problem) // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 2. S. 12–22.
4. Gamb'e I. Perevod i perevodovedenie na perekrestke cifrovyyh tehnologij = Translation and translation stud-

ies at the crossroads of digital technologies // Vestnik SPbGU. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2016. Vyp. 4. S. 56–74.

5. Kalinin A. Ju. K voprosu ob ontologicheskikh svojstvah audiovizual'nogo teksta = On the ontological features of audiovisual text // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2023. № 1. S. 70–84

6. Kibrik A. A. Mul'timodal'naja lingvistika = Multimodal linguistics // Kognitivnye issledovanija: sbornik nauchnyh trudov / pod red. Ju. I. Aleksandrova, V. D. Solov'eva. Moskva : Institut psihologii RAN, 2010. Vyp. 4. S. 135–152.

7. Malenova E. D. O Metodike analiza audiovizual'nogo teksta (na materiale audiovizual'nyh polikodovyh tekstov social'noj reklamy) = Methods of analyzing audiovisual text (based on audiovisual polycode texts in social advertising) // Vestnik TvGU. Serija: Filologijaja. 2018. № 4. S. 166–175.

8. Malenova E. D. Teorija i praktika audiovizual'nogo perevoda: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt = Theory and practice in audiovisual translation: Russian and foreign experience // Kommunikativnye issledovanija 2017. № 2. S. 32–46.

9. Morozova E. V. Obuchenie perevodcheskomu analizu audiovizual'nyh proizvedenij = Teaching translation analysis of audiovisual works // Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki 2019 № 3. S. 204–213.

10. Nekrasova E. D. K voprosu o vosprijatii polimodal'nyh tekstov = Towards reception of polymodal texts // Vestnik Tomskogo universiteta. 2004. № 378. S. 45–48.

11. Oficial'nyj reklamnyj rolik LADA Niva Travel = The official promotional video of LADA Niva Travel // NIVA-TV URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aWrE9QilX4s> (data obrashhenija: 26.03.2024).

12. Pankratov F. G. i dr. Reklamnaja dejatel'nost' = Advertising activity : uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij / F. G. Pankratov, Ju. K. Bazhenov, T. K. Seregina, V. G. Shahurin. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izdatel'sko-knigotorgovyj centr «Marketing», 2001. 364 s.

13. Sedova M. I. Reklamnyj videorolik = Promotional video / Nauka i shkola. 2014. № 2. S. 64–67.

14. Sonin A. G., Mahnin P. N. Jeksperimental'noe issledovanie vosprijatija izobrazitel'no-verbal'nyh reklamnyh tekstov = Experimental study of the perception of visual-verbal advertising texts // Voprosy psiholingvistiki. Moskva, 2004. №2. S. 77–91.

15. Uhova L. V. Jefferktivnost' reklamnogo teksta: sinergeticheskij podhod = Effectiveness of advertising text: a synergetic approach // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. № 1. T. 1 (Gumanitarnye nauki). S. 218–223.

16. Fedorova L. L. Semiotika reklamy: funkcional'no-kommunikativnyj analiz = Semiotics of advertising: functional-communicative analysis // Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija. 2019. T. 18. № 6. Zhurnalistika. C. 199–211.

17. Chernjavskaja V. E. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' = Text linguistics: polycodicity, intertextuality, interdiscursivity : uchebnoe posobie. Moskva : Direkt-Media, 2014. 267 s.

18. Baldry A., Thibault, P. Multimodal transcription and text analysis. London; Oakville, CT: Equinox Pub., 2006. 270 p.

19. Gambier Y. Audiovisual translation and reception // Slovo.ru: baltijskij akcent. 2019. T. 10. №1. S. 52–68.

20. Gambier Y. The position of audiovisual translation studies // The Routledge handbook of translation studies. New York : Routledge, 2013. P. 45–59.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 29.04.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-68
EDN: KYBZZD

Исследование современного информационного пространства: поиск эффективных моделей взаимодействия ученых и практиков

Лариса Владимировна Ухова^{1✉}, Наталия Васильевна Аниськина²

¹Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹larissauchowa@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6502-2540>

²nvaniskina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4642-1893>

Аннотация. В статье представлена история конференции «Человек в информационном пространстве» (2004–2024 гг.): авторы рассказывают о зарождении идеи проведения междисциплинарного форума специалистов (как ученых, так и практиков), занимающихся проблемами коммуникации в различных аспектах, о том, как менялась проблематика конференции и формировался круг единомышленников. Значимую роль конференция сыграла и в истории кафедры теории коммуникации и рекламы (ныне – кафедра журналистики и медиакоммуникаций ЯГПУ им. К. Д. Ушинского), созданной на базе Центра теории и практики речевой коммуникации «Диалог».

Важными вехами в развитии конференции стали гранты, полученные оргкомитетом: гранты РОПРЯЛ в 2009 и 2012 гг., грант РФФИ в 2017 г., а также сотрудничество с Московский городским педагогическим университетом и группой исследователей под руководством профессора Елены Георгиевны Борисовой. Результатом этого сотрудничества стало совместное проведение двух международных научно-практических конференций: «Человек в информационном пространстве» и «Понимание в коммуникации» (2012 и 2017 гг.).

Рассказывая о современном состоянии конференции, авторы подробно останавливаются на проведении юбилейного форума. Отдельное внимание уделено образовательной программе конференции, которая традиционно направлена не только на создание условий для диалога уже состоявшихся исследователей, но и на развитие интереса к современной коммуникации у молодых ученых: студентов, магистрантов, аспирантов.

Ключевые слова: коммуникация; дискурс; медиадискурс; художественный дискурс; лингвопрагматика; медиалингвистика; жанрология; лингокультурология; лингводидактика; цифровизация

Для цитирования: Ухова Л. В., Аниськина Н. В. Исследование современного информационного пространства: поиск эффективных моделей взаимодействия ученых и практиков // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 68–74. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-68>. <https://elibrary.ru/KYBZZD>

Original article

Research of modern information space: search for effective models of interaction between scientists and practitioners

Larisa V. Ukhova^{1✉}, Natalia V. Aniskina²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

¹larissauchowa@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6502-2540>

²nvaniskina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4642-1893>

Abstract. The article is the history of the conference «Man in the Information Space» (2004–2024): the authors describe the origin of the idea of an interdisciplinary forum for specialists both in academia and practice, dealing with various aspects of communication, how the problematic of the conference have changed, and how the community of like-minded people has formed. The conference played a significant role in the history of the Department of Communication and Advertising Theory (now the Department of Journalism and Media Communications of K.D. Ushinsky YSPU), established on the basis of the Center for Theory and Practice of Speech Communication «Dialogue».

Important milestones in the development of the conference were the grants received by the organizing committee: ROPRYAL grants in 2009 and 2012, RFBR grant in 2017, as well as cooperation with Moscow City Pedagogical University and a group of researchers supervised by Professor Elena Georgievna Borisova. The result of this cooperation was the joint organization of two international scientific-practical conferences: «Man in Information Space» and «Understanding in Communication» (2012 and 2017).

Concerning the current state of the conference, the authors focus in detail on holding the anniversary forum. Special attention is paid to the educational program of the conference, which is traditionally aimed not only at creating conditions for dialogue between experienced researchers, but also at developing interest in modern communication among young scientists: students, undergraduates, postgraduates.

Key words: communication; discourse; media discourse; literary discourse; linguopragmatics; media linguistics; genre studies; linguoculturology; linguodidactics; digitalization

For citation: Ukhova L. V., Aniskina N. V. Research of modern information space: search for effective models of interaction between scientists and practitioners. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):68–74. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-68>. <https://elibrary.ru/KYBZZD>

Введение. 16–17 мая 2024 года Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Человек в информационном пространстве» уже в двадцатый раз прошла на факультете русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского. Конференция была организована по инициативе творческого коллектива Центра теории и практики речевой коммуникации «Диалог» (сегодня это преподаватели кафедры журналистики и медиакоммуникаций) и впервые состоялась в 2004 году. Она задумывалась как открытый диалог соратников по информационному пространству в разных областях научного знания – филологии, психологии, истории, педагогики, рекламы, публичных рилейшнз, информационных технологий – и до сих пор сохраняет статус научного форума, объединяющего единомышленников.

Обсуждение проблем взаимодействия в информационном пространстве на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского ежегодно привлекает в стены старейшего вуза страны ведущих ученых и специалистов в разных сферах деятельности. Конференция, которая проводится уже в двадцатый раз, отражает самые важные проблемы общения, а ее участники пытаются найти ответы на многие вопросы, связанные с пониманием в коммуникации. Есть традиционные темы, которые обсуждаются каждый год, есть и остро актуальные, касающиеся реалий, которые возникают здесь и сейчас.

Проблематика конференции. Ежегодно на конференции освещаются проблемы медиадискурса (Н. И. Клушина, Е. С. Кара-Мурза, Т. В. Жаркова, Н. Г. Шаповалова, О. С. Хряпченкова, Л. Г. Антонова, Л. Н. Синельникова, М. В. Петрова и др.), рекламной, политической и PR-коммуникации (А. Н. Баранов, П. Б. Паршин, В. Н. Базылев, Л. Г. Фещенко, Е. Н. Ежова, Т. П. Романова, Н. В. Федотова, М. Ю. Черненко, Л. В. Селезнева, А. Г. Жукова, Н. В. Аниськина, Л. Е. Бахвалова, Л. В. Плуженская, Л. В. Ухова и др.), межкультурной коммуникации (Л. Г. Викулова, Е. Г. Оршанская, Е. Ю. Кольшева, О. И. Максименко, К. М. Шилихина, Ж. К. Гапонова и др.), культурологического дискурса (Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Т. В. Юрьева, А. М. Новоселов, А. А. Чернега), коммуникативной подготовки учащихся в школе и вузе (В. В. Кузнецова, Е. Л. Ерохина, Л. Н. Казакова, М. В. Ладилова и др.), понимания и интерпретации художественного произведения (З. Я. Карманова, Ю. М. Краснов, Н. Б. Критская, Л. А. Якушева, М. Я. Розенфельд, Г. Ю. Филипповский, М. Г. Пономарева, Е. М. Болдырева, Е. В. Никкарева и др.). Эти вопросы не утрачивают своей значимости и с течением времени продолжают оставаться злободневными, а с приходом новых технологий лишь исследуются под новым углом зрения.

С 2008 года внимание исследователей начала привлекать интернет-коммуникация. Объектами изучения исследователей стали блоги, форумы, чаты и языковые и стилевые особенности их

контента. В своих выступлениях докладчики акцентировали внимание на жанровом своеобразии блогосферы, особенностях «олбанского» языка, функционально-стилевом анализе чат- и sms-общения (Е. В. Медведева, Л. Ю. Щипицина, А. Либшнер, С. В. Лесников, А. В. Бушев и др.). Эта тема и по сей день имеет обширный круг нерешенных проблем и вызывает большой интерес научного сообщества.

В 2009-м году конференцию впервые поддержало Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ). Тогда в своем приветственном слове директор секретариата Л. В. Московкин определил одну из важнейших задач конференции – объединение ученых из различных городов нашей страны для общения и обмена опытом в области теории и практики речевой коммуникации. Он также говорил о важности создания подобных конференций и в других городах России. Сегодня общество преподавателей русского языка и литературы насчитывает более 300 членов, в числе которых индивидуальные ученые и научные сообщества, оно охватывает 63 субъекта Российской Федерации, а его главными задачами является объединение усилий русистов, распространение знания о русском языке среди широких масс, и конференция по-прежнему способствует решению этих задач.

С 2010 года в поле зрения исследователей все чаще стали попадать вопросы, связанные с экспертной оценкой текстов социальной и массовой коммуникации, которые поднимались в докладах экспертов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) – А. Н. Баранова, Е. С. Кара-Мурзы, И. А. Стернина.

В 2011-м году конференция впервые прошла в интернет-режиме, что позволило принять активное участие в ее работе ученым ближнего (Украина, Белоруссия) и дальнего (Болгария) зарубежья.

В 2012-м году конференция имела другой формат: она проводилась совместно с учеными ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет» при поддержке Министерства образования и науки РФ и (уже во второй раз) Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ).

Следует отметить, что к этому времени интерес к проблематике конференции значительно вырос. Об этом свидетельствовало участие в научном форуме известных западных и отечественных исследователей, таких как А. Му-

стайоки (Финляндия), Ж. Вершуерен (Бельгия), Г. Кундротас (Литва), С. Корячанкова (Чехия), Е. Ю. Протасова (Финляндия), Н. Иванова (Болгария), В. А. Маслова (Белоруссия), А. Э. Левицкий (Украина), Е. Ф. Тарасов (Институт языкознания РАН), А. А. Кибрик (Институт языкознания РАН), А. Н. Баранов (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН), Д. О. Добровольский (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН), О. И. Северская (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН), Г. Е. Крейдлин (РГГУ), Е. Г. Борисова (МГПУ), И. А. Стернин (ВГУ), Е. С. Кара-Мурза (МГУ), И. М. Кобозева (МГУ), Е. Н. Геккина (Институт лингвистических исследований РАН). На конференции было уделено внимание широкому кругу проблем: от понимания в межличностном общении до восприятия журналистских текстов и интернет-контента, от понимания художественного текста до использования политических технологий в предвыборном дискурсе.

Особенно актуальным и заслуживающим пристального внимания со стороны как ученых, так и преподавателей вузов и учителей школ являлось увеличение количества мигрантов из дальнего и ближнего зарубежья, что неизбежно вело к необходимости решения вопросов, связанных с межкультурной коммуникацией, преподаванием русского языка как иностранного и как неродного. В связи с этим закономерным было активное участие в работе конференции школьных учителей и вузовских преподавателей, работающих в полиэтнических группах (О. И. Максименко, Е. Ю. Протасова, Н. М. Нестерова, Л. Г. Дмитриева, Е. Ю. Кольшева, А. К. Доммазян, Е. Г. Тарева, Г. В. Токарева, Ю. Ф. Маметова и др.).

В последующие годы в орбиту исследовательского интереса попадают вопросы лингвопрагматических особенностей дискурса, коммуникативных стратегий и тактик эффективной коммуникации, жанрового своеобразия интернет-коммуникации, дигитализации и конвергенции СМИ, продающих / продвигающих коммуникаций, семиотического ландшафта городского текста, цифровизации образования, лингвокультурологического подхода в обучении иностранным языкам, развития и совершенствования психолингвистического инструментария и др.

Современное состояние. В этом году конференция отпраздновала свой 20-летний юбилей. Открыли работу пленарного заседания, поздравили организаторов с солидным юбилеем и поприветствовали участников конференции первый

проректор ЯГПУ А. М. Ходырев и декан факультета русской филологии и культуры Ж. К. Гапонова. В своих выступлениях спикеры подчеркнули востребованность и перспективность такого рода научного общения, отметили широкую географию участников конференции, поддержали привлечение к изучению проблем современного информационного пространства молодых исследователей, а в заключение пожелали всем присутствующим продуктивной работы, дальнейшего плодотворного сотрудничества и новых встреч на ставшем уже традиционным весеннем ярославском научном форуме.

Эстафету подхватили заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций ЯГПУ Н. В. Аниськина и заведующая кафедрой теории и практики коммуникации ЯрГУ им. П. Г. Демидова Л. Г. Антонова. Последней принадлежит сама идея создания междисциплинарной конференции, которой в далеком 2004 году она давала старт вместе с большим другом факультета – известным воронежским ученым, профессором И. А. Стерниным. С большой теплотой и трепетом коллеги рассказали историю рождения, развития и становления любимого «детища», подчеркнув, что главным его достоянием всегда были люди – ученые-единомышленники, благодаря которым ЧИП прирастал смыслами, обрастал связями, обретал настоящих друзей, многие из которых не упустили возможности поздравить его с 20-летним юбилеем и поддержали яркими, крайне актуальными и перспективными выступлениями. Среди них – Е. Г. Борисова (МГПУ), Н. И. Клушина (МГУ), Е. С. Кара-Мурза (МГУ), М. Р. Желтухина (ПГУ), В. И. Коньков (СПбГУ), Е. В. Быкова (СПбГУ), Е. Н. Ильина и Ю. Н. Драчева (ВГУ), О. И. Северская (ИРЯ РАН), Л. Ю. Щипицина (САФУ) и др. С пленарными докладами выступили и сами инициаторы и организаторы конференции – профессора Л. Г. Антонова и Л. В. Ухова, которые стояли у истоков формирования ярославской научной школы исследования медиадискурса.

В ходе двух пленарных заседаний была дана оценка современной дискурсологии (Л. Н. Синельникова), заданы измерения (гуманитарное и технологическое) современного медийного пространства (Н. И. Клушина), рассмотрены эффективные дискурсивные практики медиавоздействия (М. Р. Желтухина), специфика рекламной коммуникации в модели речевой деятельности (Е. Г. Борисова), медиатипологические категории в журналистике стиля жизни (Е. С. Кара-Мурза),

лингвостилистические средства создания образа врага (на материале публикаций телеграмм-каналов военных корреспондентов) (Л. Е. Малыгина, С. В. Колобова), представлены «жанровый подиум» современной медиакоммуникации (Л. Г. Антонова) и межкультурный диалог в современном театральном пространстве (Т. И. Ерохина). Кроме того, в поле исследовательского интереса докладчиков оказались специфика репрезентации смыслов региональной культуры в текстах массовой коммуникации (Е. Н. Ильина, Ю. Н. Драчева), возражение как поликодовый речевой акт (В. И. Коньков), маркетизация дискурса СМИ (Л. В. Ухова), составляющие имиджа города в социальных медиа (Л. Ю. Щипицина), сильные и слабые стороны использования искусственного интеллекта в образовательном процессе и новые требования к педагогическим работникам в условиях цифровизации образовательной сферы (Е. В. Быкова). Все выступления вызвали живой интерес участников и жаркую дискуссию, что свидетельствует о крайней актуальности поднятых докладчиками проблем.

Второй день работы научного форума был посвящен секционным заседаниям, в ходе которых обсуждались дискурсивные практики массовой коммуникации, коммуникативно-прагматические аспекты художественного текста, технологии и инструменты продающих и продвигающих коммуникаций, городское семиотическое пространство текста, цифровая образовательная среда вуза и школы, актуальные проблемы межкультурной коммуникации и преподавания русского языка как иностранного. Очень продуктивно прошло заседание студенческой секции. На итоговом круглом столе все выступающие отметили актуальность и глубину представленных докладов, высокий уровень научного диалога, качество научной дискуссии и благодарили за безупречную организацию конференции, которая прошла в смешанном формате. Плодотворно прошло и заседание проблемного семинара «Лингвопрагматические аспекты анализа медиадискурса», в ходе которого были рассмотрены возможные алгоритмы корпусного исследования, позволяющего выявлять тематические группы в трендовых темах медиадискурса и выделять на этой основе транслируемые аудитории смыслы (О. И. Северская, Е. В. Туркина).

В рамках работы конференции на факультете русской филологии и культуры были организованы публичные лекции для студентов и магистрантов на самые актуальные темы исследова-

ния современного медиадискурса:

- Елена Георгиевна Борисова «Почему копирайтеру, переводчику и преподавателю языка нужны знания по лингвистике?»;

- Наталия Ивановна Клушина «Стилистика цифровой эпохи»;

- Лариса Юрьевна Щипицина «Социальные сети в составе социальных медиа: понятие и функции»;

- Мария Александровна Васильченко «Локусные и коммерческие бренды: айдентика, стилистика, взаимовлияние».

Украшением научного форума стала прошедшая в рамках конференции медиапроектная студенческая сессия, посвященная 105-летию юбилею факультета русской филологии и культуры. Студенты представили на суд зрителей портреты известных ученых, благодаря которым факультет снискал славу флагмана филологического и культурологического образования в регионе и стране: В. И. Жельвиса, Т. С. Злотниковой, Н. Н. Пайкова, Е. В. Карсаловой, А. Ю. Мазиловой.

И, конечно, как и в предыдущие годы, участники конференции изучали информационное пространство города. Каждый год организаторы стараются привлечь внимание гостей не только к научному, но и к культурологическому дискурсу, готовя интересные экскурсионные программы. Так, за время проведения конференции, кроме знакомства с историческим и культурным «ландшафтом» столицы Золотого кольца, ее участники посетили Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха», Толгский монастырь, побывали в Ростове Великом, Угличе, Мышкине.

География участников конференции ширится с каждым годом. К обсуждению проблем общения подключаются известные ученые не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и Сибири, Урала, Дальнего Востока, Поволжья, а также известные ученые дальнего и ближнего зарубежья из Финляндии, Бельгии, Польши, Франции, Болгарии, Украины и Белоруссии. В этом году в конференции приняли участие известные ученые и молодые исследователи из ЛНР, ДНР, Китая и Южной Кореи.

Заключение. Однако, несмотря на свой солидный возраст, конференция «Человек в информационном пространстве» подводит промежуточные итоги, поскольку изучение современных коммуникативных процессов не имеет воз-

раста, не подвластно времени. Пока жив язык, жив интерес исследователя к изучению этого языка. А значит, встретимся вновь на волжских просторах и в очередной раз представим разные грани современного пространства информации!

Библиографический список

1. Активные процессы в социальной и массовой коммуникации : коллективная монография / отв. ред. и сост. Н. В. Аниськина, Л. В. Ухова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. 207 с.

2. Аниськина Н. В. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации // Менеджмент XXI века: образование в эпоху цифровой экономики. Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 143–147.

3. Аниськина Н. В., Ухова Л. В. Хроника XIV Всероссийской конференции «Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации» // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 266–275.

4. Антонова Л. Г. Конференция «Человек в информационном обществе» // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 2 (35). С. 166–167.

5. Антонова Л. Г. О новых жанровых формах в интернет-дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 4. С. 11–14.

6. Борисова Е. Г. Маркетинговая лингвистика в эпоху цифровизации общества // Маркетинговая лингвистика в цифровую эпоху. Сборник научных статей / сост. Е. Г. Борисова; под общ. ред. Л. Г. Викуловой. Москва, 2021. С. 5–6.

7. Борисова Е. Г. Международная конференция «Понимание в коммуникации. Человек в информационном пространстве» // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 150–153.

8. Борисова Е. Г. Пятнадцать лет усилий в области понимания // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации. Сборник научных трудов: в 2 томах / под общ. ред. Н. В. Аниськиной, Л. В. Уховой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 7–12.

9. Быкова Е. В. Речевые стратегии демедиатизации в цифровой среде // Медиалингвистика. Материалы VI международной научной конференции / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. Санкт-Петербург, 2022. С. 465–468.

10. Желтухина М. Р. Языковое сознание в цифровую эпоху: формирование через медиавоздействие // Традиции инновации в изучении и преподавании языков. Материалы Международной научно-практической конференции. Министерство высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан, Педагогический институт Термезского Государственного университета, Факультет языков. 2022. С. 587–592.

11. Клушина Н. И. Нарративные практики в современном российском медиадискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 63. С. 24–35.
12. Коньков В. И. Социальная оценка в медийном дискурсе: лингвистический аспект // Медиалингвистика. Материалы докладов участников VII Международной конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 430–434.
13. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография / под ред. Е. Г. Борисовой, Л. Г. Викуловой. 2-е изд., стер. Москва: Флинта, 2020. 164 с.
14. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь / под ред. Л. Р. Дускаевой. Москва: ФЛИНТА, 2018. 438 с.
15. Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография / науч. редактор Е. Н. Ильина. Вологда: ВоГУ, 2022. 329 с.
16. Основы маркетинговой лингвистики: учебник / под общ. ред. Л. Г. Викуловой. Москва: Языки Народов Мира, 2023. 217 с.
17. Синельникова Л. Н. О дискурсологии в модульном измерении: размышления о проблемах, рассмотренных в рамках юбилейного заседания Ялтинского дискурсологического кружка (25–27 сентября 2019 года) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 131–148.
18. Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 71–82.
19. Ухова Л. В. Юбилейная конференция на факультете русской филологии и культуры: промежуточные итоги // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 4. С. 355–358.
20. Ухова Л. В., Аниськина Н. В. Традиции сохраняются и развиваются // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 222–224.
21. Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография / отв. ред. М. Р. Желтухина. Москва – Волгоград: ПринТerra-Дизайн, 2020. 770 с.
22. Щипицина Л. Ю. Лингвистические средства создания имиджа города в социальных медиа: инфраструктурная составляющая // Изучение иностранного языка и медиаурбанистика в цифровую эпоху: пути, форматы, перспективы. Архангельск, 2024. С. 92–103.
- narodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. S. 143–147.
3. Anis'kina N. V., Uhova L. V. Hronika XIV Vserossijskoj konferencii «Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii» = Materials of the XIV Russian national conference Man in the Information Space: Understanding in Communication // Kommunikativnye issledovanija. 2018. № 3 (17). S. 266–275.
4. Antonova L. G. Konferencija «Chelovek v informacionnom obshhestve» = The conference Man in the Information Space // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2003. № 2 (35). S. 166–167.
5. Antonova L. G. O novyh zhanrovyh formah v internet-diskurse = On new genre forms in Internet discourse // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2018. № 4. S. 11–14.
6. Borisova E. G. Marketingovaja lingvistika v jepohu cifrovizacii obshhestva = Marketing linguistics in the context of social digitalization // Marketingovaja lingvistika v cifrovuju jepohu. Sbornik nauchnyh statej / sost. E. G. Borisova; pod obshh. red. L. G. Vikulovoj. Moskva, 2021. S. 5–6.
7. Borisova E. G. Mezhdunarodnaja konferencija «Ponimanie v kommunikacii. Chelovek v informacionnom prostranstve» = The International conference Understanding in Communication. Man in the Information Space // Voprosy jazykoznanija. 2013. № 5. S. 150–153.
8. Borisova E. G. Pjnatadcat' let usilij v oblasti ponimania = Fifteen years of working in the field of understanding // Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii. Sbornik nauchnyh trudov: v 2 tomah / pod obshh. red. N. V. Anis'kinov, L. V. Uhovoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. S. 7–12.
9. Bykova E. V. Rechevye strategii demediatizacii v cifrovoj srede = Speech strategies of demediatization in digital sphere // Medialingvistika. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / nauch. red. L. R. Duskaeva, отв. red. A. A. Malyshev. Sankt-Peterburg, 2022. S. 465–468.
10. Zheltuhina M. R. Jazykovoe soznanie v cifrovuju jepohu: formirovanie cherez mediavozdejstvie = Linguistic mind in the digital age: forming through media exposure // Tradicii innovacii v izuchenii i prepodavanii jazykov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ministerstvo vysshego i srednego special'nogo obrazovanija Respubliki Uzbekistan, Pedagogicheskij institut Termezskogo Gosudarstvennogo universiteta, Fakul'tet jazykov. 2022. S. 587–592.
11. Klushina N. I. Narrativnye praktiki v sovremenom rossijskom mediadiskurse = Narrative practices in modern Russian media discourse // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2021. № 63. S. 24–35.
12. Kon'kov V. I. Social'naja ocenka v medijnom diskurse: lingvisticheskij aspekt = Social assessment in media discourse: linguistic aspect // Medialingvistika. Materialy dokladov uchastnikov VII Mezhdunarodnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 2023. S. 430–434.

Reference list

1. Aktivnye processy v social'noj i massovoj kommunikacii = Active processes in social and mass communication: kollektivnaja monografija / отв. red. i sost. N. V. Anis'kina, L. V. Uhova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. 207 s.
2. Anis'kina N. V. Professional'noe razvitie pedagoga v uslovijah cifrovizacii = Professional development of the teacher in the context of digitalization // Menedzhment XXI veka: obrazovanie v jepohu cifrovoj jekonomiki. Sbornik nauchnyh statej po materialam XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. S. 143–147.

13. Marketingovaja lingvistika. Zakonomernosti prodvigajushhego teksta = Marketing linguistics. Patterns of promotional text : kollektivnaja monografija / pod red. E. G. Borisovoj, L. G. Vikulovoj. 2-e izd., ster. Moskva : Flinta, 2020. 164 s.
14. Medialingvistika v terminah i ponjatijah = Media linguistics in terms and concepts : slovar' / pod red. L. R. Duskaevoj. Moskva : FLINTA, 2018. 438 s.
15. Mediaobraz regiona v sovremennoj massovoj kommunikacii = Media image of a region in modern mass communication : monografija / nauch. redaktor E. N. Il'ina. Vologda : VoGU, 2022. 329 s.
16. Osnovy marketingovoj lingvistiki = Basic marketing linguistics : uchebnik / pod obshh. red. L. G. Vikulovoj. Moskva : Jazyki Narodov Mira, 2023. 217 s.
17. Sinel'nikova L. N. O diskursologii v modul'nom izmerenii: razmyshlenija o problemah, rassmotrennyh v ramkah jubilejnogo zasedanija Jaltinskogo diskursologicheskogo kruzha (25–27 sentjabrja 2019 goda) = On discourse studies in a modular dimension: reflections on the problems addressed at the anniversary meeting of the Yalta Discourse Circle (September 25-27, 2019) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2019. № 4 (37). S. 131–148.
18. Uhova L. V. «Prodvigajushhij tekst»: ponjatie, osobennosti, funkcii = Promotional text: concept, specifics, functions // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 3. S. 71–82.
19. Uhova L. V. Jubilejnaja konferencija na fakul'tete russkoj filologii i kul'tury: promezhutochnye itogi = Anniversary conference at the Faculty of Russian philology and culture: interim results // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. T. 1. № 4. S. 355–358.
20. Uhova L. V., Anis'kina N. V. Tradicii sohranjajutsja i razvivajutsja = Traditions are preserved and developed // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 1. S. 222–224.
21. Chelovek i ego diskurs - 6: digitalizacija komunikativnyh praktik = Man and his discourse - 6: digitalization of communicative practices : kollektivnaja monografija / otv. red. M. R. Zheltuhina. Moskva – Volgograd : PrinTerra-Dizajn, 2020. 770 s.
22. Shhipicina L. Ju. Lingvisticheskie sredstva sozdanija imidzha goroda v social'nyh media: infrastrukturalnaja sostavljajushhaja = Linguistic means of creating a city image in social media: infrastructural component // Izuchenie inostrannogo jazyka i mediaurbanistika v cifrovuju jepohu: puti, formaty, perspektivy. Arhangel'sk, 2024. S. 92–103.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 05.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 25.04.2024; approved after reviewing 05.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Русский язык

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-75

EDN: JPTKIP

Лексические средства создания образа коня как символа детства и крестьянского труда в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»

Елена Ивановна Беглова

Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи, Нижегородская академия МВД России. 603950, Бокс-268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3
beglova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-0549>

Аннотация. Исследуется лексема «конь» в лирической повести В. П. Астафьева «Последний поклон», создающая своей контекстуально обусловленной семантической трансформацией образ, через который мальчик-сирота воспринимает мир, в частности жизнь односельчан. Актуальность изучения образа коня обуславливается тем, что он является символом русской народной культуры и одновременно мифопоэтическим образом. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить особенности репрезентации автором художественного текста роли коня в жизни детей и взрослых, проживающих в сибирском селе, и в целом в жизни сельского жителя. В результате лексико-семантического и контекстуального анализа текста выявлено, что в повести образ коня можно воспринимать в двух ипостасях: 1) как символ крестьянского труда, когда образ коня складывается из контекстуальных сем «труженик», «помощник»; «рабочий», «старый, опытный», «преданный», «спокойный», «терпеливый»; 2) образ коня из детства персонажа, который порождается контекстуальными семами, составляющими как внешний облик коня – «сильный, молодой», «старый, изработавшийся» (коняга, мерин), – так и как отражение психологического состояния мальчика-сироты, радостных и печальных моментов его жизни (семы «свобода, отдых», «купание в реке», «радость», «сила»), но конь – это и «товарищ», «друг», «человек» в трудные горестные моменты.

В повести образ коня идентично отражает мировоззрение автора и персонажа: конь как член семьи в широком понимании, залог её благосостояния, сытой жизни, облегчения труда.

Ключевые слова: лексема «конь»; контекстуальная сема; символ детства; символ русской народной культуры; гиперо-гипонимическая парадигма; художественный текст

Для цитирования: Беглова Е. И. Лексические средства создания образа коня как символа детства и крестьянского труда в повести В. П. Астафьева «Последний поклон» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 75–84. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-75>. <https://elibrary.ru/JPTKIP>

Russian language

Original article

Lexical means of creating the image of the horse as a symbol of childhood and peasant labor in V. P. Astafiev's story The Last Bow

Elena Ivanovna Beglova

Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign language and speech culture, Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of internal affairs. 603950, Boks-268, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3
beglova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-0549>

Abstract. The lexeme «horse» in V. P. Astafiev's lyrical story «The Last Bow» is studied, which by its contextually determined semantic transformation creates an image through which the orphan boy perceives the world and the life of his fellow villagers in particular. The relevance of studying the horse image is due to the fact that it is both a symbol of Russian folk culture and a mythopoetic image. The purpose of the article is to identify the specifics of the author's

representing the role of the horse in the lives of children and adults in a Siberian village, and in general in the life of the country residents. As a result of lexical-semantic and contextual analysis the author reveals that the horse image in the story can be perceived in two aspects: 1) as a symbol of peasant labor, when the horse image is formed out of the contextual semes «toiler», «helper»; «worker», «old, experienced», «devoted», «calm», «patient»; 2) the horse image from the character's childhood, generated by the contextual semes that constitute both the appearance of the horse – «strong, young», «old, worn out», and as a reflection of the orphan boy's psychological state, joyful and sad moments of his life: the semes «freedom, rest», «bathing in the river», «joy», «strength», but the horse is also a «comrade», «friend», «man» in difficult sad moments. In the story, the image of the horse represents both the worldview of the author and the character: the horse as a member of the family in a broad sense, the basis for the family's well-being, happy life, and easy labor.

Key words: the lexeme «horse»; contextual seme; symbol of childhood; symbol of Russian folk culture; hyperhyponymic paradigm; literary text

For citation: Beglova E. I. Lexical means of creating the image of the horse as a symbol of childhood and peasant labor in V. P. Astafiev's story *The Last Bow*. *Verhnevolszski philological bulletin*. 2024;(2):75–84. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-75>. <https://elibrary.ru/JPTKIP>

Введение

Предметом нашего изучения является лексема «конь» в художественном тексте деревенской прозы, а именно в лирической повести В. П. Астафьева «Последний поклон», написанной в 1968–1993 годах. Это лексема, создающая своей контекстуально обусловленной семантической трансформацией образ лошади / коня, через который мальчик-сирота воспринимает мир, в частности жизнь односельчан в сибирской деревне. Нас заинтересовал в целом образ лошади / коня как символ русской народной культуры, отражённый в названной повести через описание крестьянского уклада жизни и детства мальчика-сироты, которое проецируется на детство самого писателя. Для убедительности выводов мы использовали фрагмент романа-хроники XX века писателя деревенской прозы В. И. Белова «Кануны» (1976), так как писателей многое объединяет. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить особенности демонстрации автором художественного текста роли коня в жизни детей и взрослых, проживающих в сибирском селе, и в целом сельского жителя. Для этого необходимо проследить контекстуальную семантику слова *конь*, отслеживая гиперо-гипонимическую парадигму и обращая внимание равно на речь автора и речь главного персонажа – мальчика, который вынужден был скитаться, когда его забрал отец от бабушки с дедушкой (родителей утонувшей матери), где проходило его раннее детство с горестями и радостями, но со взрослыми, а позже – без них, когда он стал беспризорником. Мы остановились на образе коня ещё и потому, что в повести «Последний поклон» – это один из основных образов, через который описываются радости и горести крестьянского труда, а также воспринимается окружающий мир мальчиком,

оставшимся без помощи взрослых, родных и близких ему людей.

Актуальность изучения образа коня и средств его репрезентации в художественном тексте обусловливается также и тем, что он является символом русской народной культуры и мифопоэтическим образом, притягивающим к себе человека и являющегося частью его жизни, семьи.

Методы исследования

При исследовании художественных текстов были использованы следующие методы: наблюдение, сравнительный, описательный, функциональный, а также лексико-семантический и контекстуальный анализ лексем.

Обзор научных трудов, в которых предметом изучения явились образы коня и других животных в художественном тексте

Необходимо отметить тот факт, что художественные тексты В. П. Астафьева (1924–2001), которому в этом году исполняется 100 лет со дня рождения, всегда притягивали внимание филологов. При этом исследовались конкретные произведения писателя. Так, ряд статей посвящён исследованию повествования в рассказах «Царь-рыба», написанного в 1976 году. Например, Л. Н. Падерина, изучая специфику диалектной лексики в речи персонажей, утверждает, что диалектизмы в тексте являются показателем «своего», такого же, причём чем больше диалектных слов в речи, тем человек ближе к природе [Падерина, 2013, с. 243–247]; Е. А. Снеткова составила семантическое поле «грусть» и «печаль», обратив внимание на эмоциональный фон названного художественного произведения [Снеткова, 2020, с. 120–124]; А. И. Разуvalова изучала образ человека (аборигена) в рассказе В. П. Астафьева «Тимкоуль» и повествовании в рассказах «Царь-

рыба» [Разувалова, 2013], а также проанализировала отношения людей и животных в деревенской прозе 1970-х гг., в том числе в произведениях В. Белова, С. Залыгина, В. Солоухина [Разувалова, 2021].

А. Ю. Большакова обратила внимание на интертекстуальные смыслы произведения В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» в сравнении с повестью П. И. Мельникова-Печерского «Старые годы» [Большакова, 2021]. В 2010 году А. И. Смирнова в своей научной статье представила краткий обзор трудов, посвящённых изучению особенностей творчества В. П. Астафьева, назвав их одним словом «астафьеведение» [Смирнова, 2010]. В 2011 году в Омске проведена научная конференция, посвящённая творчеству В. П. Астафьева, материалы которой были опубликованы в сборнике статей [Виктор Астафьев и духовное возрождение России..., 2011]. В рамках астафьеведения проведены исследования Л. Н. Падериной, которая выявила и описала особенности идиостиля В. П. Астафьева [Падерина, 2016], а также продемонстрировала приёмы стилизации авторской речи в произведениях писателя [Падерина, 2019]. Л. Г. Самотик в ряде статей, посвящённых творчеству В. П. Астафьева, предложила изучить его творчество с позиций национального и регионального самосознания, в частности сибирского этнического сознания [Самотик, 2017], а также представила нравственный экологический кодекс населения Сибири, основанный на отношении человека к природе в условиях таёжной действительности, жизни русского человека в Сибири [Самотик, 2019].

Произведения писателей деревенской прозы (как их называли с 1960-х гг.), в частности В. П. Астафьева и В. И. Белова, были предметом филологического интереса с разных аспектов, например, со стороны жанра текста [Романова, 2017], средств реализации элементов смеховой культуры [Берсенева, Федорова, 2019]. О. Е. Перов, исследуя произведение «Затеси», определил этические идеалы автора, его основные идейные установки [Перов, 2018, с. 15–28].

В ряде научных статей были представлены результаты анализа роли животных в художественных текстах деревенской прозы [Разувалова, 2021] или в произведениях поэтов, писателей разной поры, например, в статье Е. Ю. Дрожжиной анализируются образы коровы, собаки, лисицы (в том числе и лошадей), отражённые в раннем творчестве С. А. Есенина, свидетель-

ствующие о его любви к родине, природе, родимой земле [Дрожжина, 2021].

Образ лошади / коня, с одной стороны, это мифопоэтический образ, с другой – он является одним из главных образов, составляющих культуру разных народов, поэтому он был предметом филологических исследований в разное время. Так, изучался образ лошади в русской бытовой и батальной картине конца XIX и начала XX века [Портнова, 2009, с. 172–176] или как один из центральных образов в национальной картине мира алтайцев, тувинцев и хакасов [Челтыгмашева, 2014, с. 203–206].

Конкретно образ коня в художественном тексте был предметом исследования О. А. Скриповой в книге стихов М. И. Цветаевой «Ремесло» [Скрипова, 2016, с. 85–88], которая рассматривала образ коня как символ, связанный и с язычеством, и с христианством, укорененный в национальной культуре. С. Н. Бахтина изучала образ лошади и его символическое содержание в творчестве И. А. Бунина [Бахтина, 2019] и др. В статье Т. К. Ливановой представлены большей частью стихотворные тексты писателей и поэтов, в которых отражён образ коня, лошади, а также анализируется отношение к ним А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина и др. [Ливанова, 2019]. Как видим, образ лошади / коня продолжает интересовать не только писателей-анималистов, но и исследователей, которые обращаются к мифам, народному творчеству и, безусловно, к художественному тексту, что привлекло и наше лингвистическое внимание.

Результаты исследования и их обсуждение

Произведение В. П. Астафьева «Последний поклон» написано в трёх книгах в необычном жанре, который определил сам автор – повесть в рассказах; первая её часть была опубликована в Перми в 1968 году. Писатель посвятил рассказы бабушке, дедушке, односельчанам, селу, где прошло его детство, и его жителям, с которыми он рос, общался. В повести отражена жизнь людей сельской местности в Сибири с её тяготами, радостями и горестями. Безусловно, образ лошади / коня – это ментальный образ русской народной культуры. В крестьянском укладе жизни конь занимает большое место: во-первых, это критерий благосостояния крестьянина (лошадный или безлошадный), во-вторых, конь – это сила, которая позволяет крестьянину, сельскому жителю передвигаться, преодолевая большие расстояния, перевозить тяжёлый груз, облегчая

жизнь. В повести «Последний поклон» в рассказе «Без приюта» в речи автора по-особому определяется место лошади / коня в жизни сельчан: *Нигде нет такого обстоятельного, тихого и умиротворяющего покоя, как в жилищах скота, особенно у лошадей – я думаю, и уравновешенность, солидность крестьян, их уверенность в вечности земного бытия, незаменимости уклада жизни происходили от кормящей их, работающей безотказно бок о бок с ними деревенской животины и в первую голову – надежды, выручки и друга, некорыстного с виду, неуротливого, доброго деревенского коня, который не потерял своего спокойного трудового облика и верности человеку и в городе, попавши в неумелые, порой в варначьи руки людей, не наученных любить и уважать не только скотину, но и самих себя* [Астафьев, 1992, с. 430]. В данном контексте слово *конь* семантически дополняется семами «друг», «труженик», «преданность человеку», «спокойствие», «терпеливость», которые в тексте имплицитно выражены словами *надежда, выручка, друг*, а также словосочетаниями, характеризующими коня: *работающий безотказно бок о бок, добрый деревенский конь, спокойный трудовой облик, верность человеку*. Автор через субъективное восприятие коня репрезентирует его роль в жизни крестьянина, сельского жителя, а также образ самого сельского жителя, для которого конь служит верой и правдой, становясь членом его семьи.

Следует отметить и тот факт, что конь имеет особое значение для детей: это символ детства, в котором он воплощает радость после труда, защиту от одиночества и одновременно отдых, раскованность, свободу от труда, волю.

Заметим, что в рассказах повести «Последний поклон» мы видим коня реального и «пряничного» (сладкий пряник в виде коня). Кроме того, лексема *конь* имеет синонимические замены, порождающие гиперо-гипонимическую парадигму, через которую эксплицируется статус лошади / коня среди подобных и статус деревенского жителя, имеющего коня. Остановимся на этом подробно.

Один из рассказов повести В. П. Астафьева имеет название «*Конь с розовой гривой*». «*Пряничный*» конь в детстве сибирских детей – это их мечта, потому что он делает того, кто его получает, на время лидером в группе ребятшек. Дети в деревне, которые вынуждены были довольствоваться овощами с огорода (картошка, брюква, капуста) да куском хлеба, мечтали о сладо-

стях, которые, в частности, представлял собой пряник, привезённый кем-нибудь из взрослых из города как награду. А если пряник был еще и в виде коня, да ещё с розовой и белой глазурью, то это было высшей наградой для ребёнка: *Пряник конём! Это же мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, копыта тоже розовые* [Астафьев, 1992, с. 50]. *Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Но пряник – совсем другое дело. Пряник можно сунуть под рубаху, бегать и слышать как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса – потерял, – хвататься за рубаху т со счастьем убеждаться – тут он, тут конь-огонь!* [Астафьев, 1992, с. 50]. В данном фрагменте соединились речь автора и речь мальчика: автор вспоминает и идентифицирует своё детство и чувства, которые испытывал мальчик из его рассказа. В восприятии ребёнка, с одной стороны, конь одухотворяется в сознании ребёнка, воспринимается как живой, с другой – он символ радости – *конь-огонь*, – согревающий душу и тело ребёнка, это его богатство, дающее ему, хотя и на время, превосходство над другими детьми, часто обижающими его и отказывающимися от дружбы с ним: *С таким конём сразу почёту столько, внимания! Ребята левонтьевские так и этак ластятся, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его. Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останутся от коня хвост, да грива* [Астафьев, 1992, с. 50]. Итак, *конь-пряник, конь игрушка* – это символ детства, воплощающий в себе мечты ребёнка, а также демонстрирующий его статус в группе детей, с которыми он вместе проводит время то в согласии, то в ссоре. В данном рассказе «пряничный» конь для мальчика – это предмет, изменяющий его статус в группе левонтьевских ребят, то есть детей соседа Левонтия, живших очень бедно, чаще голодных, чем сытых, поэтому добывающих себе пропитание любым путём, в частности путём унижения других детей. Пряник в виде коня – это главный аргумент мальчика-сироты, который мог остановить обидчиков: – *Бабушки Петровны испугался! Эх ты! – закривлялся Санька и назвал меня поганым словом. Он много знал таких слов. Я тоже знал, научился говорить их у левонтьевских ре-*

бят, но боялся, может, стеснялся употреблять поганство и несмело заявил: «Зато мне бабушка пряник конём купит!» «Может, кобылой?» – усмехнулся Санька... [Астафьев, 1992, с. 55–56]. Синонимичная лексема *кобыла*, заменяющая слово *конь*, уничижает желание мальчика и его самого. В этом рассказе важен запечатлённый детский проступок, который навсегда остался в памяти ребёнка: в лесу он съел собранные им же ягоды и, чтобы бабушка не ругалась, забил туюсок больше половины травой, сверху насыпал землянику, будто туюсок полный. Бабушка, не пересыпав ягоды, так и повезла в город продавать землянику в туюске, обещав на вырученные за ягоды деньги купить внуку пряник «конём». Обман открылся в городе, когда покупательница обнаружила подлог. Бабушка долго ругала внука, жалуясь на него деду, соседям, но конец этой истории был совсем неожиданным для ребёнка: *Не зная, что делать, как дальше жить, я разглаживал заплатку на штанах, вытягивал из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой... Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скоблёному кухонному столу, будто по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах, скакал белый конь с розовой гривой<...> Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я всё не могу забыть бабушкиного пряника – этого дивного коня с розовой гривой* [Астафьев, 1992, с. 68].

Лексема *конь* в разных контекстах приобретает новые семантические оттенки: это *лошадь* здоровая, сильная, но в некоторых рассказах превращается в *мерина*, *конягу*. При этом в контексте слово *мерин* получает контекстуальную сему «опытный, возрастной» конь, лексема *коняга* – семы «усталый», «трудолюбивый» конь.

Конь – это символ детской радости и одновременно некой обязанности: нужно было ухаживать за конём. В рассказе «*Монах в новых штанах*» мы наблюдаем восприятие ребёнком коня по кличке Ястреб: *Санька скребком чистил нашего Ястреба, а тому, видать, щекотливо, и он дрожал кожей, дрыгал ногами. «Н-н-но, ты попляши у меня!» – крикнул на мерина Санька. А что кричать на конягу, которой нет выносливей и терпеливей в селе, которую даже бабушка балует, иногда хлебцем-корочкой, и говорит с насмешкой, что наш конь жил у семи попов, по семи годов, а всё ему семь лет от ро-*

ду... Старенький, старенький Ястреб! Ну и что? И дед старенький, да лучше его нет на свете человека. Цена не по летам, а по делам... [Астафьев, 1992, с. 101]. Ребёнок приравнивает коня к человеку, потому что конь для него член семьи, в которой главной является бабушка, потом дедушка, внук и конь, которого все они любят, он их помощник. Синонимический ряд *мерин*, *коняга*, *конь* демонстрирует пол лошади (*мерин*), его возраст (*коняга*) и силы коня, которые покидают его с возрастом, так как Ястреб *старенький*. Повтор эпитета *старенький* свидетельствует о его долгом тяжёлом труде и преданности человеку, что подтверждает и описание купания коня.

Купание коня в реке как обязанность детей демонстрирует то, что для детей – это отдых после труда, радость, показатель взрослости (раз взрослые доверяют купать коня): *Мы с Санькой, держась с двух сторон за оброть, повели Ястреба к реке. Он спускался по каменистому бычку, опасливо расставлял передние ноги скамейкой, тормозил себя изношенными, продырявленными гвоздём копытами. В воду забрёл, остановился, тронул дряблыми губами отражение в воде, будто поцеловался с таким же старым пегим конём* [Астафьев, 1992, с. 101]. Подробно описываются движения коня, который постарел, и, как старик, спускается с горки, боясь упасть: *изношенные копыта, дряблые губы, старый пегий конь. Сцена купания коня описана подробно, как и сам конь, потому что для ребёнка-сироты этот конь воспринимается наравне с бабушкой и дедушкой: Мы брызгали на него водой. Конь передёрнулся кожей на спине и, громко бухая копытами по камням, удало мотая бородастой головой, побрёл вглубь, мы за ним, охая, держась за гриву и за хвост, тащились. Выбрел Ястреб на галечный мысок, остановился по брюхо в воде и отдался на волю течения. Мы скребли голиком прогнутую, трудовыми мозолями покрытую спину, шею, грудь. Ястреб подрагивал кожей в радостной истоме переступал ногами и даже пробовал играть, хватал нас отвислой губой за воротники. «Н-не балуй!» – кричали мы. Но Ястреб не слушался, да мы и не ждали, чтоб он слушался, орали просто так, по привычке, на конягу <...> Хорошо-то как! Ястреб купается. Дед на каменном бычке стоит, забылся, лето в шуме, суете, в нескучных хлопотах подкапало* [Астафьев, 1992, с. 102]. Чувство радости усиливается тем, что конь и дед рядом, а река, лето – символизируют для ребёнка свободу в

движениях и мыслях, все неприятности отходят на второй план, как и желание иметь новые штаны, которые он долго просит у бабушки: *Можно жить на этом свете! И шут с ними, со штанами и с сапогами тоже. Наживу еще. Заработаю* [Астафьев, 1992, с. 102]. И так, в данных выше контекстах **конь** именуется синонимом **коняга**, выражая смысловой оттенок «старый, изношенный трудом», как и слово **мерин**. Таким образом, **конь** – символ крестьянского детства, крестьянского труда. Для детей **конь** – это радость, вольница, что связано с купанием, рекой и летом.

Иногда, особенно в трудные минуты, для ребёнка конь является товарищем, которому можно поведать о своём горе, неприятностях, о которых стыдно рассказать взрослым или малознакомому сверстнику. Так, в рассказе «*Без приюта*» подросток оказался в неожиданной ситуации – он выпил спиртное, чтобы мачеха, злоупотребляющая алкоголем, его не допила и не стала совсем пьяной, не думая при этом о последствиях: *Неизвестной мне дорогой – пьяных же чёрт водит! – я проник на конный двор, располагавшийся в соседстве с парикмахерской, попал в стойло к рабочим коням, если б к жеребцу – зашиб бы он меня. Обнимая смиренную конягу за шею, истёртую хомутом, я чего-то ей объяснял, целовал в окуржавелую морду. У коняги подрагивали широкие ноздри, она деликатно отворачивалась от меня, как девушка в автобусе от назойливого пропойцы. В печальном глазу коняги стоял молчаливый мне укор. И по сию пору, когда я гляжу на рабочую конягу, мне вспоминается покойный дедушка Илья Евграфович, и тогда тоже, видеть, вспомнился* [Астафьев, 1992, с. 403]. **Конь** – символ сельского труженика, помощника человека, без которого жизнь на селе невозможна, поэтому **конь** – это член семьи, человек, как он воспринимается героем в данном контексте – **конь** – это товарищ. Здесь семантически разграничиваются лексемы **конь**, **коняга**, **жеребец**: **конь** – нейтральное, лошадь, **коняга** – это рабочая лошадь, сильная; **жеребец** – молодой, сильный, резвый конь, еще не познавший трудностей и тяжести крестьянского быта и труда.

Аналогичное отношение к коню / лошади мы наблюдаем в романе В. И. Белова «Кануны», в котором лошадь является и помощницей, и кормилицей, и показателем достатка, и показателем статуса крестьянина среди односельчан, а также членом семьи. Всё это свидетельствует об отношении русского человека к коню, как к равному себе, нашедшем отражение в русской народной

культуре. Приведём фрагменты из романа В. И. Белова: **Жеребец**, по кличке *Ундер*, надёжно кормил и поил, обувал и одевал всю семью. Это был красивый зверина гнедой масти. Судейкин надрубил для него короткий хлев и непределал ворота, отчего изба стала меньше двора. Дом «вылягнул», как говаривал Савватей Климов, который соперничал с Акиндином по пригоножкам [Белов, 1993, с. 129]. Данный текст показывает такое ментальное отношение русского человека к лошади / коню: человек отдаёт часть своего жилья жеребцу. Или ещё один фрагмент, в котором персонаж Павел прямо говорит о равенности коня по кличке Карько самому себе: *Павел только теперь по-настоящему оценил Карька и был благодарен ему, как был благодарен сидящей рядом жене, тестю Ивану Никитичу, Аксинье, даже деду Никите. И Серёжке – за что, не знал и сам, а, может, и не замечал той благодарности, только чувствовал её и любил всех. Карько был для него равным среди них. Это было тоже одухотворённое существо, понимающее его, Пашку. Преданное, родное и верное, доверившее ему себя существо. Павел понял это ещё с того грозного дня, когда как раз после свадьбы ездил за сеном и увидел столбовое для мельницы дерево. Может быть, Карько своими лёгкими решительными прыжками по глубокому снегу с возом помог Павлу решиться на невиданное для Шибанихи дело. Помнит Пашка и день помочей, и день, когда ездил за столбом: без Карька, без его лошадиного опыта ни за что бы не вывезти из лесу того столба. Да и не только столба. Три сотни деревьев, которые лежали сейчас а отцовском угоре, без него, без Карька, и теперь бы стояли свечками...* [Белов, 1993, с. 134].

В художественных текстах обоих писателей мы наблюдаем идентичное отношение человека к коню как к товарищу, члену семьи, без которого невозможно было бы совершать непосильные для одного человека дела.

Гиперо-гипонимическая парадигма также идентична: **лошадь**: конь, мерин, жеребец, кобыла. В толковых словарях русского языка (в синонимической парадигматике) эти лексемы фиксируются в следующих значениях: **лошадь** – крупное домашнее парнокопытное животное [СО, 1983, с. 292]; крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов [СТСРЯ, 2004, с. 326]; **конь** – лошадь (преимущественно о самце) [СО, 1983, с. 260; СТСРЯ, 2004, с. 288]; **жеребец** – самец лошади, достигший по-

ловой зрелости [СО, 1983, с. 171; СТСРЯ, 2004, с. 188]; *мерин* – кастрированный жеребец [СО, 1983, с. 306; СТСРЯ, 2004, с. 343]; *кобыла* – самка лошади [СО, 1983, с. 249; СТСРЯ, 2004, с. 275]. То есть в словарях отражены значения, связанные с половым различием лошади: *конь*, *мерин*, *жеребец* – самец лошади; *лошадь*, *кобыла* – самка. В контекстах повести В. П. Астафьева и романа В. И. Белова названные лексемы получают семантическое приращение: *жеребец* – молодой, здоровый конь, символизирующий силу; *мерин*, *коняга* – это конь, уставший от работы, утративший былую силу, но преданный человеку до конца.

Следует особо заметить то, что к творчеству и личным отношениям В. П. Астафьева и В. И. Белова проявляли интерес как лингвисты, так и литературоведы. Неслучайно, что этих двух писателей деревенской прозы объединяли и изучали в сравнении, например, этому посвящены исследования литературоведов Ю. В. Розанова [Розанов, 2020], В. А. Пищальниковой и Чэнь Ваньжоу [Пищальникова, Чэнь Ваньжоу. 2018]. Лингвисты изучали язык произведений В. П. Астафьева как язык человека Сибири (о чём мы говорили выше), и произведений В. И. Белова как вологодский язык. Например, в статье Ю. В. Судакова предметом лингвистического анализа явился вологодский диалект как отражение восприятия окружающего мира человека вологодской земли и авторского мирознания В. И. Белова, в том числе и в романе «Кануны», а также выявлены частотные выразительные средства, которыми явились сравнения, колористическая лексика, синтаксические особенности [Судаков, 2018, с. 54–60]. Эти писатели деревенской прозы во многом имели общее восприятие человека или животного в жизни человека, о чём свидетельствует и наш контекстуальный анализ лексем *конь*, *лошадь*, входящих в гиперогипонимическую парадигму с гиперонимом *лошадь*: *конь*, *мерин*, *жеребец*, *коняга*, *кобыла*.

Заключение

Таким образом, в повести «Последний поклон», рассказы которой были написаны в разное время, по нашему мнению, образ коня можно воспринимать в двух ипостасях: 1) как символ крестьянского труда, когда образ коня складывается из контекстуальных сем «труженик», «помощник»; «рабочий», «старый, опытный», «преданный», «спокойный», «терпеливый»; 2) образ коня из детства персонажа, который порождает

контекстуальными семами, составляющими как внешний облик коня – «сильный, молодой», «старый, изработавшийся» (*коняга*, *мерин*), – так и как отражение психологического состояния мальчика-сироты, радостных и печальных моментов его жизни: семы «свобода, отдых», «купание в реке», «радость», «сила», но конь – это и «товарищ», «друг», «человек» в трудные горестные моменты.

В повести образ коня идентично отражает мировоззрение автора и персонажа: конь как член семьи в широком понимании, залог её благосостояния, сытой жизни, облегчения труда.

Как свидетельствуют тексты писателей деревенской прозы В. П. Астафьева и В. И. Белова, в русской ментальности конь в какой-то степени олицетворяется (антропоморфируется) и становится равным человеку; это помощник, кормилец, добытчик и даже член семьи. Основными качествами, сближающими человека и коня, являются преданность, терпеливость, находчивость.

Гиперогипонимическая лексическая парадигма *конь*, *мерин*, *коняга*, *жеребец* с гиперонимом *лошадь* демонстрирует, с одной стороны, статус коня в жизни человека: его силу, возраст, трудолюбие; с другой стороны – статус человека среди сельчан: недостаток, трудолюбие.

Библиографический список

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Последний поклон. Кн. 1–2. Москва : Молодая гвардия, 1992. 462 с.
2. Берсенева Л. А., Федорова А. В. Локальная смеховая культура и языковые средства выражения в художественной прозе В. И. Белова 1960-х годов // Филологические науки. 2019. № 2. С. 106–115.
3. Бахтина С. Н. Образ лошади и его символическое содержание в творчестве И. А. Бунина // Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. Екатеринбург : УрФУ, 2019. С. 240–245. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/74407?ysclid=lqz7gb33ts327082962> (дата обращения : 04.01.2024)
4. Белов В. И. Кануны // Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 3. Москва : Современник, 1993. 448 с.
5. Большакова А. Ю. «Современная пастораль» В. П. Астафьева : опыт интертекстуального прочтения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 226–244. URL: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2044&article_id=46698 (дата обращения: 03.02.2024).
6. Виктор Астафьев и духовное возрождение России: материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 29–30 ноября 2011 года. URL:

<https://file:///C:/Users/ElenaBeglova/Downloads> (дата обращения: 12.02.2024).

7. Дрожжина Е. Ю. Уроки милосердия в анималистических стихах С. А. Есенина 1910-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Выпуск I. С. 49–54. URL: <http://journals.bsu.ru> (дата обращения : 06.02.2024).

8. Ливанова Т. К. Классики о лошадях и на лошадях // Парус. 2019. № 72. 02.03.2019. URL: <https://журнальныймир.рф/parus-no272-2019?ysclid=lt048wdkx0949541019> (дата обращения :21.02.2024).

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд-е, стер. Москва : Русский язык, 1983. 816 с. (В тексте – СО).

10. Падерина Л. Н. Диалектизм как коммуникативное средство различия «своих» и «чужих» (на примере произведения В.П. Астафьева «Царь-рыба») // Человек и языки в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. Выпуск 4. / ред. Б. Я. Шарифуллин. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2013. С. 243–247. URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=421529&ysclid=lt17z9enfd22669318> (дата обращения: 19.12.2023).

11. Падерина Л. Н. Особенности идиостиля В. П. Астафьева (обзор имеющихся исследований) // Эпоха науки. Гуманитарные науки. 2016. № 6. С. 170–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-idiostilya-v-p-astafieva-obzor-imeyuschihsyaisledovaniy/viewer> (дата обращения: 19.02.2024)

12. Падерина Л. Н. Приёмы стилизации авторской речи в произведениях В. П. Астафьева // Эпоха науки. Общественные и гуманитарные науки. 2019. № 19. С. 139–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-stilizatsii-avtorskoj-rechi-v-proizvedeniyah-v-p-astafieva/viewer> (дата обращения: 18.02.2024).

13. Перов О. Е. «Жестокий» реализм Виктора Астафьева: апология выживания и проповедь милосердия // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Международной научно-практической конференции (28 апреля, 2018 г., г. Краснодар) : сборник статей / под ред. И. В. Рус-Брюшининой, Е. А. Березконой. Краснодар : Дом-Юг, 2018. С. 15–28.

14. Пищальникова В. А., Чэнь Ваньжоу Репрезентация базовых ценностей в деревенской прозе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Выпуск 14 (809). 2018. С. 268–279. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/representatsiya-bazovyh-tsennostey-v-derevenskoj-proze-na-materiale-proizvedeniy-v-astafieva-v-belova/viewer> (дата обращения: 21.02.2024).

15. Портнова И. В. Образ лошади в русской бытовой и батальной картине конца XIX и начала XX века // Вестник Нижегородского государственного уни-

верситета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6. С. 172–176.

16. Разуvalова А. И. Образ северного инородца в прозе В. П. Астафьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 96–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-severnogo-inorodtsa-v-proze-v-p-astafieva?ysclid=lsre1xyim8562163411> (дата обращения: 18.02.2024).

17. Разуvalова А. И. Люди и звери в неопочвеннической прозе // Новое литературное обозрение, 2021. № 170. С. 147–166. URL: <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/12807939-people-and-animals-in-neopochvennichestvo-prose?ysclid=lsrdumy97895496665> (дата обращения: 16.02.2024).

18. Розанов Ю. В. Василий Белов и Виктор Астафьев: к истории личных и творческих отношений // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Том 42. № 7. С. 72–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vasilij-belov-i-viktor-astafiev-k-istorii-lichnyh-i-tvorcheskih-otnosheniy/viewer> (дата обращения: 23.02.2024).

19. Романова С. В. Поэтика сказа в «Бухтинах вологодских» В. И. Белова // Учёные записки. 2013. Т. 15. С. 206–213.

20. Самотик Л. Г. Национальное и региональное самосознание в творчестве В.П. Астафьева // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2. С. 156–169.

21. Самотик Л. Г. «Таёжный закон» в произведениях В.П. Астафьева: семантика понятия народной экологии // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1. С. 89–103.

22. Скрипова О. А. «Всадник-конь» в книге стихов М. Цветаевой «Ремесло» // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 85–88.

23. Смирнова А. И. Астафьеведение сегодня: актуальные проблемы изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Выпуск 9. 2010. С. 136–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/astafievedenie-segodnya-aktualnye-problemy-izucheniya/viewer> (дата обращения: 19.02.2024).

24. Снеткова Е. А. Семантическое поле «грусть» и «печаль» в произведении В. П. Астафьева «Царь-рыба» // Вестник Ленинградского государственного университета. Т. 1. Филология. 2011. № 4. С. 120–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-grust-i-pechaly-v-proizvedenii-v-p-astafieva-tsar-ryba> (дата обращения: 25.02.2024).

25. Современный толковый словарь русского языка / автор проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. Москва : РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ, 2004. 960 с. (В тексте – СТСРЯ).

26. Судаков Ю. В. Особенности языка художественной прозы В. И. Белова // Русский язык ив школе. 2018. № 7. С. 54–60. URL:

<https://www.booksite.ru/pressa/1064.htm?ysclid=lt1an20ggu913344275> (дата обращения: 18.02.2024).

27. Челтыгмашева Л. В. Художественный образ коня в литературе народов Саяно-Алтая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. В 2-х частях Ч. 1. С. 203–206.

Reference list

1. Astaf'ev V. P. *Sobranie sochinenij v shesti tomah. T. 3. Poslednij poklon. Kn. 1–2 = Collected works in six volumes. V. 3. The Last Bow. Books 1-2.* Moskva : Molodaja gvardija, 1992. 462 s.

2. Berseneva L. A., Fedorova A. V. Lokal'naja smehovaja kul'tura i jazykovye sredstva vyrazhenija v hudozhestvennoj proze V. I. Belova 1960-h godov = Local laughter culture and linguistic expressive means in V. I. Belov's 1960s prose fiction // *Filologicheskie nauki*. 2019. № 2. S. 106–115.

3. Bahtina S. N. *Obraz loshadi i ego simbolicheskoe sodержanie v tvorchestve I. A. Bunina = The Horse image and its symbolic content in I.A. Bunin's work* // *Hudozhestvennaja literatura: opyt sovremennogo prochtenija: sbornik statej molodyh uchenyh. Ekaterinburg : UrFU*, 2019. S. 240–245. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/74407?ysclid=lqz7gb33ts327082962> (data obrashhenija : 04.01.2024)

4. Belov V. I. *Kanuny = Eves* // *Sobr. soch. v 5-ti tomah. Tom 3.* Moskva : Sovremennik, 1993. 448 s.

5. Bol'shakova A. Ju. «Sovremennaja pastoral'» V. P. Astaf'eva : opyt intertekstual'nogo prochtenija = V. P. Astaf'ev's "Modern Pastoral": the experience of intertextual reading // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*. 2021. № 69. S. 226–244. URL: http://journalna-ls.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2044&article_id=46698 (data obrashhenija: 03.02.2024).

6. Viktor Astaf'ev i duhovnoe vozrozhdenie Rossii = Victor Astaf'ev and the spiritual revival of Russia : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Omsk, 29–30 nojabrja 2011 goda. URL: <https://file:///C:/Users/ElenaBeglova/Downloads> (data obrashhenija: 12.02.2024).

7. Drozhzhina E. Ju. Uroki miloserdija v animalisticheskikh stihah S. A. Esenina 1910-h gg. = Lessons of mercy in S. A. Yesenin's animalistic poems of the 1910s // *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*. 2021. Vypusk I. S. 49–54. URL: <http://journals.bsu.ru> (data obrashhenija : 06.02.2024).

8. Livanova T. K. *Klassiki o loshadjah i na loshadjah = Classics about horses and on horses* // *Parus*. 2019. № 72. 02.03.2019. URL: <https://zhurnal'nyjmir.rf/parus-no272-2019?ysclid=lt048wdkxo949541019> (data obrashhenija :21.02.2024).

9. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka = The Russian language dictionary / pod red. N. Ju. Shvedovoj. 14-e izd-e, ster.* Moskva : Russkij jazyk, 1983. 816 s. (V tekste – SO).

10. Paderina L. N. *Dialektizm kak kommunikativnoe sredstvo razlichenija «svoih» i «chuzhih» (na primere proizvedenija V. P. Astaf'eva «Car'-ryba») = Dialectism as a communicative means of distinguishing between «their own» and «strangers» (V. P. Astaf'ev's work «Tsarfish») // Chelovek i jazyki v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej. Vypusk 4. / red. B. Ja. Sharifullin. Krasnojarsk : Sibirskij federal'nyj universitet, 2013. S. 243–247. URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=421529&ysclid=lt17z9enfd22669318> (data obrashhenija: 19.12.2023).*

11. Paderina L. N. *Osobennosti idiostilja V. P. Astaf'eva (obzor imejushihhsja issledovanij) = V. P. Astaf'ev's idiostyle characteristics (review of existing studies) // Jepoha nauki. Gumanitarnye nauki*. 2016. № 6. S. 170–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-idiostilya-v-p-astafieva-obzor-imeyuschihhsya-issledovanij/viewer> (data obrashhenija: 19.02.2024)

12. Paderina L. N. *Prijomy stilizacii avtorskoj rechi v proizvedenijah V. P. Astaf'eva = Methods of stylizing the author's speech in V. P. Astaf'ev's works* // *Jepoha nauki. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki*. 2019. № 19. S. 139–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-stilizatsii-avtorskoj-rechi-v-proizvedenijah-v-p-astafieva/viewer> (data obrashhenija: 18.02.2024).

13. Perov O. E. «Zhestokij» realizm Viktora Astaf'eva: apologija vyzhivanija i propoved' miloserdija = Victor Astaf'ev's 'cruel' realism: apology of survival and preaching of mercy // *Aktual'nye voprosy filologicheskikh issledovanij: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (28 aprelja, 2018 g., g. Krasnodar) : sbornik statej / pod red. I. V. Rus-Brjushininoj, E.A. Bereckoj. Krasnodar : Dom-Jug*, 2018. S. 15–28.

14. Pishhal'nikova V. A., Chjen' Van'zhou *Reprezentacija bazovyh cennostej v derevenskoj proze = Representation of basic values in village prose* // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vypusk 14 (809)*. 2018. S. 268–279. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-bazovyh-tsennostej-v-derevenskoj-proze-na-materiale-proizvedenij-v-astafieva-v-belova/viewer> (data obrashhenija: 21.02.2024).

15. Portnova I. V. *Obraz loshadi v russkoj bytovoj i batal'noj kartine konca XIX i nachala XX veka = The horse image in Russian putku and battle paintings of the late XIX and early XX centuries* // *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2009. № 6. S. 172–176. [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2009_6\(2\)/29.pdf?ysclid=lt1bem9xl3921723111](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2009_6(2)/29.pdf?ysclid=lt1bem9xl3921723111) (data obrashhenija : 10.02.2024).

16. Razuvalova A. I. *Obraz severnogo inorodca v proze V. P. Astaf'eva = The image of the northern stranger in V. P. Astaf'ev's prose* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*. 2013. № 4 (24).

S. 96–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-severnogo-inorodtsa-v-proze-v-p-astafieva?ysclid=lsre1xyim8562163411> (data obrashhenija: 18.02.2024).

17. Razuvalova A. I. Ljudi i zveri v neopochvennicheskoj proze = People and animals in neonativist prose // *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2021. № 170. S. 147–166. URL: <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/12807939-people-and-animals-in-neopochvennichestvo-prose?ysclid=lsrdumy97895496665> (data obrashhenija: 16.02.2024).

18. Rozanov Ju. V. Vasilij Belov i Viktor Astaf'ev: k istorii lichnyh i tvorcheskih otnoshenij = Vasily Belov and Viktor Astaf'ev: towards the history of personal and creative relations // *Uchjonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. Tom 42. № 7. S. 72–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vasilij-belov-i-viktor-astafiev-k-istorii-lichnyh-i-tvorcheskih-otnoshenij/viewer> (data obrashhenija: 23.02.2024).

19. Romanova S. V. Pojetika skaza v «Buhtinah vologodskih» V. I. Belova = The tale poetics in V. I. Belov's Bukhtinas of Vologda // *Uchjonye zapiski*. 2013. T. 15. S. 206–213.

20. Samotik L. G. Nacional'noe i regional'noe samosoznanie v tvorcestve V.P. Astaf'eva = National and regional self-awareness in V.P. Astaf'ev's work // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2017. № 2. S. 156–169.

21. Samotik L. G. «Tajozhnyj zakon» v proizvedenijah V.P. Astaf'eva: semantika ponjatija narodnoj jekologii = «Taiga law» in V.P. Astaf'ev's works: semantics of the folk ecology concept // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2019. № 1. S. 89–103.

22. Skripova O. A. «Vsadnik-kon'» v knige stihov M. Cvetaevoj «Remeslo» // *Filologicheskij klass*. 2016. № 4 (46). S. 85–88.

23. Smirnova A. I. Astaf'evdenie segodnja: aktual'nye problemy izuchenija = Astaf'ev studies today: topical problems // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija 8. Vypusk 9. 2010. S. 136–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/astafievedenie-segodnya-aktualnye-problemy-izuchenija/viewer> (data obrashhenija: 19.02.2024).

24. Snetkova E. A. Semanticheskoe pole «grust'» i «pechal'» v proizvedenii V. P. Astaf'eva «Car'-ryba» = Semantic field «sadness» and «sorrow» in V. P. Astaf'ev's *The Kingfish* // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 1. Filologija. 2011. № 4. S. 120–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-grust-i-pechal-v-proizvedenii-v-p-astafieva-car-ryba> (data obrashhenija: 25.02.2024).

25. *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Modern explanatory dictionary of the Russian language / avtor proekta i gl. red. S. A. Kuznecov*. Moskva : RID-ERZ DAJDZHEST, 2004. 960 s. (V tekste – STSRJa).

26. Sudakov Ju. V. Osobennosti jazyka hudozhestvennoj prozy V. I. Belova = The specifics of V. I. Belov's language of prose fiction // *Russkij jazyk iv shkole*. 2018. № 7. S. 54–60. URL: <https://www.booksite.ru/presa/1064.htm?ysclid=lt1an20gg913344275> (data obrashhenija: 18.02.2024).

27. Cheltygmasheva L. V. Hudozhestvennyj obraz konja v literature narodov Sajano-Altaja = Artistic image of the horse in the literature of Sayan-Altai peoples // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 1. V 2-h chastjah Ch. 1. S. 203–206.

Статья поступила в редакцию 20.04.2024; одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 20.04.2024; approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-85
EDN: KHNOOW

Прилагательное в составе сказуемого инфинитивно-субстантивных предложений в печатных СМИ

Наталья Аркадьевна Герасименко^{1✉}, Юлия Александровна Федорова²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка им. профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

²Аспирант кафедры современного русского языка им. профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

¹natalyger11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4748-1388>

²shubinayuliya80@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2909-786X>

Аннотация. Цель статьи – проанализировать участие имен прилагательных в формировании структуры и семантики инфинитивно-субстантивных предложений в печатных средствах массовой информации. Установлено, что в современных газетах в состав связочно-субстантивного сказуемого входят преимущественно формы полных качественных прилагательных, которые выполняют информационную, характеризующую или оценочную функции в соответствии с собственным лексическим значением и контекстным употреблением, а также синтетические и аналитические формы превосходной степени качественных прилагательных. Краткие формы и формы сравнительной степени прилагательного как предикативные в связочно-субстантивном сказуемом инфинитивно-субстантивных предложений не употребляются, так как не требуют сочетания с опорным существительным. Имя прилагательное преимущественно согласуется с опорным существительным в именительном падеже. При наличии материально выраженной связки в инфинитивно-субстантивном предложении формируется значение изменения, становления и возможно употребление творительного падежа. Согласование в родительном падеже наблюдается в синтаксически неделимых сочетаниях со значением избирательности.

Инфинитивно-субстантивное предложение в тексте современной газеты используется как синтаксическая структура, выражающая характеризующие и оценочные значения, что позволяет отразить авторское отношение к сообщаемому, охарактеризовать и / или оценить потенциальный процесс, обозначенный инфинитивным подлежащим. Имя прилагательное, включенное в состав связочно-субстантивного сказуемого, может выполнять информативную, характеризующую и оценочную функции, при этом оценочная функция в языке газеты преобладает. Описанные формы прилагательного в связочно-субстантивном сказуемом инфинитивно-субстантивного предложения позволяют обратить внимание на особый способ выражения характеризующих и оценочных значений, что способствует углублению знаний о системе современного русского синтаксиса.

Ключевые слова: инфинитивно-субстантивные предложения; инфинитивное подлежащее; связочно-субстантивное сказуемое; опорное существительное; имя прилагательное; оценка; характеристика

Для цитирования: Герасименко Н. А., Федорова Ю. А. Прилагательное в составе сказуемого инфинитивно-субстантивных предложений в печатных СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 85–93. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-85>. <https://elibrary.ru/KHNOOW>

Original article

Adjective as part of the predicate in infinitive-substantive sentences in printed media

Natalia A. Gerasimenko^{1✉}, Yulia A. Fedorova²

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of modern russian language n.a. professor P. A. Lecant, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24

²Postgraduate student at the department of modern russian language named after professor P. A. Lecant, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24

¹natalyger11@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-4748-1388>

²shubinayuliya80@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2909-786X>

© Герасименко Н. А., Федорова Ю. А., 2024

Abstract. The purpose of the article is to analyze the role of adjectives in forming the structure and semantics of infinitive-substantive sentences in print media. It has been established that in modern newspaper texts the copulative-substantive predicate consists mainly of full forms of adjectives which perform informational, characterizing or evaluative functions in accordance with their own lexical meaning and contextual use, as well as synthetic and analytical superlative forms of qualitative adjectives. Short forms and forms of the comparative degree of adjectives as predicative are not used in copulative-substantive predicate of infinitive-substantive sentences since they do not require combination with the supporting noun. Adjective mainly agrees with the supporting noun in the nominative case. When there is a materially expressed conjunction in an infinitive-substantive sentence, the meaning of change and formation is established, and the use of the instrumental case is possible. Agreement in the genitive case is observed in syntactically indivisible combinations with the meaning of selectivity.

The infinitive-substantive sentence in the text of a modern newspaper is used as a syntactic structure expressing characterizing and evaluative meanings, which makes it possible to reflect the author's attitude to the reported information to characterize and/or evaluate the potential process indicated by the infinitive subject. The adjective included in the copulative-substantive predicate can perform informative, characterizing and evaluative functions while the evaluative function prevails in the newspaper language. The described forms of the adjective in the conjunctive-substantive predicate of the infinitive-substantive sentence draw attention to a special way of expressing characterizing and evaluative meanings, which contributes to the deeper understanding of the modern Russian syntax system.

Key words: infinitive-substantive sentences; infinitive subject; copulative-substantive predicate; supporting noun; adjective; evaluation; characteristic

For citation: Gerasimenko N. A., Fedorova Y. A. Adjective as part of the predicate in infinitive-substantive sentences in printed media. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):85–93. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-85>. <https://elibrary.ru/KHNOOW>

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что в современных СМИ использование инфинитивно-субстантивных предложений (ИСП) – активный процесс. Выделенные в отдельный самостоятельный вид предложений Н. А. Герасименко [Герасименко, 2012, с. 26–27; с. 73–74] ИСП обладают собственным набором грамматических и семантических признаков, содержат определенный прагматический потенциал, имеют специфику функционирования. Структурные и функциональные особенности, отличающие этот вид предложения от других, объясняются тем, что инфинитивно-субстантивные предложения относятся к неглавному виду предложений, в которых грамматическое значение выражено при помощи связки (в связочно-субстантивном сказуемом), а инфинитив находится в позиции подлежащего [5; 6], так как «имеет независимую грамматическую форму, обозначающую процесс вне связи с субъектом и вне протекания во времени; обозначает признак (в широком понимании), потенциальный процесс, характеристика которого заключена в именном сказуемом» [Федорова, 2022, с. 47]: *Отправить их получить высшее образование в таком возрасте – утопия и убийство детства* (КП, 25.06.2022, с. 12). В газетном тексте большинство инфинитивно-субстантивных предложений включает в состав сказуемого имя прилагательное: *Прогнозировать сегодня ближайшее будущее Америки – задача непосильная* (КП, 6.11.2020, с. 5).

Цель исследования – описать роль имён прилагательных в связочно-субстантивном сказуемом в инфинитивно-субстантивных предложениях газетного текста. Для достижения цели в работе решаются следующие задачи:

- исследовать взаимодействие прилагательных с определенными тематическими группами существительных;
- выявить типичные формы прилагательных в составе связочно-субстантивного сказуемого инфинитивно-субстантивных предложений;
- определить функции имен прилагательных в инфинитивно-субстантивных предложениях газетных текстов.

Материалом для изучения стали тексты СМИ в ежедневных и еженедельных газетных изданиях. Объём проанализированного материала, полученный методом нацеленной выборки, составил 896 инфинитивно-субстантивных предложений с прилагательным в составе сказуемого.

Изучением предложений с инфинитивом в роли подлежащего и существительным в роли основной части сказуемого занимались многие ученые: И. В. Бондаренко, В. М. Брицин, Ю. М. Зинина, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, О. Трухларова, М. А. Шелякин и др. [Бондаренко, 1981; Брицын, 1990; Зинина, 2021; Золотова, 1979; Падучева, 2018; Truhlarova, 2020; Шелякин, 2022]. А. А. Шахматов называл такие предложения двусоставными несогласованными, и отмечал «случайную и условную зависимость в субъекте и предикате», как признаки «во взаимных их отно-

шениях») [Шахматов, 2014, с. 45, с. 165]. Н. Ю. Шведова рассматривала данный вид предложений как подлежащно-сказуемые на основе тематического членения предложения. По ее мнению, в функции темы выступает сказуемое, выраженное именем существительным [Русская грамматика..., 1980, с. 309–312]. С нашей точки зрения, актуальное членение в этом типе предложений может не совпадать с грамматическим членением, при котором независимый инфинитив всегда остается подлежащим. Эта мысль подтверждается в работе А. М. Коняшкина и А. А. Коняшкина, которые, дополняя тематическое членение предложения, указывают на сегментированную синтаксическую конструкцию, где сегмент – состав подлежащего (предикативное определяемое) – тема высказывания; базовая часть – состав сказуемого (предикативное определяющее) – рема, в которой «концентрируется» оценочная семантика, что характерно именно для инфинитивно-субстантивных предложений» [Коняшкин А. М., Коняшкин А. А., 2021, с. 268–269]. Этот вопрос также исследовался в зарубежных научных изданиях: А. Бондаренко, Н. Бартон-Робертс, Т. Нессет, Лаура А. Янда, И. Бурукина [Bondarenko, 2021; Burton-Roberts, 2010; Burukina, 2022; Nettet, Janda].

Вслед за П. А. Лекантом, который определил предложения с инфинитивом в роли подлежащего и существительным в роли сказуемого как инфинитивно-подлежащие, считаем, что в инфинитивно-субстантивных предложениях инфинитив выступает в роли подлежащего, поскольку в этом типе предложений выражается специфическое грамматическое значение – отношения «независимый признак (действие) – его характеристика», а «грамматическая независимость инфинитивного подлежащего опирается на неизменяемость инфинитива и проявляется в его позиции относительно сказуемого» [Лекант, 2004, с. 67, с. 82]. П. А. Лекант отметил продуктивность инфинитивного подлежащего в русском языке и указал его важную особенность: способность сочетаться только с составным именным сказуемым [Лекант, 2017, с. 109]. В инфинитивно-субстантивных предложениях сочетаются потенциальное действие, обозначенное инфинитивом, и его характеристика / оценка, заключенная в связочно-субстантивном сказуемом.

Н. А. Герасименко также говорит об ограничении предикативной сочетаемости инфинитивного подлежащего, о невозможности инфинитива «обозначать протекающее действие, опредечи-

ваться», поскольку «формальное соотношение инфинитивного подлежащего и связочно-субстантивного сказуемого ограничивает смысловые возможности, а также функционирование» [Герасименко, 2022, с. 15–16; с. 77], то есть независимость инфинитива и неизменяемость формы обозначают «непроцессуальное, потенциальное действие, которое не выражает предметного значения» [Зинина, 2021, с. 7]: *Тогда ребята из нашей съёмочной группы приводили мне примеры людей, похожих на Нину, и объясняли, что следовать своим интересам – не плохое качество для жизни* (Москва Вечерняя, 2.03.2023, с. 10).

В современной лингвистике вопрос о роли прилагательного в составе связочно-субстантивного сказуемого в инфинитивно-субстантивных предложениях специально не исследовался.

Связочно-субстантивное сказуемое

Связочно-субстантивное сказуемое как вид составного неглагольного сказуемого в русском языке представлено двумя компонентами: основным, выражающим семантику сказуемого, и вспомогательным компонентом – связкой, которая обозначает предикативные значения, выражает зависимость сказуемого от подлежащего тогда, когда это возможно, и квалифицирует отношения между двумя главными членами предикативной основы, «роль связок в грамматической системе представляется служебной, вспомогательной» [Лекант, 2007, с. 148]. Связочно-субстантивное сказуемое обладает функциональным единством и одновременно семантической раздельностью и представляет собой аналитическое образование, расширяющееся за счёт актуальных преобразовательных процессов, происходящих внутри синтаксической системы [Герасименко, 2012, с. 75]. Различающаяся по своей структуре субстантивная часть сказуемого может быть представлена словом или словосочетанием: *Следить за состоянием подъездов в многоквартирном доме – обязанность управляющей компании* (За калужской заставой, 28.11 – 4.12.2022, с. 6); *Так что рискуют или нет – дело добровольное* (Мир пенсионера, 31.10.2022, с. 21). В состав связочно-субстантивного сказуемого может включаться имя прилагательное, которое во многих случаях становится важнейшим компонентом смысла не только сказуемого, но и всего инфинитивно-субстантивного предложения в целом.

Ю. А. Климова говорит об особом месте имён прилагательных, поскольку «человек активно

воспринимает и интерпретирует мир через совокупность признаков его отдельных фрагментов, формируя таким образом его атрибутивный портрет» [Климова, 2008, с. 123]. В инфинитивно-субстантивном предложении прилагательное функционирует в сочетании с опорным существительным, которое формирует грамматическую форму связочно-субстантивного сказуемого. Прилагательное вносит свое признаковое значение как характеристику или оценку потенциального действия, названного инфинитивным подлежащим: *К примеру, огромный труд – написать симфонию, над этим произведением нужно много думать* (Мир пенсионера, 15.11.2021, с. 13). Существительное остается грамматически центром сказуемого, его опорным компонентом. Имя прилагательное входит в словосочетание с существительным в качестве зависимого слова и его грамматическая роль минимальна. Но с точки зрения семантики оно может существенно корректировать смысл инфинитивно-субстантивного предложения, ср.: *Готовить – это вообще очень хорошая идея* (КП, 30.03-6.04.2022, с. 12); *Есть и разговаривать – плохая идея* (Итоги и факты. События недели, 29.12.2020, с. 24). Сказуемое в данных ИСП выражает общее оценочное значение ‘хороший / плохой’. Амбивалентность существительного *идея*, способного выразить как положительную, так и отрицательную оценку, корректируется прилагательными *хороший / плохой*, находящимися на противоположных сторонах оценочной шкалы. «Оценочное значение инфинитивно-подлежащих высказываний реализуется на уровне их семантической структуры <...> как «отношение между отвлеченно представленным действием или процессуальным состоянием и его предикативным признаком – качественной оценкой <...>» [Русская грамматика, 1980, с. 128].

Сочетание прилагательного с опорным существительным

Анализ речевого материала показывает, что имя прилагательное включается в состав связочно-субстантивного сказуемого инфинитивно-субстантивных предложений, использованных в газетных текстах, с завидным постоянством. В основной части составного сказуемого в качестве опорного компонента употребляются лексически опустошенные имена существительные, рядом с которыми прилагательное принимает на себя основной смысл высказывания. Существительные с лексически ослабленным или полностью опустошенным значением определяют грамматическую

форму связочно-субстантивного сказуемого, а зависящее от них прилагательное оценивает или характеризует потенциальный процесс, обозначенный инфинитивным подлежащим. Круг таких существительных в русском языке значительный, к их числу относятся: *дело, занятие, работа; человек, лицо* и под.

Необходимо отметить, что в состав сказуемого инфинитивно-субстантивных предложений не входят существительные, которые называют лицо (*человек, лицо* и под.). Это объясняется тем, что инфинитивное подлежащее обозначает потенциальный процесс, не протекающий во времени и не связанный с деятелем, поэтому не может сочетаться в предикативном ядре с личными именами. В качестве опорного компонента сказуемого в инфинитивно-субстантивных предложениях газетных текстов выступают преимущественно отглагольные существительные, отвлеченная семантика которых может соотноситься с потенциальным действием в инфинитиве: *Скажу так: руководить спортсменами, вести команду – непростое дело* (АиФ, 17-23.11.2021, с. 44); *Ходить с тяжелым пылесосом по квартире – занятие утомительное* (Мир новостей, 23.02.2022, с. 20); *Крушить квартиры, когда за это ещё и спасибо скажут, – лучшая работа!* (Москва Вечерняя, 2.03.2023, с. 14). Существительное *дело* в позиции опорного компонента связочно-субстантивного сказуемого в сочетании с именем прилагательным входит в состав многих фразеологизованных единиц, которые активно используются в текстах СМИ: *Оказалось, что отжиматься и тянуть эспандер на холоде – милое дело* (АиФ, 2-8.03.2022, с. 15) – ‘хорошо, приятно’; *Последнее дело – таскать у и без того обездоленных детей* (Мир новостей, 23.12.2020, с. 8) – ‘плохо, нельзя’; *Другое дело – найти сложную личность* (Комсомольская правда, 25.08. – 1.09. 2011, с. 20) – ‘более удачный вариант’. В этом случае во фразеологизме появляется особое значение, которое способствует выполнению инфинитивно-субстантивным предложением оценочной функции, что соответствует целям средств массовой информации.

Обращает на себя внимание существительное *вещь*, которое встречается в предикативном сочетании с инфинитивом, хотя имеет опустошенное предметное значение: *Конечно, написать книгу и написать сценарий – это две разные вещи* (Собеседник, 4-10.11.2020, с. 17); *Более важная вещь – это заниматься своим сердцем, духовной жизнью* (НКРЯ, Протоиерей Димитрий Смирнов. Пропо-

веди (1984–1989)). Максимально опустошенное значение этого существительного в позиции основной части связочно-субстантивного сказуемого способствует фразеологизации и переносит акцент на прилагательное.

Фразеологические единицы, основанные на сочетании существительного с прилагательным в связочно-субстантивном сказуемом, активно используются в газетных текстах, чему способствует их оценочность, характерная для фразеологизмов в целом: *Но выдвигаться на второй срок для него – пустая затея* (АиФ, 22-28.06.2022, с. 43); *Возвращаться – плохая примета, но Гагарина это не смутило* (metro, 29.03.2023, с. 6); *Работа нехитрая – представляться охранником Петушинского, звонить на его мобильник и отзываться на встречные звонки: «Алло, охрана!»* (Московский комсомолец, 5.10.2022, с. 15). При этом наблюдается амбивалентность существительного (*пустая затея – не пустая затея; плохая примета – хорошая примета*) и собственно оценочная характеристика переносится на имя прилагательное [Марьянчик, 2011].

Еще чаще в качестве опорного компонента связочно-субстантивного сказуемого в СМИ функционируют слова, обозначающие логические отношения: *цель, задача, способ, прием, итог* и под. Прагматическая установка призыва, характерная для средств массовой информации в целом, транслирует направление действия, вовлечение читателя в описываемые события. В этих случаях прилагательное, включенное в состав сказуемого, способствует выполнению воздействующей функции высказывания, так как семантика опорных слов отражает интенцию целеполагания, а прилагательное вносит в сказуемое прагматически-оценочный оттенок: *Но главная цель таких проектов – рассмешить* (Московский комсомолец, 28.10-03.11.2020, с.11); *Главная задача проекта – привлечь новое поколение к изучению своей малой Родины и показать, насколько интересна и важна краеведческая работа* (Долгие пруды, 17.12.2021, с. 6). В таких случаях в сочетании с опорным существительным вступают преимущественно прилагательные *главный, основной, важный* и под. Оценочно-прагматическая семантика этих слов подчеркивает выделенность поставленной цели, задачи и т.п. среди других целей и задач: *И главная задача в этом случае – быстро устранить боль и воспаление* (КП, 25.08.-1.09.2011, с. 9); *Основная цель – побудить их не затягивать ремни, а тратить большие* (АиФ, 30.12.2020-12.01.2021, с. 8).

Выделению способствует использование синтаксически нечленимых словосочетаний с соответствующим значением, включающих прилагательное *одна из главных..., из важных..., из основных...* и под.: *Одна из важных задач государства – поддержать призванных в рамках частичной мобилизации рублем* (КП, 5.10.2022, с. 10).

Нередко в текстах СМИ имя прилагательное в связочно-субстантивном сказуемом сочетается с существительными, обозначающими положительные эмоции, чувства, события. Такие существительные собственным лексическим значением способствуют решению прагматической задачи – вызвать желание испытать такие эмоции, заинтересовать описываемыми процессами: *удовольствие, радость, счастье, удача* и под. Прилагательное в этих случаях подчеркивает значимость, важность для читателя процесса, который вызывает такие эмоции: *И, конечно, большое удовольствие – сотрудничать с руководителем, который знает тонкости и специфику этой деятельности, – признался Нарышкин* (Парламентское вече, 11-17.11.2020, с. 7); *Припарковаться недалеко от дома для автолюбителя из мегаполиса – редкая удача* (За калужской заставой, 12-18.09.2022, с. 8).

Прилагательные, входящие в состав связочно-субстантивного сказуемого, способствуют выражению коммуникативного намерения говорящего в зависимости от цели передачи информации. Инфинитивно-субстантивные предложения можно отнести к синтаксическим средствам выражения оценочных значений [Жирмунский, 1968; Золотова, 2004; Шаталова, 2022]. Т. В. Маркелова отмечает сложное устройство категории оценки в целом, однако определяет, что «метафоричность» способствует выражению оценки [Маркелова, 2019, с. 136]. Метафорическое употребление имен существительных в сочетании с прилагательным в инфинитивно-субстантивных предложениях – активное явление в газетных СМИ: *Доверить нам своих родных – большой шаг* (АиФ, 22-28.06.2022, с. 12) – существительное *шаг* в метафорическом значении ‘действие, поступок’ характеризует инфинитивное подлежащее, а прилагательное *большой* вносит градуально-оценочное значение [Колесникова, 2018]. *Вести с разницей в 2 мяча на поле соперника, получить численное преимущество, но все равно проиграть – серьезный удар* для любой, а не только дебютирующей в ЛЧ команды (Московский комсомолец, 06-07.11.2020, с. 7) – существительное *удар* в значении ‘тяжёлая неприятность, потрясение, прине-

сённое кем-чем-н.’ [Ожегов, 2022, с. 1212], уже включающее негативную оценку, дополняется прилагательным *серьезный* в значении ‘требующий пристального к себе внимания, чреватый важными последствиями, опасный’ [Ожегов, 2022, с. 1054], что с прагматической точки зрения характеризует оценочное суждение: негативное отношение говорящего с присвоением объекту высокой степени отрицательного качества. Метафоры в газетном тексте привлекают внимание, выполняют fascinирующую, воздействующую функцию: *Заворачивать цветы в целлофановую пленку – прошлый век* (Вечерняя Москва, 3-10.03.2022, с. 7); *Главный глагол любви – это отдавать* (Итоги и факты. События недели, 29.12.2020, с. 10).

Описанные группы имен существительных не исчерпывают всех возможностей сочетаемости с прилагательным в связочно-субстантивном сказуемом, однако отражают наиболее продуктивные сочетания в газетных СМИ. Проанализированный материал показывает, что прилагательное взаимодействует с существительными практически без ограничений. Ограничения накладывает инфинитивное подлежащее, которое не сочетается с существительными со значением лица.

Формы прилагательного в составе связочно-субстантивного сказуемого

Основной формой имени прилагательного в составе связочно-субстантивного сказуемого инфинитивно-субстантивных предложений в газетном тексте является форма полного прилагательного в именительном падеже, согласованная с формой именительного падежа опорного существительного: *Ростовская область большая, и принять всех, расселить – это большая работа...* (АиФ, 2-8.03.2022, с. 4); *Это древний символ – продемонстрировать встречному, что в руке нет кинжала* (КП, 20-27.07.2022, с. 2); *Финальный шаг – разложить грибы по герметично закрывающимся ёмкостям и убрать в тёмное место* (За калужской заставой, 5-11.09.2022, с. 14). Сочетание именительного падежа существительного в сказуемом с инфинитивом подлежащего создает особую грамматическую форму предложения, которая обладает внешней краткостью и семантической емкостью, что способствует активному употреблению инфинитивно-субстантивных предложений в текстах газет.

Творительный предикативный падеж, синонимичный именительному, значительно реже используется в инфинитивно-субстантивных пред-

ложениях: *Основной целью было выяснить, счастливы ли люди, говорит Олег Голощапов* (metro, 27.06.2023, с. 7). Такое употребление наблюдается при использовании материально выраженной связки: *И так как невозможно воспринимать человека вне времени, одновременно равновеликой задачей было показать атмосферу той эпохи* (КП, 13-19.02.2023, с. 25). «Сказуемое имя выражается творительным падежом при спрягаемых формах глагола *быть* и некоторых других глаголов, когда этот творительный падеж означает субстанцию или признак, в которые перешло, в которые изменилось, с которым сочетается господствующее представление», – писал А. А. Шахматов [Шахматов, 2014, с. 441]. Эта мысль, касающаяся прежде всего творительного падежа существительного, важна и для прилагательного, которое сочетается с существительным и уподобляется ему в роде, числе и падеже по законам русской грамматики: *Сшить новое платье будет отличным вариантом, но небольшой аксессуар ручной работы тоже подойдет* (Мир пенсионера, 21.12.2020, с. 24).

В синтаксически неделимых словосочетаниях со значением избирательности (*один из...*) прилагательное, согласуясь с существительным, приобретает форму родительного падежа множественного числа и сохраняет общее оценочное значение: *Одна из важнейших задач политической и интеллектуальной элиты страны – определять направление развития общества* (АиФ, 4-10.08.2021, с. 8); В ходе анализа в связочно-субстантивном сказуемом были выявлены также словосочетания с именем прилагательным в форме превосходной степени: *Лучший вариант – купить в аптеке специальный раствор для промываний* (АиФ. Здоровье, 2020, с. 6); *Наилучшее решение – развернуть инфраструктуру в космосе* (АиФ, 17-23.11.2021, с. 17). Синтетическая форма превосходной степени прилагательного по грамматическим свойствам совпадает с грамматическими свойствами положительной степени полного прилагательного, что позволяет активно использовать эту форму в сказуемом [Золотова, 1979; Шаталова, 2022].

Аналитическая форма превосходной степени прилагательного также используется в связочно-субстантивном сказуемом инфинитивно-субстантивных предложений в газетном тексте. Грамматические характеристики этой формы тоже совпадают с формами положительной степени прилагательного, что не препятствует согласованию с опорным существительным [Ахманова,

2004, с. 345, с. 357–359; Nessel, Janda]: *Самый мудрый поступок в этой ситуации – не заметить*. (Собеседник, 4-10.11.2020, с. 18); *Самый лёгкий и верный путь – обратиться к специалисту за помощью* (Антенна Телесемь, 5-11.02.2007, с. 50).

При исследовании инфинитивно-субстантивных предложений установлено, что форма сравнительной степени имени прилагательного не встречается в этом типе предложений. Такая форма обозначает признак, который характерен для предмета в большей (или меньшей) степени, чем для другого. Потенциальный процесс, выраженный в подлежащем ИСП, не допускает градуальной характеристики в сказуемом простого предложения. Форма сравнительной степени прилагательного, как и его краткая форма, закрепились в современном русском языке в единственной синтаксической функции – функции основной части составного именного сказуемого – и не нуждаются в сочетании с именем существительным как опорным компонентом такого сказуемого.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в связочно-субстантивном сказуемом инфинитивно-субстантивных предложений в газетном тексте прилагательное употребляется в формах именительного падежа, творительного падежа (в сочетании с материально выраженной связкой), а также родительного падежа (в синтаксически неделимых сочетаниях со значением избирательности). Формы положительной степени и превосходной степени прилагательного свободно используются в сказуемом инфинитивно-субстантивных предложений, а форма сравнительной степени имени прилагательного в этом типе предложений не встречается.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
2. Бондаренко И. В. Синтаксические функции русского инфинитива // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981. С. 25–39.
3. Брицын В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке // АН УССР, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. Киев : Наук. думка, 1990. 318 с.
4. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование : монография. Москва : Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
5. Герасименко Н. А. Инфинитивно-субстантивные предложения в русском языке: структурный аспект // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста : коллективная монография. Москва : ООО «Постатор», 2022. 244 с.
6. Герасименко Н. А. Отражение человека в языке : связочно-субстантивное сказуемое // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. № 1. Москва, 2017. С. 14–20.
7. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы частей речи. Ленинград, 1968. С. 7–32.
8. Зинина Ю. М. Составное именное сказуемое в публицистическом стиле (на материале британских новостных онлайн-ресурсов) // Филология : научные исследования. № 2. 2021. URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=35082 (дата обращения: 12.10.2023)
9. Золотова Г. А. О синтаксической природе современного русского инфинитива // Филологические науки. 1979. № 5. С. 43–51.
10. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва, 2004. 544 с. URL: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 11.10.2023)
11. Климова Ю. А. Русские имена прилагательные: атрибутивная картина мира // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена, № 69. Санкт-Петербург, 2008. С. 122–127.
12. Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка : монография. Москва : ФЛИНТА, 2018. 232 с.
13. Коняшкин А. М., Коняшкин А. А. Сегментированные конструкции разговорного синтаксиса в рассказах В. М. Шукшина // МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ. № 5 (90). 2021. С. 267–270. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/segmentirovannyye-konstruktsii-razgovornogo-sintaksisa-v-rasskazah-v-m-shukshina/viewer> (дата обращения: 15.07.2023)
14. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учебное пособие. 3-е изд, испр. и дополн. Москва : Высш. шк. 2004. 247 с.
15. Лекант П. А. Функции связок в русском языке // Грамматические категории слова и предложения. Москва : Издательство МГОУ, 2007. С. 146–152.
16. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке : учебное пособие. Москва : ИИУ МГОУ, 2017. 132 с.
17. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка : монография. Москва : Институт современного искусства, 2019. 232 с.
18. Марьянчик В. А. Оценка как категория текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 100–103

19. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва : Издательство АСТ : Издательство «Мир и Образование», 2022. 1360 с.

20. Падучева Е. В. Инфинитив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2018. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

21. Русская грамматика : в 2 т. Т. 2 : Синтаксис. Москва : Наука, 1980. 717 с.

22. Федорова, Ю. А. Синтаксическая функция инфинитива в инфинитивно-субстантивном предложении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 5. Москва, 2022. С. 42–48.

23. Шаталова А. В. Сравнительная и превосходная степени сравнения имен прилагательных и наречий как средства репрезентации центра функционально-семантического поля компаративности (на материале текстов современной публицистики в немецком и русском языках) // Филология: научные исследования. 2022. № 1. С. 28–42. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35944 (дата обращения: 10.02.2024).

24. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Москва : ФЛИНТА: Наука, 2014. 720 с.

25. Шелякин М. А. Русский инфинитив (морфология и функции) : учебное пособие. 4-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2022. 158 с.

26. Bondarenko A. Verbless and zero-predicate sentences : an English and Russian contrastive corpus study. Linguistics. Université Paris Cité, 2021. URL: <https://theses.hal.science/tel-03706573/> (дата обращения: 18.02.2024).

27. Burton-Roberts N. Analysing sentences : an introduction to English. 3rd ed.p. cm. (Learning about language) : 1. English language–Sentences. 2. English language–Syntax. Edinburgh Gate Harlow. Great Britain. 2010. 297 p.

28. Burukina I. On the Syntax of the Russian Control Verbs Помощь 'Help' and Помешать 'Hinder'. Journal of Slavic Linguistics № 30 (2). Slavica Publishers. 2022. P. 157–194. URL: <https://ojs.ung.si/index.php/JSL/article/view/29> (дата обращения: 18.02.2024).

29. Nessel T., Janda, L. A. The long and the short of it: Russian predicate adjectives with zero copula. Russian Linguistics 47(3):1-23. URL: <https://doi.org/10.1007/s11185-023-09280-1> (дата обращения: 18.02.2024).

30. Truhlarova O. The syntactic functioning of the infinitive in the Russian and Czech language. Masaryk University Faculty of Education Department of Russian language and Literature Czech Republic. 2020. P. 145–151. URL: <https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.P210-9781-2020-18> (дата обращения: 18.02.2024).

Reference list

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvистических terminov = The dictionary of linguistic terms. Moskva : Editorial URSS, 2004. 576 s.

2. Bondarenko I. V. Sintaksicheskie funkciony russkogo infinitiva = Syntactic functions of the Russian infinitive // Voprosy grammatiki russkogo jazyka. Irkutsk, 1981. S. 25–39.

3. Bricyn V. M. Sintaksis i semantika infinitiva v sovremennom russkom jazyke = Syntax and semantics of the infinitive in the modern Russian language // AN USSR, In-t jazykovedenija im. A. A. Potebni. Kiev : Nauk. dumka, 1990. 318 s.

4. Gerasimenko N. A. Bisubstantivnye predlozhenija v russkom jazyke: struktura, semantika, funkcionirovanie = Bisubstantive sentences in the Russian language: structure, semantics, functioning : monografija. Moskva : Izd-vo MGOU, 2012. 292 s.

5. Gerasimenko N. A. Infinitivno-substantivnye predlozhenija v russkom jazyke: strukturnyj aspekt = Infinitive-substantive sentences in the Russian language: structural aspect // Sintaksicheskie sredstva kak jekspressivnyj resurs teksta : kollektivnaja monografija. Moskva : OOO «Postator», 2022. 244 s.

6. Gerasimenko N. A. Otrazhenie cheloveka v jazyke : svjazochno-substantivnoe skazuemoe = Human reflection in language : the copulative-substantive predicate // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija : Russkaja filologija. № 1. Moskva, 2017. S. 14–20.

7. Zhirmunskij V. M. O prirode chastej rechi i ih klassifikacii = On the nature of parts of speech and their classification // Voprosy chastej rechi. Leningrad, 1968. S. 7–32.

8. Zinina Ju. M. Sostavnoe imennoe skazuemoe v publicisticheskom stile (na materiale britanskikh novostnykh onlajn-resursov) = Compound nominal predicate in journalistic style (on the material of British online news resources) // Filologija : nauchnye issledovanija. № 2. 2021. URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=35082 (дата obrashhenija: 12.10.2023)

9. Zolotova G. A. O sintaksicheskoj prirode sovremennogo russkogo infinitiva = On the syntactic nature of the modern Russian infinitive // Filologicheskie nauki. 1979. № 5. S. 43–51.

10. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka = Communicative grammar of the Russian language. Moskva, 2004. 544 s. URL: <https://www.academia.edu> (дата obrashhenija: 11.10.2023)

11. Klimova Ju. A. Russkie imena prilagatel'nye: atributivnaja kartina mira = Russian adjectives: attributive worldview // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. I. Gercena, № 69. Sankt-Peterburg, 2008. S. 122–127.

12. Kolesnikova S. M. Gradual'nost' v sisteme russkogo jazyka = Graduality in the system of the Russian language : monografija. Moskva : FLINTA, 2018. 232 s.

13. Konjashkin A. M., Konjashkin A. A. Segmentirovannye konstrukcii razgovornogo sintaksisa v rasskazah V. M. Shukshina = Segmented constructions of colloquial syntax in V. M. Shukshin's stories // MIR NAUKI, KUL'TURY, OBRAZOVANIJa. № 5 (90). 2021. S. 267–270. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/segmentirovannye-konstruktsii-razgovornogo-sintaksisa-v-rasskazah-v-m-shukshina/viewer> (data obrashhenija: 15.07.2023)
14. Lekant P. A. Sintaksis prostogo predlozhenija v sovremennom russkom jazyke = Syntax of a simple sentence in the modern Russian language : uchebnoe posobie. 3-e izd, ispr. i dopoln. Moskva : Vyssh. shk. 2004. 247 s.
15. Lekant P. A. Funkcii svjazok v russkom jazyke = Copula functions in the Russian language // Grammaticheskie kategorii slova i predlozhenija. Moskva : Izdatel'stvo MGOU, 2007. S. 146–152.
16. Lekant P. A. Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom jazyke = Types and forms of the predicate in the modern Russian language : uchebnoe posobie. Moskva : IJU MGOU, 2017. 132 s.
17. Markelova T. V., Petrushina M. V. Ocenochnye vyskazyvanija v kommunikativnom prostranstve russkogo jazyka = Evaluative statements in the Russian communicative space : monografija. Moskva : Institut sovremennogo iskusstva, 2019. 232 s.
18. Mar'janchik V. A. Ocenka kak kategorija teksta = Evaluation as a text category // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija «Gumani tarne i social'nye nauki». 2011. № 1. S. 100–103
19. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: Okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij = Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions / pod red. prof. L. I. Skvorcova. 27-e izd., ispr. Moskva : Izdatel'stvo AST : Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie», 2022. 1360 s.
20. Paducheva E. V. Infinitiv. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki = Infinitive. Materials for the project of Russian grammar corpus description. 2018. URL: <http://rusgram.ru> (data obrashhenija: 06.04.2022).
21. Russkaja grammatika : v 2 t. T. 2 : Sintaksis = Russian grammar: in 2 vols. V. 2 : Syntax. Moskva : Nauka, 1980. 717 s.
22. Fedorova Ju. A. Sintaksicheskaja funkcija infinitiva v infinitivno-substantivnom predlozhenii = Syntactic function of the infinitive in the infinitive-substantive sentence // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. № 5. Moskva, 2022. S. 42–48.
23. Shatalova A. V. Sravnitel'naja i prevoshodnaja stepeni sravnenija imen prilagatel'nyh i narechij kak sredstva reprezentacii centra funkcional'no-semanticheskogo polja komparativnosti (na materiale tekstov sovremennoj publicistiki v nemeckom i russkom jazykah) = Comparative and superlative degrees of comparison of adjectives and adverbs as a means of representing the center of the functional-semantic field of comparativity in German and Russian modern journalistic texts // Filologija: nauchnye issledovanija. 2022. № 1. S. 28–42. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35944 (data obrashhenija: 10.02.2024).
24. Shahmatov A. A. Sintaksis russkogo jazyka = Russian syntax. Moskva : FLINTA: Nauka, 2014. 720 s.
25. Sheljakin M. A. Russkij infinitiv (morfologija i funkcii) = The Russian infinitive (morphology and functions) : uchebnoe posobie. 4-e izd., ster. Moskva : FLINTA, 2022. 158 s.
26. Bondarenko A. Verbless and zero-predicate sentences : an English and Russian contrastive corpus study. Linguistics. Université Paris Cité, 2021. URL: <https://theses.hal.science/tel-03706573/> (data obrashhenija: 18.02.2024).
27. Burton-Roberts N. Analysing sentences : an introduction to English. 3rd ed.p. cm. (Learning about language) : 1. English language–Sentences. 2. English language–Syntax. Edinburgh Gate Harlow. Great Britain. 2010. 297 p.
28. Burukina I. On the Syntax of the Russian Control Verbs Pomoč' 'Help' and Pomešat' 'Hinder'. Journal of Slavic Linguistics № 30 (2). Slavica Publishers. 2022. P. 157–194. URL: <https://ojs.ung.si/index.php/JSL/article/view/29> (data obrashhenija: 18.02.2024).
29. Nessel T., Janda, L. A. The long and the short of it: Russian predicate adjectives with zero copula. Russian Linguistics 47(3):1-23. URL: <https://doi.org/10.1007/s11185-023-09280-1> (data obrashhenija: 18.02.2024).
30. Truhlarova O. The syntactic functioning of the infinitive in the Russian and Czech language. Masaryk University Faculty of Education Department of Russian language and Literature Czech Republic. 2020. P. 145–151. URL: <https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.P210-9781-2020-18> (data obrashhenija: 18.02.2024).

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 30.04.2024; approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-94
EDN: NIRDVA

Названия торговых центров: между урбанонимами и рекламными именами

Роман Викторович Разумов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
rvrazumov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о «пограничном» состоянии новой для русского языка категории имен собственных – названий торговых центров. Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые определяется ономастический статус названий торговых центров, проводится развернутый анализ корпусов таких названий, собранных по Рыбинску и Ярославлю, а также по крупным городам Российской Федерации. Автором определен ономастический статус названий торговых центров, указаны особенности, позволяющие отнести их к урбанонимам и рекламным именам. В статье проанализированы существующие ойкодомонимические термины, дан их перечень, указано, что термин торговый центр стал родовым для рассматриваемой группы объектов. Автором отмечено, что при номинации объектов преобладают условно-символический и символический принципы номинации, что указывает на связь названий торговых центров с рекламными именами. Доля идентифицирующих названий также довольно высока, что свидетельствует о желании номинаторов вписать оным в сложившуюся урбанонимическую систему города. Автор статьи приходит к выводу о том, что в системе рассматриваемых названий торговых центров сложились две тенденции: (1) встраивание названия в существующий урбанонимикон с учетом его своеобразия и (2) создание названий, не связанных с существующим городским ономастическим пространством. Проведенный анализ корпусов онимов подтвердил пограничный статус рассмотренных имен собственных, преобладание в них черт урбанонимов.

Ключевые слова: ономастика; городское онимическое пространство; урбаноним; ойкодомоним; рекламное имя

Для цитирования: Разумов Р. В. Названия торговых центров: между урбанонимами и рекламными именами // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 94–102. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-94>. <https://elibrary.ru/NIRDVA>

Original article

Names of shopping centers: between urbanonyms and advertising names

Roman V. Razumov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
rvrazumov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Abstract. The article considers the «borderline» state of a category of proper names new to the russian language – names of shopping centers. The novelty of the study lies in the fact that for the first time it defines the onomastic status of shopping center names, analyzes in detail the corpus of such names collected in Rybinsk and Yaroslavl, as well as in some large cities of the Russian Federation. The author defines the onomastic status of shopping center names, indicates the features enabling to refer them to urbanonyms and advertising names. The article analyzes the existing oikodomonymic terms, gives their list, and indicates that the term «shopping center» has become a generic term for the group of objects under consideration. The author notes that the conventional-symbolic and symbolic principles of nomination prevail in naming objects, which indicates the correlation between the shopping center names and advertising names. The share of identifying names is also quite high, which indicates the desire of nominators to fit the onym into the established urbanonymic system of the city. The author of the article concludes that there are two tendencies in the system of naming shopping centers: (1) incorporating the name into the existing urbanonymicon, taking into account its uniqueness, and (2) creating names that are unrelated to the existing urban onomastic space. The

corpus analysis of the onyms confirms the borderline status of the considered proper names, and the prevalence of urbanonymic features in them.

Key words: onomastics; urban onymic space; urbanonym; oikodomonym; advertising name

For citation: Razumov R. V. Names of shopping centers: between urbanonyms and advertising names. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):94–102. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-94>. <https://elibrary.ru/NIRDVA>

1. Введение

Непрекращающийся процесс развития городов, трансформации их пространства обуславливает необходимость постоянного создания новых урбанонимов, привязывающих реальное пространство населенного пункта к системе условных знаков, понятных и удобных всем его обитателям. Система внутригородских онимов не является замкнутой и стабильной, она постоянно трансформируется, приспосабливается к изменяющимся реалиям, в ней могут появляться новые, ранее не существовавшие разряды и субразряды имен собственных, возникновение которых обусловлено запросами горожан.

Рубеж XX–XXI вв. был ознаменован появлением новых разновидностей урбанонимов – названий жилых комплексов и названий торговых центров. Их возникновение обусловлено активным развитием коммерческих отношений в сфере недвижимости, появлением особого класса предпринимателей – девелоперов, занимающихся созданием и реконструкцией объектов недвижимости, управлением их использования после ввода в эксплуатацию.

Изучение названий жилых комплексов и названий торговых центров как особых субразрядов урбанонимов является актуальным для современной ономастики и лингвистики. Подобные имена собственные являются одними из самых молодых в системах городских ономастиконов, в обществе еще не сложилось стереотипов их построения, поэтому мы проследим начальные этапы формирования типа онимов. К тому же требует уточнения их ономастический статус: следует ли относить данные имена собственные к урбанонимам или другим разрядам онимов.

Несмотря на то, что названия жилых комплексов и названия торговых центров как особый тип имен собственных возникли практически одновременно, изучены они неравномерно. Если к рассмотрению первых онимов ученые обращались неоднократно [Врублевская, 2016; Выходцева, 2006; Горяев, 2020; Дьякова, 2016; Разумов, 2018; Ревенков, 2009; Романова, 2022; Соколова, 2010; Соколова, 2015; Федотовских, 2015а; Федотовских, 2015б], то вторые практически не

становились объектом исследования [Баженова, 2014; Копоть, 2017; Куров, 2018, Минец, 2018; Разумов, 2008; Сажина, 2020]. Заметим, что во многих публикациях [Копоть, 2017; Минец, 2018; Сажина, 2020] названия торговых центров рассматриваются не как самостоятельный разряд онимов, а среди эргонимов – названий деловых объединений людей.

В настоящей статье мы обратимся к определению ономастического статуса названий торговых центров, описанию принципов их создания.

Наш анализ основан прежде всего на материале, собранном в двух городах Ярославской области – Рыбинске и Ярославле. Нами привлекались данные о наименовании торговых центров Екатеринбурга, Казани, Костромы, Москвы, Нижнего Новгорода, Перми, Санкт-Петербурга, Уфы и ряда других городов. Материал для анализа был извлечен из интернет-источников, рекламных текстов в средствах массовой информации, специализированных изданий о недвижимости, информационных справочников «Золотые страницы», «В пяти минутах от метро» и т. п.

2. История появления торговых центров как объекта коммерческой недвижимости

Под термином *торговый центр* принято понимать объект коммерческой недвижимости, управляемый как единое целое и объединяющий ряд торговых предприятий, расположенных в одном здании, части здания или в комплексе рядом расположенных зданий.

Первые объекты коммерческой недвижимости, предшественники современных торговых центров, стали появляться в России еще в дореволюционный период ее истории [Казакова, 2014].

Непосредственными предшественниками современных торговых центров являлись *торговые ряды* и *гостинные дворы*, существовавшие во многих российских городах. Первые подобные объекты стали появляться в крупных городах еще в XVI–XVII вв. [Казакова, 2014, с. 4–8], их активное строительство по всей России началось в эпоху Екатерины II в рамках масштабного переустройства городских территорий по утвержденным регулярным планам, предполагавшим

существование особой зоны, отданной под торговые объекты. В процессе реформы во многих городах нашей страны появились *гостинные дворы*, предоставлявшие услуги купцам для оптовой и мелкооптовой торговли. Так, в Рыбинске до революции были построены *Мучной гостинный двор* и *Красный гостинный двор*, в Ярославле – *Гостинный двор*. Во многих городах существовали *торговые ряды* – здания, предназначенные для розничной торговли. Например, подобный тип объекта сохранился в Костроме (конец XVIII – начала XIX вв.), где он занимал несколько кварталов в самом центре города. Аналогичный объект существовал и в Ярославле, однако до настоящего времени он не сохранился.

В XIX веке в крупных городах появляются *универсальные магазины* (универмаги) и *пассажи* ('крытая галерея с торговыми помещениями по обеим сторонам, имеющая выходы на параллельные улицы' [МАС, т. 3, 1987, с. 29]). Так, далеко за пределами Москвы был известен один из первых российских универмагов – магазин «*Мюр и Мерилиз*». Первый российский *Пассаж* был построен в Санкт-Петербурге в 1846–1848 гг., затем подобные объекты появились в Москве (*Лубянский пассаж*, *Петровский пассаж* и др.), Казани (*Александровский пассаж*, *Черноярковский пассаж*), Челябинске (*пассаж Якушевых*) и некоторых других городах.

В советский период истории страны продолжилось строительство крупных магазинов. Так, в Москве появились универмаги «*Детский мир*», «*Москва*», «*Московский*» и др., в Ярославле – универмаг «*Ярославль*», в Рыбинске – универмаг «*Юбилейный*», «*Дом торговли*». Отличием универмагов советского времени было то, что все они принадлежали государству, представляли собой единый торговый объект.

В постсоветскую эпоху с началом развития в стране рыночных отношений многие магазины, не обязательно крупные, стали приобретать черты торговых центров: их территория стала разделяться между несколькими предпринимателями, осуществляющими торговлю разными видами товаров. Хотя фактически подобные объекты не соответствовали статусу торгового центра, собственники, владеющие ими, стали включать в название это сочетание. Так, в Рыбинске примером подобных трансформаций могут служить торговые центры «*Книжный мир*», «*Уют*», «*Лидер*» и ряд других, в Ярославле – торговые центры «*Кооператор*», «*Ярославич*» и т. д.

В 1990-е годы в России начинается строительство специальных зданий для крупных торговых и торгово-развлекательных центров, ориентированных на предоставление широкого спектра услуг: в них посетители могут не только совершать покупки, но и проводить свое свободное время в кафе, кинотеатрах, зонах развлечений и т. д. Создание подобных объектов привело к появлению специалистов в области проектирования и эксплуатации подобных комплексов, нейминга торговых центров, их оформления и разработки фирменного стиля.

3. Ономастический статус названий торговых центров

Названия торговых центров следует относить к разряду *урбанонимов*, под которыми в ономастике традиционно понимается «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [Подольская, 1988, с. 139]. В рамках урбанонимического поля названия торговых центров относятся к *ойкодомонимам*, данным термином в науке обозначает «имя собственное здания» [Подольская, 1988, с. 88].

Любое название торгового центра, безусловно, обладает признаком топографичности, поскольку обозначает объект, который имеет четкую привязку к земной поверхности и закреплен на географической карте. Оно не может повторяться в пределах одного населенного пункта и произвольно переноситься с одного объекта на другой. Название торгового центра способно выполнять адресную функцию как в письменной, так и в устной речи, как в официальном дискурсе (юридических документах, реестрах, списках и т. п.), так и при неофициальном общении. Подобные онимы способны употребляться в рекламном тексте без введения других адресных характеристик объекта: названия улицы, номера дома и т. п. Например, в рекламе сети магазинов «Снежная королева» в журнале «7 дней» отсутствуют указанные элементы: «*м. Беляево ТЦ „Меркадо“*, *Иркутск ТЦ „Фортуна Гранд“*, *Казань ТЦ „XL“*...». Адресная функция названий торговых комплексов и центров обуславливает и их широкое использование на городских вывесках, в объявлениях о маршрутах общественного транспорта. Так, их раньше часто можно было встретить в Ярославле на табличках частных маршруток: «*Глобус – Центр – Автовокзал – Фараон – Кресты – Ашан*» (маршрутка

№73), «Ярославль Главный – Цирк – ТЦ Аура – ТЮЗ – Московский вокзал – Автовокзал – Политех – Кресты» (маршрутка № 75). Заметим, что вынесение названия торгового центра на аншлаги общественного транспорта не означало наличие рядом с ним остановки (рядом с торговым центром «Аура» они отсутствуют). В устной речи горожане также часто прибегают к использованию названий торговых центров, которые являются удачными макроориентирами: «ну вот парк Победы / место отдыха всех брагинцев // торговый центр большой / Альтаир» (Вероника, 66 лет), «торговые центры это новый Чкаловский и тут же рынок Белинский на остановке Улица Белинского / или на трамвае до Ауры ехать до улицы Свердлова и пешком» (Виталий, 21 год, студент).

Названия торговых центров, безусловно, связаны с коммерческой деятельностью человека, то есть имеют схожие черты с категорией рекламных имен [см.: Крюкова, 2004], поскольку подобные онимы создаются владельцем объекта недвижимости (девелопером) или нанятым им нейминговым или рекламным агентством, они не проходят процедуру обязательного согласования с органами исполнительной или законодательной власти, существуют, прежде всего, в рекламных текстах, при их изобретении обычно используются приемы, характерные для рекламных имен.

Как видим, названия торговых центров обладают характеристиками двух разрядов имен собственных, проявление признаков которых и будет рассмотрено далее.

4. Ойкодомонимические термины в названиях торговых центров

Для обозначения статуса объекта в современной России в рассматриваемой группе урбанонимов используются разнообразные ойкодомонимические термины. Базовыми для рассматриваемой группы онимов являются термины *торговый центр* (далее – ТЦ), *торговый комплекс* (ТК), *торгово-развлекательный центр* (ТРЦ), *торгово-развлекательный комплекс* (ТРК). Следует отметить, что лишь первые два термина упомянуты в национальном стандарте ГОСТ Р 51303–2013 [ГОСТ], содержащем термины и определения в сфере торговли.

Под термином *торговый центр* в указанном комплексе понимается «совокупность торговых предприятий и / или предприятий по оказанию услуг, реализующих универсальный или специализированный ассортимент товаров и универ-

сальный ассортимент услуг, расположенных на определенной территории в зданиях или строениях, спланированных, построенных и управляемых как единое целое и предоставляющих в границах своей территории стоянку для автомашин» [ГОСТ], а под термином *торговый комплекс* – «совокупность торговых предприятий, реализующих товары и оказывающих услуги, расположенные на определенной территории и централизирующие функции хозяйственного обслуживания торговой деятельности» [ГОСТ]. Как видим, стандарт предполагает ряд различий между двумя типами объектов, однако реальная номинативная практика показывает, что указанные в ГОСТе характеристики не учитываются владельцами зданий. Так, многие объекты, отнесенные владельцами к категории *торговых центров*, не содержат в границах своей территории стоянок для автомашин, при этом сам объект может являться частью жилых домов или пристройкой к ним. Так, *торговый центр «Русь»* (Рыбинск) занимает первый этаж и подвальные помещения многоэтажного дома, парковка для автомобилей находится на городской территории. Аналогичную картину мы можем наблюдать и во многих других случаях. Следует отметить, что термин *торговый центр* количественно преобладает в городской коммерческой номинации, на его долю приходится 63 % объектов в Рыбинске и 69 % в Ярославле, то есть фактически он является родовым термином для подобного типа городских объектов.

Термины *торгово-развлекательный центр* и *торгово-развлекательный комплекс* отсутствуют в профильном ГОСТе, поскольку являются гибридным типом городских объектов: они предназначены не только для оказания торговых услуг, но и для размещения предприятий индустрии развлечений: кинотеатров, кафе и ресторанов, детских комплексов.

В качестве самостоятельного термина при наименовании торговых центров может использоваться термин *универмаг*: *универмаг «Юбилейный»* (Рыбинск), *универмаг «Ярославль»* (Ярославль), *универмаг «Московский»* (Москва) и т. д. В основном данная лексема используется при наименовании объектов, имевших данный статус в советскую эпоху, при именовании новых торговых центров он практически не встречается. Термин *универмаг* также включен в национальный стандарт ГОСТ Р 51303–2013, где под ним понимается «магазин с совокупной площадью торговых залов от 3500 м² в город-

ском населенном пункте и от 650 м² в сельском населенном пункте, в котором осуществляют продажу непродовольственных товаров универсального ассортимента» [ГОСТ].

Помимо перечисленных терминов, в онимической части названий торговых центров могут встречаться и другие ойкодомонимические термины: *галерея* (ТЦ «Галерея Актер», Москва; ТЦ «Новая галерея», Ярославль), *гостиный двор* (ТК «Гостиный двор», Рыбинск) *молл* (ТЦ «Ботаника-молл», Екатеринбург), *парк* (ТЦ «Радуга-парк», Екатеринбург), *пассаж* (ТЦ «Черкизовский пассаж», Москва; ТЦ «Петровский пассаж», Ярославль), *плаза* (ТРЦ «Ереван Плаза», Москва), *ритейл-парк* (ТЦ «Ритейл Парк», Москва; *ритейл-парк* «Макси», Рыбинск), *сити* (ТЦ «Мега Сити», Самара), *торговая галерея* (ТЦ «Торговая галерея», Сочи; *торговая галерея* «Альфа», Рыбинск), *торгово-деловой центр* (*торгово-деловой центр* «Три богатыря», Ярославль), *торгово-офисный центр* (*торгово-офисный центр* «Фабрикантъ», Рыбинск) *торговый дом* (*торговый дом* «Медведь», Рыбинск); *торговый дом* «Жёлтый», Ярославль), *центр торговли* (*Центр торговли* «Вознесенский», Коломна) *центр торговли и развлечений* (*Центр торговли и развлечений* «Мир», Уфа), *ярмарка* (ТК «Ярмарка в Лужниках», Москва; ТЦ «Ярмарка», Астрахань) и ряд других. Большинство перечисленных терминов обозначают примерно одинаковый тип объектов: одно или несколько рядом стоящих зданий, разделенных на модули (отдельные помещения), предназначенные для торговли. Лишь один из них – *молл* – включен в национальный стандарт ГОСТ Р 51303–2013, где под ним понимается «многофункциональный торгово-развлекательный центр общей площадью от 100000 м²» [ГОСТ]. Частотность употребления указанных терминов различна. Как указывают авторы статьи «Нейминг ТЦ: Как корабль назовешь...», «редакция портала ShopAndMall.ru проанализировала названия 1282 торговых объектов России, имеющих в собственной базе, и выяснила, какие названия стали самыми востребованными на отечественном рынке. Безусловным лидером в нейминге торговых центров стало зарубежное слово „молл“, означающее собирательное понятие ТЦ для отдыха на весь день, которое как в русском, так и в английском варианте встречается 48 раз. Слово „сити“ отстает по частоте употребления ненамного. Существительное стоит в названии ТЦ 46 раз. Еще одно заимствованное слово, которое

часто можно встретить на вывеске торгового центра, – „плаза“. Его использовали как минимум 23 ТЦ. Кроме того, в числе любимых слов девелоперов также значится „парк“, которое встречается среди ТЦ 38 раз. Слово „центр“ в названиях объектов также не редкость. Его, как и производные от него слова, можно увидеть в названиях 35 объектов» [Нейминг ТЦ].

Анализ значения перечисленных ойкодомонимических терминов показывает, что все они содержат топографические семы, указывающие на связь объекта с пространством: *центр* – ‘место, где сосредоточена какая-либо деятельность, управление чем-либо’ [МАС, т. 4, 1988, с. 641], *комплекс* – ‘совокупность, сочетание предметов, явлений, действий, свойств’ [МАС, т. 2, 1986, с. 85], *галерея* – ‘длинное, узкое, открытое с боков или застекленное строение, расположенное отдельно от жилья’ [МАС, т. 1, 1985, с. 298], *пассаж* – ‘крытая галерея с торговыми помещениями по обеим сторонам, имеющая выходы на параллельные улицы’ [МАС, т. 3, 1987, с. 29] и т. д. Все это подтверждает принадлежность названий торговых центров к урбанонимам и такой их разновидности, как ойкодомонимы.

5. Принципы номинации названий торговых центров

Если термины, употребляемые в составе названий торговых центров, свидетельствуют об очевидной связи с урбанонимами, то используемые при их создании принципы номинации, указывают на связь с рекламными именами. В уже упоминавшейся выше статье «Нейминг ТЦ: Как корабль назовешь...» авторы приводят мнение управляющего партнера компании Delta estate Елены Земцовой, которая отметила, что «нейминг играет важнейшую роль в развитии и успешном продвижении. Хорошее название ТЦ и благоприятные ассоциации с ним имеют большое значение для успеха и работают на протяжении всего существования проекта, делая его узнаваемым и привлекая покупателей. Еще на этапе строительства профессионально продуманное название привлекает внимание потенциальных покупателей и арендаторов. Имя ТЦ напрямую связано с узнаваемостью. Нейминг решает одну из основных задач маркетинга – создает положительный имидж» [Нейминг ТЦ].

Рекламный характер названий торговых центров особенно хорошо заметен в онимах при анализе принципов номинации объектов. Мы провели подобное исследование на примере двух

городов Ярославской области – Рыбинска и Ярославля. На долю идентифицирующего принципа номинации приходится 45 % (13 онимов) в Рыбинске и 37 % (30 онимов) в Ярославле, в то время как символический и условно-символический принципы номинации суммарно составляют 55 % (16 онимов) в Рыбинске и 63 % (52 онима) в Ярославле.

Среди условно-символических названий преобладают онимы, подчеркивающие большие размеры торговых комплексов и центров: ТРЦ «Аура» (Ярославль), ТЦ «Громада» (Москва), ТЦ «Гранд Сити» (Москва), ТЦ «Глобал Сити» (Москва), ТРК «Мегаполис» (Москва), ТЦ «Мир» (Уфа), ТЦ «Универ Сити» (Москва), ТЦ «XL» (Москва), ТЦ «Город» (Москва), ТРЦ «Континент» (Санкт-Петербург), ТЦ «Космос» (Рыбинск, Ярославль) и т. д. Во многих перечисленных названиях происходит метафорическое уподобление торгового центра городу, континенту, миру в целом. Размеры торговых центров часто подчеркиваются с помощью прецедентных имен, ассоциирующихся с чем-то большим: универмаг «Ниагара» (Рыбинск, Ярославль; Ниагара – крупная река в Северной Америке), ТРЦ «Альтаир» (Ярославль; Альтаир – крупная звезда), ТРЦ «Рио» (Москва, Иваново, Ярославль; Рио-Жанейро – один из крупнейших городов мира) и т. д.

Названия торговых центров могут метафорически или метонимически указывать и на различные характеристики объекта:

– внешний вид: ТЦ «Подсолнухи» (Москва) – на стенах зданий комплекса нарисованы подсолнухи; ТК «Розовый» – стены здания окрашены в розовый цвет (Тутаев), ТЦ «Яркий» (Ярославль) – стены здания имеют яркую окраску, ТРЦ «Шоколад» (Ярославль) – стены окрашены в коричневый цвет и т. п.;

– конструктивные особенности: ТЦ «Арка» (Москва) – здание построено в форме арки, ТЦ «Фараон» (Ярославль) – здание построено в форме пирамиды, ТК «Лабиринт» – здание имеет сложную систему ходов (Ярославль), ТЦ «Лайнер» (Пермь) и ТРК «Флагман» (Ярославль) – здания напоминают большие океанские корабли; и т. п.;

– специализацию торгового центра: ТЦ «Электронный рай» (Москва);

– большой ассортимент товаров: ТЦ «Миллион мелочей» (Москва), ТЦ «1000 вещей» (Москва), ТК «1000 мелочей» (Тутаев);

– местоположение: ТЦ «Фабрикантъ» – ранее в здании располагалась кондитерская фабрика (Рыбинск); ТРЦ «Эпицентр» – здание располагается в центре города (Рыбинск).

Широко распространены среди названий торговых центров онимы с **символическим принципом номинации**.

При создании символических названий торговых центров часто используются апеллятивы, не имеющие с точки зрения потребителя устойчивой связи с тем объектом, для наименования которого они использованы. Примерами подобных онимов могут служить такие названия, как ТК «Автограф» (Ярославль), ТЦ «Акварель» (Рыбинск), ТЦ «Бум» (Москва), ТЦ «Компас» (Ярославль), ТЦ «Корсар» (Рыбинск), торгово-универсальный комплекс «Тук-Тук» (Москва), ТК «Трамплин» (Москва), ТЦ «Экватор» (Ретувов) и др. Например, торговый комплекс «Автограф» (Ярославль) первоначально включал четыре объекта: автомагазин, спортивный магазин, магазин электроники и банк, при этом ни один из этих объектов напрямую не ассоциируется со словом, вынесенным в название торгового комплекса. На выбор владельцем собственного имени для этого центра, возможно, повлияло совпадение букв в слове *автограф* и в словах *автовокзал* (объект расположен в этом же здании) и *автомагазин* (объект расположен в здании торгового центра).

При создании символических названий торговых центров могут использоваться различные типы прецедентных имен собственных: ТЦ «Аркадия» (Москва), торговая галерея «Акрополь» (Москва), ТЦ «Акрополь» (Калининград), ТК «Альбион» (Рыбинск), ТЦ «Вегас» (Ярославль), галерея «Версаль» (Москва), ТЦ «Гермес» (Москва), ТЦ «Икар» (Ярославль), ТЦ «Колизей» (Пермь, Рыбинск), ТК «Меркурий» (Санкт-Петербург), ТЦ «Олимп» (Москва, Ярославль), ТК «Три медведя» (Москва) и т. д.

Если условно-символические и символические онимы сближают названия торговых центров с рекламными именами, то названия, построенные по **идентифицирующему принципу номинации**, отсылают нас к классическим урбанонимам.

Одним из основных мотивов создания названий торговых центров является указание на их местоположение, подчеркивание связи с каким-либо географическим объектом, расположенным в самом населенном пункте или рядом с ним.

Нами выделены следующие типы подобных названий:

– онимы, образованные от наименований населенного пункта, в котором расположен торговый центр: ТРЦ «Ярославский Вернисаж» (Ярославль); ТЦ «Омский» (Омск) и т. д.;

– онимы, образованные от названия линейного или точечного городского объекта: ТЦ «Гагаринский» ← улица Гагарина (Ярославль), ТЦ «На Ивантеевской» ← улица Ивантеевская (Москва), ТЦ «Рублевский» ← Рублевское шоссе (Москва), ТЦ «На Страстном» ← Страстной бульвар (Москва), ТЦ «Сенная площадь» (Рыбинск) и т. д.;

– онимы, образованные от названия района: ТЦ «Электроника на Пресне» (Москва), ТК «Брагинский» ← микрорайон Брагино (Ярославль) и т. д.;

– онимы, образованные от названия станции метро: ТЦ «Кантемировский» ← станция «Кантемировская» (Москва), ТЦ «Щелчок» ← станция «Щелковская» (Москва), ТК «Каховка» ← станция «Каховская» (Москва), ТК «Модный стадион» ← станция «Водный стадион» (Москва), ТРЦ «Байконурский» ← станция «Байконурская» (Санкт-Петербург) и т. д.;

– онимы, образованные от наименования значимого городского объекта: ТК «Галерея Аэропорт» ← рядом расположен городской аэровокзал (Москва); ТЦ «Галерея Актер» ← когда-то в этом здании располагался Дом Актера (Москва) и т. д.

Другим распространенным способом создания названия торгового центра является сохранение прежнего имени собственного, когда-то закрепленного за данным объектом.

Большинство магазинов, построенных в советское время, после 1992 г. были перепрофилированы в торговые центры, то есть их территории были поделены между самостоятельными арендаторами, но исторические названия магазинов были сохранены, так как были хорошо известны горожанам. Примером подобных названий могут служить следующие эргонимы: ТЦ «Мир» ← ТЦ «Книжный мир» ← магазин «Книжный мир» (Рыбинск), ТК «Русь» ← магазин «Русь» (Рыбинск), ТЦ «Уют» ← магазин «Уют» (Рыбинск), и т. д.

Названия торговых центров могли сохранить прежние онимы и в том случае, если комплекс возник на месте неторгового объекта: ТК «Волга» ← гостиница «Волга» (Ярославль), ТЦ «Европа» ← гостиница «Европа» (Ярославль), ТЦ

«Победа» ← кинотеатр «Победа» (Ярославль), ТЦ «Садко» ← ресторан «Садко» (Рыбинск), ТК «Североход» ← фабрика «Североход» (Ярославль) и т. д.

6. Заключение

Проведенный нами анализ показал, что названия торговых центров относятся к урбанонимам и такой их разновидности, как ойкодомонимы, поскольку обозначают топографические объекты, четко отграниченные на земной поверхности. Ойкодомонимические термины, используемые при создании подобных имен собственных, также указывают на топонимический статус данных онимов.

Идентифицирующие названия сближают названия торговых центров с традиционными урбанонимами, а символические и условно-символические – с рекламными именами. В то же время стремление метафорически и метонимически отразить в ониме его особенности также приближает названия торговых центров к городской топонимии.

Развитие группы названий торговых центров, несомненно, будет продолжаться, поэтому необходим ее дальнейший анализ, разработка принципов создания подобных имен собственных.

Библиографический список

1. Баженова И. А. Урбанонимы города Екатеринбурга (на примере названий торгово-развлекательных центров) // Человек в мире культуры. 2014. № 4. С. 36–39.
2. Врублевская О. В. Языковая мода в урбанонимии (на примере названий жилых комплексов) // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 4. С. 163–170.
3. Выходцева М. Я. Названия жилых комплексов на ономастической карте города // Ономастика Поволжья: мат-лы X междунар. конф. Уфа, 2006. С. 123–125.
4. Горяев С. О. Новые ойкодомонимы в авторской мотивировке // Ономастика Поволжья: мат-лы XVIII Междунар. науч. конф. Т. 2. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. С. 107–112.
5. ГОСТ Р 51303-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 28.08.2013 N 582-ст) (ред. от 30.09.2022). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&nd=eIZIQ&base=LAW&n=438499#5Yy6UAUJfDBgecy> (дата обращения: 15.02.2024)
6. Дьякова Н. С. Ономаσιологический анализ наименований жилых домов и жилищных комплексов Череповца // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6. С. 87–90.

7. Казакова Л. А. Учебное пособие по «Архитектуре торговых центров» по дисциплине «Архитектурное проектирование». Москва : МАРХИ, 2014. 42 с.

8. Копоть Л. В., Архипова И. В. К вопросу о происхождении номинаций мегаторговых центров Кубани: социолингвистический аспект // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы : Сб. мат-лов XI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, проф. Р. Ю. Намитоковой, Майкоп, 20–23 декабря 2017 г. Майкоп : Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 273–277.

9. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград : Перемена, 2004. 288 с.

10. Куров А. С. О мотивированности названий торговых центров города Ярославля // Культура. Литература. Язык : мат-лы 72-ой междунар. науч. конф. «Чтения Ушинского», Ярославль, 01–02 марта 2018 г. Ярославль : РИО ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2018. С. 12–16.

11. Минец Д. В., Горбачева В. А. Язык промышленного города (на материале эмпоронимии г. Череповца) // Современная социокультурная среда города и региона : Мат-лы Междунар. российско-армянской конф., Череповец, 16 ноября 2017 года. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2018. С. 114–119.

12. Нейминг ТЦ: как корабль назовешь... // SAM. 2014. №8. С. 8–12

13. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1988. 192 с.

14. Разумов Р. В. Названия торговых центров как разновидность эргонимов // Проблемы общей и региональной ономастики : Мат-лы VI Всерос. науч. конф., Майкоп, 22–24 мая 2008 г. Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2008. С. 226–229.

15. Разумов Р. В., Горяев С. О. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами // Научный диалог. 2018. № 9. С. 76–97.

16. Резанков А. В. Названия современных жилых домов в лингво-прагматическом аспекте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Вып. 3. С. 266–270.

17. Романова Т. П. Наименования жилых комплексов как особый тип рекламного имени // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2. С. 99–106.

18. Сажина В. Э., Савицкая Ю. В. Этнические маркеры в нейминге (на примере г. Сыктывкар, Республика Коми) // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2020. №2. С. 306–310.

19. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Москва : Русский язык, 1985–1988. (МАС).

20. Соколова Т. П. Проблемы нейминга и нейминговая экспертиза (на примере названий жилых комплексов) // Русский язык и литература в пространстве

мировой культуры : Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 8. Гранада : Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2015. С. 291–295.

21. Соколова Т. П. Тенденции эргонимической номинации // Ономастика Поволжья : сб. мат-лов XII Междунар. науч. конф. Казань, 2010. С. 364–367.

22. Торговые центры Рыбинска. URL: https://www.yell.ru/yaroslavl/top/torgovye-tsentry/gorod_ryibinsk/?page=1 (дата обращения 01.02.2024).

23. Торговые центры Ярославля. URL: <https://www.yell.ru/yaroslavl/top/torgovye-tsentry/> (дата обращения 01.02.2024).

24. Федотовских Т. Г. Коммерческая номинация объектов недвижимости как инструмент формирования имиджа Екатеринбурга // Коммуникативные исследования. 2015а. №3. С. 116–126.

25. Федотовских Т. Г. Роль нейминга городских объектов в поликультурном развитии современного общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2015б. № 15. С. 99–103.

Reference list

1. Bazhenova I. A. Urbanimy goroda Ekaterinburga (na primere nazvanij torgovo-razvlekatel'nyh centrov) = Urbanonyms of Ekaterinburg (the names of shopping and entertainment centers) // Chelovek v mire kul'tury. 2014. № 4. S. 36–39.

2. Vrublevskaia O. V. Jazykovaja moda v urbanimii (na primere nazvanij zhilyh kompleksov) = Language fashion in urbanonymy (based on the names of residential complexes) // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniia. 2016. № 4. S. 163–170.

3. Vyhodceva M. Ja. Nazvaniia zhilyh kompleksov na onomasticheskoj karte goroda = Names of residential complexes on the onomastic map of the city // Onomastika Povolzh'ja: mat-ly N mezhdunar. konf. Ufa, 2006. S. 123–125.

4. Gorjaev S. O. Novye oikodomonimy v avtorskoj motivirovke = New oikodomonims in author's motivation // Onomastika Povolzh'ja : mat-ly XVIII Mezhdunar. nauch. konf. T. 2. Kostroma : Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 107–112.

5. GOST R 51303-2013. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Torgovlja. Terminy i opredelenija = The National Standard of the Russian Federation. Trade. Terms and definitions (utv. Prikazom Rosstandarta ot 28.08.2013 N 582-st) (red. ot 30.09.2022). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&nd=eIZIQ&base=LAW&n=438499#5Yy6UAUJfDBgecyC> (data obrashhenija: 15.02.2024)

6. D'jakova N. S. Onomasiologicheskij analiz naimenovanij zhilyh domov i zhilishhnyh kompleksov Cherepovca = Onomasiological analysis of residential buildings and housing complexes names in Cherepovets // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 6. S. 87–90.

7. Kazakova L. A. Uchebnoe posobie po «Arhitekture torgovyh centrov» po discipline «Arhitekturnoe proek-

tirovanie» = Textbook on «Architecture of shopping centers» in the course of «Architectural design». Moskva : MARHI, 2014. 42 s.

8. Kopot' L. V., Arhipova I. V. K voprosu o proshozhdenii nominacij megatorgovyh centrov Kubani: sociolingvisticheskiy aspekt = On the origin of nominations of Kuban mega shopping centers: sociolinguistic aspect // Russkiy jazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Juga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy : Sb. mat-lov XI Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. pamjati Zasluzhennogo dejatel'ja nauki Adygei i Kubani, prof. R. Ju. Namitokovoj, Majkop, 20–23 dekabrja 2017 g. Majkop : Izd-vo «Magarin O.G.», 2017. S. 273–277.

9. Krjukova I. V. Reklamnoe imja: ot izobretenija do precedentsnosti = Advertising name: from invention to precedence. Volgograd : Peremena, 2004. 288 s.

10. Kurov A. S. O motivirovannosti nazvanij torgovyh centrov goroda Jaroslavlja = On the motivation of shopping center names in the city of Yaroslavl // Kul'tura. Literatura. Jazyk : mat-ly 72-uj mezhdunar. nauch. konf. «Chtenija Ushinskogo», Jaroslavl', 01–02 marta 2018 g. Jaroslavl' : RIO JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2018. S. 12–16.

11. Minec D. V., Gorbacheva V. A. Jazyk promyshlennogo goroda (na materiale jemporonimii g. Cherepovca) = The language of an industrial city (Cherepovets emporonyms) // Sovremennaja sociokul'turnaja sreda goroda i regiona : Mat-ly Mezhdunar. rossijsko-armjanskoy konf., Cherepovec, 16 nojabrja 2017 goda. Cherepovec : Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 114–119.

12. Nejming TC: kak korabl' nazovesh'... = Shopping center naming: what shall we call the ship... // SAM. 2014. №8. S. 8–12

13. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii = The dictionary of onomastics terminology. Moskva : Nauka, 1988. 192 s.

14. Razumov R. V. Nazvanija torgovyh centrov kak raznovidnost' jergonimov = Names of shopping centers as a kind of ergonyms // Problemy obshhej i regional'noj onomastiki : Mat-ly VI Vseros. nauch. konf., Majkop, 22–24 maja 2008 g. Majkop : Adygejskij gosudarstvennyj universitet, 2008. S. 226–229.

15. Razumov R. V., Gorjaev S. O. Nazvanija zhilyh kompleksov: mezhdur urbanonimami i reklamnymi imenami = Names of residential complexes: between urbanonyms and advertising names // Nauchnyj dialog. 2018. № 9. S. 76–97.

16. Rezenkov A. V. Nazvanija sovremennyh zhilyh domov v lingvo-pragmaticheskom aspekte = Names of

modern residential houses in the linguistic and pragmatic aspect // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2009. Vyp. 3. S. 266–270.

17. Romanova T. P. Naimenovanija zhilyh kompleksov kak osobyj tip reklamnogo imeni = Names of residential complexes as a special type of advertising name // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2. S. 99–106

18. Sazhina V. Je., Savickaja Ju. V. Jetnicheskie markery v nejminge (na primere g. Syktyvkar, Respublika Komi) = Ethnic markers in naming (the example of Syktyvkar, Komi Republic) // Vestnik molodyh uchenyh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tehnologii i dizajna. 2020. №2. S. 306–310.

19. Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. = The Dictionary of the Russian language: in 4 vols. / pod red. A. P. Evgen'evoj. 3-e izd., stereotip. Moskva : Russkiy jazyk, 1985–1988. (MAS).

20. Sokolova T. P. Problemy nejminga i nejmingovaja jekspertiza (na primere nazvanij zhilyh kompleksov) = Problems of naming and naming expertise (the case of residential complex names) // Russkiy jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury : Materialy XIII Kongressa MAPRJaL. T. 8. Granada : Mezhdunarodnoe nekommercheskoe partnerstvo prepodavatelej russkogo jazyka i literatury «MAPRJaL», 2015. S. 291–295.

21. Sokolova T. P. Tendencii jergonimicheskoj nominacii = Trends of ergonymic nomination // Onomastika Povolzh'ja : sb. mat-lov III Mezhdunar. nauch. konf. Kazan', 2010. S. 364–367.

22. Torgovye centry Rybinska = Rybinsk shopping centres. URL: https://www.yell.ru/yaroslavl/top/torgovye-tsentry/gorod_ryibinsk/?page=1 (data obrashhenija 01.02.2024).

23. Torgovye centry Jaroslavlja = Yaroslavl shopping centres. URL: <https://www.yell.ru/yaroslavl/top/torgovye-tsentry/> (data obrashhenija 01.02.2024).

24. Fedotovskih T. G. Kommercheskaja nominacija ob#ektov nedvizhimosti kak instrument formirovanija imidzha Ekaterinburga = Commercial nomination of real estate objects as a tool for shaping the image of Ekaterinburg // Kommunikativnye issledovanija. 2015a. № 3. S. 116–126.

25. Fedotovskih T. G. Rol' nejminga gorodskih ob#ektov v polikul'turnom razvitii sovremennogo obshhestva = The role of urban objects naming in multicultural development of the modern society // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015b. № 15. S. 99–103.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 05.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 27.04.2024; approved after reviewing 05.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 80
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-103
EDN: QEAVPO

**Наименования оружия в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи»:
состав, семантика, функции**

Фения Фарвасовна Фархутдинова^{1✉}, Киеу Ань Ву²

¹Доктор филологических наук, профессор центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

²Аспирант центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

¹fenfar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0992-1864>

²anhvu.bk@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0007-6294-4065>

Аннотация. В художественном произведении появление слов-названий оружия, как и упоминание о нем, имеет определенные цели и выполняет важные задачи, когда оружие становится частью хронотопа, где разворачиваются дальнейшие события, важной деталью в характеристике героя (персонажа), его внешнего вида или его поведения. Нередко оно включается в сюжет произведения, предопределяя судьбы героев. Оружейная лексика – слова-названия оружия (сабля, пашка, револьвер), его деталей (курок), производимые с помощью оружия действия (стрелять) или их отглагольные дериваты (выстрел) – позволяет писателю параллельно с основной темой произведения вести оружейную тему, которая дает возможность по-новому увидеть содержание и смысл многих рассказов, понять их структуру и охарактеризовать социокультурную составляющую. Именно такой подход к оружейной теме можно наблюдать в рассказах И. А. Бунина.

Небольшой по объему материал – 17 лексем, входящих в состав семантического поля ОРУЖИЕ, – позволяет автору показать важность роли оружия в повседневной жизни того русского мира, который изображал писатель. В большинстве случаев Бунин использует оружейную лексику в номинативной функции и показывает обыденность применения самих артефактов их обладателями. Без оружия невозможна жизнь дворянской усадьбы и русского офицерства. Оружие выступает как средство наказания непослушных или давления на них, способ защиты от хищных зверей. Его используют как средство давления и ценят его эстетическую сторону. В некоторых случаях оружейная лексика содержит коннотативные семы, благодаря чему писатель показывает чуткость русского человека к семантическим различиям слов-синонимов.

И. А. Бунин показывает читателю, что в жанре рассказа действуют свои законы, отличающиеся от законов драматургии.

Обращение с оружием как средством убийства универсально и свойственно представителю любого этноса и любой культуры. Оружие несет в себе смертельную опасность для живого, отнимая жизни одних и ломая судьбы других. Каждый выстрел оставляет свой след: убитое из азарта животное или застреленный из ревности человек вызывают ответное наказание – судебное или Божье. Так, анализ оружейной тематики рассказов И. А. Бунина, проведенный под лингвокультурологическим углом, позволяет понять философию писателя.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ; рассказ; И. А. Бунин; оружейная лексика; оружейная тема; функция слова в тексте; жанровые особенности употребления слова

Для цитирования: Фархутдинова Ф. Ф., Киеу Ань Ву Наименования оружия в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи»: состав, семантика, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 103–114. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-103>. <https://elibrary.ru/QEAVPO>

Original article

Names of weapons in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues: structure, semantics, functions

Fenia F. Farkhutdinova^{1✉}, Kieu Anh Vu²

¹Doctor of philological sciences, professor, center for russian studies and international education, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Yermak str., 39

²Postgraduate student at the center for russian studies and international education, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Yermak str., 39

© Фархутдинова Ф. Ф., Киеу Ань Ву, 2024

¹fenfar@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-0992-1864>

²anhvu.bk@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0007-6294-4065>

Abstract. The names of weapons in a literary work, as well as their mentioning, have certain purposes and perform important tasks, when weapons become a part of the chronotope, where the plot unfolds, and an important detail in characterizing the hero (character), their appearance or behavior. It is often included in the story, predetermining the fate of the characters. Weapon vocabulary – names of weapons (Russian: сабля, шашка, револьвер), its parts (курок), actions performed with weapons (стрелять) or their verbal derivatives (выстрел) – allows the writer to parallel the main theme of the work with the weapon theme which helps to see the content and meaning of many stories in a new way, to understand their structure and to characterize their socio-cultural component. It is this approach to the weapon theme that can be observed in I. A. Bunin's stories. Not much material – 17 lexemes, which are part of the semantic field WEAPONS – allows the writer to show the important role of weapons in daily life of the Russian world, portrayed by the writer. In most cases Bunin uses weapon vocabulary in a nominative function and shows the routine use of the artifacts by their owners. The life of a noble family estate and Russian officers was impossible without weapons. Weapons act as a means of punishing the disobedient or pressuring them, a way of protection from wild animals. The aesthetic side of the weapons is also appreciated. In some cases, the weapon lexicon contains connotative senses, through which the writer shows the attention of the Russians to the semantic differences of synonyms. I. A. Bunin shows the reader that the genre of the story has its own laws that differ from the laws of drama.

The use of weapons as a means of killing is universal and characteristic of any ethnic group and culture. Weapons are deadly to the living, taking the lives of some and breaking the fates of others. Every shot leaves its mark: an animal killed out of excitement or a man shot out of jealousy triggers retaliatory punishment – judicial or God's. Thus, the analysis of the weapons theme of Bunin's stories, conducted from a linguistic and cultural point of view, helps to understand the writer's philosophy.

Key words: linguistic and cultural analysis; short story; Ivan Bunin; weapon vocabulary; weapon concept; word function in the text; genre features of using the word

For citation: Farhutdinova F. F., Kieu An Vu Names of weapons in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues: structure, semantics, functions. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2024;(2):103–114. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-103>. <https://elibrary.ru/QEAVPO>

Введение

Цикл рассказов «Темные аллеи» И. А. Бунина изучен с разных точек зрения. Исследователей интересует поэтика и стилистика цикла [Щербицкая, 2008], своеобразие жанра и композиции произведения [Хунарикова, Бачалова, 2015], тема любви [Хусаинов, 2014; Богданова, 2017], особенности художественного хронотопа [Брага, 2013], интертекстуальность [Панченко 2018; Пономарев 2018], гендерная роль персонажей [Руденко, 2021] и другие аспекты. Особенно активно изучались концепты русской культуры, вербализованные средствами языка (*любовь, смерть, дом, усадьба* [Богданова, 2019; Лебедева, 2002], *природа, цвет и свет, звуки и запахи* [Фиш 2009]), а также реалии русской жизни (*имя и портрет*) [Нгуен Тхи Тхыонг, 2014], *еда* [Маслова, Косякова, 2023]. Своё описание получили одежда героев [Фам Май Фьонг, 2020] и интерьер, городское и сельское пространство и др. Осталось незамеченным оружие, о котором есть несколько упоминаний в рассказах цикла.

Оружие считается одним из важнейших феноменов человеческой культуры. Оно рассматривается как очень многогранное явление. История возникновения оружия показывает, что оно

появилось для защиты человека в мире окружающей природы: ему надо было выжить и спасти себя от диких зверей, добыть себе пропитание, защитить от врага освоенную территорию. Изучение эволюции оружейного дела и производства оружия позволяет узнать историю человечества и прийти к закономерному выводу: оружие «глубочайшим образом сопряжено с сущностью человека» [Гуревич, 1994], поэтому любой из периодов в жизни человечества связан с применением оружия. По мнению культуролога В. И. Гамова, без оружия не решаются ни политические, ни правовые, ни ценностные, ни морально-нравственные, ни религиозные проблемы. С помощью оружия формируется и сохраняется государственность. Оно является символом власти и мощи (силы), что особенно отчетливо проявляется в ходе разнообразных конфликтов и боевых действий. Но оружие не только сила, но и красота, причем красота двоякая, проявляющаяся в его оформлении, с одной стороны, и в умении им пользоваться, с другой (фехтовать, стрелять, демонстрировать выучку, статность, ловкость и другие стороны физической подготовки). Это и позволило В. И. Гамову сказать о том, что «феномен оружия тесно связан с художественным сознанием», которое его эстетизирует и либо

рассматривает как что-то прекрасное, либо оценивает как нечто самое безобразное [Гамов, 1996].

Естественно предположить, что в художественном произведении появление оружия и даже упоминание о нем могут открыть оружейную тему, которая не бывает случайной: оружие становится частью хронотопа, важной деталью в характеристике героя (персонажа), его внешнего вида или его поведения [Заславский, 1997; Заславский 2021; Филатова, Ларин, 2018]. Нередко оно включается в сюжет произведения: сказочные и мифологические герои его ищут, борются со злом и побеждают [Фрезер, 2010; Пропп, 2000], литературные герои убивают своих врагов или соперников, защищают свою честь и достоинство.

В цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи» может быть выделена оружейная тема. Как представляется, она позволяет по-новому увидеть содержание и смысл многих рассказов, понять их структуру и охарактеризовать социокультурную составляющую.

Материал и методы исследования

Оружейная тема реализуется через использование в текстах рассказов слов, входящих в семантическое поле ОРУЖИЕ. Материалом для анализа послужили текстовые фрагменты со словами-названиями оружия, извлеченные методом сплошной выборки из рассказов цикла «Тёмные аллеи». Это небольшой круг слов, представленный семнадцатью (17) словоупотреблениями. К их числу отнесены гипероним *оружие*, названия видов холодного оружия *сабля, шашка, кинжал*, названия видов огнестрельного оружия *ружьё, винтовка, револьвер, пистолет, браунинг*, а также названия отдельных деталей оружия (*курок, дуло*) или оружейного снаряжения (*пуля*). Лексические единицы, служащие названиями предметов двойного назначения (*нож, ножичек*), анализу не подвергались, поскольку в текстах рассказов данные слова имеют именно орудийное значение, а не оружейное, что можно видеть в следующих примерах: «...*мать, родом какая-то княжна с восточной кровью, страдала чем-то вроде черной меланхолии. Выходила только к столу. Выйдет, сядет и молчит, покашливает, не поднимая глаз, и все перекладывает то нож, то вилку*» («Русья») [Бунин, 1966, с. 46], где *нож* – часть столового прибора, инструмент для резания, состоящий из лезвия и ручки (СУ. **Источник:** «Толковый словарь русского языка» под

редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940); (электронная **версия**): Фундаментальная электронная библиотека); «*Он что-то соскребаёт с полотна тонким ножичком <...>*» («Второй кофейник») [Бунин, 1966, с. 203], где *ножичек* – маленький ножик. Толковые словари в качестве иллюстрации этого значения приводят устойчивое словосочетание *перочинный ножик*.

В ходе анализа были использованы семантический, стилистический, лексикографический и элементы лингвокультурологического анализа.

Результаты исследования

Слово *оружие* И. А. Бунин использует лишь однажды – в рассказе «Антигона», когда описывает «удовольствия большого достатка», которые находятся в распоряжении отставного дяди-генерала и его жены. Показателями этого самого «большого достатка» становятся «легкая коляска на резиновом ходу, запряженная резвой караковой тройкой» и при ней «молодой кучер в синей поддевке-безрукавке и шелковой желтой рубахе», обширная усадьба, новый дом в два этажа, слуга в жилете и штиблетах, заносащий в дом вещи героя – молодого студента, чучело медведя, держащего в лапах бронзовое блюдо для визитных карточек, и внушительных размеров дядин кабинет «с огромным письменным столом, с огромной тахтой, покрытой туркестанскими тканями, с ковром на стене над ней, крест-накрест **увешанным восточным оружием**, с инкрустированными столиками для курения, а на камине с большим фотографическим портретом в палисандровой рамке под золотой коронкой, на котором был собственноручный вольный росчерк: Александр». («Антигона») [Бунин, 1966, с. 60]. Хорошо видно, что студент, приехавший погостить к дяде-генералу, видит и ощущает «большой достаток» в наличии таких важных для жизни вещей, как современные комфортные транспортные средства (коляска), новый двухэтажный дом и ухоженный сад, убранство помещений и комнат, наличие прислуги и её внешний вид. Составной частью этого достатка (можно предположить, обязательной частью) становится и восточное оружие как показатель высокого социального статуса владельца усадьбы и одновременно как элемент роскоши и декора. При этом вероятно и другое: хозяйка украсила стену дорогим оружием в память о годах службы генерала – как напоминание о военных кампаниях, в которых он участвовал. Предположение основано на том, что в рассказе «Антигона» оружейные артефакты выполняют

исключительно декоративную функцию (студент обратил внимание на оружие при первом посещении дядиного кабинета), а само слово *оружие* выполняет исключительно номинативную: оно используется для называния главных достопримечательностей богато убранного генеральского кабинета. Данное предположение совпадает с утверждениями историков, изучающих феномен российской усадьбы. «В барских особняках таились несметные, составленные несколькими поколениями просвещенных людей собрания книг, рукописей, картин, мебели, **оружия** (выделено авторами статьи), фарфора... Настоящие «сельские эрмитажи!»», – пишет С. Охлябинин [<https://www.booksite.ru/fulltext/ohly/abin/1.htm>].

Примерно так – как к сельскому эрмитажу – отнеся к новой усадьбе и к дядюшкиному кабинету и юноша-студент из рассказа «Антигона».

Помещичий дом – важнейшая часть дворянской усадьбы – всегда предполагал наличие в нем какого-либо оружия: холодного или огнестрельного или же того и другого одновременно. Использовалось оно с разными целями: для охоты, для защиты от диких зверей, для дуэлей, в годы крепостничества – для особых целей, например, для погони за беглецами.

О нравах помещиков-крепостников рассказывает героиня рассказа «Баллада». Машенька – маленькая сухенькая старушка-странница – в детстве была взята на услужение в господский дом. Тогда же она совершила *вояж* со своими господами в их дальнее поместье на юг России – в далекое задонское имение Крутые горы, увидела там в домовй церкви изображение волка господня и запомнила старинное предание, которое «на дворе ... слово в слово сказывали». В структуре этого предания, рассказываемого Машенькой, оружейная тема играет важную роль.

Случилась эта история «уж так-то давно», «еще при великой царице». С тех пор «все царства-государства прошли, все дубы от древности рассыпались, все могилки сровнялись с землей» [Бунин, 1966, с. 22]. Согласно преданию, старый князь провинился и впал в немилость великой царицы, потому и лютовал над своими рабами и предавался любовному блуду. Блуд, по словам Машеньки, состоял в том, что «не было ни на дворе у него (у старого князя – Ф. Ф., К. А. В.), ни по деревьям его ни одной девушки, какую бы он к себе, в свою сераль, на первую ночь не требовал» [Бунин, 1966, с. 22]. Но не только с крепостниками творил блуд старый князь. Возжелал он молодую жену своего сына, чего тот стерпеть

не смог и с женой тайком уехал из отцовского поместья. Отец пустился в погоню за беглецами. Машенька рассказывает так, будто своими глазами эту погоню видела: «*Ночь, мороз несказанный, аж кольцо округ месяца лежит, снегов в степи выше роста человеческого, а ему (старому князю – Ф.Ф., К. А. В.) все нипочем: летит, весь увешанный саблями и пистолетами, верхом на коне, рядом со своим любимым доезжачим, и уж видит впереди тройку с сыном. Кричит, как орел: **стой, стрелять буду!** А там не слушают, гонят тройку во весь дух и пыл. **Стал** тогда старый князь **стрелять** в лошадей и **убил** на скаку сперва одну пристяжную, правую, потом другую, левую, и уж хотел коренника **свалить**, да глянул вбок и видит: несется на него по снегам, под месяцем, великий, небывалый волк, с глазами, как огонь, красными и с сияньем округ головы! Князь давай **палить** и в него, а он даже глазом не моргнул: вихрем нанесся на князя, прынул к нему на грудь - и в единый миг **пересек** ему кадык клыком» («Баллада» [Бунин, 1966, с. 22]. Не допустил Господь греха и покарал старого князя. Оружие князя – сабли да пистолеты – в этом повествовании выполняет свою главную функцию: используется для борьбы со своими врагами – людьми или зверями. Старый князь *стреляет в лошадей, убивает* на скаку одну из них (*пристяжных* – лошадей, которые запряжены сбоку от оглобелей для помощи кореннику), *хочет свалить коренника* – среднюю лошадь в тройке, ту, что запряжена в оглобли, а потом начинает *палить* в «небывалого волка», «с глазами, как огонь, красными и с сияньем округ головы». Глаголы *стрелять* и *палить* имеют общие семы в значении. Не случайно они оцениваются как синонимы: **стрелять** 1. вести огонь, бить; палить, бухать, бахать, бабахать (*разг.*); пулять, садить, долбать, долбить (*прост.*) /из автоматич. оружия: строчить (*разг.*) [Александрова, 1993, с. 487]. Объединяет эти глаголы синонимы общего значения – производить выстрелы*

(<https://kartaslov.ru/значение-слова/стрелять>), различия кроются в оттенках значения глагола *палить*. *Палить* – это стрелять (из пушек, ружей и т. п.), а также стрелять *залпами* (МАС) или стрелять *часто*. (ТСУ). Кроме того, *стрелять* и *палить* различаются стилиевой отнесенностью: первое слово является нейтральным, тогда как второе принадлежит разговорному стилю. Они различаются и с точки зрения историко-временной характеристики: первое слово является словом активного словаря, второе мо-

жет быть охарактеризовано как устаревшее, о чем свидетельствует помета *устар.* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Итак, *палить* – это производить частые выстрелы, в том числе выстрелы залпами. Как можно предположить, стреляют и палят, чтобы убить, предупредить о чем-то или что-либо потребовать. Вспомним у А. С. Пушкина: *Пушки с пристани палят – кораблю пристать велят. Велеть* – это приказать, что отмечено всеми толковыми словарями русского языка. В предании, рассказанном Машенькой, старый князь хладнокровно, прицельно *стреляет* в коней, запряженных тройкой, и убивает двух из них, тогда как в волка он *палит*, то есть стреляет безрассудно и безрезультатно: это волк убил князя, потому что *пересек*, то есть рассек надвое (МАС) ему кадык клыком. В рассказе «Баллада» оружейная тема позволяет сделать образ старого князя ярче: он не только развратен и самолюбив, азартен и жесток ко всем – даже по отношению к близким, но он и в хорошей физической форме: ведь это он застрелил темной лунной ночью двух лошадей и готов был расправиться с третьей, но небывалый волк Господень помешал. Но оружейная тема позволяет писателю показать и Машеньку человеком точно чувствующим семантику и стилистику русского слова, бережно передающего старинную историю младшим современникам. Для Бунина-писателя это очень важно.

Герой рассказа «Таня», наезжавший время от времени в поместье тетки, однажды перед возвращением в Москву отправился на охоту. Бунин пишет: «В тот день, на прощанье с деревней, он с утра до вечера ездил верхом *с ружьем* за плечами и с гончей собакой по пустым полям и голым перелескам, ничего не нашел и вернулся в усадьбу усталый и голодный...» [Бунин, 1966, с. 92]. Это ружье, как и другое, из рассказа «Муза», предназначалось именно для охоты, а не для убийства другого человека. Муза Граф – любимая женщина героя, его гражданская жена – исчезла из поместья во время его поездки в город. Чем дальше нет Музы, тем больше героя охватывают волнение и растерянность. Он так описывает свое состояние: *Часов в десять, не зная, что делать, я надел полушубок, взял зачем-то ружье и пошел по большой дороге к Завистовскому* (ближайшему соседу, жившему неподалеку – Ф.Ф., К. А. В.), *думая: «Как нарочно, и он не пришел нынче, а у меня еще целая страшная ночь впереди! Неужели правда уехала, бросила? Да нет, не может быть!»*. Наречие *зачем-то*

имеет значение «с какой-то целью, для чего-то» (МАС <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/08/ma159414.htm?cmd=0&istext=1>). В толковании значения присутствуют неопределенные местоимения *какой-то, для чего-то*. Данные слова указывают на то, что герой многое делает машинально, вероятно, по привычке. Герой не может предположить и объяснить себе, куда могла уйти его Муза. Зимней ночью он в одиночестве отправляется в путь, идет по дороге в пустынных полях, где могут встретиться волки. Именно поэтому он и берет с собой ружье. С этим ружьем он оказывается в усадьбе соседа и входит в его темный дом. Там-то герой и обнаруживает Музу, которая, как выясняется, бросила его ради соседа-помещика. Женщина уверена, что герой пришел убить её нового любовника. Она же сама готова принять пулю и даже требует, чтобы стреляли в нее. Но ружье не выстрелило ни в Музу, ни в Завистовского. Законы драматургии не сработали в жанре рассказа. «Муза» и «Таня» – рассказы, в которых все герои остались живы, хотя Бунин включает в сюжетную линию оружейную тему.

Оружейная тема показывает разное восприятие оружия и отношение к нему мужчин и женщин. Для рассказчика ружье – спутник и защитник, надежный друг в случае опасности, для Завистовского – просто часть внешнего облика человека, отправившегося ночью в путь, а для Музы – орудие убийства, мести за измену. Похожий женский взгляд на оружие Бунин показывает и в рассказе «Руся», где пистолет вплетается в сюжет произведения. С ним связана кульминация рассказа, описывающего события далекого лета, о котором вспоминает господин из вагона первого класса. Мать Руси – «какая-то княжна с восточной кровью» – единственная женщина в рассказах цикла «Темные аллеи», которая взяла в руки оружие и даже выстрелила из него. Она ранила своего соперника, но ранила его не пулей, а корпусом пистолета: юноша бросился отнимать пистолет из её рук, она «вырвалась, ударила его *пистолетом* в лоб, в кровь рассекла ему бровь, швырнула им в него» [Бунин, 1966, с. 52]. Выстрел из пистолета, который использовался мальчиком Петей как *пугач*, то есть игрушечный пистолет (МАС), становится формальной причиной расставания Руси и репетитора и поводом к позорному изгнанию молодого человека из поместья.

Другие хозяева огнестрельного оружия в рассказах Бунина – мужчины. Один из них убивает

себя, «защищая свою честь, честь мужа и офицера», когда понимает, что его репутация запятнана. Рассказ «Кавказ» завершается так: *Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи, он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов* (рассказ «Кавказ») [Бунин, 1966, с. 16]. Любопытно, что револьверы появились в последней фразе рассказа – до этого, описывая внешность этого офицера, Бунин не упоминает о его личном оружии: герой-любовник увидел из окна вагона мужа своей возлюбленной и «был поражен его высокой фигурой, офицерским картузом, узкой шинелью и рукой в замшевой перчатке, которой он, широко шагая, держал ее под руку» («Кавказ») [Бунин, 1966, с. 16]. В этом описании отсутствует какое-либо указание на оружие, хотя современные источники утверждают, что «штатным личным оружием офицеров в Русской Армии являлась офицерская драгунская шашка обр. 1881/1909 г. с темляком из серебряных нитей, 3-х линейный револьвер системы „Наган” обр. 1895 г.» [https://vk.com/wall-44693766_131360]. Но помимо штатного личного оружия офицер мог иметь «приобретенные на собственные средства револьверы и пистолеты следующих систем: пистолеты „Браунинг” кал. 9 мм, пистолеты „Борхард-Люгер” (более известные как «Парабеллум») кал. 9 мм, автоматический пистолет „Savage”, револьвер „Смит и Вессон русский”. При этом отпуск патронов для практических стрельб шёл только на револьверы „Наган”». [https://vk.com/wall-44693766_131360]. Офицер из рассказа «Кавказ» применил личное оружие для защиты своей чести и достоинства. Но, может быть, он просто не мог жить без своей жены? Не случайно же в начале рассказа она говорит: «...он на все способен при его жестоком, самолюбивом характере. Раз он мне прямо сказал: „Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!”». Героиня, очевидно, предполагала, что муж-офицер убьет её и её любовника, но офицер сам застрелился из двух револьверов. Остаётся только догадываться о причинах этого.

В рассказе «Пароход „Саратов”» оружейная тема появляется почти в самом начале. Бунин вводит её с помощью слова *шашка* – Рубящее и

колющее холодное оружие с длинным, слегка изогнутым клинком. (МАС) [https://kartaslov.ru/карта-слова/толкование/шашка]. Один из героев рассказа – офицер, спешащий на свидание и одевающийся по форме: в майский вечер денщик подает ему летнюю легкую шинель, фуражку и шашку. Сидя в пролетке, Павел Сергеевич (так зовут героя) вспоминает о завтраке в большой офицерской компании, о нескольких часах «непрерывного питья, куренья, смеха и болтовни», но после этого завтрака он поспал, и чувствует себя отлично, и его охватывает «счастливое чувство готовности на все что угодно», потому что «просто весна и всё отлично». С этим настроением Павел Сергеевич входит в квартиру любовницы, где ведет себя как дома: скидывает шинель и бросает фуражку, отстегивает шашку. Он весь в движении, легок, быстр, весел. Он готов исполнить любое желание возлюбленной. Он весело предлагает ей отправиться на прогулку и также весело соглашается остаться с ней дома, услышав её отказ. Он весело изумляется её словам о разрыве отношений с ним и пытается понять, почему она решила вернуться к прежнему любовнику и кем сам он был для неё всё время их близости: «временной игрушкой, забавой от скуки и одним из выгодных содержателей?». Веселость исчезла, когда она сказала, что подло с его стороны напоминать о том, что она его содержанка. Вот здесь Павел Сергеевич становится резким: «– Легче на поворотах! Выбирайте хорошио ваши выражения, как говорят французы!» Офицер и подлость – несовместимые для него понятия. Он носит шашку, которая символизирует офицерское достоинство. Бунин пишет: «Он встал, почувствовал новый прилив той готовности на все, с которой мчался на извозчике, прошелся по комнате, собираясь с мыслями, все еще не веря той нелепости, неожиданности, которая вдруг разбила все его радостные надежды на этот вечер» [Бунин, 1966, с. 215].

Он пытается обдумать сложившуюся ситуацию, убедиться в том, что она не шутит. Что двигало его действиями? Ревность, обида, разбитые надежды на этот вечер; чувство собственника, теряющего своё; её попытка ударить его? Он испытывает радостную решительность, когда слышит её слова, обращенные к служанке, чтобы та выпроводила его. Показателен последний диалог героев, когда в его руке уже был «скользкий, маленький, увесистый браунинг»:

«Она покосилась, скучно усмехнулась:

- Я не любительница мелодрам.
И бесстрастно повысила голос:
– Соня, подайте Павлу Сергеевичу шинель.
– Что-о?
– Ничего. Вы пьяны. Уходите.
– Это ваше последнее слово?
– Последнее.

И поднялась, оправляя разрез на ноге. Он шагнул к ней с радостной решительностью.

– Смотрите, как бы и впрямь не стало оно вашим последним!

– Пьяный актер, – сказала она брезгливо и, поправляя сзади волосы длинными пальцами, пошла из комнаты. Он так крепко схватил ее за обнажившееся предплечье, что она изогнулась и, быстро обернувшись с еще больше раскосившимися глазами, замахнулась на него. Он, ловко уклонившись, с едкой гримасой **выстрелил** [Бунин, 1966, с. 215].

Всего несколько минут прошло со времени появления Павла Сергеевича в квартире возлюбленной. Еще меньше времени было между репликой о сказанном ею слове (– *Это ваше последнее слово?* / – *Последнее*) и револьверным выстрелом! Павел Сергеевич в этот вечер всё делал быстро: быстро принимал решения и быстро приводил их в исполнение. Шашка, которая воспринималась офицерским сообществом как атрибут офицерского достоинства, не могла стать орудием убийства женщины. А вот «скользящий, маленький, увесистый **браунинг**», уместившийся на ладони офицера, а до этого мирно лежавший в заднем кармане брюк, **выстрелил** в женщину и убил её. Жизнь героя распалась на две части: *до* выстрела и *после* выстрела. Веселый, быстрый, молодой и очень свежий офицер с блестящими глазами стал арестантом, которого везут к месту ссылки на пароходе «Саратов»: голый до пояса, с коричневым от загара телом, с наполовину обритой головой, с босыми ногами в кандалах и с лихорадочным блеском в глазах. Любовь и смерть неожиданно оказываются рядом, если чувства берут верх над разумом и в ход идет огнестрельное оружие.

В последней фразе рассказа «Генрих» выясняется причина испорченного отдыха поэта Глебова: он ожидал приезда любимой женщины – Елены Генриховны – в Ниццу, ревновал, рисовал в воображении картины мести ей и её любовнику – австрийскому писателю, издателю и понял, что она не приедет. В газете, купленной по дороге в отель, он прочитал: «Вена. 17 декабря. Сегодня, в ресторане „Franzensring“ известный ав-

стрийский писатель Артур Шниглер **убил выстрелом из револьвера русскую журналистку и переводчицу многих современных австрийских и немецких новеллистов, работавшую под псевдонимом „Генрих“**». Глебов и предположить не мог, что Генрих была мертва ко времени его прибытия в Ниццу. И русский офицер (рассказ «Пароход „Саратов“»), и австрийский писатель (рассказ «Генрих») одинаково не готовы отпустить любимую женщину и идут на крайнюю меру – убийство. Убийство своей любовницы, но при этом чужой женщины, которая хочет самостоятельно осуществлять жизненный выбор и жить по зову своего сердца и своей любви.

В рассказе «Дубки» муж убивает *свою* женщину – собственную жену. По-настоящему шекспировские страсти кипят в этом небольшом рассказе. Рассказчик вспоминает годы своей молодости, когда он в чине гвардейского корнета получил отпуск и оказался в матушкином имении. Там он влюбился в жену деревенского старосты по имени Лавр. Лавр – рослый мужик «с кирпичным лицом в темно-красной бороде, из которого легко мог бы выйти атаман шайки муромских разбойников» был вдвое старше своей красавицы-жены Анфисы, внешне имевшей больше сходства «с испанкой, чем с простою русскою дворовой». Лавр ревнив и подозревает жену в измене. Знает о его характере и сама Анфиса, когда говорит о нем: «зорок, как орел, заметит что – убьет, рука не дрогнет!». Староста отправился с ночевкой в город, а Анфиса пригласила к себе молодого корнета. Во время свидания Лавр неожиданно вернулся домой, сославшись на сильную метель. Прошло уже много лет, но в памяти рассказчика очень ярко сохранился внешний облик сельского старосты в тот момент, когда он вошел в избу: «Признаюсь, живописен он был! Велик, плечист, туго подпоясан зеленой подпояской по короткому полушубку с цветными татарскими разводами, крепко обут в казанские валенки, кирпичное лицо горит с ветру, борода блестит тающим снегом, глаза – грозным умом...».

Лавру не понадобилось оружие, чтобы убрать своего соперника – молодого барина, офицера, находящегося в отпуске. Лавр выпроваживает его из своей избы и отправляет домой: «– *Уж и не знаю, сударь, как вы теперь доедете. А ехать вам давно пора, лошадь вашу всю снегом занесло, вся согнулась стоит... Уж не гневайтесь, что не выйду провожать – больно намаялся за день, да*

и жену весь день не видал, а есть у меня о чем с ней побеседовать...»

Без всякого оружия он наказал свою неверную жену: удавил её «своей зеленой подпояской», что была на его полушубке, и вздёрнул Анфису «на железном крюку в дверной притолке». Не хотела Анфиса умирать, ожесточенно сопротивлялась и боролась за свою жизнь: рвала Лавру бороду и выдирала из неё клочья, расцарапала мужнино лицо снизу доверху, повредила ему глаз, который сочился кровью. По этим приметам и поняли односельчане, что не «с расстройства ума» Анфиса удавилась, как Лавр им объяснил, а это он её удавил. За это и был бит плетьюми и сослан в Сибирь на каторгу.

В России, изображенной Буниным, помещики и военные имеют право на хранение и ношение оружия. Не так за границей, что показывает писатель в рассказах «Весной, в Иудее» и «Ночлег», заключающих цикл «Темные аллеи».

На востоке, в Иудее, где все напоминает о библейском прошлом и ветхозаветной истории – Иерусалим, Яфские ворота, «Улица царя Давида», «Водоем пророка Иезекииля», «Песнь песней», Суламифь, Вирсафия, жена Урия, в которую влюбился Давид, Содом и Гоморра – была весна. И та весна была для рассказчика «самой счастливой порой» его молодости. Находясь в экспедиции, он имел дела с бедуинами и посещал их стоянку.

Чтобы понять ключевые моменты данного рассказа, нужна справка из «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Евфрона. Словарь дает следующую характеристику бедуинам: *Натура у них корыстная, хищническая, вероломная; они сладострастны и мстительны до самозабвения, но в то же время трезвы, гостеприимны, даже самоотверженны, в особенности для близких им людей, и рыцарски вежливы* [https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/4134]. Бунинский рассказчик в своей истории любви подтверждает это.

Приехав в Иудею для подготовки к экспедиции в Содом и Гоморру, рассказчик-европеец знакомится с бедуином Айдом. Аид – шейх, который строго следовал принятым у бедуинов правилам этикета и соблюдал традиции, одна из которых – гостеприимство. Сам рассказчик очень точно передает все детали его первого приезда на бедуинскую стоянку и того, как бедуин Аид принял его: этикетные приветствия, рассадка гостей в шатре, приготовление угощения, прилюдное обсуждение вопросов, связанных с

работой экспедиции, и принятие решений. Законы гостеприимства шейхом Айдом были соблюдены: гость принят, накормлен в соответствии с традициями. Позднее Аид совершил ответный визит к европейцу и прибыл в Иерусалим верхом на коне, имея при себе винтовку и кинжал. Его поведение и внешний вид перекликаются с информацией из словаря Брокгауза и Евфрона: бедуины «превосходные наездники, ловкие охотники, необыкновенно искусны в бросании мяча» [https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/4134]. Но гость действовал без учета традиций и вёл себя по-европейски: стал часто приезжать на стоянку и – главное – самостоятельно решил вопрос об отношениях с племянницей Аида, которая поразила европейца красотой тела, лица и необыкновенным цветом губ. С ней он потом случайно встретился в Иерусалиме и за золотой фунт купил её любовь. Любовь закончилась так же быстро, как и началась. Вот что говорит о завершении истории рассказчик: *Недели через две, когда я уезжал от Аида и отъехал уже довольно далеко, сзади меня хлопнул выстрел – и пуля с такой силой ударила в камень передо мной, что он задымился. Я поднял лошадь вскачь, пригнувшись к седлу, – хлопнул второй выстрел, и что-то крепко хлестнуло мне под колено левой ноги. Я скакал до самого Иерусалима, глядя вниз на свой сапог, по которому, пенясь, лилась кровь... Дивлюсь до сих пор, как мог Аид два раза промахнуться. Дивлюсь и тому, откуда он мог узнать, что это я покупал козий сыр у нее* [Бунин, 1966, с. 257].

Вопросы заключения брака у мусульман – ответственность шейха. Хотя у бедуинов именно женщина выбирает себе мужа, оформляет брак и сообщает о нем именно шейх. Рассказчик нарушил традиции бедуинов и не обратился к шейху за помощью, когда влюбился в его племянницу. За это гость должен быть наказан. Мстительный Аид мог это сделать и, например, убить (зарезать) его, поскольку при нем всегда был кинжал. Но законы гостеприимства не позволили бедуину убить гостя-европейца, и Аид наказал его иначе: прострелил ему колено и сделал его калекой на всю оставшуюся жизнь.

Обратим внимание на то, что в тексте рассказа говорится о том, что *выстрел хлопнул, а пуля ударила в камень*. Изучая роль человеческого фактора в языке и его осмысление рядовым человеком, мы пришли к следующим наблюдениям. *Ружьё и пуля* связаны в нашем сознании. Эта связь прослеживается, например, в русской пого-

ворке *Не пуля, а человек человека из ружья убивает*. В поговорке четко реализуется мысль, что ружьё находится во власти человека и используется для того, чтобы убивать другого. А вот пуля не подчиняется человеку и не связана с его волей: её полёт – это как бы проявление её собственной «воли». Начало полёта пули связано с действиями человека, который спускает курок, приводя механизм в действие. А сама траектория полёта пули человеком не определяется, поэтому и конечный результат полёта пули непредсказуем. Именно поэтому мы предполагаем, что в поговорке *Не пуля, а человек человека из ружья убивает* смысл складывается из сем 'управляемость' и 'причина', реализуемых в компоненте *ружьё*, и 'неуправляемость' и 'следствие', представленных в компоненте *пуля*. В паре *ружьё – пуля* главенствующая роль принадлежит *ружьё*, так как оно осознаётся как орудие, действующее по воле человека [Киеу Ань Ву, Фархутдинова, 2021]. *Пуля* же в данном обороте, как и большинстве других, осмысливается как неуправляемый элемент огнестрельного оружия: *Стреляй в куст, бог (или: пуля) виноватого сыщёт; Дурак стреляет – бог пули носит; Пуля дура, а виноватого найдёт; Пуля, выпущенная из ружья, обратно не вернется; Не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле; Не всякая пуля по кости, иная и по кусту; Пуля дура: где ударит – ужалит; Куда пулю послал – туда и пошла; Пока пуля в ружье – твоя рука владыка; Виноватого найдет меткая, а не шальная пуля* и т. п. Но в этих поговорках *пуля* – активный элемент, который движется в поисках жертвы по своей или Божьей воле. Эту особенность восприятия действия пули можно объяснить рабочим механизмом ружья: в то время как ружьё всегда находится в руках человека и под его контролем, пуля летит от него с такой скоростью, что человеческие органы чувств не могут воспринимать её движение. Нередко пуля настолько свободна в своем полёте, что летит не в то место, которое изначально определялось стрелком. Конечно, свойства ружья и пули, отражённые в устойчивых оборотах, не являются объективными – они объясняются человеческим мировидением. Огнестрельное оружие воспринимается обществом как символ смерти и убийства. Не важен вид оружия (ружьё, винтовка, пистолет и т. д.): людям понятен механизм его действия и роль пули, которая несёт ранение или смерть. За всем этим скрыт человеческий фактор, так как ружьё само по себе не стреляет [Киеу Ань Ву, Фархутдинова, 2021].

Бунин показал, что в пользовании оружием (в его выборе и в мотивации применения) есть национально-специфичное, о чем европеец должен помнить всегда, если оказывается на востоке.

В рассказе «Ночлег» действие происходит в Испании. Путник-марокканец договаривается со старухой – хозяйкой постоялого двора – прислать ему на ночь девочку-сироту, старухину племянницу. Обольщение деньгами, попытка взять девочку силой не удалась, как не помогло и наличие револьвера и длинным дулом: девочку спас верный пес, который перегрыз горло марокканцу, когда тот пытался овладеть телом девочки. В данном случае представлен испанский вариант «Баллады»: животное оказывается сильнее огнестрельного оружия и вернее многих людей, даже близких по крови. Власть денег и оружия имеет свои границы, которые установлены любовью и заботой человека (девочки) и преданностью верного пса.

Заключение

Какие же стороны оружейной темы показал И. А. Бунин в рассказах цикла «Тёмные аллеи»? Несмотря на то, что количество словоупотреблений, связанных с оружием, невелико, писатель раскрыл оружейную тему широко и разнопланово.

Во-первых, он показал, что в российской культуре оружие – это важная составляющая повседневности в жизни определенных социальных групп и слоев общества. Холодным и огнестрельным оружием владели представители дворянства и офицерство. В дворянской усадьбе оружие применялось с разными целями: чтобы охотиться, защищаться от хищников, пугать птиц и других надобностей. Здесь же оно могло выполнять эстетическую функцию и служить для украшения интерьера.

Естественно, что при оружии были офицеры всех чинов, и, как выясняется, они носили огнестрельное оружие при себе (рассказы «Кавказ», «Пароход „Саратов“»).

Крестьянам иметь холодное и огнестрельное оружие не полагалось, что можно видеть в рассказе «Дубки».

Во-вторых, включение слов-названий оружия в текст рассказа не означает, что это оружие играет какую-либо роль в развитии описываемых событий. Так было в рассказе «Антигона». В рассказе «Муза» ружьё за спиной героя – деталь, которая характеризует его как личность, не способную бороться за свою любовь. И. А. Бунин

показывает своему читателю, что в жанре рассказа действуют свои законы, отличающиеся от законов драматургии.

В-третьих, обращение с оружием как средством убийства универсально. Убивает неверную любовницу герой рассказа «Пароход „Саратов”». То же самое делает австриец Шпиглер, застреливший Елену Генриховну («Генрих»). Писатель показал, что оружие может быть красивым и доставлять эстетическое удовлетворение. Оно является способом хранить память о прошлом и напоминать о нем (рассказ «Антигона»).

Но в обращении с оружием можно найти и этноспецифичные черты. Марокканец с его револьвером использует оружие для запугивания девочки, а бедуин Аид – для жестокой мести чужеземцу, который нарушил местные законы и злоупотребил гостеприимством местного населения.

В-четвертых, оружие несет в себе смертельную опасность для живого. Оно отнимает жизни одних и ломает судьбы других. Каждый выстрел оставляет свой след: убитое из азарта животное (рассказ «Баллада») или застреленный из ревности человек («Генрих», «Пароход „Саратов”») вызывают ответное наказание. Но оружие не всесильно: не случайно ни *господня волка* (рассказ «Баллада»), ни верную собаку Негру не тронули пули – эти животные сами наказали недобрых людей, вырвав им кадыки.

Библиографический список

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. 7-е изд. Москва, 1993.
2. Богданова О. А. Семиотика аллеи, «где кружат листья»: И. С. Тургенев, Н. С. Гумилев, И. А. Бунин // Усадьба и дача в русской литературе XIX–XX вв.: топика, динамика, мифология. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. С. 148–166.
3. Богданова О. В. О сущности любви: рассказ И. А. Бунина «Темные аллеи». Интеграция наук. 2017. № 1 (5). С. 5–9.
4. Брага Н. В. Особенности художественного хронотопа рассказа И. А. Бунина «Темные аллеи». Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (43). С. 65–68.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений в 9-ти т. Москва: Худ. лит., 1966. Т. VII.
6. Гамов В. И. Оружие как феномен культуры. Ростов н/д., 1996.
7. Дворянских гнезд заветные аллеи: Усадьба в русской поэзии / Сост., авт. вступ. ст. Л. И. Густова; худож. А. Б. Цирков. Москва: Книга, Б. г. (1994). 221 с.
8. Заславский О. Б. Двойная структура «Выстрела». Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 122–131.
9. Заславский О. Б. Еще раз о двойной структуре «Выстрела» А. С. Пушкина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31. Вып. 2. С. 276–282.
10. Киеу Ань Ву, Фархутдинова Ф. Ф. Феномены ружья и пуля в русских пословицах и поговорках // Русский язык и культура в международном образовательном пространстве. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Иваново, 2021. С. 96–104.
11. Лебедева Т. А. Мир дворянской усадьбы в творчестве И. А. Бунина 1920–1953 гг. Череповец, 2002. 187 с.
12. Маслова Е. Н., Косякова Е. Ю. Гастрономические образы и их функции в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Язык. Личность. Культура: сб. науч. статей по итогам Всероссийской с международным участием науч.-практич. конф., посвященной 175-летию И. Я. Яковлева и 65-летию присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева. Чебоксары, 2023. С. 192–197.
13. Нгуен Тхи Тхьонг. Имя и портрет в рассказе И. А. Бунина «Муза» (цикл «Темные аллеи»). Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2014. № 4. С. 41–44.
14. Охлябинин С. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. <https://www.booksite.ru/fulltext/ohly/abin/index.htm> (дата обращения 21.01.2024).
15. Панченко Т. Ф. Интертекстуальная основа рассказа И. А. Бунина «Темные аллеи». Филологические открытия. 2018. № 6. С. 202–212.
16. Пономарев Е. Р. Интертекст «Темных аллеи»: растворение новеллы в позднем творчестве И. А. Бунина. Новое литературное обозрение. 2018. № 2(150). С. 186–203.
17. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 2000. 336 с.
18. Руденко И. А. Изменение гендерной роли женщины в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2021. № 2 (20). С. 81–83.
19. Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва, 1981–1984. (МАС).
20. Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935–1940. (СУ).
21. Фам Май Фьонг. Наименования одежды в прозе И. А. Бунина в историко-лингвистическом аспекте. Воронеж, 2019. 22 с.
22. Филатова Д. А., Ларин С. А. Пушка, пистолет и кинжалы в драме А. Н. Островского «Бесприданница» // Научный диалог. 2018. № 7. С. 213–222.
23. Фиш М. Ю. Сенсорные коды поэтики цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Воронеж, 2009. 23 с.

24. Фрезер Д. Золотая ветвь. Москва : АСТ, 2010. 768 с.

25. Хунарикова П. Х., Бачалова И. Б. Своеобразие жанра и композиции в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 4 (6). С. 226–229.

26. Хусаинов Р. З. Тема любви в «Темных аллеях» И. А. Бунина // От века к веку: Книга. Литература. Коммуникация. Журналистика. Статьи и тезисы Международной науч.-практич. конф., посвященной памяти доктора филол. наук, проф. Веры Сергеевны Сиенко. Уфа, 2014. С. 209–213.

27. Чжан Ц. Особенности темы любви и смерти в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Наука. Технологии. Инновации. Сб. науч. трудов в 11 частях. Новосибирск, 2022. С. 546–548.

28. Щербицкая И. В. Стилистические особенности цикла И. А. Бунина «Темные аллеи». Махачкала, 2008. 23 с.

Reference list

1. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo jazyka = The dictionary of Russian synonyms. 7-e izd. Moskva, 1993.

2. Bogdanova O. A. Semiotika allei, «gde kruzhat listy»: I. S. Turgenev, N. S. Gumilev, I. A. Bunin = Semiotics of the avenue «where the leaves are circling»: I. S. Turgenev, N. S. Gumilev, I. A. Bunin // Usad'ba i dacha v russkoj literature XIX–XX vv.: topika, dinamika, mifologija. Moskva : IMLI RAN, 2019. S. 148–166.

3. Bogdanova O. V. O sushhnosti ljubvi: rasskaz I. A. Bunina «Temnye allei» = On the essence of love: I. A. Bunin's story Dark Avenues. Integracija nauk. 2017. № 1 (5). S. 5–9.

4. Braga N. V. Osobennosti hudozhestvennogo hronotopa rasskaza I. A. Bunina «Temnye allei» = Specifics of the literary chronotope in I. A. Bunin's story Dark Avenues // Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2013. № 1 (43). S. 65–68.

5. Bunin I. A. Sobranie sochinenij v 9-ti t. = Collected works in 9 vols. Moskva : Hud. lit., 1966. T. VII.

6. Gamov V. I. Oruzhie kak fenomen kul'tury = Weapons as a cultural phenomenon. Rostov n/d., 1996.

7. Dvorjanskij gnezd zavetnye allei: Usad'ba v russkoj poezii = Cherished alleys of noblemen's nests: The estate in Russian poetry / sost., avt. vstup. st. L. I. Gustova; hudozh. A. B. Cirkov. Moskva : Kniga, B. g. (1994). 221 s.

8. Zaslavskij O. B. Dvojnaja struktura «Vystrela» = The dual structure of The Shot // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 23. S. 122–131.

9. Zaslavskij O. B. Eshhe raz o dvojnnoj strukture «Vystrela» A. S. Pushkina = Once again about the dual structure of Pushkin's The Shot // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija. 2021. T. 31. Vyp. 2. S. 276–282.

10. Kieu An' Vu, Farhutdinova F. F. Fenomeny ruzh'jo i pulja v russkijh poslovicah i pogovorkah = The

phenomena of rifle and bullet in Russian proverbs and sayings // Russkij jazyk i kul'tura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ivanovo, 2021. S. 96–104.

11. Lebedeva T. A. Mir dvorjanskoj usad'by v tvorcestve I. A. Bunina 1920–1953 gg. = The world of the gentry estate in I. A. Bunin's works of 1920–1953. Cherepovec, 2002. 187 s.

12. Maslova E. N., Kosjakova E. Ju. Gastronomicheskie obrazy i ih funkcii v cikle rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = Gastronomic images and their functions in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues // Jazyk. Lichnost'. Kul'tura: sb. nauch. statej po itogam Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauch.-praktich. konf., posvjashhennoj 175-letiju I. Ja. Jakovleva i 65-letiju prisvoenija pedagogicheskomu universitetu imeni I. Ja. Jakovleva. Cheboksary, 2023. S. 192–197.

13. Nguen Thi Thyong. Imja i portret v rasskaze I. A. Bunina «Muza» (cikl «Temnye allei») = Name and Portrait in I. A. Bunin's story The Muse (the cycle Dark Avenues) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija. 2014. № 4. S. 41–44.

14. Ohljabinin S. Povsednevnaja zhizn' russkoj usad'by XIX veka = Everyday life of the XIX century Russian estate. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ohly/abin/index.htm> (data obrashhenija 21.01.2024).

15. Panchenko T. F. Intertekstual'naja osnova rasskaza I. A. Bunina «Temnye allei» = Intertextual basis of I. A. Bunin's story Dark Avenues // Filologicheskie otkrytija. 2018. № 6. S. 202–212.

16. Ponomarev E. R. Intertekst «Temnyh allej»: rastvorenje novelly v pozdnem tvorcestve I. A. Bunina = Intertext of «Dark Alleys»: the novella's dissolution in I. A. Bunin's later work // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 2(150). S. 186–203.

17. Propp V. Istoricheskie korni volshebnoj skazki = Historical roots of the fairy tale / nauchnaja redakcija, tekstologicheskij kommentarij I. V. Peshkova. Moskva : Labirint, 2000. 336 s.

18. Rudenko I. A. Izmenenie gendernoj roli zhenshhiny v cikle rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = Changing the woman's gender role in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues // Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i duhovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitija Rossii. 2021. № 2 (20). S. 81–83.

19. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language: V 4 t. Izd. 2-e, ispr. i dop. / pod red. A. P. Evgen'voj. Moskva, 1981–1984. (MAS).

20. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory Dictionary of the Russian Language: V 4 tt. / pod red. D. N. Ushakova. Moskva, 1935–1940. (SU).

21. Fam Maj Fyong. Naimenovanija odezhdy v proze I. A. Bunina v istoriko-lingvisticheskom aspekte = Names of clothes in I. A. Bunin's prose in historical and linguistic aspects. Voronezh, 2019. 22 s.

22. Filatova D. A., Larin S. A. Pushka, pistolet i kinzhaly v drame A. N. Ostrovskogo «Bespridannica» = Cannon, gun and daggers in A. N. Ostrovsky's drama Without a Dowry // Nauchnyj dialog. 2018. № 7. S. 213–222.

23. Fish M. Ju. Sensornye kody pojetiki cikla rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = Sensory codes of the poetics in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues. Voronezh, 2009. 23 s.

24. Frezer D. Zolotaja vetv' = The golden branch. Moskva : AST, 2010. 768 s.

25. Hunarikova P. H., Bachalova I. B. Svoeobrazie zhanra i kompozicii v cikle rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = The unique genre and composition in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues // Aktual'nye napravlenija nauchnyh issledovanij: ot teorii k praktike. 2015. № 4 (6). S. 226–229.

26. Husainov R. Z. Tema ljubvi v «Temnyh allejah» I. A. Bunina = The theme of love in I. A. Bunin's Dark Avenues // Ot veka k veku: Kniga. Literatura. Kommunikacija. Zhurnalistika. Stat'i i tezisy Mezhdunarodnoj nauch.-praktich. konf., posvjashhennoj pamjati doktora filol. nauk, prof. Very Sergeevny Sinenko. Ufa, 2014. S. 209–213.

27. Chzhan C. Osobennosti temy ljubvi i smerti v cikle rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = Specifics of the theme of love and death in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues // Nauka. Tehnologii. Innovacii. Sb. nauch. trudov v 11 chastjah. Novosibirsk, 2022. S. 546–548.

28. Shherbickaja I. V. Stilisticheskie osobennosti cikla I. A. Bunina «Temnye allei» = Stylistic features of I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues. Mahachkala, 2008. 23 s.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 04.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 26.04.2024; approved after reviewing 04.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 82-31
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-115
EDN: YYSRFH

Типология поэтических фразеологизмов в повести И. С. Тургенева «Первая любовь»

Юссеф Шорук

Аспирант института филологии, Московский педагогический государственный университет. 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1
Shorokyousef6@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8797-749X>

Аннотация. В статье анализируются типология и употребление поэтических фразеологизмов в повести И. С. Тургенева «Первая любовь». Поэтические фразеологизмы являются структурными элементами в формировании индивидуальности литературного языка И. С. Тургенева. Объектом данной научной статьи являются поэтические фразеологизмы.

Анализ текста повести свидетельствует об активном употреблении фразеологизмов в речи рассказчика, поскольку рассказ имитирует его устную речь. Особенностью данного произведения является тот факт, что изображенные в нем события автобиографичны, вследствие чего речь рассказчика чрезвычайно эмоциональна и насыщена поэтическими фразеологизмами, значительная часть которых восходит к стилю романтизма. Фразеологизмы наравне с афоризмами и тропами составляют языковую доминанту идиостиля И. С. Тургенева, где выполняют не только эстетическую функцию, но и служат раскрытию образов и продвижению сюжета. Поэтические фразеологизмы формируются на основе метафорического переноса и перифрастического наименования предметов и явлений, имеющих прямые значения, поэтому в статье подробно рассматривается проблема объема понятия поэтических фразеологизмов и характеризуются их функции: эмфатическая, характеризующая, экспрессивно-описательная. Анализ системы поэтических фразеологизмов повести И. С. Тургенева потребовал классификации их синтаксических моделей: генетивно-атрибутивной, вербально-субстантивной, компаративной, субстантивно-атрибутивной, предикативной, вербально-адвербиальной, перифрастической. Поэтические фразеологизмы рассматриваются в соответствии с представленной классификацией и анализируются с целью выявления их участия в формировании идиостиля И. С. Тургенева, поскольку каждый из них обнаруживает характерные особенности в построении сюжета и образов персонажей.

Ключевые слова: идиостиль; поэтический фразеологизм; синтаксические модели; перифраза; метафора; экспрессивная функция; опорный компонент; зависимое слово; стилистика

Для цитирования: Юссеф Шорук Типология поэтических фразеологизмов в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 115–122. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-115>. <https://elibrary.ru/YYSRFH>

Original article

Typology of poetic phraseology in I. S. Turgenev's story First Love

Youssef Shoruk

Postgraduate student at the institute of philology, Moscow pedagogical state university. 119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1
Shorokyousef6@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8797-749X>

Abstract. The article analyzes the typology and use of poetic phraseological units in I. S. Turgenev's story First Love. Poetic phraseological units are structural elements in forming the I. S. Turgenev's individual literary language. The object of this scientific article is poetic phraseological units. The text analysis of the story indicates the active use of phraseological units in the narrator's speech, as the story imitates his oral speech. The specific feature of this story is the fact that the events depicted in it are autobiographical, therefore the narrator's speech is extremely emotional and saturated with poetic phraseological units, a significant part of which traces back to the style of Romanticism. Phraseological units, along with aphorisms and tropes, make up the linguistic dominant of I. S. Turgenev's idiosyncrasy, where they not only perform an aesthetic function, but also help to describe the characters and develop the plot. Poetic phraseological units are formed on the basis of metaphorical transfer and periphrastic naming of objects and phenomena

© Юссеф Шорук, 2024

with direct meanings. The article examines in detail the scope of the concept of poetic phraseological units and defines their functions: emphatic, characterizing, expressive-descriptive. The analysis of the poetic phraseological units system in I. S. Turgenev's story requires their syntactic models classification: genitive-attributive, verbal-substantive, comparative, substantive-attributive, predicative, verbal-adverbial, periphrastic. Poetic phraseological units are considered in accordance with the presented classification and analyzed in order to identify their influence on I. S. Turgenev's idiosyncrasy, since each of them reveals characteristic features in the construction of the plot and the characters.

Key words: poetic phraseology; syntactic models; periphrasis; metaphor; expressive function; supporting component; dependent word; stylistics; idiosyncrasy

For citation: Yussef Shoruk Typology of poetic phraseology in I. S. Turgenev's story First Love. *Verhnevolszhski philological bulletin*. 2024;(2):115–122. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-115>. <https://elibrary.ru/YYSRFH>

Введение

Язык И. С. Тургенева обладает ярким стилистическим своеобразием, которое обусловлено стремлением автора к максимально точной передаче смысловой нагрузки и, как следствие, избирательностью использования языковых единиц. Этой цели служат афористичность и экспрессивность языка писателя.

Выразительность языка И. С. Тургенева достигается при помощи множественных эпитетов и цепей определений, часто состоящих из синонимов, которые уточняют друг друга и создают многомерный образ, раскрывающийся перед читателем с разных сторон: «тонкая, легкая прелесть», «душной, полупрозрачной, пахучей мгле».

Афористичность – неотъемлемая черта тургеневского стиля, наряду с такими языковыми средствами, как метафора, сравнение, олицетворение. Все эти тропы и приёмы, так или иначе, имеют отношение к фразеологизации, создавая эмоционально насыщенную художественную картину мира. Поэтические фразеологизмы также являются структурными элементами в формировании индивидуальности литературного языка И. С. Тургенева.

Поэтическая фразеология, как характерная черта идиостиля Тургенева, является важным элементом для понимания смысла текста и выражения авторского замысла. Рассмотрим устройство поэтических фразеологизмов в повести «Первая любовь».

Теоретическая часть

Поэтическая фразеология – довольно сложная область лингвистической поэтики, так как она соотносима по своим свойствам (коннотативность, идиоматичность, семантическая целостность, воспроизводимость, образность, абстрактность) и функциям (оценочной, декоративной, кумулятивной, экспрессивной) с общеязыковыми

фразеологизмами, метафорами и перифразами. В случае, когда речь идет об анализе поэтической фразеологии, необходимо учитывать три взаимосвязанных аспекта:

- 1) образную основу;
- 2) лексическое выражение;
- 3) круг предметов или понятий, которые обозначаются через создаваемый поэтическим фразеологизмом образ [Григорьева, 1969, с. 7].

К этому списку мы добавим эмоциональную оценочность (обычно подчеркнута положительную или отрицательную), которая также является важным свойством поэтических фразеологизмов. Эти признаки должны быть учтены при дефиниции понятия.

Впервые термин «поэтическая фразеология» был употреблён В. В. Виноградовым в работе «Стиль Пушкина» (1941), но ученый не дал рассматриваемому лингвистическому феномену конкретного определения. Позднее к этой теме обращались А. Д. Григорьева [Григорьева, 1964], Е. И. Алещенко [Алещенко, 1993], Н. А. Кузьмина [Кузьмина, 1999], С. Г. Ильенко [Ильенко, 2009], Н. Н. Иванова [Григорьева, Иванова, 1969], Н. А. Кожевникова [Кожевникова, 1986], М. Я. Поляков [Поляков, 1974]. А. Д. Григорьева понимает под поэтической фразеологией «совокупность разного рода сочетаний слов, отличающихся определенной устойчивостью соединения» [Григорьева, 1964, с. 4]. Как можно заметить, исследователь не указывает конститутивных признаков поэтической фразеологии, указывая лишь на воспроизводимость устойчивых выражений. В то же время, как свидетельствует текст исследования, она считает перифразу ядром поэтического фразеологизма (далее ПФ), которая употреблена в метафорическом контексте.

М. Я. Поляков понимает под поэтическим фразеологизмом широкий спектр традиционно образных выражений [Поляков, 1974], однако не называет их конститутивных признаков (грамма-

тическая структура, лексический состав, происхождение и др.).

Наиболее детальным можно считать определение, данное Л. Н. Рыньковым, который считает, что поэтический фразеологизм – это особая образная единица описательно-метафорического типа, характеризующаяся устойчивостью, воспроизводимостью и образностью [Рыньков, 1975], и Е. И. Алещенко, по мнению которой поэтические фразеологизмы образуют «своеобразную синкретическую „пограничную” гибридную единицу художественной речи, соединяющую в себе свойства метафоры и перифразы, обычно используемые в художественном тексте» [Алещенко, 2000, с. 12].

Таковыми единицами художественной речи являются не только структуры, образованные по модели словосочетаний, хотя они и самые многочисленные, но и структуры, образованные по модели предложения (см. далее предикативные фразеологизмы). Единицы докоммуникативного уровня рассматриваются в основном в качестве подчинительной конструкции, поэтому можно выделить главную и зависимую части. Сочинение для упрощения можно в таком случае считать частным случаем подчинения, то есть соподчинением.

Для более детального анализа поэтических фразеологизмов также необходимо уточнить определение терминов «перифраза» и «метафора», которые в лингвопоэтике трактуются по-разному. В «Литературной энциклопедии» перифраза понимается как «стилистический термин, обозначающий описательное выражение предмета по какому-либо его свойству или признаку» [Литературная энциклопедия..., 1925, с. 580], например, «автор „Героя нашего времени”» (М. Ю. Лермонтов). В стиле романтизма, где перифраза была важным экспрессивным средством, поэты, в попытке изменить стандартное выражение перифрастической модели, подбирали синонимы к опорному слову в сочетании для его переупреждения (небесный свод / навес / кров). Таким образом, «романтический стиль пользовался прежними фразеологическими клише лишь как фоном, на котором и из которого выступали фразовые неологизмы новой экспрессивной окраски» [Виноградов, 1941, с. 209]. А уже в середине XIX века стало характерным совмещение старых опорных образов перифраз с новыми оценивающими определениями (печальный вид – фатальный вид).

Метафора в широком смысле – троп, заключённый в переносе признака с одного явления на другое, основанного на их ассоциативном сходстве («*Горит восток зарёю новой*»). Частным случаем такого понимания метафоры является олицетворение как один из способов создания основы поэтического фразеологизма. В этом плане интересно устройство олицетворения как приёма, который предугадывает синтаксическую модель: существительное в роли подлежащего + глагол в роли сказуемого (*сердце **ныло***).

Анализируемая множественность структур обусловлена главным образом аналитическим характером поэтических фразеологизмов. Термин «синтаксическая модель», применяемый к их формальному устройству, показывает, что способы их создания ограничены и последовательно применяются, потому что синтаксическое грамматическое устройство фразеологизмов гораздо более устойчиво, чем лексическое (*пить кровь – сосать кровь*). Проблема вариативности поэтических фразеологизмов часто связывается с индивидуально-авторским смыслом, который предопределяется системой художественно-образительных средств писателя, но в основном это не затрагивает их синтаксические модели.

Согласно наиболее распространённой классификации, составленной Алещенко, существует 7 моделей поэтических фразеологизмов:

1. Генитивно-атрибутивные (опорное слово – существительное в именительном падеже, зависимое – существительное в родительном падеже): «*Не вы один прострелены **стрелой Амура***» (П. М. Невежин «Тихий приют»);

2. Вербально-субстантивные (опорное слово – глагол, зависимое – существительное с объектным значением): «*...она **лёт молитву** не о даровании их, а об оправдании их нравственности...*» (Н. С. Лесков «Запечатленный ангел»);

3. Компаративные, включающие два варианта:

– сравнительные обороты с союзами как, будто, словно, точно: «Маленький Прошка всегда **спал как убитый**, и утром сестра Федорка долго тащила его с полатей за ногу или за руку, прежде чем Прошка открывал глаза» (Д. Н. Мамин-Сибиряк «Кормилец»);

– опорное слово – глагол (деепричастие, причастие), зависимое – существительное в творительном падеже без предлога (так называемый «творительный сравнения»): «По-видимому, он только и делает, что приспособляется к обстоя-

тельствам, **извивается ужом**» (Г. И. Успенский «Бог грехам терпит»);

4. Субстантивно-атрибутивные (опорное слово – существительное, зависимое – прилагательное / причастие / причастный оборот): «**Золотой человек**; истинная находка... на этих молодых (приказных) да вот еще на пьяниц – просто гигант!» (И. С. Тургенев «Два приятеля»);

5. Предикативные (существительное / местоимение в позиции подлежащего + глагол / причастие / деепричастие в позиции сказуемого): «**Сердце** в нём **ныло**, и глаза не однажды наполнялись слезами» (И. С. Тургенев «Накануне»);

6. Вербально-адвербиальные (опорное слово – глагол, зависимое – наречие / наречное выражение): «Батальонам **держаться насмерть** своими огневыми средствами – этого требовали сложившиеся обстоятельства» (Ю. В. Бондарев «Батальоны просят огня»);

7. Перифрастические (не имеют определённой структуры и не являются общеязыковыми): «**Пьер** увидел на перстне **адамову голову**, знак масонства» (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

В данном исследовании мы не будем прибегать к этому типу синтаксической модели, так как его выделение спорно. Все поэтические фразеологизмы основаны на перифразах, а выделение перифрастических фразеологизмов отдельно не является логичным и целесообразным, однако мы обязаны были их упомянуть.

Рассмотрев данную классификацию, мы приступаем к практической части работы, где найденные поэтические фразеологизмы будут распределены в соответствии с системой и проанализированы для выявления способов создания ключевого механизма идиостиля Тургенева.

Практическая часть

Главные функции поэтических фразеологизмов – эмфатическая и характеризующая. С помощью ПФ автор выражает свою позицию в произведении, которая передается при создании образов персонажей. Экспрессивно-описательная функция может играть сюжетобразующую роль в тексте, выражая психологию героев или их мировоззрение.

Тургенев мастерски использует приёмы романтической стилистики, вкрапляя в повествование символы природы и эмоциональные описания, чтобы передать внутренний мир персонажей. Язык его повести, будучи насыщенным

эмоциями, становится воплощением романтической идеи о возвышенности человеческого духа.

В результате классификации поэтических фразеологизмов нам удалось установить связь разновидности синтаксических моделей с выполняемыми функциями:

1. Генитивно-атрибутивные: «*струнам ее души*», «*на край света*», «*в порядке вещей*», «*в добром расположении духа*», «*с замиранием испуга*», «*порывы бешенства*» (6 примеров).

Генитивно-атрибутивные фразеологизмы не имеют конкретной специфической функции и являются общеупотребительными. Однако некоторые ФЕ имеют авторские неязыковые черты, связанные с их устройством, о чём будет сказано ниже.

2. Вербально-субстантивные: «*изгладились из памяти*», «*полюбились друг другу*», «*поднимая вопрос*», «*вела жизнь*», «*потупя голову*», «*отдал всё на свете*», «*строил планы*», «*ощущал благополучие*», «*бросилась в глаза*», «*уткнул нос*», «*проиграл состояние*», «*переводил дух*», «*попасться в лапы*», «*в ус не дул*», «*в грош не ставил*», «*врезалось мне в сердце*», «*отдал жизнь*», «*ломал голову*», «*пришел в себя*», «*впал в немилость*», «*производило впечатление*», «*указала на дверь*», «*терялся в догадках*», «*грызть сердце*», «*заглянуть в себя*», «*отдать отчет*», «*задрожало в груди*», «*отлегло от сердца*», «*вкусил сладость*», «*запечатлелся в памяти*», «*снести удар*», «*напрягал воображение*», «*дать слово*», «*не видеть радости*» (34 примера).

Вербально-субстантивные фразеологизмы имеют вид установившихся общеязыковых фразеологизмов, прочно вошедших в речь. Они очень многочисленны, поэтому выполняют такие функции, как оценочная, экспрессивная, стилистическая и т. д.

Однако здесь важно сказать о том, что эти фразеологизмы являются важным звеном в сюжетостроении. Опорные точки действия часто выражаются именно с помощью ПФ. Например, неожиданная перемена в поведении Зинаиды и её печаль, причины которой главному герою ещё неизвестны, уже отражаются в его эмоциональном состоянии, передаваемом посредством ПФ: «*Каждое ее слово так и врезалось мне в сердце*. В это мгновенье я, кажется, охотно бы **отдал жизнь** свою, лишь бы она не горевала», что указывает читателю на изменение обстоятельств в повествовании.

3. Компаративные: «*фантазия играла и носилась <...> как на заре стрижи*», «*спал как уби-*

тый», «было хорошо, как рыбе в воде», «продолжал стоять как туманенный», «сидел как очарованный», «подергивались, как крыло умирающей птицы», «играла со мной, как кошка с мышью», «глядел на увертливого графа как волк на барана», «спокойствие Зинаиды меня точно холодной водой окатило», «жгло как огнем», «пробежал по мне каким-то сладким холодком», «проводил одним вздохом» (12 примеров).

Компаративные фразеологизмы носят чаще всего уточняющий, иллюстрирующий характер: «подергивались, как крыло умирающей птицы», «играла со мной, как кошка с мышью», «глядел на увертливого графа как волк на барана». Важной функцией таких ПФ является помощь в изображении глубины и красочности создаваемых образов: «жгло как огнем», «пробежал по мне каким-то сладким холодком».

4. Субстантивно-атрибутивные: «кругленький человек», «стройный стан», «овладевшего мною смущения», «серебристый звук голоса», «невинную шею», «спокойную грудь», «с тяжелым сердцем», «горькая печаль», «глубокая усталость», «фатальный вид», «строгие черты», «прекрасный мальчик», «горькая мысль», «неотразимого упрёка», «дорогие черты», «подземной тьме», «легкомысленное молодое время», «леденящей рукою», «оживленном лице», «играющая сила» (20 примеров).

Субстантивно-атрибутивные фразеологизмы нередко отражают авторское отношение к героям либо отношение одного героя к другому с помощью ярких описательных определений.

5. Предикативные: «кровь бродила», «сердце ныло», «фантазия играла и носилась», «это предчувствие, это ожидание проникло весь мой состав», «сердце во мне так и прыгало», «образ молодой девушки носился», «судьба уже порадела обо мне», «глазки так и впились», «мелькнула усмешка», «серебристый звук ее голоса пробежал по мне каким-то сладким холодком», «луч, пробиваясь сквозь эту штору, обливал мягким светом», «я без сердца», «кровь загоралась», «не могу я это вынести», «мысль о том, что она полюбила, сверкнула у меня в голове», «слезы мои хлынули с такой силой», «откровение раздавило меня», «дождик тихонько набежал», «что-то в сердце толкнуло», «тоска меня брала», «сделался удар», «воспоминания во мне расшевелились», «прошедшее разом всплыло и встало передо мною», «дни бегут и исчезают без следа», «грудь еще мучительно вздымалась», «не покинули последние силы» (26 примеров).

В наибольшей степени эти фразеологизмы имеют психологическую функцию и передают эмоции Володи через телесные ощущения с лексическими компонентами «сердце» и «кровь», которые часто приобретают человеческие черты с помощью олицетворения.

б. Вербально-адвербиальные: «промолвили в один голос», «обходился равнодушно-ласково», «женился по расчету», «держался строго, холодно», «застал в неприятном расположении духа», «погода немногую», «холодно улыбнулся», «были от ней без ума», «воскликнули в один голос», «во всё горло закричала», «без памяти влюблены», «едва удостоил привета», «шепнул сквозь зубы», «на первых порах не заметил», «кружились вихрем», «без вести пропал», «исчезают без следа», «пускаешь по ветру», «остался глух», «лечь ничком», «глаза его наливались кровью», «не сверкайте глазами» (22 примера).

Вербально-адвербиальные фразеологизмы, как свидетельствуют примеры, используются в тех же функциях, что и вербально-субстантивные.

И. С. Тургенев практически в равном количестве использует синтаксические модели, описанные выше, для создания поэтических фразеологизмов, кроме генитивно-атрибутивных и компаративных. На остальные приходится 20–30 примеров. Наиболее частотной разновидностью являются вербально-субстантивные ПФ.

Фразеологизмы с опорным глагольным компонентом являются наиболее многочисленными (вербально-субстантивные, вербально-адвербиальные), так как именно они служат продвижению сюжета. Это обусловлено тем, что значительная часть ПФ этого типа выглядят как предикативные основы.

Автор редко пользуется глаголами, выражающими эмоциональное состояние, для изображения чувств героев (за редким исключением для выражения страха: «страшился заглянуть в себя», «страшился отдать себе отчет в чем бы то ни было»). В данном случае Тургенев чаще использует стержневые компоненты глагольных лексико-семантических групп «Перемещение» («чувства, мысли, подозренье, надежды, радости и страданья **кружились вихрем**», «кровь **бродила**», «фантазия **играла и носилась**», «сердце во мне так и **прыгало**», «образ молодой девушки **носился**»); «Разрушение» («откровение **раздавило** меня»); лексико-семантического поля «Вода» («луч, пробиваясь сквозь эту штору, **обливал** мягким светом», «слезы мои **хлынули** с

такой силой»). В качестве зависимого компонента таких ПФ часто выступают абстрактные существительные со значением чувствования: *«чувства, мысли, подозренья, надежды, радости и страданья кружились вихрем»*, *«фантазия играла и носилась»*, *«откровение раздавило меня»*. Таким образом, для того, чтобы выразить внутренние переживания героев, автор использует олицетворение как способ создания поэтического фразеологизма, что придаёт тексту оригинальности и точности, учитывая большой выбор лексических сочетаний.

Эпизоды, связанные с мотивами любовных переживаний главного героя, в тексте часто сопровождаются употреблением поэтических фразеологизмов, основанных на лексическом компоненте «сердце»: *«сердце ныло»*, *«сердце во мне так и прыгало»*, *«грусть тихо грызла мне сердце»*, *«у меня отлегло от сердца»* и т. д. Они содержат высокую степень изобразительности и выполняют экспрессивно-эмотивную функцию, тем самым реализуют лирическое начало в тексте, которое связано с воплощением субъективного мироощущения героев. Дополнительный смысл у них появляется при употреблении с отрицанием, так, главная героиня Зинаида говорит: *«Я кокетка, я без сердца, я актерская натура»*. Фразеологизм со стержневым компонентом «сердце», составляет глобальную оппозицию с ПФ, использованными для создания образа главного героя Володи, который, напротив, очень чувствительный, впечатлительный и тонко чувствующий молодой человек.

Для создания его образа писатель трансформирует ПФ, используя для этого сокращение компонентного состава фразеологизма: *«кинулся бы за нее в огонь»* (в огонь и в воду), *«дорогие черты»* (моему сердцу) и т. д.

Ещё одной важной особенностью трансформации является замена лексических компонентов во фразеологизме: *«с замиранием испуга»* вместо *«замиранием сердца»*, *«проводил одним вздохом»* вместо *«проводил взглядом»* и т. д.

Комбинации сразу нескольких фразеологизмов встречаются довольно часто в следующих случаях:

1. Создание образа: *«солнечный луч, пробиваясь сквозь эту стору, обливал мягким светом ее пушистые золотистые волосы, ее невинную шею, покатые плечи и нежную, спокойную грудь»*;

2. Психологическое описание ярких и бурных переживаний героя: *«Это было странное,*

лихорадочное время, хаос какой-то, в котором самые противоположные чувства, мысли, подозренья, надежды, радости и страданья кружились вихрем; я страшился заглянуть в себя, если только шестнадцатилетний мальчик может в себя заглянуть, страшился отдать себе отчет в чем бы то ни было; я просто спешил прожить день до вечера; зато ночью я спал... детское легкомыслие мне помогало»;

3. Описание бытового, патриархального уклада жизни семьи Володи: *«Мой отец, человек еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету; она была старше его десятью годами. Матушка моя вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась – но не в присутствии отца; она очень его боялась, а он держался строго, холодно, отдаленно...»*.

В повести «Первая любовь» встречаются авторские афоризмы, созданные Тургеневым по модели паремий. Обычно они встречаются в речи более опытных и взрослых героев: доктора Лушина и отца главного героя, которые руководствуются голосом рассудка или здравого смысла: *«Сам бери, что можешь, а в руки не давайся; самому себе принадлежат – в этом вся штука жизни»*, *«Куда бы волна ни понесла – всё худо; человек хоть на камне стой, да на своих ногах»*, *«Человеком смотрите, не комнатной собачкой»*. Таким образом, афоризмы и устойчивые выражения не только участвуют в создании образов персонажей, но и выявляют авторскую позицию. Тургенев с меланхолическим пафосом относится к Володе в его период взросления, описывая его без прикрас, показывая его незрелость, и наивность.

Итак, поэтическая фразеология на уровне авторского «я» является одним из инструментов, благодаря которому текст приобретает уникальную форму.

Заключение

Таким образом, в данном исследовании мы выяснили, что поэтические фразеологизмы в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» несут прежде всего экспрессивную функцию. Данное произведение имеет выраженный элегический пафос, связанный с любовной линией Володи и Зинаиды. Поэтому автор часто прибегает к фразеологизмам для выражения таких сложных душевных переживаний внутри юного главного героя.

В тексте мотивы внутренних переживаний главного героя выражены через поэтические фразеологизмы, основанные на глагольном опорном компоненте. В частности, интересны ФЕ, связанные с «сердцем», так как они создают лирическую атмосферу и выявляют контраст между его чувствительностью и эмоциональностью, а также главной героиней, описавшей себя как человека «без сердца».

Излюбленным приёмом создания ПФ в повести «Первая любовь» является олицетворение, основанное на сочетании глаголов лексико-семантической группы перемещения или действия и существительного чувственного восприятия.

Методы создания поэтических фразеологизмов также разнообразны. Тургенев иногда выбирает окказиональные варианты связи компонентов фразеологизма, что несёт в себе дополнительный сатирический оттенок.

Библиографический список

- Алещенко Е. И. Формирование преобразования поэтических фразеологизмов в творчестве Н. С. Лескова. Актуальные проблемы современной русистики. Часть 1. Киров : Вятский государственный педагогический университет, 2000. С. 19–20.
- Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский) // Русская литература, 1968. № 4. С. 34–50.
- Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. С. 94–96.
- Виноградов В. В. Стиль Пушкина. Москва : Гослитиздат, 1941. 620 с.
- Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв. // Избр. труды. История русского литературного языка. Москва, 1946. С. 223–238.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стереотип. Москва : КомКнига, 2007. 144 с.
- Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология конца XVIII – начала XIX века (именные сочетания) // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. Москва : Наука, 1964. С. 3–121.
- Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Поэтическая фразеология Пушкина. Москва : Наука, 1969. С. 5–292.
- Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / отв. ред. М. Я. Дымарский. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 398 с.
- Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX в. Москва : Наука, 1986. 256 с.
- Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / под ред. Н. А. Купина. Екатеринбург; Омск : Изд-во Урал. ун-та; Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 268 с.
- Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. Москва; Ленинград : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. 748 с.
- Николаев А. И. Лексические средства выразительности // Николаев А. И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново : ЛИСТОС, 2011. С. 121–139.
- Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. Москва : Советский писатель, 1974. 478 с.
- Пустовойт П. Г. Тургенев И. С. – художник слова. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1987. 301 с.
- Разина А. С. Методы изучения фразеологических единиц // Филология и лингвистика. 2019. № 3 (12). С. 21–23.
- Рыньков Л. Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (послепушкинский период). Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. 182 с.
- Тургенев И. С. Первая любовь: повести / [вступ. ст. В. И. Порудоминского]; худож. Г. Волхонская. Москва : Дет. лит., 2013. 317 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского языка. 3-е издание, исправленное. Москва : Астрель, 2007. 881 с.
- Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О. и др.; под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Москва : Эксмо, 2009. 704 с. (ФОСРЯ).

Reference list

- Aleshchenko E. I. Formirovanie preobrazovaniya poeticheskikh frazeologizmov v tvorchestve N. S. Leskova. Aktual'nye problemy sovremennoj rusistiki. Chast' 1 = Forming the transformation of poetic phraseological units in N. S. Leskov's work. Topical Problems of Modern Russian Studies. Part 1. Kirov : Vjatskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2000. S. 19–20.
- Bjalyj G. A. O psihologicheskoj manere Turgeneva (Turgenev i Dostoevskij) = On Turgenev's psychological manner (Turgenev and Dostoevsky) // Russkaja literatura, 1968. № 4. S. 34–50.
- Bolotnova N. S., Babenko I. I., Vasil'eva A. A. Kommunikativnaja stilistika hudozhestvennogo teksta: leksicheskaja struktura i idiostil' = Communicative stylistics of a literary text: lexical structure and idiosyle. Tomsk : Izd-vo Tom. gos. pед. un-ta, 2001. S. 94–96.
- Vinogradov V. V. Stil' Pushkina = Pushkin's style. Moskva : Goslitizdat, 1941. 620 s.
- Vinogradov V. V. O zadachah istorii russkogo literaturnogo jazyka, preimushhestvenno XVII–XIX vv. = On the tasks of the Russian literary language history, mainly

in the XVII–XIX centuries // Izbr. trudy. Istorija russkogo literaturnogo jazyka. Moskva, 1946. S. 223–238.

6. Gal'perin I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as an object of linguistic research. 5-e izd., stereotip. Moskva : KomKniga, 2007. 144 s.

7. Grigor'eva A. D. Pojeticheskaja frazeologija konca XVIII – nachala XIX veka (imennye sochetanija) = Poetic phraseology of the late XVIII – early XIX century (nominal phrases) // Obrazovanie novoj stilistiki russkogo jazyka v pushkinskuju jepohu. Moskva : Nauka, 1964. S. 3–121.

8. Grigor'eva A. D., Ivanova N. N. Pojeticheskaja frazeologija Pushkina = Pushkin's poetical phraseology. Moskva : Nauka, 1969. S. 5–292.

9. Il'enko S. G. Kommunikativno-strukturnyj sintaksis sovremennogo russkogo jazyka = Communicative and structural syntax of the modern Russian language / otv. red. M. Ja. Dymarskij. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2009. 398 s.

10. Kozhevnikova N. A. Slovoupotreblenie v russkoj poezii nachala XX v. = Word usage in the Russian poetry of the early XX century. Moskva : Nauka, 1986. 256 s.

11. Kuz'mina N. A. Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka = Intertext and its role in poetic language evolution / pod red. N. A. Kupina. Ekaterinburg; Omsk : Izd-vo Ural. un-ta; Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 1999. 268 s.

12. Literaturnaja jenciklopedija: Slovar' literaturnyh terminov: V 2-h t. = Literary encyclopedia: The dictionary of literary terms: in 2 vols. / pod red. N. Brodskogo, A. Lavreckogo, Je. Lunina, V. L'vova-Rogachevskogo, M. Rozanova, V. Cheshihina-Vetrinskogo. Moskva; Leningrad : Izd-vo L. D. Frenkel', 1925. 748 s.

13. Nikolaev A. I. Leksicheskie sredstva vyrazitel'nosti = Lexical expressive means // Nikolaev A. I. Osnovy literaturovedenija: uchebnoe posobie dlja studentov filologicheskikh special'nostej. Ivanovo : LISTOS, 2011. S. 121–139.

14. Poljakov M. Ja. Voprosy pojetiki i hudozhestvennoj semantiki = Poetics and literary semantics issues. Moskva : Sovetskij pisatel', 1974. 478 s.

15. Pustovojt P. G. Turgenev I. S. – hudozhnik slova = Turgenev I. S., a literary artist. Moskva : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1987. 301 s.

16. Razina A. S. Metody izuchenija frazeologicheskikh edinic = Methods of studying phraseological units // Filologija i lingvistika. 2019. № 3 (12). S. 21–23.

17. Ryn'kov L. N. Imennye metaforicheskie slovosochetanija v jazyke hudozhestvennoj literatury XIX v. (poslepushkinskij period) = Nominal metaphorical phrases in the language of XIX century fiction (post-Pushkin period). Cheljabinsk : Juzh.-Ural. kn. izd-vo, 1975. 182 s.

18. Turgenev I. S. Pervaja ljubov': povesti = The first love: novellas / [vstup. st. V. I. Porudominskogo]; hudozh. G. Volhonskaja. Moskva : Det. lit., 2013. 317 s.

19. Fedorov A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = Phraseological dictionary of the Russian language. 3-e izdanie, ispravlennoe. Moskva : Astrel'. 2007. 881 s.

20. Frazeologicheskij ob#jasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka = Phraseological explanatory dictionary of the Russian language / In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova RAN; Baranov A. N., Voznesenskaja M. M., Dobrovol'skij D. O. i dr.; pod red. A. N. Baranova i D. O. Dobrovol'skogo. Moskva : Jeksmo, 2009. 704 s. (FOSRJa).

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 25.04.2024; approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-123

EDN: ZBNTOS

Типы и функции глаголов жестовой семантики в русской фразеологии

Дун Хаомин

Аспирант кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет. 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1

donghaoming@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6342-6406>

Аннотация. В настоящей статье проводится обстоятельное исследование типов и функций глаголов жестовой семантики в русской фразеологии. Проанализирован обширный корпус фразеологических единиц, включающих глаголы, относящиеся к различным формам невербальной коммуникации, таким как мимика, жесты рук и другие жесты, широко представленные в русском языке. Глаголы данной семантической группы обладают особыми чертами, сопровождающими сиюминутные действия и эмоциональные состояния, что придает фразеологизмам яркость и выразительность.

Исследование включает в себя лингвистический, семантический и когнитивный анализ, освещая важные аспекты формирования устойчивых выражений в русском языке и позволяя раскрыть многогранный характер этих лексических единиц. Целью работы является систематизация и классификация данных лексем, а также выявление их роли и функций в структуре фразеологических единиц.

Основной акцент сделан на выделении разнообразных типов глаголов жестовой семантики, анализируются их семантические особенности и роли в структуре фразеологических единиц. Данное исследование не только классифицирует эти глаголы, но и раскрывает их важность в формировании устойчивых выражений, позволяя лучше понять, как язык отражает жестовую коммуникацию в сознании носителей.

В дополнение к типологии в статье подчеркиваются функциональные аспекты глаголов жестовой семантики. Эмоциональная окраска, символическое значение и их роль в когнитивных ассоциациях поднимаются в контексте их употребления в фразеологических единицах, что обогащает языковую картину мира и способствует глубокому пониманию фразеологической системы русского языка.

Полученные результаты представляют интерес для исследователей лингвистики, фразеологии и культурологии, а также могут быть использованы в образовательных целях при изучении русского языка.

Ключевые слова: жесты; невербальная коммуникация; глаголы жестовой семантики; жестовые фразеологизмы; фразеологизмы с глаголами жестовой семантики; русская фразеология; семантическая типология; лингвистический анализ

Для цитирования: Дун Хаомин Типы и функции глаголов жестовой семантики в русской фразеологии // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 123–130. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-123>. <https://elibrary.ru/ZBNTOS>

Original article

Types and functions of gesture semantics verbs in russian phraseology

Dong Haoming

Postgraduate student at the department of the russian language, Moscow pedagogical state university. 119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1

donghaoming@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6342-6406>

Abstract. This article is a detailed study of the types and functions of gesture semantics verbs in russian phraseology. The author analyzes an extensive corpus of phraseological units, including verbs related to various forms of non-verbal communication such as mimics, hand gestures, and other gestures, widely represented in the russian language. Verbs of this semantic group have special features accompanying instant actions and emotional states, which gives phraseological units their brightness and expressiveness.

The study involves linguistic, semantic and cognitive analysis, highlighting some important aspects of forming collocations in the russian language and helping to reveal the multifaceted nature of these lexical units. The aim of the

work is to systematize and classify these lexemes, as well as to identify their role and functions in phraseological unit structures. The main emphasis is on identifying various types of gesture semantics verbs, analyzing their semantic specifics and roles in the structure of phraseological units. This study not only classifies these verbs, but also underlines their importance in forming collocations, providing a better understanding of how language reflects gesture communication in the speakers' minds. In addition to typology, the article points out the functional aspects of gesture semantics verbs. Their emotional coloring, symbolic meaning, and the role in cognitive associations are discussed in the context of their use in phraseological units, enriching the linguistic worldview and contributing to a profound understanding of the phraseological system of the Russian language.

The obtained results are of interest to researchers in linguistics, phraseology and cultural studies, and they can be used for educational purposes in the course of the Russian language.

Key words: gestures; non-verbal communication; verbs with gesture semantics; gesture idioms; idioms with gesture semantics verbs; Russian phraseology; semantic typology; linguistic analysis

For citation: Dong Naoming Types and functions of gesture semantics verbs in Russian phraseology. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):123–130. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-123>. <https://elibrary.ru/ZBNTOS>

1. Введение

В контексте современных исследований русского языка особый интерес представляет изучение явлений фразеологии, языкового слоя, который совмещает структурные, семантические и функциональные аспекты. Среди богатого фразеологического фонда выделяется подгруппа, связанная с глаголами жестовой семантики. Несмотря на значительный объем исследований в области русской фразеологии, динамика и функции глаголов данной семантической группы остаются малоизученными аспектами лингвистического анализа.

Цель настоящей статьи заключается в проведении обширного анализа глаголов жестовой семантики в русской фразеологии, выявлении их лексико-семантических особенностей, классификации и определении их функциональной роли в языковом выражении. Посредством систематизации и критического обзора существующих исследований мы стремимся расширить наше понимание структуры и функций данной группы глаголов, а также внести вклад в обогащение научной литературы по фразеологии русского языка.

Исследование глаголов жестовой семантики в рамках русской фразеологии имеет потенциал не только для расширения теоретических знаний в лингвистике, но и для практического применения в области обучения русскому языку как иностранному, а также для лексикографической работы и лингвокультурологических исследований.

2. Методы исследования

Для достижения поставленной цели и более глубокого понимания глаголов жестовой семантики в русской фразеологии в нашем исследова-

нии использовались комплексные методы анализа. Важными этапами исследования стали:

а) Корпусный анализ.

Используя современные лингвистические корпуса русского языка, мы провели статистический анализ употребления фразеологизмов с глаголами жестовой семантики в различных контекстах. Это позволило оценить частотность использования, выявить предпочтительные глаголы, особенности их использования и их контекстуальные значения.

б) Лингвокогнитивный анализ.

Применение лингвокогнитивного подхода позволило рассмотреть глаголы жестовой семантики в контексте их когнитивной обусловленности. Мы проанализировали, какие когнитивные механизмы активизируются при восприятии и использовании данных лексем, включая формирование ментальных образов, ассоциативных сетей и эмоциональных аспектов.

в) Обзор научной литературы.

В ходе исследования проведен обзор существующих работ по фразеологии, лингвистике и культурологии, посвященных русской фразеологии и невербальной семиотике. Анализ предыдущих исследований обеспечил концептуализацию текущего исследования и определение его вклада в научную область.

Сочетание этих методов позволяет обеспечить всесторонний анализ глаголов жестовой семантики в русской фразеологии, обеспечивая более глубокое понимание их структуры, семантики и функциональных характеристик.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Жесты и их отражение в естественном языке

Понятие жеста трактуется учёными неоднозначно. Этимологически слово жест восходит к

латинскому *gestus*, производному от слова *gerere*, означающего «действовать» [Крейдлин, 2002, с. 46]. Вслед за Г. Е. Крейдлиным [Крейдлин, 2002, с. 47] под жестом мы понимаем знак повседневного невербального человеческого поведения, прежде всего интерактивного.

Жесты отличаются от идентичного в физическом отношении самодостаточного движения тела наличием семиотического значения и являются символическими знаками. Следовательно, жест, как и всякий знак, имеет означающее и означаемое. Жесты следует отличать от прочих физиологических, неконтролируемых движений, а также практических действий человеческого тела с материальными предметами и действий, связанных с пространственным перемещением тела.

Так, движением, а не жестом является смахивание крошек со стола, например: *Она оправила постель, убрала со стола тарелку, хлеб, смахнула крошки* [Анатолий Рыбаков. Кортик (1946–1948)], [НКРЯ]. В то время как взмах рукой, помимо передачи действия, несёт в себе значение прощания: *Гусев махнул на прощание Маше, а сам мысленно отрепетировал, как рвет из растегнутой кобуры игольник* [Олег Дивов. Выбраковка (1999)], [НКРЯ].

Под глаголами жестовой семантики мы понимаем лексический класс глаголов в языке, которые обладают особыми семантическими характеристиками, напрямую связанными с передачей физических, эмоциональных или социокультурных жестов и движений. Эти глаголы активно используются для передачи не только конкретных действий и движений, но также для выражения эмоциональных состояний и социокультурных аспектов в различных контекстах языкового общения. Глаголы жестовой семантики обогащают язык выразительностью, позволяя говорящим более ярко и точно передавать свои мысли и чувства.

Концептуализация жестовых движений человека и действий его тела находит отражение, прежде всего, во фразеологии, а именно – в жестовых фразеологизмах. Жестовые фразеологизмы – устойчивые выражения, являющиеся семантическими дериватами невербальных жестов [Козеренко, Крейдлин, 1999, с. 270]. Жестовый фразеологизм построен или на базе жеста, или же как-то иначе связан с ним по смыслу [Крейдлин, 2002, с. 60].

Обратимся к определению фразеологизма с глаголом жестовой семантики. Фразеологизм с

глаголом жестовой семантики – это устойчивое сочетание слов, включающее в себя глагол, обладающий семантикой, связанной с передачей физических, эмоциональных или социокультурных жестов. В таких фразеологических единицах часто используются глаголы, которые в переносном смысле образно передают активность, ассоциированную с движением или жестом. Такие фразеологизмы обычно не поддаются прямому переводу и могут иметь переносное или метафорическое значение, основанное на образной передаче активности, ассоциированной с конкретным жестом. Эти фразеологизмы могут иметь символическое значение, отражая культурные особенности и социальные нормы, расширяют лексический арсенал и придают выразительность языковому общению.

3.2. Типы глаголов жестовой семантики

Исследование глаголов жестовой семантики в русской фразеологии выявило несколько основных типов данных лексем, обладающих выраженной семантикой жестов. Данная классификация основывается на наблюдениях за употреблением глаголов в контексте фразеологических единиц и их визуальных ассоциаций с конкретными движениями или действиями.

А) Глаголы, обозначающие физические жесты.

Этот тип глаголов включает лексемы, передающие конкретные физические движения или манипуляции. Данные глаголы отражают конкретные движения, часто связанные с физической активностью, что добавляет к изобразительности и эмоциональной насыщенности фразеологизмов.

Приведём несколько примеров.

Пожимать плечами: В кулисах стали переглядываться и пожимать плечами, Бенгальский стоял красный, а Римский был бледен [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)], [НКРЯ]. «Пожимать плечами» является фразеологизмом с глаголом жестовой семантики со значением «выражать недоумение, раздумье, пренебрежение, удивление» [ФРС]. Глагол «пожимать» обозначает конкретный физический жест – движение плечами вверх и вниз, что обычно используется для выражения неведения, равнодушия или отказа ответить на вопрос.

Махнуть рукой: Неудача следовала за неудачей, и на идею уже махнули рукой [Приручение света // «Трамвай», 1990], [НКРЯ]. Словарь даёт следующее определение фразеологизму: «испытывающая досаду на что-либо или на кого-либо, пе-

рестать что-либо делать или обращать внимание на кого-либо, на что-либо» [ФРС]. Глагол «махнуть» обозначает конкретное движение рукой, и фразеологизм используется для выражения отказа, равнодушия или отрицания, а также иногда в контексте пренебрежительного отношения к чему-либо.

Б) Глаголы, обозначающие эмоциональные жесты.

Эта группа включает глаголы, выражающие эмоциональные жесты и реакции. Они акцентируют внимание на визуальных проявлениях эмоционального состояния. Эти глаголы часто используются для передачи не только физических жестов, но и эмоциональных оттенков, что придает фразеологизмам глубину и выразительность.

Обратимся к примерам.

Надуть губы: Соловейко надул губы – он, видать, думал, что задал невесть какую сложную задачу [В. Ю. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел (2007)], [НКРЯ]. Фразеологизм несёт следующее значение: «сердиться, обижаться, проявляя недовольство в выражении лица» [ФРС]. В контексте выражения глагол «надуть» может рассматриваться как глагол, обозначающий эмоциональный жест. В данном случае, это может визуально передавать эмоции, такие как пренебрежение, недовольство или насмешку через жест надувания губ.

Нахмурить брови: Стоило отцу нахмурить брови, как дети с притворным ужасом кидались к бронзовому барометру [Ирина Ратушинская. Одесситы (1998)], [НКРЯ]. Значение фразеологизма: «выражать недовольство или озабоченность, сдвигая брови» [СРП]. Глагол «нахмурить» в данном контексте обозначает конкретное действие изменения формы или положения бровей, что в языке жестов может передавать выражение серьезности, недовольства или раздумий.

В) Глаголы, обозначающие социокультурные жесты.

Группа глаголов, связанных с социокультурными нормами, обычаями и поведением, представляет собой ещё одну важную категорию. В этот разряд включаются лексемы, которые являются культурно обусловленными жестами и нередко включают в себя элементы обрядов и традиций.

Приведём примеры.

Бить поклон: И я бью поклон тем, кто был предвестником [Валерий Кичин. Апология мюзикла. От Бродвея до Дубровки «Норд-Ост» –

лучшая обновка (2001) // «Известия», 25.09.2001], [НКРЯ]. Фразеологизм имеет два значения: 1. «Почтительно кланяться, приветствуя кого-либо»; 2. «Выражать чувство глубокого уважения, почтения, благодарности за что-либо» [ФРС]. В данном случае, глагол «бить» образно описывает акт выполняемого жеста – наклонение тела вперёд в знак уважения или приветствия. Этот фразеологизм обычно используется для выражения уважения, почтения, благодарности или подчинения.

Показывать фигу: Конечно, это оказался Макс, и Забелин показал фигу своему отражению в зеркале [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)], [НКРЯ]. Фразеологизм имеет следующее значение: «отказывать кому-либо в чём-либо» [СРП]. Глагол «показывать» в данном контексте обозначает конкретное действие показывания «фиги» – жеста, при котором указательный и большой пальцы сжимаются в кольцо, а остальные пальцы вытягиваются. Точный смысл этого выражения может зависеть от контекста, однако обычно этот жест используется для выражения пренебрежения, недовольства или уклончивости.

Данная классификация глаголов жестовой семантики в русской фразеологии предоставляет основу для более детального анализа и понимания роли этих лексем в формировании семантики фразеологизмов.

3.3. Функции глаголов жестовой семантики в фразеологизмах

Глаголы жестовой семантики в русской фразеологии выполняют разнообразные функции, играя ключевую роль в формировании семантики устойчивых выражений. Рассмотрим основные функции, которые они могут выполнять:

А) Экспрессивная функция.

Глаголы жестовой семантики часто употребляются во фразеологизмах для выражения эмоций и чувств. Эти лексемы служат средством передачи информации не только о физических действиях, но и об эмоциональных состояниях говорящего.

Они подчеркивают эмоциональный окрас фразеологизмов, позволяя языку точнее передавать многообразие переживаний.

Обратимся к примерам.

Хлопать глазами: Сидишь, хлопаешь глазами и выглядишь полным дураком [А. В. Драбкина. Волшебные яблоки (1975)] [НКРЯ]. Фразеологизм может употребляться в двух значениях: 1. «Бездействовать, молчать»; 2. «Быть растерян-

ным, смущённым, удивляться.» [ФРС]. Здесь глагол «хлопать» выполняет экспрессивную функцию. Выражение используется метафорически для описания интенсивного мигания или открытого, частого закрывания и открывания глаз. Такой жест может выражать удивление, шок, недовольство или другие эмоциональные реакции, и глагол «хлопать» в данном случае служит средством передачи эмоционального содержания выражения.

Биться лбом о стенку: Теперь хоть лбом о стенку бейся – никуда не выбьешься, так и померешь стрелецким головой, то есть полковником [А. И. Красницкий. Трон и любовь (1910)], [НКРЯ]. Фразеологизм означает «делать всё возможное, отстаивать чьи-либо интересы» [ФРС]. В выражении «биться лбом о стенку» глагол «биться» выполняет экспрессивную функцию. В данном контексте глагол образно передает акт упорства, настойчивости или бесполезных усилий при решении проблемы или достижении цели. В метафорическом смысле это выражение используется для описания бессмысленных, трудных или тщетных усилий в решении проблемы или достижении цели. Глагол здесь служит средством передачи сильного эмоционального оттенка.

Б) Структурно-семантическая функция.

Глаголы жестовой семантики часто структурируют фразеологические единицы, придавая им особый образ выражения. Они определяют основные черты смысла фразеологизмов в разных контекстах.

Рассмотрим примеры глаголов жестовой семантики, выполняющих структурно-семантическую функцию во фразеологизмах.

Поднимать голос: Переговаривались караульные шепотом и даже шикали друг на друга, если один из них вдруг поднимал голос [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)], [НКРЯ]. Во фразеологизме «поднимать голос» глагол «поднимать» выполняет структурно-семантическую функцию. Как правило, фразеологизм означает «смело выражать своё мнение, выступая, высказываясь» [ФРС]. В данном случае глагол является ключевым элементом, определяющим специфику выражения. Фразеологизм описывает действие увеличения интенсивности голоса в разговоре или при выражении эмоций. Глагол «поднимать» структурирует выражение и вносит семантическую составляющую, связанную с изменением высоты голоса в данном контексте.

Указать на дверь: – Можешь быть свободен, – и указал на дверь [Анатолий Приставкин. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца (1992)], [НКРЯ]. Значение фразеологизма: «Требовать от кого-либо, чтобы ушёл; выгонять, выставляя» [ФРС]. Этот фразеологизм используется в переносном смысле для выражения необходимости или желания попросить кого-то уйти, покинуть место или прекратить участвовать в какой-то ситуации. Глагол «указать» структурирует выражение и придает ему конкретное значение, связанное с указанием направления к выходу или отказом от чьего-то присутствия.

В) Коммуникативная функция.

Глаголы жестовой семантики играют важную роль в коммуникации, обогащая языковое выражение. Они помогают передать слушателю дополнительные нюансы, связанные с эмоциональными или межличностными аспектами общения.

Обратимся к примерам для наглядности.

Кивать головой: Галя небрежно кивнула головой и снова отвернулась [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961], [НКРЯ]. В данном контексте кивание головой служит языковым средством передачи определенного коммуникативного сигнала. Фразеологизм означает выражение согласия с чем-либо [СРП]. Кивание головой часто используется для выражения согласия, понимания или подтверждения в разговоре. Таким образом, глагол «кивать» играет важную коммуникативную роль в передаче эмоций и отношения к сказанному в рамках общения.

Поднять глаза: Не понимая, что с ним происходит, он поднял глаза и прямо встретился с ее выпуклыми голубыми глазами [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)], [НКРЯ]. Этот фразеологизм обычно используется в значении обращения, устремления внимания или интереса к чему-то [СРП]. Поднимание глаз в данном контексте может служить коммуникативным сигналом, указывающим на визуальное обращение взгляда в определенное направление, что может быть важным в различных обстоятельствах, таких как обсуждение чего-то интересного или важного.

Г) Функция передачи социокультурной информации.

Глаголы жестовой семантики часто используются для идентификации определенных культурных или социальных норм, обрядов и традиций. Фразеологические единицы с их участием

часто отражают традиционные жесты, связанные с обрядами, приветствиями или другими культурными практиками.

Обратимся к примерам:

Бить себя в грудь: Он говорил и плакал, плакал и бил себя в грудь кулаком [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)], [НКРЯ]. Этот фразеологизм образно описывает действие удара по собственной груди, и в различных культурных контекстах он может нести разные значения. В социокультурном плане «бить себя в грудь» может отсылать к самоутверждению, гордости, или даже к выражению собственных заслуг или достижений. Этот жест может восприниматься как показатель уверенности в себе, демонстрации силы или готовности взять на себя ответственность. Словарь приводит следующее значение фразеологизму: «клятвенно, крикливо уверять кого-то в чём-либо» [ФРС].

Показать язык: Подняла взгляд на камеру в проходе, показала язык [Андрей Житков. Супермаркет (2000)], [НКРЯ]. Этот фразеологизм может иметь различные значения в разных контекстах и культурных традициях. Социокультурная информация, связанная с «показыванием языка», может варьироваться от выражения детской игривости, шалости или даже непослушания до демонстрации пренебрежения, дерзости или вызова. Образ показывания языка может быть воспринят в различных культурных сообществах по-разному. В фразеологическом словаре русского языка можно встретить следующее определение: «выражать пренебрежение, презрение и т. п. к кому-либо» [ФРС].

Исследование функций глаголов жестовой семантики в русской фразеологии позволяет более полно понять их роль в формировании языковых конструкций и влияние на межличностное общение в различных контекстах.

4. Заключение

Научное исследование глаголов жестовой семантики в русской фразеологии позволило расширить наше понимание этой важной лингвистической категории и ее роли в формировании фразеологических единиц. Результаты анализа предоставляют ценные выводы, которые оказывают влияние на различные аспекты лингвистических исследований и практического применения языковых знаний.

В ходе нашего исследования мы приступили к детальному анализу глаголов жестовой семанти-

ки в русской фразеологии с целью выявить их типы и функции. Полученные результаты позволяют сделать несколько важных выводов.

Во-первых, определено несколько типов глаголов жестовой семантики в русских фразеологизмах, каждый из которых представляет собой уникальный спектр значений и образов. В результате лексико-семантического анализа были выделены следующие категории: глаголы, обозначающие физические жесты, эмоциональные жесты, а также жесты, связанные с коммуникацией и взаимодействием.

Во-вторых, установлено, что глаголы жестовой семантики в русских фразеологизмах выполняют разнообразные функции. Они могут служить для передачи эмоциональной окраски, образного описания действий, а также для выражения социокультурных нюансов. Эти функции существенно обогащают языковые выражения, придавая им не только лексическую, но и культурную глубину.

Таким образом, наше исследование представляет важный вклад в понимание роли глаголов жестовой семантики в структуре русской фразеологии. Полученные данные могут быть использованы для дальнейших лингвистических исследований, а также применены в образовательных целях при изучении русского языка как иностранного.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Парадигматика. Москва : Языки славянских культур, 2009. Т. I. 568 с.
2. Аркадьев П. М. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) / П. М. Аркадьев, Г. Е. Крейдлин // Слово и язык : сборник статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. Москва : Языки славянских культур, 2011. С. 41–53.
3. Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Москва : Вена : Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 2001. 256 с.
4. Дмитриева Ю. В. Невербальная семиотика и ее отражение лексико-фразеологическими средствами языка: на материале английского, немецкого и русского языков. Москва, 2019. 24 с.
5. Иоанесян Е. Р. Переход от жеста и жестовой номинации к фразеологизму // Научный диалог 2022. Т. 11. № 2. С. 46–62.
6. Иоанесян Е. Р. Естественно-языковые номинации жестов с адапторами / Е. Р. Иоанесян, П. С. Дронов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2020. Вып. 6. Т. 30. С. 959–967.

7. Козеренко А. Д. Жестовые идиомы и жесты : типы соответствий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Москва : Издательство РГГУ, 2011. Выпуск 10 (17). С. 325–332.

8. Козеренко А. Д. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) / А. Д. Козеренко, Г. Е. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. Москва, 1999. С. 269–277.

9. Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.

10. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика : Язык тела и естественный язык. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

11. Куличенко Ю. Н. Сопоставительная характеристика русских и английских жестовых фразеологических единиц / Ю. Н. Куличенко, Е. М. Королевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (68). Ч. 1. С. 109–112.

12. Маякина М. А. Фразеологические единицы, описывающие невербальное поведение человека, как компонент развития языковой и общекультурной компетенций // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 248–250.

13. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.12.2023).

14. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Москва: Наука, 1985. 271 с.

15. Ростова М. Л. Отражение эмоций жестовыми фразеологизмами русского и английского языков // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. 2013. Т. 4. № 4. С. 383–388.

16. СРП – Большой словарь русских поговорок Москва : Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. 2007. URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 19.12.2023).

17. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка Москва : Астрель; АСТ, 2008. 828 с.

18. ФРС – Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва : Lingua, Астрель, АСТ. А. И. Фёдоров. 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 19.12.2023).

19. Ekman P. The repertoire of nonverbal behavior. Categories, origins, usage and encoding / P. Ekman, W. Friesen. San Francisco : Semiotica, 1969. P. 49–98.

20. Gullberg M. Giving language a hand: gesture as a cue based communicative strategy // Lund University, Dept. of Linguistics, Working Papers, 44. Lund, 1995. P. 41–60.

21. Nikolaeva Y. Speech-accompanying gestures in Russian: functions and verbal context // Proceedings of

the 25th International Conference on Computational Linguistics, August 23–29 2014. Dublin, 2014. P. 82–86.

Reference list

1. Apresjan Ju. D. Issledovanija po semantike i leksikografii. Paradigmatika = Studies in semantics and lexicography. Paradigmatics. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. T. I. 568 s.

2. Arkad'ev P. M. Chasti tela i ih funkcii (po dannym russkogo jazyka i russkogo jazyka tela) = Body parts and their functions (in the Russian language and Russian body language) / P. M. Arkad'ev, G. E. Krejdlin // Slovo i jazyk : sbornik statej k 80-letiju akad. Ju. D. Apresjana / отв. red. I. M. Boguslavskij, L. L. Iomdin, L. P. Krysin. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011. S. 41–53.

3. Grigor'eva S. A. Slovar' jazyka russkih zhestov = The dictionary of the Russian gesture language / S. A. Grigor'eva, N. V. Grigor'ev, G. E. Krejdlin. Moskva : Vena : Jazyki russkoj kul'tury, Venskij slavisticheskij al'manah, 2001. 256 s.

4. Dmitrieva Ju. V. Neverbal'naja semiotika i ee otrazhenie leksiko-frazeologicheskimi sredstvami jazyka: na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo jazykov = Nonverbal semiotics and its reflection by lexical-phraseological language means: on the material of English, German and Russian languages. Moskva, 2019. 24 s.

5. Ioanesjan E. R. Perehod ot zhesta i zhestovoj nominacii k frazeologizmu = Transition from gestures and gesture nominations to phraseological units // Nauchnyj dialog 2022. T. 11. № 2. S. 46–62.

6. Ioanesjan E. R. Estestvenno-jazykovye nominacii zhestov s adaptorami = Natural-language nominations of gestures with adaptors / E. R. Ioanesjan, P. S. Dronov // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija. 2020. Vyp. 6. T. 30. S. 959–967.

7. Kozerenko A. D. Zhestovye idiomы i zhestы: tipy sootvetstvij = Gesture idioms and gestures: types of correspondences // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii : Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog». Moskva : Izdatel'stvo RGGU, 2011. Vypusk 10 (17). S. 325–332.

8. Kozerenko A. D. Telo kak ob#ekt prirody i telo kak ob#ekt kul'tury (o semantike frazeologizmov, postroennyh na baze zhestov) = The body as an object of nature and as an object of culture (on the semantics of phraseological units formed on the basis of gestures) / A. D. Kozerenko, G. E. Krejdlin // Frazеologija v kontekste kul'tury / отв. red. V. N. Telija. Moskva, 1999. S. 269–277.

9. Kozerenko A. D., Krejdlin G. E. Frazеologicheskie somatizmy i semioticheskaja konceptualizacija tela = Phraseological somatizms and semiotic body conceptualization // Voprosy jazykoznanija. 2011. № 6. S. 54–66.

10. Krejdlin G. E. Neverbal'naja semiotika : Jazyk tela i estestvennyj jazyk = Nonverbal semiotics : Body language and natural language. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 s.

11. Kulichenko Ju. N. Sopostavitel'naja harakteristika russkih i anglijskih zhestovyh frazeologicheskikh edinic = Comparative characteristics of Russian and English ges-

ture phraseological units / Ju. N. Kulichenko, E. M. Korolevskaja // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 2 (68). Ch. 1. S. 109–112.

12. Majakina M. A. Frazеologicheskie edinicy, opisывajushhie neverbal'noe povedenie cheloveka, kak komponent razvitija jazykovoј i obshhekul'turnoj kompetencij = Phraseological units describing human nonverbal behavior as part of the linguistic and general cultural competence development // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 33 (248). Vyp. 60. S. 248–250.

13. NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = NCRL – National Corpus of the Russian Language. URL: www.ruscorpora.ru (data obrashhenija: 19.12.2023).

14. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesenost' s dejstvitel'nost'ju (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij) = Utterance and its correlation with reality (referential aspects of pronoun semantics). Moskva: Nauka, 1985. 271 s.

15. Rostova M. L. Otrazhenie jemocij zhestovymi frazeologizmami russkogo i anglijskogo jazykov = Reflecting emotions by gesture phraseological units of the Russian and English languages // Chelovek i jazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej. 2013. T. 4. № 4. S. 383–388.

16. SRP – Bol'shoj slovar' russkih pogovorok = DRP – The Big Dictionary of Russian proverbs. Moskva : Olma Media Grupp. V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. 2007. URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com> (data obrashhenija: 19.12.2023).

17. Fedorov A. I. Frazеologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka = Phraseological dictionary of the Russian literary language. Moskva : Astrel'; AST, 2008. 828 s.

18. FRS – Frazеologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka = PRD - Phraseological dictionary of the Russian literary language. Moskva : Lingua, Astrel', AST. A. I. Fjodorov. 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru> (data obrashhenija: 19.12.2023).

19. Ekman P. The repertoire of nonverbal behavior. Categories, origins, usage and encoding / P. Ekman, W. Friesen. San Francisco : Semiotica, 1969. P. 49–98.

20. Gullberg M. Giving language a hand: gesture as a cue based communicative strategy // Lund University, Dept. of Linguistics, Working Papers, 44. Lund, 1995. P. 41–60.

21. Nikolaeva Y. Speech-accompanying gestures in Russian: functions and verbal context // Proceedings of the 25th International Conference on Computational Linguistics, August 23-29 2014. Dublin, 2014. P. 82–86.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 24.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81-114.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-131

EDN: XWDWIC

Соотношение констант и переменных в ходе когнитивной обработки информации

Чермен Герсанович Гогичев

Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. 117997, г. Москва, пер. Стремянный, д. 36
chgo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9685-9618>

Аннотация. В статье рассматриваются общие принципы рекатегоризационных механизмов. Целью является определение способа отношения исходного объекта к некоторой когнитивной координате и фиксация знака переменной в соответствующей конструкции.

Метод исследования предполагает определение категорий в виде константной основы и связанных с ней переменных. Исследуются возможные значения переменных, а также формы их реализации. На основании полученных данных фиксируются пути рекатегоризации исходной структуры.

Формирование представлений об окружающем мире основано на различном сочетании константных и переменных элементов концептуальной системы человека. Константами выражены те элементы, которые лежат в основе категоризации явлений или ситуаций. Переменные служат инструментом фиксации отношения окружающего мира и системы когнитивных координат.

Базовой когнитивной структурой категоризации является форма «субъект – отношение – объект». Ее элементы могут являться как константами, так и переменными.

Наблюдаются две стратегии рекатегоризации: в одном случае константа в виде явления окружающего мира определяется в отношении к переменной, которой является когнитивная координата, в другом внеязыковое явление как переменная определяется в его отношении к константе – когнитивной координате.

Система координат подразделяется на классификационную и характеризующую. Основа когнитивных координат представлена классификационной когнитивной структурой, представляющей собой базовую структуру категоризации. Она полностью константна и состоит из различных позиций, сформированных в данной культуре. Классификационная когнитивная структура представляет собой номенклатуру возможных путей категоризации.

Механизмы опосредованной категоризации основаны на характеризующих когнитивных координатах. Базовая функция характеризующих когнитивных координат заключается в формировании основания для категоризации объекта.

Ключевые слова: категоризация; когнитивные координаты; константы; переменные; категории; рекатегоризация

Для цитирования: Гогичев Ч. Г. Соотношение констант и переменных в ходе когнитивной обработки информации // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 131–148. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-131>. <https://elibrary.ru/XWDWIC>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Correlation between constants and variables in the course of cognitive information processing

Chermen G. Gogichev

Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign languages No. 2, Plekhanov russian university of economics. 117997, Moscow, per. Stremyannyi, 36
chgo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9685-9618>

Abstract. The article discusses general principles of recategorization mechanisms. The goal is to determine how the original object is related to some cognitive coordinate and to fix the sign of the variable in the corresponding construct. The research method involves the definition of categories in the form of a constant basis and related variables. The author investigates possible variable values as well as the forms of their realization. The ways for recategorization of the original structure are recorded on the basis of the obtained data.

Forming perceptions of the surrounding world is based on different combinations of constant and variable elements of a person's conceptual system. Constants express the elements underlying the categorization of phenomena or situations. Variables serve as a tool for recording the relationship between the environment and the system of cognitive coordinates.

The basic cognitive structure of categorization is the form «subject – relation – object». Its elements can be both constants and variables.

There are two recategorization strategies: one defines the constant in the form of an object of the world in relation to a variable, which is a cognitive coordinate, while the other defines the extra-linguistic phenomenon as a variable in its relation to the constant, the cognitive coordinate.

The coordinate system is subdivided into classifying and characterizing. The basis of cognitive coordinates is represented by the classification, which is completely constant.

The mechanisms of indirect categorization are based on characterizing cognitive coordinates. The basic function of characterizing cognitive coordinates is to form the basis for categorizing an object.

Key words: categorization; cognitive coordinates; constants; variables; categories; recategorization

For citation: Gogichev Ch. G. Correlation between constants and variables in the course of cognitive information processing. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):131–148. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-131>. <https://elibrary.ru/XWDWIC>

Введение

Функционирование языковых единиц происходит на основании когнитивных структур разного характера и связей между ними. О важности рассмотрения значения языковых единиц в составе различных комплексов писал В. И. Абаев [Абаев, 1993]. В роли подобных структур могут выступать различные конструкции и их составные части – категории сознания, разнообразные концепты и смыслы и связывающие их отношения [см. также Lakoff, 1987]. Указанные структуры мы называем когнитивными координатами.

Структура данных конструкций формируется не хаотично, но на основе определенных принципов. Базовым принципом формирования когнитивных координат является наличие констант и переменных. Константы представляют собой фиксированные элементы когнитивных операций, на основе которых формируется отношение исходного объекта к концептуальной системе, а переменные выражают разные способы отношения исходного объекта к различным когнитивным координатам.

Основную роль в процессе когнитивной обработки внеязыкового объекта играют конструкции с определенным соотношением констант и переменных. Такие конструкции имеют, прежде всего, вид «субъект – отношение – объект», в которой «субъект» представляет собой определяемое явление как константу, константа «объект» обозначает релевантную когнитивную координату, а сегмент-переменная «отношение» выражает ряд

способов соотнесения явления с концептуальной системой координат. Определение значения элемента «отношение» приводит к реорганизации представления об исходном явлении и его рекатегоризации.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что мы рассматриваем процесс категоризации и рекатегоризации как обозначение констант на основе фиксации знака переменных. Определение значения переменной приводит к формированию полностью константной конструкции, при этом представление об исходном объекте приобретает конфигурацию, соответствующую структуре другой категории, в состав которой включается исходный объект.

Метод исследования предполагает определение категорий в виде константной основы и связанных с ней переменных. Исследуются возможные значения переменных, а также формы их реализации. На основании полученных данных фиксируются пути рекатегоризации исходной структуры.

В семантике категорий сознания основной областью констант являются идентификаторы. Идентификатором категории мы считаем ту область ее семантики, которая служит основой категоризации внеязыкового объекта [Гогичев, 2023]. Всякая категория включает в себя идентификатор в виде констант и потенциальные признаки идентификатора других категорий, сформированные в виде конструкции с переменной в своем составе (β -признаки). В процессе категоризации значения

переменных фиксируются, становясь основой категоризации [Гогичев, 2022а].

В процессе категоризации базовую роль играет константная часть – идентификатор и α -признаки, затем категория преобразуется на основе операций по фиксации переменных в составе β -признаков. Состав α -признаков указывает на то, в какие когнитивные координаты объект уже включен. Состав β -признаков указывает на то, в какие структуры объект может быть включен потенциально. Константные структуры служат непосредственной идентификации, а переменные компоненты – опосредованной [Гогичев, 2022б].

В каждой культуре содержатся категории-маяки, с помощью которых проводится категоризация. Рекатегоризация или переход из одной категории в другую оформляется как определение отношения исходной категории к различным типам маяков. Маяки подразделяются на автономные и структурные, то есть находящиеся в составе некоторой структуры, позволяющей судить о значении маяка. Например, количество часов в сутках, дней в месяце, месяцев в году, денег и т. д. Значение автономных маяков выражается индивидуально в конструкции, в составе которой выступает маяк, например, отношение к деньгам – стремление не расходовать – это скупость.

Таким образом происходит фиксация проявлений исходного объекта в виде константных признаков на основе конструкции «субъект – отношение – объект» (субъект помогает бедным, берет чужую вину на себя). Поскольку данные признаки входят в состав идентификатора категории «благородный человек», объект получает свое место в концептуальной системе в виде указанной категории и связь с ее семантической структурой. Идентификация может происходить и на основе других значений переменной «отношение» – поможет, но не всегда, не всем и т. д.

Переменной может являться и позиция «субъект»: позиция «субъект» предполагает рассмотрение отдельных индивидуумов – с Петром Ивановичем можно пойти в разведку, а с Иваном Петровичем нельзя пойти в разведку.

Позиция «объект» также может быть переменной, например, в конструкции с переменным объектом – суп содержит мясо / овощи или молоко, где от значения переменной зависит результат категоризации – мясной суп, овощной и т. д. [Толковый словарь Ушакова].

Таким образом, процесс рекатегоризации определяется отношением исходной категории к некоторым координатам, маякам и соответствию

конфигурации признаков идентификатора финальной категории. Исходный объект исследуется на предмет соответствия той же конфигурации, что и финальная категория, то есть отношение к тем же координатам, которое представлено в виде переменной, фиксируется в виде определенных значений.

Характер и направление рекатегоризации зависит от данной культуры или социальной страты – то, что в одной культуре может расцениваться как бережливость, в другой среде или социальной страте обозначается как скупость.

1. Константы и переменные в составе категорий

1.1. Константы. Как уже указывалось выше, базовой константой в семантике категорий является идентификатор категории. На разных этапах категоризации константы могут быть выражены различным образом. На начальном этапе происходит первичная идентификация объекта на основе конструкции «объект – идентификация»: *это – дерево*. Образ-идентификатор категории «дерево» имеет наглядный характер и выступает как когнитивная координата. Позиция идентификатора является константой и замещается, как правило, категориями базового уровня.

Категоризация в данном случае происходит на основе **непосредственного соотнесения** первичного контура, под которым мы понимаем внешние признаки внеязыкового явления с инвентарем образов, хранящихся в сознании человека [см. также Арутюнова, 1998]. Базовые категории «дерево», «стол», «стул», «кошка» остаются на уровне первого контура категоризации. Рекатегоризации «береза», «письменный стол», «кухонный стул», «персидский кот» сформированы на основе визуальных идентификаторов-констант соответствующих субкатегорий (о базовых категориях см. [Rosch, 1978]).

Рекатегоризация может проходить и по другим контурам, то есть на основе другого типа идентификатора. В этом случае **идентификатор лишен образной составляющей и не может служить когнитивной координатой непосредственно**, а определяемый признак не поддается непосредственному наблюдению. Например, при трансформации «человек» – «хитрый человек» визуальная категоризация невозможна. В этом случае в качестве промежуточной ступени происходит фиксация отношения исходного объекта к категориям-маякам, ср.:

Изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями.

[Толковый словарь Ожегова]

Хитрым называют человека, который скрывает от других людей свои настоящие планы, мысли и чувства, чтобы достичь своей цели.

[Толковый словарь Дмитриева]

Как видно из приведенных определений, признак «хитрость» выявляется на основе конструкции «субъект – отношение – объект» путем выяснения значения переменной «скрывает / не скрывает» в отношении категории-маяка «истинные намерения». В зависимости от результата происходит отнесение объекта «человек» в категории «хитрый» или «искренний». Константой в данном случае является сегмент «объект», который замещается субкатегориями (истинные намерения), а переменными – сегменты «субъект» (человек) и «отношение» (скрывает / не скрывает). Переменные позиции могут замещаться разными лицами (субъект) или разными видами отношения – *Иван Петрович скрывает...*, а *Марья Ивановна не скрывает...*

Таким образом, наблюдаются два типа констант и две стратегии рекатегоризации: в одном случае константа в виде образа-идентификатора некоторой категории используется для непосредственной категоризации явления окружающей среды, основой которой является непосредственно наблюдаемый признак, в другом константой является категория-маяк, являющийся основой формирования идентификатора как фиксированного отношения к маяку.

В первом случае когнитивная обработка происходит без обращения к вспомогательным когнитивным координатам, на основе особенностей внешнего вида объектов, во втором – происходит выяснение отношения объекта к функциональным элементам когнитивной системы, а затем и рекатегоризация.

1.2. Переменные. Как уже было показано выше, тип переменной определяется характером когнитивной операции. В составе базовой структуры «субъект – отношение – объект» можно выделить три вида переменных. Два из них упоминались выше: переменная «объект» характерна для операций субкатегоризации категорий первого контура, основанных на особенностях внешних признаков.

Переменная «отношение» определяет тип связи внеязыкового явления и системы когнитивных координат-маяков для категорий второго контура.

Если переменной является элемент «субъект», происходит выяснение вида отношения различных субъектов к некоторой когнитивной координате. Например:

– *Петя / Ваня / Саша может починить сломанную технику.*

– *Ваня / Коля не может сварить кофе.*

Переменной в рекатегоризационной структуре может являться некоторый смысл, находящийся вне конструкции. Это происходит в случае ситуативного идентификатора, то есть конструкции, состоящей из нескольких элементов.

Переменной в составе подобных конструкций могут являться элементы типа ЦЕЛЬ: целью нашего исследования является...

Наблюдая пишущего человека, возникает вопрос о ЦЕЛИ или ПРИЧИНЕ такого действия. Для выяснения этого обстоятельства наблюдатель обращает внимание на внешний вид, выражение лица (радостное или грустное), а также на предметы, которые человек имеет при себе, производя таким образом рекатегоризацию, например, человек пишет письмо.

При некоторой модификации ситуации-идентификатора меняется переменная, например, ситуация нахождения лидера государства в другой стране с определенными целями рассматривается как «государственный визит», но эта переменная (цель) может быть изменена на значение «прощальный» (государственный визит):

– *Ранее «Главный региональный» писал, что европейское турне Зеленского в Финляндию и Нидерланды приобрело смысл «прощальных гастролей».*

[Опрос: респонденты единогласно...]

Переменная данного типа может иметь разные значения в случае неизменного идентификатора. Довольно часто одни и те же проявления объекта категоризируются наблюдателем на противоположных частях шкалы. Например, мнение, высказанное Иваном Демьянычем Бельмесовым о том, что парходам с большой осадкой легче передвигаться по мелководью приводит к категоризации одним наблюдателем в виде «осел», а другим – «приличный человек, хотя звезд с неба не хватает»:

– *А вы долго на мели просидели? — спросил рыжий старик.*

– Да, сутки с лишним. Чуть не два дня. Волга то летом в некоторых местах так мелеет, что хоть плачь. Чуть пароход мелко сидит в воде – сразу же и сядет. Которые глубоко сидят в воде, тем легче...

Я встал, отозвал хозяйку в сторону и сказал:

– Ради Бога! Откуда у вас появился этот осел?

... – Не всем же быть писателями и сочинять рассказы, – сухо заметила она. – Во всяком случае, он приличный человек, хотя звезд с неба и не хватает.

[Аркадий Аверченко. Бельмесов]

Выделяя четыре типа переменных, выраженных как в составе конструкции «субъект – отношение – объект», так и вне ее рамок, необходимо отметить, что тип переменных зависит от типов константы: при константе «идентификатор категории» переменной является «внеязыковой объект» (охотничья собака). Для ситуативных констант переменными являются оценочные значения или другие измерения из состава когнитивных координат.

2. Структура когнитивных координат. Обработка констант и переменных

Находясь в составе концептуальной системы, категория активирует как константные связи с другими элементами системы, так и отношения с нефиксированным знаком. В случае фиксации значения переменной мы говорим о рекатегоризации. Константами являются, например, некоторые функции, ср. *назвался груздем – полезай в кузов*. В данном случае за категоризацией объекта следует фиксированная операция.

Категория как константа участвует в процессах рекатегоризации на основании определенного круга когнитивных координат. При этом базовым процессом является определение способа отношения к вспомогательной когнитивной координате и фиксация знака переменной в соответствующей конструкции. Связь со вспомогательной когнитивной координатой выражается через формирование отношения к некоторому когнитивному маяку. Основной состав когнитивных координат мы называем **классификационными когнитивными координатами**. К ним относятся, например, виртуоз, политик левых взглядов и т. д. Механизмы опосредованной категоризации основаны на **характеризующих когнитивных координатах**.

Общие принципы рекатегоризационных механизмов можно изложить следующим образом: каждая категория связана с классификационной когнитивной координатой потенциальной связью, имеющей несколько возможных значений. Подобная связь представляет собой неполный идентификатор категории-цели в виде структуры с переменной в своем составе. Значение подобной переменной определяется при соотнесении с соответствующим элементом характеризующей системы. Такой элемент представляет собой категорию-маяк, способ отношения к которому является релевантным в данной культуре.

В рекатегоризации «человек-виртуоз» может происходить сопоставление констант «человек» и «объект» для выявления знака элемента «отношение». Если переменная имеет значение «прекрасно», то формируется идентификатор категории «виртуоз» – артист, в совершенстве владеющий техникой своего искусства. Человек может быть виртуозом игры на скрипке:

– Ни до Паганини, ни после Паганини не нашлось виртуоза, который мог бы так же владеть скрипкой, как он. Сергеев-Ценский, Пушки выдвигают.

[Национальный корпус русского языка]

Также это может быть «человек, достигший высокой степени мастерства в каком-л. деле».

– В первом же бою он [наводчик Ковалев] показал себя таким знатоком своего дела, таким виртуозом, что всякое недоверие кончилось раз и навсегда. В.П. Катаев, Сын полка.

[Карта слов]

Элемент «отношение» и значение МАСТЕРСТВО основаны здесь на иерархической структуре и могут иметь градации ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ – СРЕДНЯЯ СЕПЕНЬ – НАЧАЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ. Потенциальное отношение здесь может также иметь значения «играть» (на скрипке), «хорошо играть» (на скрипке), что приводит к категоризации «скрипач», возможно, «ученик» и «профессиональный скрипач» соответственно.

Категоризация «политик левых взглядов» в качестве основы рекатегоризации предполагает классификацию на основе, в целом, трехступенчатой линейной структуры «левый – центр – правый». Например, для левых сил характерно положительное отношение к Ленину и Сталину. По отношению к форме собственности средств про-

изводства политик левого спектра занимает позицию «национализация».

В рассмотренных случаях константы «Ленин», «Сталин» и «средства производства» связаны с переменными «положительное/отрицательное отношение» и «национализация/частная собственность» соответственно. В данной структуре политического спектра можно отметить также наличие элемента «конфликтное отношение элементов друг другу», на что указывает наличие войн между большевиками и белогвардейцами, левыми и правыми. В роли маяков выступают категории «скрипка» и «Сталин, Ленин» соответственно.

Таким образом можно проследить способы модификации исходной категории в виде определенного соотношения констант и переменных. В структуре «субъект – отношение – объект» переменной может являться не только элемент «отношение», но и элементы «субъект» (Петя, Вася) и «объект» (скрипка, военное дело).

В описанных случаях мы рассмотрели модификации β -сегмента семантики категории, однако модификациям при рекатегоризации могут подвергаться и идентификаторы, и отдельные элементы α -структуры. Идентификатор рассматривается нами, в частности, как образ, осознаваемый как совокупность отдельных черт. Рекатегоризация «большой, могучий человек» может производиться на основе образа медведя и в этом случае в ходе операции проявляются как константы так и переменные. Константой является размер медведя, а переменными – лапы, морда и т. д. В составе α -структуры константой сохраняется признак «медведь – силен», остальные признаки – медведь любит мед, медведь агрессивен – становятся переменными.

Определенные признаки из состава α -структуры обозначались нами ранее как признаки межкатегориального взаимодействия [Гогичев, 2022a]. При рекатегоризации они переходят в новую структуру, в то время как переменные теряются, ср. лиса хитра (константа) и у лисы пушистый хвост (переменная). Состав α -признаков, как правило, непригоден для категоризации, в силу общего характера семантических признаков. Подобные проявления некоторого объекта могут стать основой для различной категоризации:

– Ва... Ватсон... Ватсон, что это? Это была собака?

– Говорят, здесь так кричит какая-то птица.

– Но, в-вы же сами знаете, что это похоже на собаку...

– Ну... иногда болота издают такие звуки.

– Ну что же, зачем же вы... что ж вы, меня ребенком считаете? Скажите мне правду – это же собака, Ватсон?

– Местные жители говорят, ч-что так воеет собака Баскервилей.

[А. Конан-Дойл. Собака Баскервилей]

В данном случае для интерпретации некоторого звука привлекаются классификаторы СОБАКА, ПТИЦА, БОЛОТО.

Таким образом, систему когнитивных координат можно представить в виде двух подсистем. Классификационные когнитивные координаты представляют собой номенклатуру позиций для классификации объектов окружающего мира.

Характеризующие когнитивные координаты представляют собой номенклатуру позиций для характеристики объектов окружающего мира.

Взаимодействие двух указанных систем происходит как сочетание базовых единиц классификационной системы и их основных характеристик, представленных в виде когнитивной процедуры с переменной в своем составе.

2. Типы когнитивных координат.

2.1. Классификационные когнитивные координаты. Главной задачей при обработке высказывания является предложение когнитивной координаты, категории или многосоставной когнитивной конструкции, на базе которой происходит категоризация или интерпретация явления. Элементы классификационной системы являются константами и представляют собой интерпретации, способ восприятия явлений действительности. К ним относятся ОБМАН, ССОРА, НЕПРАВДА и т. д.

– Марина высказала мысль, что выдавание шума в зале за настоящую музыку – это обман. [Владимир Будников. Четырежды романтическая душа // «Дальний Восток», 2019]

[Национальный корпус русского языка]

Здесь основой интерпретации является структура «объект – отношение – объект», где объект «шум» находится в отношении «выдаваться» с другим объектом «музыка».

Координата ССОРА предполагает квалификацию отношений между некоторыми лицами:

– По всему было видно, что **они в ссоре**. [Иван Охлобыстин. Горе от ума. 1997 // Столица. 26.08.1997]

– Но это вовсе не обозначало, что **они в ссоре**. [В. П. Катаев. Белеет парус одинокий, 1936] [Национальный корпус русского языка]

Также можно отметить интерпретацию НЕПРАВДА:

– И все слухи о том, что за любой бивак в Карнатах нужно платить деньги хозяевам земли – **это неправда**. [Отчёт о велосипедном походе, 2001]

[Национальный корпус русского языка]

В примерах представлена интерпретация ССОРА и одно из возможных оснований для интерпретации НЕПРАВДА на основании модели «субъект» – «отношение (нужно платить деньги) – «объект (деньги).

Обработка поступающей информации может заключаться во включении рассматриваемого явления в некоторую многосоставную конструкцию. К подобным моделям можно отнести ПРИЧИНА – СЛЕДСТВИЕ, ДЕЙСТВИЕ – ЦЕЛЬ, ПРОБЛЕМА – ВОЗМОЖНОСТЬ. Например:

– Опечатанная комната, гремящая музыка, бьющий в глаза свет – всё **это сделано для того, чтобы** подавить зрителя, заставить его **изнывать от бешенства**. [Татьяна Юрьева. Дневник культурной девушки, 1988] [Национальный корпус русского языка]

– **Это потому, что** мне скучно и мне хочется посмотреть, что дедушка будет делать, если у него не получится. [Фазиль Искандер. Дедушка, 1966]

[Национальный корпус русского языка]

Предложение когнитивных координат может иметь общий характер:

– В категории проблем мыслят люди с **негативным мышлением**, в категории возможности – с **позитивным мышлением**.

[Деятельная личность]

В рассмотренных случаях к исходному смыслу добавляется некоторый элемент концептуальной структуры – человек идет по улице – КУДА, собака лает во дворе – ЗАХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ, на улице теплая погода – МОЖНО ГУЛЯТЬ. Концептуализация может переходить на суперординатный или субординатный уровень – лев – хищ-

ник (опасность) – ОТ ХИЩНИКОВ НУЖНО СКРЫВАТЬСЯ, львенок – детеныш (отсутствие опасности) – С НИМ МОЖНО ИГРАТЬ, человек – БЛАГОРОДСТВО:

– Ну, с **благородным человеком**, вот как вы, можно и выпить немножко. [А. Н. Островский. Бесприданница, 1879], [Национальный корпус русского языка].

Рекатегоризация, помимо всего прочего, определяет способ взаимодействия с объектом, с «благородным человеком» можно вступать в указанные виды взаимодействия (иметь дело, выпить).

Объект категоризации потенциально может быть включен одновременно в несколько классификационных когнитивных структур. Категория «день» может быть включена в периодические структуры неделя, месяц, год, однако имеет возможность, в числе прочего, связи с некоторым событием в рамках когнитивных структур СОБЫТИЕ и ПАМЯТЬ. В данном случае, происходит обращение к релевантным для данной культуры событиям – День Победы, Хуыцаубон (осет. день Бога) или воскресенье. На уровне классификационных координат присутствует определение отношения некоторого дня к соответствующим событиям – Победа, Бог, события, связанные с земной жизнью Бога.

Мы рассмотрели когнитивные классификаторы стандартного характера, однако они могут иметь и оригинальный характер. Например:

– Что же, – сказала бабушка, – сон твой хорош, – особенно если ты захочешь понять его, как следует. В баснях и сказках часто бывает сокрыт особый затаённый смысл. Неразменный рубль – по-моему, это талант, который Провидение даёт человеку при его рождении.

Неразменный рубль – это есть сила, которая может служить истине и добродетели, на пользу людям, в чём для человека с добрым сердцем и ясным умом заключается самое высшее удовольствие.

Человек в жилетке сверх тёплого полушубка – есть суета, потому что жилет сверх полушубка не нужен, как не нужно и то, чтобы за нами ходили и нас прославляли. Суета затемняет ум.

[Николай Лесков. Неразменный рубль]

В произведении Н. С. Лескова в ходе толкования сна происходит сопоставление сновидения, представленного в виде совокупности элементов с элементами реальности. Сопоставляются элементы «неразменный рубль» и «человек в жилетке» с

элементами «сила, которая может служить истине...» и «суета соответственно».

Процесс рекатегоризации обусловлен необходимостью более точного позиционирования объекта в системе когнитивных координат. Основа когнитивных координат представлена классификационной когнитивной структурой, представляющей собой базовую структуру категоризации. Она полностью константна и состоит из различных позиций, релевантных для данной культуры.

Классификационная когнитивная структура представляет собой номенклатуру возможных путей категоризации. Потребность характеристики объекта в рамках классификационной когнитивной структуры диктует необходимость фиксации переменных элементов в характеризующей когнитивной структуре.

2.2. Характеризующие когнитивные координаты. Система координат-маяков

Система координат, образованная для характеристики внеязыкового объекта, представляет собой предварительную ступень категоризации, призванную сформировать представление об объекте. Как уже указывалось выше, базовой когнитивной процедурой, на основе которой производится данная операция, является конструкция «субъект – отношение – объект».

Задачей операции является выяснение значения переменной, входящей в состав конструкции. Основной указанной операции являются категории-маяки. Они представляют некоторые признаки, отношение к которым является определяющим в данной культуре. Рассматриваемое явление определяется в его отношении к маяку и соответствию семантической структуре одного из когнитивных регуляторов.

Способ рекатегоризации зависит от того, какой сегмент выражен в виде переменной. В зависимости от значения переменной происходит интерпретация и отнесение в категории классификационной когнитивной системы.

2.2.1. Сегмент «субъект» как исходная категория

Субъект-константа. В том случае, если внеязыковой объект помещается в позицию константного субъекта, определяется его отношение к различным релевантным элементам-маякам. В результате объект включается в состав соответствующей категории. В этом случае элементы «объект» и «отношение» являются переменными. Происходит сопоставление категоризируемого объекта в различных модусах с различными элементами характеризующей концептуальной

системы, определяющими формирование идентификатора. Например:

– *Петя любит / не любит кошек / пирожные / читать книги.*

Значение «любит» переменной «отношение» приводит к формированию идентификаторов категорий «кошатник», «интроверт», «сова» (см. «О животных» <https://sport-dog.ru/psihologia-kosatnikov-i-sobacnikov-cem-otlicautsa-vladelcy-pitomcev/>), а также «сладкоежка» и «книголюб». Сравните также:

– *У Пети есть миллион* (много денег) – рекатегоризация – Петя – богатый человек.

– *У Пети есть автомобиль* – рекатегоризация – Петя – автомобилист.

– *У Пети нет автомобиля* – рекатегоризация – Петя – пешеход.

В том случае, если переменной становится сегмент «отношение», на первый план выходят постидентификационные признаки – Если у Пети есть автомобиль, он может подвезти, если есть принтер – можно распечатать документ.

Субъект-переменная. Когнитивная операция «включение категории в класс-эталон». В том случае, если позиция «субъект» оказывается переменной, происходит сопоставление различных внеязыковых объектов к релевантным маякам с фиксированным отношением. В этом случае элементы «объект» и «отношение» являются константами. Данная процедура имеет вид *Петя / Вася / Таня не любит читать книги*, что приводит к целому ряду интерпретаций.

В том случае, когда субъект-переменная связан с классификационной системой определенной связью, т.е. имеет определенную ассоциацию, он сам может становиться координатой, оказывая влияние на интерпретацию сегмента «объект», который выражен константой. Например, денежная сумма в 10 млн. долларов обычно рассматривается как большая сумма денег. Однако в некоторых случаях эта величина может быть представлена как своя прямая противоположность – ничтожная сумма денег.

Все зависит от того, как замещается позиция субъекта в конструкции «субъект – отношение – объект»:

– *Президент Ла Лиги Хавьер Тебас обвинил «ПСЖ» в финансовом легкомыслии и призвал УЕФА немедленно наказать французский клуб.*

«€ 10 млн для «ПСЖ» и президента клуба – это чашка кофе». Парижане нарушают экосистему футбола. За последние шесть или семь сезонов «ПСЖ» понёс убытки в размере € 1 млрд. Как другие клубы могут с этим конкурировать?

[Глава Ла Лиги: € 10 млн для «ПСЖ»...]

В данном случае, позиция «субъект» замещается категорией «футбольный клуб ПСЖ». Данная категория имеет признак «клуб обладает значительными финансовыми ресурсами» (связь с координатой ОГРОМНОЕ БОГАТСТВО) и, в результате рекатегоризации интерпретация, связанная с категорией «€ 10 млн.» меняется на значение «небольшая величина». Сопоставление происходит в модусе, который имеет значение «владение» (ценностью).

Таким образом функция сегмента «субъект» заключается, прежде всего, в определении явления действительности, подвергающегося категоризации.

2.2.2. Сегмент «объект» как когнитивная координата

Сегмент «объект» рассматривается как когнитивная координата в составе конструкции, призванной охарактеризовать объект. Объект выражается, прежде всего, категориями-маяками (любит деньги, держит слово) и используется для характеристики явления и определения его места в классификационной системе координат. При константном объекте, как уже указывалось выше, происходит соотнесение некоторых внеязыковых явлений в различных модусах с элементом системы характеристик и формирования идентификатора соответствующей категории. Это происходит при помощи фиксации значений переменных. В данной конструкции переменными являются сегменты «отношение» и «субъект»:

– Иван Петрович / Павел Иванович любит / не любит заниматься спортом.

– Марья Ивановна/Татьяна Николаевна всегда/никогда не держит своего слова.

В конструкции с объектом-константой может происходить смена фокуса, его переход с «объекта» на «отношение». Например:

– Петя любит сладкое.

Если Петя любит сладкое, значит он – сладкоежка.

Если фокус конструкции перемещается на элемент «отношение» (любит), то утверждение содержит опровержение предыдущего утверждения:

– Пете торт не давайте.

– Напротив, Петя любит сладкое.

Объект-переменная. Значение «объекта» может быть переменным при константном характере сегментов «субъект» и «отношение». В этом случае происходит фиксация отношения некоторого явления не к одной области, а к нескольким:

– Мама любит готовить / неть / ходить по магазинам.

В результате фиксации значений переменной «объект» происходит формирование нескольких идентификаторов одной или нескольких категорий – хорошая хозяйка / творческая личность.

Функция сегмента «объект» заключается в характеристике, позиционировании субъекта конструкции в системе координат. Будучи частью характеризующей системы координат, рассматриваемый сегмент служит позиционированию субъекта конструкции в классификационной системе координат.

2.2.3. Сегмент «отношение» как когнитивная координата

Отношение, связывающее сегменты «субъект» и «объект» также является когнитивной координатой. Оно представляет собой измерение, в котором соотносятся остальные элементы. Элемент «отношение» может иметь значение «обладание, склонность, способность помочь» и т. д.

В процедурном представлении представляет собой способ отношения исходного объекта к элементам характеризующей концептуальной системы. Уметь, любить, обладать – все это возможные формы взаимодействия с некоторой координатой, выработанные в человеческой культуре и хранящиеся в сознании в виде потенциальных, а в определенных случаях и реальных связей. В виде константы сегмент «отношение» является элементом классификационных когнитивных координат, а в виде переменной – характеризующих.

В виде переменной сегмент «отношение» нами был охарактеризован выше. Здесь можно в общем виде указать на зависимость знака подобной переменной от семантики категории-маяка. Различные маяки допускают определенные виды отношений с субъектом отношения. Как правило, отношение субъекта к объекту имеет вид положи-

тельной и отрицательной формы некоторого смысла. Кроме того, данная переменная может иметь градуируемое значение – иметь немного, много, очень много. Базовым свойством переменной «отношение» является представление возможных способов взаимодействия с маяком для фиксации характеристики объекта.

В виде константы рассматриваемый элемент представлен одной из когнитивных координат:

– Многие у нас уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, но чтобы выставить их напоказ и сказать Европе: «Смотрите, немцы: мы лучше вас!» **Это хвастовство** – губитель всего. Оно раздражает других и наносит вред самому хвастуну. [Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями, 1843–1847]

[Национальный корпус русского языка]

В данном случае представлена структура «субъект – отношение – объект» с элементами «молодежь» – «хвастаться» – «доблести». Сегмент «отношение» выражает готовую рекатегоризацию «хвастун».

Помимо упомянутых выше примеров, одним из основных видов отношений базовых терминов является понятие СРЕДСТВО. Большое количество предметов осознаются на основании данной координаты. Сумка – средство переноса некоторых вещей. Автомобиль – средство передвижения.

Однако не только предметы вступают в подобные отношения. Средством достижения успеха может являться прилежание или трудолюбие. Таким же образом может рассматриваться знакомство и хорошие отношения с некоторыми людьми.

Элемент «отношение» может также иметь значение «не/соответствие норме». Высказывания типа *он – обычный парень*, фиксируют соответствие норме. Сообщение *у него нет мозгов* фиксирует несоответствие норме.

Отношение-константа «если...то (значит)...». Формирование вывода. Фиксация отношения определяемого объекта к элементам маякам не является финальным этапом процесса рекатегоризации. Далее сформированная конструкция-константа определяется как идентификатор соответствующей категории, т.е. вначале производится предварительная интерпретация, а затем финальная. Значение финальной категории находится на более абстрактном уровне категоризации, чем исходная конструкция, представляющая собой константу. Фиксация значения подоб-

ной переменной происходит в рамках конструкции «если...то (значит)...».

В однозначных случаях, когда базовые позиции не осложнены дополнительными признаками и значения всех элементов зафиксированы, переменная «финальная категория» фиксируется также однозначно – (некто не любит тратить деньги) *если человек не любит тратить деньги, значит он скупой*. Фиксированные пути осмысления объекта отражены в составе α -признаков категории. Например, волк – опасность, молоток – средство забивания гвоздей. Во многих случаях эти пути нефиксированные, они могут быть ситуативными – полиэтиленовый пакет – средство изоляции помещения от ветра. В составе β -признаков отражены именно такие связи.

В тех случаях, когда значения не всех переменных в рамках исходной конструкции зафиксированы, финальная категоризация зависит от значений переменных в составе исходной конструкции. В зависимости от значения переменной производится идентификация объекта или ситуации. Обычная ситуация, когда человек идет по улице, может быть рассмотрена с различных точек зрения для совершения *линейного вывода*. Линейным мы называем вывод, когда основа-константа и переменная-вывод находятся на одном уровне категоризации (в данном случае уровень А).

Ситуация-константа «человек идет по улице» может получать разную категоризацию. Для формирования представления о действиях этого человека необходимо привлечь соответствующие области знаний из сценариев ГУЛЯТЬ, ВСТРЕЧА С ДРУГОМ/ДЕЛОВАЯ/РОМАНТИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА или, например, РАБОТА. Если действие происходит в вечернее время, то, вероятнее всего, человек гуляет или собирается встретиться с другом, поскольку в это время рабочий день, как и деловая активность в общем, стихает. Могут рассматриваться и другие характеристики ситуации:

– По аллее, проявляя все признаки нетерпения, расхаживал молодой человек; наряд его, щеголеватостью напоминавший театральный, состоял из черного бархатного редингота, петлицы которого были обшиты золотым инуром, а полы оторочены мехом, серых облегающих панталон и мягких сапог до колен с кисточками. ...

По тому, что он не отходил от избранного им участка аллеи, можно было догадаться, что он кого-то ждет и что этот кто-то скорее всего дама, ибо венский Королевский сад в ноябре мало подходит для деловых свиданий.

[Теофиль Готье. Два актера на одну роль]

В данном случае значения переменных в исходной структуре выглядят как *не отходил от избранного им участка аллеи и этот кто-то скорее всего дама, ибо венский Королевский сад в ноябре мало подходит для деловых свиданий*. Значение финальной переменной имеет вид «романтическая встреча».

Как уже отмечалось, что фиксация значений переменных рассматриваемого типа носит индивидуальный характер и может иметь разные значения при одной и той же основе-константе. При анализе ситуации необходимо принимать во внимание целый ряд факторов, дополнительную информацию. Если этого не происходит, то вывод представляет собой ошибку категоризации. Например, детективные романы представляют собой образцы подобных конструкций. В рассказе А. Конан-Дойла «Знатный холостяк» Шерлок Холмс обсуждает с инспектором Лестрейдом принадлежность вещей, найденных на берегу пруда:

– ...По-моему, если там была одежда, то где-нибудь поблизости найдется и тело.

– Если исходить из этой остроумной теории, тело каждого человека должно быть найдено рядом с его одеждой.

[А. Конан-Дойл. Знатный холостяк]

Инспектор Лестрейд фиксирует значение переменной в виде вывода о том, что тело леди Сент-Саймон находится в том же месте, где и ее одежда. Однако Шерлок Холмс отрицает этот вывод.

Операции совершения вывода и фиксации значения переменной имеют некоторые разновидности. Рассматриваемая конструкция может состоять из последовательностей некоторых событий, например, если собрались тучи, значит будет дождь. Такой тип когнитивного регулятора можно обозначить как *прогрессивная последовательность*.

Регрессивная последовательность предполагает вывод относительно предыдущего события, например, если человек встревожен, значит случилось что-то неприятное.

Одновременность событий также фиксируется в рамках соответствующих когнитивных координат – птицы летят на юг, значит наступает осень.

Отношение компонентов когнитивной процедуры может выражаться эмоцией. Часть членов категории «продолжительное действие», например, «приятное путешествие / разговор / вечер / увлекательный футбольный матч» связаны с желанием отдалить окончание действия. Также в исходную

схему может быть включен элемент «Обязательство». Для категории «бегун» ВРЕМЯ представлено некоторым периодом, за который спортсмен должен преодолеть некоторое расстояние и соответствие этого периода времени определенным представлениям о необходимой скорости.

Таким образом, у каждой категории есть свой модус взаимодействия с некоторым концептом, который можно представить в виде матрицы взаимодействия категории и когнитивной координаты.

Вывод-обобщение. Помимо когнитивных структур, регулирующих внешние обстоятельства, существуют регуляторы, призванные классифицировать внутренние свойства объектов. Например, если кто-либо перевел старушку через дорогу, значит он совершил благородный поступок, следовательно это – благородный человек. В данном случае, рекатегоризация предполагает совершение вывода посредством обобщения признака – перевести старушку через дорогу – это совершение благородного поступка. Конструкция «субъект (человек) – отношение (перевел через дорогу) – объект (старушка)» также включена в когнитивную процедуру совершения вывода (если... то...).

Таким образом, основным процессом рекатегоризации мы считаем фиксацию знака переменной в конструкциях, отражающих отношение объекта категоризации к единицам характеризующей системы координат. Базовая функция характеризующих когнитивных координат заключается в формировании основания для категоризации объекта.

Характеризующая когнитивная структура существует в виде потенциальных способов связи определяемого объекта с координатами-маяками в виде различного сочетания констант и переменных. На основе которых формируются идентификаторы единиц регулирующей структуры. Выяснение знака переменной приводит к соответствующей рекатегоризации.

Рекатегоризация происходит в два этапа – фиксация идентификатора на основе структуры «субъект – отношение – объект» и формирование связи идентификатора и финальной категоризации на основе структуры «если... то...».

На первом этапе может происходить как сопоставление одного объекта с несколькими когнитивными координатами, так и формирование отношения нескольких объектов с одной когнитивной координатой.

На втором этапе формируется категоризация объекта – его соотнесение с некоторой когнитивной конструкцией, предметной или ситуативной.

В первом случае элемент «отношение» может иметь широкий ряд значений, во втором – значение этого элемента всегда выражено причинно-следственной связью.

Финальная единица категоризации может быть расположена на двух уровнях – А и Б. На уровне А, т.е. при линейной категоризации расположены конкретные значения финальной категоризации. На уровне Б сформированы общие классы, объединяющие ряд конкретных проявлений.

3. Способы обработки информации

Формирование отношения определяемого объекта и когнитивных координат, то есть восприятие мира происходит по принципу «дополненной реальности». В ходе этого процесса фрагмент окружающего мира соотносится с некоторым элементом концептуальной системы, получая, таким образом, категоризацию. При этом представление об исходном объекте получает признаки, ему изначально несвойственные. Указанные признаки непосредственно влияют на восприятие объекта действительности:

... – Через нее три года назад, день в день, вышли ее муж и двое младших братьев; она отправилась на охоту. Они так и не вернулись.

... – Бедная тетюшка все надеется, что они когда-нибудь вернуться, а вместе с ними и маленький рыжий спаниель, который тоже погиб, и они войдут в эту дверь, как обычно. Вот почему по вечерам дверь не закрывают, пока совсем не стемнеет.

[Гектор Хью Манро. Открытая дверь]

В приведенном примере племянница хозяйки предложила особое восприятие двери в сад – в нее вышли их родственники, они не вернулись и хозяйка их ждет. Этого не произошло в действительности, чем и обусловлено разное восприятие двери и последующих событий персонажами рассказа. Когда «пропавшие» родственники вернулись, тот, кому рассказали эту историю (Фрэмтон) убежал, «не помня себя от страха», чему остальные были крайне удивлены.

Способы соотнесения и интерпретации объектов отличаются разнообразием. Некоторые элементы когнитивных координат жестко привязаны к одной категории, например, «человек – ГРАМОТНОСТЬ, человек – РОСТ». Концепты РОСТ и ГРАМОТНОСТЬ являются составными частями когнитивной структуры, лежащей в основе процессов модификации объекта «человек». Эта структура представляет из себя образование, состоящее из элементов различной структуры и

их проявлений (напр. категорий-классификаторов или эталонов).

Концепт РОСТ представлен определенной шкалой, основанной на представлении о среднем росте человека в качестве эталона. Здесь значением переменной является выражение отношения определяемого объекта к эталону. Количество значений этого отношения может быть представлено следующим образом – гораздо меньше эталона (метр в кепке) – меньше эталона (низкий) – немного меньше эталона (невысокий) – среднего роста (соответствие физическому эталону) – выше физического эталона (довольно высокий) – значительно выше эталона (высокий) – гораздо выше эталонов (очень высокий) – чрезмерно выше эталона (каланча, дядя, достань воробушка).

Отношение к концепту ГРАМОТНОСТЬ выражается в виде отношения объекта «человек» к иерархической шкале со значениями «отсутствие» (грамотности), представленной фразеологической единицей *не мочь связать два слова*, «небольшой уровень грамотности» (малограмотный) и наличие грамотности (грамотный).

В зависимости от объекта когнитивная координата может видоизменяться. Например, концепт ВЫСОТА сходный по семантике с концептом РОСТ, также основан на градуируемой шкале, но эталоны, с которыми соотносится определяемый объект представляют среднюю высоту неодушевленных предметов (дома, дерева). Количество значений отношения к концепту ВЫСОТА представляется нам меньшим – низкая (невысокая) – высокая – очень высокая стена.

В некоторых случаях изменения содержания не происходит – концепт ВЕС находится в потенциальной связи как с категорией «одушевленные предметы», так и с категорией «неодушевленные предметы». Форма и содержание данной координаты остаются неизменными.

Таким образом, в виде когнитивных координат мы имеем систему классификации, включающую в представление об объекте свои параметры, часто обусловленные ситуативно. На основании элементов данной структуры представление об исходном объекте видоизменяется в соответствии с конфигурацией данной культуры.

Комплексные регуляторы. «Начало – середина – конец».

Некоторые объекты могут рассматриваться на основе отношения не к единичным, а комплексным элементам концептуальной системы. Некоторые когнитивные структуры имеют характер базовых, то есть таких, к которым обращаются другие единицы, например, концепты, при формировании языковых выражений. Довольно часто,

при категоризации, происходит обращение к структуре «начало – середина – конец». Дни недели, например, могут рассматриваться на основе подобной формы. Понедельник – начало структуры НЕДЕЛЯ, воскресенье – конец, ср. также *встреча назначена на середину недели*, ср. также осет. «кьубырисæр» (начало недели) или нем. Mittwoch – среда (досл. середина недели).

Дни недели могут также рассматриваться и в рамках других конструкций. Например, понедельник – день тяжелый, здесь понятие цикличности отсутствует. Кроме того, дни могут рассматриваться как части месяца или как напоминание о некоторых событиях или личностях, ср. четверг как день Тора в английском (Thursday) или нем. Donnerstag (день грома). Пятница и воскресенье рассматриваются в осетинском языке как день Богородицы и день Бога соответственно.

Категория «человек» взаимодействует с концептом ВРЕМЯ на основании структуры «начало – развитие – расцвет – упадок – конец», основанной, по всей видимости, на способе существования различных явлений окружающего мира, например, растений. Подобные когнитивные координаты мы называем *стадиальными*. Жизнь человека также осознается на основе такой структуры с некоторыми изменениями, имея вид «рождение – молодость – зрелость – старость / смерть».

Для категории «строящийся дом» ВРЕМЯ представлено некоторым периодом и моментом, к которому строительство должно быть закончено. Таким же образом связаны с ВРЕМЕНЕМ все категории, обозначающие некоторое продолжительное действие – разговор, работа, занятие для студента.

Выше уже указывалось, что для категории «бегун» ВРЕМЯ также представлено некоторым желаемым периодом, за который он должен преодолеть некоторое расстояние.

Категории артефактов, например, «автомобиль» взаимодействуют с этим же концептом на основании программы «упадок – конец», поскольку подобные объекты после изготовления дальше не развиваются, а только изнашиваются в процессе использования.

Различные этапы цикла могут осложняться дополнительными элементами. Стадия «Конец» может выражаться по-разному – для человека «достойный конец» – это переход в мир иной при уважении окружающих, смерть на поле брани и т. д. Для некоторой вещи это просто перемещение на свалку без какого-либо представления о достоинстве.

Еще одной из таких форм категоризации является концепт РЕСУРС и линейная когнитивная конструкция, предполагающая наличие нескольких позиций – отсутствие ресурса, наличие небольшого количества ресурса, наличие половины необходимого количества ресурса, большое количество ресурса и максимальное количество ресурса. Такие конструкции представляют собой *шкалу измерения степени наличия признака*. Также можно отметить концепты ЕДА, ЗЛО, ТОРГОВЫЕ СЕТИ и т. д. Значительное количество подобных концептуальных образований функционирует на основе указанной структуры.

Другая когнитивная координата ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ представляет собой иерархическую шкалу, в которой точкой отсчета, нормой является середина, а остальные позиции определяются на основе интерпретации верха как положительной части шкалы и низа – как отрицательной, ср. высокий интеллект – низкий интеллект.

Матрица интерпретации может быть парной, отражая наличие или отсутствие признака. Такие конструкции мы называем *биполярными*, например:

– Вся мировую литературу я разделяю на два типа – литература дома и литература бездомья. Литература достигнутой гармонии и литература тоски по гармонии. ...Так Пушкин и Лермонтов – достигнутая гармония (Пушкин) и великая тоска по гармонии (Лермонтов). Такая же пара: Толстой – Достоевский. В двадцатом веке наиболее яркая пара: Ахматова – Цветаева.

[Фазиль Искандер. Размышления писателя]

В данном случае на уровне классификационной когнитивной структуры для категоризации литературы сформирована двухчастная конструкция с оппозицией ДОМ – ОТСУТСТВИЕ ДОМА/БЕЗДОМЬЕ. На уровне характеризующих когнитивных координат представлена структура с определяющим элементом ГАРМОНИЯ. В одном случае это полнота понятия (достигнутая гармония), в другом – отсутствие полноты (тоска по гармонии). Категоризационную конструкцию можно представить в виде «объект» (творчество писателя) – «отношение» (наличие / отсутствие) – «объект» (гармония), где переменной является элемент «отношение». Знак элемента «отношение» определяет категоризацию первого объекта. Дополненная реальность в этом случае выражается в конструировании некоторого свойства (гармония) и создании классов объектов на его базе.

Представления об объектах окружающего мира могут подвергаться рекатегоризации не только индивидуально. Отдельные явления могут стихийно объединяться. Дополненная реальность выражается в данном случае в виде создания отношений между объектами с использованием стандартных представлений об объектах, хотя и они могут быть неожиданными (ср. название романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин»):

Инструктор зачитал совершенно бессмысленный набор слов:

– Дым, дуб, седан, бутылка, иволга, – и попросил Альфреда их запомнить. Альфред смущенно заерзал на стуле.

–...Попробуем создать мысленную картинку, представить себе что-то приятное – что-то, что нам хотелось бы запомнить. Дым, дуб, седан... мне представляется человек... мужчина... он отдыхает в тени под дубом. Он курит трубку, а чуть поодаль, на заднем плане, стоит его автомобиль, желтый седан.

–...Это была замечательная методика, размышлял Альфред. ... они с Ритой Хейворт лежат на траве под огромным раскидистым дубом и курят одну сигарету на двоих. У них с собой есть бутылка отменного вина. Альфред наполняет Ритин бокал, и пока она пьет, пролетающая мимо иволга задевает крылом ее щеку. А потом они с Ритой целуются. А что касается «седана» – седан он пока одолжил Али Хану.

[Курт Воннегут. Мнемотехника]

В рассмотренном примере представлены два способа связи объектов *дым, дуб, седан, бутылка, иволга*. В первом случае связи имеют довольно стандартный, распространенный характер и основаны на α -признаках соответствующих категорий – от дуба бывает тень, трубка – источник дыма и т. д. Во втором они содержат индивидуальные черты из представлений автора категоризации – он влюблен в девушку Риту. В созданную ситуацию внесены элементы из сценария «романтическая встреча» – бутылка вина, одна сигарета на двоих и довольно неожиданный эпизод с иволгой. Здесь дополненная реальность заключается в создании объединения объектов, в реальности не имеющих связи («бессмысленный набор слов»), путем конструирования отношений между ними, основанных на их реальных или маловероятных проявлениях (птицы, как правило, не задевают людей).

Формирование представления о мире и его модификация происходит на основе фиксации отношений исходной категории и когнитивных ко-

ординат. Подобные координаты могут иметь вид отдельной единицы или комплекса единиц.

В основе взаимодействия представления об объекте и когнитивных координат лежат базовые конструкции, к которым обращаются другие единицы, например, концепты, при формировании языковых выражений.

Подобные конструкции могут иметь вид стадильных или биполярных структур, а также шкалы измерения степени наличия признака. К способам обработки информации относится также создание объединения объектов, в реальности не имеющих связи.

4. Взаимодействие когнитивных координат.

Категоризация объекта может происходить как в рамках структуры одной координаты, так путем реализации связи с другой координатой. В соответствии с этим, можно утверждать о двух типах когнитивных процедур. Примером операции первого типа может служить выражение *двух слов связать не может* со значением «быть неспособным связно сказать что-либо, изложить свои мысли» [Фразеологический словарь русского литературного языка]. В данном случае для категоризации указанного значения используются ресурсы области РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ с актуализацией эталона минимальной речевой деятельности (два слова).

В том случае, если обращение к когнитивной координате проходит по второму типу, т.е. через другую идеографическую область, то происходит взаимодействие разных координат. Например, обработка фразеологизма *мухи/комара не обидит* предполагает обращение к концепту БЕЗЗАЩИТНОСТЬ в виде эталона (комар) и финальному значению «безобидность, кротость».

Отдельные когнитивные координаты могут взаимодействовать с комплексными структурами. Когнитивная координата СРЕДСТВО основана на структуре «субъект – действие – средство достижения цели – объект» – *Иван Иванович несет в сумке яблоки*. Сумка, как член категории «Средство (переноски)», подпадает также под действие структуры «начало – середина – конец». Сумка может быть новой (начало цикла), потрепанной (середина) и изношенной (конец).

В ходе определенного процесса координата ВРЕМЯ получает вторичную концептуализацию РЕСУРС. Таким образом появляется возможность осознания ВРЕМЕНИ в измерениях, связанных с формой РЕСУРС (много – мало). Характер взаимоотношений концептов может иметь перекрестный характер, например, ВРЕМЯ – РЕСУРС, ДЕНЬГИ – РЕСУРС, но ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ. В

последнем случае ВРЕМЯ – это СРЕДСТВО достижения цели ДЕНЬГИ. Чем больше времени есть у субъекта действия, тем больше денег он имеет возможность заработать.

Координаты могут быть организованы в сложную структуру. Например, концепт МАТЕРИАЛЬНЫЙ РЕСУРС реализуется на основе вышеуказанной структуры «субъект – отношение – объект». Отношение-переменная к этой базе выражается значениями «наличие» и «отсутствие». В том случае, если сегмент «объект» имеет значение «деньги» значения переменной «субъект» имеют вид БОГАТСТВО (субъект богат) в различной степени (хватает, достаток, роскошь и т. д.), а также БЕДНОСТЬ (субъект беден) (нищета, на еду хватает и т. д.). Две эти позиции, в свою очередь, часто ведут к представлениям БОГАТСТВО – СКУПОСТЬ и БЕДНОСТЬ – ЩЕДРОСТЬ. Для иллюстрации можно обратиться к цитатам древнегреческого философа Еврипида – богатство порождает скупость и наглость [Дзен]. Можно указать также русскую пословицу *что беднее, то щедрее* [Даль, В.И. Пословицы русского народа]. По Библии координата БОГАТСТВО открывает связь НЕСПОСОБНОСТЬ ВОЙТИ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ.

Соответственно, в данном случае, концептуальную структуру-регулятор можно представить в виде дерева, стволом которого, в рассматриваемом случае, является категория МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ из которого вырастают две ветви-отношения «наличие» и «отсутствие», на которых расположены БОГАТСТВО и БЕДНОСТЬ. В свою очередь, от них отходят ветви-отношения «иметь следствием» с «плодами»-следствиями БОГАТСТВО – СКУПОСТЬ и БЕДНОСТЬ – ЩЕДРОСТЬ.

Оценка, рациональная или эмоциональная, также является элементом когнитивных координат [Телия, 1996]. Объектом оценки может быть автомобиль, женщина, предмет мебели и многое другое. На базе оценки растет дерево координат с ветвями-реакциями ВОСХИЩЕНИЕ, НЕДОВОЛЬСТВО и т.д. ВОСХИЩЕНИЕ имеет следствием ЖЕЛАНИЕ ОБЛАДАТЬ, НЕДОВОЛЬСТВО – ЖЕЛАНИЕ ОТВЕРГНУТЬ.

Когнитивная координата ВРЕМЯ связана изначально с представлением о непрерывном линейном процессе, не зависящем от человека. Данная конструкция основана на последовательности, состоящей из интерпретации времени как линейного процесса, разделенного на отдельные моменты или периоды и отношения к ним. Например, к артефактам применяется понятие о начальном

периоде использования как «полностью соответствующий норме» – новый, последующие периоды рассматриваются как подержанный и старый.

В данной координате может выделяться определенный момент, например, дата окончания строительства дома или период, например, период времени, за который бегун должен пробежать определенную дистанцию. Далее к указанной когнитивной структуре присоединяется эмоция – желание скорого наступления желаемого момента: постройки дома, окончания рабочего дня (ср. *скорее бы домой!*) или продолжения периода (отпуск, путешествие).

Таким образом, когнитивные координаты, отношение к которым определяет категоризацию внеязыкового объекта, представляют собой как отдельные единицы, так и комплексы единиц.

В том случае, если классификация объекта происходит в рамках одной координаты, все определяющие элементы относятся к одной идеографической области.

Комплексная координата может выражаться базовой единицей, служащей основой категоризации и вспомогательной конструкцией (например, эталоном некоторого качества) из иной идеографической области, а также связями базовой координаты с другими фрагментами системы координат.

Комплексная координата может представлять собой дерево, состоящее из основы и последовательных связей с другими координатами – смыслами или оценками.

Результаты исследования

Формирование представлений об окружающем мире основано на различном сочетании константных и переменных элементов концептуальной системы человека. Константами выражены те элементы, которые лежат в основе категоризации явлений или ситуаций. Переменные служат инструментом фиксации отношения окружающего мира и системы когнитивных координат.

Базовой когнитивной структурой категоризации является форма «субъект – отношение – объект». Ее элементы могут являться как константами, так и переменными. Основной функцией данной конструкции является формирование отношения некоторого явления окружающего мира к системе координат. В результате фиксации такого отношения формируется основание для категоризации явления.

При первоначальной категоризации происходит непосредственное соотнесение объекта и когнитивных координат на основе внешних признаков внеязыкового явления.

При рекатегоризации релевантный признак выявляется путем выяснения значения переменной в соотношении констант. В том случае, если внеязыковой объект помещается в позицию константного субъекта, определяется его отношение к различным релевантным координатам. В результате внеязыковой объект включается в состав соответствующей субкатегории. В этом случае элементы «объект» и «отношение» являются переменными. Происходит **сопоставление категоризируемого объекта** в различных модусах с **различными элементами концептуальной системы**, определяющими формирование идентификатора.

В том случае, если позиция «субъект» оказывается переменной, происходит соотнесение различных внеязыковых объектов с релевантной координатой.

При константном объекте, происходит соотнесение некоторых внеязыковых явлений в различных модусах с **элементом системы координат** и формирования идентификатора соответствующей категории.

Заключение

Таким образом, наблюдаются две стратегии рекатегоризации: в одном случае константа в виде явления окружающего мира определяется в непосредственном отношении к переменной, которой является когнитивная координата, в другом внеязыковое явление как переменная определяется в его отношении к константе – когнитивной координате.

Переменная «отношение» определяет тип связи внеязыкового явления и системы когнитивных координат. Данный элемент отражает человеческие представления о способе взаимодействия с окружающим миром.

Переменной в рекатегоризационной структуре может являться некоторый смысл, находящийся вне конструкции. Это происходит, например, в случае ситуативного идентификатора, т.е. конструкции, состоящей из нескольких элементов. Интерпретация также может заключаться в отношении некоторой наблюдаемой ситуации-константы к некоторой координате, представляющей собой измерение, в котором рассматривается явление.

Процесс рекатегоризации обусловлен необходимостью более точного позиционирования объекта в системе когнитивных координат. Система координат подразделяется на классификационную и характеризующую. Основа когнитивных координат представлена классификационной когнитивной структурой, представляющей собой базовую

структуру категоризации. Она полностью константна и состоит из различных позиций, сформированных в данной культуре.

Классификационная когнитивная структура представляет собой номенклатуру возможных путей категоризации. Классификационные координаты, на основе которых происходит категоризация, представлены различными способами – шкалой и связанным с ней эталоном некоторого качества, двухчастным образованием или комплексами координат. Интерпретация может также выражаться путем создания отношений между объектами.

Механизмы опосредованной категоризации основаны на характеризующих когнитивных координатах. Необходимость характеристики объекта в рамках классификационной когнитивной структуры диктует необходимость фиксации переменных элементов в характеризующей когнитивной структуре. Таким образом, базовая функция характеризующих когнитивных координат заключается в формировании основания для категоризации объекта. В рамках характеризующей когнитивной структуры происходит сопоставление категоризируемого объекта в различных модусах с различными элементами характеризующей концептуальной системы, определяющими формирование идентификатора.

Общие принципы рекатегоризационных механизмов можно изложить следующим образом: каждая категория связана с классификационной когнитивной координатой потенциальной связью, имеющей несколько возможных значений. Подобная связь представляет собой неполный идентификатор категории-цели в виде структуры с переменной в своем составе. Значение подобной переменной определяется при соотнесении с соответствующим элементом характеризующей системы. Такой элемент представляет собой категорию-маяк, способ отношения к которому является релевантным в данной культуре.

Внеязыковой объект может подвергаться категоризации при взаимодействии когнитивных координат. Координаты могут быть организованы в сложную структуру, имеющую вид дерева.

В целом можно утверждать, что константы формируются как способ отражения мира, а переменные фиксируют отношение к миру. Константы являются основой когнитивных процессов идентификации, а переменные позволяют осуществлять процессы рекатегоризации.

Библиографический список

1. Абаев В. И. Избранные труды. Владикавказ: Ир, 1995. Т. 2. С. 25.

2. Аверченко А. Бельмесов. URL: <https://libking.ru/books/humor-/humor-prose/230024-arkadiy-averchenko-belmesov.html#book> (дата обращения: 24.09.2023)
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
4. Воннегут К. Мнемотехника: сайт. URL: https://booksafe.net/read/vonnegut_kurt-mnemotehnika-201632.html#p1 (дата обращения: 10.09.2023)
5. Глава Ла Лиги: € 10 млн для «ПСЖ» и президента клуба – это чашка кофе // Чемпионат. URL: https://www.championat.com/football/news-4868513-glava-la-ligi-eur-10-mln-dlya-pszh-i-prezidenta-kluba-eto-chashka-kofe.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 28.07.2023)
6. Гогичев Ч. Г. Признаки идентификатора категории и способы его трансформации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. № 3. С. 486–504.
7. Гогичев Ч. Г. О семантической основе трансформаций категорий // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022а. №5. С. 3–11.
8. Гогичев Ч. Г. Функции категорий в процессе рекатегоризации // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022б. №6. С. 3–11.
9. Готье Т. Два актера на одну роль. URL: <https://newsland.com/post/2855884-dva-aktera-na-odnu-rol-teofil-gote> (дата обращения: 10.09.2023)
10. Даль В. И. Пословицы русского народа. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/30517/ (дата обращения: 18.09.2023)
11. Деятельная личность // Психологос. URL: <https://psychologos.ru/articles/view/deyatelnaya-lichnost?ysclid=lcvwmamgon898080298/> (дата обращения: 18.08.2023)
12. Искандер Ф. Размышления писателя. URL: <https://omiliya.org/article/razmyshleniya-pisatelya-fazil-iskander.html> (дата обращения: 11.08.2023)
13. Карта слов // Карта слов и значений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/виртуоз> (дата обращения: 11.08.2023)
14. Конан-Дойл А. Знатный холостяк. URL: <https://biblioteka-online.info/book/znatnyu-kholostyak/reader/> (дата обращения: 23.09.2023)
15. Конан-Дойл А. Собака Баскервилей. URL: <https://orlandina.livejournal.com/495438.html> (дата обращения 10.08.2023)
16. Лесков Н. С. Неразмennyй рубль. URL: <https://skazki.rustih.ru/nikolaj-leskov-nerazmennyj-rubl/> (дата обращения: 23.09.2023)
17. Манро Г. Х. Открытая дверь. URL: <https://coollib.net/b/618543-gektor-hyu-manro-saki-omlet-po-vizantiyski-sbornik/read> (дата обращения: 23.09.2023)
18. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.09.2023)
19. Опрос: респонденты единогласно проголосовали за отставку Шойгу // Главный региональный. URL: <https://glavny.tv/last-news/russia/opros-respondenty-edinoglasno-progolosovali-za-otstavku-shoigu/> (дата обращения 10.08.2023)
20. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
21. Толковый словарь Дмитриева. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5753/хитрый> (дата обращения: 28.07.2023)
22. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/260690> (дата обращения: 12.07.2023)
23. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/865694> (дата обращения: 12.08.2023)
24. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: https://phraseology.academic.ru/11310/He_уметь%2C_не_мочь_связать_двух_слов (дата обращения: 17.08.2023)
25. 11 мудрых цитат древнегреческого драматурга Еврипида. URL: <https://dzen.ru/a/Wh3K3leQaik9xS-s> (дата обращения 12.09.2023)
26. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago/ London : University of Chicago Press, 1987. 614 p.
27. Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization, ed. By Eleanor Rosch and Barbara B. Lloyd. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27–48.

Reference list

1. Abaev V. I. Izbrannye trudy = Selected works. Vladikavkaz : Ir, 1995. T. 2. S. 25.
2. Averchenko A. Bel'mesov = Belmesov. URL: <https://libking.ru/books/humor-/humor-prose/230024-arkadiy-averchenko-belmesov.html#book> (data obrashheniya: 24.09.2023)
3. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and human world. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 896 s.
4. Vonnegut K. Mnemotehnika = Mnemonics. URL: https://booksafe.net/read/vonnegut_kurt-mnemotehnika-201632.html#p1 (data obrashheniya: 10.09.2023)
5. Glava La Ligi: € 10 mln dlja «PSZh» i prezidenta kluba – jeto chashka kofe = La Liga Head: €10m for PSG and the club president is a cup of coffee // Chempionat. URL: https://www.championat.com/football/news-4868513-glava-la-ligi-eur-10-mln-dlya-pszh-i-prezidenta-kluba-eto-chashka-kofe.html?utm_source=copypaste (data obrashheniya: 28.07.2023)
6. Gogichev Ch. G. Priznaki identifikatora kategorii i sposoby ego transformacii = Attributes of the category identifier and ways of its transformation // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija. 2023. T. 42. № 3. S. 486–504.
7. Gogichev Ch. G. O semanticheskoj osnove transformacij kategorij = On the semantic basis of category transformations // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vyshej shkoly. 2022a. №5. S. 3–11.

8. Gogichev Ch. G. Funkcii kategorij v processe rekategorizacii = Functions of categories in the process of recategorization // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2022b. №6. S. 3–11.
9. Got'e T. Dva aktera na odnu rol' = Two actors for one role. URL: <https://newsland.com/post/2855884-dva-aktera-na-odnu-rol-teofil-gote> (data obrashhenija: 10.09.2023)
10. Dal' V. I. Poslovcy russkogo naroda = Proverbs of the Russian people. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/30517/ (data obrashhenija: 18.09.2023)
11. Dejatel'naja lichnost' = An active personality // Psihologos. URL: <https://psychologos.ru/articles/view/deyatelnaya-lichnost?ysclid=lcvwmamgon898080298/> (data obrashhenija: 18.08.2023)
12. Iskander F. Razmyshlenija pisatelja = The writer's thoughts. URL: <https://omiliya.org/article/razmyshleniya-pisatelya-fazil-iskander.html> (data obrashhenija: 11.08.2023)
13. Karta slov = Word map // Karta slov i znachenij russkogo jazyka. URL: <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/virtuoz/> (data obrashhenija: 11.08.2023)
14. Konan-Dojl A. Znatnyj holostjak = The Noble Bachelor. URL: <https://biblioteka-online.info/book/znatnyy-kholostyak/reader/> (data obrashhenija: 23.09.2023)
15. Konan-Dojl A. Sobaka Baskervillej = The Hound of the Baskervilles. URL: <https://orlandina.livejournal.com/495438.html> (data obrashhenija 10.08.2023)
16. Leskov N. S. Nerazmennyj rubl' = Unshared rouble. URL: <https://skazki.rustih.ru/nikolaj-leskov-nerazmennyj-rubl/> (data obrashhenija: 23.09.2023)
17. Manro G. H. Otkrytaja dver' = The open door. URL: <https://coollib.net/b/618543-gektor-hyu-manrosaki-omlet-po-vizantiyski-sbornik/read> (data obrashhenija: 23.09.2023)
18. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National corpus of the Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 23.09.2023)
19. Opros: respondenty edinoglasno progolosovali za otstavku Shojgu = Survey: respondents voted unanimously in favor of Shoigu's resignation // Glavnyj regional'nyj. URL: <https://glavnyj.tv/last-news/russia/opros-respondenty-edinoglasno-progolosovali-za-otstavku-shoygu/> (data obrashhenija 10.08.2023)
20. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 s.
21. Tolkovyj slovar' Dmitrieva = Dmitriev explanatory dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5753/hitryj> (data obrashhenija: 28.07.2023)
22. Tolkovyj slovar' Ozhegova = Ozhegov explanatory dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/260690> (data obrashhenija: 12.07.2023)
23. Tolkovyj slovar' Ushakova = Ushakov explanatory dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/865694> (data obrashhenija: 12.08.2023)
24. Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo jazyka = Phraseological dictionary of the Russian literary language. URL: https://phraseology.academic.ru/11310/Ne_umet%2C_ne_moch'_svjazat'_dvuh_slov (data obrashhenija: 17.08.2023)
25. 11 mudryh citat drevnegrecheskogo dramaturga Evripida = 11 wise quotes from the ancient Greek playwright Euripides. URL: <https://dzen.ru/a/Wh3K3leQaik9xS-s> (data obrashhenija 12.09.2023)
26. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago / London: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
27. Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization, ed. By Eleanor Rosch and Barbara B. Lloyd. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27–48.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 27.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 81'373
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-149
EDN: XXBOUJ

Прецедентные имена с определителями-местоимениями как средство эмоциональной оценки

Ирина Васильевна Крюкова

Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 400005, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27
kryukova-irina@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>

Аннотация. Теория прецедентного имени хорошо разработана в современной российской лингвистике, однако синтагматические возможности имен собственных с признаками прецедентности исследованы недостаточно. Статья посвящена решению одной из таких проблем – исследованию потенциальной способности прецедентных имен употребляться в минимальном контексте с определителями-местоимениями. Материалом исследования послужили текстовые фрагменты из публикаций в российских СМИ и массовой художественной литературе, в которых прецедентные имена употребляются в атрибутивных словосочетаниях с местоимениями. Цель исследования – определить влияние семантики местоимения на развитие понятийных признаков прецедентного имени.

В результате комплексного анализа (контекстуального, компонентного и стилистического) установлена зависимость эмоционально-экспрессивной окраски высказывания от разряда местоимения. Притяжательное местоимение *наш* и притяжательно-возвратное *свой*, практически равноправно употребляясь в минимальном контексте с прецедентным именем, используются преимущественно для позитивной эмоциональной оценки. Субъект/объект, которому приписываются признаки прецедентного имени, четко определен и назван в тексте. Неопределенные местоимения *какой-нибудь* и *какой-то*, а также определительное местоимение *всякий* (чаще в форме множественного числа) используются для негативной оценки признаков прецедентного имени, передают коннотации пренебрежения, придают всему высказыванию характер разговорности. Субъект / объект, которому приписываются признаки прецедентного имени, не определен или не однозначен. При употреблении разговорно-просторечного местоимения *этакий* (*эдакий*) выделяться и усиливаться могут в равной мере как положительные качества объекта / субъекта номинации, так и отрицательные. Таким образом, определительное местоимение эмоционально маркирует эталонный признак прецедентного имени, и в результате оно приобретает новые черты. Полученные результаты расширяют представление о семантике и синтактике прецедентного имени.

Ключевые слова: прецедентное имя; атрибутивное словосочетание; коннотативная сема; притяжательное местоимение; неопределенное местоимение; определительное местоимение; эмоциональная оценка

Для цитирования: Крюкова И. В. Прецедентные имена с определителями-местоимениями как средство эмоциональной оценки // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 149–156. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-149>. <https://elibrary.ru/XXBOUJ>

Original article

Precedent names with pronoun determiners as a means of emotional evaluation

Irina V. Kryukova

Doctor of philological sciences, professor, department of linguistics, Volgograd state socio-pedagogical university. 400005, Volgograd, V. I. Lenin Ave., 27
kryukova-irina@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>

Abstract. The theory of the precedent name is well developed in modern Russian linguistics. However, the syntagmatic potential of the proper names that display precedence has not been studied thoroughly enough. The article studies the potential of precedent names to be used in a minimal context with attributive pronouns. As the material for the study the author takes text fragments from publications in the Russian mass media and mass fiction, where

precedent names are used in attributive word combinations with pronouns. The aim of the study is to determine the influence of pronoun semantics on the development of conceptual attributes of a precedent name.

As a result of contextual, component, and stylistic analysis, the dependence of emotional and expressive charge of the statement on the pronoun category was established. The possessive pronoun *наш* and possessive-reflexive pronoun *свой* are almost equally used in a minimal context with a precedent name. At the same time, they are used mainly for positive emotional evaluation. The subject/object to which the characteristics of the precedent name are attributed is clearly defined and named in the text. The indefinite pronouns *какой-нибудь* and *какой-то*, as well as the attributive pronoun *всякий* (more often in the plural form: *всякие*), are used for negative evaluation of the precedent name characteristics, convey connotations of neglect, and give the whole statement a character of colloquiality. The subject/object to which the characteristics of a precedent name are attributed is not defined, or ambiguous. When using the colloquial pronoun *этакий* (*эдакий*), both positive and negative qualities of the object/subject of nomination can be equally emphasized and intensified. Thus, attributive pronouns emotionally mark the reference feature of precedent names, and as a result they acquire new characteristics. The results of the study expand the scope of semantics and syntactics of the precedent name.

Key words: precedent name; attributive word collocation; connotative seme; possessive pronoun; indefinite pronoun; determinative pronoun; emotional evaluation

For citation: Kryukova I. V. Precedent names with pronoun determiners as a means of emotional evaluation. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):149–156. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-149>. <https://elibrary.ru/XXBOUJ>

Введение

Данная статья посвящена одной из функциональных особенностей имен собственных с признаками precedentного имени – способностью употребляться в атрибутивном словосочетании с местоимениями, несвойственной онимам в их обычном, эмоционально нейтральном, употреблении.

Теории precedentности вообще и теории precedentного имени в частности около сорока лет, если брать за точку отсчета программную работу Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов, 1987]. Далее теория precedentного имени развивалась в трудах Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Е. А. Нахимовой и многих других. Широко известно определение precedentного имени В. В. Красных, согласно которому это «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с precedentной ситуацией (например, Иван Сусянин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного precedentного имени» [Красных, 2002, с. 48]. Однако со временем расширяются представления об источниках precedentности, они уже не имеют четкого закрепления за одним известным текстом или одной ситуацией. Е. А. Нахимова классифицирует precedentные феномены, к которым относятся precedentные имена: precedentные события, precedentные поступки, календарная precedentность и др. [Нахимова, 2018].

Попутно заметим, что термин «precedентное имя» используется в отечественной ономастике и лингвокультурологии, в зарубежной лингвистике такие имена собственные рассматриваются в рамках большой группы «воплощенных имен» (*disembodied names*), то есть имен, прикрепленных к известным носителям или известной местности. Термин введен в научное употребление А. Гардинером [Gardiner, 1954], он используется преимущественно при исследовании семантических трансформаций онима – развития коннотативных значений у широко известных имен собственных [Nicolaisen, 1976; Langendonck, 2007; Nyström, 2016 и др.].

При этом в отечественной лингвистике в последнее время отмечаются и грамматические критерии выделения precedentных имен. Это отражено, например, в уточненном определении precedentного имени, которое Д. Б. Гудков дает в «Словаре лингвокультурологических терминов»: «precedентное имя – „воплощенное” имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и / или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться денотативно (интенционально), выступая в роли семантического предиката» [Гудков, 2020, с. 114]. Обратим внимание на последнюю часть этого определения, здесь к признакам широкой известности и способности к переносному употреблению добавляется грамматический признак.

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных общей теории precedentности и особенностям функционирования precedentных имен, синтагматические возможности данных имен исследованы недостаточно. В частности, к неис-

следованным проблемам относится влияние семантики местоимения на развитие понятийных признаков у прецедентного имени и эмоциональную окраску всего высказывания. Есть лишь упоминания об использовании прецедентных имен с определителями-прилагательными и местоимениями. Так, Е. А. Нахимова среди прочих критериев выделения прецедентного имени отмечает атрибутивный критерий, то есть использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени. «В подобных случаях при прецедентном антропониме имеется определение, которое свидетельствует о том, что соответствующее имя употреблено в особом смысле. В качестве указанных определений могут использоваться, в частности, такие прилагательные и местоимения, как *новый, современный, русский, наш, свой и другие*» [Нахимова, 2007, с. 66]. При этом местоимения не выделяются из прочих типов определителей прецедентного имени.

Между тем, по нашим наблюдениям, разнообразные сочетания прецедентных имен с местоимениями обладают специфическими особенностями функционирования, отличными от их употребления с определениями-прилагательными, всегда имеющими конкретное понятийное значение. Это связано с тем, что у местоимения и имени собственного есть немало общих признаков. С одной стороны, и местоимения, и имена собственные не описывают объект, а только лишь отсылают к нему, с другой стороны, и те, и другие в определенных контекстах способны выражать оценку. На это обращали внимание, как отечественные, так и зарубежные лингвисты [Langendonck, 2007; Motschenbacher, 2020; Шмелев, 2003; Падучева, 2018].

Таким образом, под прецедентными именами будем рассматривать онимы, которые не только имеют широкую известность в данном обществе и регулярно воспроизводятся в переносном значении, но и обладают определенным набором грамматических свойств, среди них – способность употребляться в минимальном контексте в определителями-местоимениями. Под определителями-местоимениями мы совокупно рассматриваем согласуемые местоимения трех разрядов (притяжательные, неопределенные и определительные), которые, сочетаясь с определяемым прецедентным именем, выступают в качестве эмоционального усилителя признака, выраженного данным именем.

Характеристика материала исследования и методика анализа

С целью определения влияния местоимения на развитие понятийных признаков прецедентного имени мы отобрали широко известные имена собственные, которые закрепились в русской речи в качестве прецедентных знаков в последние тридцать лет. Среди них имена-глобализмы, распространенные по всему миру (*Кока-Кола, Макдоналдс, Диснейленд, Голливуд, Терминатор, Санта-Барбара* и т. п.), имена советского периода, изменившие оценочный знак после смены общественного строя (*Ленин, Сталин, Хрущев, Жигули, Запорожец* и др.), имена переходного периода (*Леня Голубков, Черномырдин, Телепузики, Масяня* и др.), имена, сохраняющие актуальность современной России (*Сколково, Турция, ЛКОЙЛ, Абрамович* и др.). В этот список, который продолжает пополняться, входят онимы разных разрядов (антропонимы, топонимы, эргонимы, прагматонимы и др.), различных по характеру именуемого объекта, сферам-источникам, времени появления и степени закреплённости в речи. Результаты социономастического анализа данных имен были отражены в нашей монографии [Крюкова, Врублевская, Кирпичева, 2021]. Дальнейший взгляд на полученные результаты позволил увидеть неоднородность «апеллятивного конвоя», под которым в литературной ономастике понимается минимальное контекстуальное окружение онима [Васильева, 2022]. По нашим наблюдениям, наибольшая активность отмечена у прецедентных имен в конструкциях с определителями-местоимениями.

Материалом исследования послужили контекстуальные употребления данных прецедентных имен собственных, полученные в результате гипотетически заданных поисковых запросов (отмеченные выше онимы с определителями-местоимениями) в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] и корпусе текстов СМИ [East View]. Этот материал в дальнейшем был дополнен непосредственными наблюдениями за функционированием прецедентных имен с местоимениями в массовой художественной литературе, теле- и радиопередачах, интернет-коммуникации. Все отобранные для анализа контексты относятся к последним тридцати годам. За каждым из приведенных далее примеров стоит корпус однотипных контекстов.

Методика исследования прецедентных имен хорошо разработана, анализ проводится исходя из объединения имен с общей сферой-источником или общей сферой-мишенью, активно применяется

лексикографическая методика, методика анализа переводов и др. [Будаев, 2021]. Однако для определения коннотативных значений прецедентных имен в минимальном контексте с местоимениями потребовалась разработка комплексной методики с последовательным применением трех лингвистических методов: контекстуального анализа – при выявлении контекстов, в которых прецедентные имена с определителями-местоимениями служат средством эмоционально-экспрессивной оценки, и обобщении похожих значений в однотипных контекстах; компонентного анализа – при определении по каждому прецедентному имени семантических признаков (коннотативных сем), характерных для его функционирования в конструкциях с определителем-местоимением; стилистического анализа – при характеристике функциональной маркированности атрибутивных словосочетаний «прецедентное имя + местоимение» (нейтральное, разговорное, ироничное, пренебрежительное и т. п.).

Результаты исследования

Анализ показал наиболее активное употребление прецедентных имен в атрибутивных словосочетаниях с несколькими местоимениями: с притяжательным местоимением *наш* и притяжательно-возвратным *свой*; неопределенными местоимениями *какой-нибудь* и *какой-то*; определительным местоимением *всякий* и определительно-указательными местоимением *этакий* (*эдакий*). При этом отмечается зависимость эмоциональной оценки высказывания от разряда местоимения и его референтного статуса.

(1) «Прецедентное имя + притяжательное местоимение»

В своем основном значении притяжательное местоимение *наш* и притяжательно-возвратное местоимение *свой* указывают на принадлежность предмета лицу или другому предмету. Однако представление о принадлежности неоднородно и зависит от контекста. Сочетаясь с прецедентными именами, эти местоимения приобретают свойства оценочного знака и указывают на наличие у референта признаков, присущих носителю прецедентного имени.

Прежде всего следует отметить, что местоимения *наш* и *свой* практически равноправно употребляются в конструкциях с прецедентными именами в значении ‘отечественный’ или ‘местный’. В большинстве своем это словосочетания с именами-глобализмами с положительным семным набором, которые выступают в качестве эталона богатства, успеха, высокого качества, внешней привлекатель-

ности и т.п. При помощи притяжательных местоимений своя культура сопоставляется с чужой и оценивается как аналог чужой. *Даже у нас в СССР была своя кока-кола – «Байкал»* (МК-Санкт-Петербург, 20.06.2013). *Сейчас у нас, правда, в центре внимания другое – наша «кремниевая долина», наукоград «Сколково»* (Комсомольская правда, 04.03.2011). *Во Владикавказе появилась своя Анджелина Джоли. Осетинской Анджелиной Джоли окрестили пользователи соцсетей и СМИ 28-летнюю Алину Царахову из Владикавказа* (Московский комсомолец, 11.01.2019).

В рассмотренных выше контекстах, во-первых, оба члена сопоставления, обозначаемые двумя именами собственными, представляются по отдельности и оба называются в тексте, во-вторых, чужое по отношению к своему оценивается положительно. В отдельных случаях подобные конструкции могут апеллировать к чувству юмора. *Леня Голубков – это наш Микки Маус. Он маленький и самый слабый. На него любой может наехать. А он, несмотря ни на что, выживает, как-то борется за себя* (РИА Новости. 13.01.2011). Или стать средством создания иронии. *Давайте вспомним первого нашего Нострадамуса – ну, того, который предсказывал нам, что с 1980 года мы будем жить при коммунизме* (о Н. С. Хрущеве) (Известия, 23.04.2002).

Кроме того, у возвратно-притяжательного местоимения *свой* наблюдаются и другие особенности употребления в конструкциях с прецедентными именами, что связано с многозначностью данного местоимения. Оно может употребляться как в значении ‘принадлежащий себе’, так и в значении ‘принадлежащий другому лицу’ [МАС, IV, с. 55], поэтому в атрибутивных словосочетаниях с прецедентными именами оно характеризует и обратное взаимодействие – своя культура выступает эталонным определенным качеством, инструментом социальной оценки чужой культуры. Проиллюстрируем это примерами оценочных суждений о политических лидерах других стран, которые имеют общие черты с российскими политиками. *Сначала у азербайджанцев, как и у других советских социалистических наций, был свой, местный Ленин* (Столица, 15.04.1997) – коннотативная сема ‘лидер революционного движения’. *Хотелось бы, конечно, надеяться, что в Туркменистане появится свой Хрущев и у них все же начнется перестройка* (Комсомольская правда, 22.12.2006) – коннотативная сема ‘политик-реформатор’. Позитивная оценка преобладает, примеры негативной оценки единичны. *И в Америке есть свой Чернобырдин. Это*

их президент – Буш (Интернет-газета Zona Kz. 04.06.2004) – коннотативная сема ‘косноязычие’.

Во всех рассмотренных атрибутивных словосочетаниях притяжательные местоимения имеют референтный статус, то есть соотносятся с единичным объектом или субъектом, которым приписываются признаки прецедентного имени.

(2) «Прецедентное имя + неопределенное местоимение»

Иначе обстоит дело при употреблении прецедентных имен с неопределенными местоимениями.

Местоимения с формантом *-нибудь* в отечественной и зарубежной лингвистике определяются как экзистенциальные нереферентные (non-specific indefinite) [Ср.: Haspelmath, 1997; Падучева, 2018]. По определению Е. В. Падучевой, неопределенные местоимения выражают экзистенциальную квантификацию, то есть позволяют упоминать объект из того или иного класса (множества), не индивидуализируя его – не устанавливая референции к объекту. Такие местоимения не соотнесены ни с одним конкретным объектом в реальном мире (мире говорящего) [Падучева, 2018].

Референт, которому приписываются признаки прецедентного имени, не определен или не однозначен. Однако неопределенные местоимения как усилители признака прецедентного имени разнородны в эмоционально-оценочном плане.

Во-первых, местоимение *какой-нибудь* может обозначать любого (безразлично какого) носителя признака, выраженного прецедентным именем. Это первое значение, отмеченное в толковом словаре – ‘любой из рода подобных’ [МАС, II, с. 19], используется для усиления коннотативных сем прецедентного имени. – *Мы потратили на кампанию в десятки раз меньше, чем конкуренты. – А если бы какой-нибудь Березовский предложил большие деньги?* (Московские новости, 2003) – коннотативная сема ‘любой олигарх, богатый человек’. *Ну, может быть, раз на самолете слетать. Турцию какую-нибудь посмотреть* (Рассказы молодых людей о себе, 2005 // Из коллекции НКРЯ) – коннотативная сема ‘любое популярное место зарубежного отдыха’. *А у вас нет желания, используя свой огромный опыт, организовать какую-нибудь «Фабрику звезд», чтобы вернуть настоящую музыку в эфир и в кино?* (Труд-7, 01.03.2007) – коннотативная сема ‘любое шоу, в котором соревнуются молодые исполнители’. У прецедентного имени в контекстах подобного рода встречаем замену прописной буквы на строчную, подчеркивающую нефиксированность референта,

которая приводит к изменению статуса имени собственного. *Может быть, для них построят какой-нибудь диснейленд, где все они будут жить и видеть сладкие сны о России* (Вслух о..., 24.10.2003). *Пошли на помощь какого-нибудь спасителя, какого-нибудь терминатора, что ли на худой конец* (И. Баздырева. Таиландский детектив, 2008). Данное значение близко к нейтральному.

Во-вторых, неопределенные местоимения *какой-нибудь* и *какой-то* потенциально способны передавать коннотации пренебрежения и усиливать эмоционально-оценочную окраску всего высказывания. Эти разговорные оценочные значения тоже зафиксированы в толковом словаре: у *какой-нибудь* – ‘не стоящий внимания, незначительный, ничтожный’ [МАС, II, с. 19]; и более сильный эмоционально-оценочный компонент у местоимения *какой-то*, на что указывает дополнительное значение – ‘при назывании каких-либо свойств предмета, лица, вызывающих недоумение, удивление, досаду говорящего’ [МАС, II, с. 20]. Проиллюстрируем такое употребление текстовыми фрагментами из критических статей, посвященных низкой образовательной ценности мультипликационных сериалов, которые были популярны в 2000-х. Педагоги и психологи отмечали отсутствие в мультфильмах поучительного смысла, недалекость и даже умственную отсталость персонажей. *Давайте хотя бы в детских головах не разрушать образы хороших и правильных персонажей. А то ведь вырастут какие-нибудь телепузики* (Комсомольская правда, 24.05.2002). *Сравнивать Карлсона с какой-то Масяней – кощунство. Масяня натужна и искусственна. Стыдитесь!* (Аргументы и факты, 23.06.2004). *На этом фоне напуганные люди уже не смогут подвергнуть критике намерение тех же националистов заменить Чебурашку каким-нибудь покемоном* (Известия, 11.12.2008). Общая коннотативная сема в данных текстовых фрагментах – ‘глупые, недалекие, безыдейные персонажи’. Здесь местоимения *какой-нибудь* и *какой-то* синонимичны, они используются как препозиции, так и в постпозиции, как в форме множественного числа, так и единственного.

Кроме того, местоимение *какой-то* может иметь референтный статус, то есть соотноситься с единичным объектом реального мира, при этом экспрессия выражается наиболее ярко. Особенно это показательно в типовых словосочетаниях с разговорными усилительными частицами *просто* и *прямо* в препозиции и местоимением *какой-то* в постпозиции. *Прямо Голливуд какой-то, заложники в банке* (РБК. 15.10. 2015). *Сериал «Здесь кто-*

то есть» – это просто Санта-Барбара какая-то (Отзовик. 07. 08.2019.). Такой апеллятивный конвой прецедентного имени не только придает всему высказыванию характер стилистической сниженности, разговорности, но и значительно усиливает эмоциональную оценку полноты признака.

(3) «Прецедентное имя + определительное местоимение»

У местоимения *всякий* в атрибутивном словосочетании с прецедентным именем к основному значению ‘самый разнообразный, всевозможный, всяческий’ [МАС, I, с. 238] добавляется коннотация неприятия и пренебрежения, отмеченная в качестве суженного значения в «Активном словаре русского языка» – ‘в разговорной речи применительно к людям, неприятным говорящему’ [АСРЯ, II, с. 341].

Обратим внимание на два частотных грамматических признака, характерных для такого контекстуального окружения прецедентного имени. Во-первых, на практически регулярное употребление атрибутивных словосочетаний в форме множественного числа. Местоимение *всякие* в сочетании с именем собственным во множественном числе не только передает значение множественности однотипных объектов и повторяемости прецедентных ситуаций, оно также способствует формированию и последующему усилению негативных коннотаций. Например, при совокупной номинации объектов / субъектов, не заслуживающих, с точки зрения автора речи, внимания и уважения. Часто с заменой прописной буквы на строчную. *Не случайно всякие березовские, оказавшись там, на родине больших денег, тут же превращаются в рвань, прожирают награбленное* (Спецназ России. 15.08.2003). *Теперь он катается с Касперским по всяким урюпинским, а об антивирусах приходится рассказывать мне* (Вебпланета. 24.08.2011).

Во-вторых, формируются перечислительные градационные ряды из прецедентных антропонимов в форме множественного числа с определительным местоимением в препозиции, иногда в сочетании с разговорной частицей *там*. Как отмечает Е. А. Нахимова, «показателем неденотативного использования прецедентных антропонимов часто служит необычное отождествление их семантики с семантикой иных антропонимов» [Нахимова, 2007]. Отмечается частотность подобных грамматических конструкций в политической публицистике. С помощью такого ближайшего окружения прецедентных антропонимов автор речи выражает свою политическую позицию, дает

лаконичную и точную социальную оценку политических лидеров, объединяя в одном ряду неопределенное количество лиц. Причем имена политических лидеров со временем меняются, а отмеченные грамматические конструкции продолжают сохранять функциональную активность. Ср.: *Давно лежат на помойке истории всякие там новуходоносоры, чингисханы, ленины, сталины, гитлеры, пол поты* (А. Яковлев. Омут памяти. 2001); *Всякие Зюгановы, Явлинские, Жириновские... Вот эта несменяемость, она надолго?* (Новый регион 2. 11.06.2017).

Подобные высказывания часто встречаем в речи патриотически настроенных носителей русской лингвокультуры, отвергающих товары и услуги чужой страны. *Российский чудо-грузовик с блеском выиграл престижное ралли Париж – Дакар, обойдя всякие там «Рено» и «Мерседесы»* (Комсомольская правда. 18. 01.2000); *В Москве сегодня работают 25 таких ресторанов. Всякие «Макдоналдсы» и «Баскин Рбинсы» о таком только мечтают* (Огонёк. 2006. № 6). Или относящихся с некоторым пренебрежением к олигархам и богатым организациям: *Почему всякие Абрамовичи покупают «Челси», а народ нормально жить не может?* (РБК Daily. 12.07.2004.); *Государство в разной форме оказывает кинематографу поддержку. И «ЛУКОЙЛы» всякие тоже помогают, если оно попросит.* (Интервью со Станиславом Говорухиным. «Бульвар Гордона». 2011. № 14).

Определительно-указательное разговорное местоимение *этакий* и его вариант *эдакий*, помеченный в словаре как просторечный, имеют одинаковое значение ‘то же, что *такой*, но с большей выразительностью’ [МАС, IV, с. 768]. Несмотря на ярко выраженный разговорно-просторечный характер, оба варианта этого местоимения активно используются в современной публицистике в качестве эмоционально-экспрессивных усилителей переносного значения прецедентного имени. При этом, в отличие от рассмотренных выше атрибутивных словосочетаний с местоимением *всякий*, выделяться и усиливаться могут в равной мере как положительные качества объекта номинации, так и отрицательные. Ср.: *Проект «Голос» – эдакая «Фабрика звезд» в ее лучшие времена на российском телевидении* (Комсомольская правда, 26.12.2012) – коннотативная сема ‘успешный телепроект’; *Потрепанный четырехместный самолетик туристской авиакомпании «Кондор» – этакий летающий «Запорожец» – стукнулся о грунт, дважды подпрыгнул и побежал по пыльной посадочной полосе* (В. Овчинников. Размыш-

ления странника, 2012) – коннотативная сема ‘техническая отсталость’.

Заключение

Результаты анализа показали потенциальную способность определителей-местоимений выражать и усиливать эмоциональную оценку субъекта / объекта, которому приписываются какие-либо эталонные признаки прецедентного имени. Характер данной оценки напрямую зависит от ряда местоимения.

Притяжательное местоимение *наш* и притяжательно-возвратное *свой*, практически равноправно употребляясь в минимальном контексте с прецедентным именем, передают значение ‘местный’, ‘отечественный’ и используются преимущественно для характеристики своей культуры как аналога чужой. Местоимение *свой*, кроме того, способно характеризовать *свою* культуру как эталон качеств для чужой культуры. Оба местоимения используются для позитивной эмоциональной оценки и имеют референтный статус, то есть соотносятся с единичным, уникальным в своем роде, объектом или субъектом, которому приписываются признаки прецедентного имени.

Неопределенное местоимение *какой-нибудь* обозначает любого носителя эталонного признака прецедентного имени, употребляясь в контекстах, близких к нейтральным. Кроме того, неопределенные местоимения *какой-нибудь* и *какой-то* потенциально способны передавать коннотации пренебрежения и усиливать эмоционально-оценочную окраску всего высказывания. Оба местоимения используются для негативной эмоциональной оценки эталонных признаков прецедентного имени и имеют нереферентный статус, то есть субъект / объект, которому приписываются признаки прецедентного имени, не определен или не однозначен.

Определительное местоимение *всякий* употребляется с прецедентными именами в форме множественного числа, передает коннотации неприятия и пренебрежения в перечислительных конструкциях из нескольких имен с общим эталонным признаком, а определительно-указательное местоимение *этакий* (*эдакий*) используется как усилитель эталонного признака единичного субъекта / объекта, как с негативной оценкой, так и с позитивной.

В результате такого взаимодействия заключенное в прецедентном имени понятие приобретает черты эмоционально-оценочного знака, становится более очевидным позитивное или негативное отношение автора речи к носителю признаков прецедентного имени. Таким образом, по-

лученные результаты расширяют и углубляют представления о семантике прецедентного имени и его лексической сочетаемости.

Библиографический список

1. АСРЯ – Активный словарь русского языка. Т. 2 / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 409 с.
2. Будаев Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 22–36.
3. Васильева Н. В. Материалы к словарю терминов литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. Москва : ИЯз РАН, 2022. № 2 (17). С. 28–47.
4. Гудков Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. Москва : ЛЕНАНД, 2020. 200 с.
5. Красных В. В. Этнолингвистика и лингвокультурология. Москва : ИТДК «Гнозис», 2002. 284 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 261 с.
7. Крюкова И. В., Врублевская О. В., Кирпичева О. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки: динамический аспект. Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2020. 199 с.
8. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Русский язык, 1981–1984.
9. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 207 с.
10. Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 41–46.
11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.03.2024).
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. Москва : Издательство ЛКИ, 2018. 294 с.
13. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
14. East View. – Издания по общественным и гуманитарным наукам. URL: [https://lib.ranepa.ru/ru/informatsionnyeresursy/russkoyazychnye-resursy/57-east-view_\(дата_обращения: 31.03. 2024\)](https://lib.ranepa.ru/ru/informatsionnyeresursy/russkoyazychnye-resursy/57-east-view_(дата_обращения: 31.03. 2024)).
15. Gardiner A. The Theory of Proper Names. 2-nd ed. London : Oxford University Press, 1954. 78 p.
16. Haspelmath M. Indefinite Pronouns. Oxford : Oxford University Press, 1997. 364 p.
17. Langendonck W. Theory and Typology of Proper Names. Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. 378 p.

18. Langendonck W. V. Names and Grammar / W. Van Langendonck, M. Van de Velde // The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 17–38.

19. Motschenbacher H. Corpus Linguistic Onomastics: A Plea for a CorpusBased Investigation of Names // Names. A Journal of Onomastics. 2020. P. 88–103.

20. Nicolaisen W. F. H. Are there Connotative Names? // Names. A Journal of Onomastics. Vol. 26., 1978. P. 41–47.

21. Nyström S. Names and Meaning // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 39–51.

Reference list

1. ASRJa – Aktivnyj slovar' russkogo jazyka = ADRL – Active Dictionary of the Russian Language. T. 2 / otv. red. akad. Ju. D. Apresjan. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 409 s.

2. Budaev Je. V. Precedentnye imena v SMI: metodiki issledovanija = Precedence names in mass media: research methodology // Politicheskaja lingvistika. 2021. № 3 (87). S. 22–36.

3. Vasil'eva N. V. Materialy k slovarju terminov literaturnoj onomastiki = Materials for the dictionary of literary onomastics terms // Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov. Zhurnal nauchnyh publikacij. Elektronnoe nauchnoe izdanie. Moskva : IJaz RAN, 2022. № 2 (17). S. 28–47.

4. Gudkov D. B. Ljudi i zveri. Russkie precedentnye imena i zoonimy v nacional'nom mife. Lingvokul'turologičeskij slovar' = People and animals. Russian precedent names and zoonyms in the national myth. Linguocultural dictionary. Moskva : LENAND, 2020. 200 s.

5. Krasnyh V. V. Jetnolingvistika i lingvokul'turologija = Ethnolinguistics and linguoculturology. Moskva : ITDK «Gnozis», 2002. 284 s.

6. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and linguistic personality. Moskva : Nauka, 1987. 261 s.

7. Krjukova I. V., Vrublevskaia O. V., Kirpicheva O. V. Konnotativnye imena sobstvennye postsovetskogo perioda kak instrument social'noj ocenki: dinamičeskij aspekt = Connotative proper names in the post-Soviet period as a tool of social evaluation: a dynamic aspect. Volgograd : Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2020. 199 s.

8. MAS – Slovar' russkogo jazyka = MAS – Dictionary of the Russian language : v 4-h t. / pod red. A. P.

Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Russkij jazyk, 1981–1984.

9. Nahimova E. A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii = Precedent names in mass communication. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2007. 207 s.

10. Nahimova E. A. O klassifikacii i differenciacii precedentnyh fenomenov v politicheskoi kommunikacii = On the classification and differentiation of precedent phenomena in political communication // Politicheskaja lingvistika. 2018. № 1. S. 41–46.

11. NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = NCRL – National Corpus of the Russian Language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 31.03.2024).

12. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju: Referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij = Utterance and its relation to reality: Referential aspects of pronoun semantics. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2018. 294 s.

13. Shmelev A. D. Russkij jazyk i vnezjazykovaja dejstvitel'nost' = The Russian language and extralinguistic reality. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 s.

14. East View. – Izdaniya po obshchestvennym i gumanitarnym naukam = Publications on social and humanitarian sciences. URL: <https://lib.ranepa.ru/ru/informatsionnye-resursy/russkoyazychnye-resursy/57-east-view> (data obrashhenija: 31.03.2024).

15. Gardiner A. The Theory of Proper Names. 2-nd ed. London : Oxford University Press, 1954. 78 p.

16. Haspelmath M. Indefinite Pronouns. Oxford : Oxford University Press, 1997. 364 p.

17. Langendonck W. Theory and Typology of Proper Names. Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. 378 p.

18. Langendonck W. V. Names and Grammar / W. Van Langendonck, M. Van de Velde // The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 17–38.

19. Motschenbacher H. Corpus Linguistic Onomastics: A Plea for a CorpusBased Investigation of Names // Names. A Journal of Onomastics. 2020. P. 88–103.

20. Nicolaisen W. F. H. Are there Connotative Names? // Names. A Journal of Onomastics. Vol. 26., 1978. P. 41–47.

21. Nyström S. Names and Meaning // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 39–51.

Статья поступила в редакцию 21.04.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 21.04.2024; approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 81.119
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-157
EDN: XJBVCS

Эпистемологические и филологические особенности рукописи Ф. де Соссюра «О двойственной сущности языкового феномена»

Денис Сергеевич Золотухин

Кандидат филологических наук, научный сотрудник, Университет Париж Ситэ. 75013, Paris, 27/29 rue Jean Antoine de Baïf
denzolotukhin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5772-729X>

Аннотация. Данная статья посвящена формальному и содержательному анализу малоизвестной русскоязычным исследователям рукописи Ф. де Соссюра «О двойственной сущности языкового феномена», обнаруженной в 1996 году, опубликованной на французском языке в двух версиях и переведенной на 15 языков. Ценность анализируемого материала объясняется отражением в нём основных общелингвистических идей швейцарского лингвиста в аутентичном виде.

Работа рассматривается с точки зрения её эпистемологической функции в современном языкознании: описывается выстраиваемая понятийная система и терминология в соотношении с уже известными широкому кругу читателей понятиями и терминами (язык, речь, знак, синхрония, диахрония, точка зрения), указывается на особенности структуры работы, позволяющей говорить о реализации Ф. де Соссюром проекта по созданию книги по общему языкознанию, описываются стратегии реализации данного проекта, заключающиеся в проведении научных и ненаучных аналогий, отказа от научных метафор языкознания XIX века, а также в использовании большого количества примеров. Подчеркивается глубина и разнообразие подлинной научной мысли Ф. де Соссюра, которая была деформирована в тексте общеизвестного «Курса общей лингвистики».

Филологическая ценность анализируемой работы заключается в дополнении корпуса соссюровских текстов, в том числе в перспективе публикации русского перевода рукописи: автор обращает внимание на возможные переводческие решения при передаче текста на русский язык. Изложенные в статье результаты исследования служат основой для подготовки отечественного лингвиста к прочтению фундаментальной работы как на французском, так и на русском языке с целью дальнейшего развития соссурологии и других языковедческих направлений.

Ключевые слова: лингвистическая терминология; метаязык; научная аналогия; научная метафора; общая лингвистика; рукопись; Соссюр; соссурология; язык и речь

Для цитирования: Золотухин Д. С. Эпистемологические и филологические особенности рукописи Ф. де Соссюра «О двойственной сущности языкового феномена» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 157–168. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-157>. <https://elibrary.ru/XJBVCS>

Original article

Epistemological and philological aspects of F. de Saussure's manuscript The Double Essence of Language

Denis Sergeevich Zolotukhin

Candidate of philological sciences, researcher, Paris Cité university. 75013, Paris, 27/29 rue Jean Antoine de Baïf
denzolotukhin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5772-729X>

Abstract. This article is devoted to the formal and content analysis of F. de Saussure's manuscript The Double Essence of Language, little known to Russian researchers, which was discovered in 1996, published in French in two versions and translated into 15 languages. The value of the material under analysis can be explained by the fact that it contains the main general linguistic ideas of the swiss linguist in their authentic form.

The work is considered from the point of view of its epistemological function in modern linguistics: the conceptual system and terminology in the manuscript are described in relation to concepts and terms already known to wide audience (language, speech, sign, synchrony, diachrony, point of view). The author of the article points out the specific structure of the work, which indicates the realization of F. de Saussure's project to create a book on general linguistics,

and describes the strategies for implementing this project which involve conducting scientific and non-scientific analogies, abandoning scientific metaphors of the XIX century linguistics, as well as using a large number of examples. The depth and diversity of F. de Saussure's genuine scientific thought, which was deformed in the text of the well-known Course of General Linguistics, is emphasized in the article.

The philological value of the analyzed work lies in expanding the corpus of Saussure's texts, including the prospect of publishing a russian translation of the manuscript: the author draws attention to possible solutions when translating the text into russian. The results of the study serve as a basis to prepare the russian linguist for reading the fundamental work in both french and russian in order to further develop Saussure studies and other linguistic areas.

Key words: linguistic terminology; metalanguage; scientific analogy; scientific metaphor; general linguistics; manuscript; Saussure; Saussure studies; language and speech

For citation: Zolotukhin D. S. Epistemological and philological aspects of F. de Saussure's manuscript The Double Essence of Language. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):157–168. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-157>. <https://elibrary.ru/XJBVCS>

Введение

Изучение наследия Ф. де Соссюра (1857–1913) советскими и российскими лингвистами имеет богатую историю. На протяжении всего XX в. идеи швейцарского языковеда проникали во все сферы отечественной лингвистики благодаря публикации «Курса общей лингвистики» (далее «Курс») в 1916 г. и первому русскому переводу данной работы в 1933 г. Однако на рубеже XX–XXI вв. на мировой арене соссюровские идеи перетерпели обновление («*renouveau*») [Rastier, 2013] благодаря, в частности, обнаружению в 1996 г. в оранжерее фамильного дома Соссюра рукописей, переданных потомками лингвиста Женевской университетской библиотеке и дополнивших соссюровский корпус, который пополнялся на протяжении всего XX в.

Несмотря на данные открытия, соссюрология в России оказывается в подвешенном состоянии на фоне утраты интереса отечественных лингвистов к аутентичным текстам – даже тем, которые уже были переведены на русский язык [Просьяник, 2018]. Что касается «новой» рукописи, которой посвящена данная статья, среди российских учёных следует констатировать довольно редкие отсылки к этой работе [Богодист, 2010], [Кунецов, 2016], [Горбунов, 2017], [Золотухин, 2017], [Скубачевска-Пневска, 2019]. При этом Ф. де Соссюр продолжает часто цитироваться, но скорее как «отец структурализма», «автор Курса общей лингвистики» или как тот, кто предпочел изучать язык, а не речь, в синхронии, а не в диахронии. Совсем другой Ф. де Соссюр, иногда противоречащий «общеизвестному», открывается нам в рассматриваемой рукописи, поднимая, таким образом, ряд эпистемологических и филологических вопросов, которым и посвящена данная статья.

Актуальность

Итак, общелингвистическая теория швейцарского языковеда Ф. де Соссюра стала известна во всём мире и легла в основу структурализма благодаря посмертной публикации в 1916 г. «Курса». Ученики лингвиста Ш. Балли и А. Сеше создали «Курс» на основе записей слушателей лекций, прочитанных Ф. де Соссюром в Женевском университете в 1907–1911 гг. Незавершенный и поверхностный характер опубликованного текста поспособствовал разделению лагеря лингвистов на «за» и «против» Ф. де Соссюра, что дало толчок разносторонним интерпретациям лингвистической концепции, определив научные течения всего XX в. Поспособствовало это и сомнениям по поводу того, действительно ли Ф. де Соссюр имел в виду то, что решили опубликовать его ученики. Поэтому вскоре появился интерес к текстам, написанным рукой самого Ф. де Соссюра. Из опубликованных при жизни работ не было ни одного текста, посвященного общей лингвистике, поэтому внимание исследователей было сосредоточено на «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» [Saussure, 1922], монографии в 300 страниц, опубликованной в Лейпциге в 1878 г., и диссертации «Об использовании генитива в санскрите» [Saussure, 2014], защищённой в 1880 г. К этому можно добавить небольшое количество статей, которые собраны в посмертном «Сборнике научных трудов Ф. де Соссюра» [Saussure, 1922]. В 1954 г. Р. Гodel публикует «Неизданные заметки Ф. де Соссюра» [Godel, 1954], в 1957 г. – «Рукописные источники Курса общей лингвистики» [Godel, 1957], куда включаются черновики Ф. де Соссюра, посвященные общелингвистическим вопросам. В 1967 и 1968 гг. Р. Энглер публикует критическое издание «Курса...», которое позволяет сопоставить аутентич-

ные тексты и текст, изданный учениками [Engler, 1967, 1968].

Соссюровские тексты постепенно переводились на русский язык. Следует начать с первых попыток перевода «Курса» С. О. Карцевским [Fougeron, Breuillard, 2000], который один из первых поспособствовал распространению идей Ф. де Соссюра среди русскоязычных лингвистов. Нужно упомянуть и А. И. Ромма [Cudakova, Toddes, 1982], вступившего в 1910–1920 гг. в переписку с издателями «Курса», которая не привела ни к какому результату. Несмотря на отсутствие русского перевода, теорию Ф. де Соссюра продолжали активно обсуждать на основе франкоязычного текста, но употребляя русскоязычные эквиваленты соссюровских терминов, некоторые из которых были предложены, например В. Н. Волошиным [Ivanova, 2000]. Первый перевод «Курса» выйдет в СССР только в 1933 г. (перевод А. М. Сухотина под редакцией Р. И. Шор). В 1977 г. перевод перерабатывается А. А. Холодовичем и публикуется вместе с переводами других обнаруживаемых в разное время текстов в сборнике «Труды по языкознанию» [Соссюр, 1977]: работы Ф. де Соссюра, опубликованные в «Сборнике научных работ Ф. де Соссюра» [Saussure, 1922] («Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», «Об одном ритмическом законе греческого языка», «К вопросу о литовской акцентуации (Интонации и ударение в собственном смысле слова)», «Литовская акцентуация»), отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах [Starobinski, 1971].

В 1990 г. выходят «Заметки по общей лингвистике» с новым переводом аутентичных текстов (работы Ф. де Соссюра, опубликованные Р. Энглером в критическом издании «Курса» [Saussure, 1974], воспоминания Ф. де Соссюра, опубликованные Р. Гodelем [Godel, 1960], переписки Ф. де Соссюра с И. А. Бодуэном де Куртене и Казимером Яньюсом), выполненного Б. П. Нарумовым под редакцией Н. А. Слюсарёвой [Saussure, 2001], предложившей пересмотреть перевод отдельных терминов, что нашло своё отражение в издании нового перевода «Курса» [Соссюр, 1998]. Составленные Т. де Мауро ценные критические и библиографические комментарии поспособствовали появлению в 1999 году нового русского издания с комментариями, переведенными С. Н. Чистяковой [Соссюр, 1999].

На этом традиция перевода соссюровских текстов на русский язык обрывается. Тем време-

нем в 1996 г. в оранжерее фамильного дома Соссюров были обнаружены дополнительные рукописи, обернутые бумагой с надписью «*Science du Langage*» (наука о языке, языкознание). Эти «новые» рукописи можно разделить на две части. Первая часть включает несколько страниц с пометками *Item* – данные тексты дополняют уже опубликованные и переведённые на русский язык тексты, поэтому сегодня их делят на «старые» и «новые» *Item*. Речь идёт о серии коротких абзацев в форме афоризмов – строгих постулатов, которые должны были лечь в основу новой лингвистики. Напротив каждого из таких абзацев Ф. де Соссюр делал надпись «*item*».

Вторая, более значительная по объёму и содержанию часть рукописей (216 страниц) была озаглавлена издателями (надпись на конвертах, содержащих исписанные листы) как «*De l'essence double du langage*» – «О двойственной сущности языкового феномена» (по многим причинам при переводе *langage* мы не используем принятый в русской терминологии эквивалент *языковая / речевая деятельность*; подробнее о причинах см. [Золотухин, 2024]). Текст «О двойственной сущности языкового феномена» (далее «О двойственной сущности»), написанный в 1890-ых годах, то есть приблизительно за 15 лет до прочтения курса общей лингвистики в Женеве, характеризуется целостностью и представляет собой проект Ф. де Соссюра по созданию нового языкознания. В ней изложены аутентичные идеи учёного, которые так важно соотносить с тем, что было передано и упущено его учениками при создании «Курса».

Ни первая, ни вторая часть рукописей, уже переведенные на 15 языков, до сих пор не были опубликованы в русском переводе, что подчеркивает необходимость изложения характеристик и содержания работы для русскоязычного читателя.

Методология исследования и корпус

В 2002 году найденные тексты были изданы С. Буке и Р. Энглером в «Заметках по общей лингвистике» [Saussure, 2002] (далее «Заметки»), включающих рукопись «О двойственной сущности», серию заметок о языке (*Item* и афоризмы), разрозненные записи по общей лингвистике и подготовительные записи к прочтению курса по общей лингвистике в университете. В это издание, помимо новых материалов, вошли тексты, которые уже публиковались ранее Р. Энглером и были переведены на русский язык. В 2011 году

Р. Амакер публикует новые и часть старых материалов в издании «Наука о языке» [Saussure, 2011].

Таким образом, интересующая нас рукопись «О двойственной сущности» оказывается изданной в двух версиях, основные различия между которыми заключаются в порядке изложения текстов, относительной цельнооформленности текста и более свободной интерпретации в «Заметках» и верности оригиналу в «Науке о языке». Подробная информация о расхождениях содержится в введении к изданию Р. Амакера [Saussure, 2011] и в введениях к немецкому и итальянскому переводам «Заметок» [Rastier, 2013]. Список ошибок, совершённых издателями «Заметок» опубликован в работе Э. София [Sofia, 2012].

Предшествование издания «Заметок» выходу «Науки о языке» поспособствовало тому, что переводчики во всём мире отдавали предпочтение первой версии. Переводчик, работающий над новыми материалами сегодня, имеет в своем распоряжении не только эти два издания одних и тех же рукописей, но также оригиналы текстов, хранящиеся в Женевской университетской библиотеке и доступные онлайн [Archives...].

«Наука о языке» предоставляет более точный порядок изложения фрагментов и более корректную расшифровку текста, хотя мы и там обнаруживаем некоторые ошибки, которые заставляют постоянно сверяться с рукописной версией архивов: например, «TSVP» расшифровано как «sens» [Saussure, 2011, p. 75], «sens» как «son» [ibid, p. 139], типографическая ошибка «duqne» вместо «duquel ne» [ibid, p. 201]. Величайшее достоинство этого издания состоит в цельности опубликованных рукописей (оно включает в себя те фрагменты, которые не были опубликованы издателями «Заметок») и в воспроизведении всех элементов текста, даже зачеркнутых Ф. де Соссюром. Хотя эти детали не всегда актуальны для русского перевода, в частности, исправления на уровне морфологических или синтаксических элементов, не имеющих эквивалентности в русском языке, отдельные элементы оказывают большую помощь как переводчику, так и будущему читателю. Например, перечисления синонимов, демонстрирующих отбор Ф. де Соссюром лексических единиц через замену одного слова другим, иногда по несколько раз, показывают то, как автор подыскивал либо подходящий термин для создаваемых им понятий, либо подходящее выражение, чтобы показать на метадискурсив-

ном уровне то, что он об этих или других понятиях думал.

Отметим, что в 2010 годах «Заметки» были переведены на русский язык российским исследователем В. И. Богодистом. Однако переписка автора перевода с французским издательством Gallimard и российским издательством USSR (по аналогии с упомянутой перепиской А. А. Ромма в начале XX в.) не привела к публикации текста в России. Перевод текста с опорой на «Науку о языке», завершённый автором данной статьи, также обречён оставаться в неопубликованном виде, несмотря на положительное решение швейцарского издательства Droz, обладающего авторским правом на текст Ф. де Соссюра. Промедление связано с отсутствием ответа со стороны российского издательства USSR, хотя и публиковавшего ранее другие тексты под именем Ф. де Соссюра.

Таким образом, современный читатель имеет доступ сразу к трём источникам, позволяющим ему ознакомиться с рассматриваемой рукописью при условии владения французским языком: издание С. Буке и Р. Энглера «Заметки», издание Р. Амакера «Наука о языке» и оригиналы на сайте Женевской университетской библиотеки. Кроме того, опубликованы издания на английском, немецком, португальском, турецком, японском и ещё десяти языках.

Представленные результаты формального и содержательного анализа рукописи были получены при обращении ко всем трём франкоязычным источникам.

Результаты исследования

Главная ценность рукописи заключается в том, что именно данный текст представляет собой намёк на то, чего так не хватало исследователям научного наследия Ф. де Соссюра – написанной им самим полноценной книги, которую можно было бы противопоставить написанному не им «Курсу». Дело в том, что в 1891 г. Ф. де Соссюр, осознавая неустойчивость почвы, на которой лингвист работал, заявил о необходимости создания «книги о слове как главной помехе в науке о словах» [Engler, 1966, p. 32]. В 1894 г. в письме А. Мейе он пишет о том, что однажды все его исследования приведут к созданию книги, в которой он объяснит, что в лингвистике нет ни одного термина, которому он бы мог присвоить хоть какой-либо смысл [Godel, 1957, p. 31]. В 1911 г. Ф. де Соссюр признавался своему ученику Р. Гodelю в том, что у него где-то хранились

записи по общей лингвистике, но уже вряд ли удастся их найти [Saussure, 2002, p. 12]. Вероятно, речь шла как раз о рукописи «О двойственной сущности», написанной между раскрытием планов о создании книги в 1891–1894 гг. и высказыванием сожаления о том, что записи уже утеряны в 1911 г.

Утверждать то, что речь идёт именно о черновике как раз той книги, о которой говорил и писал Ф. де Соссюр, позволяет не только содержание обнаруженных текстов, но и метадискурсивные указания самого автора, который внутри рукописи уничижительно называет этот текст небольшой книжкой (*opuscule*) [Saussure, 2002, p. 45]. В пользу книги говорит и логика научного изложения, выстраиваемая при корректном расположении последовательности текстов. Текст разбивается на четыре части: общее описание методологии языковедческого исследования, теоретическое описание языкового феномена, иллюстрация теоретических постулатов с помощью примеров из различных языков, наброски к будущему глоссарию терминов.

Первая и вторая части характеризуются одной из главных черт соссюрских текстов – образностью, приближающей дискурс к философскому и отдаляющему его от чисто научного. Образность связана с основной исследовательской стратегией Ф. де Соссюра, известной и благодаря «Курсу» – проведением аналогий между лингвистической областью и другими научными и ненаучными областями. Объясняя важность дать чёткое определение лингвистическому объекту прежде, чем его описывать, Ф. де Соссюр сетует на то, что многие учёные не следуют такой логике: *«Мы действуем точно, как геометр, желающий продемонстрировать свойства окружности и эллипса, не объясняя, что он подразумевает под окружностью или эллипсом»* (перевод автора статьи) [Saussure, 2011, p. 141], *«мы вынуждены быть скрупулёзными и должны оставаться такими даже в самых простых вопросах <...> почти как экономист, который посреди своей книги осознал бы, что забыл закон спроса и предложения»* (перевод автора статьи) [ibid, p. 63].

Аналогии нужны Ф. де Соссюру, чтобы сориентировать и лучше объяснить будущим и действующим лингвистам необходимую логику языковедческого мышления. Но избыток аналогий объясняется не только педагогическими причинами. Напомним, что рукопись была создана в начале общелингвистических рассуждений Ф. де

Соссюра, когда он, с одной стороны, отказывается от существующей научной парадигмы XIX века, а с другой стороны, ещё не имеет нужного ему терминологического аппарата – тут на помощь и приходят сравнения и метафоры. Так, создавая понятия означающего и означаемого, Ф. де Соссюр прибегает к аналогии с химической областью: *«Первостепенными элементами, на которые направлены деятельность и внимание лингвиста, являются <...> элементы, несравнимые ни с простым химическим телом, ни с химическим соединением, при этом вполне сравнимые с химической смесью, такой как смесь азота и кислорода в чистом воздухе; так, воздух больше не будет воздухом, если мы отделим от него азот или кислород. При этом, ничего не связывает массу азота, распылённую в воздухе, с массой кислорода. В-третьих, каждый из этих элементов подвергается классификации, только относительно других элементов того же порядка, но в случае перехода к этой классификации, речь уже не будет идти о воздухе. В-четвёртых, их смесь, в свою очередь, невозможно классифицировать. Именно в этой пошаговой последовательности и заключаются характеристики главного объекта, рассматриваемого лингвистом»* (перевод автора статьи) [ibid, p. 114–115]. В приведенном примере Ф. де Соссюр начинает с отрицания того, с чем не стоит сравнивать понятия знака, означаемого, означающего. Соответствующие термины *signifié* и *signifiant*, которые бы выражали зарождающиеся понятия, ещё не существуют, а термин *signe* (знак) пока ещё недостаточно устойчив и употребляется как для обозначения целостного знака, так и для указания на его формальную сторону (означающее). Знак – это не химическое тело, не химическое соединение, а скорее химическая смесь, например – воздух, состоящий из азота и кислорода, как знак, состоящий из означаемого и означающего, разделив которые мы уже не будем иметь знака.

Аналогия с химией продолжается, когда Ф. де Соссюр пишет о затруднительном положении лингвиста, изучающего двойственный языковой знак: *«Особенность лингвистического тождества заключается в том, что оно предполагает соединение двух разнородных элементов. Если бы нам предложили определить химический состав железной, золотой или медной пластины и зоологический вид лошади, быка, овцы – это были две посильные задачи; но если бы нам предложили определить, «что» из себя представля-*

ет это странная совокупность железной пластины, прикрепленной к лошади, золотой пластины, приделанной к быку, или овцы, носящей украшение из меди, мы бы взвыли от абсурдности такой задачи (перевод автора статьи) [ibid, p. 113–114]. Очевидно, что означаемое и означающее здесь – это, с одной стороны, металлическая пластина, которую должен изучать химик, и, с другой стороны, животное, которое должен изучать зоолог. Но лингвист всегда имеет дело с сочетанием означающего и означаемого – знаком, который является такой же абсурдной, странной совокупностью, как сочетание металла и животного.

Когда Ф. де Соссюр критикует диахронический подход к языку, он обращается к сфере искусства, сравнивая языковую единицу с музыкальной композицией, сущность которой представляет не её исполнение в разное время и в разных местах, а обобщение всех вариантов исполнения: «И это же касается любой акустической сущности, поскольку она подвержена течению времени, реализуется на протяжении какого-то времени, и исчезает после этого времени: например, как музыкальная композиция в сравнении с картиной. Где существует музыкальная композиция? Это такой же вопрос, как и о том, где существует ака. В действительности эта композиция существует, только когда её исполняют; но принимать это исполнение за её существование – неверно. Её существование – это тождественность всех её исполнений» (перевод автора статьи) [ibid, p. 120].

Итак, данные аналогии привели, в конечном счёте, к созданию терминов *signe*, *signifié*, *signifiant*, *arbitraire*, *diachronie*, *synchronie*, до появления которых в момент написания анализируемого текста оставалось ещё несколько лет. Но стоит так же обратить внимание на то, что некоторые приёмы получили именно не терминологическое, а дискурсивное развитие, образовав не термины, а целые концептуальные метафоры, среди которых самой известной является «шахматная игра» (*jeu d'échecs*). В шахматной игре неважен состав фигур, не важны вообще фигуры, взятые «сами по себе». Важно именно противопоставление фигур и их позиция по отношению друг к другу, то есть их ценность – термин *valeur*. То же самое происходит и с языковыми знаками, которые возможны только как результат взаимного противопоставления. Так данную метафору и сам термин *valeur* зафиксировали ученики Ф. де Соссюра, создавая «Курс».

В аутентичных текстах мы находим предшественника этой метафоры: ценность, устанавливаемая через противопоставление языковых знаков, демонстрируется с помощью сравнения знаков с морскими сигнальными флажками: «Систему языка можно сравнить с <...> системой морских сигналов, полученных с помощью флажков разнообразных цветов. Когда флажок развевается среди множества других на мачте <...>, имеются две формы существования: первая – быть куском красной или голубой материи, вторая – быть знаком или объектом, наделённым смыслом темы, кто его воспринимает. Выделим три главные характеристики второй формы существования: она возможна только в соответствии с мыслью, которая к ней присоединяется; то же самое касается слова, первоначальная форма существования которого сводится к 'куску материи', фонетической фигуре» (перевод автора статьи) [ibid, p. 156-157]

Сближение с общеизвестной метафорой о языке как шахматной игре происходит, когда Ф. де Соссюр употребляет в рукописях выражение «игра знаков» (*jeu des signes*), напоминая, что без этой игры, то есть без ценности, выявленной в результате противопоставления, знаки – это лишь куски материи, а не сигналы для моряков: «Фонетическая фигура становится формой в тот момент, когда мы вводим её в игру знаков, которая зовётся языком, так же, как кусок материи, лежащий на дне трюма, становится сигналом в тот момент, когда его поднимают 1° среди других знаков, поднятых одновременно, и претендующих на значение; 2° среди ста других, которые могли бы быть подняты» (перевод автора статьи) [ibid, p. 132]. И наконец, мы обнаруживаем часть терминосоздающего текста, которая, можно сказать, разветвляется по двум направлениям: мы видим фиксацию концептуальной метафоры «игра в шахматы», которая в таком виде останется в основе концепции Ф. де Соссюра, а затем и всего структурализма, и, с другой стороны, продолжение создания понятия ценности и соответствующего термина *valeur*: в данном фрагменте употребляется глагол *valoir* – «стоять», «иметь ценность», «быть наделённым ценностью»: «Таким же образом, как и в шахматной игре, было бы абсурдно выяснять, что представляли бы из себя ферзь, пешка, слон или конь, если рассматривать их вне шахматной игры; таким же образом нет никакого смысла при подлинном рассмотрении языка выяснять, что из себя представляет каждый отдельно

взятый элемент. Он является лишь частицей, наделённой ценностью в противопоставлении с другими знаками в соответствии с некоторыми установками» (перевод автора статьи) [ibid, p. 125].

Представленные аналогии позволяют Ф. де Соссюру не только наилучшим образом продемонстрировать истинный объект лингвистики, но и открыть в этом объекте такие характеристики, которые оставались недоступными именно в связи с тем, что у объекта просто нет понятного аналога, ведь, согласно Ф. де Соссюру, объект в лингвистике не существует как таковой – его сначала нужно создать, выбрав чёткую точку зрения: «Выражения в качестве, с точки зрения в лингвистической области заставляют серьёзно задуматься. В других областях существует предел разнообразию способов изучения объектов, заданный самими этими объектами. В лингвистике же следует выяснить, не является ли точка зрения, с которой рассматривается объект, самим объектом, и следовательно, отталкиваемся ли мы, в конечном счёте, только от одной какой-либо конкретной точки, и следует ли считать скорее неверным тот факт, что никогда не было ничего другого, кроме наших бесконечно приумножаемых точек зрения (перевод автора статьи) [ibid, p. 89–90]. И далее: «Напомним, что объект в лингвистике изначально не существует, он не определяется сам по себе. Поэтому говорить об объекте, называть объект, означает только одно – обратиться к определенной точке зрения» (перевод автора статьи) [ibid, p. 90].

Одной из центральных характеристик этого объекта заключается в его двойственности, что отразилось и в названии работы. Двойственность языкового феномена (*langage*) проявляется не в том, что его можно разделить на две части, а в том, что у него есть две стороны, которые друг от друга неотделимы – язык (*langue*) и речь (*parole*). Языковая единица сочетает в себе ментальную репрезентацию говорящим последовательности звуков с ментальной репрезентацией референта, поэтому язык существует только в сознании говорящего и затем активизируется в речи. Ф. де Соссюр разбирает особенности речевого процесса и его связи с языком, и помимо всем известного термина *parole* (речь) использует также единицы *le discoursif* (область речи), *discours* (высказывание), *langage discoursif* (речь): «Все изменения, будь то фонетические или грамматические (по аналогии), происходят ис-

ключительно в области речи. Не существует такого момента, когда субъект подвергает пересмотру ментальную сокровищницу языка, которую он носит в себе, и на свежую голову создаёт новые формы (например, *calmentement* []), которые он позволяет себе {/обещает себе} «поместить» в своё следующее высказывание. Любое нововведение образуется импровизационно при говорении (и оттуда проникает в потаённую сокровищницу либо слушателя, либо говорящего, но возникает, таким образом, только в речи» (перевод автора статьи) [ibid, p. 60].

При этом сам язык, сочетающий ментальное и социальное, представляет собой систему ценностей (*valeur*), определяемых различиями, или противопоставлениями. Такой отрицательный характер языка, где нет ничего, кроме различий, делает процесс коммуникации возможным: «Показать, что наличие определенного звука имеет ценность только в противопоставлении с другими имеющимися в наличии звуками, просто; и именно в этом заключается первое элементарное, но неоспоримое применение принципа ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ, или ВЗАИМНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, или ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ и ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ВЕЛИЧИН, которые образуют языковое состояние» (перевод автора статьи) [ibid, p. 127]. И далее: «язык подпитывается и живёт только лишь совокупностью противопоставлений, совокупностью совершенно отрицательных ценностей, существующих только через их взаимное сопоставление» (перевод автора статьи) [ibid, p. 180]. В рукописи понятие ценности оказывается центральным. Отметим, что в русских текстах данное понятие долгое время выражалось через термин *значимость*. В связи с тем, что в русском языке слово *значимость* является однокоренным со значением (*signification*), происходило сближение между двумя понятиями, которые Ф. де Соссюр стремился разделить. Поэтому Н. А. Слюсарёва предложила использовать в переводах только *ценность* для того, чтобы совершить формальный разрыв с понятием значения и для указания на связь теории Ф. де Соссюра с экономической теорией, также предполагающей системы ценностей [Соссюр, 2000, с. 24].

Ф. де Соссюр, следовательно, не «отделил» язык от речи, а показал механизм их взаимодействия, обеспечивающий общение носителей языка. При этом заняться лингвистическим изучением речи он предлагал после достаточного познания языковых механизмов. Ф. де Соссюр просто не успел перейти к лингвистике речи, поскольку

его жизнь оборвалась довольно рано.

Таким образом, никакой дихотомии для Ф. де Соссюра не существует: создавая новую лингвистическую методологию, он лишь стремился установить бинарные различия, чтобы показать сложность языковой системы. Но описанные таким образом элементы существуют неразрывно как единое целое. Не отделял Ф. де Соссюр, в привычном, вульгарном понимании, синхронию от диахронии. Лингвист выделил эти два метода без отрицания одного из них, поскольку он признавал, что язык – продукт исторический, но, чтобы лучше понять его сущность, нужно обратиться к языковому состоянию, а затем вернуться к диахроническим исследованиям. Заметим, что в рукописи нет существительных *синхрония* (*synchronie*) и *диахрония* (*diachronie*), ставших известных благодаря «Курсу». В аутентичных текстах Ф. де Соссюр использует варьирующиеся прилагательные (*synoptique, épichronique, statique, instantané, morphologique, grammatical, sémiologique, antihistorique, diachronique, phonétique, métachronique* и др.) в сочетании с варьирующимися существительными, указывающими на четкое разграничение между объектом исследования (*objet, sphère, domaine, loi, axe, cas* и др.) и точкой зрения на этот объект (*point de vue, aspect, étude, méthode, analyse* и др.). Фундаментальное различие между точкой зрения и объектом было стёрто объединяющими эти две категории терминами *сynchronie* и *diachronie*, которые были произнесены Ф. де Соссюром в рамках одной из лекций и зафиксированы его учениками в издании «Курса». Стёртым это различие оказалось и в переводе «старых» рукописей на русский язык [ibid, с. 118], авторы которого употребили существительные *диахрония* и *синхрония* при переводе фрагмента текста, в оригинальной версии которого употребляются прилагательные [ibid, 2000, с. 227].

Как уже упоминалось выше, в рассматриваемом тексте не встречаются и термины *означающее* (*signifiant*) и *означаемое* (*signifié*), поскольку они появятся в терминологии Ф. де Соссюра только к 1910–1911 гг. Пока вместо них используется разнообразие синонимов: *смысл* (*sens*), *значение* (*signification*), *функция* (*fonction*), *употребление* (*emploi*), *содержание* (*contenu*), *понятие* (*idée*), *форма* (*forme*), *знак* (*signe*) и др. При этом чётко описывается тот факт, что в языке нет референта (объекта или понятия), как и звуковой оболочки – *фонетической фигуры* (*figure vocale*). В языке есть только сочетание ментального

представления звуковой последовательности и ментального представления референта в сознании говорящего или слушающего – это называется знаком (*signe*): «Глубокий дуализм, который разделяет языковой феномен, заключается не в дуализме звука и понятия, явления звукового и явления ментального; в этом состоит легкий и опасный способ его понимания. Этот дуализм заключается в двойственности фонетического явления КАК ТАКОВОГО и фонетического явления КАК ЗНАКА – физического факта (объективного) и физико-ментального факта (субъективного), а не «физического» факта звука в противопоставлении «ментальному» факту значения. Есть первая область, внутренняя, психическая, где знак существует равно так же, как и значение, один неразрывно связан с другим; есть и вторая область, внешняя, где существует только «знак»; но тогда такой знак, сведённый к последовательности звуковых волн, заслуживает, по нашему мнению, называться лишь фонетической фигурой» (перевод автора статьи) [Saussure, 2011, р. 86–87]. Сложность языковой системы заключается в том, что её элементы определяются ни формами, ни содержаниями, а сочетанием множества форм со множеством содержаний, которые, соединяясь, упорядочивают разрозненную совокупность знаков. Тот факт, что в языке функционирует не форма знака, а ментальная репрезентация этой формы говорящим, подчеркивает важность сознания (*conscience*) и разума (*esprit*) для соссюровской теории: знак является фактом чистого сознания [Saussure, 2002, р. 19]. Отметим, что в «Курсе» языковые знаки часто описываются как элементы, находящиеся в мозге (*cerveau*) – термин, который Ф. де Соссюр вычеркнул в рукописи «О двойственной сущности» и заменил сначала на «голову», а затем на «лоб».

На страницах рукописи обнаруживаются такие термины, которые, напротив, не встречаются в ранее известных текстах Ф. де Соссюра: *parallélie* (*пареллель*), *parole effective* (*фактическая речь*), *parole potentielle* (*потенциальная речь*), *quaternion final* (*конечный кватернион*): «Мы называем синтагмой фактическую речь, или сочетание элементов, содержащихся в отрезке реальной речи, или порядок, при котором элементы связаны между собой в своей последовательности или своём предшествовании. В противопоставлении параллели, или потенциальной речи, или совокупности элементов, образованных и сопоставленных разумом, или поряд-

ку, при котором элемент существует в абстрактном виде среди других возможных элементов» (перевод наш – Д.З.) [Saussure, 2011, p. 160]. «Мы всегда приходим к четырём несократимым членам и к 3 несократимым соотношениям между ними: (знак / его значение, образующие единое целое для разума) = (знак / другой знак) и также = (значение / другое значение). – Это именно то, что мы называем КОНЕЧНЫМ КВАТЕРНИОНОМ, рассматривая четыре члена в их соотношении: троичное несократимое соотношение» (перевод автора статьи) [ibid, p. 155].

Если условные две первые части рукописи посвящены формулированию новой философии и методологии лингвистического исследования, а также разработке новой понятийной и терминологической системы, третья часть работы содержит большое количество примеров на французском, чешском, санскрите, греческом, латинском и других языках, позволяющих автору проиллюстрировать те или иные положения. При публикации и переводе текста единицы древних языков безусловно, требуют тщательную выверку их формы – данная работа во многом облегчена благодаря версии рукописи, опубликованной Р. Амакером, который исправил ошибки, допущенные в издании С. Буке и Р. Энглера. Кроме того, такие примеры не требуют перевода на русский язык, поскольку, во-первых, сам Ф. де Соссюр не переводил их на французский, во-вторых, перевод на русский язык не поможет понять проиллюстрированное автором явление, проявляющееся на уровне формы.

Сложнее обстоит работа над примерами, которые даются на французском, так как зачастую они иллюстрируют особенности, связанные с семантическим содержанием единиц, то есть с их лингвистической ценностью. Поэтому недостаточно просто воспроизвести эти единицы на французском языке. Так, серии синонимов *aller, marcher, passer, cheminer, se porter, venir, se rendre* [Saussure, 2011, p. 192] или *raison, intellect, intelligence, entendement, jugement, connaissance* [ibid, p. 196] требуют перевода каждой единицы таким образом, чтобы противопоставление между этими единицами было чётко продемонстрировано. Проблема заключается в том, что в каждом языке это противопоставление будет варьироваться, образуя свою систему ценностей, поэтому для русскоязычного текста требуется представить французские единицы одновременно с русскими эквивалентами. Напротив, фран-

цузские примеры вряд ли можно воспроизводить в том случае, когда Ф. де Соссюр противопоставляет не слова, а понятия (означаемые), так как в этом случае речь будет идти не о французских наименованиях, а об универсальных понятиях, которые интегрируются в русскоязычный контекст и легко воспроизводятся на русском: «*Alors même qu'il s'agit de désignations très précises comme roi, évêque, femme, chien, – la notion complète enveloppée dans le mot ne résulte que de la coexistence d'autres termes ; le roi n'est plus la même chose que le roi, s'il existe un empereur, ou un pape, s'il existe des républiques, s'il existe des vassaux, des ducs, etc. ; – le chien n'est plus la même chose que le chien si on l'oppose surtout au cheval en en faisant un animal impudent et ignoble, comme chez les Grecs ; ou si on l'oppose surtout à la bête fauve qu'il attaque en en faisant un modèle d'intrépidité et de fidélité au devoir comme chez les Celtes*» [ibid, 2011, 199]. Так, в данном отрывке мы не переводим примеры, которые Ф. де Соссюр использует как французские «слова» (*roi, évêque, femme, chien*), но переводим примеры, которые автор перечисляет как «понятия» (*король, император, папа, республики, вассалы, герцоги, собака, лошадь* вместо воспроизведения *roi, empereur, pape, républiques, vassaux, ducs, chien, cheval*): «Хотя речь и идёт об очень точных наименованиях, как например *roi, évêque, femme, chien* – полноценное понятие, заключённое в слово, образуется только в результате сосуществования других единиц; король больше не является тем же королём, если существует император, как и папа, если существуют республики, если существуют вассалы, герцоги и т.д.; – собака больше не является той же собакой, если мы противопоставляем её лошади, представляя её как наглое и мерзкое животное, как это делали греки; или если мы противопоставляем её дикому зверю, которого она атакует, демонстрируя бесстрашие и верность долгу, как собаку представляли кельты» (перевод автора статьи) [ibid, p. 199].

Данная стратегия оправдывается несколько раз, особенно когда Ф. де Соссюр эксплицитно обращается именно к словам: «так, понятие шакала будет содержаться в слове *chien* или в слове *loup* до тех пор, пока не появится третье слово; понятие наследного правителя или понятие властителя будет содержаться в слове *roi* или в слове *prince* до тех пор, пока не приступят к созданию слова, отличающегося от двух первых, и т.д.» (перевод автора статьи) [ibid, p. 199–

200].

Обязательным является перевод примеров, интегрированных в синтагмы, в тех случаях, когда Ф. де Соссюр отрицает существование переносного смысла в языке. Например, когда *supplice* (казнь, пытка) противопоставляется *martyre* (мученичество) и появляется в «переносном» смысле в выражении «*supplice de porter des gants trop étroits*» (пытка носить слишком узкие перчатки) [ibid, p. 197], единственным возможным эквивалентом для *supplice* является *пытка*, так как только это слово может быть интегрировано в данное выражение.

Особая ситуация возникает при переводе фрагмента «*Parle-t-on par exemple <...> d'une personne qui a été le soleil de l'existence d'une autre, c'est que 1° on ne pourrait dire qu'elle en a été la lumière*»: «Например, если мы говорим <...> о человеке, который был *soleil* в жизни другого человека, 1° нельзя было бы сказать, что он был *lumière*» (перевод автора статьи) [ibid, p. 206]. В русском языке, оба эквивалента (*soleil* – *солнце* и *lumière* – *свет*) становятся возможными, хотя во французском, как и сказано в тексте, доступен только один вариант. Следовательно, передача этих примеров на русский язык была бы бессмысленна.

На самом деле, данные наблюдения приводят не для того, чтобы утвердить высокую степень сложности задачи, стоящей перед переводчиком данной рукописи. Напротив, подчеркивается большой потенциал текста, публикуемого на русском языке. Поиск эквивалентов, которые бы позволили наилучшим образом передать объясняемые Ф. де Соссюром примеры, показывает то, как при переходе от одного языка к другому функционирует центральное понятие соссюровской теории – языковая ценность. Как писал сам автор: «множество отдельных языков будут выражать посредством слов, полностью отличающихся от наших, те же самые феномены» (перевод автора статьи) [ibid, p. 204].

Заключение

Таким образом, рукопись «О двойственной сущности» характеризуется, в первую очередь, эпистемологическими особенностями, связанными с содержанием текста, демонстрирующим одно из главных достижений Ф. де Соссюра – объединение философского взгляда на языковой феномен с построением строгого подхода к лингвистическому анализу. Учёный хочет прийти до «сущности» языкового феномена и ставит се-

рьёзные онтологические вопросы о природе языка и непосредственно эпистемологические вопросы о статусе самой дисциплины. Он разрабатывает новую теорию, формирует новые понятия и постепенно подбирает для них соответствующие терминологические единицы. Главным средством построения новой системы оказывается проведение аналогий с научными и ненаучными объектами. Такая стратегия дополняется демонстрацией невозможных аналогий и отрицанием метафор, характерных для языкознания XIX в., в конце которого был написан этот текст. С переходом в XX век разработанные понятия и соответствующие им термины закрепляются в последующих соссюровских текстах в виде метафорических терминов (ценность, означаемое, означающее и т. д.), а также в виде полноценных концептуальных метафор (шахматная игра). Все теоретические положения демонстрируются на основе большого количества примеров, требующих особого внимания при передаче данного текста на русский язык, – процесс, относящийся скорее к сфере лингвистических и филологических вопросов.

Однако главная филологическая особенность связана с местом данного текста в наследии Ф. де Соссюра. Будучи написанной в 1890-х гг., рукопись предваряет другие соссюровские тексты и таким образом даёт представление о первых этапах становления научной мысли лингвиста. При этом речь идёт именно о рукописном тексте со своими особенностями: исправлениями, лакунами, незавершёнными фрагментами. Поэтому текст позволяет буквально погрузиться в процесс соссюровских размышлений. Конечно, это противоречит тому, что мы можем увидеть в «Курсе», но следует помнить, что «Курс» – это лишь деформирующая репрезентация лингвистической концепции Ф. де Соссюра. Настоящий швейцарский гений именно такой, как текст «О двойственной сущности», – нерешительный, сомневающийся, прерывающийся. Стремящийся к истине.

В целом рукопись, с одной стороны, скорее значительно дополняет и подтверждает наши знания о соссюровском видении языкового феномена, чем кардинально изменяет их, но здесь центральные общелингвистические понятия объясняются намного глубже, чем в появившемся позже «Курсе». С другой стороны, рукопись уже повлияла на то, что лингвисты во всём мире пишут о Ф. де Соссюре, и может повлиять на то, что будут писать будущие поколения российских

лингвистов: рассмотренный текст позволяет усомниться в правомерности критики, направленной против великого учёного, и переложить эту ответственность на текст «Курса».

Библиографический список

1. Богодист В. И., Горбунов Ю. И. Новые информационные материалы по теоретическим дисциплинам кафедры французского языка для обучающего лингвистического автомата: учебное пособие. Ульяновск: УлГПУ, 2012. 143 с.
2. Золотухин Д. С. К проблеме изучения теоретического наследия Фердинанда де Соссюра в современной отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 2. С. 37–48.
3. Золотухин Д. С. Проблема передачи общелингвистических терминов Ф. де Соссюра на русский язык // Человек и язык: материалы международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора М. Я. Блоха, г. Москва, 23–24 ноября 2023 г. под общ. ред. И. О. Сыресинной. 2024. С. 335–342.
4. Кузнецов В. Г. К столетию публикации «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 90–99.
5. Просяник О. Восприятие концепции Фердинанда де Соссюра в советском и российском языкознании (на материале анализа журнала «Вопросы языкознания») // Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Jana Kochanowskiego. 2018. № 26. С. 129–137.
6. Скубачевска-Пневска А. Перспектива неососюррианизма. Литературоведение по отношению к мысли (настоящего) де Соссюра // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 30–43.
7. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике / пер. Б. П. Нарумова; под ред. Н. А. Слюсаревой. Москва: Прогресс, 2001. 280 с.
8. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Эше; пер. с фр. С. В. Чистяковой; под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 1999. 432 с.
9. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / пер. с фр. А. А. Холодовича. Москва: Прогресс, 1977. 696 с.
10. Archives de Ferdinand de Saussure. URL: https://archives.bge-geneve.ch/archive/fonds/saussure_ferdinand_de/ (дата обращения: 27.03.2024)
11. Engler R. Remarques sur Saussure, son système et sa terminologie // Cahiers Ferdinand de Saussure. Genève. Librairie Droz. 1966. № 6. P. 35–40.
12. Godel R. Notes inédites de F. de Saussure // Cahiers Ferdinand de Saussure. Genève. Librairie Droz. 1954. № 12. P. 49–71.
13. Godel R. Souvenirs de F. de Saussure concernant sa jeunesse et ses études (Bibliothèque publique et universitaire de Genève, Ms fr 3957/1) // Cahiers Ferdinand de Saussure. Genève. Librairie Droz. 1960. № 17. P. 12–25.
14. Godel R. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Paris: Minard, 1957. 282 p.
15. Ivanova E. Le problème de la traductibilité des termes linguistiques (l'interprétation de langue-langage-parole de Saussure en russe) // Cahiers Ferdinand de Saussure. Genève. Librairie Droz. 2000. № 53. P. 177–196.
16. Rastier F. De l'essence double du langage et le renouveau du saussurisme, Arena Romanistica // Numéro spécial à l'occasion du centenaire de la mort de Saussure (1857–1913). 2013. № 12. 230 p.
17. Saussure F. de. De l'emploi Du Génitif Absolu En Sanscrit: Thèse Pour Le Doctorat Présentée à La Faculté de Philosophie de l'Université de Leipzig. Cambridge Library Collection. Linguistics. Cambridge University Press. 2014. 97 p.
18. Saussure F. de. Écrits de linguistique générale // Établis et édités par Simon Bouquet et Rudolf Engler avec la collaboration d'Antoinette Weil. Paris: Gallimard, 2002. 353 p.
19. Saussure F. de. Essai pour réduire les mots du grec du latin et de l'allemand à un petit nombre de racines // Cahiers de Ferdinand de Saussure. Genève. Librairie Droz. 1978. № 32. P. 73–101.
20. Saussure F. de. Notes sur l'accentuation lituanienne // L'Herne. Saussure. 2002. P. 323–350.
21. Saussure F. de. Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure // Librairie E. Droz. 1922. 656 p.
22. Saussure F. de. Science du langage: De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. de Saussure 372 // Edition critique partielle mais raisonnée et augmentée des Écrits de linguistique générale par R. Amacker. Genève: Librairie Droz, 2011. 356 p.
23. Sofia E. Quelques problèmes philologiques posés par l'œuvre de Ferdinand de Saussure // Langages. 2012. № 1 (185). P. 35–50.
24. Starobinski J. Les mots sous les mots: Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Paris: Gallimard. 1971. 161 p.

Reference list

1. Bogodist V. I., Gorbunov Ju. I. Novye informacionnye materialy po teoreticheskim disciplinam kafedry francuzskogo jazyka dlja obuchajushhego lingvisticheskogo avtomata = New information materials on theoretical disciplines of the French language department for the learning linguistic automaton: uchebnoe posobie. Ul'janovsk: UIGPU, 2012. 143 s.
2. Zolotuhin D. S. K probleme izuchenija teoreticheskogo nasledija Ferdinanda de Sossjura v sovremennoj otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike = Toward studying the theoretical heritage of Ferdinand de Saussure in modern Russian and foreign linguistics // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2018. № 2. S. 37–48.
3. Zolotuhin D. S. Problema peredachi obshhelingvisticheskikh terminov F. de Sossjura na russkij jazyk =

The problem of translating F. de Saussure's general linguistic terms into the Russian language // *Chelovek i jazyk : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Chelovek i jazyk», posvjashhennoj pamjati professora M. Ja. Bloha, g. Moskva, 23–24 nojabrja 2023 g. pod obshh. red. I.O. Syresinnoj.* 2024. S. 335–342.

4. Kuznecov V. G. K stoletiju publikacii «Kursa obshhej lingvistiki» Ferdinanda de Sossjura = On the hundredth anniversary of publishing Ferdinand de Saussure's *The Course of General Linguistics* // *Voprosy jazykoznanija.* 2016. № 2. S. 90–99.

5. Prosjanik O. Vosprijatje koncepcii Ferdinanda de Sossjura v sovetskom i rossijskom jazykoznanii (na materiale analiza zhurnala «Voprosy jazykoznanija») = Perception of Ferdinand de Saussure's concept in Soviet and Russian linguistics (on the analysis of the journal *Problems of Linguistics*) // *Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Jana Kochanowskiego.* 2018. № 26. S. 129–137.

6. Skubachevska-Pnevskaja A. Perspektiva neosossjurianstva. Literaturovedenie po otnosheniju k mysli (nastojashhego) de Sossjura = A Neo-Sossurian prospect. Literary studies in relation to (the present) de Saussure's thought // *Novyj filologicheskij vestnik.* 2019. № 2 (49). P. 30–43.

7. Sossjur F. Zametki po obshhej lingvistike = Notes on general linguistics / per. B. P. Narumova; pod red. N. A. Sljusarevoj. Moskva : Progress, 2001. 280 s.

8. Sossjur F. Kurs obshhej lingvistiki = The course of general linguistics / red. Sh. Balli i A. Seshe; per. s fr. S. V. Chistjakovoj; pod obshh. red. M. Je. Rut. Ekaterinburg : Izdatel'stvo ural'skogo universiteta, 1999. 432 s.

9. Sossjur F. Trudy po jazykoznaniju = Works on linguistics / per. s fr. A. A. Holodovicha. Moskva : Progress, 1977. 696 s.

10. Archives de Ferdinand de Saussure. URL: https://archives.bge-geneve.ch/archive/fonds/saussure_ferdinand_de/ (data obrashhenija: 27.03.2024)

11. Engler R. Remarques sur Saussure, son système et sa terminologie // *Cahiers Ferdinand de Saussure.* Genève. Librairie Droz. 1966. № 6. P. 35–40.

12. Godel R. Notes inédites de F. de Saussure // *Cahiers Ferdinand de Saussure.* Genève. Librairie Droz. 1954. № 12. P. 49–71.

13. Godel R. Souvenirs de F. de Saussure concernant sa jeunesse et ses études (Bibliothèque publique et universitaire de Genève, Ms fr 3957/1) // *Cahiers Ferdinand de Saussure.* Genève. Librairie Droz. 1960. № 17. P. 12–25.

14. Godel R. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Paris : Minard, 1957. 282 p.

15. Ivanova E. Le problème de la traductibilité des termes linguistiques (l'interprétation de langue-langage-parole de Saussure en russe) // *Cahiers Ferdinand de Saussure.* Genève. Librairie Droz. 2000. № 53. P. 177–196.

16. Rastier F. De l'essence double du langage et le renouveau du saussurisme, *Arena Romanistica* // Numéro spécial à l'occasion du centenaire de la mort de Saussure (1857–1913). 2013. № 12. 230 p.

17. Saussure F de. De l'emploi Du Génitif Absolu En Sanscrit: Thèse Pour Le Doctorat Présentée à La Faculté de Philosophie de l'Université de Leipzig. Cambridge Library Collection. Linguistics. Cambridge University Press. 2014. 97 p.

18. Saussure F. de. *Écrits de linguistique générale* // Établis et édités par Simon Bouquet et Rudolf Engler avec la collaboration d'Antoinette Weil. Paris : Gallimard, 2002. 353 p.

19. Saussure F. de. Essai pour réduire les mots du grec du latin et de l'allemand à un petit nombre de racines // *Cahiers de Ferdinand de Saussure.* Genève. Librairie Droz. 1978. № 32. P. 73–101.

20. Saussure F. de. Notes sur l'accentuation lituanienne // *L'Herne. Saussure.* 2002. P. 323–350.

21. Saussure F. de. Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure // Librairie E. Droz. 1922. 656 p.

22. Saussure F. de. Science du langage: De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. de Saussure 372 // Edition critique partielle mais raisonnée et augmentée des *Écrits de linguistique générale* par R. Amacker. Genève : Librairie Droz, 2011. 356 p.

23. Sofia E. Quelques problèmes philologiques posés par l'œuvre de Ferdinand de Saussure // *Langages.* 2012. № 1 (185). P. 35–50.

24. Starobinski J. Les mots sous les mots: Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Paris : Gallimard. 1971. 161 p.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 28.04.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 81'316.772.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-169
EDN: WVTZPA

Прагматическая специфика дискурсивных маркеров со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе

Александр Евгеньевич Купцов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
kupcov.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Аннотация. Данное исследование фокусируется на прагматической специфике удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе. Художественный дискурс является воплощением вербального сообщения, способным передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию, которая объединена в идейно-художественном содержании текста. В целом художественный дискурс представляет собой сложный и многогранный языковой феномен, который отражает культурные и художественные ценности общества. В рамках настоящей работы дискурсивные маркеры рассматриваются как языковые средства, которые связывают высказывания между собой и позволяют создать связный текст, что является важным элементом коммуникативного процесса. Дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса в английском и испанском языках способны акцентировать внимание адресата как на отдельных компонентах предложения-высказывания, так и на всем предложении-высказывании в целом. В англо- и испаноязычном художественном дискурсе данные лексические единицы вносят в высказывание различные оттенки дополнительных значений (смыслов), влияя на значение высказывания в целом, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса). Таким образом, дискурсивные маркеры усиливают выразительность речи и способны влиять на эмоционально-экспрессивную окраску высказывания. Особое внимание уделяется тому, как изучаемые лексические единицы со значением удивленного переспроса способствуют созданию эмоциональной окраски текста, усилению драматичности ситуации и формированию особой стилистики произведения. Исследование позволяет более глубоко понять особенности использования дискурсивных маркеров в художественном дискурсе и их воздействие на восприятие читателя, а также раскрывает специфику взаимодействия автора и читателя через использование дискурсивных маркеров в литературном произведении.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры; дискурс; художественный дискурс; прагматика; высказывание; контекст; коммуникация

Для цитирования: Купцов А. Е. Прагматическая специфика дискурсивных маркеров со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 169–175. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-169>. <https://elibrary.ru/WVTZPA>

Original article

Pragmatic specificity of discursive markers with the meaning of a surprised question in english and spanish literary discourse

Aleksandr E. Kuptsov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the english language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
kupcov.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Abstract. This study focuses on the pragmatic specifics of surprised questions in english and spanish literary discourse. Literary discourse is an embodiment of verbal message, capable of conveying aesthetic, emotional, figurative, as well as evaluative information, united in the ideological and artistic content of the text. In general, literary discourse is a complex and multifaceted linguistic phenomenon that reflects cultural and artistic values of society. This article considers discourse markers as linguistic means that connect statements with each other and help to create a coherent text, which is an important element of the communicative process. Discourse markers with the meaning of a

surprised question in english and spanish can focus the addressee's attention both on individual components of the sentence-utterance and on the sentence-utterance as a whole. In english and spanish literary discourse, these lexical units introduce various shades of additional meanings into the utterance, influencing the meaning of the utterance as a whole, thereby forming the pragmatic effect of the act of communication (discourse). Thus, discourse markers enhance the expressiveness of speech and are able to influence the emotional and expressive coloring of the utterance. Special attention is paid to how the studied lexical units with the meaning of a surprised question contribute to the creation of an emotional coloring of the text, enhance the drama of the situation and the formation of a special stylistics of the work. The study provides a deeper understanding of the discourse markers specific use in literary discourse and their impact on the reader's perception; moreover it reveals the specifics of the interaction between the author and the reader through the use of discourse markers in a literary work.

Key words: discourse markers; discourse; literary discourse; pragmatics; utterance; context; communication

For citation: Kuptsov A. E. Pragmatic specificity of discursive markers with the meaning of a surprised question in english and spanish literary discourse. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):169–175. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-169>. <https://elibrary.ru/WVTZPA>

Введение

Функционально-коммуникативный подход рассматривает дискурс как средство коммуникации, которое используется для передачи информации, выражения мнений, убеждений и взаимодействия между коммуникантами. В рамках этого подхода дискурс рассматривается как социальное явление, отражающее специфические цели и задачи участников коммуникации. Так, функционально-коммуникативный подход к дискурсу анализирует тексты и речевые проявления с точки зрения их функционального назначения, то есть какие цели преследуются при использовании определенных языковых единиц в конкретной ситуации общения. Необходимо отметить, что данный подход также уделяет внимание контексту использования языка, социокультурным особенностям общения и взаимодействию между участниками дискурса. Таким образом, функционально-коммуникативный подход помогает понять, как язык используется для достижения определенных целей в различных ситуациях общения, а также как социокультурные факторы влияют на процесс коммуникации и восприятие текста [Бабаян, 2023а; Дейк, 1989; Купцов, 2022; Шилова, 2023а].

Обзор литературы по теме исследования позволил выявить, что научная теория дискурса представляет собой комплексный подход к изучению языка и коммуникации, который объединяет в себе элементы лингвистики, социологии, психологии, философии и других наук. Итак, основными принципами научной теории дискурса являются:

1. Дискурс как социокультурное явление: теория дискурса рассматривает язык и коммуникацию как социокультурные процессы, отражающие специфические ценности, нормы и установки общества. Дискурс анализируется как способ конструирования социальной реальности и формирования социальных отношений.

2. Дискурсивные практики могут служить инструментом воздействия на общество и формирования определенных представлений и убеждений.

3. Концепция интертекстуальности: теория дискурса подчеркивает важность интертекстуальных связей между различными текстами и дискурсами. Каждый текст взаимодействует с другими текстами, создавая сложную сеть значений и ассоциаций.

4. Контекстуализация дискурса: научная теория дискурса уделяет внимание контексту использования языка и влиянию социокультурных факторов на коммуникативные практики. Дискурс анализируется с учетом широкого контекста, включая социальные, политические, экономические и культурные аспекты.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение дискурса позволяет понимать, как люди используют язык для создания социальных, национальных, культурных и др. контекстов, так как видение мира отражается в дискурсе через выбор различных языковых средств, которые маркируют культурные, социальные и идеологические особенности говорящего и его сообщества. Таким образом, дискурс является важным инструментом социального контроля и определения социальных норм и ценностей [Бабаян, 2023б; Дейк, 1989; Купцов, 2017; Шилова, 2023б].

В. Н. Бабаян детерминирует дискурс как единство текста, контекста и ситуации общения. Текст рассматривается как последовательность связанных высказываний, которые имеют определенную структуру и функцию. Контекст содержит факторы, которые влияют на коммуникацию, такие как социальный статус коммуникаторов, цель общения, тема и др. Ситуация общения определяет условия, в которых происходит коммуникация [Бабаян, 2023б]. Таким образом, дискурс – это не просто набор отдельных слов и фраз, но структу-

рированная и связанная речь, которая имеет определенную цель и контекст.

Что касается художественного дискурса, то его целью является передача эстетических и художественных ценностей, вызов эмоционального отклика у читателя или зрителя, а также создание особой атмосферы и образности. Так, М. Я. Блох полагает, что основной функцией художественных текстов является пробуждение эстетического чувства у читающего. Языковые средства, которые автор использует при написании художественного текста, создают образы персонажей, «преломленного авторским воображением в составной элемент его произведения». Следует отметить, что диктено-текстовый комплекс информации организуется когнитивно-коммуникативному содержанию [Блох, 2000]. Таким образом, определить художественный дискурс можно через ряд ключевых характеристик:

1. Использование литературных приемов и стилей: в художественном дискурсе авторы часто прибегают к использованию метафор, символов, образов, аллегорий, повествовательных приемов и других художественных средств для создания особой атмосферы и передачи своей идеи.

2. Эмоциональная и символическая нагрузка: в художественном дискурсе важную роль играют эмоции, чувства и символы. Авторы стремятся вызвать у читателя определенные эмоциональные реакции, передать свои мысли и идеи через символические образы.

3. Свобода творчества и фантазии: художественный дискурс отличается творческим подходом к использованию языка. Авторы могут играть с формой, структурой текста, использовать нестандартные приемы и техники для достижения желаемого эффекта.

4. Многозначность и интерпретируемость: тексты художественного дискурса часто обладают многозначностью и открыты для различных интерпретаций. Читатель имеет возможность воспринимать произведение на разных уровнях и находить в нем новые значения и смыслы.

Таким образом, можно сделать вывод, что художественный дискурс – это особый вид коммуникации, который использует художественные средства и приемы для передачи эстетических ценностей, вызова эмоционального отклика и создания особой культурно-национальной атмосферы. Культурно-национальная специфика любого языка отражается в лексических единицах, то есть в национальном корпусе его словаря. Таким образом, художественный дискурс, дискур-

сивные маркеры и лингвокультуры тесно связаны между собой. Художественный дискурс и дискурсивные маркеры отражают лингвокультуры, которые существуют в определенном обществе или культуре.

Анализ лингвистической литературы, посвященной дискурсивным маркерам, позволил выявить значительное терминологическое разнообразие. Так, например, данные лексические единицы называют маркерами дискурса [Егорова, 2009], дискурсивными словами [Дискурсивные слова, 1998, Кобозева, 2007, Шерстяных, 2012, Карасик, 2016], дискурсивами [Паршина, 2012, Шалимова, 2016], дискурсивными частицами [Fischer, 2000, Stede, 2000, Aijmer, 2002], коммуникативными частицами [Купцов, 2022], модальными частицами [Аверина, 2016], логическими частицами [Го, 2017], модальными словами [Виноградов, 1986], модальными операторами [Радбиль, 2014], прагматемами [Богданова-Бегларян, 2014], вспомогательными коммуникативными единицами, конструктивно-синтаксическими единицами [Викторова, 2015, Купцов, 2023] и т. д.

Теория дискурсивных маркеров предполагает, что в языке существуют определенные слова, выражения или конструкции, которые несут дополнительную информацию о структуре и организации дискурса. Дискурсивные маркеры помогают структурировать и организовать текст, указывают на связи между частями текста, выделяют ключевые моменты или идеи, а также управляют вниманием читателя/слушателя [González Sanz, 2015; Redeker, 1991]. Следует отметить, что определенные дискурсивные маркеры влияют на способ восприятия и интерпретации текста или коммуникации, то есть данные лексические единицы имеют различные денотативно-коннотативные значения. Так, А. А. Кибрик полагает, что дискурсивы регулируют дискурсивный процесс в целом [Кибрик, 1992]. Д. Шиффрин отмечает, что употребление данных лексем зависит, прежде всего, от последовательности смыслов, которые функционируют в различных сферах: когнитивной, социальной, экспрессивной и др. [Schiffrin, 1987].

Гипотеза

В рамках настоящей работы дискурсивные маркеры рассматриваются со значением удивленного переспроса, которые используются говорящим для выражения удивления, недоумения, неожиданности или неуверенности по поводу информации, полученной от собеседника. Данные лексические единицы являются важными элемен-

тами в коммуникативно-прагматическом аспекте, так как отражают стратегию ведения разговора и позицию говорящего по отношению к сообщаемым фактам [Борисова, 2018; Карасик, 2002; Купцов, 2012].

Методы исследования

Основные методы исследования: метод лингвистического наблюдения и описания, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки лингвистического материала.

Материалом служат примеры, взятые из национальных корпусов языка, а также тексты английской и испанской художественной литературы XX и XXI вв.

Результаты исследования

Как показал анализ корпуса исследуемого материала, дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе довольно часто используется для передачи эмоционального оттенка, создания напряженности или интриги. Данные лексические единицы помогают выразить удивление или недоумение героев или персонажей и подчеркнуть важность или неожиданность событий в сюжете, создавая драматический эффект.

Считаем уместным и целесообразным привести примеры контекстов, в которых дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса используются в качестве средства реализации речевых актов.

1. Функция уточнения:

(англ.) *That's why I want you to come and help me find out who did it and unravel the mystery and all that. It really is rather thrilling, isn't it?* (Christie);

(исп.) – *Como usted quiera. Pero le repito que esa mujer le está a usted engañando. Si no fuera así y si usted la quiere y es ese su gusto, ¿qué más quisiera yo sino que usted se casase con ella?* (Unamuno).

– *Pero ¿dices todo eso de verdad?*

Данные дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса используются для запроса дополнительной информации или уточнения сказанного.

2. Функция подтверждения:

(англ.) *'Nothing will induce me ever to live with you again, my dear,' said Albert in, however, a perfectly friendly fashion.*

'You're not serious?'

'Quite.'

(исп.) – *Hay una fiesta ahora - le dije. ¿Quieres venir?*

– *Gracias, pero no puedo – rehusó ella mi invitación.*

– *¿Seguro? – insistí yo, pese a ello.*

Данные лексические единицы в англо- и испаноязычном художественном дискурсе используются для подтверждения полученной информации.

3. Функция выражения эмоций:

(англ.) *«She's never worked or lifted a finger. She's just batted on other people. She's a parasite – and a damned unpleasant parasite. There are a lot of people on this boat I'd say the world could do without».*

«Really?»

«Yes. That girl in here just now, signing share transfers and throwing her weight about (Christie);

(исп.) – *¡Llévale la hebra y dile que sí!*

– *Pero ¿cómo? ¿Voy a darle alas?» (Unamuno).*

Использование дискурсивных маркеров удивленного переспроса в художественном дискурсе помогает выразить эмоциональную реакцию на услышанное.

4. Функция иронии:

(англ.) *She moved away. Ferguson said to Poirot.*

«Do you think she really means that?»

«Certainly.»

«She prefers that pompous old bore to me?»

«Undoubtedly.» (Christie);

(исп.) *¿Qué sucedería si caía al suelo? Necesitaba... ¡una piedra!, una piedra sobre sus espaldas, un largo camino que recorrer cargado con una piedra para su Virgen. «¿Dónde estás ahora? ¿De verdad son éstos tus representantes?» Sólo era un niño y sin embargo... ¿Por qué no iba a aguantar ahora?» (Falcones).*

Дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе используются для выражения иронии или сарказма.

5. Функция сомнения:

(англ.) *«But the second thing that interested me was your mention of a certain lady». «Really?» «Yesa Miss Joanna Southwood. You see, I had recently been hearing that name». He paused and went on (Christie);*

(исп.) *Los ojos de doña Sol mostraron un sincero asombro.*

– *¿Está usted seguro? – preguntó-. ¿Es cierto eso? Le juro que no me acuerdo de nada... (Ibáñez).*

Дискурсивный маркер и вопросительная интонация в удивленном переспросе может указывать

на сомнение в правильности или истинности информации в художественном дискурсе.

6. Функция установления контакта:

(англ.) «Which do you wish: to persuade me that you see five, or **really** to see them?»

«**Really** to see them». (Christie);

(исп.) ¿Y el futuro? ¿Dónde estaría el futuro? ¿Existía el futuro **de verdad**? ¿Existía o era tan sólo otro sueco como el que había vivido hasta entonces?(Llamazares).

Дискурсивные маркеры и удивленный переспрос в англо- и испаноязычном художественном дискурсе используются для установления контакта и продолжения диалога.

7. Функция выражения неодобрения или негативной реакции на услышанное:

(англ.) 'It sounds as though there were three or four men down there,' said

the doctor. 'Don't you think it's rather rash to go in **just now**?' (Christie);

(исп.) – Y **¿sólo** hay que vivir en la ciudad? – rompió el silencio un muchacho, uno de los que habían mirado al cielo, soñando a buen seguro con romper las cadenas que lo ataban a la tierra –. ¿Por qué en Barcelona se puede ganar la libertad? (Falcones).

Заключение

Таким образом, можем заключить, что прагматическая специфика дискурсивных маркеров со значением удивлённого переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе играет важную роль в создании эмоциональной окраски, усилении драматичности сюжета и передаче эмоций персонажей. Удивленный переспрос как лингвистический инструмент используется авторами для привлечения внимания читателя, выражения чувств героев и создания напряженности в сюжете. Анализ и выявление коммуникативно-прагматических функций дискурсивных маркеров позволяет лучше понять, как языковые средства используются для достижения литературных целей и создания особой атмосферы в художественном тексте.

Библиографический список

1. Аверина А. В. Функции модальных частиц в немецких научных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 71–83.
2. Бабаян В. Н. Лингвопрагматические особенности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса / В. Н. Бабаян, А. Е. Купцов // Верхневолжский филологический вестник. 2023а. № 2(33). С. 142–151.

3. Бабаян В. Н. Молчащий наблюдатель как продуцент диалогического дискурса терциарной речи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023б. № 2. С. 34–43.

4. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 57–67.

5. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.

6. Борисова Е. Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. С. 34–48.

7. Виноградов В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове). Москва : Высшая школа, 1986. 639 с.

8. Викторова Е. Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков). Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 196 с.

9. Го Л. Семантические функции логических частиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1 (69). С. 79–82.

10. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва : Прогресс, 1989. 310 с.

11. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. Москва : Метатекст, 1998. 447 с.

12. Егорова М. А. Английские «маркеры дискурса» в гносеологическом и онтологическом аспектах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 18–22.

13. Карасик В. И. Дискурсивные слова как эмблемы личности // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 26–34.

14. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). Москва : МГУ, 1992. 336 с.

15. Кобозева И. М. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания: проблема метаязыка // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва : Изд-во МГУ, 2007. С. 466–467.

16. Купцов А. Е. Лексические средства выделения темы в предложении (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 383–385.

17. Купцов А. Е. Усилительные частицы как средство маркирования темы в испанском и русском предложении // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 195–197.

18. Купцов А. Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет

им. К.Д. Ушинского, 2022. 183 с.

19. Паршина О. Н. Дискурсивы как средство вербализации речемыслительных процессов в устном политическом тексте // *Rhema. Рема*. 2012. № 3. С. 83–90.

20. Радбиль Т. Б. Национальные модели коммуникации в лингвистическом освещении: к постановке проблемы // *Коммуникативные исследования*. 2014. № 1. С. 41–50.

21. Шалимова П. А. К вопросу о функциях дискурсивов в устной речи // *Язык и культура*. 2016. № 23. С. 73–78.

22. Шерстяных И. В. Дискурсивное слово «хорошо» и его функции в современном русском языке // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия: Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 68. С. 146–152.

23. Шилова Н. В. Дискурсивные частицы как средства выражения коммуникативной структуры предложения // *Когнитивные исследования языка*. 2023а. № 3-2(54). С. 335–339.

24. Шилова Н. В. Отрицательная оценочная семантика дискурсивных маркеров во франкоязычном художественном дискурсе // *Когнитивные исследования языка*. 2023б. № 4(55). С. 680–683.

25. Aijmer K. *English Discourse Particles: Evidence from a Corpus*. Amsterdam / New York : John Benjamins, 2012. 298 p.

26. Fischer K. *From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles*. Berlin / New York : Walter de Gruyter, 2000. 383 p.

27. González Sanz M. *El discurso parlamentario andaluz: estrategias argumentativas pertenecientes al plano léxico* // *Estrategias argumentativas y discurso político*. Madrid : Arco/Libros, 2015. P. 223–250.

28. Redeker G. Review article: Linguistic markers of discourse structure // *Journal of Linguistics*, 1991. Vol. 29. N 6. P. 1139–1172.

29. Schiffrin D. *Discourse markers*. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 364 p.

30. Stede M. *Discourse Particles and Discourse Functions* // *Machine Translation*. 2000. № 15. P. 125–147.

Reference list

1. Averina A. V. Funkcii modal'nyh chastic v nemeckih nauchnyh tekstah = Modal particles functions in German scientific texts // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Serija: Lingvistika. 2016. № 1. S. 71–83.

2. Babajan V. N. Lingvopragmaticheskie osobennosti vyskazyvanij-replik anglojazыchnogo dialogicheskogo hudozhestvennogo diskursa = Linguopragmatic characteristics of utterances in English dialogic literary discourse / V. N. Babajan, A. E. Kupcov // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2023а. № 2(33). S. 142–151.

3. Babajan V. N. Molchashhij nabljudatel' kak producent dialogicheskogo diskursa terciarnoj rechi = The silent observer as a producer of dialogic discourse of tertiary speech // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2023b. № 2. S. 34–43.

4. Bloh M. Ja. Diktema v urovnevoj strukture jazyka = Dictema in the language level structure // *Voprosy jazykoznanija*. 2000. № 4. S. 57–67.

5. Bogdanova-Beglarjan N. V. Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponjatija i obshhaja tipologija = Pragmatemes in oral everyday speech: concept definition and general typology // *Vestnik Permskogo universiteta*. 2014b. Vyp. 3 (27). S. 7–20.

6. Borisova E. G. Upravlenie ponimaniem. Jazykovye edinicy, regulirujushhie ponimanie soobshhenija = Managing comprehension. Language units that regulate the message understanding // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 9. Filologija. 2018. № 6. S. 34–48.

7. Vinogradov V. V. *Russkij jazyk : (Grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian language : (Grammatical doctrine of the word)*. Moskva : Vysshaja shkola, 1986. 639 s.

8. Viktorova E. Ju. *Kommunikativy v razgovornoj rechi (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = Communicatives in colloquial speech (on the material of Russian and English languages)* Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 196 с.

9. Go L. *Semanticheskie funkcii logicheskikh chastic = The semantic functions of logical particles* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 3-1 (69). S. 79–82.

10. Dejk T. A. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija = Language. Cognition. Communication*. Moskva : Progress, 1989. 310 s.

11. *Diskursivnye slova russkogo jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisanija = Discursive words of the Russian language: experience of contextual semantic description / pod red. K. Kiselevoj i D. Pajara*. Moskva : Metatekst, 1998. 447 s.

12. Egorova M. A. *Anglijskie «markery diskursa» v gnoseologicheskom i ontologicheskom aspektah = English «discourse markers» in epistemological and ontological aspects* // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2009. № 1. S. 18–22.

13. Karasik V. I. *Diskursivnye slova kak jemblemы lichnosti = Discursive words as personality emblems* // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2016. №1. S. 26–34.

14. Kibrik A. E. *Oчерki po obshhim i prikladnym voprosam jazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v jazyke) = Essays on general and applied linguistics (universal, typical and specific in language)*. Moskva : MGU, 1992. 336 s.

15. Kobozeva I. M. *Oznachajushhee diskursivnyh slov russkogo jazyka kak obekt kognitivno orientirovannogo opisanija: problema metajazyka = The signifier of Russian discursive words as an object of cognitive-oriented description: the problem of meta-language* // III *Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka*

«Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». Moskva : Izd-vo MGU, 2007. S. 466–467.

16. Kupcov A. E. Leksicheskie sredstva vydelenija temy v predlozhenii (na materiale ispanskogo jazyka) = Lexical means of emphasizing the topic in a sentence (on the material of Spanish language) // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2012. № 11. S. 383–385.

17. Kupcov A. E. Usilitel'nye chasticy kak sredstvo markirovanija temy v ispanskom i russkom predlozhenii = Emphatic particles as a means of topic marking in Spanish and Russian sentences // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 23. № 3. S. 195–197.

18. Kupcov A. E. Diskursivnye chasticy v hudozhestvennom tekste: kommunikativno-pragmatischekij i lingvokul'turnyj aspekty = Discursive particles in literary text: communicative-pragmatic and linguocultural aspects. Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo, 2022. 183 s.

19. Parshina O. N. Diskursivy kak sredstvo verbalizacii rechemyslitel'nyh processov v ustnom politicheskom tekste = Discursives as a means of verbalizing speech-thought processes in oral political text // Rhema. Rema. 2012. № 3. S. 83–90.

20. Radbil' T. B. Nacional'nye modeli kommunikacii v lingvisticheskom osveshhenii: k postanovke problemy = National communication models in terms of linguistics: towards stating the problem // Kommunikativnye issledovanija. 2014. № 1. S. 41–50.

21. Shalimova P. A. K voprosu o funkcijah diskursivov v ustnoj rechi = Toward a question of discursive functions in oral speech // Jazyk i kul'tura. 2016. № 23. S. 73–78.

22. Sherstjanyh I. V. Diskursivnoe slovo «horosho» i ego funkcii v sovremennom russkom jazyke = Discursive

word «horosho» and its functions in modern Russian language // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Iskusstvovedenie. 2012. Vyp. 68. S. 146–152.

23. Shilova N. V. Diskursivnye chasticy kak sredstva vyrazhenija kommunikativnoj struktury predlozhenija = Discursive particles as means of expressing the sentence communicative structure // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2023a. № 3-2(54). S. 335–339.

24. Shilova N. V. Otricateľ'naja ocenocnaja semantika diskursivnyh markerov vo frankojazychnom hudozhestvennom diskurse = Negative evaluative semantics of discourse markers in French literary discourse // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2023b. № 4(55). S. 680–683.

25. Aijmer K. English Discourse Particles: Evidence from a Corpus. Amsterdam / New York : John Benjamins, 2012. 298 p.

26. Fischer K. From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles. Berlin / New York : Walter de Gruyter, 2000. 383 p.

27. González Sanz M. El discurso parlamentario andaluz: estrategias argumentativas pertenecientes al plano léxico // Estrategias argumentativas y discurso político. Madrid : Arco/Libros, 2015. R. 223–250.

28. Redeker G. Review article: Linguistic markers of discourse structure // Journal of Linguistics, 1991. Vol. 29. N 6. P. 1139–1172.

29. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 364 p.

30. Stede M. Discourse Particles and Discourse Functions // Machine Translation. 2000. № 15. P. 125–147.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 06.04.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 25.04.2024; approved after reviewing 06.04.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-176
EDN: WOZOWW

**Динамика развития наименований представителей из других государств
(на материале юридических документов XI–XXI вв.)**

Ирина Анатольевна Пугачевская

Преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет. 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
irugachevskaya@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9974-7996>

Аннотация. Статья посвящена вопросам отражения в номинативных единицах представлений о лицах, прибывших из других государств, на различных исторических этапах. Актуальность работы обусловлена развитием антропоцентрической лингвистики, изучающей язык с позиции его соотношения с человеком, его мышлением и осознанием действительности. Целью работы является проследить процесс эволюции лексической группы обозначений лиц, прибывших из других государств, а также установить причины смены наименований указанной группы и их взаимосвязь с социально-политическими изменениями в определенные исторические периоды. Для достижения поставленной цели были охарактеризованы основные этапы формирования и развития группы терминов в языке, выявлены принципы ее эволюции. В ходе проведения исследования были рассмотрены наименования, использовавшиеся для обозначения иностранных лиц в период с XI в. по настоящее время в текстах юридических документов. Приведены данные о распределении наименований по хронологической шкале и установлены мотивирующие признаки, лежащие в основе каждого наименования. Рассмотрение наименований в речевом контексте позволило более точно определить значение терминов в конкретный исторический период, учитывая специфику картины мира законодателей того времени. Проанализированы способы номинации рассматриваемой группы терминов, установлены наиболее продуктивные терминологические элементы для образования терминов данной группы и произведена попытка установить их взаимосвязь с экстралингвистическими факторами. Выявленные закономерности позволяют сделать вывод о ведущей роли экстралингвистических факторов как причины диахронического изменения наименований лексической группы, обозначающей лиц из других государств.

Ключевые слова: номинация; иностранец; семантическое значение; термин; право; лексическая группа; контекстуальный анализ; дефиниционный анализ

Для цитирования: Пугачевская И. А. Динамика развития наименований представителей из других государств (на материале юридических документов XI–XXI вв.) // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 176–184. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-176>. <https://elibrary.ru/WOZOWW>

Original article

**Dynamics of foreign representatives' names evolution
(based on the XI–XXI centuries legal documents)**

Irina A. Pugachevskaya

Lecturer at the department of theoretical and applied linguistics, Southwestern state university. 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94
irugachevskaya@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9974-7996>

Abstract. The article studies the description in nominative units of people coming from other states in different historical periods. The relevance of the work is due to the development of anthropocentric linguistics which studies languages from the position of their relation to man, human thinking and awareness of reality. The aim of the work is to trace the process of evolution of the lexical group designating individuals from other states, and to establish the reasons for changing the names of this group and their relationship with socio-political changes in certain historical periods. To achieve the goal the author characterizes the main stages of formation and development of the terms in the language, determines the principles of their evolution. The names used in legal documents to designate foreign persons in the period from the 11th century to the present were examined in the course of the research. The names' distribution is

given on a chronological scale and the motivating features underlying each name are established. Considering the names in the speech context helps to determine a more precise meaning of the terms in a particular historical period, with regard to the specific world view of the legislators of that time. The author analyzes the ways of nominating the terms under consideration, identifies the most productive term-elements in this group and attempts to establish their relationship with extra-linguistic factors. The detected patterns support the conclusion about the leading role of extra-linguistic factors as a cause of diachronic changes in the names of the lexical group denoting persons from foreign countries.

Key words: nomination; foreigner; semantic meaning; term; law; lexical group; contextual analysis; definitional analysis

For citation: Pugachevskaya I. A. Dynamics of foreign representatives' names evolution (based on the XI-XXI centuries legal documents). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):176–184. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-176>. <https://elibrary.ru/WOZOWW>

Введение

Язык профессионального общения в современной лингвистике рассматривается как социальный диалект языка, используемый лицами одной профессии [Ахманова, 2004, с. 534]. Профессиональная терминология является одной из наиболее значимых групп лексики с позиции влияния экстралингвистических факторов [Судаков, 2015, с. 15]. В терминологических наименованиях фиксируются наиболее важные для той или иной профессиональной (научной) сферы понятия, имеющие востребованность в данный период времени. На различных исторических этапах один и тот же объект действительности может иметь различные наименования, отличающиеся по объему и содержанию значений.

Рассмотрение проблемы семантики представляется наиболее перспективным в плане определения специфики терминов конкретной профессиональной области, поскольку внешняя форма терминологических единиц складывается по тем же фонетическим, лексико-грамматическим, словообразовательным и другим канонам, что и общелитературная лексика [Хижняк, 2007, с. 104]. Вопросам изучения семантических особенностей терминов в различных языках посвящено немало работ (П. С. Хижняк, А. Т. Татуев, Л. А. Гусева, М. Н. Лату, А. Г. Широколобова и др.), при этом диахроническому аспекту уделено недостаточное внимание. Исследование наименований в историческом развитии позволяет выявить специфику терминологической вербализации юридических понятий на различных исторических этапах и установить внешние факторы, влияющие на процесс номинации. Юридическая терминология является организованной лексической системой, которая обусловлена внеязыковой социальной действительностью и служит средством коммуникации в специфической профессиональной деятельности [Татуев, 2023, с. 144].

Знания, получаемые человеком в процессе профессиональной деятельности, образуют упорядоченную систему взаимосвязей и формируют мыслительные структуры – концепты. По своей природе концепт имеет индивидуальный характер: «концепт – это личностное осмысление объективного понятия и значения» [Лихачев, 1997, с. 150]. Концептуальное содержание термина основано: во-первых, на знании коллективном, принадлежащем группе представителей профессии; во-вторых, на индивидуальном знании конкретного специалиста.

Помимо содержания понятия термина, в концепт включаются различные сведения о предмете или явлении, содержащиеся, например, в статьях словарей и энциклопедий: история возникновения и развития термина, взаимосвязь с общественными явлениями, профессиональными понятиями и другими терминами [Хижняк, 2013, с. 210]. Поскольку окружающая действительность с течением времени меняется, равно как и восприятие фрагментов этой действительности индивидуумами, концептуальное содержание термина также не может оставаться неизменным на различных исторических этапах. Эти изменения отражаются в динамике процесса номинации.

Методология исследования

Основополагающими для работы являются принципы семантических исследований языка с применением элементов когнитивного анализа. Языковая номинация осуществляется в результате субъективно-объективной интерпретации именуемых предметов или явлений окружающего мира [Голованова, 2004, с. 13]. В ее основе лежат значимые признаки объекта, сформированные под влиянием экстралингвистических факторов. Рассмотрение процесса номинации в динамике позволяет проследить изменения, происходящие в восприятии субъектом номинации фрагментов окружающего мира, и установить наиболее зна-

чимые аспекты для различных исторических периодов.

Помимо общенаучных методов анализа и синтеза, обобщения, индукции и дедукции были применены методы лингвистики. Метод дефиниционного анализа позволил выявить смысловое содержание терминов, обозначающих лиц иностранного государства в различные исторические эпохи. При помощи контекстуального анализа удалось проследить изменения, происходящие в формальной и смысловой части рассматриваемого понятия.

В работе также использовались элементы квантитативного, сравнительно-исторического и этимологического анализа.

Материал исследования был собран методом сплошной выборки из текстов юридических документов XI–XXI вв. (Русской правды, уставов, судебных, международных договоров, федеральных законов и др.), а также толковых, этимологических и юридических словарей.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим способы формирования наименований и эволюцию содержания терминов, обозначающих лиц, прибывших из другого государства.

В древнерусский период зафиксирован целый ряд синонимов, обозначающих указанное понятие: *варвар, варварин, иноземелец, иноземец, иноплеменник, иностранник, иностранн, иностранец, иноязычник, немец* и др.

Отнесение части указанных наименований к числу юридических терминов обусловлено их использованием в качестве ключевых слов в гипотезе, формулирующей норму права [Хижняк, 2020, с. 30–31].

Термины *варяг, колбяг, гость, чужеземец, немец, иноязычник* зафиксированы в юридических текстах XI в. (более ранние периоды не рассматривались). Наименования *варяг* 'выходец из Скандинавии' (заимств. из др.-сканд. *varingr, voeringr* 'союзники, члены корпорации') [Фасмер, 1986, т. I, с. 276] и *колбяг* 'предположительно житель северных районов Руси' (др.-сканд. *kylfingrot kylfa* 'дубина') [Фасмер, 1986, т. II, с. 287] содержатся, например, в тексте Краткой правды: «Аще ли ринеть мужь мужа либо от себе либо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть; или будеть *варяг* или *колбяг*, то на роту»; «Аще ли челядин съкрыется либо у *варяга*, либо у *колбяга*, а его за три дни не выведуть, а познають и в трети день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривне за обиду» (ст. 10, 11; предположительно 1016 г.) [РЗ, т. 1,

с. 47]. В статье определяется статус иноземных лиц, правовое положение которых отличалось от того, которым обладали местные жители. Судя по всему, в указанных текстах термины используются в отношении всех прибывших из других земель безотносительно к их территориальной или национальной принадлежности [РЗ, т. 1, с. 54]. Разделение лиц, не являющихся коренными жителями, исходит здесь из рода их деятельности. В толковом словаре древнерусских юридических терминов слово *варяг* имеет определение 'узкий слой иностранцев-военных наемников' [Исаев, 2001, с. 20], а термин *колбяг* обозначает 'иностранца, вероятнее всего, купца, торговца или ремесленника, происходящего из среды карело-финского окружения новгородской земли' [Исаев, 2001, с. 56]. Таким образом, наименования содержат в своей семантике соотнесенность с определенной деятельностью, выполняемой субъектом: военная и торговая деятельность.

Наименования содержатся и в более поздней Пространной редакции Русской правды: «О ПОКЛЕПНЕЙ ВИРЕ. Аще будеть на кого поклепная вира, то о (же) будеть послухов 7, то ти выведуть виру; паки ли *варяг* или кто ин то два» (ст. 18; начало XII в.) [РЗ, т. 1, с. 65]; «...а оже будеть *варяг* или *колобяг*, крещения не имея, а будеть има бои, а видок не будеть, ити има роте по своей вере, а либо на жребии...» (статья «О мужи кровави»; предположительно середина XII в.) [РЗ, т. 1, с. 73]. В более поздних источниках права наименования не встречаются.

Одним из значений наименования *гость* в период Древней Руси являлось 'чужеземец' [Срезневский, 1893, т. 1, с. 570], однако в российском законодательстве указанный термин используется преимущественно в значении 'купец (торговавший в разных городах и в чужих странах); иноземный купец' [СРЯ, в. 4, с. 107]: «Аже кто многим должен будеть, а пришел (*гость*) из иного города или *чужеземець*, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнеть не дати *гостю* кун...» (Пространная редакция, XIII в.) [РЗ, т. 1, с. 68].

Термин *гость* в древнерусском законодательстве и позднее используется как по отношению к лицу, прибывшему из другого города русской земли, так и прибывшему из иностранных земель. Из текста нормы не всегда понятно откуда прибыл купец: «А поспорят ниженазванные лоцманы с *гостями* по пути вверх или вниз, и помиряться они между собою в пути, то тому быть твердо...» (Рукописание князя Всеволода, XIII в.) [РЗ, т. 1, с. 273]. «А приедет *гость* на Неву и понадобится

ему дерево или мачтовый лес, рубить их ему по обеим берегам реки, где захочет» (Устав князя Ярослава о мостех, 60-е годы XIII в.) [РЗ, т. 1, с. 245]. В описываемый исторический период для ситуаций, закрепленных в памятниках древнерусского законодательства, факт принадлежности к тому же государству был не существен: любой купец, не являвшийся местным жителем, был *гостем*. В ряде правовых норм *гости* подразделяются по территориальному признаку: «А у *гостя* имати: у низовьскаго от дву берковска воцаных пол гривне серебра да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленского по две гривны кун от берковьска воцаного, у новоторжанина полторы гривны от берковьска воцаного, у новгородца шесть мордок от берковьска воцаного» (Рукописание князя Всеволода, XIII в.) [РЗ, т. 1, с. 263]; «А гостю двинскому гостити в лодьях или на возех...» (Двинская уставная грамота, приблизительно 1398 г.) [РЗ, т. 2, с. 182]. Разграничение по национальному признаку свидетельствует о применении термина *гость* к людям, прибывшим из других государств: «А которых пленных приводят, православных хрестьян, окупив, *греки* и *турчане*, и *армени*, или иные *гости*... (Стоглав, 1551 г.) [РЗ, т. 2, с. 350].

Со второй половины XVI века термин встречается в правовых текстах при обозначении представителей высшего слоя купечества как русского, так и иностранного: «А которым *гостем*, или *торговым людем* даны будут на Москве каменные лавки, а за те лавки у них будут взяты деньги в государеву казну...»; «А которые государевы проезжие грамоты даны будут ис Польского приказу иноземцом агличеном и галанцом и вольных городов, и иных разных государств *гостем* и *торговым людем*, и которые иноземцы учнут бити челом государю на русских людей в торговлях о управе и по кабалам в займех и по записям, и с *англинских* и з *галанских гостей*, которым государева жаловальная грамота дана, печатных пошлин не имать, а с ыных со всех иноземцов печатных пошлины имати, так же как и с русских людей емлют» (Соборное Уложение 1649 г.) [РЗ, т. 3, с. 192, 199]. Служба в Архангельской таможене была привилегией торговой знати: «И *гости* и гостинной и суконной сотни торговые люди в сказке за руками написали, ято им служить московския службы, да у Архангельского города на ярманке» (Новоторговый устав 1667 г.) [РЗ, т. 4, с. 137].

Термин встречается в юридических документах вплоть до второй половины XVIII века: «Ино-

городние и *иностранные гости* суть те иных российских городов или иных государств люди, кои ради промысла или работы, или иных мещанских упражнений записались» (Грамота на права и выгоды городам Российской Империи 1785 г.) [РЗ, т. 5, с. 82]. По сравнению с более ранними текстами разделение гостей на иногородних и иностранных здесь уже явно эксплицировано.

В ряде документов времен Российской Империи термин *гость* заменен наименованием *купец*: «...которую как *иностранные* и *российские купцы* с привозных, так подданные наши с отвозных товаров платить имеют...» (Указ об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов 1753 г.) [РЗ, т. 5, с. 162].

Наименование *немчин* ('иноземец немецкого, датского, шведского и т.п., а также вообще западноевропейского происхождения' [СРЯ, в. 11, с. 179]) используется в текстах международных договоров русских городов с землями Западной Европы: «а будет виноват *немчицю* русин, а отъиметь князь все, жену и дети у холопство» (договор Смоленска с Ригой 1229 г.) [РЗ, т. 1, с. 87]. В этом же документе мы встречаем слово *латинин* (от слав. *латининь* 'католик'; наиболее вероятное значение здесь – 'иноземец родом из Западной Европы') [СРЯ, в. 8, с. 178]), используемое в синонимичном значении: «Аже *литинин* даст князю холопу в заем или иному добру человеку, а умереть не заплатив, а кто емлеть его остаток, тому платити *немчину*». Наименование *немец* (др.-русс. *нѣмьць* 'человек, говорящий неясно, непонятно'; 'иностранец' [Фасмер, 1986, т. III, с. 62]) встречается в тексте договора Новгорода с Любеком и Готским берегом, заключение которого состоялось в 1269 г.: «А будет ссора между *немцами* и новгородцами, кончат ссору на дворе святого Ивана перед посадником, тысяцким и купцами» [РЗ, т. 1, с. 275] и Грамоте Великого Новгорода и Пскова: «А оже убьют купчину новгородца или *нѣмчина* купчину Новьгородъ, то за ту голову 10 гривнъ серебра» (ст. 55, 1263 г.) [СРЯ, в. 11, с. 179]. Термины, обозначающие иноземных субъектов, охватывают только группу лиц западноевропейского происхождения (немецкого, датского, шведского и т. п.), поскольку документы направлены на регулирование взаимоотношений с жителями определенных (наиболее близких) территорий.

Термин встречается и в документах более позднего периода: «А у кого всяких чинов у русских людей дворы на Москве в Китае и Белом и в Земляном городе в загородских слободах, и тех

дворов и дворовых мест у русских людей немцам и немкам вдовам не покупати, и в заклад не имати (Соборное Уложение 1649 г.) [РЗ, т. 3, с. 208]. Для законодательства периода Московского государства характерно выделение лиц, прибывших из других земель, по национальному признаку: «А будет на русских людехучнут искать литва, или немцы, или татаровя, или иные всякие иноземцы, а в том их иску доведетца крест целовать русским людем...» (Соборное Уложение 1649 г.) [РЗ, т. 3, с. 160].

Термин *чужеземец* (*чюжеиземець*) имеет значение 'житель чужой земли, иностранец' [Срезневский, т. 3, с. 1550]; это наименование уже не содержит в своей семантике признаков соотносительности с какой-либо определенной зарубежной территорией: «А которой чюжеиземець на чужей земли иметь искать бою и грабежу...» (Псковская судная грамота, XIII в., ст. 105) [РЗ, т. 1, с. 341]. Различные фонетико-графические варианты наименования встречается и в более поздних источниках: «А которой чюжоземець на чужоземце чего възщет, ино того воля, на ком ищут, хочет отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит чего на нем ищут, и истец, поцеловав крест, да возмет» (Судебник 1497 г.) [РЗ, т. 2, с. 61]; «А которой человек здешнаго государства възщет на чюжеземце или чюжеземець на здешнем человеке, и в том дати жеребей...» (Судебник 1550 г.) [РЗ, т. 2, с. 101].

Помимо указанных, отмечаются примеры употребления наименования *зарубежные люди*: «А будет кто царьского величества недругу город здаст изменою, или кто царьского величества в город примет из ыных государств *зарубежных людей* для измены же, а същется про то допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия» (Соборное Уложение 1649 г.) [РЗ, т. 3, с. 86].

Слово *иноземец* отмечено еще в текстах XIII–XV вв. [Срезневский I: 1102; Словарь древнерусского языка IV: 158], в юридических документах оно встречается начиная с середины XVI в.: «*Иноземцы* ... тому дивятся» (Стоглав 1551 г., гл. 5) [РЗ, т. 2, с. 271]; «...с иноземцев пошлины имати по старине с берковска воску, с 10 пудов московских, полполтины новгородскую да полгривенки перцу, а за полгривенки перцу, а за полгривенки перцу 5 денег новгородская» (Откупная новгородская грамота 1587 г.) [РЗ, т. 1, с. 277]; «В которых в государевых дворцовых селех и в черных волстях ..., и бояр и околничих... и *иноземцов* и всяких чинов людей в поместьях и в вотчинах..., мыты и перевозки, и на тех перевозех

и на мытах з дворян и з детей боярских и с *ыноземцов*... мыта и перевозу и мостовщины нигде не имати» (Соборное Уложение 1649 г.) [РЗ, т. 3, с. 98]. «А будет которой *иноземец* запишет товаром своим непрямою цену с убавкою, и те товары имать на великого государя» (Новоторговый устав 1667 г.) [РЗ, т. 4, с. 126].

Статьи Соборного уложения 1649 г. наряду с наименованием *иноземец* также содержат термин *чужеземец*: «А будет кто чем должен будет русским всяких чинов людем и *чужеземцем*, и исцы русские люди и *чужеземцы* того своего долгу учнут на нем искать судом...»; «А которой человек Московскаго государства възщет на *чюжеземце* чего нибудь, и *чужеземец* в том его иску даст ему на душу, и он в том своем иску похочет крест поцеловать, и ему в том дать на волю» [РЗ, т. 3, с. 147, 160]. Термины используются в синонимичных значениях в сходных контекстах.

Позднее происходит разделение лиц, прибывших из других земель, по религиозному признаку: «А будет за котораго за *крещенаго иноземца* зговорит замужь вдова дворянская, или сына боярского жена с прожиточным поместьем, и той вдове по тому же с прожиточным своим поместьем за *крещенаго иноземца* замужь идти вольно»; «А *иноземцем некрещеным* на Москве и в городех держати у себя во дворех в работе иноземцев же всяких разных вер...» (Соборное Уложение 1649 г.) [РЗ, т. 3, с. 166; 220], а также по отношению к государственной службе – *кормовые* и *поместные иноземцы*.

Усложнение терминологического значения привело к образованию наименований с ядерным компонентом *иноземец*, обозначающим родовое понятие и зависимым (*крещеный/некрещеный, кормовой/поместный*) – видовое понятие.

Наименование используется и в более поздних документах: «...*иноземца* Вахромея Меллера Верейского уезду ...» (Указ о наказании крестьян и бобылей за неповиновение своим владельцам и за побеги, 24 апреля 1713 г.); «...а собою в продаже *иноземцом* цены не портили и в подряд денег у *иноземцев* не имали» (Новоторговый устав, 22 апреля 1667 г.); «...и *иноземцы* четъ на четъ, и жилое на жилое...» (Новоуказные статьи о поместьях, 10 марта 1676 г.) [РЗ, т. 4, с. 108, 118, 233]; «Все вызовы, драки и поединки чрез сие наижесточайшее запрещаются таким образом, чтоб никто... прирожденный здешний или *иноземец*... отнюдь не дерзал соперника своего вызывать, ниже на поединок с ним на пистолетах, или на шпа-

гах битца» (Артикул воинский 1715 г.) [РЗ, т. 4, с. 352].

Начиная с XVIII в. все наименования лиц, прибывших из других земель, содержат корень – *стран* (церк.-слав. *страна*, то же, что *сторона*). Например, *чужестранные люди*: «В нашей же службе обретающиеся *чужестранные люди*, имеют или своими дипломами, или публичными свидетельствами...» (Табель о рангах, 1722 г.) [РЗ, т. 4, с. 65]; «В нашей службе обретающиеся *чужестранные люди* имеют или своими или публичными свидетельствами от правительства их отечества свое дворянство и герб доказать» (Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 1785 г.) [РЗ, т. 5, с. 53].

Можно предположить, что мотивирующим признаком является уже преимущественно не территория (*земля* – др.-рус. *земь* 'земля', 'пол', 'низ' [Фасмер, 1986, т. II, с. 93]), а государство как совокупность политического и территориального устройства.

Наименование *иностранный* как обозначение субъекта встречается в Артикуле воинском от 26 апреля 1715 г.: «А *иностранные* и незнакомые, без позволения и указу комендантского ежельи взойдут на вал, наказаны будут» и в Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1715 г.: «Негодные и презираемые свидетели, которых в суде принять не мочно, суть сие:... 16) *иностранные*, о которых справедливом житии подлинного известия не имеют» [РЗ, т. 4, с. 335, 416] и других документах: «Управа благочиния с иногородних, *иностранных* и иноверных в городе живущих, равно как и с природных, взыскивает исполнения узаконений по гражданству» (Устав благочиния 1782 г.) [РЗ, т. 5, с. 335].

Слово *иностраниец* зафиксировано еще в древнерусский период [Срезневский, т. 1, с. 1106] и содержит следующие определения: 1) иноверец (нехристианин), варвар; 2) иноземец, чужеземец [СлРЯ XI–XVII, в. 6, с. 243]. В законодательстве в качестве термина оно впервые появляется в XIX в.: «Равномерно присоединятся к некоторым из наказаний исправительных ... высылка за границу, если виновный *иностраниец*...»; «Вместо ссылки на житье в отдаленные, кроме сибирских, губернии, с потерей всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, те из *иностраницев*, которые изъяты от наказаний телесных, высылаются за границу...» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) [РЗ, т. 6, с. 186, 189]. В том же документе для

обозначения лиц, прибывших из других государств, применяется наименование *иностранный подданный* (польск. *poddany* [Фасмер, 1986, т. III, с. 296]): «Если *иностранный подданный* изобличен или подозреваем в содеянии вне пределов государства такого преступления..., то и он вполне подлежит действию постановлений сего Уложения» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) [РЗ, т. 6, с. 210].

Оба термина встречаются и в более поздних документах: «Не могут быть судебными приставами:... 2) *иностраницы*...» (Учреждение судебных установлений 1864 г.) [РЗ, т. 8, с. 64]; «Когда русский подданный или *иностраниец*, подлежащий осуждению в России за преступление...» (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.) [РЗ, т. 8, с. 141]; «*Иностраниец*, учинивший вне пределов России тяжкое преступление... подлежит выдаче согласно договору...»; «Для *иностраницев* ограничение в праве избрания и перемены места жительства (ст. 34) может быть заменено высылкой за границу с воспрещением возвращаться в Россию» (Уголовное уложение 1903 г.) [РЗ, т. 9, с. 283]; «Правами российских подданных *иностраницы*, в России пребывающие, пользуются с соблюдением ограничений, установленных законом» (Основные государственные законы 1906 г.) [РЗ, т. 9, с. 48]; «В выборах не участвуют: ... б) *иностранные подданные*» (Положение о выборах в Государственную Думу 1907 г.) [РЗ, т. 9, с. 60].

Также встречаются синтаксические вариации термина: «Если обвиняемый состоит *подданным иностранного государства*, то копия постановления препровождается также и в Народный Комисариат по Иностранным Дела» (ст. 163 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г.).

В эпоху Советского государства термин *иностраниец* приобретает следующее значение: «лицо, не являющееся гражданином данного государства и имеющее доказательство своей принадлежности к гражданству другого государства, т.е. иностранный гражданин» [ДС, т. 1, с. 404].

Четкое определение понятия *иностранный гражданин* дается в статье 1 Закона СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР» 1981 г., регламентирующего права и обязанности иностранных граждан на территории государства: «*Иностранцами гражданами* в СССР признаются лица, не являющиеся гражданами СССР и имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству иностранного государства».

Встречаются и синтаксические вариации термина: «Судопроизводство по делам о преступлениях, совершенных *гражданами иностранных государств* и лицами без гражданства, ведется на территории РСФСР в соответствии с правилами настоящего Кодекса» (ст. 33 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1961 г.).

В настоящее время «...*иностраный гражданин* – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства» (ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации 2002 г.)

Синоним *иностраный гражданин (иностраные граждане)* заместило термин *иностранец* в современных юридических документах, что обусловлено большей терминологической точностью составного варианта наименования. С одной стороны, термин соотносится с понятием *государство*, что выражается в значении наименования *гражданин* («лицо, принадлежащее к постоянно-му населению данного государства, пользующее-

ся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все установленные законами обязанности» [СлРЯ, т. 1, с. 342]), а с другой, выражает значение «относящийся к другому государству» [СлРЯ, т. 1, с. 669], закрепленное в определении *иностраный*.

Результаты исследования показали, что обозначение лиц, прибывших из других государств, производится преимущественно исконно русскими наименованиями. Количество заимствованных терминов составляет всего 20 % от общего числа.

В таблице показано распределение наименований лиц других государств в зависимости от их использования в юридических документах XI–XXI вв. В период с XI по XVIII вв. мотивирующими признаками, лежащими в основе номинации лиц, прибывших из других земель, являлись род деятельности и принадлежность к иной территории. В исторический период начиная с XVIII в. рассматриваемая группа наименований утрачивает соотнесенность с родом деятельности и территорией (землей), характеризуясь отношением к государству (стране) (таблица 1).

Таблица 1

Распределение наименований лиц другого государства по периодам использования с указанием мотивирующего признака

Наименование	Период использования в юридических документах (век)	Мотивирующий признак
варяг*	XI–XII	Деятельность / территориальная принадлежность
колбяг*	XI–XII	деятельность территориальная принадлежность
гость	XII–XVIII	деятельность
немчин/немец	XIII–XVII	территориальная принадлежность
латинин	XIII	территориальная принадлежность
чужеземец	XIII–XVII	территориальная принадлежность
иноземец	XVI–XVIII	территориальная принадлежность
зарубежные люди	XVII	территориальная принадлежность
иностраный	XVIII	государственная принадлежность
чужестранные люди	XVIII	государственная принадлежность
иностранец	XIX–XX	государственная принадлежность
иностраный подданный*	XIX–XX	государственная принадлежность
подданный* иностранного государства	XX	государственная принадлежность
гражданин иностранного государства	XX	государственная принадлежность
иностраный гражданин	XX–XXI	государственная принадлежность

*заимствованное слово

Заключение

Древнерусское право, как любое феодальное право, являлось правом-привилегией. Неравенство людей, принадлежавших к различным социальным группам, прямо предусматривалось законом. В связи с этим наименования, содержащие в

семантике соотнесенность с родом деятельности, имеют в указанный период важное значение (варяг, колбяг, гость).

Доминирование земледелия над другими отраслями производства, постоянные войны и междоусобицы за право владения территориями (землями) с соседними государствами обуславливают

номинацию по отношению к этому важнейшему ресурсу и включение в состав наименований элемента *-зем*.

Эпоха абсолютизма характеризуется развитием государственности: централизуется приказная система, бюрократизируется система органов государственного управления и т. д. Государство рассматривается как наиболее справедливая организация общества, обеспечивающая жизнь всех подданных. Начиная с XVIII века наименования лиц, прибывших из другого государства, содержат элемент *-стран* (от ст.-слав. *страна*, др. русск. *сторона*, в значении 'государство') и элементами, содержащими в своей семантике значение 'иной, другой' (*ино-, чуже-*): *иностранный, чужестранные люди, иностранец, иностранный подданный, иностранный гражданин* – лица не принадлежащие Российскому государству.

Причиной смены наименований послужили преимущественно экстралингвистические факторы, повлекшие изменение восприятия окружающей действительности и потребовавшие использования наименований (корней) с семантикой, более точно отражающей понятия на современном историческом этапе. Собственно лингвистические факторы, такие как эволюция словообразовательных средств, проявление закона экономии языковых средств и др., существенного влияния на динамику наименований лиц, пришедших из других государств, не оказали.

Библиографический список

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
- Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2004. 330 с.
- Закон СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР» от 24.06.1981 г. № 5152-X (с изм. от 17.02.1998 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15671/ (дата обращения: 16.03.2024).
- Дипломатический словарь / под ред. А. А. Громыко, А. Г. Ковалева и др. Москва : Издательство «Наука», 1985. Т. I. 430 с.
- Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Древнерусского государства. Москва : Спарк, 2001. 119 с.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. Москва : Academia, 1997. С. 280–287.
- Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1984–1994.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва : Издательство «НАУКА», 1975–2011.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. В. 11. 326 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург : Издание Отд-ния рус.яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893. Т. 1. 771 с.
- Судаков Г. В. История русского слова. Вологда : Издательство ВоГУ, 2015. 359 с.
- Татыев А. Т. Особенности юридической терминологической лексики / Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность, 2022. Т. 2. № 1–1. С. 138–146.
- Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 25.05.1992 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 15.03.2024).
- Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 01.01.1961 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/15_ugproc_kodeks (дата обращения: 15.03.2024).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Москва : «Прогресс», 1986. Т. I. 576 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Москва : «Прогресс», 1986. Т. II. 672 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Москва : «Прогресс», 1986. Т. III. 832 с.
- Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 14.03.2024).
- Хижняк С. П. Семантические свойства юридического термина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология, 2007. № 2. С. 104–112.
- Хижняк С. П. Терминологическое значение, концептуальное содержание и дефинитивная основа системности юридической терминологии // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2013. № 2 (91). С. 208–213.
- Хижняк С. П. Терминологичность языковых знаков в праве: от русской правды до современности // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики, 2020. № 1. С. 25–34.

Reference list

- Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moskva : Editorial URSS, 2004. 571 s.
- Golovanova E. I. Kategorija professional'nogo dejatelja: Formirovanie. Razvitie. Status v jazyke = The category of a professional figure: Formation. Development. Status in language. Cheljabinsk : Cheljab. gos. un-t, 2004.

330 s.

3. Zakon SSSR «O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v SSSR» ot 24.06. 1981 g. № 5152-H = The Law of the USSR «On the Legal Status of Foreign Citizens in the USSR» of 24.06.1981 No. 5152-X (s izm. ot 17.02.1998 g.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15671/ (data obrashhenija: 16.03.2024).

4. Diplomaticeskij slovar' = Diplomatic dictionary / pod red. A. A. Gromyko, A. G. Kovaleva i dr. Moskva : Izdatel'stvo «Nauka», 1985. T. I. 430 s.

5. Isaev M. A. Tolkovyj slovar' drevnerusskikh juridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizantiej do ustavnykh gramot Drevnerusskogo gosudarstva = Explanatory Dictionary of Old Russian Legal Terms: From Contracts with Byzantium to Statutory Letters of the Old Russian State. Moskva : Spark, 2001. 119 s.

6. Lihachev D. S. Konceptosfera russkogo jazyka = Concept sphere of the Russian language // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija. Moskva : Academia, 1997. S. 280–287.

7. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov = Russian legislation of X–XX : v 9 t. / pod obshh. red. O. I. Chistjakova. Moskva : Juridicheskaja literatura, 1984–1994.

8. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language of XI–XVII centuries. Moskva : Izdatel'stvo «NAUKA», 1975–2011.

9. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language of XI–XVII centuries. Moskva – Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2015. V. 11. 326 s.

10. Sreznevskij I. I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam = Materials for the dictionary of the Old Russian language according to written documents. Sankt-Peterburg : Izdanie Otd-nija rus.jaz. i slovesnosti Imperatorskoj akad. nauk, 1893. T. 1. 771 s.

11. Sudakov G. V. Istorija russkogo slova = History of the Russian word. Vologda : Izdatel'stvo VoGU, 2015. 359 s.

12. Tatuev A. T. Osobennosti juridicheskoi terminologicheskoi leksiki = Specifics of legal terminological vocabulary // Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost', 2022. T. 2. № 1–1. S. 138–146.

13. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR ot 25.05.1922 g. = Criminal Procedure Code of the RSFSR dated 25.05.1922. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (data obrashhenija: 15.03.2024).

14. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR ot 01.01.1961 g. = Criminal Procedure Code of the RSFSR dated 01.01.1961. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/15_ugproc_kodeks (data obrashhenija: 15.03.2024).

15. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological Dictionary of the Russian Language. V 4-h tomah. Moskva : «Progress», 1986. T. I. 576 s.

16. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological Dictionary of the Russian Language. V 4-h tomah. Moskva : «Progress», 1986. T. II. 672 s.

17. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological Dictionary of the Russian Language. V 4-h tomah. Moskva : «Progress», 1986. T. III. 832 s.

18. Federal'nyj zakon «O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federacii» ot 25.07.2002 g. № 115-FZ = Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» of 25.07.2002 No. 115-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (data obrashhenija: 14.03.2024).

19. Hizhnjak S. P. Semanticheskie svojstva juridicheskogo termina = Semantic characteristics of the legal term // Izvestija vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. Filologija, 2007. № 2. S. 104–112.

20. Hizhnjak S. P. Terminologicheskoe znachenie, konceptual'noe sodержanie i definitivnaja osnova sistemnosti juridicheskoi terminologii = Terminological meaning, conceptual content and definitional basis for the legal terminology system // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoi akademii, 2013. № 2 (91). S. 208–213.

21. Hizhnjak S. P. Terminologichnost' jazykovykh znakov v prave: ot russkoj pravdy do sovremennosti = Terminology of linguistic symbols in law: from Russian truth to modernity / Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki, 2020. № 1. S. 25–34.

Статья поступила в редакцию 21.04.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 21.04.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-185

EDN: WBLHVE

**Когнитивно-стилистические аспекты изучения аллюзивных антропонимов
(на материале романа Д. Тартт «Тайная история»)**

Ольга Витальевна Томберг¹, Марина Александровна Ананьина²

¹Доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германской филологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51

¹olgatomberg@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4979-1782>

²ananinama@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6233-5311>

Аннотация. В современной когнитивной лингвистике наблюдается много направлений, определяющих различные подходы к функционированию аллюзивного антропонима в художественном тексте. Цель научного исследования заключается в проведении лингвокогнитивного анализа функционирования аллюзивных антропонимов в тексте романа D. Tartt «The Secret History» с использованием основных положений теории концептуальной интеграции, которая позволяет проанализировать более широкий материал, не ограничиваясь концептуальной метафорой, и рассмотреть процесс формирования концептов в динамическом аспекте. Достижение цели работы заключается в решении следующих задач: 1) осуществить обобщающий анализ научной литературы по вопросу особенностей и моделей использования теории концептуальной интеграции; 2) обобщить факторы, обеспечивающие выбор данной модели для анализа функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте; 3) выявить этапы анализа функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте на основе использования модели теории концептуальной интеграции; 4) провести отбор методом сплошной выборки аллюзивных антропонимов из романа D. Tartt «The Secret History» / Д. Тартт «Тайная история» и проанализировать их в соответствии с выбранной методикой, сделать необходимые выводы.

Результаты работы показали продуктивность использования модели на основе теории блендинга, которая позволяет обобщить композиционные особенности взаимодействия ментальных пространств, задействованных при формировании контекстуального значения аллюзивного антропонима в художественном тексте. Наиболее частотной является композиционная структура соположения, затем достраивания и развития. Соположение и достраивание могут быть осложнены метафтонимическим переносом и структурой развития.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним; теория концептуальной интеграции; бленд; когнитивно-семантический анализ; художественный текст; метафтонимия; ментальные пространства

Для цитирования: Томберг О. В., Ананьина М. А. Когнитивно-стилистические аспекты изучения аллюзивных антропонимов (на материале романа Д. Тартт «Тайная история») // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 185–198. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-185>. <https://elibrary.ru/WBLHVE>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

**Cognitive and stylistic aspects of studying allusive anthroponyms
(the case of D. Tartt's novel The Secret History)**

Olga V. Tomberg¹, Marina A. Ananyina²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, head of the department of germanic philology, Ural federal university named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 620000, Ekaterinburg, Lenin ave., 51

²Candidate of philological sciences, associate professor at the department of germanic philology, Ural federal university named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 620000, Ekaterinburg, Lenin ave., 51

¹olgotomberg@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4979-1782>

²ananinama@yandex.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0002-6233-5311>

Abstract. In modern cognitive linguistics there are many trends that determine different approaches to the functioning of allusive anthroponyms in a literary text. The aim of the current scientific research is to conduct a linguocognitive analysis of allusive anthroponyms functioning in the text of D. Tartt's novel *The Secret History* using the main principles of the conceptual integration theory, which helps to analyze a wider material, not limited to conceptual metaphor, and to consider the process of concept formation in a dynamic aspect. To achieve the goal of the work involves solving the following tasks: 1) to conduct a generalizing analysis of scientific literature on the specifics and models of using the theory of conceptual integration; 2) to generalize the factors that lead to choosing this model for the analysis of the allusive anthroponym functioning in literary text; 3) to identify the stages of analyzing the allusive anthroponym functioning in literary text on the basis of the conceptual integration theory; 4) to select allusive anthroponyms from the novel *The Secret History* by D. Tartt, analyze them according to the chosen methodology and draw the necessary conclusions.

The results of the work showed the productive use of the model based on the blending theory, generalizing the compositional features of the mental spaces interaction which are involved in forming the contextual meaning of an allusive anthroponym in a literary text. The most frequent is the compositional structure of juxtaposition, then completion and development. Juxtaposition and completion can be made more complicated by metaphonymic transfer and the structure of development.

Key words: allusive anthroponym; the theory of conceptual integration; blend; cognitive-semantic analysis; a literary text; metaphonymy; mental spaces

For citation: Tomberg O. V., Ananyina M. A. Cognitive and stylistic aspects of studying allusive anthroponyms (the case of D. Tartt's novel *The Secret History*). *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):185–198. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-185>. <https://elibrary.ru/WBLHVE>

Введение

Современная парадигма филологических исследований отмечена широтой методологических подходов к анализу художественных текстов: с позиции лингвистики и литературоведения, лингво- и прагмапозтики, риторики и стилистики, аксиологии и лингвоаксиологии, лингвоэстетики, поэтики и лингвопоэтики. Неотъемлемым компонентом этих подходов является их когнитивный ракурс, который позволяет глубже осмыслить механизмы смыслообразования в художественном произведении, выявить специфику авторского мировосприятия и его отражения на разных уровнях текстовой организации, установить и описать связь между ментальным миром автора и интерпретирующим сознанием читателя. В рамках когнитивного подхода тропы и стилистические приемы могут интерпретироваться как лингвокогнитивные структуры, актуализирующие результаты познания и концептуализации действительности автором текста, отмеченные культурной коннотацией, осуществляющие диалог текста с читателем и другими текстами.

Одним из наиболее значимых стилистических приемов, расширяющих диалогическое пространство художественной литературы, является аллюзия, которая в общем виде представляет собой отсылку к общеизвестному литературному, исто-

рическому, мифологическому, библейскому и др. образу или событию [Знаменская, 2002, с. 188]. Аллюзия, наряду с цитатой, заглавием, эпиграфом, выполняет функцию представления собственного текста в «чужом» контексте [Фатева, 2006, с. 142]. По наблюдениям ученых [Галиева, 2020, с. 461], наиболее широко используемым в художественном тексте является такой вид аллюзии, как аллюзивный антропоним, который представляет собой объект нашего исследования.

Следует подчеркнуть наличие различных терминов, обозначающих сходные разновидности аллюзии. Ряд ученых, таких как Н. А. Фатева, Н. А. Кузьмина, И. В. Арнольд, Н. Е. Камовникова, рассматривают аллюзию и аллюзивный антропоним как разновидности интертекстуальности. Аллюзии, которые представляют собой имена героев произведений, обладают повышенной узнаваемостью даже без упоминания имени автора и в ряде исследований номинируются как «именные аллюзии» [Фатева, 2006, с. 133].

Аллюзивный антропоним может также пониматься как прецедентное имя, которое интерпретируется как индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, относящимся к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, или как имя-символ, указывающее на

эталонную совокупность определенных качеств [Гудков, 2022, с. 77]. Аллюзивные и прецедентные имена собственные представляют собой явления одинаковые, различающиеся по названию в зависимости от подхода к их исследованию. Как аллюзивные такие имена рассматриваются в классической риторике, как прецедентные – в теории прецедентности [Нахимова, 2007, с. 38–42].

Кроме того, в ряде исследований в отношении данных единиц используется термин «автономасия», которая подразделяется на три вида в зависимости от основы создания онима [Ирисханова, 2014, с. 144–163].

В данной работе под аллюзивным антропонимом, вслед за Э. А. Исмаиловой, понимаются языковые единицы, используемые автором в тексте с целью раскрытия экспрессивного обозначения определенных персон с помощью аллюзивного использования имен известных личностей, связанных с историей, литературой, культурой, мифологией [Исмаилова, 2004, с. 104]. Сначала эти имена используются в прямом номинативном значении, затем связь с носителем имени ослабевает, но сохраняется при любых условиях. В пространстве художественного текста они могут выполнять ряд функций: идентификация персонажа / места; создание и поддержание иллюзии подлинности мира повествования; характеристика персонажей – места; выделение и группировка персонажей; участие в создании перспективы повествования; эстетическая функция; функция мифологизации [Lamping, 1983].

Аллюзивный антропоним обладает особой комплексной природой: он семиотичен, способен выступать в качестве знака иного семиотического пространства культуры, связан с культурно-историческим пространством первичного референта, имплицитен и многопланов [Галиева, 2020, с. 460]. Антропонимы склонны к обобщению, образованию понятийного значения, переходу в разряд имен нарицательных, при этом сохраняя связь с первичным референтом [Ирисханова, 2014, с. 150]. Поскольку он ассоциируется с известной личностью, а личность многогранна, то в процессе актуализации аллюзивного антропонима могут быть акцентированы как отдельные признаки и свойства референта, так и целая ситуация, включающая в себя участников и их особые взаимоотношения. В этом смысле аллюзивный антропоним представляет собой свернутый текст, имеющий культурно-историческую референцию. Культурно-историческая референция онима предполагает его соотнесение с различными уровнями культу-

ры и хранящейся в памяти народа культурной информацией. При употреблении аллюзивного антропонима в пространстве художественного текста в большинстве случаев происходит фокусизация определенных компонентов его семантической структуры. Данную особенность важно учитывать при изучении роли аллюзивных антропонимов в концептуализации художественного мира: в силу сложности своей семантической структуры антропоним способен транслировать разные концепты в разных текстовых ситуациях и даже одновременно репрезентировать ряд концептов.

Таким образом, аллюзивный антропоним можно интерпретировать как лингвокогнитивный феномен со сложной внутренней структурой, способный к фокусированию / дефокусированию своих семантических компонентов в зависимости от условий своего развертывания в тексте.

Высказанные идеи свидетельствуют, на наш взгляд, о широком научном интересе к понятию и интерпретации такого сложного феномена, как аллюзивный антропоним. Многообразие трактовок, связь с выражением и передачей фоновых знаний и вертикального контекста, когнитивная природа и возможность рассмотрения данного знака как концепта, его многообразные стилистические функции в художественном тексте приводят к возможности использования когнитивных методов для интерпретации актуализации данного знака. В работе мы обратились к положениям современной когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика, став одним из основополагающих направлений в современной лингвистике, получила свое дальнейшее развитие в ряде работ по когнитивной метафоре Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теории когнитивной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [Fauconnier, Turner, 1998], [Fauconnier, Turner (Электронные ресурсы)]. Основными положениями теории являются признание прочной связи языка и когниции, изучение ментальных пространств и их взаимодействия, которое стоит за использованными человеком словами [Скребцова, 2018, с. 175–176]. Язык играет определенную роль в процессе вербального общения, он участвует в интерпретативной деятельности человека по обработке информации, поступающей из окружающего мира. Успешность коммуникации обусловлена не только владением языком как системой кодов, сходными дискурсивными стратегиями, владением культурно-исторической фоновой информацией, но и сходными когнитивными стратегиями, которые, несмотря на их подобие, могут отличаться в разных

культурах. Значительный интерес лингвистов к особенностям построения смысла высказывания и конструирования и понимания этих смыслов обуславливает актуальность темы исследования, поскольку изучение лингвокогнитивных особенностей функционирования аллюзивного антропонима позволит решить ряд задач интерпретации художественного текста, обучения стилистике английского языка, поскольку когнитивно-семантический подход означает более глубокий уровень анализа текста.

Новизна работы заключается в том, что впервые производится когнитивно-семантический анализ функционирования аллюзивных антропонимов в аспекте взаимодействия ментальных пространств в соответствии с теорией концептуальной интеграции. *Теоретическая значимость* работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в теорию когнитивной лингвистики, литературной ономастики, стилистики английского языка. *Практическая значимость* исследования заключается в возможности использования его результатов в курсе стилистики английского языка и интерпретации художественного текста.

Методы исследования

Методологической базой исследования послужили работы в области специфики имени собственного, в частности, семантической структуры онимов, особенностей их значения в работах Дж. Милля, Х. Джозефа, С. Крипке, Дж. Серля, С. Ульмана, А. В. Суперанской, О. И. Фояковой, Д. И. Ермоловича и других ученых, посвятивших труды разработке референциальных концепций имени собственного, а также особенностям функционирования онимов в различных типах дискурса, в том числе в художественном тексте, способов их перевода на другие языки.

В нашем исследовании мы также задействуем идеи семантики и функционирования прецедентных имен, их лингвокультурной характеристики Ю. Н. Караулова, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаевой, Е. А. Нахимовой и других ученых.

Значимыми также явились труды по исследованию различных аспектов аллюзивности Ю. Р. Гальперина, В. В. Красных, Т. М. Наумовой, О. А. Постниковой, которые рассматривали аллюзивные единицы как репрезентанты концептов и их маркированных компонентов. В работе учитываются положения, разработанные в области английской ономастики К. Б. Зайцевой,

Н. Е. Камовниковой, О. А. Леонтовича, С. И. Гарагули, М. А. Соловьевой и других исследователей.

В плане методологии анализа функционирования аллюзивных антропонимов в художественном тексте мы используем положения, разработанные Ж. Фоконье, М. Тернером, которые нашли выражение в теории концептуальной интеграции как продуктивной основы для анализа функционирования указанных единиц в художественном тексте.

Для отбора материала из текста романа мы использовали метод сплошной выборки, контекстуальный метод, количественный, концептуальный, когнитивно-семантический виды анализа.

Результаты и их обсуждения

Аллюзивные антропонимы как имена собственные и разновидность прецедентных имен изучаются в лингвистике и литературной ономастике с разных позиций, в зависимости от стилистических особенностей, этимологии, роли в структуре художественного текста до исследований роли данных единиц в реализации текстовых концептов. Отбор и анализ аллюзивных антропонимов показывает, что среди них есть имена-символы, включенные в словари, прошедшие этапы обобщения значения и появления сигнификативного значения, например, *Othello*, *Don Juan*, *Napoleon* обладают определенным набором закрепленных за ними сем. Однако в текстах встречаются имена, обладающие прочной связью с референтом, они не используются во вторичной функции переосмысления, но, на наш взгляд, также служат актуализации концептов и фреймов без переосмысления их значения. Данная особенность обусловила выбор методики анализа функционирования аллюзивных антропонимов на основе теории концептуальной интеграции, которая предполагает вариативность в интерпретации когнитивных механизмов взаимодействия пространств без жесткой схемы концептуальной метафоры. При метафоризации возможны сложные динамические интеграционные процессы, которые создают новые ментальные пространства [Нахимова, 2010, с. 13]. Эти пространства наследуют элементы как из сферы-источника, так и сферы-мишени, что приводит к тому, что данные структуры начинают обладать новыми свойствами, что приводит к существенному преобразованию структуры значения [Fauconnier (Электронные ресурсы)], [Нахимова, 2010, с. 13]. По замыслу авторов теории, она призвана описывать и объяснять гораздо большее число когнитивных явлений, чем теория когнитивных метафор [Нахимова, 2010, с. 15].

Таким образом, данная теория обладает большей объяснительной силой, если ее применить для анализа аллюзивных антропонимов.

Данная теория создана на базе теории ментальных пространств Ж. Фоконье и когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Ревуцкая, 2022, с. 41–42]. Многие явления в теории концептуальной интеграции объясняются процессами образования сложных когнитивных структур (ментальных пространств) из более простых мыслительных сущностей [Гудков, 2022, с. 7]. Принципы построения ментальных пространств просты и едины для всех языков [Fauconnier, Turner (Электронные ресурсы)]. На построение ментальных пространств влияют различные факторы в виде фоновых знаний, импликаций, прагматических ожиданий [Скребцова, 2018, с. 177]. Ментальные пространства представляют собой модели дискурсивного понимания, обладающие гибкостью и изменчивостью. Связь между пространствами происходит на основе метафоры, метонимии, аналогической проекции, прагматических метонимических функций [Fauconnier, Turner, 2002], [Fauconnier, Turner, 2008]. В качестве связующих элементов пространств выступают коннекторы (connectors) [Fauconnier, Turner, 1998]. Концептуальная интеграция понимается как одна из базовых способностей человека, как подведение ситуации под определенную схему (framing). На процесс взаимодействия ментальных пространств оказывает влияние фоновая информация (backstage cognition). К ментальным пространствам относятся четыре пространства – два исходных (input spaces 1, 2), родовое пространство (generic space) и бленд (blend) [Fauconnier, Turner, 1998], [Fauconnier, Turner (Электронные ресурсы)], [Fauconnier, Turner, 1987]. Родовое пространство проектируется на оба исходных. Родовое пространства содержит общие элементы двух исходных пространств. В бленде происходит картирование аналогов двух исходных ментальных пространств [Скребцова, 2018]. Проектирование элементов двух исходных пространств в бленд имеет селективный характер и приводит к образованию так называемых эмерджентных структур (emergent structures) [Fauconnier, Turner, 1998, p. 10]. Эмерджентные структуры представляют собой такие, которых не было ни в одном из исходных пространств. Некоторые элементы исходных пространств, аналоги, сплавляются вместе, другие – нет. Формирование бленда связано с процессами композиции, завершения как появления новых отношений в бленде и развитием (elab-

oration) как развитием отношений, интегрированных в бленде. Отношения в бленде имеют обратимый характер, они могут проектироваться в исходные пространства. Структуры исходных ментальных пространств отображаются на новое, конструируемое ментальное пространство бленда. Концептуальная интеграция может повторно применяться к бленду, такая особенность определяется как рекурсивность. Структура бленда не заложена в исходных ментальных пространствах [Скребцова, 2018, с. 189].

Концептуальная интеграция может приводить к искажениям смысла и информации, предвзятости в рассуждении и выводах, которую бывает трудно обнаружить вследствие машинальности, неосознанности данной операции [Скребцова, 2018, с. 189]. Этапы создания бленда включают композицию (composition), завершение (completion) и развитие (elaboration) [Fauconnier, Turner, 1998, p. 146]. На этапе композиции происходит взаимодействие элементов исходных пространств, приводящих к возникновению новых отношений в бленде [Fauconnier, Turner, 1998, p. 146]. Элементы-аналоги могут либо сливаться, либо остаться отдельными независимыми элементами. Неосознанно в процесс взаимодействия вовлекаются большие массивы фоновой информации, таким образом завершая композицию бленда [Fauconnier, Turner, 1998, p. 147], [Fauconnier, Turner (Электронные ресурсы)], [Fauconnier, Turner, 1987], [Turner (Электронные ресурсы)], [Fauconnier, Turner, 2003]. Этап развития протекает через ментальную симуляцию. В процессе развития может быть привлечена другая логика и новые принципы взаимодействия ментальных пространств. Смешанные пространства могут неограниченно развиваться [Fauconnier, Turner, 1998, p. 147]. Два принципа определяют процесс концептуальной интеграции: конститутивные и управляющие принципы [Глебкин, 2013, с. 74]. Первые определяются грамматикой и лексическими особенностями языка пропозиции, управляющие принципы носят рекомендательный характер и связаны с логикой конструкции бленда в целом [Глебкин, 2013, с. 75]. Как отмечают авторы теории, процесс конструирования бленда похож на музыкальную импровизацию, при которой следуют принципам музыкальной гармонии и принципам импровизации одновременно [Глебкин, 2013, с. 75]. Конечная цель управляющих принципов состоит в том, чтобы достичь уровня понимания человека (Human Scale), перевести ментальные сущности в приемлемый для челове-

ческого восприятия формат.

Теория концептуальной интеграции, или теория концептуального пересечения, является одним из инструментов, дающих представление об идиостиле автора и его индивидуальной концептосфере [Жеребов, Солдатенкова, 2013, с. 88] и представляется продуктивной для изучения поэтического дискурса [Ревуцкая, 2022, с. 41]. Методология концептуальной интеграции широко применяется в рамках стилистического, нарративного, когнитивного анализа текстов, а также в рамках исследований языка в целом [Бабина, 2007; Белькова, 2007; Жеребов, Солдатенкова, 2013; Ирисханова, 2001; Ковальчук, 2011; Новицкая, 2019; Ревуцкая, 2022; Таймур, 2024].

Теория концептуальной интеграции обладает большой объяснительной силой, поскольку представляет собой эффективный методологический инструмент когнитивной семантики, причем перенос между ментальными сферами раскрывает сложные отношения между ментальными пространствами, содержание которых определяет сам текст. Этот факт свидетельствует о том, что теория концептуальной интеграции позволяет описать творческую природу познания [Ревуцкая, 2022, с. 42]. Интерес теории к проблемам дискурса, к появлению новых ментальных пространств, нацеленности соединить несоединимое делают эту теорию отражением лингвистической креативности человека [Алексеев, 2021, с. 54].

Лингвокреативность выступает как следствие необходимости адаптировать языковые средства к разнообразным обстоятельствам и социальным причинам [Зыкова, 2022, с. 146]. В настоящее время ученые отмечают проблемы морфологической, словообразовательной, семантической, стилистической, дискурсивной, речевой, лексической, идиоматической видах креативности [Зыкова, 2022, с. 147]. Рассматривая основы концептуальной теории интеграции, неизбежно встает вопрос о лингвокреативности, так как постижение мира подразумевает не только осуществление когнитивной деятельности, но и дискурсивной [Кубрякова, 2004, с. 325]. В данном высказывании содержится мысль о творческом характере языкового мышления. Особенностью лингвокреативного мышления является то, что оно осуществляет вторичное членение мира, категории сознания и языка членят мир по-разному, и они могут не совпадать по своему объему. Теория концептуальной интеграции как раз отличается от других теорий тем, что подразумевает творчество, а не опору на готовый набор метафорических структур в созна-

нии человека: лингвистическая единица, декодируемая человеческом, не только участвует в актуализации определенного образа или структуры в нашем сознании, но также способствует возникновению креативного процесса, предоставляющего человеку свободу творчества в выборе когнитивного конструирования смыслов [Ирисханова, 2001]. Сами основатели данной теории указывают, что она опирается на идентификацию, интеграцию и игру воображения [Fauconnier, Turner, 2002, p. 5–7]. В целом концептуальную интеграцию следует рассматривать не как конкретный «семантический прогноз», а как общий принцип продуктивного творческого мышления [Ирисханова, 2001].

Дальнейшее развитие теории концептуальной интеграции связано с расширением ее объекта исследования и сферы применения на такие, как морфология и синтаксис; метафора, метонимия и аналогия; художественная литература; кинематография; реклама и др. [Алексеев, 2021, с. 52].

Мы считаем, что для целей настоящего исследования теория концептуальной интеграции имеет следующие преимущества.

Во-первых, в рамках данной теории учитываются разные типы когнитивного взаимодействия элементов исходных пространств, что является преимуществом, так как в нашем исследовании не все аллюзивные имена имеют метафорическую природу, некоторые могут использоваться в первичной функции и носить характер предикатива. Для обозначения данного явления был предложен гибридный термин «метафтонимия» [Goossens, 1990].

Во-вторых, учет и заложенность в модели фоновой информации является важным для данной работы, поскольку аллюзивный антропоним является актуализатором подтекста, содержит импликацию, и его интерпретация может также опираться не только на культурно-историческую информацию, но и на импликацию, связанную с сюжетом, самим повествованием. Мы считаем этот аспект чрезвычайно важным для интерпретации художественного текста, содержащего аллюзию. Кроме того, необходимо учитывать культурно-исторический, вертикальный контекст при использовании аллюзивного антропонима, и мы вносим данный пункт в нашу модель исследования.

В-третьих, отдельным преимуществом теории является предусмотренность лингвистической креативности, творчества, вовлеченность воображения человека в процесс интерпретации и развития бленда. Это сопровождается процессами об-

разования новых концептов, актуализации их связей с исходной структурой знания в концептуальной системе. Возможность обратного проецирования элементов создает преемственность и системность модели, всех ее взаимосвязанных элементов. Применительно к художественному тексту возможности теории концептуальной интеграции заключаются в том, что вводные пространства формируются на основе комбинирования фоновых знаний, интуитивных или приобретенных авторских знаний и самих текстовых ситуаций, что позволяет эксплицировать процесс авторского кодирования информации и ее декодирования получателем [Новичкова, 2019, с. 325].

В-четвертых, применение теории концептуальной интеграции позволяет рассмотреть процесс когнитивного взаимодействия в динамике, а не как набор жестко закрепленных и получающих реализацию структур [Белькова, 2007].

В-пятых, в современной когнитивной лингвистике ментальные пространства рассматриваются в динамике, как постоянно меняющиеся и характеризующиеся многочисленными пространственными, временными, причинно-следственными, идентификационными связями. Процесс концептуальной интеграции представляет собой комплексное взаимодействие ассоциаций элементов исходных пространств. Данные пространства могут принадлежать различным семиотическим сферам, и их взаимодействие приводит к новому взгляду на описываемые процессы [Таймур, 2024, с. 87–88].

Таким образом, моделирование в рамках теории концептуальной интеграции представляется надежным методологическим ориентиром при когнитивном анализе аллюзивного антропонима, поскольку позволяет объяснить наличие сходных признаков концепта аллюзивного антропонима и соотносимого с ним объекта в тексте.

Опираясь на изложенные выше теоретические положения, мы проанализировали текст романа D. Tartt «The Secret History», что позволило нам выделить особенности реализации трех когнитивно-композиционных принципов взаимодействия ментальных пространств в процессе актуализации аллюзивного антропонима в художественном тексте. Мы уточнили особенности компоновки элементов посредством соположения, достраивания и развития. Когнитивная интеграция исходных пространств, вербализуемых аллюзивным антропонимом, может осуществляться на основе когнитивных механизмов метафоры, метонимии, метафтонимии, а также представлять собой вариан-

ты компоновки элементов без задействования указанных механизмов. Кроме того, в процессе актуализации аллюзивного антропонима в художественном тексте может иметь место сочетание двух когнитивно-композиционных принципов.

Для проведения исследования мы выбрали роман американской писательницы D. Tartt «The Secret History». Выбор данного материала не является случайным, в прологе романа читатель сталкивается с комментарием переводчика, из которого мы узнаем, что название книги восходит к произведению византийского военного летописца Прокопия Кесарийского (ок. 500–562 гг.). Помимо восьмитомного труда «История войн», в которой изложена деятельность императора Юстиниана, Прокопий написал памфлет под названием «The Secret History», который носил неофициальный характер и содержал личные комментарии Прокопия Кесарийского и критику деятельности Юстиниана [Tartt, 1992]. Таким образом, можно проследить параллель анализируемого романа с неформальным текстом Прокопия и предположить, что роман Д. Тартт также отражает субъективный взгляд автора, личное восприятие, не претендующее на статус истины. Роман также характеризуется одновременной принадлежностью к различным жанрам, таким, как детектив, роман об университетской жизни, триллер, история убийства и философский роман [Muntain, Shpak, 2018]. Значительный пласт философских изысканий в романе связан с греческой культурой посредством аллюзивных отсылок. Многие философские вопросы, сомнения в правильности установленных истин, моральных принципов и отступления от них, потеря себя делают роман благодатным полем для изучения функционирования прецедентных феноменов, средств выражения интертекстуальности и аллюзий как единиц, связанных с различными культурно-историческими пространствами.

В ходе нашего исследования мы отобрали 40 аллюзивных антропонимов методом сплошной выборки из романа D. Tartt «The Secret History» / Д. Тартт «Тайная история». Понимая аллюзивные антропонимы как актуализаторы концептов, мы применили метод теории концептуальной интеграции к анализу когнитивно-семантических механизмов актуализации новых смыслов. Новый концепт возникает при помощи когнитивных механизмов, действие которых может основываться на принципах композиционности. Исходные ментальные пространства включают информацию как лингвистического, так и имплицитного, фонового и энциклопедического характера, связанного с ал-

люзивным антропонимом. Взаимодействие исходных ментальных пространств сопровождается установлением связей между ними. При установлении общих элементов и признаков, происходит их слияние и компоновка, причем компоновка элементов структур может носить антагонистический, контрастный характер, когда элементы по своим значениям оказываются противоположными. Из исходных ментальных пространств выборочно заимствуются элементы и значения, не являющиеся общими для исходных пространств. Возможно также появление новых элементов и значений, не свойственных исходным пространствам, за счет чего происходит создание новых смыслов. При изучении процессов апелляции были выделены когнитивные механизмы перспективизации, дефокусирования, соединения, развития и достраивания [Бабина, Паршина, 2012, с. 25].

В нашем исследовании мы опираемся на способности концептуальной интеграции, предложенные основателями данной теории. Изучение теоретических положений и конкретного языкового материала позволило выявить механизмы концептуальной интеграции на основе трех принципов – соположения, достраивания и развития.

Соположение предполагает в некоторых случаях полное слияние и компоновку элементов исходных пространств. При соположении значений элементов исходных пространств выявились следующие варианты их взаимодействия.

– Простое соположение, представляющее собой компоновку элементов. Как правило, аллюзивные имена используются в первичной номинативной функции.

– Соположение на основе метафорического переноса.

– Соположение на основе метафорического и метонимического переноса.

– Соположение зонтичного типа на основе метонимического переноса.

– Антагонистическое (контрастное соположение) на основе метафорического и/или метонимического переноса.

– Соположение в сочетании с развитием.

Появление элементов, присущих лишь интегрированному пространству, обеспечивается действием механизмов достраивания и развития [Бабина, Паршина, 2012, с. 26].

Достраивание позволяет на основе уже активизированных элементов в исходных ментальных пространствах активировать дополнительные элементы, используя фоновые знания [Бабина, Паршина, 2012, с. 26]. Механизм достраивания

часто приводит к появлению элементов, существующих лишь в интегрированном пространстве. Возникающие лишь в интегрированном пространстве элементы / эмерджентные структуры могут соединяться с заимствованными из исходных ментальных пространств элементами, создавать абсолютно новые сочетания, демонстрируя не осознаваемые ранее резервы и способности к композиционности [Бабина, Паршина, 2012, с. 26]. Достраивание связано с метафоризацией или метонимизацией и наличием признаков, которые эксплицитно не выражены, эту импликацию нужно выводить в план выражения, «достраивать» стилистический прием. В ходе исследования выявлены следующие варианты взаимодействия элементов при достраивании.

– Достраивание простое.

– Достраивание на основе метафоры.

– Достраивание на основе метонимии.

– Достраивание в сочетании с развитием на основе метонимии.

– Достраивание в сочетании с развитием на основе метафоры.

Развитие предполагает, что ситуация (сценарий), возникающий в интегрированном пространстве, развивается по собственным, свойственным лишь ему принципам и логике. Его осуществление базируется на способности говорящего человека к воображению. Именно благодаря воображению становится возможным провести аналогию между элементами различных пространств, не связанных рационально-логически. Как правило, развитие связано с основной идеей произведения, с ассоциативными связями высказывания с предыдущими и последующими действиями героя, дальнейшей интерпретацией. Были выявлены следующие варианты взаимодействия в рамках развития.

– Развитие на основе метафоры.

– Развитие на основе метафоры и метонимии – метафтонимии.

Теория концептуальной интеграции стремится показать конструирование языкового знака в динамике, приблизиться к пониманию самого процесса мышления [Таймур, 2024].

Анализ механизмов концептуальной интеграции показал, что преимуществом по количеству употреблений в художественном тексте обладает простое **соположение** (10 аллюзивных антропонимов). Далее в порядке убывания приведены остальные механизмы когнитивно-семантического взаимодействия: соположение на основе метафоры (5 аллюзивных антропонимов);

соположение на основе метафтонимии (1 аллюзивный антропоним); соположение зонтичное на основе метонимии (4 аллюзивных антропонима); антагонистическое (контрастное) соположение на основе метафтонимии (3 аллюзивных антропонима); соположение в сочетании с развитием (1 аллюзивный антропоним);

Достраивание простое (2 аллюзивных антропонима); достраивание на основе метонимии (2 аллюзивных антропонима); достраивание на основе метафоризации (3 аллюзивных антропонима); достраивание на основе метафтонимии (5 аллюзивных антропонимов); на основе развития и метонимического переноса (1 аллюзивный антропоним); достраивание в сочетании с развитием на основе метафтонимии (2 аллюзивных антропонима).

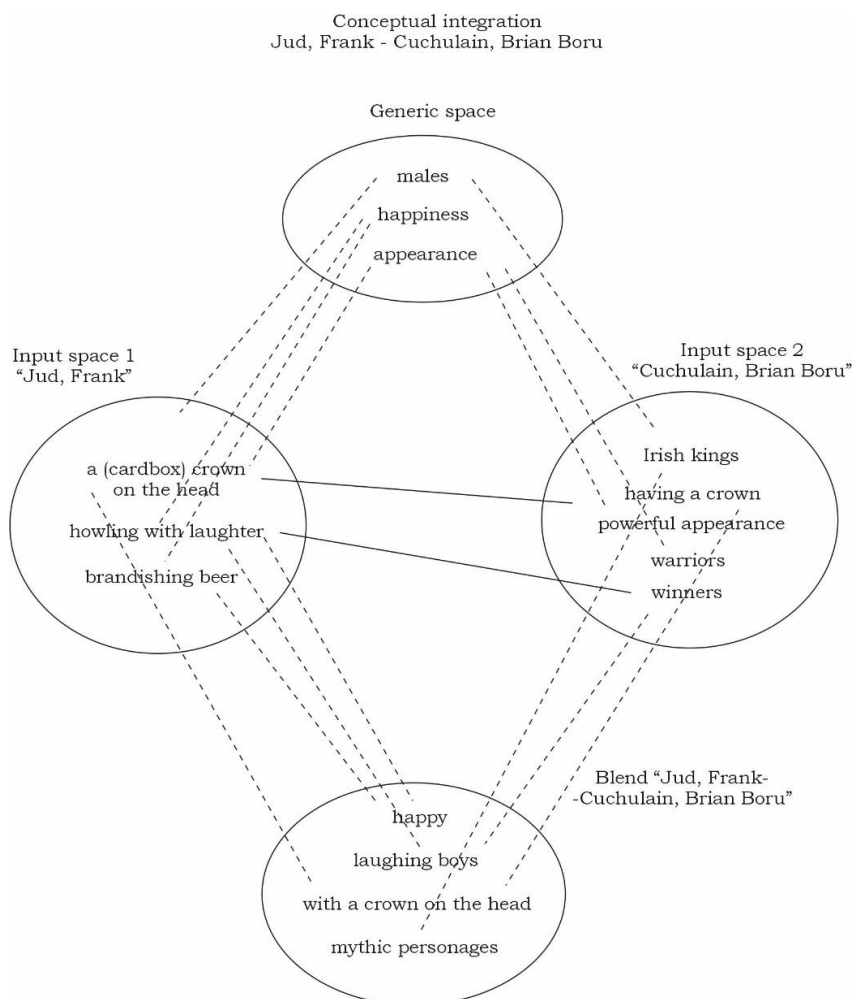
Развитие на основе метафтонимии (1 аллюзивный антропоним); развитие на основе метафоры (1 аллюзивный антропоним).

Мы приходим к выводу, что преобладает соположение и его разновидности (24 аллюзивных антропонима), достраивание и его виды составляют

15 аллюзивных антропонимов, развитие и его виды – 2 аллюзивных антропонима.

Рассмотрим пример простого соположения: Jud and Frank were there, Jud with a cardboard crown from Burger King on his head. This crown was oddly flattering to him. Head thrown back and howling with laughter, brandishing a tremendous mug of beer, he looked like **Cuchulain, Brian Boru**, some mythic Irish king. Cloke Rayburn was shooting pool in the back room. Just outside his line of vision, I watched him chalk the cue, unsmiling, and bend over the table so his hair fell in his face [tart, 1992, с. 320]. – Я увидел Джада и Фрэнка – Джад красовался в картонной короне с эмблемой “Бургер-кинга”. Как ни странно, этот убор был ему к лицу. С запрокинутой в диком хохоте головой, с огромной кружкой пива в руках, он походил на какого-то мифического ирландского героя – **Кухулина** или, может быть, **Бриана Бору** [Тартт, 2015, с. 320].

Рассмотрим схему взаимодействия ментальных пространств, задействованных в актуализации аллюзивных антропонимов.

Общее / родовое пространство включает признаки молодости, веселья, внешности людей. Исходное пространство-цель связано с изображением сцены веселья Джада и Фрэнка, элементами фокуса внимания являются внешний вид и действия героев в восприятии Ричарда, рассказчика. Глагол «красовался» в русскоязычном контексте эксплицирует стилистическую сниженность, неформальность общения. К атрибутам внешности относятся: a cardboard crown from Burger King, oddly flattering, a tremendous mug of beer. Исходное пространство-источник включает образы Cúchulain, Brian Boru, которые обладают большим ассоциативным потенциалом. В частности, Brian Boru (926–1014) понимается следующим образом: this is great Irish chieftain became king of Munster in 978 and chief king of all Ireland in 1002. On Good Friday 1014, his forces defeated the Danes of Dublin at the battle of Clontarf, but Brian, too old to fight, was killed in his tent [Brewer's Concise Dictionary of Phrase and Fable, 2000, p. 140–141]. Cúchulain, or Cú Chulainn was a legendary Irish hero, called the «Hound of Culann» because, having accidentally slain the watchdog of the smith, Culann, in penance he had to take the animal's place. He was brought up in the court of King Conchobar of Ulster, whose kingdom he defended single-handed against the Queen of Connaught. He is called Cuthullin by Ossian [Brewer's Concise Dictionary of Phrase and Fable, 2000, p. 266]. Мы видим, что ситуация носит юмористический характер, и из концептов, репрезентирующих образы королей, заимствуются признаки пола, воинствующего внешнего вида. Пространство-цель является доминирующим исходным пространством, а признаки взаимодействуют на основе когнитивного механизма соположения. Читателю не нужно достраивать концепт, сценарий достаточно эксплицитен. Бленд включает сцену веселой вечеринки друзей, изображающих королей с картонной коробкой из «Бургер-кинг». Мы считаем, что в примере имеет место компоновка признаков, но не слияние, поскольку перед нами стилистический пример сравнения, в котором имена используются в первичной номинативной функции.

Приведем пример когнитивно-семантического механизма достраивания на основе метафоры и метонимии: Henry gave him a filthy look. 'Calm,' he said. 'I don't know where you get all these **Dostoyevsky** sorts of ideas.' [Tartt, 1992, p. 349]. – Генри взглянул на него с ядовитым скепсисом: – Успокойся. И где ты только набрался этой **достоевщины**? [Тартт, 2015, с. 338].

Перед нами два исходных ментальных пространства. Они объединены психологическим признаком тревоги. Пространство-цель включает элементы: ideas, worries of Francis about the whereabouts of his friend Charles who had gone to the place where the police was. Пространство-источник представлено аллюзивным атрибутом Dostoyevsky sort of ideas. Огромный пласт культурно-исторических ассоциаций оказывается сведенным до минимума, в качестве элемента пространства, вероятно, выступают психологизм творчества Ф. М. Достоевского. Происходит метонимический перенос имени писателя на произведения и тематические характеристики творчества писателя, затем имя в позиции атрибута получает статус метафорического эпитета, ведь имеются в виду не идеи самого автора, а идеи, похожие на те, что представлены в произведениях великого писателя. Данные концептуальные особенности читатель достраивает, дополняет из своего ментального тезауруса, опыта чтения художественной литературы. Для полноценного понимания примера необходимо вывести имплицитную информацию в план выражения, актуализировать подтекст. Данный вид композиционных особенностей называется достраиванием на основе метафтонимии.

Рассмотрим пример композиционного развития: Already I could hear my father complaining beerily about me to Mr MacNatt, Mr MacNatt slyly goading him on with remarks insinuating that I was spoilt and that *he* wouldn't allow any son of his to walk all over him, if he had one. This would drive my father into a fury; eventually he would come busting dramatically into my room and order me out, his forefinger trembling, rolling his eyes like **Othello** [Tartt, 1992, p. 114–115]. – Я уже просто слышал, как, пропустив пару-тройку бутылок пива, мой отец жалуется на меня мистеру Мак-нэтту, а тот, в свою очередь, подначивает его намеками на то, что он-то уж точно, будь у него сын, не позволил бы ему садиться себе на шею. Это приведет отца в бешенство, и в конце концов он с трагическим видом вломится ко мне в комнату и, закатив глаза, как **Отелло**, выставит меня вон, указуя дрожащим перстом на дверь [Тартт, 2015, с. 121].

Общее родовое пространство представлено элементами «fury», «anger». Отметим, что для концепта Othello ярость не является ядерным признаком. Согласно Словарю аллюзий, данное имя служит репрезентантом концепта «Jealousy»: A Moor, he kills his wife, Desdemona, in a fit of rage, because he mistakenly believes that she has been un-

faithful to him. Othello can be referred to as the epitome of sexual jealousy [The Oxford Dictionary of Allusions, 2003, p. 222]. В статье содержится слово «rage», но ярость не является типичным признаком, ассоциированным с образом Отелло в обеих культурах. Исходное ментальное пространство-источник активизирует признак rage, killer, by mistake. Исходное пространство-цель содержит элементы «a trembling forefinger», «rolling eyes», ‘beerily’. В данном случае разновидностью интегрированного пространства является развитие, поскольку в бленде возникает сценарий, развивающийся по собственным, свойственным лишь ему законам, по своей логике. Отец Ричарда слушает пьяные рекомендации злобного соседа, не имеющего детей и, наверняка завидующего отцу Ричарда, который, как безумный, верит соседу и готов выгнать из дома собственного сына, считая его неблагодарным. Театральность, неестественность – еще один признак, появляющийся в контексте, ассоциированный косвенно с образом Отелло. Мы видим, что ментальное пространство на выходе интегрируется, признаки по-новому компонуется, и идея развивается по новому сценарию. Отметим, что в нашем материале композиционная особенность развития встречается редко. Вероятно, это объясняется сложностью когнитивного механизма как для автора, так и для читателя. Интеграция пространств и рождение новых смыслов представлены в динамике, что позволяет заглянуть в процессы языкового мышления в действии, по-новому рассмотреть привычные стилистические явления. Другой причиной относительно редкой распространенности данного когнитивного механизма является, возможно, относительно низкая содержательная близость концептов, участвующих в формировании блендинга, в отличие от соположения и достраивания. В случае блендинга по типу развития концептуальные пространства отдалены друг от друга, их интеграция может представлять трудность в процессе концептуальной интеграции.

Заключение

Подводя итог анализу теории концептуальной интеграции и ее апробирования на материале художественного текста, мы приходим к выводу о целесообразности применения данного метода при анализе художественного текста, поскольку анализ ментальных пространств может представить динамическую картину формирования художественных смыслов в действии.

Преимуществами модели является учет фоновой информации, импликаций, энциклопедической информации, вовлечение различных способов концептуальной интеграции. Модель позволяет анализировать не только метафорический контекст, но и другие виды контекста с аллюзивными именами, которые могут использоваться в первичной функции, в функции вторичной номинации, в функции частично-переносного значения. При использовании аллюзивных имен всегда потенциально присутствует большое количество ассоциативных сем, из которых бывает затруднительно выявить отдельно те элементы, которые получают актуализацию в данном контексте, требуется интерпретативная деятельность читателя, анализ предыдущих контекстов, что позволяет сделать теория концептуальной интеграции.

Применение теории концептуальной интеграции при анализе аллюзивного антропонима как репрезентанта концепта позволяет проанализировать особенности развития смыслов на основе родового пространства, двух исходных ментальных пространств и бленда как интегрированного пространства на выходе. Мы выявили композиционные особенности реализации концептуального взаимодействия элементов ментальных пространств, которые могут быть представлены в трех видах: соположение, достраивание и развитие. Соположение является самым распространенным видом концептуальной интеграции, оно может быть осложнено метафорой, метонимией, иметь зонтичную структуру на основе метонимического переноса, либо содержать контрастирующие признаки в своей структуре. Достраивание требует большей ментальной вовлеченности читателя по завершению концептуального взаимодействия, оно может осуществляться на основе метафоры, метонимии или метафтонимии, а также сочетаться с развитием. Самым редким в проанализированном материале является композиционность по типу развития (что отражает лингвокреативность в действии). Этот вид предусматривает развитие ситуации по новому сценарию и базируется на способности говорящего и интерпретатора к воображению, подразумевает интерпретативную деятельность со стороны читателя.

Библиографически список

1. Алексеев А. А. Теория концептуальной интеграции и ее применение при анализе взаимодействия категорий времени и пространства в художественных произведениях // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Екатеринбург, 2021. № 1. С. 51–56.

2. Бабина Л. В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 86–91.
3. Бабина Л. В., Паршина Е. О. Когнитивные основания апеллятивов, образованных от имен собственных // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. С. 23–31.
4. Белькова Н. Ю. Метафорические бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. №7. С. 212–215.
5. Будаев Э. В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции // Культура и текст. Барнаул, 2016. №4 (27). С. 6–13.
6. Галиева М. Р. Концептуальная значимость аллюзии в художественном тексте // Бюллетень науки и практики. Нижневартовск, 2020. Т.6. № 11. С. 459–464.
7. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. Изд. 2-е, испр. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
8. Глебкин В. В. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: опыт системного анализа // Вопросы философии. № 9. Москва, 2013. С. 161–174.
9. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Изд. 2-е. Москва : ЛЕНАНД, 2022. 200 с.
10. Жеребов В., Солдатенкова Т. Плоская кровь нелепого пространства: когнитивный анализ современной русской поэзии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2013. № 1. С. 87–102.
11. Знаменская Т. А. Стилистика английского языка: Основы курса : учебное пособие. Москва : Едиториал УРСС, 2002. 208 с.
12. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. Изд. 3-е, стереотип. Москва : ЛЕНАНД, 2022. 376 с.
13. Ирисханова О. К. О теории концептуальной интеграции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 3. С. 44–49.
14. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
15. Исмаилова Э. А. Аллюзивные антропонимы в английском публицистическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. №5(71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 103–105.
16. Ковальчук Л. П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 97–101.
17. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Рос. академия наук. Ин-т языкознания. Москва : Языки славянской культуры 2004. 560 с.
18. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Текст] : монография // ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» ; Ин-т социального образования. Екатеринбург, 2007. 208 с.
19. Нахимова Е. А. Аспекты когнитивного исследования использования имени собственного // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2010. №2 (023). С. 12–17.
20. Новицкая И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. 2019. № 48. С. 76–101.
21. Новичкова Л. Н. Теория блендинга как способ декодирования авторского смысла (на материале личного письма Ф.М. Достоевского) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 324–328.
22. Ревуцкая Е. А. Теория концептуальной интеграции как метод исследования поэтического дискурса (на материале «Пярнуских элегий» Давида Самойлова) // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. Калининград, 2022. № 1. С. 40–50.
23. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. 391 с.
24. Таймур М. П. Лингвокреативность в мульти-модальном дискурсе (на материале английского языка) : монография. Москва : РУСАЙНС, 2024. 170 с.
25. Тартт Д. Тайная история: роман / пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. Москва : АСТ : Corpus, 2015. 590 с.
26. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 2-е, испр. Москва : КомКнига, 2006. 280 с.
27. Brewer's Concise Dictionary of Phrase and Fable / ed. by B. Kirkpatrick. London : Cassel & Co, 2000. 1118 p.
28. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science Vol. 22 (2). 1998. P. 133–187.
29. Fauconnier G., Turner M. Conceptual projection and Middle Spaces. URL: <http://www.cogsci.eusd.edu/research/files/technical/9401.ps> – 1994 (дата обращения: 15.04.2024)
30. Fauconnier G. Mental Spaces // Linguistics and Philosophy 10 (2), 1987. P. 247–260.
31. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York : Basic Books, 2002. 440 p.
32. Fauconnier G., Turner M. Rethinking metaphor // Cambridge handbook of metaphor and thought, Ray Gibbs, ed., New York : Cambridge University Press, 2008. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1275662 (дата обращения: 15.04.2024)
33. Fauconnier G., Turner M. Polysemy and Conceptual Blending // Polysemy: Flexible Patterns of Meaning

in Mind and Language. Edited by Brigitte Nerlich, Vimala Herman, Zazie Todd, and David Clarke. Berlin & New York: Mouton de Gruyter. 2003. P. 79–94.

34. Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1. P. 323–340.

35. Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn : Bouvier, 1983. 135 p.

36. Muntain A., Shpak I. The Purity of Genre and «A Secret History» by Donna Tartt // *Вісник Маріупальського державного гуманітарного університету. Сер.: Філологія. Маріуполь*, 2018. Вип. 19. С. 119–123.

37. Tartt D. The Secret History. London : Penguin Books, 1992. 630 p.

38. The Oxford Dictionary of Allusions / ed. by A. Delahunty, Sh. Dignen and P. Stock. Oxford – N. Y. : Oxford University Press, 2003. 453 p.

39. Turner M. Blending Box Experiments. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/cf_dev/AbsByAuth.cfm?per_id=1058129 (дата обращения: 15.04.2024)

Reference list

1. Alekseev A. A. Teorija konceptual'noj integracii i ee primenenie pri analize vzaimodejstvija kategorij vremeni i prostranstva v hudozhestvennyh proizvedenijah = The theory of conceptual integration and its application in analyzing the interaction of the time and space categories in literary works // *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*. Ekaterinburg, 2021. № 1. S. 51–56.

2. Babina L. V. Problema konceptual'noj derivacii = The problem of conceptual derivation // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2007. № 4 (013). S. 86–91.

3. Babina L. V., Parshina E. O. Kognitivnye osnovanija apelljativov, obrazovannyh ot imen sobstvennyh = Cognitive bases of appellatives formed from proper names // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2012. S. 23–31.

4. Bel'kova N. Ju. Metaforicheskie blendy v teorii konceptual'noj integracii Zh. Fokon'e i M. Ternera = Metaphorical blends in the theory of conceptual integration by J. Fauconnier and M. Turner // *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. №7. S. 212–215.

5. Budaev Je. V. Kognitivnaja metafora v rakurse teorii konceptual'noj integracii = Cognitive metaphor in the context of conceptual integration theory / *Kul'tura i tekst*. Barnaul, 2016. №4 (27). S. 6–13.

6. Galieva M. R. Konceptual'naja znachimost' alljuzii v hudozhestvennom tekste = Conceptual significance of allusion in a fiction text / *Bjulleten' nauki i praktiki*. Nizhnevartovsk, 2020. T.6. № 11. S. 459–464.

7. Vasil'eva N. V. Sobstvennoe imja v mire teksta = A proper name in the world of text. Izd. 2-e, ispr. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 224 s.

8. Glebkin V. V. Teorija konceptual'noj integracii Zh. Fokon'e i M. Ternera: opyt sistemnogo analiza = The theory of conceptual integration by J. Fauconnier and M. Turner: experience of system analysis // *Voprosy filosofii*. № 9. Moskva, 2013. S. 161–174.

9. Gudkov D. B. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii = Theory and practice of intercultural communication. Izd. 2-e. Moskva : LENAND, 2022. 200 s.

10. Zherebov V., Soldatenkova T. Ploskaja krov' neljepogo prostranstva: kognitivnyj analiz sovremennoj russkoj poezii = Flat blood of incongruous space: a cognitive analysis of contemporary Russian poetry // *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. Voronezh, 2013. № 1. S. 87–102.

11. Znamenskaja T. A. Stilistika anglijskogo jazyka: Osnovy kursa = The English language stylistics: Basic course : uchebnoe posobie. Moskva : Editorial URSS, 2002. 208 s.

12. Zyкова I. V. Konceptosfera kul'tury i frazeologija: Teorija i metody lingvokul'turologičeskogo izučeni-ja = Concept sphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguocultural studies. Izd. 3-e, stereotip. Moskva : LENAND, 2022. 376 s.

13. Irishanova O. K. O teorii konceptual'noj integracii = On the theory of conceptual integration // *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka*. 2001. T. 60. № 3. S. 44–49.

14. Irishanova O. K. Igry fokusa v jazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija = Games of focus in language. Semantics, syntax and pragmatics of de-focusing. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 320 s.

15. Ismailova Je. A. Alljuzivnye antroponimy v anglijskom publicističeskome diskurse = Allusive anthroponyms in English journalistic discourse // *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota, 2017. №5(71): v 3-h ch. Ch. 1. S. 103–105.

16. Koval'čuk L. P. Teorija konceptual'noj integracii Zh. Fokon'e i M. Ternera = Theory of conceptual integration by J. Fauconnier and M. Turner // *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2011. № 1 (8). S. 97–101.

17. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie: Na puti polučeni-ja znanij o jazyke: Časti reči s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge: Towards acquiring knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the world cognition // *Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija*. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury 2004. 560 s.

18. Nahimova E. A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii = Precedent names in mass communication : monografija // GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t» ; In-t social'nogo obrazovanija. Ekaterinburg, 2007. 208 s.

19. Nahimova E. A. Aspekty kognitivnogo issledovanija ispol'zovanija imeni sobstvennogo = Aspects of cognitive research on the use of proper names // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. Tambov, 2010. №2 (023). S. 12–17.

20. Novickaja I. V. Teorija konceptual'noj metafory i razvitie al'ternativnyh koncepcij v ramkah kognitivnogo napravlenija metaforologii (po materialam sovremennoj anglistiki) = Theory of conceptual metaphor and development of alternative concepts within the framework of cognitive direction in metaphorology (on the data of mod-

ern English) // *Jazyk i kul'tura*. 2019. № 48. S. 76–101.

21. Novichkova L. N. Teorija blendinga kak sposob dekodirovanija avtorskogo smysla (na materiale lichnogo pis'ma F.M. Dostoevskogo) = Blending theory as a way of decoding the author's meaning (the case of F.M. Dostoevsky's personal letter) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota, 2019. Tom 12. Vypusk 9. S. 324–328.

22. Revuckaja E. A. Teorija konceptual'noj integracii kak metod issledovanija pojeticheskogo diskursa (na materiale «Pjarnuskijh jelegij» Davida Samojlova) = The theory of conceptual integration as a method of studying poetic discourse (on the material of «Pärnu elegies» by David Samoilov) // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Serija: Filologija, pedagogika, psihologija*. Kaliningrad, 2022. № 1. S. 40–50.

23. Skrebcova T. G. Kognitivnaja lingvistika: klasicheskie teorii, novye podhody = Cognitive linguistics: classical theories, new approaches. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2018. 391 s.

24. Tajmur M. P. Lingvokreativnost' v mul'timodal'nom diskurse (na materiale anglijskogo jazyka) = Linguistic creativity in multimodal discourse in the English language : monografija. Moskva : RUSAJNS, 2024. 170 s.

25. Tartt D. Tajnaja istorija = The Secret History : roman / per. s angl. D. Borodkina, N. Lencman. Moskva : AST : Corpus, 2015. 590 s.

26. Fateeva N. A. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti = Intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality. Izd. 2-e, ispr. Moskva : KomKniga, 2006. 280 s.

27. Brewer's Concise Dictionary of Phrase and Fable / ed. by B. Kirkpatrick. London : Cassel & Co, 2000. 1118 p.

28. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // *Cognitive science* Vol. 22 (2). 1998. P. 133–187.

29. Fauconnier G., Turner M. Conceptual projection and Middle Spaces. URL: <http://www.cogsci.eusd.edu/research/files/technical/9401.ps> – 1994 (data obrashhenija: 15.04.2024)

30. Fauconnier G. Mental Spaces // *Linguistics and Philosophy* 10 (2), 1987. P. 247–260.

31. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York : Basic Books, 2002. 440 p.

32. Fauconnier G., Turner M. Rethinking metaphor // *Cambridge handbook of metaphor and thought*, Ray Gibbs, ed., New York : Cambridge University Press, 2008. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1275662 (data obrashhenija: 15.04.2024)

33. Fauconnier G., Turner M. Polysemy and Conceptual Blending // *Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language*. Edited by Brigitte Nerlich, Vimala Herman, Zazie Todd, and David Clarke. Berlin & New York: Mouton de Gruyter. 2003. P. 79–94.

34. Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1. P. 323–340.

35. Lamping D. *Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens*. Bonn : Bouvier, 1983. 135 p.

36. Muntain A., Shpak I. The Purity of Genre and «A Secret History» by Donna Tartt // *Visnik Mariupal'skogo derzhavnogo gumanitarnogo universiteta. Ser.: Filologija. Mariupol'*, 2018. Vip. 19. S. 119–123.

37. Tartt D. *The Secret History*. London : Penguin Books, 1992. 630 p.

38. *The Oxford Dictionary of Allusions* / ed. by A. Delahunty, Sh. Dignen and P. Stock. Oxford – N. Y. : Oxford University Press, 2003. 453 p.

39. Turner M. Blending Box Experiments. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/cf_dev/AbsByAuth.cfm?per_id=1058129 (data obrashhenija: 15.04.2024)

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 04.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 23.04.2024; approved after reviewing 04.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 811.11
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-199
EDN: RZSWLK

Лингвостилистические особенности англоязычного спортивного интернет-дискурса (на материале репортажей по регби)

Оксана Олеговна Кандрашкина^{1✉}, Анастасия Григорьевна Писарева²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Самарский государственный технический университет. 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

¹petergrifon@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0954-9580>

²pisareva.ag@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1830-5174>

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвостилистических особенностей ирландских и североирландских англоязычных спортивных матчей по регби, представленных на официальных интернет-страницах команд. Важность изучения спортивного дискурса обусловлена его значимостью как социально-культурного феномена. Цель исследования – выявить наиболее частотные лексические, синтаксические и стилистические средства, при помощи которых авторы передают динамику спортивного события в эмоционально-экспрессивной манере. Анализ выявил четыре группы глагольных словосочетаний, характерных для спортивного репортажа по регби. Первая группа репрезентирует действия игроков с мячом. Вторая группа сочетаний включает сочетания, связанные с взаимодействием игроков между собой в ходе матча, их передвижением и перемещением по полю. К третьему типу словосочетаний относятся фразы, актуализирующие набор очков в игре за совершение результативных действий. Четвертая группа включает в себя предикативные словосочетания, которые несут информацию о штрафных санкциях за нарушения правил. Акционально-ориентированный характер повествования обуславливает широкое использование наречий образа действия и степени, которые модифицируют семантику глаголов и указывают на особенности действий игроков или команды. Перифраза, идиомы и эпитеты в репортажах позволяют авторам представить спортивное событие в эмоционально-экспрессивной манере, реализуя функцию воздействия, а также способствуют передаче субъективной авторской оценки события. В синтаксическом плане наиболее репрезентативны конструкции с причастием I, которые позволяют журналисту передать динамичную атмосферу матча, подчеркнуть ключевые моменты игры, а также выступают в качестве средства языковой экономии. Было установлено, что все лингвистические средства способствуют реализации основных функций спортивного репортажа – информативной функции и функции воздействия.

Ключевые слова: идиома; перифраза; причастие I; репортаж по регби; спортивный интернет-дискурс; спортивный дискурс; спортивная терминология; стилистические средства; эпитет

Для цитирования: Кандрашкина О. О., Писарева А. Г. Лингвостилистические особенности англоязычного спортивного интернет-дискурса (на материале репортажей по регби) // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 199–212. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-199>. <https://elibrary.ru/RZSWLK>

Original article

Linguistic and stylistic specificity of sports internet discourse in english (based on rugby reports)

Oksana O. Kandrashkina^{1✉}, Anastasia G. Pisareva²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of foreign languages, Samara state technical university. 443100, Samara, Molodogvardeyskaya str., 244

²Candidate of philological sciences, associate professor at the department of english philology, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34

¹petergrifon@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0954-9580>

²pisareva.ag@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1830-5174>

© Кандрашкина О. О., Писарева А. Г., 2024

Abstract. The article focus on linguistic features of the sport discourse in the rugby post-match reports presented on the official internet websites of the irish and northern irish rugby clubs. The aim of the study is to identify the most frequent lexical, stylistic and syntactic means typical for the rugby post-match reports. The authors pay special attention to English rugby terminology as it involves extra-linguistic (background) information connected with the sport. The analysis has revealed the following language peculiarities of the reports. Four main groups of predicate phrases have been outlined, each group denoting particular actions or aspects of the rugby match. It has been found that adverbs of manner enable the author to characterize the actions of players and add to the dynamics in sports event representation. Periphrasis is widely used to avoid the repetition of the team and to add to such sports concepts representation as «Contest» and «Struggle» in sports discourse. Participle I clauses have been proved to be the most common syntactic feature of sports reports. They allow the sports reporter to convey the dynamic nature of the match, highlight the key moments and serve as a way of language economy. The most frequented expressive means in the reports are adjectives and idioms. They allow the authors to present the information in an expressive and emotional way. All these language means help the authors to fulfill the main functions of the report, informative function and a function of impact, representing the information in an accurate, reliable and expressive manner.

Key words: epithet; idiom; internet sports discourse; Participle I; periphrasis; rugby match report; sport discourse; sports terminology; stylistic devices

For citation: Kandrashkina O. O., Pisareva A. G. Linguistic and stylistic specificity of sports internet discourse in english (based on rugby reports). *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):199–212. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-199>. <https://elibrary.ru/RZSWLK>

Введение

Спорт на протяжении многих веков был показателем эволюции культуры общества, личности, социокультурных процессов, удовлетворяя духовные и материальные потребности социума.

Командный спорт и его соревновательный аспект интересен, прежде всего, своей постоянной интригой, непредсказуемостью результатов и постоянной динамикой, которую спортивные журналисты и комментаторы стараются передать болельщикам. Регби выступает в качестве одного из популярных и национально обусловленных видов спорта англоязычного социума, который наиболее распространен в Англии, Северной Ирландии, Ирландии, Уэльсе, Новой Зеландии, Австралии, Южноафриканской республике и в европейских странах.

Спортивный дискурс трактуется как «речь (в устной или письменной форме), которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность (дискурс как процесс), и совокупность произведенных текстов, в которых репрезентированы эти смыслы (дискурс как результат), то есть совокупность речевых произведений, зафиксированных письмом или памятью» [Снятков, 2007, с. 189]. Исследователи полагают, что спортивный дискурс включает в себя особенности институционального и личностно-ориентированного типов дискурса.

Изучение лингвистических особенностей спортивного дискурса имеет особое значение, учитывая важность и значимость спорта как одного из наиболее значимых социокультурных феноменов. Такого рода исследования включают в се-

бя не только анализ языковых средств различных уровней, но и выявление особенностей репрезентации национально-культурных аспектов спортивного события в том или ином социуме [Wilson, 2021; Schirato, 2013].

Как и в других видах дискурса, пространство спортивного дискурса структурируется жанрами. Спортивный репортаж является характерным жанром спортивного дискурса, который характеризуется следующими признаками: достоверность, документальность, оперативность подачи материала, присутствие четко выраженной авторской идентичности, линейная хронология события [Попова, 2017].

Рассмотренные нами тексты относятся к жанру послематчевых репортажей, в которых используется нейтральный линейный способ подачи материала, где очередность изложения в значительной степени соответствует хронологии спортивного события. Репортажи такого рода сообщают об уже состоявшейся встрече двух команд, поэтому мы используем термин «послематчевый репортаж».

В качестве особенностей послематчевого репортажа, мы можем отметить ряд общих черт между данным жанром и жанром аналитической статьи [Гаврюшина, 2016]. Так, в текстах репортажей, наряду с информационным сообщением, присутствуют аналитическая оценка, элементы анализа и комментирования, которые подводят читателя к определенному выводу. Формально аналитическая статья и спортивный репортаж имеют схожую структуру, однако, в зависимости от авторской интенции, отдельные моменты спортивного события могут получить большее или меньшее освещение в тексте репортажа. Одним из

признаков аналитической статьи выступает субъективная авторская оценка, что также отмечается и в спортивном репортаже. Так, в своей работе, посвященной феномену языковой личности хоккейного комментатора, Н. Р. Сафиканова отмечает, что от индивидуальности журналиста зависят лексические средства продуцируемого им текста [Сафиканова, 2022].

Объектом исследования в настоящей работе выступает англоязычный спортивный интернет-дискурс.

Предметом исследования являются языковые средства, используемые для репрезентации спортивного события в рамках интернет-дискурса.

Цель работы – изучение лингвостилистических особенностей англоязычного спортивного послематчевого репортажа на материале репортажей по регби.

Актуальность работы обусловлена недостаточной освещенностью лингвистических особенностей спортивного репортажа по регби, как одного из популярных национальных видов спорта англоязычного социума. Исследование послематчевых репортажей по регби представляет особую актуальность, так как данный вид спорта национально обусловлен и особенности его языкового оформления способствуют пониманию того, каким образом функционирует англоязычный спортивный дискурс. Их изучение позволит выявить, при помощи каких средств и приемов авторы репортажей реализуют основные функции спортивного репортажа – информативную функцию и функцию воздействия [Сафонов, 2021].

Поставленная цель определила постановку и решение следующих задач:

- проанализировать спортивную терминологию репортажа по регби;
- проследить лексико-семантические особенности глагольных лексем;
- выявить наиболее репрезентативные языковые средства спортивного репортажа;
- провести анализ синтаксических структур, характерных для англоязычного послематчевого репортажа;
- проанализировать средства создания эмоционально-экспрессивного фона репортажа;
- определить прагматические интенции авторов репортажа, влияющие на отбор языковых средств.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили 57 послематчевых репортажей (match reports) североирландских и ирландских команд по регби игр сезона 2023 года, представленные на официальных сайтах команд <https://ulster.rugby/>, <https://www.leinsterrugby.ie/>, <https://www.munsterrugby.ie/news/reports-previews/>.

Основными методами анализа языкового материала выступают филологический анализ, лингвостилистический анализ, методы категориально-семантического и контекстуально-семантического анализа.

Результаты исследования

Основной особенностью спортивного интернет-дискурса выступает использование в письменной или устной речи журналистов терминологии, характерной для каждого вида спорта. Применение терминов обусловлено необходимостью реализации функции информативности в тексте репортажа и способствует его информационной насыщенности [Бобырева, 2023]. Соответственно, для верной интерпретации и понимания репортажа о спортивном событии важно наличие у реципиента знания основных терминов, понятий и правил игры, о которой идет речь, которые составляют фоновые знания и обеспечивают успешную коммуникацию в рамках спортивного дискурса [Шевченко, 2019]. Мы выделили основные английские термины и терминологические словосочетания, характерные для регби. Регби – командный вид спорта, целью которого является доставка мяча в зачетную зону поля, принадлежащую противнику. Команда регби состоит из 15 игроков, среди которых 8 нападающих и 7 защитников. Нападающие обычно распределяются по трем линиям и выполняют различные функции. В связи с этим особого внимания заслуживают лексические единицы, номинирующие игроков: *scrum-half* – полузащитник схватки; *fly-half* – блуждающий полузащитник; *winger* – трёхчетвертной, крыльевой; *full back* – замыкающий; *lock* – форвард второй линии; *hooker* – хукер; *tighthead* – столб; *flanker* – фланкер; *number 8* – стягивающий игрок («восьмерка»). Из приведенных примеров можно заключить, что реципиенту, не знакомому с правилами игры или распределением игроков на поле, будет довольно трудно понять текст репортажа по регби. Знание и использование спортивной терминологии является важным показателем принадлежности к группе, использующей тот же язык. Это означает, что зна-

ние англоязычной терминологической лексики по регби может быть важным не только для болельщиков и фанатов игры, но также для игроков и тренеров по регби из других стран для изучения правил игры, технических особенностей, для участия в мировом спортивном сообществе и соревнованиях [Benson, Coxhead, 2022].

1. Глаголы и глагольные словосочетания

Другой важной особенностью спортивных репортажей по регби является передача динамики спортивного события и ключевых моментов игры или матча, что достигается за счет использования различных глагольных лексем и предикативных словосочетаний, которые также входят в терминологический аппарат этого вида спорта. Лексико-семантический анализ глагольных единиц постматчевых репортажей по регби, позволил распределить лексические единицы, относящиеся к действиям игроков, на несколько групп:

1. акциональные предикаты и глагольные словосочетания, обозначающие действия игроков с мячом: *to tap a quick penalty* – пробить быстрое пенальти; *to pick up the loose ball* – подобрать мяч; *to convert* – осуществить реализацию (удар по воротам); *to land the conversion* – получить очко за реализацию; *to hit the post* – ударить по воротам; *to force a dropout* – заставить начать игру с дроп-кика; *to offload the ball* – избавиться от мяча; *to breach the defence* – прорвать линию обороны; *to launch a counter-attack* – запустить контратаку.

2. глагольные лексем со значением интеракции: *to tackle* – осуществить захват; *to get tackled* – быть атакованным; *to deny the opponent scoring* – не позволить противнику забить; *to make a great tackle* – осуществить отличный захват; *to obstruct* – воспрепятствовать / заблокировать; *to corral the opponent over the line* – отогнать соперника за линию.

3. глагольные словосочетания, актуализирующие информацию о зарабатывании очков и ведении счета в ходе матча: *to narrow the gap to 3 points* – сократить разрыв до 3 очков; *to narrow the scoreline* – сократить счет; *to send the team into a 7–31 lead* – вывести команду в лидеры со счетом 7-3; *to reduce the gap* – сократить промежуток; *to break the deadlock* – выйти из тупика; *to level the scores* – уравнивать счет; *to turn a penalty into a 10-point lead* – выйти на 10 очков вперед за счет пенальти; *to lead* – лидировать; *to make it 21-all* – сравнять счет 21–21; *to level the*

game – уравнивать игру; *to open the scoring* – заработать первые очки / открыть счет.

4. глагольные единицы, несущие информацию о штрафах и наказаниях: *to be shown a yellow* – увидеть желтую карточку; *to be awarded a penalty* – получить пенальти; *to be penalized* – быть наказанным / получить пенальти; *to be sin-binned* – быть отправленным на штрафную скамью; *to be yellow-carded* – получить желтую карточку; *to be issued a yellow card* – получить желтую карточку.

На основе анализа предикатов и предикативных сочетаний мы можем заключить, что в репортажах по регби преобладают предикативные словосочетания переходных глаголов с прямыми и предложными дополнениями. Отдельно следует выделить группу глагольных словосочетаний, репрезентирующих счет игры. Выделение данной группы лексем связано с различиями в системе начисления очков в регби – баллы начисляются за «попытки» (*try*) (незавершенное действие, приземление мяча в зачётном поле команды противника), за счет чего некоторые матчи могут закончиться даже с трехзначными цифрами на табло. Это одно из существенных отличий регби от других видов спорта, например футбола или хоккея. Группа глагольных словосочетаний, актуализирующих санкции, применяемые к игрокам со стороны судей, представлена лексемами в страдательном залоге, благодаря которому выделяется сам факт наказания игрока. Репрезентативная выборка представленных глаголов отображает особенности регби, как достаточно жесткого контактного вида спорта, в котором игроки могут применять грубую физическую силу к соперникам.

Изучение семантики глагольных единиц позволило заключить, что событие спортивного матча по регби, можно отнести к акционально-ориентированным ситуациям. Стратегия подробного описания и характеристики действий спортсменов при составлении постматчевых репортажей позволяет автору наиболее точно и достоверно передать динамичный характер матча, используя средства английского языка.

2. Наречия

Акционально-ориентированный характер спортивного события позволяет выдвинуть гипотезу о том, что наречия в спортивном репортаже выступают в роли значимых лингвистических средств, модифицирующих глагольную форму. Рассмотрим примеры функционирования наречий в текстах постматчевых репортажей. Анализ

наречий позволил выявить две группы наречий в зависимости от их локализации в предложении.

Наречия в препозиции:

when Bosch *expertly* split the uprights off a long-distance penalty; Leinster *ultimately* brought a 12-6 buffer at the interval; Ulster *quickly* took advantage; Turner *muscularly* broke through two tackles; Rob Russell *eventually* latched onto a loose ball; Jordan Larmour *smartly* whipping the legs from under Kyle Stein; Nathan Doak *gleefully* booted the ball out; Ulster finished the first half *strongly* camped on the Munster line; Tommy O'Brien *almost* made something out of nothing; *eventually* forcing the visitors to concede a penalty; Byrne *calmly* stepped up; Glasgow *quickly* accommodated a number of their Scotland World Cup contributors; the home side *quickly* got to the edge; the Bulls *quickly* tried to get back into the contest; Prisciantelli *successfully* stuck his kick between the post.

Наречия в постпозиции:

Cameron Wright did *brilliantly* to kick; the level of play improved *almost immediately*; the last thing Leinster wanted to do was concede *quickly*; they needed territory *badly*; he was on hand to drive *powerfully* over the opposition whitewash; the defence was operating more *efficiently*; the hooker acted *sharply*; Leinster used the break *wisely*; the home side could not *quite* break free.

Из приведенных текстовых фрагментов мы можем заключить, что в репортажах преобладают производные наречия, образованные от основ прилагательных суффиксальным способом путем прибавления аффикса «-ly»: *brilliantly, powerfully, efficiently, sharply, wisely, gleefully, muscularly, calmly, strongly, smartly*.

По семантическому признаку в послематчевых репортажах отмечается частотное употребление наречий образа действия, а наречия степени (*almost, completely, very*) не представляют репрезентативную выборку.

На материале примеров можно выделить наречия *eventually* и *ultimately*, которые используются для того, чтобы показать последовательность событий спортивного матча во времени: *eventually forcing the visitors to concede a penalty (в конце концов, вынудив соперников уступить пенальти)*; Leinster *ultimately* brought a 12–6 buffer at the interval (команда Ленстера, в конечном итоге, заработала разрыв в счете 12–6 до перерыва). В контексте спортивного события они вводят семантику окончания действия и имплицитно подчеркивают результативность действия в конце некоторого периода времени.

Наречия образа действия уточняют семантику глагольной формы и передают, каким образом происходит действие на поле, быстроту реакции игроков или скорость протекания игры. Кроме этого, наречия могут вносить в текст репортажа определенную эмоциональную окраску и субъективную авторскую модальность, в зависимости от значения прилагательных, от которых они образованы. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

Cameron Wright did *brilliantly* to kick (...)

Nathan Doak *gleefully* booted the ball out for the final whistle.

На материале других примеров можно увидеть, что наречия придают семантике глагола такие коннотации как «сила», «мощь», «быстрота» и «скорость» игры, от которых зависит успех или поражение команды: Turner *muscularly* broke through (мощно); when Bosch *expertly* split the uprights (умело); he was on hand to drive *powerfully* over the opposition whitewash (мощно); the defence was operating more *efficiently* (более эффективно); the hooker acted *sharply* (резко).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наречия выступают как важные языковые средства репрезентации действий игроков и способствуют более детальному отображению событий, происходящих на поле, позволяя реципиенту представить себе игру и почувствовать себя непосредственным участником спортивного события.

3. Причастие I и причастные конструкции

Исследование материала послематчевых репортажей в синтаксическом плане позволило выявить репрезентативную выборку употребления причастия настоящего времени с группой зависимых слов в функциях определения и обстоятельства.

Рассмотрим функционирование и синтаксическую роль причастий настоящего времени в послематчевых интернет-репортажах.

Для послематчевых репортажей по регби характерно использование причастия I в функции обстоятельства образа действия. Это можно проиллюстрировать текстовыми фрагментами:

1. *Playing on a penalty advantage*, Glasgow opted for the corner.

2. Leinster were spending too much time on defence, *suffering at the maul* –

3. A reset scrum enabled Jonathan Danty to bump Garry Ringrose and re-accelerate to the whitewash for Antoine Hastoy to convert, *bringing a pulsating first quarter to a conclusion*.

4. *Showing his drive*, the hooker acted sharply from a penalty to tap and go, *crashing over the line to pierce the tough Bulls rearguard*.

5. Nathan Doak carried on where he left off in Parma, *kicking accurately in the wind* to send Ulster into an early 7–0 lead.

6. Tom Stewart gave us a reminder of what he does best, *scoring a try from a devastating maul drive*.

На материале приведенных примеров можно проследить, что причастия I образованы от мотивирующих глаголов, которые семантизируют действия и перемещения игроков во время матча по регби (*play* – играть; *score* – зарабатывать очки, осуществлять попытку; *crash over* – «пробиваться сквозь», *kick* – осуществить удар ногой) в значении которых отображаются такие коннотации как «скорость», «сила» и «стремительность». Эти компоненты значения позволяют передать динамичный, скоростной и напористый характер матча по регби.

Во всех приведенных примерах мы можем проследить репрезентацию значения одновременности действий, выраженных посредством причастия настоящего времени и основного глагола [Лутфуллина, 2023].

Так, в четвертом примере причастие настоящего времени употребляется в функции обстоятельства образа действия для репрезентации действий хукера. Причастие I выражает одновременность действий, выраженных причастием от глагола *show* и глагольным сказуемым *act* в форме прошедшего простого времени. Вторая причастная конструкция этой синтагмы *crashing over the line* также актуализирует значение одновременности с главным сказуемым *act*. На материале второго примера также можно проследить отношения зависимого таксиса в контексте одновременности сопряженных действий, выраженных посредством глагола *spend* в длительном прошедшем времени и причастия I непереходного глагола *suffer*.

Несмотря на репрезентативную выборку примеров, где причастие и глагольное сказуемое выражают одновременность действий, происходящих на поле, нами были выявлены случаи, когда эти глагольные формы реализуют значение предшествования одного действия другому.

Making a few changes from last weekend's win, Dan McFarland brought in the returning Ireland international Tom O'Toole at tighthead.

В вышеприведенном отрывке неличная форма от глагола *make* выражает значение предшествования по отношению к действию, выраженному

основным глагольным сказуемым *brought in*. Это значение актуализируется за счет информации в главном предложении о введении нового игрока, а также при помощи темпорального детерминанта в форме предложно-падежного словосочетания *from last weekend's win*, которое отсылает читателя к прошлой победной игре команды. При помощи причастия I в функции обстоятельства времени, автор выделяет важные, по его мнению, сведения относительно изменений в составе команды.

В следующем примере мы также можем проследить темпоральный аспект предшествования, выраженный причастием I с группой зависимых слов:

After running Leinster and the Sharks close last year, they aimed to go one better and pick up a famous win.

В отличие от предыдущего фрагмента, в представленном отрывке причастие с зависимыми словами в функции обстоятельства времени вводится посредством предлога времени *after*, который реализует значение предшествования. На выражение семантики разновременности действий личной и неличной глагольных форм в синтагме, влияет темпоральный детерминант *last year*, который употребляется с целью разграничить данный матч от игр сезона прошлого года в контексте пространственно-временного фона отрывка.

Помимо употребления причастий настоящего времени в функции обстоятельства, в спортивных репортажах можно выделить предложения, где причастие проявляет адъективные свойства и выполняет функцию определения.

Jude Postlethwaite, *making his first home start* and Will Addison, *making his first start at Kingspan Stadium*.

Данный пример содержит синтаксический повтор причастия I с зависимыми словами, которое выполняет атрибутивную функцию. На синтаксическом уровне повтор причастия I, образованного от переходного глагола *make*, которое принимает прямое дополнение *start*, употребляется автором репортажа для выделения ключевой информации об игроках, у которых игра представляет дебют в том или ином роде.

The Barbarians got off to a fast start with an early breakdown penalty *giving them a lineout just metres from the Munster line*.

В приведенном отрывке причастие I переходного глагола *give* с группой зависимых слов относится к существительному *penalty*. Определительный причастный оборот уточняет информацию о важности штрафного удара, благодаря которому

команда «Варваров» смогла получить преимущество и продвинуться ближе к линии команды «Манстера».

Eight Munster Academy players featured with Gleeson scoring twice on his first senior appearance.

Текстовый фрагмент также содержит причастие I от переходного глагола *score* в функции определения, за счет употребления которого автор уточняет важную информацию об игроке и его достижениях, акцентируя внимание реципиента на факт того, что он дважды за игру заработал очки команде.

Исследование синтаксических конструкций послематчевых репортажей позволило выявить частотное употребление независимого причастного оборота с причастием I, вводимого предлогом *with*, что можно проиллюстрировать следующими текстовыми фрагментами:

Two long-range Jacob Umaga penalties had given Benetton a 6–3 lead *with Carbery replying for Munster*.

Calvin Nash and John Hodnett started on their first games of the campaign *with Seán O'Brien making his Munster debut off the bench* as Paddy Patterson returned from a long-term knee injury.

The first match of the season brought a new look side too, *with Dave Ewers, Greg McGrath and James French all making their debut appearances in an Ulster jersey over the course of the match*.

With Ulster arriving in Parma, the Italian side were kicking off their season on their own turf (...).

The Munster replacements made a good impact *with Nankivell carrying strongly but with the clock ticking into the final 10 minutes*, the hosts were still in a strong position with a 10-point lead.

(...) the Benetton defence came up trumps *with the hosts' scrum also earning them a number of penalties*.

It was a typical Barbarians game *with the visitors playing an unpredictable, offloading game*.

McFarland rang the changes around the 50 minute mark, *with Nick Timoney, Cormac Izuchukwu, Callum Reid and James French coming on to freshen things*.

With Glasgow Warriors missing their Scottish international players, it was clear their combative side were putting their all into the contest to try cause an upset.

The captain got the try at his second bite of the cherry, *with Stewart powering his way over*.

Независимый причастный оборот характеризуется наличием субъекта действия, выраженного причастием, который не коррелируется с субъек-

том действия, выраженного глагольным сказуемым. В представленных примерах таким субъектом выступает либо игрок (*with Seán O'Brien, with Nankivell, with Dave Ewers, Greg McGrath and James French, with Stewart*) либо несколько игроков команды (*with Nick Timoney, Cormac Izuchukwu, Callum Reid and James French with the hosts' scrum*), либо целая команда (*With Ulster; with Glasgow Warriors; with the visitors*). Обособленные причастные обороты с союзом *with* в послематчевых репортажах вводят дополнительную информацию важную для отображения и уточнения описываемого момента или этапов игры. Причастия в составе конструкций в большинстве примеров образованы от переходных глаголов, выражающих физическое действие, перемещение и движение: *earning, playing, carrying, arriving, powering, coming on, making debut* (в значении «впервые играть / выступать за команду»).

Независимые причастные обороты выражают значение разносубъектной одновременности, при котором оборот воспринимается как отдельное предложение, но при этом служит экономии языковых средств [Слепнева, 2020]. Употребление причастных конструкций позволяет журналисту более точно и детально передать ход спортивного события, акцентируя внимание болельщиков на значимых действиях игроков. В большинстве случаев эти конструкции отражают одновременность действий, выраженных личной и неличной глагольными формами с тем, чтобы более полно представить динамичность игры.

4. Перифраза

Одной из характерных черт спортивного репортажа выступает перифраза. Процессу перифразирования в спортивном дискурсе обычно подвергаются такие компоненты соревновательного процесса, как участники соревнований в виде команды и отдельных игроков [Пром, 2012]. Перифраза используется в качестве приема, который позволяет избежать повтора одного и того же названия или имени в тексте и, таким образом, придает послематчевому репортажу определенную выразительность [Писарева, 2022]. Это можно проследить на материале нижеприведенных примеров:

Ulster welcomed *Jake White's Pretorian side* to Belfast.

Словосочетание *Jake White's Pretorian side* представляет собой перифразированное название Южноафриканской команды по регби «Vodacom Bulls», тренером которой является один из наибо-

лее известных тренеров по регби – Джек Уайт.

No doubt *the South African visitors* wanted to make it a double success this weekend.

Вышеприведенный пример иллюстрирует перифразу этой же команды в форме словосочетания *the South African visitors*, который позволяет избежать повтора названия «Vodacom Bulls».

With Ulster arriving in Parma, *the Italian side* were kicking off their season on their own turf.

Атрибутивное словосочетание *the Italian side* используется журналистом в текстовом фрагменте для номинации итальянской команды «Zebre Parma».

The home side quickly got to the edge.

В вышеприведенном фрагменте вместо названия команды Ольстера, автор прибегает к использованию словосочетания *the home side*, которое уточняет наименование той команды, на чьем поле проводится игра.

The Blues were briefly in arrears.

Текстовый фрагмент интересен тем, что содержит субстантивированное прилагательное *The Blues*, которое является официальным прозвищем команды Ленстера. В основе перифразы лежит метонимический перенос, который реализуется за счет переноса цветов формы команды на ее «неофициальное» название.

Среди других примеров перифразы можно отметить другие словосочетания:

The Ireland international – команда Манстера; *the Italians* – команда «Benetton»; *the Irish province* – команда Ленстера; *the Durban-based side* – команда «Hollywood Sharks»; *the Northern Province* – команда Ольстера; *the Port Elizabeth native* – игрок Южноафриканской команды; *the Kildare man* – игрок из графства Килдэр (Sam Pendergast); *the Enniskillen man* – уроженец Эннискиллена (Rob Baloucoune); *the Ulsterman* – игрок команды Ольстера.

В рамках изучения перифразы особого внимания заслуживают обозначения соревнующихся команд. В текстах спортивного дискурса по регби в качестве контекстных антонимов команд в большинстве случаев употребляются: существительное во множественном числе *hosts* (хозяева); словосочетание *the home side* в значении «хозяева поля» или команда, играющая на своем поле; существительное *visitors* (гости); словосочетания модели Adj. + *side*, в которых прилагательное может обозначать национальную принадлежность команды (*the Italian side*, *the Durban-based side*). При этом лексема *visitors* в контексте репортажей приобретает коннотацию «чужие» за счет значе-

ния *игроки из команды соперника*. Такая семантика вышеприведенных словосочетаний обусловлена первостепенными концептами командного спорта, которые всегда связаны с борьбой, соревнованием и состязанием между соперниками [Грамма, 2019]. Этим и объясняются особенности номинации команд противопоставлением таких единиц, как *hosts*, *visitors* (в значении «свои-чужие»), а также атрибутивных словосочетаний: *the away side gave away another penalty*; *the home side was hampered by*; *the hosts who got over for the first try*; *the visitors that broke the deadlock*.

5. Эпитеты

Изучение материала позволило выявить использование прилагательных в атрибутивных словосочетаниях с существительными с целью придания текстам репортажей большей выразительности. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

a stunning line break; *impressive ball-carrying*; *the incredible handling*; *beautiful build-up play*; *terrific hit*; *an immaculate move*; *a thrilling game*; *the best try*, *a well-deserved try*; *the speedy, combative winger Niamh Marley*; *a ravenous Ringrose*; *a dangerous Munster*; *the powerful India Daley*;

a well-executed lineout maul, *an attacking move*, *a dangerous tackle*; *the resulting penalty*; *a powerful driving maul*; *prolonged attack*; *disciplined defence*; *relieving kick*; *prolonged move*; *elaborate pass*; *a muscular finish*.

Мы можем выделить две обширные группы прилагательных и причастий, которые функционируют в качестве эпитетов.

Первую группу составляют оценочные прилагательные с положительным компонентом коннотативного значения, при помощи которых автор выражает эмоционально-оценочную характеристику игры: *beautiful*, *impressive*, *stunning*, *incredible*, *terrific*, *immaculate*. В сочетании с спортивными терминами данные атрибуты передают авторскую модальность и эмоциональной настрой.

В зависимости от степени выраженности определенного спектра эмоций или эмоционального подтекста, мы можем разграничить эпитеты по группам [Гималетдинова, 2022]:

– удивление, изумление – *incredible*, *immaculate*;

– восторг, восхищение – *brilliant*, *impressive*, *remarkable*, *superb*, *landmark*, *perfect*;

– злость, гнев – *combative*, *ravenous*, *dangerous*.

Некоторые примеры демонстрируют выражение рациональной оценки в семантической струк-

туре высказывания [Шипакина, 2022]. Так, фразы *beautiful build-up play* (красивая нарастающая игра), *terrific hit* – прекрасный удар; *best try* – лучшая попытка, характеризующие саму манеру игры и специфические игровые элементы (*hit, try*) в регби, несут в себе одобрительную оценку, которая содержится в номинации самих прилагательных «beautiful» (красивый) и «terrific» (невероятный, великолепный).

Авторы используют качественные прилагательные для описания игроков или их манеры игры. Так, атрибуты *combative, ravenous, dangerous*, реализуют семантику борьбы и опасности, что характерно для спорта как состязания и соревнования.

Вторая группа прилагательных и причастий репрезентирует спортивное событие с позиций технических и тактических моментов и представляет характеристику действий игроков (передача, пас, захват, схватка, защита, атака). По семантике данные эпитеты можно подразделить на следующие категории, в зависимости от семантического наполнения:

– сила, мощь: *muscular, powerful, dangerous, attacking, determined*;

– умение, мастерство: *elaborate, disciplined, well-executed, defensive, agile, delicate*;

– исход, результат: *resulting, relieving, pivotal*.

Вышеприведенные эпитеты способствуют концептуализации понятий точности, силы, стратегии и тактики для описания динамики происходящих на поле событий.

Использование эпитетов в послематчевых репортажах позволяет автору реализовать функцию воздействия на адресата, а также детализировать и визуализировать этапы игры в более выразительной манере.

6. Идиомы

В процессе исследования текстов послематчевых репортажей было установлено, что идиомы являются репрезентативными единицами спортивного дискурса. Интерпретация и выявление значения идиоматичных выражений, структурно схожих с фразеологическими единицами, позволяет выявить их экстралингвистический потенциал, который отражает менталитет англоязычного социума [Barseghyan, 2016]. Такие выражения помогают определить различия в восприятии тех или иных реалий, которые отражаются в языке и речи. Мы можем проследить употребление идиом на материале многочисленных текстовых примеров:

The Benetton defence came up trumps with the hosts' scrum also earning them a number of penalties.

Приведенный пример содержит идиому *to come up trumps*, которая обладает значением неожиданного успешного завершения какого-либо действия. В предложении идиома призвана подчеркнуть внезапный для команды противника исход, при котором благодаря грамотным действиям защиты команды «Бенеттон» в схватке заработала серию штрафных ударов.

Neither side were able to gain the upper hand early on.

Munster had the upper hand at the start of the second half.

Вышеприведенные фрагменты послематчевых репортажей демонстрируют употребление идиоматичного выражения *to gain/have the upper hand*. В рамках репортажей оно обозначает превосходство одной команды над другой, ее преимущество в ведении игры или в количестве очков. Мы можем отнести идиому к семантическому полю «успех», «превосходство», так как в спортивном контексте она реализует данные коннотации.

Stockdale showed the Bulls midfield a clean pair of heels, and made an incredible line break.

Идиома *to show a clean pair of heels* в примере актуализирует такие качества игрока Стокдейла как быстрота и скорость. Она позволяет читателю представить, насколько стремительно игрок переместился и осуществил прорыв линии, завладев преимуществом над командой противника.

Многие исследователи отмечают схожесть понятийного поля спортивного дискурса и военного дискурса. Это проявляется за счет концептуализации основной цели и спортивного поединка и военных действий, которая заключается в победе путем борьбы, противостояния и соперничества [Цыбина, 2019]. Реализацию данных понятий в спортивном дискурсе можно проследить в семантике языковых средств:

1. *Ulster drew first blood in the contest, through new man Dave Ewers, who bulldozed his way through Glasgow's defence.*

2. *In true Yo-Yo fashion, the home side hit back minutes later when Lorenzo Pani bulldozed his way through.*

В первом текстовом фрагменте идиома *to draw the first blood* означает «заработать первое очко или балл в соревновании» и часто употребляется в рамках описания спортивного события для обозначения команды или игрока, которые ведут в игре или для обозначения момента игры, в котором команда открывает счет. Использование дан-

ного выражения позволяет автору актуализировать концепты, характеризующие сходство спортивного и военного дискурсов, за счет основного значения идиомы «пролить первую кровь».

И первый и второй пример представляют особый интерес за счет употребления идиомы *to bulldoze one's way through*. Глагольная лексема *to bulldoze* в составе идиомы *to bulldoze his way through* в значении *агрессивно проложит себе путь* в текстовых фрагментах актуализирует такие признаки действия игрока как «мощь», «напор», «сила». В рамках описания спортивного события этот предикат передает характеристику игроков, которые буквально «таранили» и «пробивали» защиту команды-противника. Употребление данной идиомы в послематчевых репортажах по регби репрезентирует регби как достаточно жесткий вид спорта, требующий физической силы и выносливости.

Среди выразительных средств из второго фрагмента можно выделить предложно-падежное атрибутивное словосочетание *in true Yo-Yo fashion* в функции обстоятельства образа действия, которое модифицирует значение предиката *hit back*. Оно позволяет автору более экспрессивно представить манеру игры команды, при которой они довольно быстро отреагировали на атаку противника и нанесли ответный удар. В основе сравнения манеры игры команды и игрушки *Yo-Yo* лежит принцип ответного действия посредством влияния силы инерции.

По мнению филологов, основной концептуальной метафорой спортивного дискурса выступает метафора СПОРТ – ЭТО ВОЙНА, которая содержит подтекст военных действий [Fedorova, Argoonov, 2022]. Мы можем проследить языковую реализацию этой метафоры в следующем фрагменте:

The return of Garry Ringrose and Caele Doris were significant additions to an arsenal of weapons dedicated to bringing the fifth European Cup home.

Вышеприведенный текстовый фрагмент содержит метафору, выраженную субстантивным словосочетанием *arsenal of weapons*. При помощи этого стилистического средства актуализируются концепты спорта, связанные с противостоянием и борьбой. Это происходит за счет употребления лексических единиц *arsenal* и *weapons*, относящихся к военной терминологии, которые имплицитно отождествляют спортивное событие с сражением на поле боя. Кроме этого, метафора в контексте отрывка употребляется автором для отождествления сильных игроков команды Garry Ringrose и Caele Doris с сильнейшим оружием,

что, в итоге, должно способствовать ее победе в Европейском кубке. Данное образное средство позволяет репортеру представить спортивное событие в экспрессивной манере и реализовать функцию воздействия на читателя.

Метафоричное употребление военной терминологии в спортивном дискурсе также можно проиллюстрировать другими текстовыми фрагментами:

1. Dan McFarland's side *battled their way* to a first home win of the season against Vodacom Bulls.

2. Connacht attempted *to battle their way* back into the match, but were halted by a stubborn rearguard.

3. After the second try, Ulster's defence held out strong as they *battled to* half-time

4. Sharks showed great heart *to battle back*

5. The English club brought three proven full-backs in the back three, making no secret about wanting to turn this into *an aerial battle*.

6. *A battle of wills* followed in which Munster's carries on the fringes were met with disciplined defence.

В первых двух фрагментах мы можем проследить употребление идиомы *to battle one's way through*, в которой прямое значение глагольной единицы *to battle* непосредственно связано с военными действиями и сражением. В контексте описания спортивного дискурса она актуализирует коннотации борьбы и жестокого противостояния и обладает значением «пробивать себе путь, преодолевая трудности». Таким образом, в первом примере идиома будет означать процесс сражения за победу в матче, а во втором – попытку команды справиться с поражением в счете и снова начать зарабатывать очки. Третий и четвертый примеры демонстрируют употребление глагольного акционального предиката *to battle* в схожем значении – продержаться на поле игры (удержать оборону) до полуфинала (*battled to halftime*) и осуществить контратаку (*battle back*).

Заключительные текстовые фрагменты содержат лексему *battle* в составе атрибутивного (*an aerial battle*) и субстантивного словосочетаний (*a battle of wills*). Аtribuтивное словосочетание позволяет автору имплицитно визуализировать происходящее на поле таким образом, что игроки буквально вели битву в воздухе за счет тройки сильных нападающих (*full-backs*), чьей задачей является создание и реализация результативных действий, приносящих команде очки.

Пример субстантивного словосочетания *battle of wills* в шестом примере также актуализирует семы борьбы и противостояния в контексте регбийного матча команд Манстера и Ленстера, уси-

ливая значение стремления каждой команды одержать превосходство.

Исследование материала текстов послематчевых репортажей позволяет говорить о включении журналистами лексических единиц военной терминологии с целью актуализировать концепты борьбы, противостояния и состязания, которые входят в понятийное поле как спортивного, так и военного дискурсов.

В нижеприведенном примере мы можем проследить употребление выражений, характеризующих перемещение игрока:

Another Ulster turnover saw Reuben Crothers demonstrating some *twinkle toes* to avoid the touchline,

Выражение *to twinkle toes* обычно используется для обозначения изящества и грации движения танцоров. В контексте отрывка оно выступает в качестве дополнения к причастию I в составе абсолютного причастного оборота после глагола *saw* и употребляется, чтобы показать умение и мастерство, с которым игрок передвигался по полю. Фраза *twinkle toes* в текстовом примере эксплицирует такие признаки перемещения в пространстве как «аккуратность» и «изворотливость». Актуализация этих признаков позволяет автору передать манеру движений игрока для более детализированной передачи спортивного события.

After *running* Leinster and the Sharks *close* last year, they aimed to go one better and pick up a famous win.

Идиоматичное выражение *to run somebody close* в значении «делать/играть на таком же уровне как» в контексте приведенного примера из начала послематчевого репортажа позволяет автору подчеркнуть равные силы команды Ольстера и команд Ленстера и «Холливуд Шаркс» и примерно одинаковый набор очков в сезоне игр прошлого года. Автор акцентирует на этом внимание реципиента, чтобы показать желание команды выиграть матч с командой Италии, и завоевать победу в ежегодных соревнованиях союза регби. Идиома способствует выражению интриги, давая реципиенту понять, что игра будет интересной и напряженной.

На материале другого текстового фрагмента можно проиллюстрировать употребление глагола для характеристики действия в более экспрессивной манере:

It was the first sniff of a rebound by La Rochelle centre Ulupano Seuteni *scything through* for a try.

Неличная форма глагола *scything through* семантизирует следующие признаки акционального предиката – «стремительность» и «скорость» –

позволяя читателю представить, каким образом игрок итальянской команды пробивался через остальных игроков, чтобы реализовать попытку.

Мы можем отнести эту идиому к семантическому полю «Быстрое движение, перемещение» семантической области «Движение» [Куранова, 2019a].

Исследование языковых средств позволило выявить идиому, которая часто употребляется в спортивных репортажах для обозначения проблемной и сложной ситуации:

It wasn't long before the lineout *put Munster in a bind* again.

The speed of the recycle and the passes *put Leinster in a bind*.

Фраза *to put somebody in a bind* трактуется как «оказаться в затруднительном положении» и применительно к спортивному матчу означает, что одна из команд, благодаря усилиям соперника, близка к поражению. Таким образом, эксплицируется коннотация превосходства одной команды над другой за счет определенной тактики игры, которая в приведенных примерах реализуется за счет подлежащих *the lineout*, *the speed* и *the passes*.

Изучение идиом как репрезентативных языковых средств спортивного дискурса позволяет сделать вывод о том, что они, обладая определенным содержательным подтекстом, способствуют отображению спортивного события в более выразительной и экспрессивной манере. Идиомы служат средством выражения субъективно-авторской оценки игры и конкретных игровых эпизодов, профессиональных качеств и умений игроков команд, а также репрезентируют концепты, связанные с превосходством или отставанием команды в игре [Куранова, 2019б]. Идиомы также актуализируют взаимосвязь спортивного и военного дискурса за счет метафорического использования лексики, относящейся к военным действиям и сражениям на поле боя.

Заключение

Спорт как неотъемлемая часть культуры играет важную роль в жизни социума. Профессиональный спорт оказывает прямое влияние на моделирование мировоззренческих представлений спортивной аудитории об окружающей ее социальной реальности.

В этой связи анализ спортивного интернет-дискурса представляет особый интерес за счёт повсеместного использования глобальной сети Интернет как основного источника информации обо всех происходящих спортивных событиях. Спортивный репортаж является одним из самых распространенных жанров спортивного дискурса, что

обуславливает актуальность его исследования.

Исследование лингво-стилистических особенностей репрезентации англоязычного спортивного события на материале спортивного репортажа позволяет выявить не только особенности функционирования английского языка, но и национально-культурный подтекст, включающий в себя большой спектр экстралингвистических компонентов, так или иначе связанных со спортом.

Изучение спортивных репортажей по регби, представленных на официальных веб-сайтах команд Ленстера, Мюнстера и Ольстера, позволило нам сделать следующие выводы. Регби как динамичный, жёсткий и контактный вид спорта предполагает акционально-ориентированное описание спортивного события, в связи с чем одна из задач исследования была связана с анализом семантики глагольных лексем и предикативных словосочетаний. Мы выделили четыре основные группы глагольных сочетаний, обозначающих перемещение игроков на поле, контактные особенности игры, зарабатывание очков, применение системы штрафов и наказаний к игрокам. Учитывая динамичный характер описания матчей по регби, было установлено, что наречия выступают как значимые средства модификации личных и наличных глагольных форм. Наиболее частотными выступают производные наречия образа действия, образованные от прилагательных. Они играют важную роль в репрезентации характеристики действий и моментов игры.

Анализ синтаксических особенностей спортивных репортажей позволил заключить, что наиболее частотными конструкциями выступают независимые и зависимые причастные обороты с причастием настоящего времени (причастием I). В темпоральном плане причастные конструкции реализуют значение одновременности или предшествования в зависимости от авторских интенций. Значение одновременности характерно для непосредственного описания происходящих на поле событий, что позволяет автору детализировать или конкретизировать с помощью причастия важные моменты игры. Если необходимо подчеркнуть последовательность событий, то причастие в функции обстоятельства времени реализует семантику предшествования. Использование независимых причастных оборотов способствует языковой экономии за счет передачи нескольких смысловых отрезков в одном предложении и передаче большого объема информации, включающего многоаспектное отображение происходящих на поле действий.

Изучение выразительных средств спортивного интернет-репортажа позволило заключить, что

наиболее частотными стилистическими средствами и приемами выступают перифразы, эпитеты, идиомы.

В ходе исследования было установлено, что перифраза в спортивных репортажах позволяет автору избежать повторов названия команды, уточнить информацию об игроке или команде с позиции национального признака. В качестве приема перифразы чаще всего выступают упоминание полного названия команды, командного прозвища, использование конструкций с именем тренера, атрибутивные словосочетания, включающие обозначения национальности или происхождения игрока, также употребление лексем с обобщающим значением с коннотацией «свои-чужие» (*homeside, visitors, combative side, away side*). Таким образом, перифраза выступает важным стилистическим средством журналиста, которое способствует реализации эстетической функции и приданию тексту большей выразительности.

Репрезентативная выборка прилагательных с различными коннотациями и компонентами оценочного значения подтверждают тезис о том, что спортивный дискурс несет в себе оценочные характеристики, которые активно влияют на восприятие спортивного события реципиентом. Эпитеты в тексте спортивного репортажа позволяют выразить такие коннотации, как «восторг», «радость», «гнев», «злость», а также охарактеризовать действия игрока с точки зрения его умений и мастерства. Прилагательные позволяют автору репортажа реализовать функцию воздействия, а также передать динамику игры в эмоционально-экспрессивной манере. Основными функциями употребления эпитетов в спортивном дискурсе выступают изобразительная и выразительная функции.

На основании анализа лексико-морфологических, синтаксических и стилистических средств спортивного интернет-дискурса можно сделать вывод о том, что они способствуют реализации основных функций спортивного репортажа: информативной функции и функции воздействия. Все лингвистические средства способствуют точному, достоверному, детальному отображению спортивного события с целью максимально приблизить читателя к атмосфере игры и представить всю палитру эмоций и накал страстей, происходящих во время отчаянной борьбы за победу.

Библиографический список

1. Снятков К. В. Телевизионный спортивный дискурс: аспекты коммуникативно-прагматического ана-

лиза // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 14, № 37. С. 189–194.

2. Попова Н. Б. Коммуникативные и речевые стратегии репортажа как жанра спортивного дискурса СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2017. № 12 (408). Вып. 110. С. 159–165.

3. Гаврюшина Е. А. Межязыковое сопоставление спортивного дискурса (на материале спортивной аналитической статьи) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов-на-Дону, 2016. № 2. С. 175–184.

4. Сафиканова Н. Р. Лингвопрагматическая характеристика языковой личности телекомментатора в спортивном дискурсе (на материале репортажей хоккейных матчей) // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. № 1. С. 137–140.

5. Сафонов Е. А. Особенности спортивного онлайн-репортажа в специализированных пабликах социальных сетей Мордовии (на примере сообщества "Футбол Мордовии") / Е. А. Сафонов, М. А. Кузьмина // Челябинский гуманитарий. 2021. № 2(55). С. 66–70.

6. Бобырева Н. Н. Термин как основа языка спорта и спортивного дискурса: междисциплинарность и интертекстуальность // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и Филология. 2023. Т. 33., вып. 4. С. 811–818.

7. Шевченко В. Д. Специфика коммуникации в спортивном интернет-дискурсе / В. Д. Шевченко, А. Г. Писарева // Вестник Самарского университета. Серия: История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 2. С. 109–115.

8. Лутфуллина Г. Ф. Причастия как средства выражения одновременности в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 1. С. 224–228.

9. Слепнева М. А. Роль причастия в грамматической структуре научных и технических текстов / М. А. Слепнева, И. В. Петрова // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 2(31). С. 313–316.

10. Пром Н. А. Лингвопрагматический аспект перифразы в речевом жанре газетного спортивного репортажа // Lingua Mobilis. 2012. № 3(36). С. 116–122.

11. Писарева А. Г. Доминантный компонент «участники» в составе когнитивной модели спортивного события // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 131–139.

12. Грамма Д. В. Концептуальная основа спортивного дискурса на материале англоязычных газетных статей / Д. В. Грамма, Н. Ю. Филистова // Litera. 2019. № 1. С. 49–60.

13. Гималетдинова Г. К. Эмоционально-оценочные модели спортивного медиадискурса / Г. К. Гималетдинова, Р. Р. Камалова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, № 5. С. 47–58.

14. Щипакина Н. И. Основные аксиологические характеристики англоязычного спортивного дискурса // Огарев-online. 2022. № 7. URL:

<https://journal.mrsu.ru/arts/osnovnye-aksiologicheskie-karakteristiki-angloyazychnogo-sportivnogo-diskursa> (дата обращения: 13.02.2024)

15. Цыбина Л. В. Стилистические средства выражения эмоций в спортивном англоязычном дискурсе / Л. В. Цыбина, О. Н. Шагарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 3. С. 82–86.

16. Куранова Т. П. Фразеология спортивных репортажей: семантические и прагматические особенности // Верхневолжский филологический вестник. 2019а. № 3. С. 60–68.

17. Куранова Т. П. Экспрессивно-стилистические и риторические особенности спортивного репортажа // Вестник Томского государственного университета. 2019б. № 449. С. 27–35.

18. Wilson Nick. Analysing team sports discourse: From interaction to identity // Te Reo: the Journal of the Linguistic Society of New Zealand. 2021. Volume 64, Issue 2. P. 1–14.

19. Schirato Tony. Sports Discourse. London : Bloomsbury Academic. 2013. 184 p.

20. Benson Stuart, Coxhead Averil. Technical single and multiword unit vocabulary in spoken rugby discourse // English for Specific Purposes. 2022. Volume 66. P. 111–130.

21. Fedorova Claudia and Argounov Vasily. Metaphorical conceptualization in national sports // SHS Web Conf., 14th Session of Euro-Asian Law Congress «The value of law», 2021. 2022. Volume 134.

22. Barseghyan Gevorg. Sports Idioms and Their Interpretation in Different Dimensions // Armenian Folia Anglistika. 2016. Vol. 12. P. 46–54. URL: https://www.researchgate.net/publication/349294766_Sports_Idioms_and_Their_Interpretation_in_Different_Dimensions (дата обращения: 27.01.2024)

Reference list

1. Snjatkov K. V. Televizionnyj sportivnyj diskurs: aspekty kommunikativno-pragmaticheskogo analiza = Television sports discourse: some aspects of communicative and pragmatic analysis // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2007. Т. 14, № 37. С. 189–194.

2. Popova N. B. Kommunikativnye i rechevye strategii reportazha kak zhanra sportivnogo diskursa SMI = Communicative and speech strategies of reportage as a genre of sports media discourse // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologicheskie nauki. 2017. № 12 (408). Vyp. 110. S. 159–165.

3. Gavryushina E. A. Mezhyazykovoe sopostavlenie sportivnogo diskursa (na materiale sportivnoj analiticheskoj stat'i) = Cross-lingual comparison of sports discourse (on the material of sports analytical article) // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. Rostov-na-Donu, 2016. №2. S. 175–184.

4. Safikanova N. R. Lingvopragmaticheskaja harakteristika jazykovoj lichnosti telekommentatora v sportivnom diskurse (na materiale reportazhej hokkejnyh matchej) = Linguopragmatic characteristics of a TV

commentator's linguistic personality in sports discourse (based on hockey matches reports) // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2022. T. 27. №1. S. 137–140.

5. Safonov E. A. Osobennosti sportivnogo onlajn-reportazha v specializirovannyh pablikah social'nyh setej Mordovii (na primere soobshhestva «Futbol Mordovii») = Characteristics of online sports reporting in Mordovian specialized social network publics (the case of the community “Football of Mordovia”) / E. A. Safonov, M. A. Kuz'mina // Cheljabinskij gumanitarij. 2021. № 2(55). S. 66–70.

6. Bobyreva N. N. Termin kak osnova jazyka sporta i sportivnogo diskursa: mezhdisciplinarnost' i intertekstual'nost' = Term as the basis of the sports language and sports discourse: interdisciplinarity and intertextuality // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: Istorija i Filologija. 2023. T. 33. Vyp. 4. S. 811–818.

7. Shevchenko V. D. Specifika kommunikacii v sportivnom internet-diskurse = Specificity of communication in sports Internet discourse / V. D. Shevchenko, A. G. Pisareva // Vestnik Samarskogo universiteta. Serija: Istorija, pedagogika, filologija. 2019. T. 25, № 2. S. 109–115.

8. Lutfullina G. F. Prichastija kak sredstva vyrazhenija odnovremennosti v anglijskom jazyke = Participles as means of expressing simultaneity in the English language // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16, № 1. S. 224–228.

9. Slepneva M. A. Rol' prichastija v grammaticeskoi strukture nauchnyh i tehniceskikh tekstov = The role of the participle in the grammatical structure of scientific and technical texts / M. A. Slepneva, I. V. Petrova // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. T. 9, № 2(31). S. 313–316.

10. Prom N. A. Lingvopragmaticeskij aspekt perifrasy v rechevom zhanre gazetnogo sportivnogo reportazha = Linguopragmatic aspect of periphrasis in the newspaper sports reporting speech genre // Lingua Mobilis. 2012. № 3(36). S. 116–122.

11. Pisareva A. G. Dominantnyj komponent «uchastniki» v sostave kognitivnoj modeli sportivnogo sobytija = The dominant component «participants» as part of the sporting event cognitive model // Aktual'nye problemy filologii i pedagogiceskoi lingvistiki. 2022. № 1. C. 131–139.

12. Gramma D. V. Konceptual'naja osnova sportivnogo diskursa na materiale anglojazychnyh gazetnyh statej = Conceptual basis for sports discourse in English newspaper articles / D. V. Gramma, N. Ju. Filistova // Litera. 2019. № 1. S. 49–60.

13. Gimaletdinova G. K. Jemocional'no-ocenocnyje modeli sportivnogo mediadiskursa = Emotional and evaluative models in sports media discourse / G. K. Gimaletdinova, R. R. Kamalova // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2022. T. 164, № 5. S. 47–58.

14. Shhipakina N. I. Osnovnye aksiologicheskie harakteristiki anglojazychnogo sportivnogo diskursa = The main axiological characteristics of sports discourse in English // Ogarev-online. 2022. № 7. URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/osnovnye-aksiologicheskie-xarakteristiki-angloyazychnogo-sportivnogo-diskursa> (data obrashhenija: 13.02.2024)

15. Cybina L. V. Stilisticheskie sredstva vyrazhenija jemocij v sportivnom anglojazychnom diskurse = Stylistic means of expressing emotions in English sports discourse / L. V. Cybina, O. N. Shagarova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 12, № 3. S. 82–86.

16. Kuranova T. P. Frazheologija sportivnyh reportazhej: semanticheskie i pragmaticheskie osobennosti = Phraseology of sports reports: semantic and pragmatic features // Verhnevolzhskij filologiceskij vestnik. 2019a. № 3. S. 60–68.

17. Kuranova T. P. Jekspressivno-stilisticheskie i ritoricheskie osobennosti sportivnogo reportazha = Expressive-stylistic and rhetorical characteristics of sports reporting // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019b. № 449. S. 27–35.

18. Wilson Nick. Analysing team sports discourse: From interaction to identity // Te Reo: the Journal of the Linguistic Society of New Zealand. 2021. Vol. 64. Issue 2. P. 1–14.

19. Schirato Tony. Sports Discourse. London: Bloomsbury Academic, 2013. 184 p.

20. Benson S., Coxhead A. Technical single and multiword unit vocabulary in spoken rugby discourse // English for Specific Purposes. 2022. Vol. 66. P. 111–130.

21. Fedorova Claudia and Argounov Vasily. Metaphorical conceptualization in national sports // SHS Web Conf., 14th Session of Euro-Asian Law Congress «The value of law», 2021. 2022. Vol. 134.

22. Barseghyan Gevorg. Sports Idioms and Their Interpretation in Different Dimensions // Armenian Folia Anglistika. 2016. Vol. 12. P. 46–54. URL: https://www.researchgate.net/publication/349294766_Sports_Idioms_and_Their_Interpretation_in_Different_Dimensions (data obrashhenija: 27.01.2024)

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 26.04.2024; approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 821.111
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-213
EDN: SCWIQE

Политкорректная цензура в детской художественной литературе на английском языке

Елена Васильевна Шляхтина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
ElenaV_Yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9514-1479>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос внесения изменений в произведения детской художественной литературы, написанные в прошлом. В качестве материала выбраны работы таких известных писателей, как Р. Даль, Э. Блайтон, Р. Л. Стайн, М. Твен и Х. Ли. На протяжении десятилетий книги этих авторов пользовались большой популярностью у детской и взрослой аудитории. Однако в настоящее время они признаются неполицорректными, потому что способствуют распространению расизма, сексизма и других видов дискриминации. В связи с этим издательства редактируют исходные тексты, чтобы не задеть чувства современных юных читателей. Для этого из оригинальных произведений убираются все оскорбительные, с точки зрения редакторов, упоминания гендера, расы, нации, внешности и т. д. Взамен в текст добавляются нейтральные слова, а если таковых не находится, из текстов просто убирают некорректные единицы.

Данные изменения вызывают глубокие противоречия в обществе. Сторонники политкорректной цензуры настаивают на том, что в произведениях нужно использовать только уважительные слова и выражения для воспитания толерантности у молодого поколения. Противники правок заявляют, что нельзя менять текст без разрешения автора. Кроме того, по их мнению, вносимые изменения делают книги неинтересными; подобные произведения не могут ничему научить подрастающее поколение.

Таким образом, хотя целью политкорректности является налаживание дружеских отношений между различными группами населения, в действительности она способствует разжиганию конфликтов в обществе.

Ключевые слова: политическая корректность; детская художественная литература; цензура; оскорбление; дискриминация; расизм; сексизм; лукизм

Для цитирования: Шляхтина Е. В. Политкорректная цензура в детской художественной литературе на английском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 213–219. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-213>. <https://elibrary.ru/SCWIQE>

Original article

Politically correct censorship of children's fiction in the english language

Elena V. Shlyakhtina

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of theory and practice of translation, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
ElenaV_Yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9514-1479>

Abstract. This article examines the issue of making changes to works of children's fiction written in the past. The material for the study is the works of famous authors such as R. Dahl, E. Blyton, R. L. Stein, M. Twain and H. Lee. Their books have been popular with children and adults for decades. However, they are now considered to be politically incorrect. They are seen as promoting racism, sexism and other forms of discrimination. In this context, publishers edit the original texts so as not to offend the feelings of today's young readers. To this end, all references to gender, race, nationality, appearance, etc., that the editors find offensive, are removed from the original books. Instead, neutral words are added to the text. When it is impossible to do so, the offending phrases are simply omitted.

These changes create deep contradictions in society. Proponents of politically correct censorship insist that only respectful words and expressions should be used in the books in order to teach tolerance to the younger generation. Opponents of this policy say that the text should not be changed without the author's permission. They add that editing makes books boring and that they have nothing to teach the younger generation.

Thus, although the aim of political correctness is to build friendly relations between different groups of people, in reality it contributes to fuelling conflict in society.

Key words: political correctness; children's books; censorship; offence; discrimination; racism; sexism; lookism

For citation: Shlyakhtina E. V. Politically correct censorship of children's fiction in the english language. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):213–219. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-213>. <https://elibrary.ru/SCWIQE>

Введение

Рассматривая такой феномен, как политкорректность, необходимо подчеркнуть два важных момента. Во-первых, она является весьма неоднозначным явлением, у которого есть большое количество как сторонников, так и противников. Во-вторых, несмотря на спорность ряда положений, в настоящее время политкорректность играет важную роль в социокультурной, общественно-политической и многих других сферах жизни США и большинства западноевропейских стран. Она затрагивает все самые важные социальные темы, связанные с гендером, расой, нацией, религиозными верованиями, социальным статусом, возрастом, социоэкономическим положением и т. д. Политкорректность нельзя игнорировать, поскольку нарушение ее принципов может привести к потере репутации и даже к судебному разбирательству.

За последние несколько лет наблюдается неугасающий интерес к политкорректности в художественной литературе. Сторонники соблюдения политкорректных принципов настаивают на том, что в литературных произведениях необходимо отражать мультикультурализм, чтобы можно было познакомиться с работами представителей различных меньшинств. Кроме того, они полагают, что, если избегать слов и выражений, которые могут задеть чувства человека, и взамен использовать только единицы, которые призваны выразить уважение, это приведет к изменению восприятия этого человека и отношения к нему окружающих, а следовательно, и к смене ценностных ориентиров [Леонтович, 2021, с. 4], что, в свою очередь, сможет поспособствовать сокращению расизма, ксенофобии и других проявлений нетерпимости в обществе.

Обзор научных исследований в области изучения политкорректности

Постоянный интерес к данному феномену уже на протяжении многих лет обусловлен тем, что политкорректность стала неотъемлемым компонентом как американской культуры, так и культур других западноевропейских стран. Существуют различные подходы к ее анализу. В настоящее

время политкорректность часто рассматривают в рамках политического дискурса [Головин, 2023; Поцелуев, Курбатов, Маник, 2021]. Что касается лингвистических исследований, данное явление изучается с точки зрения социолингвистики [Мальгина, Иванова, 2021; Чернявская, 2021], гендерной лингвистики [Хухуни, Осипова, 2021]. Много внимания уделяется этнической политкорректности [Кожемякина, 2023; Крутых, Ляцу, Насонова, 2022; Ну, 2021] и изучению этической стороны данного явления [Moller, 2020; Howell, Smith, Pechenkina, Scifleet, 2023; Henningsen, Henningsen, 2022] и т. д.

Материал и методы исследования

Материалом для настоящего исследования послужили книги известных детских писателей Р. Даля, Э. Блайтон, Р. Л. Стайна, М. Твена и Х. Ли. В статье рассмотрены публикации, связанные с вопросом присутствия политкорректности в детской художественной литературе. В качестве метода используется сопоставительный анализ указанного выше материала и обобщения полученных данных.

Результаты исследования

Несмотря на то, что целью сторонников соблюдения политкорректности является желание выразить уважительное отношение к представителям различных меньшинств в произведениях художественной литературы, в действительности ситуация складывается весьма непростая. Боясь нарушить правила политкорректности и быть признанными расистами, сексистами и т. д., многие современные авторы избегают в своих произведениях обсуждать социально значимые темы, а также очень тщательно подбирают слова, чтобы не задеть чьих-либо чувств. Таким образом, многие важные для общества вопросы замалчиваются и намеренно исключаются из литературы.

Данное положение дел касается и произведений детской литературы. Более того, поскольку речь идет о подрастающем поколении, здесь цензура становится особенно жесткой. Это затрагивает как современные произведения, так и книги, созданные в прошлом.

К внесению изменений в работы, написанные много десятилетий назад и признанные во всем

мире, отношение весьма неоднозначное. Одни высказываются за ужесточение цензуры и внесение правок в уже существующие произведения, поскольку в текстах прошлого присутствует множество единиц, которые сейчас считаются оскорбительными. Другие полагают, что книги, написанные в прошлом, являются продуктом своего времени. Общество и его взгляды сильно изменились с тех пор, но именно тексты, созданные много лет назад, не дают нам забыть, что собой представляли прошедшие эпохи.

Противники изменений подчеркивают, что цензура в отношении детской литературы настолько жесткая, что наблюдаются явные перегибы. Для того чтобы показать всю смехотворность редактирования уже известных всем текстов, американский писатель Дж. Ф. Гарнер в 1994 году выпустил книгу *Politically Correct Bedtime Stories*, в которой высмеивает использование политкорректности в произведениях для детей. Он берет все известные сказки, например, Красную Шапочку, Белоснежку, Золушку и т. д. и заменяет в них политкорректными единицами слова, которые, по его мнению, могли бы обидеть читателя. При этом автор часто сам придумывает такие единицы, тем самым доводя ситуацию до абсурда [Garner, 1994]. Только в США было продано более двух миллионов экземпляров книги. Это свидетельствует о том, что тема присутствия цензуры в детской литературе весьма актуальна, и далеко не все поддерживают данную политику.

В течение последующих трех десятилетий с момента публикации книги в средствах массовой информации довольно часто возвращались к обсуждению данного вопроса. Однако ничего не менялось, детские книги продолжали редактировать с учетом требований политкорректности. Ничего не изменилось и сейчас. Доказательством этому служит очередной всплеск интереса к данному вопросу в 2023 году в связи с переизданием книг популярного английского писателя Р. Даля. Издательство Puffin Books приняло решение убрать из нового издания книг все единицы, которые не соответствуют требованиям политкорректности, чтобы юные читатели и сегодня смогли получить удовольствие от произведений этого автора [Gbogbo, 2023].

В первую очередь были убраны все слова и выражения, которые можно было бы считать проявлением сексизма. В новой редакции встречается целый ряд гендерно-нейтральных единиц. Например, в книге *The Enormous Crocodile* вместо *little boys and girls* употребляется *little children* [Alberge, 2023]; в романе *Matilda* вместо *mother*

and father редакторы использовали слово *parents* [Gbogbo, 2023]. В нескольких произведениях единицу *men* заменили словом *people*. Например: *Cloud-Men – the Cloud-People* (*James and Giant Peach*); *small men – small people* при описании народа *Oompa Loompas* (*Charlie and the Chocolate Factory*) [Greenfield, 2023].

Далее из произведений Р. Даля убрали указания на черный, белый и розовый цвета. В произведении *James and Giant Peach* при описании Червяка используется выражение *lovely smooth skin* вместо *lovely pink skin* [Greenfield, 2023]. В книге *Fantastic Mr. Fox* исчез черный цвет при описании тракторов *the machines were both black*, теперь машины просто представлены как *murderous, brutal-looking monsters* [Kirka, 2023].

Большое внимание редакторы уделили и внешности персонажей. В новом издании произведений отсутствуют прилагательные *ugly, tiny, titchy, fat* [Greenfield, 2023].

Поскольку сторонники политкорректности выступают против насилия, из книг Р. Даля убрали целые фрагменты текста, содержащие намек на проявление возможной агрессии. Например, в *Charlie and the Chocolate Factory* у героя Майка Тиви имеется 18 игрушечных пистолетов, которые свисают с его пояса по кругу (*hanging from belts around his body*). В новом издании пистолеты убрали, как и все предложения, которые с ними связаны [Greenfield, 2023].

Изначально издательство заявляло, что изменений будет немного. Однако на самом деле их оказалось большое количество, что вызвало волну негодования у читателей. В связи с этим было принято решение издать два варианта работ Р. Даля. Первый должен соответствовать всем нормам политкорректности, второй представляет собой оригинал без изменений (как часть «классической коллекции») [O'Connor, 2023].

Широкое освещение в СМИ переиздания работ Р. Даля привело к тому, что всеобщее внимание было обращено и на произведения других авторов, в которых также были обнаружены изменения. Например, много было сказано и написано в отношении работ другой известной британской писательницы Э. Блайтон, автора более 600 книг, предназначенных для детей. Ее произведения о детях-детективах, волшебные повести и сказки стали бестселлерами в 1930-х годах и до сих пор пользуются большой популярностью.

Несмотря на славу и известность писательницы, при жизни и после смерти ее критиковали за расизм, ксенофобию и отсутствие литературных достоинств. Как и в случае с книгами Р. Даля,

произведения Э. Блайтон подверглись коррективке.

В первую очередь, необходимо отметить изменение имен ряда персонажей, поскольку, по мнению издателей, они содержат расовый, сексуальный или другой подтекст, и их не следует упоминать в книгах для детей. Чтобы избежать нежелательных коннотаций изменили имя *Bessie* на *Beth*; *Fanny* превратилась в *Frannie*, а кузен *Dick* стал *Rick* (*The Magic Faraway Tree*). Вместо *Mary* и *Jill* появились *Zoe* и *Lucy* (*The Mystery of the Pantomime Cat*) [Hassan, 2021].

Далее недовольство читателей вызвало присутствие расизма в произведениях Э. Блайтон. Например, ее книгу *The Little Black Doll* признали расистской, поскольку в ней есть персонаж – игрушка по имени *Sambo*, которую не любил ни хозяин, ни другие игрушки, потому что у нее было *ugly black face*, но когда под «магическим дождем» лицо стало розовым, все подружилось с ней, и игрушка смогла вернуться домой [Cain, 2019].

Серия книг *The Noddy books* также считается расово предвзятой, потому что там есть персонажи со светлыми волосами и черные *golliwogs* (*golliwogs*). Существительное *golliwog* означает тряпичную куклу, изображающую чернокожего человека. Такие куклы были популярны в конце XIX – начале XX века. Слово со временем приобрело значение куклы-уродца и сейчас признается оскорбительным для чернокожего населения. В книгах его заменили на *teddy bears* или *goblins* [Hassan, 2021].

Стоит также сказать, что все упоминания цвета кожи и расовой принадлежности исчезли в новых изданиях. Например, из книг *the Famous Five* убрали фразу *as black as a nigger with soot* [Hassan, 2021].

Изменения коснулись и ситуаций неявно выраженного расизма. Например, исчезло слово *slave* во фразе *work like a slave*, теперь вместо него используется выражение *must work hard* [Sears, 2023].

Как и в книгах Р. Даля, из работ Э. Блайтон убрали все намеки на насилие. Из произведений исчезло слово *slap*. Например, в серии книг *The Magic Faraway Tree* учитель, которая применяла физические наказания, с говорящим именем *Dame Slap* превратилась в *Dame Snap*, учительницу, которая только кричит на детей [Gbogbo, 2023].

Далее из произведений исчез глагол *spank*. В сериях *Malory Towers* и *St. Clare's* его заменили словом *scold* [Bunbury, 2012], а в *Famous Five* – глаголом *talk*: в оригинале 1942 года дядя Квен-

тин сказал о своей дочери: *'Where's George? She wants spanking.'* В новой версии он говорит: *'She wants a good talking too.'* [Sears, 2023].

Писательницу также обвиняют в сексизме. Многие критики признают изображение мальчиков и девочек в ее работах дискриминационным [Mangan, 2005]. Например, в серии *The Famous Five* рассказывается о борьбе за власть между Джулианом, Диком и Джорджиной, которую в книгах называют Джордж. При этом женские персонажи либо ведут себя как мальчики, либо с ними разговаривают свысока, например, когда Дик отчитывает Джордж: *'it's really time you gave up thinking you're as good as a boy'*.

Упоминания о том, что короткие волосы Джордж делают ее похожей на мальчика, были удалены при пересмотре произведения *Five on a Hike Together*. Издательство руководствовалось тем, что девочкам не обязательно иметь длинные волосы, чтобы считаться женственными или нормальными [Bunbury, 2012].

В одной из сцен редакторы сократили слова дяди, удалив сравнение с мальчиками. В оригинальном тексте было: *Uncle Quentin ruffled George's short curly hair. 'And I'm proud of you too George,' he said. 'You're as good as a boy any day!'* В новом издании последнее предложение отсутствует [Sears, 2023].

Во избежание лукизма в текстах больше не встречается слово *fat*. Учительница французского языка Мамзель Дюпон изначально была *short, fat and round*, теперь она *short and round* [Sears, 2023].

В целом следует отметить, что изменений в произведениях Э. Блайтон так же много, как и в книгах Р. Даля.

Внесение правок в тексты коснулось и других авторов, например, известного американского писателя Р. Л. Стайна. В серии страшных историй для детей *Goosebumps* при описании героев из произведений убрали слова *rolly-poly*, *plump*, *overweight*; *crazy*, *a real nut*, *nutcase*; *girl's stuff* [Brown, 2023].

Романы М. Твена *The Adventures of Tom Sawyer* и *The Adventures of Huckleberry Finn*, а также Х. Ли *To Kill a Mockingbird* осудили за «расистский язык», несмотря на то, что на этих произведениях воспитывалась нетерпимость к расовой дискриминации у многих поколений американцев. Обвинения строятся на том, что в книгах присутствует множество оскорбительных указаний на расовую принадлежность персонажей. Например, у М. Твена слово *nigger* встречается более 200 раз в каждом из упомянутых произведений. Его заменили существительным *slave*, а *Indian* появилось

вместо *injun* [Blum, 2011]. Что касается романа Х. Ли, по мнению сторонников политкорректности, он увековечивает расистские взгляды, о которых все хотели бы забыть. Данная позиция хорошо иллюстрирует культурный релятивизм [Леонтович, 2021, с. 197]: ценности, которые считались само собой разумеющимися в прошлом, изменились в настоящем.

Выше рассмотрены лишь несколько авторов, изменения в работах которых привлекли внимание общественности в последнее время. Однако список произведений, которые признаны неполицорректными и в которые внесены правки, довольно длинный.

Как показывают приведенные выше примеры, изменения касаются, в основном, одних и тех же моментов. Из книг убираются все слова и выражения, которые читатель может счесть оскорбительными с точки зрения расы, национальности, гендера, внешности, возраста и других параметров. Вместо них предлагаются нейтральные единицы. Если таковых редакторы не могут найти, неполицорректные понятия просто опускаются. Это может касаться как отдельных слов, так и целых предложений или даже абзацев.

Следует также отметить, что жесткой критике подвергаются работы, написанные в прошлом, и все изменения производятся без согласия авторов, потому что многие из них уже умерли.

Далее редакторы и издательства при внесении правок в произведения часто руководствуются принципом упреждающего действия: из текстов исключаются даже те единицы, которые на первый взгляд не несут никакого оскорбительного смысла. Как указывает С. П. Поцелуев, отдельные слова или фразы признаются некорректными и запрещаются не потому, что они оскорбительны, но лишь из-за того, что они могут таковыми кому-то показаться [Поцелуев, Курбатов, Маник, 2021, с. 215].

Итак, приверженцы редактирования текстов настаивают на том, что при написании литературного произведения нужно избегать любых понятий, которые могут задеть чувства читателей. Это касается произведений, написанных как в настоящем, так и в прошлом. Они подчеркивают, что детская литература, основанная на принципах политкорректности, помогает с раннего возраста воспитать в детях терпимость и деликатность в общении, способствует избавлению от стереотипов в обществе и переосмыслению представления о нравственности и ценностных ориентирах.

Однако противники внесения изменений полагают, что политкорректная цензура препятствует

адекватному пониманию окружающей действительности, делает литературу скучной и не вызывающей сильных эмоций, из-за чего снижается воздействие на воображение читателей, что особенно важно для детской литературы. Создается идеализированная картина мира, в которой нет неравенства и дискриминации и которой на самом деле не существует. Такие книги не могут ничему научить детей.

Кроме того, выступающие против изменений настаивают на том, что нельзя ставить имя автора под словами, которые он не писал. В этом случае идет нарушение авторского стиля. Помимо этого, работы, написанные в прошлом, являются продуктом своего времени, который отражает ценности общества в определенную эпоху.

В результате, несмотря на то, что политкорректность призвана способствовать объединению людей в обществе, уходу от вражды и стереотипов, на самом она приводит общество к расколу. Разногласия будут и дальше продолжаться, поскольку и в будущем книги будут редактироваться в соответствии с требованиями политкорректности.

Библиографический список

1. Головин М. С. Идея политической корректности в политическом дискурсе современной Великобритании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 204–217.
2. Кожемякина В. А. Этнофолизмы в китайском языке как отражение расовой и этнической идентичности: вопросы политической корректности // *Literra*. 2023. № 6. С. 137–148.
3. Крутых Н. Г., Ляцу А. Д., Насонова Е. А. Феномен «политическая корректность» в терминологии американских СМИ по проблемам этнических меньшинств // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 6. С. 142–144.
4. Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 196–198.
5. Малыгина Е. В., Иванова А. М. Социолингвистические параметры формирования политической корректности в английском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7. № 3. С. 140–148.
6. Поцелуев С. П., Курбатов А. В., Маник А. С. Политическая корректность как политическая цензура: к иронии одного концепта // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 214–223.
7. Хухуни Г. Т., Осипова А. А. Гендерная политкорректность в переводах Библии // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. тр. Вып. 3 : Лингвокогнитивные модусы в парадигме общегуманитар-

ного знания. Москва : Университетская книга, 2021. С. 33–36.

8. Чернявская В. Е. Социальное значение в зеркале политической корректности // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Язык и литература. Том 18. №2. 2021. С. 383–399.

9. Alberge D. Roald Dahl threatened publisher with 'enormous crocodile' if they changed his words. 2023. URL: <https://www.theguardian.com/books/2023/feb/25/roald-dahl-threatened-publisher-with-enormous-crocodile-if-they-changed-his-words> (дата обращения: 21.05.2023).

10. Blum M. What the Huck? Censoring the «N-Word» in Twain's Classic Novel. 2011. URL: <https://www.wired.com/2011/01/what-the-huck/> (дата обращения: 11.10.2023).

11. Howell P., Smith J. D., Pechenkina E., Scifleet P. 'You're walking on eggshells': exploring subjective experiences of workplace tracking // Culture and Organization. Vol. 29. №. 6. 2023. P. 471–490.

12. Brown L. Goosebumps author R.L. Stine says publisher made 'woke' edits behind his back. 2023. URL: <https://www.news.com.au/entertainment/books-magazines/books/goosebumps-author-rl-stine-says-publisher-made-woke-edits-behind-his-back/news-story/f4538cabe3ded446e433e428b26c0677> (дата обращения: 02.08.2023).

13. Bunbury S. Rewrites a blight on Blyton's legacy ... by golly. 2012. URL: <https://www.smh.com.au/entertainment/books/rewrites-a-blight-on-blytons-legacy--by-golly-20120630-219f0.html> (дата обращения: 21.09.2023).

14. Cain S. Enid Blyton had racist views. But I still read her. 2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/sep/03/enid-blyton-racism> (дата обращения: 10.03.2023).

15. Garner J. F. Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for our Life and Time. John Wiley and Sons Inc. 1994. 79 p.

16. Gbogbo M. Revisions to Roald Dahl's books stoke anger about censorship, but authors say change is justified. 2023. URL: <https://www.abc.net.au/news/2023-02-23/authors-say-roald-dahl-isnt-above-editing/102012524> (дата обращения: 05.06.2023).

17. Greenfield D. Rewriting children's books to be politically correct. 2023. URL: <https://www.jns.org/rewriting-childrens-books-to-be-politically-correct/> (дата обращения: 11.05.2023).

18. Hassan J. Books by one of Britain's most famous children's authors branded racist. 2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2021/06/17/enid-blyton-books-racist/> (дата обращения: 03.06.2023).

19. Henningsen D. D., Henningsen M. L. M. Exploring the Effects of Policies Promoting Political Correctness in the Workplace // International Journal of Business Communication. Vol.59 (4). 2022. P. 583–597.

20. Hu L. Playing the Race Card: Did Racism Cause Anti-Immigrant Sentiment in Brexit? // Dartmouth Undergraduate Journal of Politics, Economics and World Affairs. 2021. Vol. 1, no. 2. Article 5.

21. Kirka D. Salman Rushdie decries 'absurd censorship' of Roald Dahl's classic children's books, with words like 'fat' removed. 2023. URL: <https://fortune.com/2023/02/19/salman-rushdie-decries-absurd-censorship-of-roald-dahl-classic-childrens-books/> (дата обращения: 25.04.2023).

22. Mangan L. The Famous Five – in their own words. 2005. URL: <https://www.theguardian.com/books/2005/dec/22/booksforchildrenandteenagers.comment> (дата обращения: 15.08.2023).

23. Moller D. Dilemmas of political correctness. Journal of Practical Ethics. 2020. URL: <http://www.jpe.ox.ac.uk/papers/dilemmas-of-political-correctness/> (дата обращения: 25.04.2023).

24. O'Connor R. Camilla forces U-turn in Roald Dahl censorship row. 2023. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/roald-dahl-puffin-censored-original-camilla-b2288880.html> (дата обращения: 27.06.2023).

25. Sears N. Five go woke: Enid Blyton's Famous Five and Malory Towers books get modern overhaul with innocent uses of 'gay' and 'brown' removed to avoid causing offence. 2023. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11791187/Five-woke-Enid-Blytons-books-modern-overhaul-avoid-causing-offence.html> (дата обращения: 13.05.2023).

Reference list

1. Golovin M. S. Ideja politicheskoj korrektnosti v politicheskom diskurse sovremennoj Velikobritanii = The idea of political correctness in the political discourse of contemporary Britain // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija. 2023. T. 25. № 1. S. 204–217.

2. Kozhemjakina V. A. Jetnofolizmy v kitajskom jazyke kak otrazhenie rasovoj i jetnicheskoj identichnosti: voprosy politicheskoj korrektnosti = Ethnopholisms in Chinese as a reflection of racial and ethnic identity: political correctness issues // Litera. 2023. №6. S. 137–148.

3. Krutyh N. G., Ljacu A. D., Nasonova E. A. Fenomen «politicheskaja korrektnost'» v terminologii amerikanskih SMI po problemam jetnicheskih men'shinstv = The phenomenon of «political correctness» in American media terminology on ethnic minority issues // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorij i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. 2022. № 6. S. 142–144.

4. Leontovich O. A. Politicheskaja korrektnost', inkluzivnyj jazyk i svoboda slova: dinamika ponjatij = Political correctness, inclusive language and freedom of expression: the dynamics of concepts // Russian Journal of Linguistics. 2021. T. 25. № 1. S. 196–198.

5. Malygina E. V., Ivanova A. M. Sociolingvističeskie parametry formirovanija politicheskoj korrektnosti v anglijskom jazyke = Sociolinguistic parameters of forming political correctness in the English language // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. 2021. Vyp. 7. № 3. S. 140–148.

6. Poceluev S. P., Kurbatov A. V., Manik A. S. Politicheskaja korrektnost' kak politicheskaja cenzura: k ironii odnogo koncepta = Political correctness as political censorship: to the irony of a concept / Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2021. № 1. S. 214–223.
7. Huhuni G. T., Osipova A. A. Gendernaja politkorrektnost' v perevodah Biblii = Gender political correctness in Bible translations // Jazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikacija: sb. nauch. tr. Vyp. 3: Lingvokognitivnye modusy v paradigme obshhegumantarnogo znaniya. Moskva: Universitetskaja kniga, 2021. S. 33–36.
8. Chernjavskaja V. E. Social'noe znachenie v zerkale politicheskoy korrektnosti = Social meaning in the mirror of political correctness // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Jazyk i literatura. Tom 18. №2. 2021. S. 383–399.
9. Alberge D. Roald Dahl threatened publisher with 'enormous crocodile' if they changed his words. 2023. URL: <https://www.theguardian.com/books/2023/feb/25/roald-dahl-threatened-publisher-with-enormous-crocodile-if-they-changed-his-words> (data obrashhenija: 21.05.2023).
10. Blum M. What the Huck? Censoring the «N-Word» in Twain's Classic Novel. 2011. URL: <https://www.wired.com/2011/01/what-the-huck/> (data obrashhenija: 11.10.2023).
11. Howell P., Smith J. D., Pechenkina E., Scifleet P. 'You're walking on eggshells': exploring subjective experiences of workplace tracking // Culture and Organization. Vol. 29. №. 6. 2023. P. 471–490.
12. Brown L. Goosebumps author R.L. Stine says publisher made 'woke' edits behind his back. 2023. URL: <https://www.news.com.au/entertainment/books-magazines/books/goosebumps-author-rl-stine-says-publisher-made-woke-edits-behind-his-back/news-story/f4538cabe3ded446e433e428b26c0677> (data obrashhenija: 02.08.2023).
13. Bunbury S. Rewrites a blight on Blyton's legacy ... by golly. 2012. URL: <https://www.smh.com.au/entertainment/books/rewrites-a-blight-on-blytons-legacy--by-golly-20120630-219f0.html> (data obrashhenija: 21.09.2023).
14. Cain S. Enid Blyton had racist views. But I still read her. 2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/sep/03/enid-blyton-racism> (data obrashhenija: 10.03.2023).
15. Garner J. F. Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for our Life and Time. John Wiley and Sons Inc. 1994. 79 p.
16. Gbogbo M. Revisions to Roald Dahl's books stoke anger about censorship, but authors say change is justified. 2023. URL: <https://www.abc.net.au/news/2023-02-23/authors-say-roald-dahl-isnt-above-editing/102012524> (data obrashhenija: 05.06.2023).
17. Greenfield D. Rewriting children's books to be politically correct. 2023. URL: <https://www.jns.org/rewriting-childrens-books-to-be-politically-correct/> (data obrashhenija: 11.05.2023).
18. Hassan J. Books by one of Britain's most famous children's authors branded racist. 2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2021/06/17/enid-blyton-books-racist/> (data obrashhenija: 03.06.2023).
19. Henningsen D. D., Henningsen M. L. M. Exploring the Effects of Policies Promoting Political Correctness in the Workplace // International Journal of Business Communication. Vol.59 (4). 2022. Pp. 583–597.
20. Hu L. Playing the Race Card: Did Racism Cause Anti-Immigrant Sentiment in Brexit? // Dartmouth Undergraduate Journal of Politics, Economics and World Affairs. 2021. Vol. 1, no. 2. Article 5.
21. Kirka D. Salman Rushdie decries 'absurd censorship' of Roald Dahl's classic children's books, with words like 'fat' removed. 2023. URL: <https://fortune.com/2023/02/19/salman-rushdie-decries-absurd-censorship-of-roald-dahl-classic-childrens-books/> (data obrashhenija: 25.04.2023).
22. Mangan L. The Famous Five – in their own words. 2005. URL: <https://www.theguardian.com/books/2005/dec/22/booksforchildrenandteenagers.comment> (data obrashhenija: 15.08.2023).
23. Moller D. Dilemmas of political correctness. Journal of Practical Ethics. 2020. URL: <http://www.jpe.ox.ac.uk/papers/dilemmas-of-political-correctness/> (data obrashhenija: 25.04.2023).
24. O'Connor R. Camilla forces U-turn in Roald Dahl censorship row. 2023. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/roald-dahl-puffin-censored-original-camilla-b2288880.html> (data obrashhenija: 27.06.2023).
25. Sears N. Five go woke: Enid Blyton's Famous Five and Malory Towers books get modern overhaul with innocent uses of 'gay' and 'brown' removed to avoid causing offence. 2023. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11791187/Five-woke-Enid-Blytons-books-modern-overhaul-avoid-causing-offence.html> (data obrashhenija: 13.05.2023).

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 05.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 28.04.2024; approved after reviewing 05.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 801.804

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-220

EDN: ULVKSU

Французские неологизмы-феминитивы как результат переосмысления в современном французском языке в сопоставлении с русским языком

Игорь Владимирович Скуратов^{1✉}, Наталия Глебовна Епифанцева²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

²Доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

¹iv.skuratov@guppros.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-0578-4855>

²nepifantseva@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-2231-0387>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос словообразования на примере форм женского рода существительных, переосмысленных на основе омонимии и суффиксации в современном французском языке с целью выявления различий между формами, принадлежащими разным категориям: словоизменение / словообразование. В последнем случае происходит процесс переосмысления и появления омонима. Особый интерес представляет сравнительный анализ феномена двойственности смысла, отражающей семантическое развитие слова во французском и русском языках с выявлением тенденций в неологии и неографии. Для достижения поставленной цели авторы изучают традиционные средства обозначения женского рода и современные тенденции оформления феминитивов, учитывая, через перцепцию, социолингвистические факторы, способствующие изменению среды, в которой происходит названная выше эволюция. Актуальность проблематики обусловлена лингвистическими и экстралингвистическими факторами: нормой французского литературного языка, которая в настоящее время все чаще нарушается вследствие экстралингвистических причин, среди которых освоение женщинами традиционно мужских профессий и, соответственно, потребность их обозначения, а также частотность использования ненормированных форм женского рода и не достаточная грамотность носителей языка. В этой связи отмечается возросший интерес лингвистов к феминитивам и их языковому статусу. В результате исследования выявлены феминитивы, образованные по традиционным моделям суффиксации (animateur / animatrice, coucheur / coucheuse); обозначения женского рода окончанием – e (étudiant / étudiante); формы существительных – профессий и должностей мужского рода, не имеющих феминитивов. Их отсутствие объясняется узальным фактором, а в более обобщенном плане – специфическими законами развития языка, на которые оказывают влияние социолингвистические факторы (обсуждение этичности их применения), историко-культурологические факторы (признание гендерных прав женщин в социуме и культуре языка) и др. Выводы, полученные в ходе исследования, подтверждают основное положение неологии о непрерывной эволюции словарного состава: в повседневном общении устаревшие слова выходят из употребления, на смену им приходят широко распространенные слова, которые, так сказать, «на слуху».

Ключевые слова: неология; словообразование; феминизация; гендер; термин; феминитивы; переосмысление; омонимия; суффиксы; окончание женского рода

Для цитирования: Скуратов И. В., Епифанцева Н. Г. Французские неологизмы-феминитивы как результат переосмысления в современном французском языке в сопоставлении с русским языком // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 220–227. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-220>. <https://elibrary.ru/ULVKSU>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

French neologisms-feminitives as a result of reinterpretation in modern french in comparison with the russian language

Igor V. Skuratov^{1✉}, Natalia G. Epifantseva²

¹Doctor of philological sciences, professor, department of germanic and romance philology, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24

²Doctor of philological sciences, professor, department of translation studies and cognitive linguistics, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24

¹iv.skuratov@guppros.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-0578-4855>

²nepifantseva@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-2231-0387>

Abstract. The article examines the word formation of feminine forms of nouns reinterpreted on the basis of homonymy and suffixation in modern french in order to identify the differences between the forms belonging to different categories: word modification / word formation. In the latter case, the process of reinterpretation and the emergence of a homonym takes place. Of particular interest is the comparative analysis of the phenomenon of dual meaning, reflecting the word's semantic development in french and russian with trends in neology and neography being identified. To achieve this goal, the authors study conventional means of designating feminine gender and current trends in forming feminines, taking into account, through perception, the sociolinguistic factors that contribute to changing the environment where the aforementioned evolution takes place. The relevance of the problem is due to linguistic and extralinguistic factors: the norm of the french literary language, which is nowadays increasingly violated due to extralinguistic reasons, among which are mastering traditionally male professions by women and, accordingly, the need to designate these professions, as well as the frequent use of non-standard feminine forms and insufficient literacy of native speakers. In this regard, there has been an increased interest of linguists in feminines and their linguistic status. The research shows feminines formed by traditional suffixation models (animateur / animatrice, coucheur / coucheuse); designations of feminine gender by the ending – e (étudiant / étudiante); noun forms of masculine professions and positions that do not have feminines. The absence of the latter is explained by the usage factor, and in a more generalized sense – by specific laws of language development, which are influenced by sociolinguistic factors (discussion of the ethics of their use), historical and cultural factors (recognition of women's gender rights in society and language culture), etc. The conclusions of the research confirm the main principle of neology about the continuous evolution of vocabulary: obsolete words fall out of use, they are replaced by widely used ones.

Key words: neology; word formation; feminization; gender; term; feminines; reinterpretation; homonymy; suffixes; feminine endings

For citation: Skuratov I. V., Epifantseva N. G. French neologisms-feminines as a result of reinterpretation in modern french in comparison with the russian language. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):220–227. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-220>. <https://elibrary.ru/ULVKSU>

Введение

Современную науку о языке можно охарактеризовать как мир существующих слов, часть которых становятся архаизмами, другие активно приобретают новую жизнь, в совокупности с новообразованиями, свидетельствующими о том, что окружающий нас мир постоянно меняется [Skouratov, 2021].

Большие преобразования в мире бросают новые вызовы, и французский язык всегда готов их принять. Как справедливо замечено, французский язык не есть музей, а это новаторская страна, которая в состоянии охватить весь диапазон меняющегося мира.

Уже в 18 веке геополитика характеризует французский язык как международный. В этой связи интересны высказывания французских философов эпохи Просвещения: например, Д. Дидро выдвигает точку зрения, согласно которой французский язык – единственный в ясности своего выражения / «cette langue est unique dans sa clarté d'expression» [Diderot, 1751].

Среди наших современников заслуживают внимания наблюдения М. Дрюона, утверждающего в своей речи о Франкофонии в 1988 году,

что французский язык – самый ясный, самый точный, один из наиболее поэтичных и кратких языков мира / «Le français est la langue la plus claire, la plus précise, il en est de plus poétiques, de plus brèves» [Druon, 1964].

Наряду с прекрасными качествами французского языка, ясностью, точностью и поэтичностью, следует также отметить такую его существенную характеристику, как активность в области неологии. Обращает на себя внимание наблюдение современного специалиста-лингвиста широкого круга интересов М. Кронгауза относительно «больших волн новых слов и значений, возникших на рубеже веков, а возможно, продолжающихся и дальше» [Кронгауз, 2019]. Порой, анализируя новые слова, мы понимаем, что за ними стоит целая историческая эпоха, которая имеет свою языковую философию.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ феномена двойственности смысла, отражающей семантическое развитие слова во французском и русском языках, с выявлением тенденций в неологии и неографии.

Для достижения поставленной цели авторы изучают традиционные средства обозначения женского рода и современные тенденции оформ-

ления феминитивов, учитывая, через перцепцию, социолингвистические факторы, способствующие изменению среды, в которой происходит названная выше эволюция.

Актуальность проблематики обусловлена лингвистическими и экстралингвистическими факторами: нормой французского литературного языка, которая в настоящее время все чаще нарушается вследствие экстралингвистических причин, среди которых освоение женщинами традиционно мужских профессий и, соответственно, потребность их обозначения, а также частотность использования ненормированных форм женского рода и не достаточная грамотность носителей языка.

Когнитивно-прагматический план высказывания в аспекте перцепции

Общеизвестно, что лингвисты, работающие в области когнитивно-прагматического плана высказывания, полагают, что с помощью языка человек накапливает, хранит и передает знания разного рода. В этой связи предпринимается попытка проанализировать информацию, которая скрывается за словами, приобретающими в современном языке, наряду с исконным, иное толкование, и влияют тем самым на языковую и концептуальную картины мира носителей русского и французского языков [Катагощина, 2012].

Подтверждением этого служит существительное *la bourrelle*. Femme chargée de l'exécution des peines ... (Sens figuré) Se dit d'une mère qui traite ses enfants avec une dureté excessive ou de toute femme ... [Dister, Moreau, 2006, p.14].

С одной стороны, данное существительное имеет прямое значение *женщина-палач*, а в переносном значении, мать, которая очень жестоко обращается с детьми.

Как отмечает ряд французских исследователей, феномен двойственности слов часто рождается из их омонимии. Примером может служить известное существительное женского рода *la cafetière*, которое вызывает протесты некоторых противников феминизации. Они возмущаются по поводу того, что слово, обозначающее предмет, может использоваться с тем же успехом для обозначения лица.

Pauvre cafetière !

Une *cafetière* /кофейница/, честная и услужливая, вела незамысловатую жизнь до тех пор, пока она не появилась на страницах изданий по про-

блемам феминитивов, как параллель формы *cafetier*:

– Comment, Madame, peut-on imaginer qu'on vous puisse ainsi vous dénommer? Le terme a un autre sens. /Мадам, возможно ли представить, как Вас называют? Это термин, все-таки, имеет другое значение.

– Certes. Mais pourquoi donc *cafetière* (terme) vous gêne-t-il, et pas chancelière, chiffonnière, cuisinière, jardinière, lingère, religieuse, ni les masculins *beurrier, cadre, cavalier, confiturier, conseiller, facteur, financier, glacier, huilier, laitier, moniteur, pasteur, plongeur, principal*. / Конечно, но почему же термин кофейница вас смущает, а канцелерина, * шмотница, кухарка, садовница, прачка, монашка, вас не смущают, равно как формы муж.р * масленник, кадр, всадник, бочонок, советник, почтальон, финансист, ледник, графинчик, молочник, монитор, пастырь, пловец, директор (колледжа).

– *Rapporteur, secrétaire, sucrier, tuteur, vinaigrier, valet, voilier*, et bien d'autres encore? Pensez-vous que la langue idéale associe toujours un seul sens à une forme? [Ibid., p. 33–34] / Докладчик, секретарь, сахарница, наставник, сосуд (для уксуса), слуга, парусник, а ведь есть еще и другие?

Общеизвестно, что полисемия свойственна всем человеческим языкам, если при малейшем отклонении от правил любой язык в любую эпоху должен рассматриваться как «malade» (с нарушениями норм).

Существительное *la cafetière* с указанным новым значением до настоящего момента не зафиксировано ни в одном из словарей.

Вместе с тем, многие словари, старые или современные, фиксируют это слово со следующими значениями: «та, которая продает кофе = celle qui vend du café», «та, которая продает готовый кофе = celle qui vend du café tout fait», «та, которая держит кафе = celle qui tient un café», «владелица паба = tenancière d'un débit de boissons».

Более того, мы действительно должны располагать словарем, чтобы знать, что это словообразовано согласно правилам [Балута, Епифанцева, 2016].

Интересно, что лица, говорящие на немецком, английском, испанском или итальянском языках, реально не благоговейт перед словарем также как и франкофоны.

Да, но если согласиться с этим, то почему исследуемое слово в искомом значении не было никогда употреблено никем из писателей.

Конечно, намного легче найти литературное подтверждение значений существительных, таких как *bergère, comtesse, princesse*, нежели существительных *servante, cafetière*, которые в определенном смысле считаются отзвуком некой романтической вселенной.

Сказанное не мешает тому, что интересующее нас существительное употребляется различными авторами, начиная с 18 века. (Ремарка: первая парижская кофейня открывается в 1672 году; невозможно найти существительное кофе (*café*) в указанном значении у авторов 16 века!), как на это указывают следующие цитаты:

– (...) *cette cafetière, qui est une grande et grosse Hollandaise, au lieu de prendre son argent, lui avait serré la main en fermant en même temps la sienne* [Du Noyer, 1710–1711, p. 87].

– «On courtise les cafetières: toujours environnées d’hommes, il leur faut un plus haut degré de vertu, pour résister aux tentations fréquentes qui les sollicitent» [Mercier, 1782].

– «S’il est seul, il entretient le garçon affairé, la cafetière qui change la monnaie...» [Ibid., ch. 96].

– «Les coiffures chinoises de la belle cafetière, au luxe de laquelle contribuaient les gros bonnets de Soulanges» [Balzac, 1844, p. 312].

– «Plus récemment, un roman intitulé *La cafetière* (Actes Sud, 1995), met en scène une tenancière de café-tabac» [Raymond, 1833, p. 34].

Более современный пример – название романа «Кофейница», в котором это слово выступает как главный персонаж, хозяйка заведения «Кофе-Табак». Термин «*cafetière*» не считается литературным: в частности, уже с 1833 года его использовали чиновники в департаменте Верхняя Юра для обозначения женщин, владелиц кафе.

Действительно, выдвигая аргумент двусмысленности, мы признаемся в глубоком незнании языка, то есть, полагаем, что одной форме, графической или звуковой, соответствует один смысл.

В современных естественных языках этот принцип не всегда соблюдается.

Достаточно открыть словарь, чтобы убедиться в том, что большинство слов многозначны.

Аргумент в пользу омонимии используют часто в качестве примеров названия орудий труда с суффиксом – *euse* (*moissonneuse* и др.)

Противники феминизации существительных не берут во внимание тот факт, что французский язык обозначает мужским родом как одушевленные, так и неодушевленные предметы: *décodeur*,

diffuseur, analyseur, batteur, adaptateur, distributeur, émetteur.

Омонимия

Омонимия как аргумент выдвигается противниками теории феминизации прежде всего для того, чтобы скрыть под маской защитников чистоты языка их неприятие языковых изменений.

Двусмысленность, которая определяется как непреодолимое препятствие для пользователей языка, приводится аргументом против еще одной категории женского рода – так называемых сопряженных форм.

Во французском языке с давних времен существуют формы *ambassadrice, colonelle* или *générale* и т. п.

Эти формы далеко не новы, но их особенность в том, что форма женского рода обозначает супругу мужчины, занимающего эту должность или пост [Корж, Скуратов, 2023].

Так, в армии в течение многих веков женщине отводилась вспомогательная роль сопровождения в качестве маркитантки, прачки, сестры милосердия и пр., но не война (воительницы), за исключением примера Жанны д’Арк.

Начиная с эпохи Французской революции, входят в употребление формы ж.р. *colonelles, générales, maréchales*, но лишь для обозначения жён *colonels, généraux, maréchaux*, в то время как жены капралов, сержантов (**caporales, *sergente*) не удостоились чести супруг высших военных чинов и не устраивали пышных приемов.

В настоящее время доступ в армию многих стран открыт для женщин, и они постепенно поднимаются по служебной лестнице.

Но, несмотря на успехи некоторых личностей, требующих обозначения своего военного звания формой женского рода *colonelle* или *majore*, а также на усилия прессы, находящей в этих феминизированных формах пикантность, феминизации так и не удается завоевать этот бастион мужских профессий.

Правда, на страницах очень серьезной французской газеты «*Journal officiel*» используются феминитивы: *des générales* (генеральши), *des majors* (*майорши), *des commandants* (командирши), *des aspirantes de réserve* (унтер-офицерши) и т. д. [Journal officiel, 2006].

В религиозной практике *le général* и *le supérieur* возглавляет духовное братство.

Вряд ли в этом случае форму женского рода (*la générale*) можно рассматривать как обозначение супруги настоятеля (*le général*).

Форма женского рода (*la générale*) в таком контексте может обозначать главу сестринского духовного сообщества: *la générale* – это форма, обозначающая собственно статус, со значением, отличающимся от того, который имеют *des générales*, занимающиеся приемами и прочими обязанностями супруги армейского генерала.

Этот факт подчеркивает лишний раз, что в прошлом носители языка-франкофоны были более восприимчивы к языковым изменениям и более свободно использовали формы женского рода для гендерного обозначения.

Конечно, формы женского рода использовались для обозначения женщин, занимающихся традиционно мужскими профессиями, например, *pharmacienne*, *préfète*, *présidente*.

В XIX в. появилась форма *étudiante* в значении подруги студента: «*J'ai dîné dans le même restaurant que trois étudiants ayant chacun son étudiante*» / Я обедал в том же ресторане, что и трое студентов со своими подругами [*Mérimée*, 1870, р. 294].

Пейоративность

Некоторые формы женского рода выражают значение уничижительного оттенка, некоторой вульгарности.

У противников феминизации это служит поводом для фривольных шуток и сомнений в существовании самого процесса феминизации наименований профессий.

В качестве примера рассмотрим наименование университетской должности термином *le doyen*. Это – лицо, в общем случае, мужчина, возглавляющий факультет.

Для обозначения декана-женщины применялась форма мужского рода, тогда как форма женского рода считалась уничижительной с намеком на глубокую старость.

Впрочем, трудно объяснить более преклонный возраст *la doyenne* («деканши») по сравнению с *le doyen* (деканом), значение которого включает семантический компонент «старейший».

Спортивный термин *la sauteuse* (прыгунья) также выражает некоторую уничижительность, заключенную в сексуальном намеке.

В этом случае также трудно объяснить, почему коннотация затрагивает только форму женского рода и не распространяется на форму мужского рода.

Впрочем, родители ребенка, который по возвращению из школы хочет им рассказать о своей

maîtresse (учительница; любовница), вряд ли поймут его неоднозначно.

На статусном различии между формами мужского / женского рода построена песня французской рэп-группы «Fatal Bazooka»:

Un coureur c'est un jogeur et une coureuse c'est une pute

Un chauffeur il conduit le bus et une chauffeuse c'est une pute

Un entraîneur c'est un coach sportif et une entraîneuse ben c'est une pute.

В том же ключе Ягелло выявляет различие восприятия форм мужского / женского рода коллективным сознанием слушателей:

Une femme galante est une femme de mauvaise vie (дурного образа жизни), *un homme galant est un homme bien élevé* (хорошо воспитанный).

Une honnête femme est une femme vertueuse (порядочная), *un honnête homme est un homme cultivé* (добропорядочный, честный).

Une femme savante est ridicule (смешна), *un homme savant est respecté* (уважаем).

Une femme légère l'est de moeurs (легкого поведения). *Un homme s'il lui arrive d'être léger, ne peut l'être que d'esprit* (может быть только легкомысленным).

Une fille / une femme facile (доступная), не существует сочетания *un homme facile*; *une femme de petite vertu* (безнравственная), не существует сочетания *un homme de petite vertu*; *une femme de mauvaise vie* (распутная, гулящая), о мужчине скажут, что он «*Don Juan*» (или «ходок»); *une faible femme* (слабая), не существует сочетания *un faible homme*, *un homme faible de* (снисходительный) [Yaguello, 2002, р. 179].

Что касается имен, оформленных суффиксом *-euse*, о которых было сказано выше, то значение уничижительности им присуще уже давно.

Уже в начале прошлого века грамматисты Ж. Дамурет и Э. Пишон (1911–1940) доказательно продемонстрировали девалоризацию значения форм на *-euse*, используемых для наименования орудий труда [Damourette et Pichon, 1911–1940].

Имена орудий труда созданы исключительно «по подсказке».

Можно сказать, что их прототипом стала *la pondeuse* (курица-несушка), одушевленный предмет женского рода, функциональная плодовитость которой проявляется в бесконечно повторяемом акте.

Нельзя рассматривать *la pondeuse* как механизм, а вот *la souveuse mécanique* (инкубатор) как функциональный соперник несушки был изобретен человеком, это слово женского рода, и оно не изменяется по родам. То же самое можно сказать о таких орудиях труда, как *les balayeuses, ébarbeuses, raboteuses, faucheuses, moissonneuses, perforatrices* etc., выполняющих одну и ту же функцию, причем, экстралингвистическая составляющая значения определяет их пассивность.

Наименования этих орудий труда могут иметь только форму женского рода.

И, наоборот, такие имена, как *le curseur, le viseur, le remorqueur*, самостоятельные, самоценные объекты, обозначены формой мужского рода.

Если предположить существование формы *la viseuse*, нужно представить себе устройство, которое ищет цель автоматически, под влиянием нейтральной силы.

Очевидно, насколько это устройство будет отличаться от *le viseur* – независимого приспособления с правилами пользования, которые следует знать, и который как бы становится частью свободы человека, манипулирующего им.

Если предположить, что суффикс *-euse* выражает значение уничтожительности [Лиходкина, Елифанцева, 2021], то нужно забыть о продуктивном процессе образования слов, не имеющих отрицательную коннотацию: *accoucheuse, amoureuse, berseuse, danseuse, merveilleuse, sérieuse, veilleuse, visiteuse, voyageuse, vertueuse...*

Как замечает один из читателей газеты «Le Monde» в блоге, собирающем разделившиеся мнения по поводу форм женского рода. *gouverneuse / gouverneur*: «*la gouverneuse*, со своим закрытым гласным [e], а также *charmeuse, conteuse, disease, chaleureuse* и другие завораживающие и захватывающие слова, к тому же *frileuse, haineuse...* Короче, ничего не нужно!!!» [Le Monde...].

Благозвучие

Противники феминизации не знают, конечно, того, что концепт «благозвучие» исчерпал свои ресурсы и в настоящее время не используется серьезными грамматистами.

Следует заметить, что выявленные в языке неблагозвучные сочетания, не относящиеся к феминизации; никого не волнуют.

В дискуссии по вопросу феминизации неблагозвучие выдвигается как один из основных аргументов: одни формы жен.р. трудно произноси-

мы, другие – режут слух, более того, есть формы, которые противоречат французскому произношению.

Так, защитник классических традиций французского языка Ф. Брюнетьер замечает по этому поводу: «Если судебная исполнительница (*huissière*) и исследовательница (*chercheuse*) трудно произносимы или режут слух некоторым, то это не языковая проблема, а вопрос надуманного сопротивления или идеологии» [Brunetière, 1998].

Потому что каждый(ая) из нас очевидно согласен с тем, что *epicière* и *vendeuse* не вызывают подобной реакции, принимающей размах эпидемии, что они благозвучны и легки в произношении.

Доказано ли безобразное сочетание звуков формы жен.р. *la juge*, тогда как фраза: *je la juge satisfaisante* не вызывает ни у кого эстетических сомнений? Так же формы жен.р. на *-euse* (и они тоже), которые видимо страдают неблагозвучием (см. примеры выше). Или такие особые формы, как: *-vaine* в слове *écrivaine* (писательница, где некоторые понимают *-vaine* как напрасная), следствием чего будет, по-видимому, девальвация женщин. А в слове *écrivain* (писатель) *-vain* не понимается как тщетный, напрасный?

Итак, можно сказать: *je mange une tarte, je mange la tarte, je mange de la tarte*. При замене глагола *manger* на *se contenter* не возникает никаких проблем в первых двух случаях: *je me contente d'une tarte, je me contente de la tarte*. Эквивалентом третьей фразы будет: *je me contente de tarte, а не * je me contente de de la tarte*. Некоторые грамматисты объясняют такое построение тем, что повторение предлога *de de* неприятно для слуха.

В то же время никого не шокируют построения типа: *je vous demande de deviner; la commande de Denise; la journée chaude de demain* с тройным повтором *de de de* [Ibid., 1998].

Заключение

Рассмотрение феминитивов современного французского языка в сопоставлении с русским приводит к следующим выводам.

1. Феминизация наименований профессий и должностей осуществляется по словообразовательным моделям:

– оформление наименования мужского рода окончанием *-e*;

– оформление суффиксом женского рода *-euse, -trice* существительных мужского рода на *-eur*;

– переосмысление значения наименования профессий и должностей без изменения морфологической формы женского рода существительного.

Результатом переосмысления становится смысловая двойственность существительных-омонимов, принадлежащим различным категориям (словоизменение / словообразование).

2. Феминизация характерна для французского и русского языков. При этом высказывается мнение специалистов и не только о формировании «специфического языка» [Лукьянова, 2024, с. 15] как значимого фактора в области образования и манипуляции общественным мнением, в частности признания гендерного равноправия женщин.

3. Сопоставительный анализ суффиксального образования феминитивов во французском и русском языках подтверждает наличие сходных и различительных черт их характеристик. Имя деятеля и наименование профессии и должности образуются в них формами суффикса, восходящего к латинскому -ог. Суффиксальное образование новых слов в обоих языках осуществляется согласно словообразовательной системе языка. Основные различия сравниваемых языков кроются в их грамматическом строе. Французский язык характеризуется преимущественно аналитическим строем, который предполагает выражение рода альтернативными формами артикля.

Русский язык, в значительной степени синтетический, использует родовое окончание как «показатель женскости», в то время как детерминативы не восполняют в полной мере функцию французского артикля. Так, в русском языке допустимы, со времен революции, гендерно-нейтральные формы, например: «Я, как заведующий культотделом дома...» [Булгаков, 2021].

Трудно предположить судьбу феминитивов, но они перешагнули порог частотности употребления. Эти странные гендерные грамматические образования нуждаются в лингвистическом статусе и фиксации в словарях.

Библиографический список

1. Балута А. А., Епифанцева Н. Г. Суффиксы имен деятеля и их эволюция в индоевропейских языках. Москва : Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. № 3. 2016. С. 22–29.
2. Булгаков М. Собачье сердце. URL: https://biblioteka-online.info/book/sobache-serdtse/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 13.02.2021).
3. Кронгауз М. Феминитивы укоренятся, если изменится сама наша жизнь // Культура. № 8. 2019.

4. Лиходкина И. А., Епифанцева Н. Г. Сравнительно-сопоставительный анализ категорий рода и числа во французском и итальянском языках в аспекте их влияния на адекватность перевода. Москва : Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. № 4. С. 164–168.

5. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. Москва : КомКнига, 2012. 112 с.

6. Корж В. И., Скуратов И. В. К проблеме суффиксального образования феминитивов в современном французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2023. №1(32). С. 166–173.

7. Лукьянова А. Авторка задела за живое. URL: www.kp.ru (дата обращения: 24.01.2024)

8. Brunetière V. «La féminisation des noms de métiers». *Propos de linguiste sur une affaire de tout le monde*. Lunes, n. 2, 1998.

9. Damourette J. et Pichon Ed. *Des mots à la pensée. Essai de la grammaire de la langue française, tome 1*. Paris, D'Artay, 1911–1940, p. 138.

10. Diderot D. *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Paris, 1751–1765. T. 1–28.

11. Dister A., Moreau M.-L. *Féminiser ? Vraiment pas sorcier! La féminisation des noms de métiers, fonctions, grades et titres*. Bruxelles : Editions Duculot, 2009. 207 p.

12. Druon M. *Notes et Maximes sur le pouvoir*. Paris : Hachette, 1964. 93 p.

13. De Balzac H. *Les Paysans*. 1844–1850. p. 312.

14. Le Monde. URL: <http://correcteurs.blog.lemonde.fr/2008/09/03/gouverneurs-gouverneurs/> (дата обращения: 31.01.2024)

15. *Journal officiel*. № 228. du 1er octobre 2000. № 155. du 6 juillet 2006.

16. Mercier L. *Tableau de Paris*. 1782. ch. 71.

17. Mérimée P. *Lettres Mme de La Rochejacquelein*. 1870. P. 294.

18. Du Noyer *Mémoires*. 1710–1711. t. 5. p. 87.

19. Raymond J. *La lectrice*. 1833. p. 34.

20. Skouratov I. V. *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain : monographie: на франц. яз. 2-е изд., доп.* Москва : МГОУ, 2021. 154 с.

21. Yaguello M. *Les mots et les femmes. Essai d'approche socio-linguistique de la condition féminine*. Paris : Payot, 2002. P. 179.

Reference list

1. Baluta A. A., Epifanceva N. G. *Suffiksy imen dejatelja i ih jevoljucija v indoevropskih jazykah = Suffixes of the actor names and their evolution in Indo-European languages*. Moskva : Vestnik MGOU. Serija Lingvistika. № 3. 2016. S. 22–29.
2. Bulgakov M. *Sobach'e serdce = The Dog's Heart*. URL: https://biblioteka-online.info/book/sobache-serdtse/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (data obrashhenija: 13.02.2021).

3. Krongauz M. Feminitivy ukorenjatsja, esli izmenitsja sama nasha zhizn' = Feminitives will take root if our very lives change // Kul'tura. № 8. 2019.
4. Lihodkina I. A., Epifanceva N. G. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz kategorij roda i chisla vo francuzskom i ital'janskom jazykah v aspekte ih vlijanija na adekvatnost' perevoda = Comparative analysis of the genus and number categories in French and Italian in terms of their influence on the adequacy of translation. Moskva : Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija Gumanitarnye nauki. № 4. S. 164–168.
5. Katagoshhina N. A. Kak obrazujutsja slova vo francuzskom jazyke = How words are formed in the French language. Moskva : KomKniga, 2012. 112 s.
6. Korzh V. I., Skuratov I. V. K probleme sufiksalnogo obrazovanija feminitivov v sovremenном francuzskom jazyke = Toward the problem of feminitives suffixal formation in the modern French language // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2023. №1(32). S. 166–173.
7. Luk'janova A. Avtoroka zadela za zhivoe = The authoress hit a nerve. URL: www.kp.ru (data obrashhenija: 24.01.2024)
8. Brunetière V. «La féminisation des noms de métiers. Propos de linguiste sur une affaire de tout le monde». Lunes, n. 2, 1998.
9. Damourette J. et Pichon Ed. Des mots à la pensée. Essai de la grammaire de la langue française, tome 1. Paris, D'Artay, 1911–1940, p. 138.
10. Diderot D. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1751–1765. T. 1–28.
11. Dister A., Moreau M.-L. Féminiser ? Vraiment pas sorcier! La féminisation des noms de métiers, fonctions, grades et titres. Bruxelles : Editions Duculot, 2009. 207 p.
12. Druon M. Notes et Maximes sur le pouvoir. Paris : Hachette, 1964. 93 p.
13. De Balzac H. Les Paysans. 1844–1850. p. 312.
14. Le Monde. URL: <http://correcteurs.blog.lemonde.fr/2008/09/03/gouverneus-gouverneurs/> (data obrashhenija: 31.01.2024)
15. Journal officiel. № 228. du 1er octobre 2000. № 155. du 6 juillet 2006.
16. Mercier L. Tableau de Paris. 1782. ch. 71.
17. Mérimée P. Lettres Mme de La Rochejacquelein. 1870. P. 294.
18. Du Noyer Mémoires. 1710–1711. t. 5. p. 87.
19. Raymond J. La lectrice. 1833. p. 34.
20. Skouratov I. V. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain : monografija: na franc. jaz. 2-e izd., dop. Moskva : MGOU, 2021. 154 s.
21. Yaguello M. Les mots et les femmes. Essai d'approche socio-linguistique de la condition féminine. Paris : Payot, 2002. R. 179.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 24.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 811.13
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-228
EDN: SUXSVP

Языковая политика современной Испании в фокусе общественного мнения

Элеонора Вадимовна Шулятева

Ассистент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 400005, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27
elleshy@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6058-1270>

Аннотация. В данной научной статье представлено исследование общественного мнения относительно языковой политики в Испании на основе разработанного автором социолингвистического опроса. Автор статьи анализирует отношение испанского населения к различным аспектам языковой политики, включая законодательные акты, институты и механизмы регулирования языковой ситуации в стране, а также влияние региональных органов управления и общественных организаций на этот процесс. Статья освещает важнейшие аспекты языковой политики в Испании, включая статус региональных языков, роль испанского (кастильского) языка как официального языка страны и воздействие международных языковых тенденций и процессов глобализации на общественное мнение испанцев. Результаты опроса позволяют выявить предпочтения и ожидания испанского населения относительно использования языков в сферах образования, массмедиа, государственных учреждений и повседневного общения. Исследование раскрывает спорные вопросы и различия во взглядах испанского общества на эффективность проводимой языковой политики, предоставляя ценный материал для понимания языковой динамики и актуальной ситуации в разных регионах государства. Особое внимание в исследовании уделено использованию англицизмов испанцами в различных социальных сферах. Результаты опроса указывают на то, что языковая ситуация в Испании характеризуется активным внедрением английских лексем в повседневную речь и профессиональную деятельность населения. Полученные данные в рамках исследования способствуют более глубокому пониманию восприятия и оценки языковой политики Испании со стороны местного населения, а также предоставляют ценные данные для дальнейшего изучения языковой политики Испании.

Ключевые слова: языковая политика; социолингвистика; языковая ситуация; национальные языки; социолингвистический опрос; языковое многообразие; миноритарные языки; Испания

Для цитирования: Шулятева Э. В. Языковая политика современной Испании в фокусе общественного мнения // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 228–235. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-228>. <https://elibrary.ru/SUXSVP>

Original article

Modern spanish language policy in the focus of public opinion

Eleonora V. Shulyateva

Lecturer at the department of romance philology, Volgograd state socio-pedagogical university. 400005, Volgograd, V. I. Lenin ave., 27
elleshy@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6058-1270>

Abstract. This article presents a study of public opinion on language policy in Spain based on a sociolinguistic survey designed by the author. The author analyzes the Spanish population's attitude to various aspects of language policy, including legislative acts, institutions and mechanisms for regulating the language situation in the country, as well as the influence of regional governments and public organizations on this process. The article highlights the key aspects of language policy in Spain, including the status of regional languages, the role of spanish (castilian) as the official national language, and the impact of international language trends and globalization processes on spanish public opinion. The survey results show the preferences and expectations of the spanish population regarding the use of languages in education, mass media, government institutions, and everyday communication. The study considers controversial issues and differences in the views of spanish society on the effectiveness of the language policy, providing valuable insights into language dynamics and the current situation in different regions of the country. Special attention is paid in the research to the use of anglicisms by spaniards in various social spheres. The survey results

indicate that the language situation in Spain is characterized by the active incorporation of english lexemes into people's everyday speech and professional activities. The data obtained in the course of the study contribute to a deeper understanding of the perception and attitude to Spain's language policy on the part of the local population, and provide valuable information for further research on Spain's language policy.

Key words: language policy; sociolinguistics; language situation; national languages; sociolinguistic survey; linguistic diversity; minority languages; Spain

For citation: Shulyateva E. V. Modern Spanish language policy in the focus of public opinion. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):228–235. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-228>. <https://elibrary.ru/SUXSVP>

Введение

В условиях активной глобализации, когда в обществе происходит заметная переоценка ценностей, язык приобретает особое значение в рамках этнической составляющей. В ситуации усиления языковой глобализации возрастает необходимость сохранения уникальных национальных культур, защиты миноритарных языков и разрешения межэтнических конфликтов, где язык становится ключевым фактором.

Процессы глобализации требуют дополнительных усилий для сохранения культуры, традиций и языка народа. В странах с многонациональным и многоязычным составом населения решение этой проблемы связано с возникновением напряженности в отношениях между властями и языковыми меньшинствами относительно использования официального языка нации и языков меньшинств в различных областях. У. Лопес Моралес, изучающий взаимосвязь глобализации и испанского языка, считает, что сегодня явления глобализации значительно воздействуют на всё испаноязычное сообщество [López Morales, 2004].

Существующий международный опыт свидетельствует о том, что наиболее значимые успехи в области сохранения и развития языков достигаются государствами, которые принимают специальные законодательные меры по обеспечению языковых прав своих граждан, в том числе и представителей национальных меньшинств.

Языковая политика имеет высокую значимость в контексте решения проблем языка в многонациональном обществе, поскольку она оказывает влияние на сохранение и развитие языков в государстве, а также способствует формированию общественно-политической среды.

Вопросы языковой политики активно затрагивались в исследованиях многих отечественных лингвистов, среди которых выделяются такие ученые, как В. А. Аврорин [Аврорин, 1970]; В. М. Аплатов [Аплатов, 2013]; Г. М. Горенко [Горенко, 2019]; Д. Ю. Гулинов [Гулинов, 2011]; А. А. Евдокимова [Евдокимова, 2014];

В. Ф. Наумов [Наумов, 2016]; Т. А. Собченко [Собченко, 2016] и А. Д. Швейцер [Швейцер, Никольский, 1978].

Такие зарубежные ученые, как Х. Аргелагет [Argelaguet, 1998]; М. Альвар [Alvar, 1987]; У. Лопес Моралес [López Morales, 2004]; М. Молинер [Moliner, 2000]; Х. К. Морено Кабрера [Moreno Cabrera, 2021]; Х. М. Перес Медина [Pérez Medina, 2011]; М. Сигуан [Siguán, 1992]; Б. Спольски [Spolsky, 2004]; Э. Хауген [Хауген, 1975]; Х. Эreras [Herrerias, 2006] также рассматривали вопросы языковой политики в своих научных трудах.

В современных условиях языковая политика является важным инструментом, который регулирует процессы развития функционального потенциала языков. Национально-языковая политика засвидетельствована государством и осуществляется через три ключевых компонента: языковую практику, языковую идеологию и языковой менеджмент [Spolsky, 2024]. Языковая политика должна быть ориентирована на интересы и потребности общества, однако иногда она может превратиться в инструментальное средство для продвижения политических идеалов и не всегда соответствовать потребностям населения. Такая ситуация тесно связана с ролью языка в формировании национальной идентичности и культуры.

Различные аспекты, которые охватывает языковая политика, определяют подходы к ее пониманию и классификации с учетом различных ее типов. В научных исследованиях, проведенных как отечественными, так и зарубежными лингвистами, можно встретить разные истолкования данного феномена. Например, отечественный языковед В. А. Аврорин определяет языковую политику как систему осознанных мер, направленных на управление функциональной стороной языка и, в некоторой степени, его структурой [Аврорин, 1970]. В своей научной статье Д. Ю. Гулинов предлагает другую концепцию языковой политики, рассматривая ее как систему специализированных мероприятий и законодательных актов, которые контролируются государ-

ством или общественными институтами [Гулинов, 2014]. В свою очередь, Л. Б. Никольский предлагает более широкое определение этого термина и представляет языковую политику как совокупность мер, принимаемых для изменения или сохранения текущего функционального распределения языков или форм его существования, введения новых или сохранения существующих языковых норм [Никольский, 1976].

Языковая политика Испании является предметом интереса и для многих испанских ученых. В их работах отражены различные аспекты этой политики и ее влияние на использование языка. Так, испанский лингвист А. Алонсо определяет языковую политику как совокупность мер и стратегий, осуществляемых политическими и образовательными властями, направленных на регулирование, поощрение или ограничение использования языка или языковых разновидностей в данном контексте [Alonso, 2020]. Х. К. Морено Кабрера рассматривает языковую политику как набор решений и действий, направленных на влияние использования, планирование и статус одного или нескольких языков в определенном сообществе или территории [Moreno Cabrera, 2021]. В свою очередь, М. Альвар считает, что языковая политика состоит из набора правил, решений и мер, принимаемых политическим сообществом для регулирования использования языков в различных областях, таких как образование, государственное управление или средства массовой информации [Alvar, 1987].

На сегодняшний день Испания находится в непростой ситуации в отношении языковой политики. Довольно большая часть населения страны является этническими каталонцами и относится к языковому меньшинству. Как и все меньшинства, эта часть населения Испании стремится сохранить свою культурную и языковую идентичность. Однако установка на ассимиляцию населения в языковом отношении, проявляющаяся в языковой политике, иногда оказывается не в состоянии удовлетворить все их потребности. Своими корнями языковой конфликт уходит в историю и продолжается до сих пор.

Одним из подходов к формированию законов в области языковой политики является социологический подход, который в большей степени опирается на социальные аспекты при планировании языка. Перед внедрением любой языковой политики необходимо провести социолингвистические исследования, которые помогут определить объективную языковую ситуацию – то есть состояние

социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования [Беликов, Крысин, 2001].

Для определения отношения жителей к актуальной языковой политике в научной литературе представлены различные методы сбора материала, его обработки и оценки достоверности полученных данных. Тем не менее, в свете поставленной задачи, которая заключается в рассмотрении актуальной языковой ситуации в стране и анализе общественного мнения относительно языковой политики, метод социолингвистического исследования для нашего исследования становится особенно актуальным.

Отечественный лингвист В. А. Аврорин утверждает, что метод анкетирования представляет собой одну из наиболее надежных стратегий для сбора социолингвистической информации. Этот метод особенно подходит для проведения больших опросов в рамках макросоциолингвистических исследований [Аврорин, 1970]. Таким образом, основой для нашего исследования послужил именно метод анкетирования.

Методы исследования

Основная цель данной статьи заключается в анализе актуальной языковой ситуации в Испании через призму общественного мнения жителей разных регионов и выявлении отношения испанского населения к проводимой языковой политике с учетом различных объективных факторов.

В анкетировании приняло участие 100 человек из разных регионов Испании. Для более точного анализа социолингвистической ситуации на территории испанского государства, мы опросили только тех граждан, которые постоянно проживают в Испании.

Разработанная анкета условно разделена на три части: демографическую (в данном блоке респонденты должны были указать такие данные, как возраст, пол, национальность и место проживания), социолингвистическую (в этом разделе опроса содержатся вопросы об использовании национальных языков) и лингвистическую (в этой части анкеты респонденты делились своим языковым опытом и компетенцией в решениях вопросов языковой политики).

В первой части анкеты (демографической) респонденты отвечали на следующие вопросы:

1. Edad (возраст)
2. Sexo (пол)
3. Nacionalidad (национальность)

4. ¿En qué comunidad autónoma vive Ud.? (в какой автономном сообществе Вы живете?)

5. ¿Qué lenguas habla Ud.? (на каких языках Вы говорите?)

6. ¿En qué idioma recibió/recibe Ud. su formación? (на каком языке Вы получали образование?)

Таким образом, в социолингвистическом опросе приняло участие 51,4 % испанцев в возрасте от 31 до 45 лет, 40 % респондентов в возрасте от 18 до 30 лет и 8,6 % участников возрастом от 46 до 60 лет. Учитывая гендерную составляющую, в опросе участвовало 62,9 % женщин и 37,1 % мужчин. Средний возраст респондентов составил 33,73 года.

Одним из обязательных условий участия в социолингвистическом опросе было постоянное проживание на территории Испании, поэтому абсолютно все респонденты указали соответствующие регионы, которые идентифицируют их актуальное место проживания. Все участники анкетирования указали, что являются гражданами Испании, из них 62,8 % жителей провинции Андалусия, 23,3 % из провинции Кастилья и Леон, 11,8 % из региона Каталония и оставшаяся часть респондентов (2,1 %) представили такие регионы, как Галисия, Валенсия и Мурсия.

В данном исследовании была достигнута наиболее полная и всесторонняя репрезентативность, что позволило охватить мнение испанских граждан из различных регионов и получить широкий обзор общественного мнения в отношении языковой политики Испании.

В опросе приняли участие преимущественно испанцы, которые владеют испанским (кастильским) языком, а также другими национальными языками, такими как каталонский и галисийский.

Большинство опрошенных получили образование на испанском языке, и только 2 % респондентов указали в анкете, что обучались не только на кастильском, но и на других региональных языках.

Вторая часть анкеты (социолингвистическая) представляла собой оценку осведомленности населения по вопросам языковой политики и их знания о законодательстве, регулирующем языковую ситуацию в стране.

Данная часть анкеты включала следующие вопросы:

1. ¿Cómo evalúa la efectividad de la política lingüística en su país? (Как вы оцениваете эффективность государственной языковой политики в вашей стране?)

2. ¿Qué leyes, reglamentos, documentos que rigen la situación lingüística en el país conoce? (Какие законы, правила, документы, регулирующие языковую ситуацию в стране, вам известны?)

3. ¿Cree que todas las lenguas de España deben tener el mismo estatus en la formación? (Считаете ли вы, что все языки Испании должны иметь равный статус в образовании?)

4. ¿Qué opina de las minorías lingüísticas de su país? (Как вы относитесь к национальным языковым меньшинствам в вашей стране?)

5. ¿Cree que el gobierno debería apoyar a las minorías lingüísticas? (Считаете ли вы, что правительство должно обеспечивать поддержку языковых меньшинств?)

6. ¿Qué formas de apoyar las lenguas nacionales de España que ofrece el gobierno conoce Ud.? (Какие способы поддержки национальных языков Испании, предлагаемых правительством, Вы знаете?)

7. ¿Qué medidas de política lingüística considera más efectivas para preservar los idiomas nacionales de su país? (Какие меры государственной языковой политики Вы считаете наиболее эффективными в вопросах сохранения национальных языков Вашей страны?)

8. ¿Cómo te sientes acerca de las reformas e innovaciones lingüísticas en su país? (Как вы относитесь к языковым реформам и нововведениям в Вашей стране?)

Результаты исследования

Согласно проведенному опросу, можно сделать вывод, что среди испанских респондентов существует значительное разногласие в оценке эффективности государственной языковой политики. Исходя из полученных данных, 40 % опрошенных жителей регионов выразили спорное мнение о проводимой языковой политике в стране, 28,6 % респондентов отметили свою относительную удовлетворенность языковой политикой, в то время как полностью ею удовлетворены только 5,7 % участников опроса.

В целях изучения информированности населения Испании о существовании законов, документов и учреждений, регулирующих языковую ситуацию в стране, участникам анкетирования был задан следующий вопрос: *¿Qué leyes, reglamentos, documentos que rigen la situación lingüística en el país conoce?* (Какие законы, правила, документы, регулирующие языковую ситуацию в стране, вам известны?). Большинство испанцев ответило, что они знают, где можно ознакомиться с законами о языке. Результаты опроса показывают, что 82,9 %

респондентов осведомлены о наличии документов и законов, регулирующих языковую ситуацию в стране, и готовы указать конкретные источники, где эти документы можно найти. В ответах были указаны следующие примеры законов и институтов, определяющих вектор языковой политики в стране: *La Constitución española*, *B.O.E (Boletín Oficial de Estado)*, *R.A.E. (Real Academia Española)*. Однако 17,1 % от всего числа опрошенных затруднились ответить на этот вопрос, не указав ни одного законодательного источника.

Анализируя ответы респондентов на третий вопрос данной части анкеты, можно сделать вывод, что большинство опрошенных (60 %) поддерживает идею равенства всех языков в системе образования, 25,7 % не согласились с данной идеей, а 14,3 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Отвечая на четвертый вопрос второй части анкеты, больше половины респондентов высказались положительно по отношению к региональным языкам (*bien, suficiente, adecuado, satisfecho/a, muy bien, muy adecuado, muy satisfecho/a*), 20 % определили свое отношение как достаточно хорошее (*bastante bien, bastante satisfecho/a*), 14,3 % затруднились ответить на данный вопрос (*me cuesta responder*), наконец, 8,6 % респондентов высказали свое негативное отношение к языкам меньшинств (*muy mal, muy insatisfecho/a*).

Выражая свое мнение относительно поддержки миноритарных языков правительством, 82,9 % респондентов согласились, что правительство должно поддерживать миноритарные языки и 17,1 % участников социолингвистического анкетирования высказались против поддержки языков меньшинств на правительственном уровне.

Среди форм поддержки языков в регионах респондентами были отмечены следующие: *televisión autonómica (телевидение автономии)*, *colegios bilingües (двуязычные школы)*, *cursos y programas de lengua (языковые курсы и программы)*, *eventos (мероприятия)* и *becas (стипендиальные программы)*. Однако большинство респондентов не осведомлены о наличии подобных инструментов.

К эффективным мерам и инструментам языковой политики участники опроса отнесли следующее: *las campañas aplicadas en Internet y las redes sociales (páginas-web especializadas, blogs, cursos de la lengua etc.) (кампании проводимые в Интернете и социальных сетях (специальные веб-страницы, блоги, языковые курсы и т.д.); las*

campañas sociales y educativas (conferencias, cursos de la lengua, talleres, festivales etc.) (социальные и образовательные кампании (конференции, языковые курсы, мастер-классы, фестивали и т.д.); las leyes, reglas y reformas aplicadas por el gobierno local (законы, правила и реформы проводимые местными органами управления); otro (другое). Как показал опрос, 45,7 % респондентов к эффективным инструментам сохранения языков отнесли социальные кампании, 25,7 % считают, что наиболее действенными являются меры, принимаемые на государственном уровне, 14,3 % выбрали эффективным инструментом социальные сети и интернет, а оставшиеся 2,9 % опрошенных предложили свои варианты. Полученные результаты указывают на разнообразие подходов к языковой политике и необходимость использования комбинированных стратегий для эффективного сохранения национальных языков.

Чтобы определить отношение к языковым инновациям в сфере образования, участникам опроса был задан следующий вопрос: *¿Cómo se siente Ud. acerca de las reformas e innovaciones lingüísticas en el área de educación lingüística?* (Как вы относитесь к реформам и инновациям в сфере лингвистического образования?). Полученные результаты свидетельствуют о некотором недовольстве жителей регионов внедрением языковых инноваций в образовательную сферу. Анализ результатов опроса показал, что 40 % респондентов оценивают результаты языковых реформ положительно, в то время как 25,7 % выразили мнение, что они являются достаточно хорошими. Кроме того, 14,3 % опрошенных высоко оценили языковые реформы, а 8,6 % выразили неудовлетворенность по отношению к новшествам, касающимся использования языков в сфере образования. Еще 8,6 % опрошенных затруднились ответить на данный вопрос, а 2,9 % крайне негативно высказались по поводу языковых нововведений.

Третья часть анкеты (лингвистическая) была представлена 8 вопросами, которые охватывали текущую языковую ситуацию в Испании и касались отношения жителей регионов к использованию англицизмов в повседневной коммуникативной практике.

На сегодняшний день особенно ярко наблюдаются процессы, связанные с глобализацией языка. Вопросы глобализации в Испании вызывают определенные проблемы. В настоящее время существует растущее влияние английского языка на испанскую культуру и коммуникацию. В силу широкого распространения английского языка и

его статуса международного языка делового общения многие испанцы, особенно молодые люди, все больше используют английские слова и выражения в своей повседневной речи.

Важным вектором языковой политики Испании является нормализация языковой ситуации, которая понимается как сохранение языковых стандартов национального языка. В то время как испанский язык сохраняет свою «интровертность» в стремлении ограничить влияние иностранных языков, все больше носителей языка признаются в том, что даже «интровертный» испанский язык не может устоять перед непрерывно расширяющимся списком англицизмов. Несмотря на то, что в испанском языке существуют эквиваленты для многих английских слов, они часто игнорируются носителями испанского языка.

Так, отвечая на первый вопрос данной части анкеты, респонденты отметили, что часто используют англицизмы в своей повседневной речи (80 %), 14,3 % отказываются от употребления английской лексики, в то время как 5,7 % воздержались от ответа. Среди сфер, в которых наблюдается наибольшая концентрация англицизмов, респондентами были отмечены следующие:

1. Tecnología e Internet (Технологии и Интернет): 94,3 %
2. Belleza y moda (Красота и мода): 71,1 %
3. Deporte (Спорт): 40%
4. Economía (Экономика): 31,4 %
5. Salud y bienestar (Здоровье): 25,7 %
6. Ámbito doméstico de la comunicación (Бытовая сфера общения): 22,9 %.
7. Cultura (Культура): 20 %
8. Gastronomía (Гастрономия): 14,3 %
9. Política (Политика): 5,7 %.

К наиболее частотным англицизмам, используемым в речи, участники опроса отнесли следующие лексемы из различных сфер: *marketing* (маркетинг), *chat* (чат), *feedback* (обратная связь), *mainstream* (мейнстрим), *gym* (спортивный зал), *stalker* (сталкер), *spoiler* (спойлер), *selfie* (селфи), *screenshot* (скриншот), *online* (онлайн), *podcast* (подкаст), *outfit* (наряд), *wellness* (благополучие), *fashion* (мода), *influencer* (инфлюенсер), *look* (образ).

Результаты анкетирования также показали, что большинство респондентов (51,4%) не испытывают трудностей при использовании англоязычных заимствований в речи, 45,7% участников опроса отметили, что англицизмы вызывают у них непонимание, а 2,9% затруднились ответить на этот вопрос.

На завершающем этапе нашего исследования мы ставили перед собой задачу выяснить, какую роль играет использование англицизмов в речи испанцев. Нас интересовало, зависит ли это от социальной принадлежности или указывает на уровень образования испанцев.

По результатам опроса, 42,9 % респондентов выразили отрицательное отношение к использованию англицизмов в своей речи. Это говорит о том, что они не придают этому явлению никакого социального значения. С другой стороны, еще 42,9 % респондентов подчеркнули, что использование англицизмов имеет для них большое значение. Вероятно, это связано с принадлежностью к определенной социальной группе, где использование английских слов является нормой. Отметим также, что 14,2 % участников исследования затруднились ответить на данный вопрос. Скорее всего, для них социальное значение использования англицизмов не является однозначным или может иметь различные интерпретации. Подводя итоги, важно отметить, что употребление англицизмов в повседневной речи испанцев говорит нам о различных социальных и индивидуальных мотивациях говорящих.

Заключение

Таким образом, исходя из результатов проведенного нами социолингвистического анкетирования, можно сделать вывод об интересе испанского общества к языковой политике.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что языковая политика привлекает внимание не только государственных органов власти, но и жителей регионов. Ответы участников опроса свидетельствуют об интересе к сохранению всех национальных языков, а также о достаточной удовлетворенности современного испанского общества актуальной языковой политикой. Отметим также компетентность респондентов в вопросах языка и их осведомленность о законах и институтах, регулирующих языковую политику в стране.

Однако, несмотря на наличие развитой и структурированной языковой политики, вопросы сохранения национальных языков до сих пор остаются актуальными и вызывают некоторое беспокойство в испанском обществе относительно проводимых образовательных реформ и лингвистических инноваций. Кроме того, проведенный анализ показал, что испанцы в значительной степени используют англицизмы, зачастую игнорируя существующие испанские эквиваленты, что

может привести к потере культурной и языковой идентичности.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Ленинские принципы языковой политики // Вопросы языка. № 2. С. 6–16.

2. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двужычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Comparative politics. No 2 (12). 2013. С. 8–28.

3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика : учебник для вузов. Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 436 с.

4. Гулинов Д. Ю. Язык политики и политика в языке // Вестник СамГУ. 2014. № 5 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-politiki-i-politika-v-yazyke> (дата обращения: 26.02.2024).

5. Гулинов Д. Ю. Языковая политика: определение и характеристики // Известия ВГПУ. 2011. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-opredelenie-i-harakteristiki> (дата обращения: 26.02.2024).

6. Евдокимова А. А. Развитие региональных языков Испании в рамках языковой политики ЕС и Совета Европы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 24 (710). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-regionalnyh-yazykov-ispanii-v-ramkah-yazykovoy-politiki-es-i-soveta-evropy> (дата обращения: 26.02.2024).

7. Никольский Л. Б. Синхронная социоллингвистика: теория и проблемы. Москва : Наука, 1976. 166 с.

8. Наумов В. Ф. (2016) Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 1(21). С. 21–30.

9. Собченко Т. А. Языковая политика в современной Испании // МНИЖ. 2016. № 5-2 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sovremennoy-ispanii> (дата обращения: 11.03.2024).

10. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социоллингвистику. Москва : Высш. шк., 1978. 216 с.

11. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Москва, 1975. Вып. 7. Социоллингвистика. С. 441–472.

12. Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas españoles (4.ª edición). Sevilla: Athenaica Ediciones Universitarias-Editorial Universidad de Sevilla; Colección Clásicos Universitarios. P. 7–23.

13. Alvar M. El lenguaje político, Madrid, Fundación Friedrich Ebert-ICI, 1987, in Revista de Filología Española, LXVIII, 1-2, 1988. P. 167–169.

14. Argelaguet J., «Las políticas lingüísticas: diversidad de modelos lingüístico-escolares», en: Gomà, R., Subirats, J. (eds.), Políticas públicas en España. Contenidos, redes de actores y niveles de gobierno, Ariel, Barcelona, 1998. P. 294–316.

15. Herreras J., Lengua y Normalización en España, Gredos, Madrid, 2006. 390 p.

16. López Morales H. Sociolingüística. Edição Espanhol, 2004. 424 p.

17. Moliner M. Diccionario de uso del español. Spain : Gredos, 2000. 3180 p.

18. Moreno Cabrera J.C. Políticas lingüísticas en el Estado español: del bilingüismo hegemónico al plurilingüismo armónico. Erebea : Revista de Humanidades y Ciencias Sociales, №. 11, 2021. P. 21–43.

19. Pérez Medina J. M. «El caso de España» en La protección de las lenguas minoritarias en Europa: hacia una nueva década. Vitoria-Gasteiz, 2011. P. 105–116.

20. Siguán M., España plurilingüe, Alianza Editorial. Madrid, 1992. 303 p.

21. Spolsky B. Language policy. Cambridge University Press, 2004. 250 p.

Reference list

1. Avrorin V. A. Leninskie principy jazykovoj politiki = Lenin's principles of language policy // Voprosy jazyka. № 2. S. 6–16.

2. Alpatov V. M. Jazykovaja politika v sovremennom mire: «odnojazychnaja» i «dvujazychnaja» praktiki i problema jazykovoj assmiljacji = Language policy in the modern world: «monolingual» and «bilingual» practices and language assimilation problem // Comparative politics. No 2 (12). 2013. С. 8–28.

3. Belikov V. I., Krysin L. P. Sociolingvistika = Sociolinguistics : uchebnik dlja vuzov. Moskva : Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. 436 s.

4. Gulinov D. Ju. Jazyk politiki i politika v jazyke = The language of politics and politics in language // Vestnik SamGU. 2014. № 5 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-politiki-i-politika-v-yazyke> (data obrashhenija: 26.02.2024).

5. Gulinov D. Ju. Jazykovaja politika: opredelenie i harakteristiki = Language policy: definition and characteristics // Izvestija VGPU. 2011. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-opredelenie-i-harakteristiki> (data obrashhenija: 26.02.2024).

6. Evdokimova A. A. Razvitie regional'nyh jazykov Ispanii v ramkah jazykovoj politiki ES i Soveta Evropy = Spanish regional languages development within the framework of the EU and European Council language policy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014. № 24 (710). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-regionalnyh-yazykov-ispanii-v-ramkah-yazykovoy-politiki-es-i-soveta-evropy> (data obrashhenija: 26.02.2024).

7. Nikol'skij L. B. Sinhronnaja sociolingvistika: teoriya i problemy = Synchronous sociolinguistics: theory and problems. Moskva : Nauka, 1976. 166 s.

8. Naumov V. F. Modeli jazykovoj politiki v multikulturalizme = Models of language policy in multiculturalism // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo uni-

versiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie. № 1(21). 2016. S. 21–30.

9. Sobchenko T. A. Jazykovaja politika v sovremennoj Ispanii = Language policy in modern Spain // MNIZh. 2016. № 5-2 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sovremennoj-ispanii> (data obrashhenija: 11.03.2024).

10. Shvejcer A. D., Nikol'skij L. B. Vvedenie v sociolingvistiku = Introduction to sociolinguistics. Moskva : Vyssh. shk., 1978. 216 c.

11. Haugen Je. Lingvistika i jazykovoe planirovanie = Linguistics and language planning // Novoe v lingvistike. Moskva, 1975. Vyp. 7. Sociolingvistika. S. 441–472.

12. Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas españoles (4.ª edición). Sevilla: Athenaica Ediciones Universitarias-Editorial Universidad de Sevilla; Colección Clásicos Universitarios. R. 7–23.

13. Alvar M. El lenguaje político, Madrid, Fundación Friedrich Ebert-ICI, 1987, in Revista de Filología Española, LXVIII, 1-2, 1988. R. 167–169.

14. Argelaguet J., «Las políticas lingüísticas: diversidad de modelos lingüístico-escolares», en: Gomà, R., Subirats, J. (eds.), Políticas públicas en España. Contenidos, redes de actores y niveles de gobierno, Ariel, Barcelona, 1998. P. 294–316.

15. Herreras J., Lengua y Normalización en España, Gredos, Madrid, 2006. 390 p.

16. López Morales H. Sociolingüística. Edição Espanhol, 2004. 424 p.

17. Moliner M. Diccionario de uso del español. Spain : Gredos, 2000. 3180 p.

18. Moreno Cabrera J.C. Políticas lingüísticas en el Estado español: del bilingüismo hegemónico al plurilingüismo armónico. Erebea : Revista de Humanidades y Ciencias Sociales, N°. 11, 2021. R. 21–43.

19. Pérez Medina J. M. «El caso de España» en La protección de las lenguas minoritarias en Europa: hacia una nueva década. Vitoria-Gasteiz, 2011. P. 105–116.

20. Siguán M., España plurilingüe, Alianza Editorial. Madrid, 1992. 303 p.

21. Spolsky B. Language policy. Cambridge University Press, 2004. 250 p.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 27.04.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-236

EDN: QWLUSM

Пушкинское начало в актуальном культурологическом дискурсе

Татьяна Семеновна Злотникова

Доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

cij_yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Аннотация. В статье обобщаются результаты многолетних исследований автора в отношении личности и творчества А. С. Пушкина. Актуализуются представления о Пушкине как образном воплощении ребенка, независимо от его реального физического возраста (детскость, интуитивность, непредсказуемость). Внимание уделяется чувству и состоянию одиночества. Актуализируются представления об абсурдности бытия и о своеобразии отношений с женщинами (Пушкин и женщины, женщины как интерпретаторы личности Пушкина, женские образы у Пушкина). Используется творческий опыт М. Цветаевой как интерпретатора личности Пушкина. Специально анализируется эмигрантская версия жизни Пушкина; показано, что для эмигрантов Пушкин был несомненной и прекрасной частью России, поэтому они «нагрузили» личность ушедшего гения собственными комплексами и настроениями, выстроив совершенно особый, поистине абсурдный логический ряд. В частности, в эмигрантском видении Пушкина рядом с мыслью о невозпроизводимости совершенства, присущего гению, до абсурда доведены попытки «докончить» не только тексты, но жизнь самого гения. С учетом актуальных социокультурных представлений концептуализируются представления о городе Санкт-Петербурге как мифологизированном образе и среде обитания. На основе мемуарных материалов (Пушкин и женщины), суждений философов (В. Розанов, П. Флоренский), литераторов, филологов и культурологов (А. Григорьев, Д. Мережковский, Ю. Тынянов, Ю. Лотман, М. Каган, И. Кондаков) обобщаются парадоксы бытийных и художественных проявлений Пушкина. Обосновывается значимость пушкинского начала для современной культуры, что основывается на актуальном культурологическом дискурсе.

Ключевые слова: А. С. Пушкин; парадоксы; детскость; абсурд; женщины; русская эмиграция; город Санкт-Петербург; культурологический дискурс

Для цитирования: Злотникова Т. С. Пушкинское начало в актуальном культурологическом дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 236–244. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-236>. <https://elibrary.ru/QWLUSM>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Pushkin's influence on the contemporary culturological discourse

Tatiana S. Zlotnikova

Doctor of art history, Honored scientist of the Russian Federation, professor, department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

cij_yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Abstract. The article summarizes the results of the author's long-term research concerning A. S. Pushkin's personality and creative work and actualizes the ideas about Pushkin as a figurative embodiment of a child, regardless of his real physical age (childishness, intuitiveness, unpredictability). The author pays attention to the feeling and the state of loneliness; the ideas about the absurdity of existence and specific relations with women are actualized (Pushkin and women, women as interpreters of Pushkin's personality, Pushkin's female characters). M. Tsvetaeva's creative experience as an interpreter of Pushkin's personality is used in the article. The author specially analyzes the emigrant version of Pushkin's life, which shows that for emigrants Pushkin was an inseparable and beautiful part of Russia, so they «loaded» the personality of the deceased genius with their own complexes and attitudes, constructing a very special, truly absurd logic. In particular, in the emigrant view of Pushkin, along with the idea that the perfection inherent in genius is irreproducible, there were some absurd attempts to «finish» not only the texts, but also the life of the genius himself. Taking into account the current sociocultural ideas, the city of St. Petersburg is conceptualized as a mythologized image and environment. On the basis of the memoirs (Pushkin and women), the opinions of philosophers (V. Rozanov, P. Florensky), writers, philologists and culturologists (A. Grigoriev, D. Merezhkovsky, Y. Tynyanov, Y. Lotman, M. Kagan, I. Kondakov), the paradoxes of Pushkin's existential and artistic manifestations are generalized. The author substantiates the significance of Pushkin's influence on contemporary culture, which is based on the current culturological discourse.

Key words: A. S. Pushkin; paradoxes; childishness; absurdity; women; russian emigration; the city of St. Petersburg; cultural discourse

For citation: Zlotnikova T. S. Pushkin's influence on the contemporary culturological discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2024;(2):236–244. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-236>. <https://elibrary.ru/QWLUSM>

Введение

Время присутствия А. С. Пушкина в русской культуре позволяет говорить о пограничности ипостасей этого человека: «обыденная личность – творец – персонаж». Такую актуализацию мы полагаем возможным осуществить на основе разработки проблем и метафор пушкинского мировидения, где нашла свое место «бездна» в экзистенциальном, культурфилософском и антропологическом аспектах, с учетом традиций «русского абсурда».

Метафора великой (во всех смыслах) поклонницы А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой: «Пушкин – тога, Пушкин – схема, Пушкин – мера, Пушкин – грань» – обозначила не только многообразие эстетических и нравственно-психологических функций поэта в национальном самосознании, но и главный модус, объединяющий все эти функции, – модус пограничности, ибо не стоит доказывать, стоит только указать, что в русской культуре были творцы-«нарративы» (В. Жуковский, И. Гончаров, П. Чайковский, И. Репин) и творцы-«границы» (начиная с А. Пушкина и продолжая М. Мусоргским, В. Перовым, И. Стравинским, В. Мейрхольдом). Не вдаваясь в детализацию такого рода «раз-граничения», остановимся на первом, определяющем из людей-«граней» русской культуры.

Результаты исследования – 1

Парадоксы бытия Пушкина: между детством и вечностью, между жизнью и смертью

Пушкинская жизнь и его творчество были полны парадоксов, которые остаются значимыми и не до конца понятыми по сей день. О некоторых из них далее будет сказано более или менее подробно.

В мемуарном и эпистолярном наследии современников, в позднейших исследованиях встречается немало суждений, касающихся собственно детства и ранней юности Пушкина. Но нам представляется важным отметить, что и о совсем **взрослом** Пушкине любители говорить **как о ребенке**. В воспоминаниях А. П. Керн с удивительной настойчивостью фигурирует и его типично детская поза («сидел на диване, поджавши, по своему обыкновению, ноги»), и маленькая, прекрасная – детская же! – «ручка», порывистость, опрометчивость, веселая любезность, когда он, «несмотря на всю его гениальность... точно не всегда был благоразумен, а иногда даже не умен». В Пушкине современники любили видеть воплощение «игривой веселости», прямо говоря о звучании «детского смеха», и при этом едва ли не с удовлетворением отмечали: «Великий поэт не был чужд странных выходок» [Письма..., 1994, с. 39, 42, 47, 75, 78].

Как важнейшее свойство «ребенка» в психологии личности принято рассматривать бесстрашие. У С. Булгакова в связи с Пушкиным говорится о безудержности и безоглядности в проявлении страстей, об отсутствии «предохранительных клапанов», но отмечается чрезвычайно тонко и «непрерывно двоящийся характер» того дара небес, которому философ дает название «детскость»

и, более того, видит опасность этого дара, способного переходить границу «ребячливости или, как мы бы сказали теперь, инфантилизма» [Пушкин в..., 1990, с. 30]. Этот упрек М. Булгаков в своей пьесе «Последние дни» (о пушкинской гибели) вложит в уста верноподданного Нестора Кукольника: «У Пушкина было дарованье, это бесспорно. Не глубокое, поверхностное, но было дарованье. Но он его растратил, разменял его». Это мнение устоялось, став впоследствии одной из составляющих пушкинского мифа.

Тем не менее, когда говорят о Пушкине как гении моцартианского типа, то возникает понимание *негативного качества чрезмерной детскости*; такой человек «охотно и радостно, как ребенок, живет минутой; он беспечен и шаловлив» [Овсяннико-Куликовский, 1989]. «Ребенок» в Пушкине – это подчас *злое* дитя; однако, с другой стороны, «злы только дураки и дети», – цитировала Пушкина А. П. Керн, добавляя, что он так говорил не раз [Письма..., 1994.].

Мы не случайно начали разговор о Пушкине с ипостаси «ребенка», ибо детскость – подчас недостаточно контролируемое, но и раскрепощающее творческую личность свойство. Диалектика позитивного (раскрепощенного) и негативного (безответственного) интересовала исследователей, размышляющих о Пушкине. «Как писатель, – мудро отмечал С. Булгаков, – Пушкин абсолютно ответствен... Если самого Пушкина мудрость его светлого ума не всегда могла сохранить от губительных страстей, то для других он являлся советником, ценителем, руководителем» [Пушкин в..., 1990, с. 277].

Детскость – спасение и ограждение от напастей, ибо «весь» Пушкин – это миф о несчастьях, которые его преследовали: равнодушие матери, раздражение отца, подшучивание соучеников, злословие света... «Опасности, бедствия, несчастья – не надламывают творчество русского писателя, – писал, тем не менее, Л. Шестов, – а укрепляют его» [Пушкин в..., 1990, с. 205–206]. И эта позиция может оказаться весьма продуктивной для рассмотрения финала жизни Пушкина.

Рядом с детскостью обращаем внимание на мотив житейского и творческого **одиночества**.

Пушкинское одиночество – одна из граней мифа его жизни и гибели.

С. Булгаков жребием Пушкина полагал «одиночество гения, неизбежный удел подлинного величия» [Пушкин в..., 1990, с. 272]. Бесконечно часто цитируют одну и ту же строчку – пушкинский призыв: «Ты – царь, живи один!» Ее варьи-

руют и В. Розанов («гениальные люди остаются непонятыми для самых близких своих» [Пушкин в..., 1990, с.168]), и В. Соловьев («одиночество гения само собой разумеется»). Но в то же время В. Соловьев не лишен осуждающих мотивов в связи с пушкинским одиночеством. «Разве, – возмущается он, – оно есть причина для презрения и отчуждения?» В своей критике Пушкина он идет еще дальше, подчеркивая колебания Пушкина «между высокомерным пренебрежением к окружающему его обществу и мелочным раздражением против него» [Пушкин в..., 1990, с. 28–29].

Пограничность эмоционального состояния, порождаемая нахождением жизненной «бездны на краю», соотносится у Пушкина с чумой; в свою очередь, образ болезни – чумы – это у Пушкина образ опасности, дающей упоение в «бою». Чума в традиции от Пушкина до экзистенциалистов и их современников – метафора внутреннего «пожара», который сам Пушкин и не пытался «гасить». Пожар – беда – вина; все это – пограничные коды, присутствующие у Пушкина и подчас меняющиеся местами и функциями. Но вина имеет разные источники.

В восприятии публикой, критикой, современниками и последующими поколениями идея **чужой вины** удобна как источник мифа. Недаром С. Булгаков винил если не «ничтожного» Дантеса или «коварного» Геккерна, то пушкинский «путь жизни, на который поставлен он был после женьшеньбы» [Пушкин в..., 1990, с. 284].

По-видимому, впервые, если не считать некоторых прижизненных замечаний, эту мысль в 1859 году сформулировал А. Григорьев, заявивший, что Пушкин «умер к стати, иначе не стал бы ровень с современным движением и пережил бы самого себя» [Григорьев, 1990, с. 66]. Правда мысль эта принадлежала не ему, он возражал А. Милюкову, который утверждал буквально: смерть избавила Пушкина от «печальной необходимости» пережить время своей славы [Григорьев, 1990, с. 446].

К иным мнениям добавим мнение Д. Мережковского: «Смерть Пушкина – не простая случайность» [Пушкин в..., 1990]. Через сто лет после пушкинской дуэли С. Булгаков уверенно утверждал: «Пушкин сам поставил к барьеру не только другого человека, но и самого себя вместе со своей Музой» [Пушкин в..., 1990, с. 272]. В. Соловьев же считал, что Пушкин «убит не пулю Геккерна, а своим собственным выстрелом в Геккерна», и видел в этой дуэли черту, границу жизни Пушкина без шансов ее продолжения:

«Никаких новых художественных созданий Пушкин нам не мог дать и никакими сокровищами не мог больше обогатить нашу словесность» [Пушкин в..., 1990, с. 36–37].

Мы в разные годы писали о некоторых аспектах открытия Пушкина наукой и культурой последних полутора столетий: о парадоксах личностных характеристик, о присутствии эстетики и философии абсурда в пушкинском мире, о культурно-историческом дискурсе созданного до Пушкина и обжитого Пушкиным в бытовом и художественном дискурсах городе [Злотникова, 2022, с. 39–44] и ряд других материалов. В преддверии очередной юбилейной даты актуализируем названные аспекты в данной статье.

Результаты исследования – 2

Абсурд – особая нравственно-психологическая сфера бытия Пушкина в культуре последних двух столетий

Продолжая характеристику пушкинских парадоксов, вслед за проблематикой «детства» и одиночества остановимся на бытийной странности пушкинского восприятия абсурда.

Никто не подвергал сомнению мысль о том, что Пушкин – «наше всё», ибо «в нем одном как в нашем единственном цельном гении заключается правильная художественно-нравственная мера» [Григорьев 1990, с. 58].

Фигура Пушкина, как и фигура любой другой крупной творческой личности, уже при жизни – чем далее, тем все более – *мифологизировалась*. Пожалуй, первым, кто обратил на это внимание, подчеркнул и попытался опровергнуть наиболее мощные «мифы Пушкина», был В. Соловьев. Именно он активно настаивал на том, что Пушкин не был политически радикально настроенным человеком и отклонял от себя «всякую преобразовательную задачу, которая, действительно, вовсе не шла бы к нему». Наконец, он считал, что Пушкина нельзя рассматривать как человека несчастной судьбы, каковая выделяет его из художественной среды: «Если несколько лет невольного, но привольного житья в Кишиневе, Одессе и собственном Михайловском есть гонение и бедствие, то как мы назовем бессрочное изгнание Данте из родины, тюрьму Камюэнса, объявленное сумасшествие Тасса, нищету Шиллера, остракизм Байрона, каторгу Достоевского...» [Пушкин в..., 1990, с. 31–32].

Если в парадоксальном, в частности, постмодернистском духе продолжить мысль о том, что *Пушкин – «наше все»*, то нетрудно будет согла-

ситься: *Пушкин, ко всему прочему, еще и наш (русский) абсурд*.

Нам приходилось обращать внимание на то, что у *русского абсурда* есть совершенно особое свойство: стремление не столько приобщиться к культурной традиции, сколько адаптировать ее к себе. Или, как мы бы сказали, опираясь на один из главных признаков русского абсурда, – *заполнить пустоту* [Злотникова, 2003, с. 193–196]. Смысл пустоты применительно к абсурду близок тем размышлениям, какие предложил по его поводу А. Генис, согласившийся с А. Синявским в том, что «пустота – содержимое Пушкина», то есть, необъятный объем явлений и открытий [Генис, 1999, с. 135–136].

Заполнение «пустоты», образующейся на границе классической традиции и ее восприятия в последующие эпохи, своеобразно продемонстрировал в своем исследовании И. Кондаков [Кондаков, 2011]. В свою очередь одни из первых в XX веке продемонстрировали *готовность заполнить оставленную жизнью и смертью такой личности, как Пушкин, нишу («пустоту»)* русские писатели первых десятилетий нашего века [Тайна Пушкина, 1999].

В связи с проблемой абсурда обратим внимание на то, что *для людей, удалившихся из России, – эмигрантов – Пушкин* был несомненной и прекрасной частью России, поэтому они «нагрузили» личность ушедшего гения собственными комплексами и настроениями, выстроив совершенно особый, поистине абсурдный логический ряд. В нем перепутались эпохи, страны, поступки и оценки; авторитетным для признания русского гения становится живущий в Италии японец, инженер, «большой любитель, даже знаток русской литературы и восторженный обожатель Пушкина» (А. Амфитеатров).

В эмигрантских представлениях о Пушкине рядом с мыслью о невоспроизводимости совершенства, присущего гению, до абсурда доведены попытки «докончить» не только тексты, но жизнь самого гения.

Здесь проявился в первую очередь своего рода *«скрытый» абсурд* – попытка завершить, так или иначе, пушкинскую жизнь. Наряду с проблемой абсурда в высшей степени характерным для интерпретации жизни Пушкина мы считаем такой значимый мотив, как особое отношение не только его к женщинам, но и женщин к нему. Это касается и современниц, и авторов первой половины XX века (как эмигрантов, о которых упомянем особо, так и других).

Полагаем, что словосочетание «мой Пушкин», произнесенное М. Цветаевой, на самом деле характерно для восприятия Пушкина очень многими творцами, в том числе женщинами. «Мой Пушкин» – ситуация интеллектуального и эмоционального «присвоения» *Пушкина-экстраверта*, *Пушкина-сангвиника*, легко входящего в контакт, открытого в общении. У М. Цветаевой в «Разговоре с гением» (1928), где не упоминается имя Пушкина, она приказывает не желающему петь, как снегирь, под гробовой доской: «ЭТО воспой», требуя запредельного усилия, немислимого для обычного человека. В более ранней «Психее» (1920) Цветаева дает воздушное ощущение легкого и горячего флирта, способного поцелуем прожечь перчатку. В совсем еще детской «Встрече с Пушкиным» (1913) собственное имя «Марина» она выстраивает в созвучии с пушкинской Мариулой, словно предвосхищая гимн имени, созданный П. Флоренским: «Мариула – это имя – служит у Пушкина особым разрезом мира, особым углом зрения на мир, и оно не только едино в себе, но и все собою пронизывает и определяет» [Флоренский, 1990, с. 355]. Наконец, в цикле «Дон Жуан» (1917) Цветаева решительно и полноправно завладевает тем, кого «в дохе медвежьей» было бы трудно узнать, «если бы не губы».

Проблема «Пушкин и женщины» логично может рассматриваться с позиций, обозначенных персонажем самого же Пушкина, Лаурой из «Каменного гостя»: «Мой верный друг, мой ветреный любовник». Верный друг, преданный и внимательный, глубоко почтительный к таким дамам, как Е. М. Хитрово или В. Ф. Вяземская, – это все зафиксировано в их текстах. «Как я люблю, чтобы вас любили», – писала Хитрово [Письма..., с. 100]. Современницам, несомненно, нравилось то, что, как казалось, они в нем обнаруживали или даже культивировали: «В качестве поэта, – писала М. Н. Волконская, – он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, которых встречал» [Волконская, 1960, с. 48–49]. К тем, кто чуть постарше, как отмечал Л. Гроссман, Пушкин относился, как к П. А. Осиповой, «с чувством серьезной и почтительной привязанности, он никогда не допускал по ее адресу тех насмешливых отзывов, которые были для него характерны в отношении многих других женщин» [Письма..., с. 59].

О том, чего женщины хотят от Пушкина, свидетельствует, в частности, интереснейшее издание «Письма женщин к Пушкину», где фигурируют и цыганка Таня, и дворовая девушка, и широко из-

вестные корреспонденты-аристократки. Правда, там нет никаких документов Н. Н. Гончаровой-Пушкиной-Ланской. Женщины-современницы проявились в своего рода идеальном выражении отношения к Пушкину, особенно же – в заботе, внимании и благодарности за свою причастность к его существованию.

В. Соловьев был прав, говоря именно в связи с отношениями между Пушкиным и женщинами, о таком явлении, как «непримиренная двойственность между идеализмом творчества и крайним реализмом житейских взглядов» [Пушкин в..., 1990, с. 24]. Здесь, в контексте женско-мужской дихотомии, рождается проблематика абсурда, упоминая выше.

Словно бы от имени ироничных и прозорливых дам-современниц (несмотря на разницу в поколениях) З. Шаховская в упомянутом издании произведений «пушкинистов»-эмигрантов предприняла поистине абсурдную, с точки зрения обыденной логики, попытку: пофантазировала, что было бы, если бы Пушкин прожил полноценную по длительности жизнь и готовился бы отпраздновать семидесятилетие. Мы об «абсурдистской» пушкиниане писали более подробно ранее [Злотникова, 2003]. У Шаховской фигурирует «сморщенное, несколько обезьянье личико», глаза же его, несмотря на «склеротичную желтизну белков», оставались бы «голубыми, живыми и быстрыми». Фантазируя относительно продолжения жизни Пушкина, Шаховская упоминает «старую палку с набалдашником» и сожаление о бедном Дантесе, который после их дуэли остался «без носа и без глаза, изуродованный навсегда». Абсурдным выглядит то, что Пушкин в эмигрантской версии желчно осуждал бы молодчество сродни озлоблению – и свое, и Лермонтова, которого «на месте Мартынова сам бы ... пристрелил, и не хотел бы, да пришлось бы».

Прошлое, по версии Шаховской, состарившийся Пушкин считал бы глупым временем, глупым полагал бы возведение «напраслины» на Николая I, желавшего «много раз ... меня спасти от меня самого», и без симпатии упоминает «холодную бестию» Пестеля и «честного, но мямлю» Трубецкого.

Наследование у Пушкина было бы неприятным, по сути абсурдным. Не нравились Пушкину, по эмигрантской версии, дети, законные и незаконные, «вялые, тихие... умом, пожалуй, в мать» (традиционная еще для современниц Пушкина дамская «шпилька» в адрес «прелестной супруги» или «прелестной жены», как ее называла

А. О. Осипова [Письма..., с. 71, 73]). Раздаваемые писателями-эмигрантами позднейшим писателям (Тургеневу, Некрасову, Чернышевскому, Достоевскому) оценки превратились в подлинный абсурд школярского обсуждения и ранжирования классики, причем абсурд, явно не осознанный автором (З. Шаховская «Старость Пушкина»).

В рамках своего рода «скрытого» абсурда была предпринята и попытка мистического, с ироническим оттенком, представления о продолжении жизни Пушкина. Действие рассказа *Саши Черного* «Пушкин в Париже» происходит за разумными пределами человеческой жизни, через 127 лет после рождения Пушкина. Но абсурдна у Черного не сама материализация духа, а отношения, в которые с этим духом вступают люди, начиная с опознавшего его по разным глазам пушкиниста. Парижские одесситы открывают курсы его имени – по «разведению синих баклажанов и уходу за дамской гигиеной лица». Директор Акционерного общества «Руссофильм» предлагает ему сделать комический сценарий «Капитанской дочки. Естественно, что в этой эмигрантской суеде Пушкину не нравится, и он, поморщившись от обступающего его абсурда («Ах, какой нелепый день!»), в гоголевско-подколесинском духе распахивает окно, оставляя в гостиничном номере ... *пустоту*: «в ведре грязная куча набухших конвертов, на столике тускло блестит старинная золотая монета».

В классической культурной традиции, включающей такие эпизоды существования русского «маленького человека», как жизнь и смерть Акакия Акакиевича и Поприщина у Гоголя, Соленого и Червякова у Чехова, М. Осоргин сочиняет рассказ «Человек, похожий на Пушкина». Невероятно (по сути – абсурдно) именно то, что этот человек был похож на Пушкина ... даже в старости, когда после длительного исчезновения, революции и разрухи он вновь появился у... памятника на Тверском бульваре.

Осоргину, как и всем прочим авторам написанных в эмиграции фантазий, не дает покоя внешний облик этого двойника – «смуглое лицо, бакены, кудрявая голова» (отметим, что писатель допускает странную проговорку, называя *бакенбарды* пренебрежительным словом из «водного» лексикона *бакены*). Маленький бездетный чиновник «по акцизному ведомству», Телятин Александр Терентьевич, не в пушкинской уже, а в гоголевской традиции обладал преотличным почерком и целыми днями «заполнял пустые места на цветных бланках». Как

видим, мотив пустоты как воплощения абсурда появляется и здесь.

Модернистская фантазия Г. Иванова «Чекист-пушкинист» обладала острым парадоксальным дискурсом: здесь было деформировано само понятие «пушкинист». Это был не ученый, как надо было бы понимать по традиции, а якобы потомок, разумеется, отмеченный необходимым внешним сходством. Поначалу возникает мотив «печального сходства», и кажется, что развернется еще одна версия случайного внешнего подобия, как у М. Осоргина. Здесь был товарищ Глушков – «небольшого роста, курчавый, смуглый», имеющий «живые карие глаза, очень красный рот». Он объявлял себя пушкинским внуком. И это не удивительно: если по старым именам могли бегать толстогубые дети, о которых писала З. Шаховская, то почему не могла быть «бабушка-крестьянка», встречавшаяся когда-то с поэтом в овраге?

Пародийному перестроению в «Маленьком фельетоне» *Дона Аминадо* подвергается сама память о Пушкине в тексте вступления к «Руслану и Людмиле». Фельетонист так же лихо расправляется со стихотворной тканью, как до этого его литературные собратья – с собственной персоной автора. Поэтический текст предстает не просто объектом безгранично простирающейся интерпретации, но поистине «пустотой» вселенского масштаба. В угоду известной тенденции «вульгарного социологизма», «лукоморье» превращается в «оплот воинствующего империализма, или, иначе говоря, Балтийскую морскую базу». Далее следует обличение «развратного» и «кадетского» дуба и замещение его «молодым бедняцким» ясенем, который заодно меняет зеленый цвет на красный. По этой же абсурдной логике «и днем, и ночью» ходить вокруг дуба нельзя – в эмигрантском тексте провозглашается «восьмичасовой рабочий день, независимо от качества продукции!»

Скрытый абсурд «встраивания» Пушкина в непрожитое им время и *явный абсурд* внедрения собственных социально-нравственных позиций под знаменем борьбы с опошлением России производят в текстах эмигрантов одинаково странное впечатление. Авторы *оказались за границей*, если угодно, *за гранью русской жизни*, поэтому стали свою «пустоту» заполнять фантазиями о Пушкине. По всей видимости, это было неосознанной реализацией известного мотива «наше всё».

Результаты исследования – 3

Пушкинское начало в российской культурно-исторической среде: град Петра и Петербург Пушкина

Люди, в целом семейное и дружеское, мужское и женское окружение, – первая и важнейшая среда бытия гения. Рядом с этой средой необходимо упомянуть среду в широком смысле – Россию и главный город пушкинской жизни, каким был Петербург.

Компаративность в понимании Петра (императора, Романова) и Александра (поэта, Пушкина) – это путь к установлению знаковости и значимости личности, воздействующей как на сферу своей непосредственной деятельности, так и на жизнь страны, где им, императору и поэту, довелось родиться, в целом.

Мы считаем важным обратить внимание на то, насколько петровская Россия была источником влияния и точкой духовного, художественно-творческого притяжения, заложенным в конкретных акциях и решениях для пушкинской России. А также обратить внимание на то, насколько пушкинская Россия была прямой наследницей и, в то же время, альтернативой по отношению к петровской России.

Важно и принципиально значимо, что Россия Петра и Россия Пушкина – это одна и та же Россия. Как один и тот же, петровский и пушкинский город Санкт-Петербург: первые каменные дома, первые дворцы и первые набережные, неприветливая, кажущаяся подчас неподвижной Нева, бегущие под порывами ветра люди. Город-гравюра, люди, призванные доказывать свое право и свою возможность существовать вне мягкой и разнообразной природной реальности.

Таким образом, Петр-император и Пушкин-писатель – это особый дискурс личностей, повлиявших на судьбу России, при этом – одна ипостась рассматриваемой проблемы. Философско-антропологические представления о человеке и среде формирования его культурной памяти, о его творческой, политической, обыденной жизни, психологических аспектах бытия в городской среде, о причастности к истории, о знаковом характере среды, в которой присутствует человек (в том числе это касается и интересующего нас Петербурга) отражают, в широком научном горизонте, работы классиков прошлого и современных исследователей [Бурлина, 2016], [Вебер, 1990], [Глазычев, 2022], [Линч, 1982], [Устюгова, 2018], [Штейнбах, 2004], являясь принципиально значи-

мым основанием исследования города в пушкинской традиции и в пушкинском понимании.

Один из алгоритмов, который представляется важным для «городского» аспекта сопоставления фигур Пушкина и Петра I: культурно-антропологическая версия. Она выразительна в художественном плане и существенна в культурно-историческом.

Другой алгоритм, который не менее важен для понимания проблематики интеграции культурных эпох и личных интенций: социально-политическая, социокультурная антитеза. Пушкин и Петр I и в историко-культурной традиции, и в обыденном сознании жителей России представлены антитезой: у императора – власть как насилие, построение логики и системы, ограничение; у поэта – власть как тяжкая обязанность («тяжела... шапка Мономаха») и как объект понимания-критики-«избегания».

Третий алгоритм связан с обозначением петровского и пушкинского начал русской культуры применительно к личностным характеристикам двух персон, создавших и впитавших интенции Города.

Отметим бинарность представлений ученых о Петербурге как совершенно особом культурном феномене. Так, по мысли Ю. Лотмана, «борьба между Петербургом – художественным текстом и Петербургом – метаязыком наполняет всю семиотическую историю города [Лотман, 2001].

По версии М. Кагана, конкретна и отчетлива связь пушкинского начала с петровским в бытии Города [Каган, 1996].

Образная и социокультурная структура, которую видим благодаря текстам и бытию Пушкина, – это город, скорее задуманный, чем построенный (при этом духовно, интеллектуально, эстетически осуществленной), но частично все же созданный императором Петром, и город, унаследованный от императоров и поэтов Пушкиным. Это, прежде всего образ в версиях Ю. Лотмана (семиотический принцип понимания, знак и код города) и М. Кагана (культурно-антропологическая среда, живая, подвижная, странная и естественная). Этот образ в наиболее ранней применительно к XX веку версии Ю. Тынянова [Тынянов, 1968] и в прочих названных дает возможность не только сопоставить, но и принять в качестве особого мира подвижное и неподвижное, природное и рукотворное.

В отечественной научной традиции советского, а затем, по умолчанию, постсоветского времени видим **пушкинское начало** как свободу (в ее эк-

зистенциальном смысле), «покой и волю» (воплощение индивидуального и неприкосновенного бытия личности в широком смысле и творца в более конкретном). Пушкинское начало в социокультурном смысле – антиимперское. Если формально принято считать Пушкина своего рода источником советской культуры как культуры расцветающего в постреволюционном пространстве творчества, то в действительности Пушкин в определенной мере «предостерегает» в отношении имперски детерминированного, системно организованного и антропологически выхолощенного представления о его бытии.

Следовательно, пушкинские открытия еще впереди...

Библиографический список

1. Бурлина Е. Я. Хронотопия города / Е. Я. Бурлина, Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова, Я. Голубинов, Н. Барбошина, Е. Шиллинг. Самара : ООО «Книжное издательство», 2016. 240 с.
2. Вебер М. Город // Вебер М. Избранные произведения. Москва : Прогресс, 1990. С. 309–446.
3. Волконская М. Записки. Чита : Читинское книжное издательство, 1960. 160 с.
4. Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и исследования. Москва : Новое литературное обозрение, 1999. 336 с.
5. Глазычев В. Л. Город на все времена. URL: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1998_gorod_na_vse_vremena.htm (дата обращения: 05.02.2024).
6. Григорьев А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // А. Григорьев. Сочинения. В 2-х т. : т. 2. Москва : Издательство «Художественная литература», 1990.
7. Злотникова Т. С. Абсурд как призма классики // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук: конкурс грантов 2000 г.: сборник рефератов избранных работ / науч. ред. Б. В. Емельянов. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 193–196.
8. Злотникова Т. С. Культурные смыслы петровской и пушкинской России: досоветский и советский дискурсы // Вестник Санкт-Петербургского института культуры. 2022. № 3. С. 39–44.
9. Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. Санкт-Петербург : АО «Славия», 1996. 407 с.
10. Кондаков И. В. Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме. Москва : Издательство МБА, 2011. 383 с.
11. Линч К. Образ города. Москва : Стройиздат, 1982. 328 с.
12. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2001. 704 с.
13. Овсяннико-Куликовский Д. Из цикла «А. С. Пушкин. Гоголь» // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Ли-

тературно-критические работы. В 2-х тт. : т. 1. Москва : Художественная литература, 1989.

14. Письма женщин к Пушкину / редакция Л. Гроссмана. Подольск : Подольская типография, 1994. 248 с.
15. Пушкин в русской философской критике. Москва : «Книга», 1990. 527 с.
16. Тайна Пушкина. Из прозы и публицистики первой эмиграции. Москва : Эллис Лак, 1999. 541 с.
17. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. Москва : Издательство «Наука», 1968. 424 с.
18. Устюгова Е. Н. Антропологический поворот в современной урбанистике // TERRA AESTHETICAE. 2018. № 1. С. 199–215.
19. Флоренский П. Имена // Опыты. Литературно-философский сборник. Москва : Советский писатель, 1990. 480 с.
20. Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. Санкт-Петербург : Речь, 2004. 301 с.

Reference list

1. Burlina E. Ja. Hronotopija goroda = The city chronotope / E. Ja. Burlina, L. Ilivickaja, Ju. Kuzovenkova, Ja. Golubinov, N. Barboshina, E. Shilling. Samara : ООО «Knizhnoe izdatel'stvo», 2016. 240 s.
2. Veber M. Gorod = The city // Veber M. Izbrannye proizvedenija. Moskva : Progress, 1990. S. 309–446.
3. Volkonskaja M. Zapiski = Notes. Chita : Chitinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 160 s.
4. Genis A. Ivan Petrovich умер. Stat'i i rassledovani-ja = Ivan Petrovich has died. Articles and investigations. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 336 s.
5. Glazychev V. L. Gorod na vse vremena = The city for all times. URL: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1998_gorod_na_vse_vremena.htm (data obrashhenija: 05.02.2024).
6. Grigor'ev A. Vzgljad na russkiju literaturu so smerti Pushkina = A glimpse of Russian literature since Pushkin's death // A. Grigor'ev. Sochinenija. V 2-h t. : t. 2. Moskva : Izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 1990.
7. Zlotnikova T. S. Absurd kak prizma klassiki = Absurd as a prism of classics // Fundamental'nye issledovani-ja v oblasti gumanitarnyh nauk: konkurs grantov 2000 g.: sbornik referatov izbrannyh rabot / nauch. red. B. V. Emel'janov. Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2003. S. 193–196.
8. Zlotnikova T. S. Kul'turnye smysly petrovskoj i pushkinskoj Rossii: dosovetskij i sovetskij diskursy = Cultural meanings of Peter the Great and Pushkin's Russia: pre-Soviet and Soviet discourses // Vestnik Sankt-Peterburgskogo instituta kul'tury. 2022. № 3. S. 39–44.
9. Kagan M. S. Grad Petrov v istorii russkoj kul'tury = The city of Peter in the history of Russian culture. Sankt-Peterburg : AO «Slavija», 1996. 407 s.
10. Kondakov I. V. Vmesto Pushkina. Jetjudy o russkom postmodernizme = Instead of Pushkin. Essays on

Russian postmodernism. Moskva : Izdatel'stvo MBA, 2011. 383 s.

11. Lynch K. Obraz goroda = The city image. Moskva : Strojizdat, 1982. 328 s.

12. Lotman Ju. M. Semiosfera = Semiosphere. Sankt-Peterburg : «Iskusstvo-SPB», 2001. 704 s.

13. Ovsjaniko-Kulikovskij D. Iz cikla «A. S. Pushkin. Gogol» = From the cycle “A. S. Pushkin. Gogol” // Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. Literaturno-kriticheskie raboty. V 2-h tt. : t. 1. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989.

14. Pis'ma zhenshhin k Pushkinu = Women's letters to Pushkin / redakcija L. Grossmana. Podol'sk : Podol'skaja tipografija, 1994. 248 s.

15. Pushkin v russoj filosofskoj kritike = Pushkin in Russian philosophical criticism. Moskva : «Kniga», 1990. 527 s.

16. Tajna Pushkina. Iz prozy i publicistiki pervoj jemigracii = Pushkin's mystery. From the prose and journalism of the first emigration wave. Moskva : Jellis Lak, 1999. 541 s.

17. Tynjanov Ju. N. Pushkin i ego sovremenniki = Pushkin and his contemporaries. Moskva : Izdatel'stvo «Nauka», 1968. 424 s.

18. Ustjugova E. N. Antropologicheskij povорот v sovremennoj urbanistike = Anthropological turn in contemporary urbanism // TERRA AESTHETICAE. 2018. № 1. S. 199–215.

19. Florenskij P. Imena = The names // Opyty. Literaturno-filosofskij sbornik. Moskva : Sovetskij pisatel', 1990. 480 s.

20. Shtejnbah H. Je., Elenskij V. I. Psihologija zhiznennogo prostranstva = Psychology of living space. Sankt-Peterburg : Rech', 2004. 301 s.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 05.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 25.04.2024; approved after reviewing 05.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 792.54
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-245
EDN: QXXHFY

Наследие классического музыкального театра в парадигме современной культуры

Елена Владиславовна Хлыщева¹✉, Леся Станиславовна Соколюк²

¹Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20 А

²Аспирант кафедры философии, культурологии и социологии, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20 А

¹culture_mar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

²l-sokolyuk@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5982-5700>

Аннотация. В начале XX века все виды искусства значительно расширили свои границы, что привело к необходимости их нового осмысления. Не отрицая предыдущий театральный опыт, начинают подвергать сомнению идею постановки спектакля исключительно как иллюстрации литературного произведения. В русле постмодернистской ризомы театр предлагается воспринимать как событие, «перформанс» с размытыми границами жанров, акцентируя внимание на взаимоотношениях артист-зритель.

В статье анализируются трансформации, происходящие с классическим наследием музыкального театра, а именно жанром оперы, который сегодня подвергается различным модернизациям. Для этого необходимо обратиться к широкому кругу исследований, не только искусствоведческой направленности, но и к философскому осмыслению постмодернистских ценностей и интерпретаций классических произведений.

Современный театр представляет собой множественность смысловых контекстов, где сплетаются воедино музыкальное искусство, хореография, изобразительное искусство, графика, кино, литература, архитектура, которые под давлением новейших технологий размываются и теряют свою четкость.

Ярким примером спектакля нового типа становятся оперы в формате «open-air», предполагающие любую тематику представления (от театрализованных шоу до исполнения музыкальной классики) в стенах культурно-исторических и архитектурных достопримечательностей.

В статье рассматриваются новые трактовки классических опер, представленные в формате «open-air» в исторических декорациях архитектурных памятников. Ярким примером является опера «Руслан и Людмила», представленная в формате open-air в исторических декорациях Астраханского кремля.

Ключевые слова: перформанс; музыкальный театр; оперное искусство; open-air; Астрахань; Астраханский кремль; М. И. Глинка; гетеротопия

Для цитирования: Хлыщева Е. В., Соколюк Л. С. Наследие классического музыкального театра в парадигме современной культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 245–252. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-245>. <https://elibrary.ru/QXXHFY>

Original article

The legacy of classical musical theater in the modern culture paradigm

Elena V. Khlyshcheva¹✉, Lesya S. Sokolyuk²

¹Doctor of philosophical science, professor, head of the department of cultural studies, Astrakhan state university named after V. N. Tatishchev. 414056, Astrakhan, Tatischev str., 20 A

²Postgraduate student at the department of philosophy, cultural studies and sociology, Astrakhan state university named after V. N. Tatishchev. 414056, Astrakhan, Tatischev str., 20 A

¹culture_mar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

²l-sokolyuk@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5982-5700>

Abstract. The early XX century saw all art forms expand their boundaries considerably, which led to the need for them to be reinterpreted. Without denying the previous theatrical experience, the idea of staging a play as purely an illustration of a literary work is beginning to be questioned. In line with the postmodern rhizome, theater should be viewed as an event, a «performance» with blurred genre boundaries, focusing on the artist-audience relationship.

The article analyzes the transformations taking place with the classical heritage of musical theater, namely the genre of opera, which today is subjected to various kinds of modernization. To this end, it is necessary to turn to a wide range of studies, not only of art history nature, but also to those which refer to philosophical reflection on postmodernist values and interpretations of classical works.

Modern theater is a plurality of semantic contexts, where musical art, choreography, fine arts, graphics, cinema, literature and architecture are intertwined, which under the pressure of the latest technologies are blurred and lose their clarity.

A striking example of a new type of performance is an «open-air» format operas, assuming any kind of thematic performance from theatrical shows to classical music performances in the walls of cultural, historical and architectural sights. The article considers new interpretations of classical operas presented in the «open-air» format in the historical setting of architectural monuments. A striking example is the opera *Ruslan and Lyudmila*, presented in the open-air format in the historical setting of the Astrakhan Kremlin.

Key words: performance; musical theatre; opera art; open-air; Astrakhan; Astrakhan Kremlin; M. I. Glinka; heterotopia

For citation: Khlyshcheva E. V. V., Sokolyuk L. S. The legacy of classical musical theater in the modern culture paradigm. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):245–252. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-245>. <https://elibrary.ru/QXXHFY>

Введение

Изменения, происходящие в современном мире, становятся причиной переоценки различных категорий в области искусства, которое в настоящее время представляет собой поле экспериментов и поисков. Данная статья посвящена анализу оперных постановок в современном социокультурном контексте. В работе исследуется классическое наследие музыкального театра, а именно жанр оперы, который сегодня подвергается различным модернизациям. Для этого необходимо обратиться не только к узкоспециальным исследованиям искусствоведов и музыковедов, но и к философскому осмыслению ценностей и проблем, которые являются основой классических произведений.

В результате анализа были выявлены две области исследования современных оперных постановок: с точки зрения ценностно-смысловых характеристик произведения, позволяющих быть актуальными в разные эпохи, и варианты существования этих произведений в XXI веке, в частности вопрос о границах интерпретации, в результате которых театр, находясь в ризоматическом культурном контексте, теряет некоторые специфические черты, заимствуя при этом новые, принадлежащие другим видам искусства.

Искусство театра представляет собой множественность, вбирая различные элементы музыкального искусства, хореографии, изобразительного искусства, графики, кино, литературы, архитектуры, а также синтезирует театральные жанры и новейшие технологии. При этом грани жанров в театральном искусстве размываются и теряют свою четкость [Леман, 2013, с. 58].

Новые формы вживаются в культурное пространство и перестают восприниматься как нечто эпатажное и неприемлемое. Существует много примеров постановок так называемого неконвенционального театра, где доминирующей формой становится визуальная составляющая. Примерами этому служат «реальный» театр, визуальный театр, «постдраматический» театр, перформанс, хеппенинг, экшн-пейнтинг и другие. Здесь спектакль является уже не просто произведением, а событием [Фишер-Лихте, 2015, с. 43].

Анализ таких театральных форм становится объектом исследований Х.-Т. Леманна, Е. Гротовского, Д. Годера, Р. Шехнера, Ю. М. Барбоя, Б. Брехта, П. А. Руднева, Дж. Томкинса, Й. Свободы, Н. Буррио и многих других. По мнению Эжи Гротовского, театральная роль является источником лжи, не театром. Он считал, что, избавившись от «иллюстрации» можно уйти к «надтеатральному смыслу» [Гротовский, 2003, с. 141].

За последнее время произошел серьезный сдвиг во взглядах исследователей театра и режиссеров относительно постановок классических музыкальных произведений. По мнению оперного режиссера Джорджо Стрелера, для оперы существуют свои законы, и в каждом отдельном случае театр создает их заново [Стрелер, 1984, с. 123].

Новые оценки режиссуры, сценографии и архитектуры театра бросили вызов преобладающему мнению о том, что театральное пространство ограничивается сценической площадкой. Наиболее актуальными для реализации инновационных художественных идей на сегодняшний день являются спектакли в формате «open-air». Практика проведения open-air предполагает любую те-

матику представления (от театрализованных шоу до исполнения музыкальной классики) в стенах культурно-исторических и архитектурных достопримечательностей.

Для выявления специфики жанра «open-air» были проанализированы новые трактовки классических опер, представленных в Астраханском Кремле. Так, в 2019 году в рамках проекта «Русские оперы в Астраханском кремле» был представлен спектакль М. И. Глинки «Руслан и Людмила». Театральное действие развернулось под открытым небом в исторических декорациях самого Кремля. Постановка получилась достаточно эпатажной. Сам режиссер-постановщик оперы «Руслан и Людмила» Георгий Исаакян определил главной темой оперы русский дух, объединяющий людей «разных народов, культур, которые ощущают себя одной нацией» [Официальный сайт, 2019].

Для Астраханского театра оперы и балета это не первая постановка в формате «open-air». Впервые такое действие на Соборной площади состоялось в октябре 2012 года. За это время зрителям были представлены «Борис Годунов» и «Хованщина» М. П. Мусоргского, «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Сказание о невидимом граде Китеже» Н. А. Римского-Корсакова, «Иван Сушанин» М. И. Глинки, а также кантата «Александр Невский» С. С. Прокофьева.

Постановки музыкальной классики: границы интерпретаций

Российские музыкальные театры на рубеже XX–XXI веков ищут новый вектор развития, восстанавливают забытые произведения прошлого, стремясь уйти от художественных стереотипов и объединяя вечные проблемы бытия с современными культурными практиками. Важнейшей задачей современного театра становится диалог со зрителем в новом, интерактивном формате взаимодействия.

Современный театр по-прежнему основывается на аристотелевской драме, средневековых мистериях, системах К. С. Станиславского, Б. Брехта, на духовных и телесных практиках, не отрицая принципы классического театра, однако открывает новые возможности [Брехт, 1960, с. 219]. Современные режиссеры, опираясь на культурные корни и эстетические ценности прошлого, представляют их в новом, переосмысленном варианте.

Жанр оперы, существующий уже более четырех веков, претерпел «огромное количество аб-

бераций, в соответствии с особенностями мировоззрения той или иной эпохи» [Станиславский, 1982, с. 96]. Опера подвергалась реформам как со стороны композиторов, так и режиссеров К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко и Б. А. Покровского. Последний считал, что «развитие данного жанра зависит от деятельности режиссера, музицирующего действием в соответствии с музыкальной драматургией» [Покровский, 1984, с. 3]. Эпоха постмодерна подвергает изменению практически все, в том числе и оперное искусство. «Апгрейд» (upgrade от англ. обновлять, улучшать) затрагивает все аспекты: значение «драмы», «конфликта», «действия», роли артиста и зрителя, театрального пространства, и даже, либретто.

Интересным представляется процесс модификации оперы как ортодоксального жанра, под влиянием культурного плюрализма. Теоретик театра и перформанса Патрис Пави заявляет о том, что процессы взаимодействия театра с наиболее современными формами искусства и различными эстетическими категориями происходят непрерывно [Пави, 1991, с. 363]. Поэтому и опера, покинув классическое пространство сцены, не могла не измениться, сохраняя при этом свои главные, характерные черты.

Пави утверждает, что именно благодаря специфическому признаку «театральности», данный вид искусства может выходить за границы своего пространства, но при этом сохранять характерные черты [Пави, 1991, с. 365]. В данном контексте понятие театральность получает новые онтологические признаки. Театральность здесь рассматривается в сравнении с драматургическим текстом, и если «чтение «сплющивает», сворачивает драматургический текст, то постановка, визуализация позволяет проявиться потенциалам зримого и звучащего» [Пави, 1991, с. 364].

Расширение границ театрального пространства, уплотнение его содержательного слоя приводит к изменению состояния пространства театра, его качественных характеристик. В современном театре основой является зрелищность, которая при помощи различных визуальных эффектов вносит новые смыслы [Wilshire, 1982, с. 158]. На создание визуальных образов, в первую очередь, влияет применение мультимедийных и проекционных технологий в сценографии на всех этапах, от макета, эскизов и до создания декораций. В связи с этим происходит изменение приемов сценографии, которая определяет визуальную значимость театрального

действия и требует нового пространства. Выход за пределы традиционных залов в открытое пространство наделяет произведение новыми свойствами [Шпет, 2014, с. 1]. При этом каждый режиссер выстраивает отношения с пространством по своему видению и пониманию.

Пространство постановки open-air имеет определенную локацию, которая ограничена не только физическими, но и временными границами в контексте гетеротопии [Фуко, 1994, с. 4]. Театральные «гетеротопии» огромны по своим масштабам, но в то же время строго лаконичны в своей аргументации.

Согласно Джоан Томпкинс, гетеротопия направлена на коммуникативное взаимодействие между людьми в социуме, применимое к различным сферам, управляя обществом при помощи мышления, воображения, что схоже с самим понятием театра [Tompkins, 2014, с. 86]. Гетеротопия выводит на поверхность философскую концепцию произведения, оставаясь при этом как реальным локусом, компонентом художественного образа. Гетеротопии часто связаны с разрывом в обычном течении времени, точнее, в его привычном субъективном восприятии. Пространства гетеротопий могут варьироваться, но общим для них остается то, что, находясь внутри гетеротопии, человек может сказать «я здесь, но меня здесь нет» или «я есть иной». Гетеротопия представляет собой полисемантическое образование, она всегда несет в себе множество смыслов [Фуко, 2006, с. 191–204]. Целью такой формы воздействия является создание своего рода потока чувств и эмоций (фантасмагории). Важна именно эмоциональная отзывчивость зрителей, так как в таких многогранных постановках зрители зачастую не осознают глубинный смысл сразу – он приходит позже.

Но не только нововведения в сценографии и новомодные режиссерские концепции делают оперные постановки современными. Современным театральным практикам доступны новейшие мультимедийные технологии, без которых не было бы возможности создать особое, исключительное игровое пространство, создающее ощущение присутствия. Оперный режиссер Борис Покровский говорит о разнице «между оперой и искусством ее осуществления на сцене» [Покровский, 1984, с. 7; 41]. В своих трудах он подчеркивал главенствующее значение музыки.

То, что постановки музыкальной классики в формате «open-air» и другие постановки на открытом воздухе основываются на зрелищности,

очевидно. Помимо возможности использования огня и воды, применяются новейшие технологии, такие как большие видеопроекции, световые и лазерные эффекты, а также сверхмощный звук. Сюда же относятся и природные эффекты: природное освещение, которое меняется в зависимости от времени суток, звуки окружающей среды и даже запахи. Сценографы и художники применяют лазерные шоу, световые проекции, различные оптические эффекты, которые превращают соборы в леса и озера; в операх задействуют циркачей и гимнастов. Театр open-air использует природные эффекты.

XX век был насыщен экспериментами, новаторскими и провокационными постановками режиссеров Ж.-М. Виллежье, Р. Карсена, К. Маршалера, Х. Нойенфельса, Р. Уилсона, А. Фрайера, В. Бархатова, Д. Черняева. Например, постановка Питера Селларса «Свадьбы Фигаро», действие которой происходит в наши дни, а локацией стал небоскреб Нью-Йорка или постановки «Евгений Онегин» и «Сказка о царе Салтане. Перегрузка» в Тульском кремле режиссера Алексея Вэйро. Данные произведения в отличие от эпической оперы с историческим сюжетом имеют сюжетные линии, посвященные главным героям. В этом случае оперный нарратив строится на эффекте амбивалентности. С одной стороны лирические сцены, с другой – пространство, которое диктует свои правила. Эти примеры служат подтверждением того, что порой режиссеры пытаются модернизировать оперы посредством эпатажа. Как правило, в таких постановках квинтэссенцию сюжета реализуют именно посредством визуализации [Walton, 1970, с. 334–367].

Пример модернизации классики можно рассмотреть на примере постановки оперы «Руслан и Людмила» М. И. Глинки (в пяти действиях), которая основана на одноименной поэме А. С. Пушкина. Замысел оперы изначально отличался от литературного первоисточника. Глинка создал великое произведение эпического размаха. Воплощение оперы в исторических декорациях Астраханского кремля стало весьма современным и дерзким. Театральный историк и критик театра Римма Кречетова охарактеризовала современный сценический язык понятием «эклектика» [Кречетова, 1973, с. 58–67]. В данной постановке эклектика представляла основной прием, как в сценографии, так и режиссерской идее.

Игровое пространство было расположено между собором и Лобным местом на территории

Астраханского кремля. Концептуальный замысел режиссера состоял в попытке определения своей самоидентичности, со всеми присущими ей абсурдными, парадоксальными, и в тоже время важными фундаментальными аспектами.

В постановке прослеживается отсылка к уличному театру, с характерной массовостью сцен и вычурностью. Вся сценография, реквизит и костюмы не имели исторической принадлежности. У мужчин костюмы были представлены в стилистике наших дней и дополнялись меховыми накидками, а у женщин вечерние платья были объединены с кокошниками. Сами герои использовали гаджеты и делали селфи.

В первом действии представлен свадебный пир, с широтой и монументальностью музыкального воплощения. В центре игрового пространства был сооружен огромный бутафорский праздничный торт с фигурами молодоженов, символизирующий советскую эпоху. В дополнение к этому был представлен светящийся баннер с первыми буквами имен.

В постановке задействовали и дуб, который растет в Астраханском кремле. На нем, как и положено, была размещена «золотая цепь», а вокруг ходил черный кот человеческого роста.

Современность проявилась в лице новых действующих лиц, например, свадебного оператора, с камеры которого свадьба транслировалась на экран, охранника князя Владимира и других экстраординарных персонажей (трио похитителей невесты – отсылка к фильму «Кавказская пленница»). При этом все главные герои и сюжетные линии были представлены в соответствии с оперными канонами.

В сцене похищения Людмилы музыка принимает сумрачный характер, вместе с музыкой меняются и элементы сценографии: Фигура Людмилы пропадает с торта, сердце улетает, а буква «Л» гаснет.

В третьем действии, в замке Наины, перед зрителями представали хороводы в костюмах, стилизованных под «гжельскую» и «жостовскую» роспись, а также гимнастки с лентами, гигантские бутафорские руки и резиновые крокодилы, визуально дополняющие звучание марша Черномора.

Дополнительным игровым пространством постановки стал экран, но проекции на нем появлялись лишь в определенные моменты, например, кадры свадебного торжества, статичная заставка «P & L» или же некий нейтральный фон, тем са-

мым заставляя зрителей фокусировать внимание на сценическом действии и музыке.

Примечательно, что действие оперы происходит на разных частях сцены. На основе взаимодействия этих пространств появляется внутреннее пространство, в котором посредством связи и определенной иерархии возникает некое новое социальное пространство со своим идеологическим содержанием.

Второй акт начинается с симфонического вступления, которое погружает в суровую атмосферу. То есть вторая картина полностью противоположна первой. Неординарно была представлена Голова, в том числе с точки зрения музыки. Озвучивал ее мужской хор в военных костюмах разных эпох, в то время как в классической постановке хор обычно находится за сценой.

В третьей картине звучит героическая ария Руслана «О поле, поле...». Сама музыка заставляет задуматься о вечных ценностях, которые в наши дни порой уходят на второй план.

Четвертое действие разворачивается в садах Черномора, где томится Людмила. Режиссер определяет данную локацию по сюжету как некое экзотическое место, а самого Черномора иллюстрирует посредством огромного «китайского» дракона, но голова в постановке все же есть. В финале оперы, под звучание «Слава великим богам», на экране зрители видят подмигивающую голову Александра Сергеевича Пушкина.

В музыке, которая переносит зрителя в обстановку глубокой древности, отражены монументальные образы. Основной конфликт оперы представлен столкновением сил добра и зла, а главная идея – торжество светлых сил над темными, раскрывается еще в увертюре.

Несмотря на то, что в постановке классического музыкального произведения, где медиаэффекты играют наряду с артистами, и порой не ясно, что является более реальным человек или изображение, где под открытым небом, используя природные ландшафты и городскую среду для создания впечатления, главным в восприятии зрителей остается идея, воспетая композитором – героизм, благородство, верность, и высмеивается трусость, злобу и коварство. В сюжете переплетаются подвиги, превращения, истории взаимоотношений между людьми. Все это – театр, который говорит со зрителями на языке визуальных образов, различных метафор, кодов и символов. Смысл передается именно через визуальный образ, существующий на границе жанров. Это и заставляет увидеть театр по-новому.

Существует мнение, что модернизация оперы это и есть создание нового типа драматургии, например, придание новизны постановке за счет реализации некоего философского взгляда режиссера. Но это все лишь визуальные эффекты, направленные на актуализацию классического материала, не влияющие на оперные постулаты. И Георг Гегель был сторонником той точки зрения, согласно которой «содержание спектаклю дает именно драма, а сцена облачает это содержание в художественный образ» [Гегель, 1971, Т. 4, с. 321].

Многие композиторы создавали не только музыку, но и либретто. Например, М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, П. И. Чайковский. Поэтому партитура – это не просто музыка, это оперное произведение, в котором объединены музыка, сюжет, авторский замысел, художественный образ. Именно в «музицировании действием и заключен фокус оперы как искусства синтетического», – отмечает Борис Покровский [Покровский, 1985, с. 4].

К примеру, опера «Руслан и Людмила» поставлена в неожиданном и эксцентричном ключе, но при этом произведение все равно принадлежит Михаилу Глинке. Все признаки так называемой модернизации и актуализации не меняют того смысла, который вложил в музыку Глинка. Черномор, несмотря на художественный образ китайского дракона, остается персонажем произведения Глинки.

И в классической, и в современной постановке есть главное – действие, сюжетная линия, взаимодействие героев, конфликт. В данном случае особый научный интерес представляет попытка раскодировать режиссерский замысел в опере через некоторые концепции и приемы.

Новизна постановок *open-air* в исторических декорациях Астраханского кремля заключается в том, что драматургия, а главное музыка, органично взаимодополняют данное пространство и архитектуру. Астраханский кремль является «главным героем» постановки. В данном случае используются уже существующие элементы пространства – архитектура, текстурные и акустические свойства. Место постановки является главенствующим. Меняются функции декораций – они не маскируют, а дополняют пространство. Зачастую постановки просто переносят из классического пространства сцены в исторические декорации, где они теряют свою идентичность. В данном случае спектакли создаются с полным погружением в материал. Даже бутафорский

торт, картонные лимузины и танки были тонко вписаны в историческую панораму. Уникальность заключается еще и в том, что действие спектакля происходит здесь и сейчас, и увидеть его можно только однажды. Главная идея данной постановки заключается в попытке проиллюстрировать загадочный русский мир, «русский дух», в разрезе современности. Россия объединяет огромное количество национальностей, с их самобытной культурой, языком и традициями. Но при этом, проживая на одной территории, мы идентифицируем себя как русские люди по духу.

Музыкальный критик, музыковед Борис Асафьев определил концепцию «Руслана и Людмилы» как «драматизированный народно-музыкальный эпос, в котором мотивы русской былинной этики переплетены с северно-легендарными и восточно-сказочными узорами, вытканными на философско-этическом раздумье о власти чувства любви, о верности в любви и дружбе и предостережениях против сманивающих с этического пути жизни оболещениях» [Асафьев, 1952, Т. 1, с. 155].

Так же, как нет единого режиссерского видения, так и не существует универсального оперного режиссерского языка. Каждый конкретный случай требует индивидуального подхода к изучению. Сегодня у режиссеров появляется возможность открыть новую истину «классиков», а у зрителей осознать ее, так как для каждого зрителя существует личный театр, тот, который он осознает и чувствует по-своему. Именно поэтому не существует единого верного видения произведения.

Заключение

Современный театр неизменно остается фундаментальным видом искусства с почти безграничными художественными возможностями, представляя собой пространство для духовной, социальной и содержательной связи между людьми.

Устремления к театральной зрелищности считают признаком упрощения задачи перед зрителем, однако, например, в случае современных постановок музыкальной классики, процесс выглядит противоположным образом. Очевидно, насколько тоньше должно быть восприятие по сравнению с классическим театром [Барбой, 1988, с. 67].

Перед современными театральными деятелями стоят непростые задачи, одна из них – привлечь молодых зрителей к классическому насле-

дию. Поставить оперу – это значит воплотить музыкально-драматического произведение посредством соединения музыкального материала, сюжетной линии, создания образов и характеров героев, то есть создать на сцене музыкальную драматургию.

Конечно, в разные эпохи не было и сейчас нет универсального подхода к этой задаче. Для каждого времени актуальными будут свои элементы драматургии, сквозные действия, приемы соединения частей произведения. Из этого следует главный вывод, что процесс модернизации оперы может быть осуществлен лишь автором – композитором.

Инструментами театра по-прежнему остаются «драма», «конфликт», «действие», «сквозное действие», «сверхзадача», «событие» и конечно «место действия». Но в данный момент, когда даже такие основополагающие традиционные формы как опера трансформируются, выходят за рамки классической сцены, дополняются различными видами искусства, существует необходимость изучения и разработки теоретической и методологической основы для нового театра.

Библиографический список

1. Асафьев Б. В. Избранные работы М. И. Глинке. Избранные труды. В 5 т. : Т. 1. Москва : Изд-во академии наук СССР, 1952. 401 с.
2. Барбой Ю. М. Структура действия и современный спектакль. Ленинград : ЛГИТМиК, 1988. 201 с.
3. Брехт Б. О театре / пер. с нем., составл., предислов. и коммент. Е. Г. Этгинда. Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. 364 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : В 4 т. Т. 3 / пер. с нем. Ю. Н. Попова и др. Москва : Искусство, 1971. 623 с.
5. Гротовский Е. От Бедного театра к Искусству-проводнику / пер. с польск., сост., вступ. ст. и примеч. Н. З. Башинджагян. Москва : Артист. Режиссер. Театр, 2003. 351 с.
6. Кречетова Р. П. Поиски единства // Театр, 1973. № 2. С. 58–67.
7. Леман Х.-Т. Постдраматический театр / пер. с нем. Н. Исаева. Москва : ABCdesign, 2013. 312 с.
8. Официальный сайт Астраханского государственного театра Оперы и Балета. Второй премьерный день. URL: <https://www.astoperahouse.ru/news/5892-vtoroy-premernyy-den> (дата обращения: 30.04.2024).
9. Пави П. Словарь театра / пер. с фр. под ред. К. Разлогова. Москва : Прогресс, 1991. 504 с.
10. Покровский Б. А. Сотворение оперного спектакля: Шестьдесят коротких бесед об искусстве оперы. Москва : Детская литература, 1985. 144 с.
11. Покровский Б. А. Ступени профессии. Москва : Всероссийское театральное общество, 1984. 343 с.

12. Стрелер Дж. «Театр для людей. Мысли записанные, высказанные и осуществленные» / пер. с итал. и коммент. С. Бушуевой. Москва : Радуга, 1984. 310 с.

13. Станиславский К. С. Об искусстве театра: Избранное. Москва : Всерос. Театр. о-во, 1982. 313 с.

14. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской. Москва : PLAY&PLAY – Канон+, 2015. 376 с.

15. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью; пер. с фр. С. Ч. Офертаса. Москва : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.

16. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгин, Н. С. Автономова. Санкт-Петербург : А-сэд, 1994. 406 с.

17. Шпет Г. Г. Театр как искусство. URL: <https://e.lanbook.com/book/51577> (дата обращения: 01.05.2024)

18. Tompkins J. Theatre's heterotopias: Performance and the cultural politics of space. New York : Palgrave Macmillan, 2014. 231 p.

19. Walton K. Categories of Art // The Philosophical Review 1970. Vol. 79. No. 3. P. 334–367.

20. Wilshire B. Role Playing and Identity: The Limits of Theatre as Metaphor. Bloomington, IN : Indiana University Press, 1982. 320 p.

Reference list

1. Asaf'ev B. V. Izbrannyye raboty M. I. Glinke. Izbrannyye trudy = Selected works of M. I. Glinke. V 5 t. : T. 1. Moskva : Izd-vo akad. nauk SSSR, 1952. 401 s.
2. Barboj Ju. M. Struktura dejstvija i sovremennyy spektakl' = Action structure and contemporary performance. Leningrad : LGITMiK, 1988. 201 s.
3. Breht B. O teatre = About the theatre / per. s nem., sostavl., predislov. i komment. E. G. Jetkinda. Moskva : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1960. 364 s.
4. Gegel' G. V. F. Jestetika : V 4 t. T. 3 = Esthetics: in 4 vols. V. 3 / per. s nem. Ju. N. Popova i dr. Moskva : Iskusstvo, 1971. 623 s.
5. Grotovskij E. Ot Bednogo teatra k Iskusstvu-provodniku = From the Poor theater to the Arts Guide / per. s pol'sk., sost., vstup. st. i primech. N. Z. Bashindzhagjan. Moskva : Artist. Rezhisser. Teatr, 2003. 351 s.
6. Krechetova R. P. Poiski edinstva = Seeking unity // Teatr, 1973. № 2. S. 58–67.
7. Leman H.-T. Postdramaticheskij teatr = Post-drama theatre / per. s nem. N. Isaeva. Moskva : ABCdesign, 2013. 312 s.
8. Oficial'nyj sajt Astrahanskogo gosudarstvennogo teatra Opery i Baleta. Vtoroj prem'ernyj den' = The official website of the Astrakhan State Opera and Ballet Theater. The second premiere day. URL: <https://www.astoperahouse.ru/news/5892-vtoroy-premernyy-den> (data obrashhenija: 30.04.2024).
9. Pavi P. Slovar' teatra = Theatre vocabulary / per. s fr. pod red. K. Razlogova. Moskva : Progress, 1991. 504 s.

10. Pokrovskij B. A. Sotvorenje opernogo spektaklja: Shest'desjat korotkih besed ob iskusstve opery = Creating an opera performance: Sixty short talks on the art of opera. Moskva : Detskaja literatura, 1985. 144 s.
11. Pokrovskij B. A. Stupeni professii = Steps of the profession. Moskva : Vserossijskoe teatral'noe obshhestvo, 1984. 343 s.
12. Streler Dzh. «Teatr dlja ljudej. Mysli zapisannye, vyskazannye i osushhestvlennye» = Theater for people. Thoughts written down, spoken and realized" / per. s ital. i komment. S. Bushuevoj. Moskva : Raduga, 1984. 310 s.
13. Stanislavskij K. S. Ob iskusstve teatra: Izbrannoe = On the art of the theatre: selected works. Moskva : Vseros. Teatr. o-vo, 1982. 313 s.
14. Fisher-Lihte Je. Jestetika performativnosti = Esthetics of performing / per. s nem. N. Kandinskoj. Moskva : PLAY&PLAY – Kanon+, 2015. 376 s.
15. Fuko M. Drugie prostranstva = Other spaces // Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju; per. s fr. S. Ch. Ofertasa. Moskva : Praxis, 2006. Ch. 3. S. 191–204.
16. Fuko M. Slova i veshhi: arheologija gumanitarnyh nauk = Words and things: archeology of the humanities / per. s fr. V. P. Vizgin, N. S. Avtonomova. Sankt-Peterburg : A-cad, 1994. 406 s.
17. Shpet G. G. Teatr kak iskusstvo = Theatre as an art. URL: <https://e.lanbook.com/book/51577> (data obrashhenija: 01.05.2024)
18. Tompkins J. Theatre's heterotopias: Performance and the cultural politics of space. New York : Palgrave Macmillan, 2014. 231 r.
19. Walton K. Categories of Art // The Philosophical Review 1970. Vol. 79. No. 3. P. 334–367.
20. Wilshire B. Role Playing and Identity: The Limits of Theatre as Metaphor. Bloomington, IN : Indiana University Press, 1982. 320 p.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 23.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья
УДК 008:1 – 027.21, 008(091)
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-253
EDN: RKOSMR

Критик как наставник: из опыта отечественной кинокритики

Николай Андреевич Хренов

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры, Государственный институт искусствознания. 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5
nihrenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению опыта отечественной кинокритики в ситуации «оттепели». Этот временной период становится историческим контекстом деятельности одного из выдающихся и самых известных кинокритиков второй половины XX века – Н. М. Зоркой. В статье делается акцент на то, что начиная с рубежа 50–60-х годов советское кино испытывает заметный подъем, в кинематографе возникает важное направление, которое в мировом контексте традиционно именуют «новой волной», значимым феноменом которой в советском кино является появление и утверждение «авторского» фильма. Указано, что именно это направление советского кинематографа нередко наталкивается на непонимание массового зрителя, свидетельствуя о неготовности понимать изменяющиеся формы киноязыка. Массовый зритель привык к кино, которое сводило свои функции к пропагандистским и охранительным функциям. Определено, что советское кино продолжало быть апологетическим по отношению к утопическому социальному строю, хотя именно в это время уже было очевидно, что утопия не может быть реализуема в жизни. Данное настроение порождает кинокритику нового поколения, которая становится активным звеном кинематографической жизни, в которой все больше проявляется гражданская позиция. Функция кинокритики как комментатора, учителя и наставника расширяется. Кинокритика становится активным посредником между авторами (режиссерами), с одной стороны, и реципиентами – с другой. Столь высокий статус кинокритики в этот период объясняется еще и тем, что впервые кинокритика начинает опираться на науку. Так, она успешно ассимилирует научные методы, которыми к этому времени уже располагала возрождающаяся во второй половине XX века социология как наука. Обращаясь к творческой биографии одного из самых известных кинокритиков этого периода – к Н. М. Зоркой, автор предпринимает не только характеристику кинокритики этого периода в целом, но и ставит общие вопросы, связанные с осуществлением критикой функции наставничества, понимаемого в широком смысле.

Ключевые слова: кинокритика; критика периода оттепели; «новая волна» в кино; «авторский» фильм; массовая культура; рецепция фильма; социология кино; формальная школа в литературоведении; Н. М. Зоркая; Н. А. Лебедев; В. Я. Пропп; Ю. М. Лотман

Для цитирования: Хренов Н. А. Критик как наставник: из опыта отечественной кинокритики // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 253–262. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-253>. <https://elibrary.ru/RKOSMR>

Original article

Critic as a mentor: from the russian film criticism experience

Nikolai A. Khrenov

Doctor of philosophical sciences, professor, chief researcher at the department of media and mass arts, the sector of entertainment culture, State institute for the arts studies. 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5
nihrenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Abstract. The article focuses on analyzing the experience of russian film criticism in the situation of «thaw». This time period becomes the historical background for the work of one of the most prominent and best-known film critics in the second half of the XX century – N. M. Zorkaya. The article emphasizes that in the 50s–60s Soviet cinema underwent a noticeable revival, with an important trend in cinematography, which is traditionally referred to worldwide as the «new wave», whose significant phenomenon in Soviet cinema is the rise and development of the «author's» film. It is precisely this trend in Soviet cinematography that is often misunderstood by the mass audience, indicating a lack of

readiness to understand the changing forms of film language. The mass audience was used to the cinema, which reduced its functions to propaganda and protective functions. Soviet cinema continued to be apologetic towards the utopian social order, although at this time it was already obvious that utopia could not be realized in life. This attitude gives rise to a new generation of film criticism, which becomes an active part of cinematic life, in which civic-awareness becomes more and more apparent. The function of film criticism as a commentator, teacher and mentor is growing. Film criticism is becoming an active mediator between authors (directors), on the one hand, and recipients, on the other. Such a high status of film criticism at that period is also due to the fact that for the first time film criticism begins to rely on science. Thus, it successfully assimilates the scientific methods already available to sociology as a science, reviving in the second half of the XXth century. Turning to the creative biography of a famous film critic of this period, N. M. Zorkaya, the author not only characterizes film criticism of this period as a whole, but also raises general questions related to implementing the function of the criticism as a mentor, understood in a broad sense.

Key words: film criticism; criticism of the thaw period; «new wave» in cinema; «author's» film; mass culture; film reception; sociology of cinema; formal school in literary studies; N. M. Zorkaya; N. A. Lebedev; V. Y. Propp; Yu. M. Lotman

For citation: Khrenov N. A. Critic as a mentor: from the russian film criticism experience. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2024;(2):253–262. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-253>. <https://elibrary.ru/RKOSMR>

Введение

Вопрос об учителе и наставнике в современном образовательном процессе касается многих сфер культуры. Касается он и искусства. Критика с точки зрения социологии является одним из подинститутов искусства как социального института, способствующего выживанию социума. В соответствии с функционализмом как одним из направлений в этой науке каждый социальный институт осуществляет необходимые для общества социальные функции, и воспитательная функция – одна из самых важных. Отсюда и вытекает отношение к критику как к наставнику. Уже древние мыслители констатировали колоссальный грандиозный воспитательные потенциал искусства. Но, правда, они не исключали и возможность негативного его воздействия. Например, Платон вообще сводил искусство к его воспитательной функции, а то, что ей не соответствует, от этого, как он утверждал, необходимо было государству избавляться. Намного более плодотворной была позиция его ученика – Аристотеля, поставившего вопрос о социально – психологических функциях искусства, и, в частности, о катартической функции, касающейся воздействия искусства.

Несомненно, художник тоже может быть представлен и учителем, и наставником. Но об этом много сказано. Критик всегда оказывался в тени художника. Хотелось бы обсудить этот вопрос применительно к художественной критике, способной объяснить и разъяснить в произведении искусства то, в чем иногда не отдает отчета и сам художник, не говоря уже о зрителе и читателе. Последние представляют особую проблему. Мы попытаемся показать, как кинокритика начинает

осознать эту проблему, обращаясь к науке. Это осознание в полной мере относится к деятельности одного из самых известных советских кинокритиков Н. М. Зоркой

Результаты исследования

Кинокритика периода «оттепели»: воспитание как воспитание новой гражданской позиции

О критике как учителе и наставнике, да и вообще о критике говорят и пишут недостаточно. В связи с этим обратимся к одному из самых ярких периодов в истории кино – к периоду оттепели, когда в советском кино появилась так называемая «новая волна». Чтобы верно ощутить пафос фильмов, выражающих дух «новой волны», нужно было иметь гражданскую позицию. Но не успело ли советское кино к этому времени приучить кинозрителя к чему-то совсем другому. Но одновременно с «новой волной» появилась и новая критика, без которой это кино вряд ли имело такой широкий резонанс. Режиссеры «новой волны» начали ощущать со стороны новой критики или критики нового поколения серьезную поддержку. Она повела за собой и зрителя, пробуждала в нем вкус к гражданскому мышлению. Статус критика в это время был очень высок. К сожалению, этот статус позднее был утрачен, что не могло не сказаться и на самом кино. Эта беспрецедентная в истории российского искусства ситуация заслуживает обстоятельного разговора.

Мы же попробуем поставить акцент в этой проблематике на том, как с помощью критики нового поколения был заново открыт зритель. И тот, который затруднялся воспринимать «авторские» фильмы, и тот, который как раз уже был готов воспринимать именно фильмы этого рода.

Для того, чтобы воздействовать и воспитывать зрителя, необходимо было понять, каким он был в реальности. Мы зря сводим то, что стоит за понятием «зритель» к выражению «массовый зритель». В том-то и дело, что в этой массовой публике давно произошла дифференциация. Этот вопрос кинокритика 60-х годов начала решать с помощью науки.

Конечно, обо всех критиках этого времени не скажешь. Поэтому все, что хочется сказать о критике этого времени, попробуем показать на примере деятельности Неи Марковны Зоркой. Кто станет спорить с тем, что роль кинокритика в кинематографической жизни страны весьма значима. А между тем, как можно объяснить то обстоятельство, что постоянно говорят и пишут исключительно об актерах и режиссерах, а имен критиков практически не знают. Критически оценивая ситуацию с критикой, попробуем воспроизвести один из самых интересных периодов в истории отечественной критики, как и вообще в истории отечественного кино, а именно, период оттепели, когда кинокритика стала тесно смыкаться с наукой и многое делала для того, чтобы активным участником кинематографической жизни был также и, как ни покажется странным, зритель. Но за проблемой зрителя оказалась актуальной и еще одна и теоретическая, и практическая проблема – проблема рецепции. В тезаурусе науки зритель – это реципиент. Не то, чтобы проблематика рецепции была ранее неизвестна, утверждать так, было бы неправдой. Но в этот период возникли обстоятельства, способствующие тому, что проблематика рецепции снова активизировалась, вызвав к жизни новый ракурс в исследовании кино, как и искусства вообще.

Пытаясь в этой теме разобраться, мы отдаем отчет в том, что приблизительно с рубежа 50–60-х годов прошлого века такой интерес к реципиенту возник в социальных, но и в гуманитарных науках, в том числе, в искусствознании. Но прежде всего, в кругах профессионалов – социологов, хотя таких еще ни в одном из учебных заведений страны не готовили. Вскоре они появились и в кино, приходя из разных сфер. На этой волне в Москве открывается институт конкретных социальных исследований. Появились лидеры: Ю. Левада, Б. Грушин, В. Ядов, Ю. Давыдов и др. Возникли контакты с зарубежными коллегами. Начали организовываться специальные конференции, круглые столы и дискуссии. Особенно активным в этот период оказывался консолидирующий кинематографистов Союз кинематографистов. Эта ак-

тивность, следует сказать, чиновников пугала. И уже во второй половине 60-х годов у них появилось стремление расформировать Союз кинематографистов. Наконец, в разных городах страны появились научные группы, проводящие социологические исследования кинозрителя.

В Институте истории искусства писали академические труды, но некоторые сотрудники были в то же время очень известными кинокритиками. В частности, это Виктор Демин, Юрий Богомолов, Юрий Ханютин, Валентин Михалкович, Нея Зоркая и другие. К этому кругу примыкала Майя Туровская, но она не являлась сотрудником Института истории искусств.

Мы остановимся на деятельности Н. М. Зоркой, труды которой для выбранной темы показательны. В конце 80-х годов прошлого века М. Туровская опубликовала статью о кинорежиссере Иване Пырьеве. В ней она пытается дать определение массового фильма. В связи с этим она делает сноску и пишет: «Кроме работ Н. Зоркой «На рубеже столетий. (Наука. 1976), «Уникальное и тиражированное» (Искусство, 1981), ничего существенного на эту тему не было тогда, нет и теперь» [Туровская, 1988, с. 111]. С тех пор прошли десятилетия, проведено множество социологических исследований, но ситуация не изменилась. М. Туровская этой своей сноской помогла найти в проблематике кинокритики особую тему. Попробуем ее изложить и проанализировать.

Так вот, на возникающий в науке интерес к новой научной парадигме – социологии, не могло не отреагировать и киноведение. Киноведа старшего поколения, например, бывший ректор ВГИКа и организатор киноведческой кафедры в этом институте и ее первый заведующий Н. А. Лебедев был энтузиастом социологии кино. При Союзе кинематографистов он организовал Общественный совет «Кино и зритель», а во ВГИКе по этой проблематике проводил со студентами семинар.

Н. М. Зоркая прежде всего представляет кинокритику. На примере Н. М. Зоркой важно поставить вопрос, как с рубежа 50–60-х годов прошлого века кинокритика отреагировала на востребованность изучения рецепции и реципиента. Разумеется, Н. М. Зоркая представляет не только кинокритику, о чем будет сказано далее. Отметим, что кинокритика скорее ближе герменевтике, то есть к методологии интерпретации фильма, нежели к социологии [Громов, 2004]. Но ситуация в киноведении была такой, что энтузиастов исследовать эту проблематику в этой среде не оказалось. Важно отметить, что к новой постановке

вопроса о зрителе кинокритика того времени была неготовой, хотя одной из значимых ее функций, как нами уже отмечено, является все же транслировать свои профессиональные оценки в массовую публику. При этом оценки критики с оценками реципиента часто и заметно расходились. Россия давно уже существовала в массовом обществе со всеми вытекающими отсюда последствиями, и, в частности, она уже сталкивалась с тем, что будут называть массовой культурой. Но об этом в советской России долго еще невозможно было говорить. Считалось, что в стране, созидающей никогда еще в мире не существовавшее государство, того, что обычно обозначается массовой культурой быть не должно. Если она и была, то только до 1917 года. Она и в самом деле до этого времени была и если бы не активность цензуры, то продолжалась бы и после 1917 года. Реабилитация этого пласта в структуре советской художественной культуры началась именно в 60-е годы, когда Н. М. Зоркая уже стала известной, как одна из самых известных критиков. Именно ею и были сделаны тогда самые парадоксальные открытия.

Ощувив актуальность проблематики, Н. М. Зоркая как беспокойный и смелый человек, человек с присущей ей и ярко выраженной гражданской позицией начала с критики в адрес своих коллег, в подинститут критики в целом как важное звено в кинематографической жизни. Свою критику коллег по критическому цеху она начинает в одной из своих книг, ссылаясь на авторитет польского киноведа Б. Михалека, книги которого у нас издавались. А он говорит о растерянности и бездействии критики перед все увеличивающимся массивом развлекательных фильмов, составляющих массив массовой культуры. Он приходил к выводу о необходимости менять подходы, методике анализа, разрушать сложившиеся стереотипы оценок массового вкуса. Получается, реципиента следовало открывать заново. Кинокритика, преследуя, как она была убеждена, воспитательные цели, на самом деле давно успела утратить способность быть в диалоге со зрителем, ограничиваясь пропагандистскими задачами, подменяющими истинно воспитательные цели. Все это свидетельствовало о том, что иные социальные группы, которые к восприятию «новой волны» в кино переросли даже саму кинокритику, переставшую осуществлять свои прямые функции.

Подхватывая эту мысль, Н. М. Зоркая доказывает: «Прошло несколько лет, но мало что изменилось. За последние годы многое сделала для изучения кинозрителя и значительно обогнала

киноведение отечественная социология. Учитывая, что с 20-х годов социологические исследования кино у нас фактически не велись, наверстывать упущенное пришлось рывком, одновременно накапливая эмпирический материал, и вырабатывая методологию, и теоретически осмысливая полученные данные, так сказать, на ходу, в пути. При всех естественных издержках такая стремительность обладает преимуществом большой непосредственности, достоверности, непредвзятости полученных предварительных выводов и итогов. Важным качеством явилось и то, что объектом изучения был взят, действительно, массовый советский кинозритель, массовая аудитория 60-х – начала 70-х годов, а не некий умозрительный, ретортный индивид, который вырисовывался в воображении перед составителями самых ранних анкет, перед участниками симпозиумов на тему «Кино и зритель». Естественно, что при выходе социологии из кабинетов в кинозалы, к кассам кинотеатров, при первых же подсчетах результатов опросов выяснилось, что тип «зрителя, ориентированного на развлечение, - так его стали называть - далеко не «пережиток» буржуазных вкусов или «продукт чуждых влияний», не «отсталый субъект», недоохваченный эстетической пропагандой, не заблуждающийся представитель незначительного меньшинства, но живая, непреложная реальность» [Зоркая, 1976, с. 120]. А каким он был на самом деле?

Итак, речь шла о прорыве в реальность. Этой реальностью и стал в середине прошлого века реципиент. Но за ним стояло общество, начавшее выходить из утопического общества, реализуемого в России уже несколько десятилетий. К выявлению этой реальности исследователи близко подошли еще в 20-е годы. Уже тогда было собрано много фактов о несходстве оценок кинокритики и массовой аудитории [Хренов, 1976, с. 163–184]. Но в 20-е годы еще не все было ясно. Е. Замятин был еще одиноким пророком. В 60-е годы, когда возникает обостряющее вопрос с реципиентом так называемое «авторское» кино, повторялось то, что уже было реальностью в 20-е годы, а именно, неприятие авангардного кино. Дело здесь не только в выходе из утопии в реальность. Все более становилось очевидным, что революционное возбуждение, столь характерное для первых послереволюционных десятилетий, какое-то время способствовало тому, что масса эту утопию в пропагандистской упаковке приняла и воспринимала реальность именно в утопическом духе. Но в таком духе воспринимались и оценивались фильмы.

Мы ведь имеем дело с разбухшей революцией и заряженной массой. Но эта психология не могла сохраняться и в последующие десятилетия. Она иссякала. Реципиент освобождался от той роли, которую он, увлеченный утопией, исполнял. Это приводило к тому, что его активность постепенно принимала иной характер и начал искать подтверждение на экране новым настроениям.

Так, на этой почве возникла целая группа критиков нового поколения, которая будила и оформляла возникающее новое общественное сознание, наконец, рождала и поддерживала гражданскую позицию, без которой существенные смыслы «авторского» кино не прочитывались. Постструктуралисты в европейской эстетике в это время приветствовали понижение значимости автора и, соответственно, повышение активности реципиента. И это действительно реальный процесс. Реципиент переставал быть объектом. Он, разбухший кинокритиками «новой волны», все больше заявлял о себе как субъекте и был расположен к коммуникации с фильмом на этом уровне.

Но эта приемлемая для рецепции искусства тенденция осознания реципиентом себя как субъекта, характерная, конечно, и для других культур, в советской России приобретала специфические особенности, а именно, отторжение идеологических установок. Безусловно, идеологически мыслящие ответственные лица эти процессы не могли не ощущать, делая выводы не в пользу активизирующегося общества. Этот весьма плодотворный процесс закончился свертыванием сопровождающих оттепель настроений. Н. Хрущев, благодаря деятельности которого в стране укрепляется гражданское общество, будет в 1964 году смещен со своего поста. Однако остановить начавшийся процесс было трудно. Имела место инерция, на почве которой происходит раскол в кинокритике. Охранительная тенденция в ней начала сдавать позиции. В первые ряды начинала выдвигаться кинокритика, ощущающая новые настроения реципиента. Она выступала своеобразным рупором рождающегося общественного мнения и вообще гражданского общества, заявляющего о своей самостоятельности. Это было замечательное время и в истории кинокритики, и кино в целом. Все это свидетельствовало и о возникновении в советском кино так называемой «новой волны» и об атмосфере периода оттепели вообще.

Отношения киноведения, кинокритики и социологии кино: Н. М. Зоркая как социолог

Чтобы дать характеристику деятельности Н. М. Зоркой, необходимо было показать социально – психологический контекст, то есть общественные настроения периода «оттепели», что мы и делаем. Теперь же попробуем непосредственно обозначить роль в разворачивающихся процессах Н. М. Зоркой. Конечно же, она была не только постоянно действующим кинокритиком, но и одним из авторитетных историков кино, а именно это обстоятельство позволяло ей делать такие выводы о реципиенте, которые сами социологи делать не могли. Как известно, отношения социологии и исторической науки весьма запутаны. Социологи склонны фиксировать один какой-то срез, одно состояние в историческом процессе. Историкам же важно проследить логику процесса в больших временных длительностях. Но очевидно, что отсутствие исторического контекста в осмыслении какого-то момента в отношении искусства и общества будет неполным и, можно даже сказать, поверхностным. Но это особая тема, требующая специального рассмотрения. Н. М. Зоркая в нее не вникала. Она просто работала с фактами, которыми располагала и как критик, и как историк. Это совмещение разных направлений в ее деятельности помогло ей сделать то, что сделала только она.

При углубленном изучении или поверхностном знакомстве с ее работами, а их на 1999 год, как сообщает журнал «Кинограф» [Нея Зоркая, 1999, с. 56–77], насчитывалось более пятисот, возникает ощущение всеохватности и даже всеядности. Кажется, что нет ни одной проблемы кино, ни одного направления в науке о нем, которых она бы не касалась. При этом по своей специализации Н. М. Зоркая киноведом не была. Она закончила ГИТИС и начинала как театровед, причем, весьма успешно, о чем свидетельствовала ее кандидатская диссертация и книга о театральном режиссере А. Попове. Тем не менее, она стала киноведом и, надо сказать, что она очень точно сформулировала, как следует понимать эту науку. Для нее киноведение предполагает прежде всего знание кинофонда и киноархива. О том, как она эту профессию постигала, Н. М. Зоркая подробно расскажет в своей статье «Как я стала киноведом» [Зоркая, 2011, с. 226].

Здесь следует сказать, что само киноведение распадается как минимум на три субдисциплины: историю, теорию и критику. Хотя Н. А. Лебедев, в

контакте с которым Н. М. Зоркая была заинтересована, в общей науке о кино находил еще больше направлений [Лебедев, 1974]. Так какую же субдисциплину представляет Н. М. Зоркая? Может быть, критику? Да, конечно. Она – одна из самых известных и читаемых критиков. Стоит только посмотреть список ее публикаций, чтобы в этом убедиться. Многие режиссеры были благодарны за своевременные и точные оценки их фильмов. Со многими из них она состояла в переписке, например, с Г. Козинцевым [Козинцев, 1994, с. 96–99]. Зрители сверяли свое отношение к фильмам по рецензиям Н. М. Зоркой, хотя иногда и вступали с ней в спор. Об этом, в частности, свидетельствует письмо зрительницы, адресованное Н. М. Зоркой по поводу ее статьи «Заметки к портрету Андрея Тарковского», в котором она упрекает критика за слишком фамильярные суждения о режиссере. Это письмо опубликовано в «Мартирологе» Тарковского. [Тарковский, 2008, с. 111]. Здесь невозможно не упомянуть о ее принципиальной и гражданской позиции. Для критика это принципиально.

Н. М. Зоркая известна и как историк кино. Будучи научным сотрудником сектора кино Института истории искусства с 1952 года, она пишет главы во втором варианте многотомного исследования по истории советского кино. Н. М. Зоркая была членом редколлегии этого издания и должна была писать основные главы первого тома, посвященные немому кино. Но за подписание коллективных писем в защиту осужденных писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля и авторов «Белой книги» Гинзбурга и Галанскова она была исключена из КПСС, попав в «черный список». По этой причине из многотомника были устранены и ее тексты. Однако они стали основой ее будущего и самого глубокого ее труда «На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910-х годов». Наконец, в 2005 году она выпускает авторский вариант истории советского кино [Зоркая, 2005]. Так что рукописи и в самом деле не горят.

И, наконец, Н. М. Зоркая состоялась как теоретик кино. Вообще, теории кино как одной из субдисциплин киноведения повезло меньше. Несмотря на то, что в этой сфере теоретизируют с рождения кино и особенно в 20-е годы, (недавно вышел расширенный и дополненный том ранних теорий о кино), теория кино как субдисциплина до сих пор так окончательно и не сложилась. Поэтому не было ясности и о предмете, и о функциях этой субдисциплины. И это при обилии самых

разных теорий, в особенности, с середины прошлого века. Тем не менее, вклад Н. М. Зоркой в эту субдисциплину тоже значителен. Причина, на наш взгляд, в том, что, реагируя на третью волну интереса в истории науки к социологии, которая советской России начинается с рубежа 50–60-х годов XX века, Н. М. Зоркая смело вводит в свою критическую рефлексию фигуру реципиента. И не только зрителя, но слушателя, читателя, посетителя музеев и т. д. Для нее публика стала значимым слагаемым искусства как социального института. И, следовательно, она входит в теорию кино как субдисциплину в ту дверь, что была открыта социологами. С точки зрения рецепции. Видимо, одной из функций теории кино и будет отбор существующих в гуманитарных и социальных науках методологических подходов, приемов и парадигм, необходимых для исследования кино, в том числе, и для историков кино. История реципиента и рецепции для нее будет разделом в истории кино. И хотя с тех пор, когда об этом высказывалась и над этим работала Н. М. Зоркая, прошло много времени и много чего сказано, написано, открыто и объяснено, этот начатый ею проект все еще до конца не реализован. Социологический ракурс позволял Н. М. Зоркой занять критическую позицию по отношению к существующей методологии киноведения и искусствознания в целом.

Н. М. Зоркая как последователь русской «формальной школы» в отечественном литературоведении: введение массовой культуры в предмет искусствознания.

Какие же факторы способствовали успешной деятельности Н. М. Зоркой как исследователя? Здесь можно насчитать несколько таких факторов. Они для киноведения стали актуальными и позволили реализоваться Н. М. Зоркой как киноведу и кинокритику особого рода. Перечислим эти факторы.

Во-первых, Н. М. Зоркая хорошо усвоила одно из поздних открытий возникшей на рубеже 1910–1920-х годов русской «формальной» школы, представители которой на позднем этапе своей деятельности близко подошли именно к социологическому фактору [Эйхенбаум, 2007, с. 413]. Данное открытие было сделано не только формалистами, но и теоретиками упраздненной в начале 30-х Государственной академии художественных наук [Гудкова, 2019]. Для тех и других история рецепции искусства – слагаемое истории искусства. Такая установка, усвоенная у формалистов, привела к необходимости включить в поле

внимания историка те слои искусства, которые ранее оценивались как низшие, массовые. Весь этот пласт не изучался. Возникшая в XVIII веке эстетика ориентировалась на авторское искусство. Фольклор ее не интересовал. А искусствознание до возникновения теории кино как субдисциплины ориентировалось только на эстетику.

Объясняя, как у нее появился интерес к новой теме, Н. М. Зоркая говорит, что ее всегда интересовала «загадка восприятия». Она заключалась в том, что, например, фильмы М. Антониони публике не нравятся и проваливаются в прокате, а фильмы вроде мексиканской «Есении», о котором она написала, поразив своим анализом своих коллег – профессиональных кинокритиков, пользуются колоссальным спросом. Кинокритики, ее коллеги и современники, естественно, изощрались в бичевании таких фильмов и таких реципиентов. Но Н. М. Зоркая обнаружила в фильме «Есения» сказочные архетипы и объяснила, почему этот фильм нравится массовой публике и почему он лидировал в советском кинопрокате. Она нашла в фильме, а, следовательно, и в массовой культуре вообще, нечто такое, что может стать предметом внимания искусствоведа. У Н. М. Зоркой появились аргументы для критики коллег. Констатируемое противоречие в киноведении привело кинокритика Н. М. Зоркую к социологии и проблематике массовой культуры, о которой в то время в СССР еще вообще не говорили. А когда Н. М. Зоркая в середине 70-х готовила к изданию свою главную книгу, понятие «массовая культура», а оно должно было стоять в названии книги, редактор заменил словосочетанием «массовое искусство». «Тут и пошло – поехало: - признается она – социология успеха, типы рецепции, фольклорные архетипы, теории клише и т. д. и т. п. Вопросы массовой культуры в советское время были областью большой демагогии и пристального надзора – так в подзаголовке моей книги слова «массовая культура» были стыдно заменены «массовым искусством». И до сих пор в отечественном искусствоведении и культурологии царит в этой сфере большая неразбериха» [Зоркая, 1976, с. 272]. Такая позиция Н. М. Зоркой, полагаем, родилась под воздействием той реализации идей «формальной» школы, которыми позже в нашей науке займется тартусско-московская школа во главе с Ю. Лотманом. Н. М. Зоркая к трудам этой школы интерес проявляла. Об этом свидетельствует проделанный ею под воздействием концепции В. Проппа структурно-семиотический анализ жанра мелодрамы в кино.

Во-вторых, Н. М. Зоркая реагировала на кризис тех искусствоведческих парадигм, которые в советской России складывались под воздействием марксизма (марксистского искусствознания, марксистской эстетики и т. д.). В ходе становления этой парадигмы возникающие позитивные теоретические идеи в искусствознании подвергались критике, цензуре и т. д. Так, например, оригинальная философия, а именно, герменевтическая теория М. Бахтина, которой позднее, уже в ээпохи оттепели будут вдохновляться наши теоретики, как, например, и французские постструктуралисты, переписывалась в соответствии с марксистской парадигмой и даже публиковалась в 20-е годы под другим именем. По сути, развитие социологии искусства в начале 30-х годов прерывалось. Оно не соответствовало марксистской концепции искусства. Социологические исследования больше не проводились. Теория этого рода не получала развития. Эта ситуация продолжалась до середины прошлого столетия. Вместе с возрождением этой науки, активизировалась и социология кино. В этом контексте идеи Н. М. Зоркой становятся более понятными. Но даже когда запрет на социологию был снят, интерес к ней вспыхнул не сразу. В своих работах Н. М. Зоркая не раз упрекала искусствоведов за невнимание ко многим аспектам искусства и таким исследовательским направлениям, как психология и семиотика кино.

В-третьих, Н. М. Зоркая отдает отчет об уязвимых сторонах в методологии марксистского искусствознания. С рубежа 50–60-х годов в советской России возникает необходимость разрушать культивируемый опять же не без участия марксистской утопии образ реципиента как искусственно сконструированный и, можно даже сказать, виртуальный образ. Необходимо было понять, каким этот реципиент является в реальности. Ведь практика кинопроката свидетельствовала: публике нравились совсем не те фильмы, которые пропагандировали идеологически мыслящие критики. А в 60-е годы такие фильмы вообще переставали смотреть, и посещаемость кинотеатров начала падать [Жабский, 2009, с. 75]. Идеологи опасались адекватной информации об объективном анализе ситуации. С получением такой информации могли начаться куда более серьезные процессы. Приведу репрезентативный пример. В 1971 году в Эстонии было проведено первое конкретно-социологическое исследование кинозрителя, которое называлось «Киноискусство и массовая аудитория» [Киноискусство и массовая аудитория, 1971]. Его результаты не разглаша-

лись. Напечатанный на ротапринте в Институте конкретных социологических исследований отчет распространялся под грифом только «для служебного пользования». Наши идеологи опасались, не откроется ли в ходе исследования то, что скомпрометирует советскую власть.

Сначала Н. М. Зоркая разрушает опасения чиновников, требуя объективного научного анализа. Затем она предъявляет претензии искусствоведам, не жалующим и не анализирующим массивы развлекательного искусства. Она не боится говорить и писать о неразвитых вкусах массовой публики и не боится разрушить навязываемый виртуальный образ реципиента, который был сконструирован идеологией и пропагандой, представляя из себя что-то вроде гомункулоса. Она говорит: хватит утопии и призывает: давайте объективно разбираться в массовом успехе и в массовом вкусе. Разбираться с помощью не пропаганды, а науки. Хотя она и отдает отчет в неготовности искусствovedения этот вопрос решать. Но если даже и так, давайте совершенствовать методологию анализа. Так, в связи с анализом фильма Е. Бауэра «Немые свидетели» она в книге «На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910-х годов» напишет: «Труднее разбор механизмов успеха, „работающих“ там, где по традиционной искусствovedческой шкале уже простирается область внеэстетического, низкого, макулатуры. Методологией такого анализа мы, искусствovedы, еще не владеем. Соприкасаясь с тем, что, согласно нашим понятиям, „плохо“, но, тем не менее, имеет массовый успех, мы невольно переходим на тон иронии или на фельетон. Или – уходим от прямой своей задачи, незаметно подменяя объект исследования и радостно припадая к „хорошему“ в нашем привычном понимании, которое имеет в своей основе оценочный принцип. Анализировать то, что „работает“ в сфере массового успеха, избавляться от оценочного критерия, с которым просто нельзя пускаться в неведомые моря массовой культуры – мы, искусствovedы, еще только лишь учимся» [Зоркая, 1976, с. 272]. Это высказывание Н. М. Зоркой подводит нас к смыслу того открытия, которое она сделает в своей главной и не утрачивающей своего значения до сих пор книге «На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов», о чем мы скажем подробней в следующей нашей статье, публикация которой намечается в следующем номере этого журнала.

Заключение

В заключение попробуем сформулировать основную мысль, которую мы стремимся донести читателю. Происходящий в советской России в XX веке социальный эксперимент по реализации в формах государства утопии приводил к тому, что реальность, которую начали видеть сквозь сконструированную на основе марксистской теории утопическую реальность, заменялась придуманными и условными схемами. Человек был изъят из реальной истории и культуры, превратившись в вымышленное создание, предстал чем-то вроде гомункулоса. Таковой была ситуация и по эту, и по ту сторону экрана. Гомункулосом оказался и герой фильмов, но, в том числе, и зритель, вынужденный играть в эту навязанную идеологами игру. С помощью идентификации с героем он придумал и себя. Создал свой образ. Свою идентичность. Что же касается кинокритики старшего поколения, то на протяжении десятилетий она продолжала наставлять, т.е. поддерживать установки утопического государства. И все это было бы навечно, если бы с некоторых пор, а именно, после XX съезда КПСС, когда Н.С. Хрущев выступил с критикой Сталина, в обществе не возникло «нового мышления», определившее появление «новой волны» в кино, как и новой кинокритики, демонстрировавшей разрушение навязанного отношения к себе как к объекту и утверждение себя как субъекта культуры. Кинокритика нового призыва разрушала образ гомункулоса и внедряла в сознание необходимость критического осознания утопической основы создания искусственной реальности. Нужно было возвращаться в жизнь и в историю. Этому способствовали будившие мысль и новая кинокритика, и кино в целом. Что касается нашего героя – Н. М. Зоркой, то в ее работах обращала на себя внимание реабилитация прерванных традиций в отечественной культуре, в том числе, на уровне столь ненавистных прежней критике массовых предпочтений. Об этом подробнее мы выскажемся в следующей статье.

Библиографический список

1. Громов Е. С. Искусство и герменевтика в ее эстетическом и социологическом измерении. Санкт-Петербург : Алетейя, 2004. 334 с.
2. Гудкова В. В. Театральная секция ГАХН. История идей и людей. 1921–1930. Москва : Новое литературное обозрение, 2019.
3. Жабский М. И. Социокультурная драма кинематографа. Аналитическая летопись (1969–2005 гг.).

Москва : Канон – Плюс. РООИ «Реабилитация», 2009. 775 с.

4. Зоркая Н. М. История советского кино. Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. 544 с.

5. Зоркая Н. М. Как я стала киноведом. Москва : Аграф, 2011. С. 226–448.

6. Зоркая Н. М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. Москва : Наука, 1976. С. 272–304.

7. Зоркая Н. М. Уникальное и тиражированное. Средства массовой информации и репродуцированное искусство. Москва : Искусство, 1981. С. 120–167.

8. Зоркая Н. М. Государственный кинематограф СССР – зло или благо? // Конец столетия. Предварительные итоги. Культурологические записки. Выпуск 1. Москва : Государственный институт искусствознания, 1993. С. 114–134.

9. Зоркая Н. М. Хитроумный баланс журнала «Искусство кино» // Художественная жизнь России 1970-х. Исследования. Материалы. Документы. Культурологические записки. Выпуск 6. Москва : Государственный институт искусствознания, 2000. 314 с.

10. Зоркая Н. М. Государственный кинематограф 1970-х как системное целое: путь фильма от творца к зрителю // Художественная жизнь России от 1970-х к 1990-м. Культурологические записки. Выпуск 5. Москва : Государственный институт искусствознания, 1999. 314 с.

11. Киноискусство и массовая аудитория. Выпуск 1, 2. Москва : Институт конкретных социологических исследований АН СССР, 1971. 232 с.

12. Козинцев Г. М. «Привет, любовь, дружба». Семь писем Григория Козинцева Н. М. Зоркой. Предисловие и публикация Н. М. Зоркой // Родина. 1994. № 8. С. 96–99.

13. Лебедев Н. А. Внимание: кинематограф! О кино и киноведении. Статьи. Исследования. Выступления. Москва : Искусство, 1974. 439 с.

14. Нея Зоркая // Кинограф. Журнал прикладного киноведения. № 7. 1999. С. 56–77.

15. Тарковский А. А. Мартиролог. Дневники. 1970–1986. Международный институт имени Андрея Тарковского. 2008. 624 с.

16. Туровская М. И. И. А. Пырьев и его музыкальные комедии. К проблеме жанра // Киноведческие записки. 1988. № 1. С. 111–146.

17. Туровская М. И. Кино тоталитарной эпохи // Зубы дракона. Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2015. 656 с.

18. Туровская М. И. Кинопроцесс : 1917–1985 // Зубы дракона. Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2015. С. 383–411.

19. Хренов Н. А. К проблеме социологии и психологии кино 20-х годов // Вопросы киноискусства. Выпуск 17. Москва : Наука, 1976. С. 163–184.

20. Эйхенбаум Б. М. Теория «формального метода» // Эстетика и теория искусства XX века. Хрестоматия / ответств. ред. Н. А. Хренов, А. С. Мигунов. Москва : Прогресс – Традиция, 2007. 688 с.

матия / ответств. ред. Н. А. Хренов, А. С. Мигунов. Москва : Прогресс – Традиция, 2007. 688 с.

Reference list

1. Gromov E. S. *Iskusstvo i germenentika v ee jesteticheskom i sociologicheskom izmerenii = The arts and hermeneutics in its aesthetic and sociological dimension*. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2004. 334 s.

2. Gudkova V. V. *Teatral'naja sekcija GAHN. Istorija idej i ljudej. 1921–1930 = Theater section of the State Academy of Arts and Sciences. History of ideas and people. 1921–1930*. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.

3. Zhabskij M. I. *Sociokul'turnaja drama kinematografa. Analiticheskaja letopis' (1969–2005 gg.) = Sociocultural drama of cinematography. Analytical chronicle (1969–2005)*. Moskva : Kanon – Pljus. ROOI «Reabilitacija», 2009. 775 s.

4. Zorkaja N. M. *Istorija sovetskogo kino = The history of Soviet cinema*. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2005. 544 s.

5. Zorkaja N. M. *Kak ja stala kinovedom = How I became a cinema critic*. Moskva : Agraf, 2011. S. 226–448.

6. Zorkaja N. M. *Na rubezhe stoletij. U istokov massovogo iskusstva v Rossii 1900–1910 godov = At the turn of the centuries. At the origin of mass arts in Russia 1900–1910*. Moskva : Nauka, 1976. S. 272–304.

7. Zorkaja N. M. *Unikal'noe i tirazhirovanoe. Sredstva massovoj informacii i reproducirovanoe iskusstvo = The unique and the replicated. Mass media and reproduced art*. Moskva : Iskusstvo, 1981. S. 120–167.

8. Zorkaja N. M. *Gosudarstvennyj kinematograf SSSR – zlo ili blago? = State cinematography in the USSR - evil or good? // Konec stoletija. Predvaritel'nye itogi. Kul'turologicheskie zapiski. Vypusk 1*. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija, 1993. S. 114–134.

9. Zorkaja N. M. *Hitroumnyj balans zhurnala «Iskusstvo kino» = A clever balance of “The Art of Cinema” magazine // Hudozhestvennaja zhizn' Rossii 1970-h. Issledovanija. Materialy. Dokumenty. Kul'turologicheskie zapiski. Vypusk 6*. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija, 2000. 314 s.

10. Zorkaja N. M. *Gosudarstvennyj kinematograf 1970-h kak sistemnoe celoe: put' fil'ma ot tvorca k zritelju = State cinematography of the 1970s as a systemic whole: the path of the film from the creator to the audience // Hudozhestvennaja zhizn' Rossii ot 1970-h k 1990-m. Kul'turologicheskie zapiski. Vypusk 5*. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija, 1999. 314 s.

11. *Kinoiskusstvo i massovaja auditorija = The art of cinema and mass audience. Vypusk 1, 2*. Moskva : Institut konkretnyh sociologicheskikh issledovanij AN SSSR, 1971. 232 s.

12. Kozincev G. M. «Privet, ljubov', družba». Sem' pisem Grigorija Kozinceva N. M. Zorkoj = «Hello, love, friendship». Seven letters from Grigory Kozintsev to N. M. Zorkaya / pred. i publikacija N. M. Zorkoj // Rodina. 1994. № 8. S. 96–99.

13. Lebedev N. A. Vnimanie: kinematograf! O kino i kinovedenii. Stat'i. Issledovanija. Vystuplenija = Attention: cinematography! On cinema and film studies. Articles. Researches. Speeches. Moskva : Iskusstvo, 1974. 439 s.

14. Neja Zorkaja = Neya Zorkaya // Kinograf. Zhurnal prikladnogo kinovedenija. № 7. 1999. S. 56–77.

15. Tarkovskij A. A. Martirolog. Dnevniki. 1970–1986. Mezhdunarodnyj institut imeni Andreja Tarkovskogo = Martyrologist. Diaries. 1970-1986. Andrei Tarkovsky International Institute. 2008. 624 s.

16. Turovskaja M. I. I. A. Pyr'ev i ego muzykal'nye komedii. K probleme zhanra = I. A. Pyryev and his musical comedies. Towards the problem of genre // Kinovedcheskie zapiski. 1988. № 1. S. 111–146.

17. Turovskaja M. I. Kino totalitarnoj jepohi = Cinema of totalitarian epoch // Zuby drakona. Moskva : Izdatel'stvo AST : CORPUS, 2015. 656 s.

18. Turovskaja M. I. Kinoprocess : 1917–1985 = Film process : 1917-1985 // Zuby drakona. Moskva : Izdatel'stvo AST : CORPUS, 2015. S. 383–411.

19. Hrenov N. A. K probleme sociologii i psihologii kino 20-h godov = Towards a problem of sociology and psychology of the 20s cinema // Voprosy kinoiskusstva. Vypusk 17. Moskva : Nauka, 1976. S. 163–184.

20. Jejhenbaum B. M. Teorija «formal'nogo metoda» = The theory of “formal method” // Jestetika i teorija iskusstva HH veka. Hrestomatija / otvetstv. red. N. A. Hrenov, A. S. Migunov. Moskva : Progress – Tradicija, 2007. 688 s.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 28.04.2024; approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-263

EDN: RBEBBW

Основания значимости традиционной литературной нормы в детерминантах цифровой трансформации современной речевой культуры

Александр Александрович Ефанов^{1✉}, Дмитрий Александрович Фукс²

¹Кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

²Кандидат культурологии, доцент кафедры общественных наук, Литературный институт им. А. М. Горького, 123104, г. Москва, Тверской бульвар, д. 25

¹yefanoff_91@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-9979-9224>

²fuksda@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8426-9507>

Аннотация. В статье изучаются аксиологические основания значимости традиционной литературной нормы в детерминантах цифровой трансформации современной речевой культуры. Теоретико-методологической основой исследования выступает интегративный культурологический подход, базирующийся на системном подходе М. С. Кагана. Используется комплекс методов: интерпретативный анализ; системный анализ; кейс-стади. В контексте формирования литературных норм основообразующее значение отводится культуре, главной функцией которой выступает фиксация культурных состояний в конкретный период, поддерживаемый всеми участниками коммуникации – от А. С. Пушкина как основоположника русского литературного языка в его нормативном приложении до современных производителей и потребителей медиакommunikаций. Традиционная литературная норма понимается в качестве базовой категории культуры. На основе интегративного культурологического подхода анализируются факторы, определяющие состояние современной речевой культуры в воссоздаваемом публичном социальном пространстве. Делаются выводы, что традиционная литературная норма рассматривается как основополагающий концепт системы сохранения, фиксации и трансляции диалектической взаимосвязи традиционной массовой речевой культуры и актуализации значимых смысловых концептов современного цифрового континуума социального пространства, предопределенного новой медиакommunikационной парадигмой. Традиционная литературная норма представляет собой социокультурную закономерность, позволяющую очертить границы артикуляции значимых архетипических концептов общественной речевой культуры в детерминантах цифровой трансформации. Подчеркивается, что традиционная литературная норма должна сохранять статус базовой, наиболее статусной составляющей современной речевой культуры. Речевая культура, в свою очередь, берет на себя роль духовно-исторической основы, формируя стиль современной эпохи, детерминируя влияние социокультурных традиций на носителей языка в контексте государственной культурной политики.

Ключевые слова: культура; речевая культура; литературная норма; цифровая трансформация; медиакommunikации; массовая культура; медиакультура

Для цитирования: Ефанов А. А., Фукс Д. А. Основания значимости традиционной литературной нормы в детерминантах цифровой трансформации современной речевой культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 263–269. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-263>. <https://elibrary.ru/RBEBBW>

Original article

Reasons for the significance of traditional literary norms in determinants of modern speech culture digital transformation

Alexander A. Efanov^{1✉}, Dmitry A. Fuks²

¹Candidate of sociological sciences, associate professor, department of theory and practice of public relations, Russian state university for the humanities. 125047, Moscow, Miusskaya sq., 6

²Candidate of cultural sciences, associate professor, department of social sciences, Maxim Gorky Literature institute, 123104, Moscow, Tverskoy boulevard, 25

¹yefanoff_91@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-9979-9224>

© Ефанов А. А., Фукс Д. А., 2024

²fuksda@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8426-9507>

Abstract. The article studies axiological grounds for the importance of the traditional literary norm in the determinants of modern speech culture digital transformation. The theoretical and methodological basis for the study is an integrative cultural approach based on M. S. Kagan's system approach. The authors use a set of methods: interpretative analysis; system analysis; case study. In the context of forming literary norms, the fundamental importance is given to culture, the main function of which is to record culture statuses in a particular period, supported by all participants of communication – from A. S. Pushkin as the founder of the Russian literary language in its normative application to modern producers and consumers of media communications. The traditional literary norm is understood as a basic category of culture. Basing on the integrative culturological approach, the authors analyze the factors that determine the state of modern speech culture in the newly created public social space. The article concludes that the traditional literary norm is seen as a fundamental concept of the system of preserving, recording and transmitting dialectical relations between traditional mass speech culture and actualization of significant semantic concepts of the modern digital continuum of social space predetermined by the new media communication paradigm. The traditional literary norm is a socio-cultural regularity that helps to outline the boundaries of significant archetypal concepts articulation in public speech culture in the digital transformation determinants. The traditional literary norm should maintain the status of the basic, most high-status component in modern speech culture. Speech culture, in turn, assumes the role of spiritual and historical basis, shaping the style of the modern era, determining the influence of socio-cultural traditions on native speakers in the context of state cultural policy.

Key words: culture; speech culture; literary norm; digital transformation; media communications; mass culture; media culture

For citation: Efanov A. A., Fuks D. A. Reasons for the significance of traditional literary norms in determinants of modern speech culture digital transformation. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2024;(2):263–269. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-263>. <https://elibrary.ru/RBEBBW>

Введение

В детерминантах интенсивной цифровой трансформации, обусловленной влиянием современных медиакоммуникаций на общество, особые изменения проявляются на состоянии культуры. Главным отражением подобных преобразований становится речевая культура, с одной стороны, связанная с традиционной литературной нормой, с другой, – с лингвосомиотических позиций приобретающая новые проявления с учетом разворачиваемого дискурса социальных медиа [Ефанов, Осокин, 2022]. При этом важно подчеркнуть, что базисом речевой культуры остается традиционная литературная норма, апеллирующая к наследию классической литературы (начиная с нормативной кодификации, осуществленной А. С. Пушкиным – его вкладом в русскую литературу и русскую культуру в целом [Горбачевич, 1978]), которая в настоящих социокультурных реалиях на прикладном уровне актуализирует свое предназначение.

Основания значимости традиционной литературной нормы видятся в решении диалектико-диалогического вопроса о современной поэтике смыслового поля современной культуры в результате цифровой трансформации речевой культуры. Рассмотрение реализации универсалий нового социального бытия сквозь призму цифровой трансформации становится своего рода требованием, предопределенным новой медиакоммуникационной парадигмой, справедливо побуждая подвергнуть предметному анализу современную

речевую культуру в диспозиции воссоздаваемого на ее основе публичного речевого пространства.

Методология исследования

Цель настоящего исследования заключается в культурологическом обосновании значимости традиционной литературной нормы в детерминантах цифровой трансформации современной речевой культуры. Теоретико-методологической основой исследования выступает интегративный культурологический подход, базирующийся на системном подходе М. С. Кагана [Каган, 1991], рассматривающий культуру как единое целое, где все составляющие элементы взаимообусловлены друг другом и создают в силу выстроенных связей определенные свойства системы. Используется комплекс методов: интерпретативный анализ; системный анализ; кейс-стади.

Основные результаты исследования

А. М. Пешковский весьма иносказательно замечает, что литературной нормой «признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет. <...> Здоровый консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, артикулирует возможности единой мощной многовековой национальной культуры» [Пешковский, 1959, с. 54–55], включающей ее литературу и историю. Неслучайно М. В. Ломоносовым подчеркивалось: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего» [Ломоносов, 2011, с. 183].

Порядок утверждения норм современного русского литературного языка, являющегося государственным языком Российской Федерации, определяется посредством нормативного правового поля. Прежде всего, это регламентируется Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», а также Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 401 «Об утверждении списка высших учебных заведений и иных организаций, которыми проводится экспертиза грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Указ Президента...; Федеральный закон...; Приказ Министерства...].

В указанных документах устанавливается, что под литературным языком понимается язык культуры и официальный язык публичных коммуникаций (деловых коммуникаций, медиакоммуникаций и др.), – иными словами, язык образования, науки, искусства и т. д. Литературный язык регламентирован посредством установленных литературных норм. Литературная норма, в свою очередь, рассматривается в качестве совокупности правил выбора и употребления языковых средств в обществе в конкретную эпоху. А. А. Шунейко обращает внимание, что «норма собственно нормой становится только тогда, когда она кодифицирована или зафиксирована, то есть тогда, когда конкретные люди, входящие в орфографическую комиссию, состав авторов орфоэпических, толковых, орфографических и прочих словарей и справочников скажут (зафиксируют): так можно говорить / писать, а так нельзя. Творцов литературной нормы современного русского языка можно перечислить поименно. Все создатели нормы по определению принадлежат к элите. Запомним этот неочевидный для рядового носителя языка факт» [Шунейко, 2015, с. 285].

Таким образом, основным признаком литературной нормы выступает ее кодифицированность – точная официальная фиксация правил первоначально в нормативных документах, а в дальнейшем – справочной и учебной литературе, а также медиатекстах. Важно подчеркивать, что

легитимация литературной нормы становится возможной в результате кодификации не только на уровне деловой коммуникации, но и медиакоммуникаций. Неслучайно, по справедливому замечанию В. Г. Костомарова, медиа формируют «языковую вкус эпохи» [Костомаров, 1999]. В условиях новой медиакоммуникационной парадигмы данный тезис особым образом актуализируется, поскольку медиа проникли во все сферы повседневности (как следствие, стало возможным говорить о приватной и публичной медиакоммуникации), воссоздавая социальное пространство, на системных основаниях подверженное влиянию метапроцесса глубинной медиатизации.

С культурологических позиций можно уточнить, что литературная норма представляет собой систему устоявшихся идей и представлений об уровне владения (иными словами, грамотности) носителей языка, во многом детерминированную на семиотическом уровне – с точки зрения правил использования языковых и неязыковых средств речевой выразительности. Безусловно, литературная норма зависит от условий («здесь и сейчас»), в которых осуществляется речь. Однако ее нормативный характер апеллирует к сохранению устоявшихся речевых традиций в нормативном поле социума, фиксируя знаковый культурный (в том числе языковой) код страны.

В контексте формирования литературных норм основообразующее значение отводится культуре, главной функцией которой выступает фиксация культурных состояний в конкретный период, поддерживаемый всеми участниками коммуникации – от Пушкина как основоположника русского литературного языка в его нормативном приложении до современных производителей и потребителей медиакоммуникаций. Подобное утверждение оказывается полифоничным основной идее концепции культурной антропологии Л. Уайта, провозглашающего, что «культура означает процесс, в котором одна форма вырастает из другой в хронологической последовательности» [Уайт, 2004, с. 25].

Иными словами, речевая культура есть природообразующее звено традиционных форм русского литературного языка (в том числе традиционной литературной нормы), фиксирующее культурное состояние современного языка и его носителей. Подобная характеристика во многом созвучна с пониманием нормы как «исторически сложившегося, общепринятого употребления слова, словосочетания, предложения, то есть того или иного языкового знака, зафиксированного в грам-

матиках и нормативных словарях» [Голованова, Кудинова, Михайлова, 2013, с. 74]. Нормы основного национального языка являются общеобязательными для всех его носителей в практическом использовании, приобретая в знаковом выражении статус законодательного узуса. Нормы речевой культуры в этой связи должны быть стабильны, устойчивы к внешним воздействиям, долго сохраняться в неизменном виде, а значит – представлять в своем роде нематериальное культурное наследие страны, следовательно, являться гарантом понимания друг друга со стороны участников коммуникации.

Как отмечает Л. П. Крысин, «языковая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном (но при этом обычно не осознаваемом) согласовании речевых действий с возможностями системы – с тем, что предписывают нормативные словари и грамматики данного языка, – и с общепринятыми в данное время средствами и способами его использования (речевой практикой, узусом)» [Крысин, 2007, с. 14]. Несмотря на активные процессы, наблюдаемые в современном русском языке, прежде всего, обусловленные культурной апроприацией [Активные процессы..., 2022], его система сохраняет свою устойчивость в результате доминанты именно традиционной литературной нормы.

Проиллюстрировать подобные закономерности можно на основании доминирующей в настоящее время, исходя из паттернов (медиа)восприятия, визуальной культуры (по принципу «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать») [Маклюэн, 2003], которая детерминирует в современных социокультурных реалиях явление текстинга. Текстинг понимается в качестве подборки общепринятых сокращений, которая позволяет, используя минимальный набор слов или их усеченные варианты, передавать максимальный объем информации [Норма..., 2017, с. 50]. Текстинг оказал значительное влияние на культурные ценности, расширив возможности языка (на уровне соотношения вербальных и невербальных компонентов), вступив в некую антиномию с литературной нормой.

В этой связи требуется уточнить, что «частным случаем языковой нормы является литературная норма» [Осипова, 2022, с. 21]. Развивая данную мысль, следует подчеркнуть, что литературная норма по своей сути становится совокупностью накопленного и постоянно пополняемого социокультурного опыта в рамках реализованных коммуникативных ситуаций, сложившегося в результате конституирования (на основании регулярно-

сти и системности осуществления) определенных коммуникативных практик, выраженного посредством определенных знаков, символов и несущего в себе смыслы.

Так, короткое сообщение в социальных медиа (социальных сетях, мессенджерах и проч.) приобретает трезвучие контекстов (смысловых оттенков), сходных по содержанию и абсолютно разных по смысловому наполнению. Один смайл в послании рождает несколько различных, не сходных между собой эмоциональных оттенков и, как следствие, психологических реакций: например, юмор превращается в сарказм, улыбка воспринимается насмешкой, подмигивание расценивается как заигрывание и т. п. Декодировать заложенные смыслы становится возможным в результате предметной фиксации не только вербального и невербального рядов, но и культурных контекстов, в своей совокупности раскрывающих социокультурные значения.

Указанные закономерности актуализируют роль лингвокультурных факторов, обеспечивающих способность личности корректно формулировать собственные мысли – крайне точно их реализовывать посредством речевых посланий. Как следствие, субъект может оказаться «верно понятым», а значит – принятым, точно увиденным и безошибочно услышанным. Подобные мотивы во многом предопределяют базовые социокультурные процессы – идентификации и социализации.

Современная речевая культура изучает во взаимосвязи все явления, факты, события в непрерывной связи пространства современного жизненного мира. Для фиксации особенностей речевой культуры, детерминированной современными медиакоммуникациями, следует обратить внимание на основные функции языка, провозглашенные Р. О. Якобсоном:

- 1) аккумулятивную – накопление знаний человека о мире;
- 2) коммуникативную – передачу информации в процессе коммуникации;
- 3) когнитивную – реализацию мыслительных практик;
- 4) эмотивную – отражение сенсуалистских компонентов;
- 5) метаязыковую – проверку канала коммуникации (на уровне языка, особенности знакового транслирования);
- 6) поэтическую – обозначение направленности внимания на сообщение ради самого сообщения, а не ради других элементов коммуникации [Якобсон, 1987, с. 186–189].

Р. О. Якобсон считает поэтическую функцию наиболее важной, тем самым указывая на несовершенство упрощенного понимания сущности речевых практик. В детерминантах цифровой трансформации современной речевой культуры, обусловленных новой медиакоммуникационной парадигмой, значение поэтической функции особым образом актуализируется. Поэтическая функция публичных произведений, дистрибуцированных в социальных медиа, за счет используемого динамичного выразительного изобразительного ряда (предопределившего формирование клиповой культуры [Тоффлер, 2009]) в большей степени ориентируется на форму, а не содержание. Как следствие, для современных произведений становятся характерными упрощения, отражающиеся на семантическом и языковом уровнях.

Обилие заимствований, возникшее из-за сленгирования речи (*хайт, кринж, краш, рофл* и др.), активно распространяется со стороны различных субъектов медиакоммуникаций – как институционализированных акторов (публичных персон – телеведущих, блогеров и проч., – имеющих целевую аудиторию и, соответственно, «кредит доверия» с ее стороны), так и рядовых пользователей социальных медиа. При этом вторая группа носителей языка во многом заимствует модели поведения лидеров общественного мнения, прежде всего, инфлюенсеров, атрибутивно (в том числе на уровне языкового поведения) транслируя продвигаемые социокультурные тренды. Указанные закономерности одновременно отражаются как на массовой культуре, так и речевой культуре.

Характерные для современной речевой культуры тенденции (обилие иноязычных заимствований; упрощение семантики; нарушение общих грамматических правил литературного языка) обуславливают нарушение гармонии содержания и формы русской словесности. Гармония содержания и формы русского слова объясняется его неповторимой уникальностью и многообразием речевых оттенков, витальностью русской словесности, интерпретацией социокультурных концептов (нравственных, эстетических, этических и др.).

Языковые процессы, наблюдаемые в детерминантах цифровой трансформации современной речевой культуры, приводят к «размыванию четких стилиевых границ, впоследствии интенсифицируя распространение элементов некодифицированной разговорной речи, а также речевых ошибок разного типа и содержания: акцентологических, лексических, грамматических» [Фукс, 2022, с. 202] и проч. Популяризируемые со стороны со-

временных медиакоммуникаций языковые образцы все чаще входят в противоречие с традиционной литературной нормой, с лингвокультурных и лингвоэкологических позиций представляя своего рода вызов для академического сообщества и государственных структур – с точки зрения необходимости системной рефлексии и разработки программных решений.

Заключение

На основании вышеизложенного традиционная литературная норма рассматривается как основополагающий концепт системы сохранения, фиксации и трансляции диалектической взаимосвязи традиционной массовой речевой культуры и актуализации значимых смысловых концептов современного цифрового континуума социального пространства, предопределенного новой медиакоммуникационной парадигмой. Традиционная литературная норма в то же время представляет собой социокультурную закономерность, позволяющую очертить границы артикуляции значимых архетипических концептов общественной речевой культуры в детерминантах цифровой трансформации.

Указанная интерпретация с культурологических позиций способствует наиболее эффективному и точному определению современных ценностно-смысловых оснований современных тенденций и моделей культуры литературной нормы и ее практики в условиях новой медиакоммуникационной парадигмы. В этой связи важно подчеркнуть, что традиционная литературная норма должна сохранять статус базовой, наиболее статусной составляющей современной речевой культуры. Речевая культура, в свою очередь, берет на себя роль духовно-исторической основы, формируя стиль современной эпохи, детерминируя влияние социокультурных традиций на носителей языка в контексте государственной культурной политики.

Библиографический список

1. Активные процессы в русском языке новейшего периода : учебное пособие / под ред. Т. Б. Радбиля. Москва : ФЛИНТА, 2022. 232 с.
2. Голованова Д. А., Кудинова Р. И., Михайлова Е. В. Краткий курс по русскому языку и культуре речи. 3-е изд., стер. Москва : Окей-книга, 2013. 143 с.
3. Горбачевич К. С. Нормы современного литературного языка. Москва : Просвещение, 1978. 239 с.
4. Ефанов А. А., Осокин А. А. Дискурс социальных медиа: к проблеме интерпретации // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 3. С. 509–527.
5. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное

знание : Избр. ст. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1991. 383 с.

6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Издание 3-е, испр. и доп. Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. 280 с.

7. Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 5–17.

8. Ломоносов М. В. О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. 848 с.

9. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. Москва ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.

10. Норма и вариативность в языке и речи : сб. науч. трудов // РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания / отв. ред. Е. А. Казак (Сер. Теория и история языкознания). Москва : ИНИОН РАН, 2017. 193 с.

11. Осипова Е. А. Русская словесность в эпоху цифровой глобализации // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 1 (44). С. 16–23.

12. Пешковский А. М. Избранные труды. Москва : Учпедгиз, 1959. 250 с.

13. Приказ Министерства образования и науки РФ от 29 декабря 2008 г. № 401 «Об утверждении списка высших учебных заведений и иных организаций, которыми проводится экспертиза грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

14. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова и др. Москва : АСТ, 2009. 795 с.

15. Уайт Л. Избранное : Наука о культуре [пер. с англ. О. Р. Газизова, П. В. Резвых]. Москва : РОССПЭН, 2004. 959 с.

16. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

17. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации».

18. Фукс Д. А. Современная репрезентация речевой культуры развлекательных телевизионных программ в новых условиях цифровой трансформации медиа // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 4. С. 197–204.

19. Шунейко А. А. Литературная норма русского языка и его носители : точки пересечения // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 283–300.

20. Якобсон Р. О. Работа по поэтике / сост. и общ. ред. М. А. Гаспарова; доступ. ст. В. В. Иванова. Москва : Прогресс, 1987. 460 с.

Reference list

1. Aktivnye processy v russkom jazyke novejshego perioda = Active processes in the Russian language of the current period : uchebnoe posobie / pod red. T. B. Radbilja. Moskva : FLINTA, 2022. 232 s.

2. Golovanova D. A., Kudina R. I., Mihajlova E. V. Kratkij kurs po russkomu jazyku i kul'ture rechi = A concise course on the Russian language and speech culture. 3-e izd., ster. Moskva : Okej-kniga, 2013. 143 s.

3. Gorbachevich K. S. Normy sovremennogo literaturnogo jazyka = Norms of modern literary language. Moskva : Prosveshhenie, 1978. 239 s.

4. Efanov A. A., Osokin A. A. Diskurs social'nyh media: k probleme interpretacii = Social media discourse: towards the problem of interpretation // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2022. T. 11. № 3. S. 509–527.

5. Kagan M. S. Sistemnyj podhod i gumanitarnoe znanie = System approach and humanitarian knowledge : Izbr. st. Leningrad : Izd-vo LGU, 1991. 383 s.

6. Kostomarov V. G. Jazykovoju vkus jepohi = Linguistic taste of the epoch. Izdanie 3-e, ispr. i dop. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 1999. 280 s.

7. Krysin L. P. Russkaja literaturnaja norma i sovremennaja rechevaja praktika = Russian literary norm and modern speech practice // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. 2007. № 2 (14). S. 5–17.

8. Lomonosov M. V. O sohranении russkogo naroda = On preserving the Russian people / sost. i отв. red. O. A. Platonov. Moskva : Institut russkoj civilizacii, 2011. 848 s.

9. Makl'ujen G. M. Ponimanie Media : Vneshnie rasshirenija cheloveka = Understanding the media : External human extensions / per. s angl. V. Nikolaeva; Zakl. st. M. Vavilova. Moskva ; Zhukovskij : KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2003. 464 s.

10. Norma i variativnost' v jazyke i rechi = Norm and variation in language and speech : sb. nauch. trudov // РАН. ИНИОН. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. Jazykoznanija / отв. ред. Е. А. Казак (Сер. Теория и история языкознания). Москва : ИНИОН РАН, 2017. 193 с.

11. Osipova E. A. Russkaja slovesnost' v jepohu cifrovoj globalizacii = Russian literature in the era of digital globalization / Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2022. № 1 (44). S. 16–23.

12. Peshkovskij A. M. Izbrannye trudy = Selected works. Moskva : Uchpedgiz, 1959. 250 s.

13. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 29 dekabrya 2008 g. № 401 «Ob utverzhenii spiska vysshih uchebnyh zavedenij i inyh organizacij, kotorymi provoditsja jekspertiza grammatik, slovarej i spravocnikov, soderzhashhij normy sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka pri ego ispol'zovanii v kachestve gosudarstvennogo jazyka Rossijskoj Federacii» = The Order of the Ministry of Education and Science of the RF of December 29, 2008, No. 401 “On approving the list of higher educational institutions and other organizations conducting expert examination of grammars, dictionaries and reference books containing the norms of the modern Rus-

sian literary language when it is used as the state language of the Russian Federation”.

14. Toffler Je. *Tret'ja volna = The third wave* / per. s angl. K. Ju. Burmistrova i dr. Moskva : AST, 2009. 795 s.

15. Uajt L. *Izbrannoe : Nauka o kul'ture = Selected works: The science of culture* / per. s angl. O. R. Gazizova, P. V. Rezvyh. Moskva : ROSSPJeN, 2004. 959 s.

16. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniju i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» = Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 “On approving the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening traditional Russian spiritual and moral values”.

17. Federal'nyj zakon ot 28 fevralja 2023 g. № 52-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O gosudarstvennom jazyke Rossijskoj Federacii» = Federal Law

No. 52-FZ of February 28, 2023 “On amendments to the Federal Law ‘On the State Language of the Russian Federation’.

18. Fuks D. A. *Sovremennaja reprezentacija rechevoj kul'tury razvlekatel'nyh televizionnyh programm v novyh uslovijah cifrovoj transformacii media = Contemporary representation of speech culture in entertainment television programs under new conditions of digital media transformation* // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2022. № 4. S. 197–204.

19. Shunejko A. A. *Literaturnaja norma russkogo jazyka i ego nositeli : tochki peresechenija = The literary norm of the Russian language and its speakers : intersection points* // *Lingvokul'turologija*. 2015. № 9. S. 283–300.

20. Jakobson R. O. *Rabota po pojetike = Work on poetics* / sost. i obshh. red. M. A. Gasparova; dostup. st. V. V. Ivanova. Moskva : Progress, 1987. 460 s.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 29.04.2024; approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024

ПРАВИЛА ПРИЁМА РЕДАКЦИЕЙ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА РУКОПИСИ СТАТЬИ К РАССМОТРЕНИЮ О ПУБЛИКАЦИИ

Направляемая в редакцию статья должна быть оригинальной, не опубликованной ранее в других изданиях и не отправленной на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий, опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати), и материалы автора такой статьи не будут более приниматься к публикации в научных журналах ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Объем научной статьи одного автора должен быть не менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи двух-трех авторов должен быть не менее 40 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи, написанной более чем тремя соавторами, должен быть не менее 50 000 знаков с пробелами и не превышать 70 000 знаков с пробелами.

Особые случаи объема и количества соавторов статьи, написанной на основе эксперимента, решаются главным редактором журнала.

Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Статья в журнал проходит двойное слепое рецензирование и получает рекомендацию одного члена редакционной коллегии, одного внешнего рецензента и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на дополнительную независимую экспертизу.

При наличии замечаний, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензентов.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентами, может быть опубликована в течение года.

Статья проверяется редактором журнала на оригинальность в системе Антиплагиат (оригинальность текста должна быть не ниже 80%).

Автор самостоятельно или в соавторстве может быть опубликован в журнале в течение календарного года единожды. Особые случаи повторной публикации решаются главным редактором журнала.

Научные статьи принимаются редакцией в электронном виде на почту редакции журнала tatyana.sharkovasid@mail.ru в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения редакционного портфеля. Все особые случаи очередности публикации статей решаются главным редактором.

Авторский экземпляр журнала автор получает согласно оформленной подписке.

Аспиранту для публикации статьи необходимо предоставить редактору журнала справку из отдела аспирантуры и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Соискателю ученой степени для публикации статьи необходимо предоставить в редакцию журнала справку

из отдела кадров организации, к которой прикреплен соискатель, и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Рукопись, рекомендованная рецензентами, принимается к публикации только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах. Форма лицензионного соглашения высылается автору редактором журнала.

Требования к оформлению научной статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc, docx.

Перед текстом статьи необходимо указать

- Индекс УДК.
- Отрасль науки и шифр специальности (по номенклатуре ВАК), по которым написана статья.
- Идентификационный номер автора в ORCID.
- Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и ученое звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.
- Название статьи на русском и английском языках.

Аннотация:

- должна быть написана на русском и английском языках;
- не может быть компиляцией текста статьи;
- должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;
- должна содержать описание хода исследования, наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность и выводы, итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования;
- в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур;
- не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;
- в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;
- текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;
- объем каждой аннотации должен составлять от 180 до 250 слов.

Ключевые слова – не менее 7 и не более 12, разделенных точкой с запятой (на русском и английском языках).

Текст статьи должен быть обязательно разделен на смысловые части.

1. Обязательные:

ВВЕДЕНИЕ

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

2. Возможные:

Актуальность

Постановка проблемы

Обзор литературы

База исследования

Методология исследования

Теоретические основания исследования

Организация исследования

Результаты и их обсуждения

Результаты и дискуссия

Анализ результатов исследования

Выводы

И другие

Постраничные сноски в статье не допускаются!

Примечания отмечаются в тексте цифрами (1, 3 и т. д.) и размещаются после библиографического списка.

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)

Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (Например: автор, книга, журнал и т. д.).

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений.

При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице или их ненадлежащем качестве исполнения редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

В десятичных дробях указывать в виде разделительного знака запятую (0,92), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,5; 0,022).

Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!

Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.

При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее – только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.

После текста статьи обязателен **библиографический список**, оформленный в алфавитном порядке в соответствии с требованиями редакции.

Каждый источник, указанный в библиографическом списке, должен иметь ссылку в тексте.

Библиографический список должен содержать не менее 20 источников, в том числе не менее 50% изданных за последние 5 лет, а также максимально возможное количество источников на иностранном языке (Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим этим условиям).

Ссылки на свои работы – не более 10%.

Во всех источниках должны быть проставлены: полностью город и издательство, страницы, год выпуска.

Примеры оформления библиографического списка и ссылок представлены на сайте журнала в специальном разделе.

Если присланные материалы не отвечают перечисленным требованиям, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Воронина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 34 п. л., 29,36 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.

Печать ризографическая. Заказ № 111. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 18.07.2024

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44

Тел.: (4852) 32 98 69